ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 11, выпуск 3, 2022

Nauchnyi Dialog

Volume 11, Issue 3, 2022

ISSN 2225-756X

Научный диалог

Том 11, выпуск 3, 2022

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • EBSCO • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniop@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	Исторические науки Литературоведение Языкознание	
География авторов выпуска	Далянь (Китай) Екатеринбург Елабуга Елец Каир (Египет) Краснодар Липецк Минск (Беларусь)	Москва Нижний Новгород Омск Пятигорск Санкт-Петербург Северодвинск Симферополь Ульяновск Хух-хото (Китай) Челябинск
Авторы, имеющие ученую степень	84 %	

Дата выхода в свет 25.04.2022

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 11, Issue 3, 2022

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publicher	Centr naučnyh i obrazovatel′nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• EBSCO • RSCI — All published articles are publicly available for reading and citing on the journal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор
Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия
Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Языкознание. Медиакоммуникации. Журналистика
Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Андреана Борисова Ефтимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)
Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)
Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)
Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)
Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)
Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)
Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)
Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Английский перевод аннотаций: Ирина Волгина

Editor-in-Chief:
Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana Vladimirovna Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM
Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Andreana Borisova Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Timur Benyuminovich Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE
Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Aleksey Valerievich Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)
Irina Leonardovna Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno)
Olga Yurevna Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)
Tatsiana Vasilyevna Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)
Ivan Ivanovich Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)
Irina Romualdovna Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)
Yuri Dmitrievich Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Содержание

Языкознание

Аккуратова И. Б., Дойникова М. И. Образование неологизмов с англоязычным компонентом «Lockdown» в современном немецком языке 9

Ань Лихун. Сложноподчиненное и простое предложения : вопросы переводческого соответствия в русском и китайском языках 28

Воскресенская Н. А., Гулик О. О., Малышева Т. С. Семантическая типология лексики пандемии : ковид-неологизмы в английском, французском и немецком языках 44

Лату М. Н., Левит А. А., Гаврилова М. Б. Моделирование статического поликодового текста посредством сетевого анализа (демотиватор, посвященный проблемам самоизоляции) 62

Ли Сяогэ. Первая морфема в сложносокращенных словах современного китайского языка (лексика эпохи коронавируса) 78

Миронова А. А., Чуносова И. А. Лексическое своеобразие региональных православных церковно-приходских летописей 96

Мокиенко В. М. Паремиология Петровской эпохи как исторический источник 114

Ручина Л. И. Опыт экспериментального исследования социально значимых концептов в современном русском языковом сознании (концепт ДЕМОКРАТИЯ) 135

Титаренко Е. Я., Балацкая Ю. Ю. Аспектуальность и вариативность глагольных фразеологизмов в русском языке и речи 152

Медиакоммуникации и журналистика

Абу эль-Иля М. А. М. Прагматический потенциал обозначений древнеегипетских реалий в современных российских СМИ 172

Виноградов С. Н., Шавлюк В. Б. Текстово-речевое моделирование адресата рекламы учебных курсов 194

Гладко М. А. Метафора как инструмент реализации рекреативной функции в информационном теледискурсе 211

Дубовицкая М. А. Американский графический роман : мультимодальность и идентичность 228

Радионцева Е. С. Эмоциональные и эстетические ценности как основа популярности ТВ-программ : опыт сопоставительного анализа 247

Литературоведение. Фольклористика

Киселева И. А., Поташова К. А. Набросок Лермонтова «У России нет прошедшего…» в контексте «восточного вопроса» : к проблеме художественной историософии поэта 265

Мещанский А. Ю., Савелова Л. А. Великая Отечественная война в современном драматургическом дискурсе 284

Подоксенов А. М., Телкова В. А. Пришвин и Бухарин : драма советского вождя глазами писателя 301

Сейбель Н. Э., Шастина Е. М. Дихотомия «своего» и «чужого» в структуре Восточных заметок Ф. Зальтена, Ф. Верфеля, Э. Канетти 319

Исторические науки

Алеврас Н. Н., Гришина Н. В. Докторская диссертация в советской диссертационной системе : опыт защит в 1930-х — начале 1940-х годов 337

Баканов С. А., Медведев И. А., Пивоваров Н. Ю. Формы и практики межбюджетных отношений в СССР в 1950-е — первой половине 1960-х годов 355

Иванов А. А. Правые политические движения России начала XX века : отношение к вооруженным силам 376

Ишин А. В. Повстанческое движение «бело-зеленых» в Крыму в первой половине 1920-х годов : национальные, идеологические, структурные особенности 395

Клинов А. С. Тибет во Второй мировой войне 415

Лахтионова Е. С. Деятельность общественных и политических акторов по охране объектов индустриального наследия в Свердловской области (1960—1980-е годы) 439

Марков Р. С. Всенародные выборы губернаторов в условиях трансформации федеративных отношений постсоветской России (начало 1990-х — середина 2000-х годов) 456

Пашкин А. Г., Мухамедов Р. А. Участие органов НКВД и прокуратуры в обеспечении строительства Куйбышевского оборонительного рубежа (ноябрь 1941 — январь 1942 годов) 477

Шаманаев А. В. Сохранение культурного наследия Крыма в условиях Первой мировой войны : деятельность Таврической ученой архивной комиссии 494

АВТОРАМ 514

CONTENTS 520

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS

Александра Анатольевна Миронова, д-р филол. наук (Челябинск)
Алина Александровна Левит, преподаватель (Пятигорск)
Ань Лихун, доктор, научный сотрудник (Далянь, Китай)
Валерий Михайлович Мокиенко, д-р филол. наук (Москва)
Елена Яковлевна Титаренко, д-р филол. наук (Симферополь)
Ирина Александровна Чуносова, преподаватель (Челябинск)
Ирина Борисовна Аккуратова, канд. филол. наук (Москва)
Ли Сяогэ, аспирант (Хух-хото, Китай)
Людмила Ивановна Ручина, канд. филол. наук (Нижний Новгород)
Максим Николаевич Лату, канд. филол. наук (Пятигорск)
Марина Игоревна Дойникова, канд. филол. наук (Москва)
Мария Борисовна Гаврилова, преподаватель (Пятигорск)
Наталья Александровна Воскресенская, канд. филол. наук (Нижний Новгород)
Оксана Олеговна Гулик, канд. филол. наук (Нижний Новгород)
Татьяна Сергеевна Малышева, канд. филол. наук (Нижний Новгород)
Юлия Юрьевна Балацкая, преподаватель (Симферополь)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Аккуратова И. Б. Образование неологизмов с англоязычным компонентом «Lockdown» в современном немецком языке / И. Б. Аккуратова, М. И. Дойникова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 9—27. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-9-27.

Akkuratova, I. B., Doynikova, M. I. (2022). Formation of Neologisms with English Component 'Lockdown' in Modern German. *Nauchnyi dialog, 11(3):* 9-27. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-9-27. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-9-27

Образование неологизмов с англоязычным компонентом «Lockdown» в современном немецком языке

Аккуратова Ирина Борисовна [1]
orcid.org/0000-0002-0805-3321
кандидат филологических наук, доцент
кафедра второго иностранного языка
irina_akkuratova@mail.ru

Дойникова Марина Игоревна [2]
orcid.org/0000-0002-5361-2567
кандидат филологических наук, доцент
кафедра немецкого языка
doynikovami@mail.ru

[1] Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия)

[2] Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия)

Formation of Neologisms with English Component 'Lockdown' in Modern German

Irina B. Akkuratova [1]
orcid.org/0000-0002-0805-3321
PhD in Philology, Associate Professor
Department of the Second Foreign Language
irina_akkuratova@mail.ru

Marina I. Doynikova [2]
orcid.org/0000-0002-5361-2567
PhD in Philology, Associate Professor
Department of German Language
doynikovami@mail.ru

[1] Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

[2] Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

© Аккуратова И. Б., Дойникова М. И., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В период пандемии лексикон немецкого языка пополнился социально-значимыми ключевыми словами, среди которых англицизм «Lockdown». Изучение новообразований на базе социально-значимых производящих основ является важным для исследования динамики словообразовательных процессов в современном немецком языке, что определяет актуальность данной работы. Анализ новообразований с компонентом «Lockdown» осуществляется с позиции структурно-семантического описания лексем. Материалом для анализа послужили неологизмы из немецкоязычных печатных онлайн-публикаций, а также лексемы из электронной базы данных OWID. Доказано, что доминирующими номинациями с компонентом «Lockdown» являются имена существительные, данное явление отражает тенденцию к субстантивации и универбации в немецком языке. Выявлены также некоторые адъективные композиты. Описываются глагольные номинации, представленные двумя словами *lockdownen* и *downlocken (down locken)*. Показано, что англицизм «Lockdown» способен образовывать с заимствованными и исконными морфемами дериваты, а также создавать словосочетания с другими языковыми единицами. Приводятся примеры окказионализмов-контаминантов, образованных по аналогии со словом *Lockdown*. Установлено, что композиты с метафорическим значением призваны выразить отношение языковой личности к реалиям. Выявлена дифференциация неологизмов-синонимов в семантическом и стилистическом планах.

Ключевые слова:
неологизм; окказионализм; метафоризация; синонимия; стилистическая дифференциация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

During the pandemic, the German language lexicon was replenished with socially significant keywords, including anglicism ‘Lockdown’. The study of new formations on the basis of socially significant generating bases is important for studying the dynamics of word-formation processes in modern German, which determines the relevance of this work. The analysis of neoplasms with the ‘Lockdown’ component is carried out from the standpoint of the structural and semantic description of lexemes. The material for the analysis was neologisms from German printed online publications, as well as lexemes from the electronic database OWID. It is proved that the dominant nominations with the ‘Lockdown’ component are nouns, this phenomenon reflects the tendency towards substantiation and univerbation in the German language. Some adjectival composites have also been identified. Verbal nominations, represented by two lexemes with a structural feature: *lockdownen* and *downlocken (down locken)* are described. It is shown that ‘Lockdown’ anglicism is able to combine with borrowed and native roots and morphemes, forming composites, derivatives and phrases. Examples of the creation of occasional contaminants formed by analogy with the word ‘Lockdown’ are given. It has been established that composites with a metaphorical meaning are designed to express the attitude of a linguistic personality to realities. The differentiation of neologisms-synonyms in semantic and stylistic terms is revealed.

Key words:
neologism; occasionalism; productivity; metaphorization; synonymy; stylistic differentiation.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’373.45+811.112.2’373.611

Образование неологизмов с англоязычным компонентом «Lockdown» в современном немецком языке

© Аккуратова И. Б., Дойникова М. И., 2022

1. Введение = Introduction

Описание словотворческих процессов не мыслится сегодня без изучения их связи с повседневной действительностью, культурой, языковой личностью. Поэтому фокус исследования таких явлений сместился в плоскость антропоцентрической парадигмы, где мерой всех вещей является человек. Любой акт номинации носит творческий характер, новые языковые единицы представляют собой продукт креативного осмысления и конструирования мира [Ирисханова, 2004]. Е. С. Кубрякова подчеркивает, что «всякое новое слово выступает как результат обобщенно-мыслительной деятельности человека, продукт осмысления особенностей называемого предмета, результат выделения одного признака из многих» [Кубрякова, 2012, с. 33]. В словообразовательных процессах отмечается экспериментально-инновативный подход к языку, результатом которого является пополнение словарного состава неузуальными лексическими единицами [Polzin, 1997]. В лингвистической литературе подчеркивается связь между появлением нового окказионализма и затраченными усилиями на его «производство», что обусловлено прагматическими целями словотворчества, при этом делается акцент на желании привлечь внимание реципиента и вызвать его интерес к новому номинативному знаку [Dargiewicz, 2013, с. 262].

В период пандемии словарь немецкого языка пополнился неологизмами, вербализующими актуальные процессы, явления нашей жизни, а также отношение к ним человека. Новообразования, содержащие иноязычные компоненты, представляют особый интерес для лингвистов, так как заимствованные лексемы периода пандемии являются «ключевыми словами социокультурного пространства» исследуемого периода [Лингвокультурные ..., 2020]. Они представляют пласт социально-значимых производящих слов, играющих важную роль в деривационных процессах [Рацибурская, 2020]. «Вокруг таких слов обычно происходит быстрый, лавинообразный процесс роста производных» [Там же, с. 33], в которых «находят свое отражение когнитивные, культурные и ценностные приоритеты современного общественного сознания, новые коммуникативные потребности» [Социокультурные …, 2018, с. 4—5]. Одним из ключевых слов периода пандемии является англоязычная лексема *Lockdown* (локдаун), ставшая базисом для

CC BY

образования огромного поля неологизмов в немецком языке. Словообразовательные единицы на базе социально-значимых производящих основ периода пандемии, ключевые словообразовательные модели в соответствующем деривационном пространстве дают представление о динамике словообразовательных процессов в современном немецком языке, что определяет актуальность данного исследования. Настоящая работа представляет собой попытку описания лингво-когнитивных механизмов образования неологизмов с англоязычным базисом *Lockdown* в современном немецком языке, что отражает новизну работы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Тема образования неологизмов в период пандемии на материале немецкого языка в специальной литературе довольно хорошо освещена. Авторами научных статей рассмотрен социокультурный аспект появления неологизмов, описаны формально-структурные характеристики лексических инноваций, их семантические типы [Никитина и др., 2020; Москвитин, 2021; Юшкова, 2021]; определены тематические области распространения новообразований, выявлены их словообразовательные особенности [Аккуратова, 2021; Дойникова, 2022; Нагуманова, 2021; Нефедова, 2021].

Цель нашего исследования состоит в выявлении структурно-семантических особенностей неологизмов с компонентом *Lockdown.* Лексема *lockdown* в английском языке с начала 1970-х годов использовалась только в отношении заключенных, которым не разрешалось покидать свои камеры в течение некоторого времени, например, после бунта. Начиная с 1980-х годов, данное слово стало использоваться в контексте ситуаций, связанных с оцеплением какого-либо района города в целях безопасности, при этом свобода передвижения в пределах такого района ограничивалась. В этом значении лексема *Lockdown* была заимствована немецким языком, и в марте 2020 года она вошла в широкое обращение в немецком языке. При этом графической ассимиляции в языке-преемнике не произошло. Авторитетное «Общество немецкого языка» (*Die Gesellschaft für deutsche Sprache*), которое исследует изменения, происходящие в немецком языке, признало лексему *Lockdown* англицизмом 2020 года. Жюри выбрало именно это слово, потому что оно наиболее часто использовалось в дискуссиях о сдерживании пандемии. Локдаун стал ключевым понятием, отражающим новую реальность, новые правила жизни, связанные с множеством ограничений для человеческой деятельности и даже запретов, а также «ключевым элементом социо-культурного пространства» [Замальдинов, 2018, с. 121]. Лексема быстро интегрировалась в лексико-семантическую систему немецкого языка, вошла в состав новых слов-композитов.

Материалом для нашего анализа послужили новообразования из немецкоязычных печатных онлайн-публикаций, а также лексемы из онлайн-словаря неологизмов, размещенного на портале Института немецкого языка им. Лейбница OWID (Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch — электронная информационная система словарного состава немецкого языка) «Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie» / Новый словарный фонд периода пандемии коронавируса [NWC, 2021].

Анализ новообразований с компонентом *Lockdown* осуществлялся нами с позиции структурно-семантического описания лексем. В работе использовались следующие методы исследования: метод словообразовательного анализа, метод морфемного анализа, метод компонентного анализа, метод контекстуального анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Словообразовательная продуктивность компонента *-down*

Любое порождение новых языковых знаков, с одной стороны, предполагает осмысление человеком фрагментов действительности и применение им определенных языковых способов и средств в актах номинации, что подразумевает взаимодействие когнитивного и эмоционального стимулов. С другой стороны, учеными подчеркивается универсальность процессов, которые лежат в основе любой продуктивной деятельности: яркой, необычной либо рутинной [Fauconnier, 1999]. Перед языковой личностью в современном мире стоит важная задача: в фонде языка необходимо найти подходящие языковые ресурсы для объективации нового знания, то есть для вербализации представлений о новых предметах и явлениях. При этом должны приниматься во внимание также когнитивные способности реципиента, которые активизируются в процессе распознавания смысла новой лексемы.

Языковая личность понимается здесь как «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик, 2002, с. 99], «характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [Богин, 1980, с. 3], трактуется как «личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов, 2019, с. 38].

Образование новых слов происходит часто под влиянием действия аналогии. Определенная модель образования слова может вызвать «рождение» окказионализмов, которые реализуют творческие потенции индивида, его способности применять возможности языка, его глубинные силы [Земская, 2009, с. 180]. Е. А. Земская пишет: «Аналогия — это тот механизм, который позволяет понимать новое слово, создавая опору на существую-

CC BY

щее. Без аналогичного сопоставления, аналогичного фона новое слово не может быть понято и, следовательно, не может существовать» [Там же, с. 184]. Образцом может выступать конкретное слово, словообразовательная модель, ассоциативный фон. Динамика словообразовательных процессов становится более яркой при создании именно слов-окказионализмов и неузуальных лексем.

Так, под влиянием частотного использования лексемы *Lockdown* вследствие ее новизны произошло высвобождение компонента *down* и его становление как новой словообразовательной морфемы, служащей базой для создания ряда новых слов. Компонент *down* как часть лексемы *Lockdown* в новых словах имеет семантический оттенок, связанный с остановкой либо прекращением какой-либо деятельности, а сама лексема *Lockdown* оказалась образцом для создания новых лексических единиц.

В статье под названием *Der Ex-Beatle im Rockdown* (Экс-солист «Битлз» в рокдауне) говорится об отмене концертов сэра П. Макартни из-за введенных ограничений в период пандемии: ***Der Rockdown*** *von Sir James Paul McCartney dauert an, ein Ende ist nicht abzusehen* (Ph. Roser. Der Ex-Beatle im Rockdown // Nodbayern, 03.01.2021) / Отмена выступлений (букв. «рокдаун») сэра П. Макартни продолжается, конца этому не видно [АА]. Вынужденное длительное пребывание дома для артистов и спортсменов нашло отражение в лексеме ***der Hockdown*** (букв. сидение без дела): *Ihr Möbel ist ein schwarzer Hocker — Sinnbild des Lockdown, der für Bewegungsprofis ein unerträglicher Hockdown gewesen sein muss* (P. Surber. Aus dem Hockdown auf die Bühne // Saiten, 21.06.2020) / Их мебель — это черный табурет, символ локдауна, который (локдаун) для спортсменов, должно быть, был невыносимым «сидением» / пребыванием дома) [АА].

По аналогии с лексемой *Lockdown* немецкий комедийный актер сконструировал слово ***Lachdown*** (прекращение смеха, букв. «смехдаун»)*: Auch Comedian Michael Mittermeier litt unter den damaligen Einschränkungen im Frühjahr. “Lockdown bedeutete für mich Lachdown” ...* (Michael Mittermeier: Lockdown bedeutete für mich Lachdown // RedaktionsNetzwerk Deutschland, 30.10.2020) / Комик Майкл Миттермайер также пострадал от весенних ограничений. «Изоляция означала для меня конец смеха» … [АА].

Обильный снегопад в период локдауна, способствующий также замедлению социальной активности, получил название ***der Flockdown*** (безэквивалентная лексема ‘прекращение активной социальной деятельности из-за непогоды’): *Die Autos sind kaum wiederzufinden, es ist glatt und kalt, die Menschen klammern sich an ihre Heizkörper ... Flockdown hilft Lockdown* (H. Schumacher. Flockdown und Lockdown // Berliner Morgenpost, 13.02.2021) / Машины снова трудно найти, скользко и холодно, люди «це-

CC BY

пляются» за радиаторы … Непогода, вызванная обильными снегопадами и морозами, в помощь локдауну [АА]. Очевидно, что словообразовательный элемент *down* продуктивно используется в словотворческой деятельности языковой личности. Приведенные лексемы с компонентом *-down* образованы в немецком языке по словообразовательной модели «основа глагола + down»: *Rockdown (**rock**en + down)*; *Hockdown (**hock**en + down)*; *Lachdown (**lach**en + down)*; *Flockdown (**flock**en + down)*; *Jeckdown* (***jeck**en + down*). В семантическом плане все новые лексемы объединяют в себе смыслы, сопряженные с двумя процессами: совершением какого-либо действия (*rokken, hocken, lachen* и др.) и локдауном (*Lockdown*). При этом финальный компонент *down* в новых словах берет на себя семантический объем всей лексемы *Lockdown.* На словообразовательном уровне имеет место контаминация глагольной основы и компонента *down* из *Lockdown,* за счет чего реализуется компрессия семантического объема синтаксического целого. Таким образом, в результате взаимодействия двух узуальных слов образуются окказионализмы-контаминанты. Совершенно справедливо утверждает Е. С. Кубрякова, что «цель таких процессов — сохранить старый опыт и связать его с новым, донести в сжатом, компрессированном виде, но вместе с тем и в достаточно прозрачной форме … информацию» [Кубрякова, 2009, с. 61].

3.2. Метафорический перенос при образовании композитов-неологизмов с компонентом *Lockdown*

Понятие «метафора» широко рассматривается в исследованиях по когнитивной лингвистике, так как метафорический перенос «отражает ментальный мир человека и является средством изучения когнитивных механизмов сознания» [Данкова и др., 2020, с. 71]. В научной литературе подчеркивается, что моделирование действительности посредством метафор производится с целью создания определенного отношения к описываемым реалиям [Коптякова, 2008], что метафора проявляет себя как мощное средство воздействия на адресата [Буженинов, 2020].

Метафора широко используется в словообразовательных процессах в немецком языке. При рассмотрении корпуса исследуемых неологизмов с компонентом *Lockdown* обнаруживается метафорический перенос значения другого компонента композита. Так, в немецком языке образован окказионализм *der Jo-Jo-Lockdown*, который используется, чтобы показать ироничное отношение людей к локдауну как средству борьбы с пандемией. Компонент *Jo-Jo* (йо-йо) заимствован из игровой сферы. Это детская игрушка, состоящая из двух одинаковых по размеру и весу дисков, скреплённых между собой осью, на которую петелькой надета верёвка, работающая по

CC BY

принципу маятника Максвелла и гироскопа. При броске йо-йо, размотав до конца верёвку, начинает свой возврат по ней в руку играющего. Таким образом, первый компонент в лексеме *Jo-Jo-Lockdown* употребляется в метафорическом значении и призван выразить иронию говорящего по отношению к введению (нового) локдауна, создать экспрессию и вызвать соответствующие эмоции у реципиента: *Ein Jojo-Lockdown ist kein Mittel gegen die Pandemie* (Ein Jojo-Lockdown ist kein Mittel gegen die Pandemie // Rheinische Post (RP.Online), 21.03.2021) / То ввод, то отмена локдауна — это не средство борьбы с пандемией [AA]. В то же время наряду с данной лексемой образована номинация *der Lockdown-Jo-Jo* (локдаунское йо-йо). Перевод компонента *Jo-Jo* в финальную часть слова усиливает иронию, подчеркивает недовольство говорящего, позволяет сделать вывод о насмешливом отношении индивида к вводимым правительством мерам, связанным то с установкой, то с отменой режима локдауна: *Niedrig-Inzidenz-Strategie statt Lockdown-Jojo* (Menschen vor Profite. Für einen Strategiewechsel in der Pandemiebekämpfung // DIE LINKE, 20.04.2021) / Выработка новой стратегии по уменьшению доли заболевших в неделю вместо локдаунского йо-йо [AA].

Для выражения негативного отношения человека к локдауну образована лексема *der Lockdownwinterschlaf* (также *Lockdown-Winterschlaf*), в которой финальный компонент *Winterschlaf* (зимняя спячка) метафорически переосмысляется на основе сравнения жизни людей в период локдауна с зимней спячкой животных, указывая на «вымирание» социальной и экономической активности в целом.

Лексема *Lockdownsünder* (нарушители, «грешники» локдауна) называет людей, не следующих предписаниям в связи с вводом локдауна. *Der Sünder* (грешник) — слово, заимствованное из библейской терминологии, имеет сильную коннотацию осуждения, неодобрения. Использование ее в метафорическом значении оправдано прагматическими целями: создать образ людей, не выполняющих правила локдауна.

Таким образом, наблюдение над языковым материалом показывает, что метафорическое переосмысление одного из элементов композита продиктовано прежде всего лингвопрагматическими потребностями языковой личности, направленными на создание эмоционально-оценочной (новой) лексики, позволяющей вербализировать отношение общества к новым реалиям. В процессе метафорического переосмысления прослеживается связь уже известного (существующего) с неизвестным: «Метафоризации подвергаются прежде всего слова, обозначающие наиболее известные понятия и предметы из ближайшего окружения человека» [Гак, 2008, с. 94]. Метафорический перенос, как элемент креативности, позволяет «заглянуть» в вербально-ассоциативный диапазон языковой личности. Метафора

CC BY

сравнивается с зеркалом, отражающим национальное сознание коллектива [Колтышева, 2013].

3.3. Стилистическая дифференциация неологизмов-синонимов с компонентом *Lockdown*

Частью лингвокреативной деятельности языковой личности становится создание синонимических композитов с компонентом *Lockdown.* Как известно, синонимичные связи возникают как между отдельными словами, так и между компонентами слов, при этом важно подчеркнуть, что компоненты-синонимы новых лексем этимологически часто восходят к разным языкам-источникам. На факт использования заимствованных слов (компонентов слов) в качестве синонимов указывает И. Ю. Малкова [Малкова, 2017]. А. В. Мельгунова подчеркивает частотность случаев, когда «один из компонентов синонимичной пары является заимствованием» [Мельгунова, 2021, с. 2790]. В стилистическом плане синонимы с компонентом *Lockdown* дифференцируются: наряду с нейтральными лексемами присутствуют слова с иной коннотативной структурой, относящиеся к разговорному либо высокому стилям употребления. Так, для вербализации периода локдауна в немецком языке образованы следующие композиты-неологизмы: *die Lockdownphase*, *die Lockdownsaison*, *die Lockdownzeit*. Нейтральной в этом ряду является номинация *Lockdownzeit* (период, когда происходит (почти полное) прекращение социально-экономической деятельности во время пандемии). В лексеме *Lockdownphase* использование заимствования *Phase* обусловлено потребностью выделения определенного промежутка времени, соотносимого с локдауном, то есть «фазы». Лексема *Lockdownsaison* имеет в своем составе галлицизм *Saison* (сезон), тяготеющий к более высокому стилю употребления, что переводит весь композит в разряд стилистически окрашенных слов. Заимствование *Saison* в данной номинации используется для обозначения сезонной деятельности в определенной сфере жизни (спортивной, музыкальной, образовательной и т. д.), например, локдаун для горнолыжного сезона.

История пандемии показала, что локдаун может быть полным (жестким), предусматривающим закрытие всех общественных заведений в стране, и частичным. Во втором случае речь идет о закрытии общественных мест в определенных регионах либо о введении карантинных мер на определенных предприятиях вследствие вспышки заболевания. Рассмотрим лексему *Lockdownchen* (букв. «локдаунчик»), являющуюся результатом аффиксального словопроизводства. Как известно, суффикс *-chen* в немецком языке является самым продуктивным и частотным аффиксом, используемым для создания деминутивов. Однако в сочетании с заимствованной лексемой

CC BY

Lockdown суффикс *-chen* придает всей лексеме ироничный оттенок и переводит всё слово в разряд разговорных слов, то есть в данном случае именно исконно немецкий суффикс *-chen* выполняет прагматическую функцию в словотворческом процессе, выступая носителем стилистической окраски.

Другим примером в этом ряду синонимов является лексема *Teillockdown* (также *Teil-Lockdown*), в которой при помощи исконного компонента *Teil* (часть) передается сема ‘частичный, неполный’. Очевидно, что приведенные примеры являются словами-гибридами, в которых использование немецких компонентов в комбинации с заимствованием *Lockdown* может быть, в числе прочего, вызвано потребностью объяснения явления локдауна при помощи ресурсов родного языка. Л. А. Нефедова совершенно справедливо указывает на факт, что немецкие компоненты гибридных новообразований способствуют скорейшей интеграции англоязычных заимствований в систему немецкого языка [Нефедова, 2012, с. 29]. Авторитетный немецкий германист Х. Мунске также подчеркивает важность гибридного композитообразования в свете процессов интеграции иноязычных лексических элементов [Munske, 2009, с. 227].

Синонимы *Lockdownchen, Teillockdown* дополняются двумя лексемами, образованными на основе заимствованного материала: *der Minilockdown*, *der Megalockdown*. Использование интернациональных префиксов *mini-* и *mega-* продиктовано мировым характером пандемии и отвечает тенденции современного словообразования с иноязычным компонентом — тенденции к интернационализации. Доказано, что заимствованный базис быстрее вступает в соединение с заимствованным аффиксом, чем с исконно немецким аффиксом [Fleischer et al., 2012]. Продолжает этот ряд слов продукт немецкого словотворчества на основе заимствованных англицизмов — *Lockdown light* (легкий локдаун). В отличие от *Minilockdown* (локдаун, при котором школы и детские сады продолжают работать) выражение *Lockdown light* связано с временными характеристиками вводимых запретов, предусматривающих цикличность ввода и отмены ограничений. Примечательно, что в письменной форме эта лексема употребляется в кавычках и имеет сопровождающее слово «*sogenannt*» (так называемый): *Im Kampf gegen die Corona-Pandemie soll es in Deutschland einen sogenannten “Lockdown light” geben* (P. Gensing, A. Reisin. Was bringt ein “Lockdown light”? // tagesschau.de, 29.10.2020) / В целях борьбы с пандемией нужно ввести так называемый «легкий локдаун» [АА].

Синонимические ряды лексем с компонентом *Lockdown* расширяются за счет других синтаксических конструкций: *Teillockdown — partieller Lockdown, Softlockdown — weicher Lockdown.* Устойчивые словосочетания вроде *weicher Lockdown* (мягкий локдаун), *harter Lockdown* (жесткий локдаун) справедливо относят к гибридным фразовым образованиям, соеди-

CC BY

няющим в своем составе заимствование и исконную лексему [Нефедова, 2021]. Таким образом, заимствование *Lockdown* продуктивно участвует не только в гибридном композиционном и деривационном словообразовании, но и в гибридном фразообразовании.

В период пандемии словарь немецкого языка пополнился несколькими лексемами-синонимами, имеющими значение ‘прическа во время локдауна’: *die Lockdownfrisur*, *die Lockdownfrise*, *die Lockdownmatte*. Закрытие парикмахерских салонов и невозможность постричь волосы в период локдауна нашли своё отражение на вербальном уровне. Лексема *Lockdownfrisur* в этом ряду занимает нейтральную позицию в отличие от лексемы *Lockdownfrise*, имеющей в качестве финального компонента сокращенную форму от слова *Frisur* (прическа). *Frise* («причесон», стрижка) имеет разговорный оттенок и является употребительной лексемой в языке молодежи. Третья лексема *Lockdownmatte* указывает на гендер, так как разговорное существительное *Matte* (длинные густые волосы у мужчин) используется только в отношении мужских причесок. Таким образом, гендерная характеристика тоже оказалась учтенной в процессе номинации, выступила одним из факторов пополнения синонимических рядов.

Длительное пребывание дома, дефицит движения, стресс, вызванный первыми двумя условиями, приводят часто к избыточному весу человека. Для вербализации данного явления используются две лексемы: *das Lockdownkilo*, *der Lockdownspeck*. Если лексема *Lockdownkilo* (килограммы, набранные во время локдауна) в стилистическом плане нейтральна и указывает только на прибавку в весе, то номинация *Lockdownspeck* (локдаунское сало, жир) имеет сниженную коннотацию, звучит уничижительно и выражает насмешку, упрек в отношении лишних килограммов, набранных человеком во время локдауна.

Для обозначения людей, не соблюдающих правила локдауна, в немецком языке появился следующий синонимический ряд композитов: *Lockdown-Brecher* (нарушители правил локдауна), *Lockdown-Sünder* (локдаунские «грешники»), *Lockdown-Rebellen* (локдаунские «повстанцы»). Номинация *Lockdown-Brecher* в стилистическом плане нейтральна. Композит *Lockdown-Sünder* вербализирует отношение общества к нарушителям локдауна, выражает пренебрежение к таким людям. Лексема *Lockdown-Rebellen* имеет сильную коннотацию порицания, создаваемую за счет использования существительного *Rebell* (повстанец) в метафорическом значении и призвана выделить ряд нарушителей, открыто протестующих против введения локдауна.

Итак, исследуемый материал показывает, что на основе принципов языковой экономии в немецком языке создаются синонимические компо-

CC BY

зиты с компонентом *Lockdown* с различным номинативно-прагматическим потенциалом.

3.4. Производные с компонентом *Lockdown* как результат креативной когнитивной деятельности человека

Создание новых слов, с одной стороны, опирается на коммуникативно-прагматический мотив, с другой стороны, «у истоков создания новой лексической единицы стоит отклонение от нормы (девиация), употребление слова в новом, нетипичном контексте, что ведет к появлению у него нового значения» [Заботкина, 2018, с. 23]. В. И. Заботкина подчеркивает, что под креативностью понимается «способность устанавливать новые связи между существующими репрезентациями, то есть она требует соединения между собой ранее не соединенных ментальных репрезентаций» [Заботкина, 2018, с. 22—23]. При этом ведущую роль играет когнитивная составляющая, позволяющая категоризировать новое понятие. Так, несмотря на относительно короткую историю «жизни» англицизма *Lockdown* в современном немецком языке, данная лексема проявила себя очень продуктивно на языковом уровне, сочетаясь с заимствованными и исконными корнями и морфемами, образуя композиты, дериваты и словосочетания, призванные вербализировать актуальные процессы и явления.

Введение ограничительных мер в период пандемии ознаменовало появление следующих номинаций: *der kleine Lockdown* (маленький локдаун), *der Lockdown light* (легкий локдаун), *der Minilockdown* (минилокдаун), *der weiche Lockdown* (мягкий локдаун), *der harte Lockdown* (жесткий локдаун), *der abgespeckte Lockdown* (облегченный локдаун), *der Softlockdown* (мягкий локдаун), *das Lockdownchen* (локдаунчик), *der Salamilockdown* (салями-локдаун), *der Volllockdown* (полный локдаун).

Разное отношение людей к локдауну, раскол в обществе на его сторонников и противников обусловливают появление новых лексем: *Lockdown-Gegner* (противники локдауна), *Lockdown-Kritiker* (критики локдауна), *Lockdown-Rebellen* (локдаунские повстанцы), *Lockdown-Proteste* (протесты против локдауна), *Lockdown-Befürworter* (защитники локдауна), *Lockdown-Fetischisten* (локдаунские фетишисты), *Lockdown-Sünder* (локдаунские грешники), *Lockdown-Brecher* (нарушители локдауна), *Lockdown-Gewinner* (победители локдауна), *Lockdown-Profiteure* (локдаунские спекулянты).

О последствиях локдауна можно узнать из следующих номинаций: *die Lockdown-Pleitewelle* (волна банкротств во время локдауна), *Lockdown-Opfer* (жертвы локдауна), *die Lockdown-Frisur* (прическа во время локдауна), *Lockdown-Kilos* (локдаунские килограммы), *die Lockdown-Langeweile*

(локдаунская скука), *die Lockdown-Depression* (депрессия во время локдауна), *Lockdown-Müdigkeit* (усталость от жизни во время локдауна).

Как показывают примеры, доминирующими номинациями с компонентом *Lockdown* являются имена существительные, что указывает на тенденцию к субстантивации и универбации в современном немецком языке. Однако данный список дополняется также некоторыми именами прилагательными: *lockdownbedingt* (обусловленный локдауном), *lockdownähnlich* (схожий с локдауном), *lockdowngeplagt* (измученный локдауном), — представляющими собой гибридные соединения англицизма *Lockdown* и исконного прилагательного либо отглагольного причастия второго. Отмечаются также случаи образования глаголов: *lockdownen* и *downlocken*. Глагол *lockdownen* является результатом немецкого словообразования по аналогии за счет приобретения им окончания немецкого инфинитива *-en*. Однако полную грамматическую ассимиляцию данный глагол не завершил. Имеются случаи спряжения глагола по слабому типу: *Wir waren sieben Wochen gelockdownt in der Wohnung* ... (St. Geyer. Comedian Fil zur Corona-Debatte: „Das fühlt sich an wie in der DDR“ // RedaktionsNetzwerk Deutschland, 12.12.2020) / Мы семь недель отсидели локдаун в квартире … [АА]. Также встречаются смешанные варианты употребления: *Wir sind **gelockdowned** und dürfen das Haus nur mit Grund verlassen, Silvester feiern gehört nicht dazu* (Neues Jahr, neues Glück? // Biggis Weltreisen, 30.12.2020) / У нас локдаун, и нам не разрешается без уважительной причины выходить из дома, на празднование Нового года это ограничение не распространяется [АА]. Заимствование *downlocken* (также *down locken*) является глагольным дериватом с креативно приобретенной в немецком языке структурной особенностью: компонент *down* выделен таким образом, что он будто бы в качестве отделяемой приставки глагола занимает начальную позицию в соответствии с правилами грамматики немецкого языка. Данный глагол можно назвать псевдоанглицизмом (псевдозаимствованием), так как он является продуктом креативного немецкого словообразования из заимствованных компонентов. Этот факт говорит о частотности употребления англицизма *lockdown* и о высокой степени его ассимиляции в немецком языке: *In den Medien wird sogar das Verb “**downlocken**” wie selbstverständlich eingesetzt* (Die Hoffnung stirbt zuletzt, das ist gewiss auch in dieser Zeit // seniorenheim-eiderstedt.de, Mai, 2021) / В прессе используется даже глагол *“**downlocken**”* как само собой разумеющееся [АА].

Проанализированный материал позволяет сделать вывод, что локдаун воспринимается обществом по-разному: он имеет своих защитников, победителей и противников, является источником банкротства, вызывает скуку, депрессию и эмоциональную усталость. Большая часть номинаций с компонентом *Lockdown* наделяется негативной коннотацией.

4. Заключение = Conclusions

В ходе настоящего исследования выявлены некоторые механизмы образования неологизмов с компонентом *Lockdown* в немецком языке.

(1) Словосложение (композитообразование) остается самым продуктивным способом создания неологизмов с компонентом *Lockdown* в немецком языке, при котором происходит компрессия семантического объема синтаксического целого и универбация высказывания: *Lockdown-Gewinner > Menschen, die während des Lockdowns gewonnen haben.*

(2) Значительная часть неологизмов с компонентом *Lockdown* в немецком языке является результатом словообразовательной гибридизации. В корпусе исследуемых единиц имеются гибридные лексемы (*Lockdown-Brecher, lockdownähnlich*) и гибридные фразовые образования (*weicher Lockdown*).

(3) Частотное употребление лексемы *Lockdown* способствовало высвобождению морфемы *-down,* которая в немецком языке продуктивно используется в образовании новых слов — окказионализмов-контаминантов — по аналогии (*Rockdown, Lachdown* и др.).

(4) Наряду с именами существительными образован ряд гибридных прилагательных с компонентом *Lockdown* (*lockdownbedingt*), имеются случаи глагольной деривации (*lockdownen* и *downlocken*), что говорит о высокой степени ассимиляции данного англицизма в современном немецком языке.

(5) Использование метафорического переноса в процессах словообразования с компонентом *Lockdown* обусловлено желанием создать эмоционально-окрашенные лексические единицы для того, чтобы выразить отношение языковой личности к явлениям внеязыковой действительности: *Lockdownwinterschlaf* (локдаунская «спячка»), *Lockdownsünder* (локдаунские «грешники»).

(6) Композиты-синонимы с компонентом *Lockdown* дифференцируются в семантическом и стилистическом планах: *das Lockdownkilo, der Lockdownspeck.* Синонимические отношения между неологизмами с компонентом *Lockdown* возникают за счет использования различных лексико-грамматических средств в немецком языке: при помощи аффиксации (*Lockdown**chen**, **Mini**lockdown*), словосложения (***Teil**lockdown*), вовлечения других англицизмов (***Lockdown light***), при использовании синтаксических конструкций (***partieller Lockdown***) и устойчивых словосочетаний (***weicher Lockdown***).

(7) Результатом креативной деятельности языковой личности является создание поля композитных неологизмов с компонентом *Lockdown* в современном немецком языке. Определяются тематические группы неологизмов:

— обозначающих виды локдауна в зависимости от введенных ограничительных мер: *der kleine Lockdown, der Lockdown light, der Minilockdown, der weiche Lockdown, der harte Lockdown, der abgespeckte Lockdown* и др.;

— вербализирующих разное отношение людей к локдауну: *Lockdown-Gegner*, *Lockdown-Kritiker*, *Lockdown-Rebellen*, *Lockdown-Befürworter*, *Lockdown-Fetischisten* и др.;

— репрезентирующих последствия локдауна и его влияние на жизнь человека в современном обществе: *Lockdown-Pleitewelle, Lockdown-Opfer, Lockdown-Kilos, die Lockdown-Langeweile, die Lockdown-Depression, Lockdown-Müdigkeit, lockdowngeplagt* и др.

Исследованный корпус лексических единиц с компонентом *Lockdown* позволил увидеть тесную взаимосвязь между словообразовательными процессами в современном немецком языке и событиями во внеязыковой действительности, мотивирующими новые номинации. Перспективой продолжения исследования нам видится привлечение других видов анализа применительно к данному материалу.

Источники и принятые сокращения

1. AA — *Архив* авторов.

2. NWC — *Neuer* Wortschatz rund um die Coronapandemie [Electronic resource]. — Access mode : https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp (accessed 09.10.2021).

Литература

1. *Аккуратова И. Б.* Особенности неологизации в период пандемии в немецком языке / И. Б. Аккуратова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14. — № 10. — С. 3080—3085. — DOI: 10.30853/phil210508.

2. *Богин Г. И.* Современная лингводидактика / Г. И. Богин. — Калинин : Калининский государственный университет, 1980. — 61 с.

3. *Буженинов А. Э.* Метафорическая репрезентация концепта «Политика США» в идиостиле Анри Жиру / А. Э. Буженинов // Политическая лингвистика. — 2020. — № 1 (79). — С. 35—41. — DOI: 10.26170/pl20-01-04.

4. *Гак В. Г.* Беседы о французском слове : Из сравнительной лексикологии французского и русского языков / В. Г. Гак. — Изд. 4-е. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 336 с. — ISBN 978-5-382-00772-4.

5. *Данкова Н. С.* Репрезентация пандемии в СМИ : метафорический образ войны (на материале американских газет) / Н. С. Данкова, Е. В. Крехтунова // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 69—83. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-69-83.

6. *Дойникова М. И.* Основные тенденции в изменении общего словаря немецкого языка / М. И. Дойникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15. — № 2. — С. 464—468. — DOI: 10.30853/phil20220053.

7. *Заботкина В. И.* Креативность в лексиконе : взаимодействие когниции и коммуникации / В. И. Заботкина // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация : сборник научных трудов. — Москва : КДУ, Университетская книга, 2018. — Выпуск 2. — С. 22—25. — ISBN 978-5-91304-807-3.

8. *Замальдинов В. Е.* Словообразовательные неологизмы как средство речевого воздействия : на материале нижегородских СМИ начала XXI в. : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / В. Е. Замальдинов. — Нижний Новгород, 2018. — 224 с.

9. *Земская Е. А.* Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. — Москва : Книжный дом «Либроком», 2009. — 224 с. — ISBN 978-5-397-00625-5.

10. *Ирисханова О. К.* Лингвокреативные основания теории номинализации : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / О. К. Ирисханова. — Москва, 2004. — 332 с.

11. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2.

12. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Либроком, 2019. — 264 с. — ISBN 978-5-397-06618-1.

13. *Колтышева С. Я.* Комплексный метафорический образ Мадонны в медиа-дискурсах России и США / С. Я. Колтышева // Вестник ЮУрГУ. Серия : Лингвистика. — 2013. — № 2. — С. 2—31.

14. *Коптякова Е. Е.* Метафорическое представление внутренней политики Германии в российской прессе / Е. Е. Коптякова // Филология и человек. — 2008. — № 2. — С. 131—138.

15. *Кубрякова Е. С.* Теория номинации и словообразование / Е. С. Кубрякова. — Москва : Либроком, 2012. — 88 с. — ISBN 978-5-397-03200-1.

16. *Кубрякова Е. С.* Типы языковых значений : Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. — Москва : Либроком, 2009. — 208 с. — ISBN 978-5-397-00703-0.

17. *Лингвокогнитивные* аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии : коллективная монография / Е. М. Маркова, Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, Л. И. Ручина ; под ред. Л. В. Рацибурской. — Нижний Новгород : Издательство ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2020. — 248 с. — ISBN 978-5-91326-566-1.

18. *Малкова И. Ю.* Синонимия в лексикографическом описании экономических терминов / И. Ю. Малкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 12 (78). — Ч. 1. — С. 119—122.-

19. *Мельгунова А. В.* Использование синонимов в словарных дефинициях неологизмов (на материале немецкого языка) / А. В. Мельгунова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Том 14. — Выпуск 9. — С. 2787—2791. — DOI: 10.30853/phil210433.

20. *Москвитин Е. В.* Немецкие неологизмы в период пандемии коронавируса sars-cov-2 / Е. В. Москвитин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Том 14. — Выпуск 9. — С. 2792—2796. — DOI: 10.30853/phil210464.

21. *Нагуманова В. А.* Неологизмы в сфере образования в период пандемии коронавируса (на примере немецкого языка) / В. А. Нагуманова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Том 14. — Выпуск 9. — С. 2797—2801. — DOI: 10.30853/phil210446.

22. *Нефедова Л. А.* Активные процессы в лексике немецкого языка 2020—2021 гг. / Л. А. Нефедова // Crede Experto : транспорт, общество, образование, язык. — 2021. — № 3. — С. 151—166. — DOI: 10.51955/2312-1327-2021-3-151.

23. *Нефедова Л. А.* Иноязычная лексика в современном немецком языке : иноязычная лексика в контексте заимствования : монография / Л. А. Нефедова. — Москва : Прометей, 2012. — 98 с. — ISBN 978-5-7042-2351-1.

24. *Никитина О. А.* Контаминация как проявление игрового словотворчества в дискурсе о пандемии covid-19 (на материале новообразований немецкого языка) / О. А. Никитина, О. А. Гудкова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2020. — № 4 (39). — С. 123—132. — DOI: 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.017.

25. *Рацибурская Л. В.* Социально значимые слова в современных деривационных процессах / Л. В. Рацибурская // Мир русского слова. — 2020. — № 2. — С. 30—34. — DOI: 10.24411/1811-1629-2020-12030.

26. *Социокультурные* и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов : коллективная монография / Л. В. Рацибурская, Т. Б. Радбиль, Е. В. Щеникова, Н. А. Бакич, В. А. Торопкина, Е. А. Жданова ; под ред. Л. В. Рацибурской. — Москва : ФЛИНТА, 2018. — 232 с. — ISBN 978-5-9765-3801-6.

27. *Юшкова Л. А.* Новые глагольные лексемы словообразовательного гнезда с вершиной «Corona» в немецкой лексике периода пандемии : структурно-семантический анализ / Л. А. Юшкова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2021. — № 4. — С. 238—248. — DOI: 10.29025/2079-6021-2021-4-238-248.

28. *Dargiewicz A.* Fremde Elemente in Wortbildungen des Deutschen. Zu Hybridbildungen in der deutschen Gegenwartssprache am Beispiel einer raumgebundenen Untersuchung in der Universitäts- und Hansestadt Greifswald / A. Dargiewicz. — Peter Lang GmbH. — Frankfurt am Main : Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2013. — 418 S. — ISBN 978-3-631-64471-3.

29. *Fauconnier G.* Methods and Generalizations / G. Fauconnier // Cognitive Linguistics, Foundations, Scope and Methodology. — Berlin, N.Y : [b. i], 1999. — Pp. 95—124.

30. *Fleischer W.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, I. Barz. — 4. Auflage. — KG, Berlin/Boston. — Walter de Gruyter GmbH &Co., 2012. — 484 p. — ISBN 978-3-11-025663-5.

31. *Munske H. H.* Was sind eigentlich ‚hybride' Wortbildungen? / H. H. Munske // Germanistische Linguistik : Studien zur Fremdwortbildung. — Hildesheim / Zürich / New York : Georg Olms Verlag, 2009. — Pp. 223—260. — ISBN 978-3-487-14285-2.

32. *Polzin C.* Kreativität in der Wortbildung — kontrastiv gesehen / C. Polzin // Kreativität. Beiträge zum 12. Nachwuchskolloquium der Romanistik (Forum June Romanistik, 3), hrsg. v. P. Reisewitz. — Bonn : Romanistischer Verlag, 1997. — Pp. 269—279.

References

Akkuratova, I. B. (2021). Features of neologization during the pandemic in the German language. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 14 (10):* 3080—3085. DOI: 10.30853/phil210508. (In Russ.).

Bogin, G. I. (1980). *Modern linguodidactics.* Kalinin: Kalinin State University. 61 p. (In Russ.).

Buzheninov, A. E. (2020). Metaphorical representation of the concept of "US Politics" in the idiostyle of Henri Giroux. *Political Linguistics, 1 (79):* 35—41. DOI: 10.26170/pl20-01-04. (In Russ.).

Dankova, N. S., Krekhtunova, E. V. (2020). Media Representation of the Pandemic: a Metaphorical Image of War (based on American Newspapers). *Nauchnyi dialog, 8:* 69—83. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-8-69-83 (In Russ.).

Dargiewicz, A. (2013). *Fremde Elemente in Wortbildungen des Deutschen. Zu Hybridbildungen in der deutschen Gegenwartssprache am Beispiel einer raumgebundenen Untersuchung in der Universitäts- und Hansestadt Greifswald.* Peter Lang GmbH.

Frankfurt am Main: Internationaler Verlag der Wissenschaften. 418 S. ISBN 978-3-631-64471-3. (In Germ.).

Doynikova, M. I. (2022). The main trends in the change of the general dictionary of the German language. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 15 (2):* 464—468. DOI: 10.30853/phil20220053. (In Russ.).

Fauconnier, G. (1999). Methods and Generalizations. In: *Cognitive Linguistics, Foundations, Scope and Methodology.* Berlin, N.Y: [b. i]. 95—124. (In Germ.).

Fleischer, W., Barz, I. (2012). *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4. Auflage.* KG, Berlin / Boston: Walter de Gruyter GmbH &Co. 484 p. ISBN 978-3-11-025663-5. (In Germ.).

Gak, V. G. (2008). *Conversations about the French word: From the comparative lexicology of the French and Russian languages*. Moscow: LKI Publishing House. 336 p. ISBN 978-5-382-00772-4. (In Russ.).

Iriskhanova, O. K. (2004). *Linguocreative foundations of the theory of nominalization.* Doct. Diss. Moscow. 332 p. (In Russ.).

Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse.* Volgograd: Peremena. 477 p. ISBN 5-88234-552-2. (In Russ.).

Karaulov, Yu. N. (2019). *Russian language and linguistic personality.* Moscow: Librocom. 264 p. ISBN 978-5-397-06618-1. (In Russ.).

Koltysheva, S. Ya. (2013). The complex metaphorical image of the Madonna in the media discourses of Russia and the USA. *Bulletin of SUSU. Series: Linguistics, 2:* 2—31. (In Russ.).

Koptyakova, E. E. (2008). Metaphorical representation of Germany's domestic policy in the Russian press. *Philology and Man, 2:* 131—138. (In Russ.).

Kubryakova, E. S. (2009). *Types of linguistic meanings: Semantics of a derived word.* Moscow: Book House "Librocom". 208 p. ISBN 978-5-397-00703-0. (In Russ.).

Kubryakova, E. S. (2012). *Theory of nomination and word formation.* Moscow: Librocom. 88 p. ISBN 978-5-397-03200-1. (In Russ.).

Malkova, I. Y. (2017). Synonymy in the lexicographic description of economic terms. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 12 (78) / 1:* 119—122. (In Russ.).

Melgunova, A. V. (2021). The use of synonyms in dictionary definitions of neologisms (based on the material of the German language). *Philological sciences. Questions of theory and practice, 14 (9):* 2787—2791. DOI: 10.30853/phil210433. (In Russ.).

Moskvitin, E. V. (2021). German neologisms during the sars-cov-2 coronavirus pandemic. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 14 (9):* 2792—2796. DOI: 10.30853/phil210464. (In Russ.).

Munske, H. H. (2009). Was sind eigentlich ‚hybride' Wortbildungen? In: *Germanistische Linguistik: Studien zur Fremdwortbildung.* Hildesheim / Zürich / New York: Georg Olms Verlag. 223—260. ISBN 978-3-487-14285-2. (In Germ.).

Nagumanova, V. A. (2021). Neologisms in the field of education during the coronavirus pandemic (on the example of the German language). *Philological sciences. Questions of theory and practice, 14 (9):* 2797—2801. DOI: 10.30853/phil210446. (In Russ.).

Nefedova, L. A. (2012). *Foreign language vocabulary in modern German: foreign language vocabulary in the context of borrowing: monograph.* Moscow: Prometheus. 98 p. ISBN 978-5-7042-2351-1. (In Russ.).

Nefedova, L. A. (2021). Active processes in the vocabulary of the German language 2020—2021. *Crede Experto: transport, society, education, language, 3:* 151—166. DOI: 10.51955/2312-1327-2021-3-151. (In Russ.).

Nikitina, O. A., Gudkova, O. A. (2020). Contamination as a manifestation of word-making in the discourse on the covid-19 pandemic (based on the material of neoplasms of the German language). *Topical issues of modern philology and journalism, 4 (39):* 123—132. DOI: 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.017. (In Russ.).

Polzin, C. (1997). Kreativität in der Wortbildung — kontrastiv gesehen. In: *Kreativität. Beiträge zum 12. Nachwuchskolloquium der Romanistik (Forum June Romanistik, 3)*. Bonn: Romanistischer Verlag. 269—279. (In Germ.).

Ratsiburskaya, L. V. (ed.). (2018). *Sociocultural and linguopragmatic aspects of modern word-formation processes: a collective monograph.* Moscow: Flinta. 232 p. ISBN 978-5-9765-3801-6. (In Russ.).

Ratsiburskaya, L. V. (ed.). (2020). *Linguocognitive aspects of the study of national conceptual spheres in synchrony and diachrony: a collective monograph.* Nizhny Novgorod: Publishing House of N. I. Lobachevsky National Research University. 248 p. ISBN 978-5-91326-566-1. (In Russ.).

Ratsiburskaya, L. V. (2020). Socially significant words in modern derivational processes. *The world of the Russian word, 2:* 30—34. DOI: 10.24411/1811-1629-2020-12030. (In Russ.).

Yushkova, L. A. (2021). New verbal lexemes of the word-formation nest with the top "Sogop" in the German vocabulary of the pandemic period: structural and semantic analysis. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics, 4:* 238—248. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-4-238-248. (In Russ.).

Zabotkina, V. I. (2018). Creativity in the lexicon: interaction of cognition and communication. In: *Language. Culture. Translation. Communication: collection of scientific papers, 2.* Moscow: KDU, University Book. 22—25. ISBN 978-5-91304-807-3. (In Russ.).

Zamaldinov, V. E. (2018). *Word-forming neologisms as a means of speech influence: on the material of Nizhny Novgorod mass media of the beginning of the XXI century.* PhD Diss. Nizhny Novgorod. 224 p. (In Russ.).

Zemskaya, E. A. (2009). *Word formation as an activity.* Moscow: Librocom. 224 p. ISBN 978-5-397-00625-5. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 19.01.2022,
одобрена после рецензирования 20.02.2022,
подготовлена к публикации 20.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Ань Лихун. Сложноподчиненное и простое предложения : вопросы переводческого соответствия в русском и китайском языках / Ань Лихун // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 28—43. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-28-43.

An Lihong. (2022). Complex and Simple Sentences: Issues Translation Correspondence in Russian and Chinese. *Nauchnyi dialog, 11(3):* 28-43. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-28-43. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-28-43

Сложноподчиненное и простое предложения: вопросы переводческого соответствия в русском и китайском языках

Ань Лихун[1,2]
orcid.org/0000-0002-6406-9627
научный сотрудник,
доктор, профессор
15940973816@163.com

[1] Китайский центр исследований языков Северо-Восточной Азии при Государственном комитете по языковой политике (Далянь, Китай)

[2] Даляньский университет иностранных языков КНР (Далянь, Китай)

Благодарности:
Исследование выполнено в рамках научного проекта «Исследование синтетической функции обучения грамматике иностранных языков (кроме английского) в подготовке специалистов по иностранным языкам», утверждённого Управлением образования провинции Ляонин КНР (№ 2019L19BYY018)

Complex and Simple Sentences: Issues Translation Correspondence in Russian and Chinese

An Lihong[1,2]
orcid.org/0000-0002-6406-9627
Researcher,
Doctor, Professor
15940973816@163.com

[1] China Research Center for Northeast Asian Languages of National Language Commission (Dalian, China)

[2] Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China)

Acknowledgments:
The study was carried out within the framework of the scientific project "Research of the synthetic function of teaching the grammar of foreign languages (except English) in the training of specialists in foreign languages", approved by the Liaoning Provincial Department of Education of the PRC (№ 2019L19BYY018)

© Ань Лихун, 2022

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о соответствиях при переводе сложноподчиненных предложений с русского языка на китайский. Отмечается, что в настоящее время переводческие соответствия в русском и китайском языках, в том числе в области синтаксиса, исследованы недостаточно. Указывается, что сложности перевода могут быть связаны с несоответствием количества видов сложных предложений в русском языке, которых больше, чем в китайском. Показано, что некоторые сложноподчиненные конструкции не имеют эквивалента в китайском языке и преобразуются в простые предложения китайского языка. Показано, что сложные предложения с изъяснительными придаточными в русском языке соответствуют не только предложениям с включенной частью в китайском языке, но и двусоставным и односоставным предложениям китайского языка. Обосновывается соответствие сложных предложений с определительными придаточными, с придаточными меры и степени разным членам простых предложений китайского языка, а также предложениям сцепления. Утверждается, что некоторые придаточные времени (например, с союзом ПОКА НЕ) соответствуют обстоятельствам, постпозиционным определениям предикатов или одной из глагольных конструкций предложения с последовательным глагольным предикатом (连动句) в китайском языке.

Ключевые слова:
сложные предложения русского языка; простые предложения китайского языка; предложения с включенной частью; предложения сцепления; предложение с последовательным глагольным предикатом.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of correspondences in the translation of complex sentences from Russian into Chinese is considered. It is noted that at present, translation correspondences in Russian and Chinese, including in the field of syntax, have not been studied enough. It is indicated that the difficulties of translation may be related to the discrepancy between the number of types of complex sentences in Russian, which are more than in Chinese. It is shown that some complex structures do not have an equivalent in Chinese and are translated into simple Chinese sentences. The author shows that complex sentences with explanatory clauses in Russian correspond not only to sentences with an included part in Chinese, but also to two-part and one-part sentences. The correspondence of complex sentences with attributive clauses, with relative clauses and degrees to different members of simple sentences of the Chinese language, as well as to chain sentences is substantiated. It is stated that some clauses of the tense (for example, with the conjunction NOT YET) correspond to circumstances, post-positional definitions of predicates, or one of the verbal constructions of a sentence with a sequential verbal predicate (连动句) in Chinese.

Key words:
complex sentences of the Russian language; simple Chinese sentences; sentences with included part; linking sentence; a sentence with a sequential verbal predicate.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’255.2+811.581’367.332+811.161.1’367.335.2

Сложноподчиненное и простое предложения: вопросы переводческого соответствия в русском и китайском языках

© Ань Лихун, 2022

1. Введение = Introduction

Любые отношения выражаются в языке различно, что приводит к определенным затруднениям в процессе перевода. «Причастные и деепричастные обороты обычно при переводе преобразуются в простые предложения китайского языка, потому что в китайском языке нет соответствующих разновидностей конструкций, таких как причастие и деепричастие» (здесь и далее перевод наш. — *Ань Лихун*) [Чэнь Готин, 2014, с. 117]. Видов сложноподчиненных предложений в русском языке больше, чем в китайском языке, так что некоторые из них при переводе трансформируются в простые предложения китайского языка. Очевидно, что «преподавателю следует учитывать особенности родного языка студентов» [Лапуцкая, 2020, с. 271]. Однако следует признать, что в настоящее время переводческие соответствия в русском и китайском языках исследованы недостаточно [Тао Юань, 2017, с. 5].

Цель данной работы состоит в исследовании способов передачи русскоязычных сложноподчиненных предложений синтаксическими средствами китайского языка.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Учёные отмечают актуальность изучения проблемы перевода сложных предложений с русского на китайский язык и наоборот [Чэнь Си, 2014, с. 82]. Так, исследователи анализировали китайские сложносочинённые предложения, выражающие собственно-причинные отношения, в сравнении с русскими аналогами в учебных целях [Петрова и др., 2016, с. 193—199], способы выражения целевых отношения в китайском и русском языках на уровне простых предложений [Петрова и др., 2015, с. 155—158]. Исследования показывают, что по сравнению с сопоставлением сложных предложений в обоих языках сопоставление сложных и простых конструкций в них гораздо сложнее. Изучение этой проблемы имеет теоретическое и практическое значение как для переводческой деятельности, так и для повышения уровня понимания иностранной речи в повседневном, деловом и научном общении.

CC BY

Китайские лингвисты изучали модели-эквиваленты, которые также являются сложными конструкциями, русским сложноподчиненным предложениям с придаточными изъяснительными [Чжан Хуэйсэнь, 2004, с. 433]. Ученые исследовали соответствие придаточных изъяснительных предложений (главная часть которых представляет собой двусоставную по типу грамматической основы синтаксическую единицу) русского языка простым предложениям китайского языка [Сюй Фэнцай, 2013, с. 118—125], анализировали способы их перевода [Ван Лань и др., 2020, с. 272—276; Шатравка и др., 2016, с. 85—92]. В то же время несоответствие изъяснительных придаточных (главная часть которых — безличная) русского языка простым предложениям китайского языка изучена недостаточно.

В ходе анализа русских сложноподчиненных предложений с определительными придаточными было установлено, что они соответствуют простым предложениям китайского языка: конструкция определительного придаточного соответствует определениям в простых предложениях китайского языка, а также сложным предложениям *сцепления* [连锁复句] китайского языка [Сюй Фэнцай, 2013, с. 118—125, Шатравка и др., 2016, с. 85—92; Ван Лань и др., 2020, с. 272—276]. Кроме того, мы заметили, что они соответствуют и простым предложениям *сцепления* [兼语式句子] китайского языка.

Предложения со значением времени и места китайского и русского языков соотносятся не по синтаксической структуре, а только в семантической функции [Чэнь Готин, 2014, с. 126]. И. И. Лапуцкая анализировала сложности освоения китайскими студентами конструкций с союзами *пока*, *пока не* [Лапуцкая, 2020, с. 267—271], но с точки зрения переводческого соответствия русских придаточных предложений времени с союзом *пока не* и простых предложений в китайском языке убедительных исследований недостаточно.

Тао Юань изучала конструкции китайского языка, соответствующие русским предложениям с союзом *как*. Данные конструкции находятся в семантических причинно-следственных отношениях, имеют значения времени, сравнения, меры и степени и т. д. [Тао Юань, 2017, с. 3—18]. Подчеркнем, что последние являются одним из самых трудных типов предложений для освоения в процессе изучения русского языка.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Предложения с изъяснительными придаточными: проблемы перевода с русского языка на китайский

Изложим наши соображения по поводу переводческого соответствия сложноподчиненных предложений с изъяснительными придаточными

CC BY

в русском языке, грамматическая основа которых — двусоставная, простым предложениям китайского языка.

Прежде всего отметим, что в китайском языке отсутствует конструкция «изъяснительное придаточное предложение». Сюй Фэнцай считает, что представления о словосочетании в русском и китайском языках разные [Сюй Фэнцай, 2013, с. 118—125]: в русском языке словосочетания состоят из знаменательных слов, находящихся в отношениях подчинения (согласования, управления, примыкания), при этом сочетание из подлежащего и сказуемого не считается словосочетанием, а является грамматической основой предложения. В китайском языке — другая ситуация: сочетание из подлежащего и сказуемого рассматривается как словосочетание, оно может выступать членом предложения. Именно поэтому в китайском языке существует особый тип предложения — предложение с включенной частью（包孕句）, которое представляет собой конструкцию из подлежащего и сказуемого, в котором может находиться еще одна конструкция из подлежащего и сказуемого. Такое предложение с включенной частью большинство грамматистов считает простым предложением.

Русские сложноподчиненные предложения с изъяснительными придаточными соответствуют простым предложениям в китайском языке, дополнение (宾语) в которых выражается сочетанием подлежащего и сказуемого. Данное предложение является в китайском языке предложением с включенной частью [Там же, с. 119]. Например:

(1) 我知道你会来。 — *Я знаю,* ***что ты придешь***.

(2) 我知道你是谁。 — *Я знаю,* ***кто ты***.

В данных примерах 你会来 и 你是谁 представляют собой дополнения к глаголу 知道.

Исследователи считают, что изъяснительное придаточное предложение можно перевести с русского на китайский не только как дополнение в простом предложении, но и как подлежащее [Ван Лань и др., 2020, с. 273]. Другие лингвисты, разделяя мнение Т. Н. Холмовской, считают, что в китайском языке можно выделить шесть типов предложений с включённой частью: предложения с включённым подлежащим, сказуемым, дополнением, определением, обстоятельством и включённой косвенной речью [Шатравка и др., 2016, с. 85—92].

(3) 中国人民获得解放是世界历史上的一件大事。 — ***То, что китайский народ обрёл освобождение****, важное событие в мировой истории.*

В данном примере сочетание из подлежащего и сказуемого 中国人民获得解放 выполняет роль подлежащего предложения, а часть после подлежащего является сказуемым. Такая конструкция относится к предложениям с включённым подлежащим.

(4) 我们同来的几个新兵都说章技师要培养我接他的班。 — *Приехавшие вместе со мной новобранцы в один голос* ***говорили****,* ***что техник Чжан готовит из меня смену.***

Четвертый пример, по мнению ученых, является предложением с включённой косвенной речью [Там же, с. 91]. Косвенная речь находится непосредственно после сказуемого 说 (*говорит*). Предложение с включённой косвенной речью, мы считаем, можно отнести к синтаксическим структурам с включённым дополнением, так как данный вид предложения также соответствует изъяснительному придаточному, при этом дополнением управляют глаголы со значением говорения.

По мнению Чэнь Готина, предложения типа: *Он не сказал, что уезжает*. — 他没说他要走; *Мы не знали, что он придет*. — 我们不知道他要来 — не являются сложными предложениями в китайском языке, потому что сильная переходность глаголов (说、知道、答应、假装、惊讶等) требует слова или сочетания в роли дополнения в постпозиции [Чэнь Готин, 2014, с. 124]. В этом заключается и причина переводческого соответствия некоторых изъяснительных придаточных в русском сложном предложении дополнениям простых синтаксических конструкций китайского языка.

Вышесказанное касается главным образом сложноподчиненных предложений с изъяснительными придаточными, главная часть которых представляет собой двусоставное предложение. Мы заметили, если главная часть является в сложноподчиненном предложении безличной, например: ***Нужно****, чтобы доклад был готов к пятнице*, то изъяснительное придаточное соответствует не предложению с включенной частью, а односоставному (非主谓句) или двусоставному предложению (主谓句) в китайском языке. Далее мы рассмотрим данные переводческие соответствия.

Изъяснительные придаточные предложения дополняют информацию в отношении безличного сказуемого, например, *нужно, надо, необходимо* и т. д., которое как предложение не выражает законченную мысль и поэтому требует уточнения, что именно необходимо. Такой тип сложноподчиненных конструкций соответствует не предложениям китайского языка с включенной частью, а односоставным или двусоставным синтаксическим структурам.

Односоставные предложения в китайском языке [Дин Цзумин, 2009, с. 46] делятся на глагольные (动词性非主谓句), адъективные (形容词性非主谓句) и субстантивированные (名词性非主谓句). Например:

(5) 快下雨了 (односоставное глагольное предложение — без подлежащего, предикат выражается глаголом下).

(6) 太热了 (односоставное адъективное предложение — без подлежащего, предикат выражается прилагательным 热).

CC BY

(7) 好球！ (односоставное субстантивированное предложение — без сказуемого, подлежащее выражается именем существительным 球).

В связи с тем, что в китайском языке отсутствуют изъяснительные придаточные, например, предложение (8) *Нужно, чтобы доклад был* ***готов*** *к пятнице* переводится на китайский язык на основе сходного ему предложения *Нужно подготовить доклад к пятнице*, то есть выражается односоставным предложением китайского языка. Возможны несколько вариантов перевода. Вариант 1: 要在周五前准备好报告, где сказуемое *нужно* трансформируется во вспомогательный глагол китайского языка 要; *готов* (или *подготовить*) — в сочетание 准备好, в котором глагол 准备 выполняет роль глагольного дополнения (动词宾语), 好 выполняет роль обстоятельства постпозиционного определения предиката 补语. Подлежащее *доклад* в придаточном предложении переводится в китайской синтаксической конструкции как дополнение. Таким образом, в языке-реципиенте конструируется китайское односоставное глагольное предложение, в котором отсутствует подлежащее.

Второй вариант перевода предложения 8 можно представить на китайском языке как конструкцию с предлогом: 要在周五前把报告准备好. Это также глагольное односоставное предложение, но с предлогом 把, функция которого — переносить объект действия (дополнение) в препозицию по отношению к глаголу. Сочетание «предлог 把 + объект действия 报告» играет роль обстоятельства. Данный перевод предложения более аутентичен китайской языковой традиции. При этом надо отметить, что в русском буквальном переводе оба варианта звучат одинаково: *Подготовьте отчет к пятнице*. Это простое побудительное предложение, отличающееся по значению от сложной конструкции *Нужно, чтобы доклад был* ***готов*** *к пятнице*, которая имеет значение долженствования.

Рассматриваемое предложение (8) может быть переведено на китайский язык и как двусоставное предложение 报告要在周五前准备好 (вариант 3). При переводе слово *доклад* переносится в начало конструкции, превращаясь в подлежащее. Следовательно, подлежащее *доклад* в русском придаточном предложении соответствует подлежащему в простом предложении в китайском языке. Переводческое соотношение других слов такое же, как в варианте 1. Различие порядка слов связано с тем, на чем говорящий делает акцент. Полученный третий вариант предложения с точки зрения грамматической семантики выражает страдательность, в нем пропущен предлог 被 (被准备好), но по форме оно не отличается от предложения с действительным залогом.

Таким образом, в связи с разнообразием видов изъяснительных придаточных предложений в русском языке переводческое соответствие в ки-

CC BY

тайском языке, где отсутствует данный вид конструкции, должно быть выбрано из ряда возможных вариантов: когда главная часть в русском предложении является двусоставной, то сложное предложение переводится как особое простое предложение с включённой частью в китайском языке; а когда главная часть является безличной, переводческим соответствием станет один из двух видов простых предложений: двусоставная конструкция или односоставная.

3.2. Предложения с определительными придаточными: проблемы перевода с русского языка на китайский

В китайском языке отсутствуют сложноподчиненные синтаксические структуры с определительным придаточным. Эквивалентом русского сложного предложения в китайском языке является простое предложение с определением, которое является сочетанием подлежащего и сказуемого, то есть предложение с включенным определением. Например:

(9) *Книга, которую ты читаешь, неинтересна*. — 你读的这本书没意思.

(10) *Я всегда помню тот день, когда меня приняли в университет*. — 我永远记得我被大学录取的那一天.

По мнению Сюй Фэнцай [Сюй Фэнцай, 2013, с. 123], сочетание подлежащего и сказуемого китайского языка, заменяющее придаточное определительное предложение русского языка, с помощью служебного слова 的 адъективируется, выполняя роль определения в китайском предложении. Мы считаем, что в этом состоит причина отсутствия определительных придаточных предложений в китайском языке. Русское предложение переводится как предложение с включенной частью адъективного типа. Это первый вариант переводческого соответствия.

Второй вариант перевода русского сложноподчиненного предложения с определительным придаточным соответствует простому предложению, построенному по модели сцепления （兼语式句） в китайском языке. Сцепление — это соединение двух предложений общим членом, который служит дополнением к сказуемому первого звена и одновременно подлежащим второго звена. Например: 我送他回家. — *Я провожу его домой*. В данном предложении 他 является сцеплением, так как играет роль и дополнения глагола 送 (*провожать*), и подлежащего действия 回家 (*вернуться домой*). Разница между предложением-сцеплением и предложением с включённым дополнением состоит в том, что член сцепления тесно связан с препозитивным глаголом и между ними нельзя сделать паузу и нельзя добавить наречие-обстоятельство. А между включённой частью и препозитивным глаголом наоборот: 我（非常）希望您来。

Рассмотрим еще один пример предложения-сцепления:

(11) *У меня есть друг, который умеет говорить по-китайски*.

В данном предложении определительное придаточное, во-первых, соответствует определению в китайском языке, поэтому предложение можно перевести как 我有一个会说中国话的朋友, а во-вторых, оно переводится и как простое предложение-сцепление: 我有一个朋友会说中国话, в котором 朋友 служит и дополнением глалога 有, и субъектом-подлежащим действия 说.

Если добавить во втором варианте запятую, то получится третий вариант: 我有一个朋友，会说中国话。 Это сложное предложение сцепления (连锁复句), в котором подлежащее (иногда оно пропускается) второго предложения является последним именным словом или словосочетанием первого предложения. В китайском языке обычно письменные предложения длиннее, с большим количеством второстепенных членов, как в первом варианте, а устные предложения короче, более ритмичны, как во втором и третьем вариантах. Выбор соответствующего перевода осуществляется в зависимости от коммуникативной установки автора высказывания.

Таким образом, сложноподчиненные предложения с определительными придаточными в русском языке соответствуют не только предложениям с включенным определением, но и предложениям-сцеплениям китайского языка.

3.3. Предложения с придаточными меры и степени: проблемы перевода с русского языка на китайский

В китайском языке отсутствуют сложноподчиненные предложения с придаточными меры и степени. Обычно они переводятся на китайский язык при помощи простых предложений. Мы видим, что придаточные меры и степени в русском языке соответствуют обстоятельствам, постпозиционным определениям предикатов (补语), обстоятельствам (状语) и определениям (定语) в китайском языке.

Рассмотрим переводческое соответствие придаточных предложений со значением степени с союзами *что / чтобы* обстоятельствам и постпозиционным определениям предикатов китайского языка. Сюй Фэнцай [Сюй Фэнцай, 2013, с. 125] утверждает, что конструируемые в китайском языке аналоги русских сложноподчиненных предложений с придаточными меры и степени считаются простыми предложениям. Например:

(12) *На улице было* ***так*** *светло,* ***что*** *хоть книжки читай*. — 街上亮得可以看书。

(13) *Не до* ***такой*** *степения глуп,* ***чтобы*** *не мог разобрать, холодно мне или тепло*. — 我还没有傻到分不清冷暖的程度.

Стоит уточнить, что в примерах 12, 13 русские придаточные степени соответствуют обстоятельствам и постпозиционным определениям предикатов простых предложений в китайском языке. Русское придаточное *хоть книжки читай* указывает на степень интенсивности проявления признака, обозначаемого сказуемым *светло* (*светло* как? насколько?); китайский 可以看书 дополнительно объясняет предикат 亮, тоже указывая на степень проявления признака.

Обстоятельство и постпозиционное определение предиката могут быть представлены как результативное 结果补语 (洗干净), направленное 趋向补语 (跑回来), возможное 可能补语 (洗得干净), временное, местное 时地补语 (写到晚上十一点), обстоятельство состояния 状态补语 (坐得整整齐齐), обстоятельство степени 程度补语 (苦极了) [Ма Чжэнь 2015, с. 63].

Проанализируем переводческое соответствие придаточных меры и степени со сравнительным союзом *как* обстоятельствам простых предложений в китайском языке. Тао Юань замечает, что при переводе предложения с конструкцией *так...*, *как* на китайский язык нужно служебное слово 得. Например:

(14) *Это «реверсивное» воздействие, или обратная связь, будучи зачастую важным, все же не* ***так*** *существенно,* ***как*** *это может показаться вначале*. — 这种“反演性”的影响， 或逆向联系往往是很重要的， 当然（但） 不像它当初表现得那样重要。

Данный пример является сложноподчинённым предложением с придаточным степени. Значения подчёркнутой части в русском и китайском предложениях соответствуют друг другу. Кроме того, придаточные степени со сравнительным союзом *как* эквивалентны обстоятельствам простых предложений в китайском языке, например:

(15) *Он не* ***такой*** *грубый,* ***как*** *нам показалось раньше*. — 他不像我们感觉的那么粗鲁.

В данном примере 他 (он) — подлежащее, 粗鲁 (грубый) — предикат, выраженный прилагательным. Между подлежащим и предикатом — обстоятельство 像我们感觉的, соответствующее придаточному степени с союзом *как* (*как нам показалось раньше*).

(16) *Он стучал в дверь* ***так*** *сильно,* ***как*** *только может*. 他竭尽全力地拼命敲门.

Здесь 他 (он) — подлежащее, 敲门 (стучать в дверь) — предикат. Между этими двумя частями — обстоятельство (竭尽全力地拼命), соответствующее придаточному со значением степени с союзом *как* (*как только может*).

Вышесказанное поясняет, что придаточные меры и степени со сравнительным союзом *как* соответствуют обстоятельствам простых предложений в китайском языке.

Мы замечаем, как определительные придаточные, некоторые придаточные меры и степени адъективируются с помощью служебного слова “的”, превращаясь в определение простых предложений китайского языка. Например:

(17) *Мама наполнила рюмку ровно настолько, чтобы гость не опьянел.* — 妈妈往酒杯里倒了刚好不能让客人喝醉的那么多的酒 (первый вариант перевода)

В этом примере придаточное меры и степени *чтобы гость не опьянел* соответствует выделенному определению в китайском предложении 不能让客人喝醉的.

Кроме того, вторым вариантом перевода сложноподчиненного предложения с придаточными меры и степени является простое предложение в форме сцепления: 妈妈往酒杯里倒的酒刚好不能让客人喝醉. В данном варианте подлежащим служит слово 酒 (которое выполняет функцию дополнения в русском предложении), 客人 (гость) становится дополнением к глаголу 让 и подлежащим для глагола 喝.

Таким образом, перевод сложноподчиненных предложений с придаточными меры и степени зависит от союза, который его присоединяет, и значения: 1) конструкции с союзами *что, чтобы* имеют переводческое соответствие обстоятельствам, постпозиционным определениям предикатов в китайском языке; 2) придаточные, присоединяемые сравнительным союзом *как*, переводятся как обстоятельства в простых предложениях в китайском языке; 3) придаточные меры, степени с количественным значением соответствуют определениям простых предложений китайского языка.

3.4. Предложения с придаточными времени: проблемы перевода с русского языка на китайский

Сложные предложения в китайском языке делятся на два типа: соединительные и подчиненные. Существуют разные точки зрения на их классификации по количеству и значениям.

Традиционно ученые, занимающиеся системным описанием китайского языка [Син Фуйи, 2014, с. 52, Дин Цзумин, 2009, с. 264], считают, что сложноподчиненные предложения делятся на противопоставляющие 转折, условно-сослагательные 假设, условные 条件, причинно-следственные 因果, целевые 目的. Другие лингвисты [Ма Чжэнь, 2015, с. 91—95] полагают, что, кроме приведенных выше, встречаются еще и временные.

Китайские ученые-русисты тоже разошлись во взглядах. Одни [Чжан Хуэйсэнь, 2004, с. 418, Сюй Фэнцай, 2013, с. 117] полагают, что среди китайских сложноподчиненных предложений можно выделять и временные. Сторонники иной точки зрения [Чэнь Готин, 2017, с. 130] утверж-

CC BY

дают, что в китайском языке время действия всегда выражается обстоятельством времени — либо сложным, либо простым, и поэтому в системе сложноподчиненных предложений китайского языка отсутствуют временные отношения.

Несмотря на различия точек зрения относительно придаточных времени в китайском языке, перевод данного типа предложений не вызывает особых затруднений у китайских учащихся. Хотя в русском языке придаточные времени связываются с главной частью с помощью различных союзов, а в китайском языке — посредством не союзов, а предлогов, послелогов и других служебных частей речи, в то же время большинство из них достаточно точно соответствуют друг другу при переводе:

在… 时候，正当… 时 — *когда*;
（在）… 之前 — *до того как, прежде чем, перед тем как*;
（在）…之后 — *после того как*;
从…起 — *с тех пор как*;
刚一…，就… — *как только, лишь, едва*;
随着… — *по мере того как*;
直到……为止 — *пока не*.

Благодаря выше приведенным межъязыковым параллелям китайские студенты легче воспринимают большинство сложноподчиненных предложений с придаточными времени в русском языке. Например:

(18) 她没睡觉的时候，我在看书 — *Я читал,* ***пока*** *она* ***не*** *спала* [Лапуцкая, 2020, с. 270].

В данном примере придаточное времени в русском предложении *пока она не спала* соответствует придаточному времени китайского языка 她没睡觉的时候.

Однако мы замечаем, что придаточные времени с союзом *пока не* обладают особенностью: они иногда соответствуют обстоятельствам, находящимся в постпозиции к предикатам, в простых предложениях китайского языка. Например:

(19) *Ребенку будут делать уколы до тех пор,* ***пока*** *у него* ***не*** *снизится температура*. — 孩子要一直打针到退烧为止.

В данном примере косвенное дополнение *ребёнку* к сказуемому *будут делать* при переводе превращается в подлежащее 孩子 (ребенок), и в результате неопределенно-личное предложение трансформируется в личное. Полученное предложение по семантике является страдательным, в котором перед словом 打针 пропущен предлог 被, но по форме оно не отличается от действительного предложения.

Придаточное времени в примере 19 *пока у него не снизится температура* преобразуется в обстоятельство 到退烧为止, находящееся в постпо-

зиции к предикату 打针 (делать уколы). Так данное русское сложноподчиненное предложение с придаточным времени может быть переведено как простое предложение китайского языка, при этом русское придаточное времени соответствует в китайском языке обстоятельству, находящемуся в постпозиции к предикату.

И. И. Лапуцкая [Лапуцкая, 2020, с. 270] предложила китайским студентам перевести предложения с союзом *пока не* с разным лексическим наполнением. Один из предложенных вариантов такой:

(20) *Я не пойду в театр,* ***пока не*** *куплю билеты*. — 我没买票就不会去剧院.

В данном примере сложноподчинённое предложение с придаточным времени соответствует простому предложению китайского языка, которое является предложением с последовательными глагольными предикатами 连动句 или 连谓句, то есть с двумя глагольными конструкциям, и оба обозначаемые действия относятся к подлежащему. Придаточное времени с союзом *пока не* соответствует одной из глагольных конструкций в таком предложении, в котором первая глагольная конструкция 没买票 является условием выполнения действия в первой глагольной конструкции 不会去剧院; конструкции связываются наречием 就.

Как утверждает И. И Лапуцкая, верный перевод предложения в примере 19 сделали только два китайских студента. Мы полагаем, причина заключается в том, что переводческое соответствие придаточных времени с *пока... не* простым предложениям с последовательными глагольными предикатами не является очевидным для студентов.

4. Заключение = Conclusions

Разнообразие видов изъяснительных, определительных придаточных предложений и придаточных меры и степени в сложноподчиненных конструкциях русского языка и отсутствие данных придаточных в китайском языке приводят к значительным затруднениям при переводе с русского языка на китайский и наоборот.

При переводе изъяснительных придаточных предложений нужно учитывать тип основы главной части: двусоставная она или односоставная (в случае с безличной конструкцией). Нужно также уделять внимание некоторым типам предложений китайского языка, и прежде всего — предложениям с включенными конструкциями. Предложения с включенным дополнением соответствуют изъяснительным придаточным. Предложения с включенным определением соответствуют определительным придаточным. Во-вторых, необходимо обращать внимание на предложения-сцепления в китайском языке, которые соответствуют как определительным при-

даточным, так и придаточным меры и степени русского языка. В-третьих, предложения с последовательными глагольными предикатами в китайском языке соответствуют придаточным времени в сложных предложениях русского языка.

Очень важно учитывать роль одного из членов китайского предложения — обстоятельства в постпозиции к предикату (补语), которое отсутствует в русском языке, поскольку оно соответствует и придаточным меры и степени и придаточным времени.

Литература

1. *Ван Лань.* Русские сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры в переводе на китайский язык / Ван Лань, О. А. Михайлова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2020. — Том 13. — С. 272—276. — DOI: 10.30853/filnauki.2020.10.53.

2. *Дин Шэншу*. О грамматике современного китайского языка / Дин Шэншу. — Пекин : Коммерческая пресса, 1980. — 228 с. (丁声树. 现代汉语语法讲话. — 北京：商务印书馆，1980. — 228页).

3. *Дин Цзунмин.* Курс грамматики современного китайского языка / Дин Цзумин. — Пекин : Издательство Пекинского университета, 2009. — 354 с. (丁宗明. 现代汉语语法教程北京. — 北京大学出版社，2009. — 354页).

4. *Лапуцкая И. И.* Понимание китайскими студентами временных конструкций с союзами пока, пока не / И. И. Лапуцкая // Картина мира через призму китайской и белорусской культур : сборник статей международной научно-практической конференции, Минск, 6 декабря 2019 г. / Белорусский государственный экономический университет ; редкол. : М. В. Мишкевич (гл. ред.) [и др.]. — Минск : Колорград, 2020. — С. 267—271. — ISBN 978-985-596-595-5.

5. *Ли Цзиньси.* Новые работы по грамматике китайского языка / Ли Цзинь. — Чанша : Издательство образования Хунань, 2007. — 347 с. (黎锦熙. 新著国语文法. — 长沙：湖南教育出版社，2007. —347页).

6. *Ма Чжэнь.* Краткий курс практической грамматики китайского языка / Ма Чжэнь. — Пекин : Издательство Пекинского университета, 2015. — 176 с. (马真. 简明汉语实用语法教程. — 北京：北京大学出版社，2015. — 176页).

7. *Петрова Л. Г.* Способы выражения целевых отношений в китайском и русском языках на уровне простого предложения : сравнительный анализ / Л. Г. Петрова, В. Дунюэ // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 4 (64). — Т. 1. — С. 155—158.

8. *Петрова Л. Г.* Характеристика китайских сложноподчинённых предложений, выражающих собственно-причинные отношения, в сравнении с русскими аналогами в учебных целях / Л. Г. Петрова, А. Г. Мартиросян // Проблемы современного педагогического образования. — 2016. — № 52—6. — С. 193—199.

9. *Син Фуйи.* Исследование китайских сложных предложений / Син Фуйи. —Пекин : Коммерческая пресса, 2014. — 695 с. (邢福义. 汉语复句研究. — 北京：商务印书馆，2014. — 695页).

10. *Сюй Фэнцай*. Сравнительное изучение русско-китайских сложных предложений / Сюй Фэнцай. — Пекин : Издательство по преподаванию и исследованию ино-

странных языков, 2013. — 186 с. (许凤才. 俄汉语复合句对比研究. — 北京：外语教学与研究出版社，2013. — 186页).

11. *Тао Юань.* Анализ универсалии предложений с “как” на основе параллельного корпуса русского и китайского языков / Тао Юань // Вестник Московского университета. Серия 13 : Востоковедение. — 2017. — № 4—1. — С. 3—19.

12. *Фан Юцин.* Практическая грамматика китайского языка / Фан Юцин. — Пекин : Издательство Пекинского университета языка и культуры, 2008. — 513 с. (房玉清. 实用汉语语法. — 北京语言大学出版社，2008. — 513页).

13. *Чжан Хуэйсен.* Сравнительное изучение русского и китайского языков / Чжан Хуэйсен. — Шанхай : Шанхайское издательство по обучению иностранным языкам, 2004. — 496 с. (张会森. 俄汉语对比研究（上卷）. — 上海：上海外语教学出版社，2004. — 496页).

14. *Чэнь Готин*. Сравнительный синтаксис русского и китайского языков / Чэнь Готин. — Шанхай : Издательство Shanghai Foreign Language Education Press, 2014. — 306 с. (陈国亭. 俄汉语对比句法学. — 上海 : 上海外语教育出版社， 2014. — 306页)

15. *Чэнь Си.* Сложные предложения в современном российском и китайском газетном тексте [Электронный ресурс] / Чэнь Си // Московский Педагогический Государственный Университет. — 2014. — № 8. — Т. 3. — Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/slozhnye-predlozheniya-v-sovremennom-rossiyskom-i-kitayskom-gazetnom-tekste (дата обращения 21.11.2021).

16. *Шатравка А. В.* Основные способы перевода включающих предложений с китайского языка на русский / А. В. Шатравка, К. К. Борнякова // Теоретическая и прикладная лингвистика. — 2016. — Т. 2. — № 4. — С. 85—92. — DOI: 10.22250/2410-7190-2016-2-4-85-92.

17. *Ши Чунхун.* Базовые знания китайского языка (грамматика) / Ши Чунхун. — Пекин : Издательство Пекинского университета языка и культуры, 2011. — 275 с. (施春宏. 汉语基本知识（语法篇）. — 北京：北京语言大学出版社，2011. — 275页).

References

Chen Guoting. (2014). *Comparative Russian-Chinese grammar*. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press. 306 p. (In Chin.).

Chen Xi. (2014). Complex Sentences in Modern Russian and Chinese newspaper text. *Moscow Pedagogical State University, 8 (3)*. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/slozhnye-predlozheniya-v-sovremennom-rossiyskom-i-kitayskom-gazetnom-tekste (accessed 21.11.2021). (In Russ.).

Ding Congming. (2009). *Modern Chinese Grammar Course*. Beijing: Peking University Press, 354 p. (In Chin.).

Ding Shengshu. (1980). *Modern Chinese grammar speech*. Beijing: Commercial Press. 228 p. (In Chin.)

Fang Yuqing. (2008). *Practical Chinese grammar*. Beijing: Language and Culture University Press. 513 p. (In Chin.).

Laputskaya, I. I. (2020). Understanding by Chinese students of temporary constructions with unions for now, not yet. In: *The picture of the world through the prism of Chinese and Belarusian cultures: a collection of articles of the International scientific and practical conference, Minsk, December 6, 2019*. Minsk: Colorgrad. Pp. 267—271. ISBN 978-985-596-595-5. (In Russ.).

Li Jinxi. (2007). *New Chinese Grammar*. Changsha: Hunan Edition Edition. 347 p. (In Chin.).

Ma Zhen (2015). *A Course for Practical Chinese Grammar*. Peking University Press: Beijing. 176. (In Chin.).

Petrova, L. G., Dunyue, V. (2015). Ways of expressing target relations in Chinese and Russian at the level of a simple sentence: comparative analysis. *Bulletin of Kemerovo State University, 4 (64) / 1:* 155—158. (In Russ.).

Petrova, L. G., Martirosyan, A. G. (2016). Characteristics of Chinese compound sentences expressing proper causal relations in comparison with Russian analogues for educational purposes. *Problems of modern pedagogical education, 52 (6):* 193—199. (In Russ.).

Shatravka, A. V., Bornyakova, K. K. (2016). The main ways of translating inclusive sentences from Chinese into Russian. *Theoretical and applied linguistics, 2 (4):* 85—92. DOI: 10.22250/2410-7190-2016-2-4-85-92. (In Russ.).

Shi Chunhong. (2011). *Basics of Chinese Language (Grammar)*. Beijing: Beijing Language and Culture University Press. 275 p. (In Chin.).

Tao Yuan. (2017). Analysis of the universality of sentences with “how” based on the parallel corpus of Russian and Chinese languages. *Bulletin of the Moscow University. Series 13: Oriental Studies, 4-1:* 3—19. (In Russ.).

Wang Lan, Mikhailova, O. A. (2020). Russian compound sentences of an undifferentiated structure translated into Chinese. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 13:* 272—276. DOI: 10.30853/filnauki.2020.10.53. (In Russ.).

Xing Fuyi. (2014). *Research on Chinese compound Sentences*. Beijing: Commercial Press. 695 p. (In Chin.).

Xu Fengcai. (2013). *A Comparative Study of Russian and Chinese Compound Sentences.* Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press. 186 p. (In Chin.).

Zhang Huisen. (2004). *Comparative study of Russian and Chinese, 1.* Shanghai: Shanghai Foreign Language Teaching Press. 496 p. (In Chin.).

Статья поступила в редакцию 20.10.2020,
одобрена после рецензирования 21.12.2021,
подготовлена к публикации 15.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Воскресенская Н. А. Семантическая типология лексики пандемии : ковид-неологизмы в английском, французском и немецком языках / Н. А. Воскресенская, О. О. Гулик, Т. С. Малышева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 48—61. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-48-61.

Voskresenskaya, N. A., Gulik, O. O., Malysheva, T. S. (2022). Semantic Typology Pandemic Vocabulary: Covid Neologisms in English, French and German. *Nauchnyi dialog, 11(3):* 48-61. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-48-61. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-48-61

Семантическая типология лексики пандемии: ковид-неологизмы в английском, французском и немецком языках

Воскресенская Наталья Александровна
orcid.org/ 0000-0002-8728-8603
кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой зарубежной лингвистики
voskresenskaya@unn.ru

Гулик Оксана Олеговна
orcid.org/0000-0002-5684-2413
кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
кафедра зарубежной лингвистики
gulik@flf.unn.ru

Малышева Татьяна Сергеевна
orcid.org/ 0000-0002-5598-6183
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра зарубежной лингвистики
tsm70@list.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Semantic Typology Pandemic Vocabulary: Covid Neologisms in English, French and German

Natalia A. Voskresenskaya
orcid.org/0000-0002-8728-8603
PhD in Philology
Head of the Department
of Foreign Linguistics
voskresenskaya@unn.ru

Oksana O. Gulik
orcid.org/0000-0002-5684-2413
PhD in Philology, Senior Lecturer,
Department of Foreign Linguistics
gulik@flf.unn.ru

Tatayna S. Malysheva
orcid.org/ 0000-0002-5598-6183
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Linguistics
tsm70@list.ru

National Research Lobachevsky
State University
of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Воскресенская Н. А., Гулик О. О., Малышева Т. С., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются неологизмы, появившиеся под влиянием пандемии новой коронавирусной инфекции Covid-19, на материале английского, французского и немецкого языков. Неологизмы собраны методом сплошной выборки из доступных лексикографических источников и иноязычных интернет-ресурсов. Актуальность работы подтверждается стремительным ростом новообразований во всех рассматриваемых языках. Новизна исследования заключается в компаративном подходе к анализу процессов номинации и в определении доминирующих областей семантической аттракции в данных лингвокультурах. Предлагается авторская классификация ковид-неологизмов. Поднимается вопрос о восприимчивости данных языков к новым реалиям, их продуктивности в процессе реагирования на изменения в различных сферах жизни общества. Делается вывод, что количество английских неологизмов превалирует над соответствующими единицами во французском и немецком языках. Подтверждается, что структура выделенных при анализе лексико-семантических групп неоднородна и носит в ряде случаев лакунарный характер. Высказывается предположение, что причиной этого могут являться как специфика словообразования языков, так и особенности менталитета конкретной лингвокультурной общности.

Ключевые слова:
пандемия Covid-19; коронавирус; неологизм; антропоцентризм; современный немецкий язык; современный французский язык; современный английский язык.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Neologisms that appeared under the influence of the pandemic of a new coronavirus infection Covid-19 are considered, based on the material of English, French and German languages. The basis of the study is formed by neologisms collected by continuous sampling from available lexicographic sources and foreign language Internet resources. The relevance of this work is confirmed by the rapid growth of neologisms in all the languages under consideration. The novelty of the study lies in a comparative approach to the analysis of nomination processes and in determining the dominant areas of semantic attraction in these linguistic cultures. The elements that have shown the greatest productivity and stable functioning are singled out. The author's classification of covid neologisms is proposed. The question is raised about the susceptibility of these languages to new realities, their productivity in the process of responding to changes in various spheres of society. It is concluded that the number of English neologisms prevails over the corresponding units in French and German. It is confirmed that the structure of the lexico-semantic groups identified during the analysis is heterogeneous and in some cases has a lacunar character. It is suggested that the reason for this may be both the specificity of the word formation of languages, and the peculiarities of the mentality inherent in a particular linguocultural community.

Key words:
pandemic; Covid-19; neologism; anthropocentrism; modern German; modern French; modern English.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’37::614.446

Семантическая типология лексики пандемии: ковид-неологизмы в английском, французском и немецком языках

© Воскресенская Н. А., Гулик О. О., Малышева Т. С., 2022

1. Введение = Introduction

2020—2021 годы были отмечены значительным количеством радикальных изменений, произошедших в жизни современного общества. Вирус, появившийся в декабре 2019 года, стремительно трансформировался в главного врага человечества. Параллельно с этим разворачивается процесс языковой концептуализации посредством непрерывно пополняющейся серии неологизмов, ведущих к дискурсивному осмыслению и анализу коррелирующих социокультурных, лингвистических и общественно-политических феноменов [Северская, 2020].

Освещение эпидемиологической ситуации в средствах массовой информации представляется значимым с позиции выявления ценностной составляющей, с одной стороны, а также определения картины мира, с другой, и показывает столкновения разных точек зрения [Карасик, 2020]. Анализ эксплицированных новых и потенциальных слов на материале трех разных языков также позволяет определить пересекающиеся и противоположные векторы развития национального самосознания, рефлектирующего в речи основные ключевые культурно-обусловленные признаки, конструирующие изменяющийся концепт ПАНДЕМИЯ в современном английском, немецком и французском языках.

Язык, будучи средством отражения общественного сознания, остро реагирует на все происходящие в социуме изменения, прирастая новыми лексическими единицами. Так, по данным английского лексикографа Р. Берчфилда, каждый год появляется около 800 новых слов, требующих описания и исследования [Burchfield, 2002]. Стремительный рост числа новых лексических единиц, отражающих изменения в различных сферах общественного устройства, традиционно привлекает внимание ученых-лингвистов, работающих в сфере неологии [Радбиль, 2021]. Значительное количество работ в последнее время посвящено исследованию новообразований в политическом дискурсе (В. Ф. Белова, В. О. Иосифова, К. И. Мялик, А. Н. Шимановича, Е. Е. Шпаковская и др.), медийном дискурсе и сфере компьютерных технологий (И. А. Беликова, Е. А. Блочина, Ф. Ю. Заблоцкий, Д. Е. Меренкова, Е. А. Оганисян, Ж. А. Сержанова и др.), экономике (К. В. Балуев, И. В. Дры-

CC BY

гина, А. А. Кокорин, Е. Н. Новикова и др.) и других областях человеческой деятельности. Пандемия короновируса не стала исключением. Ожидаемой реакцией на ее развитие явилось еще более активное пополнение лексического состава английского, немецкого и французского языков.

Под *неологизмами* в данной работе понимаются лексические единицы, созданные по существующим словообразовательным моделям, или новые значения, добавленные к существующим словам [Арнольд, 2012]. Более подробным можно считать следующее определение: неологизм — это новая лексическая единица / новое значение, появляющиеся на определенном этапе развития языка и основанные на коммуникативных нуждах определенного коммуникативного сообщества, получающие распространение и воспринимаемые как языковая норма. При этом большинство носителей языка определяют данную единицу как новообразование [Herberg, 2004].

Для квалификации новых лексических единиц в некоторых случаях используются термины *окказионализм* и *потенциальное слово*. Под последним понимается производное или сложное, реально не существующее слово, которое может быть создано в любой момент на основе продуктивных словообразовательных моделей данного языка [Ахманова, 2007]. Также *потенциализм* определяют как разновидность неологизмов, созданных авторами по продуктивным моделям словообразования и сочетаемости слов. А к *окказионализмам* относят авторские, индивидуально-стилистические неологизмы, имеющие целью добавить экспрессивность художественному тексту [Жеребило, 2010].

Взаимовключение или пересечение вышеуказанных групп слов может вызывать вопросы, однако большинство исследователей разделяют точку зрения, что неологизмы и окказионализмы не являются пересекающимися понятиями ввиду того, что первые считаются единицами языка, а окказионализмы, в свою очередь, — единицами речи. При этом момент перехода слова из статуса окказионализма в статус неологизма достаточно трудно отследить и зафиксировать [Грацкова, 2015].

Таким образом, принципиальное отличие неологизмов от окказионального и потенциального слова основывается на противопоставлении языка и речи, а окказиональные и потенциальные слова рассматриваются как факты речи, не закрепленные в языке [Ханпира, 1966].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Считается, что рост числа языковых неологизмов напрямую связан с прагматическими потребностями общества, то есть говорящий выбирает из современного лексического материала единицы, в большей степени соответствующие переживаемым мыслям и чувствам. В случае если тре-

CC BY

буемая единица отсутствует, видоизменению подвергается имеющийся лексический материал или создается новое слово [Будагов, 1977]. Таким образом, анализ подобных лексических новообразований дает возможность не только исключительно лингвистического исследования, но также и лингвокультурологического и социолингвистического, позволяя объективировать посредством анализа лингвистического материала то, какие цели и мишени являлись приоритетными для построения переосмыслений и номинирования новых объектов.

Исследовательская цель, таким образом, состоит в лингвистическом описании того, что на данный момент определяется как «коронасленг», ковид-неологизмы, «короналексика», коронавирусный словарь, словарь COVID-19, словарь самоизоляции, ввиду того, что с 2020 года пандемия превратилась в «временный тематический дискурс» [Новикова и др., 2020].

Рядом исследователей выдвигается идея, что коронавирусный дискурс стал «утилитарной сверткой» общения о волнующих общество современных проблемах, заменив собой любые другие актуальные темы [Lobin, 2020; Lawson, 2020].

Резкий рост числа ковид-неологизмов ставит вопрос и о возможностях дальнейшего функционирования подобной лексики в пост-ковидный период. Очевидно, что лингвистическое прогнозирование возможностей их выживания зависит от целого комплекса изменяющихся факторов, однако можно отметить, что возможность вступать в словообразовательные процессы является одним из ключевых параметров, которые невозможно игнорировать.

Подчеркивается, что активность и динамика производных лексических единиц напрямую свидетельствуют о том, насколько воспринят и декодирован носителями языка исходный элемент, от которого появились данные новообразования.

Основное отличие производных лексических единиц от непроизводных состоит в том, что непроизводные усваиваются системой языка «поштучно», а производные характеризуются «помодельным» способом репрезентации в дидактических целях [Кубрякова, 1986]. Исследователи, проводя аналогию с процессом саморепликации, обеспечивающим выживание вируса в организме-носителе, предлагают термин *языковая репликация* по отношению к серии дериватов различных уровней [Погорелова, 2020], появившихся под влиянием новой коронавирусной инфекции.

Основными методами, используемыми в данной работе, являются сопоставительный метод, метод комплексного структурно-семантического анализа, дефиниционный метод, контекстуальный анализ.

В исследовании рассматриваются единицы, зафиксированные британскими лексикографами в Cambridge Dictionary Blog с пометкой «neologism»

за период 2020 — начала 2021 года; немецкими лингвистами Института немецкого языка им. Лейбница в словаре неологизмов на портале OWID; новые единицы или единицы, получившие актуализацию значения, и зафиксированные во французских словарях: толковом словаре Le Petit Robert (2021 и 2022 годов) и энциклопедическом словаре Le Petit Larousse (2021 и 2022 годов), а также новая лексика, закрепившаяся во французской разговорной речи, в языке официальных документов, языке СМИ и интернета, но на данный момент не зафиксированная в словарях. Представляется, что такой подход охватывает все неологизмы, отражающие изменения, произошедшие в жизни человека за период от начала пандемии по настоящий момент.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Основные результаты изучения английских, французских и немецких неологизмов пандемии (2020—2021 годы)

Представляется, что появляющиеся лексические единицы выступают как средства диагностики новой жизненной реальности. Их аксиологическая маркированность дает возможность «воспринять хаос разрозненных впечатлений и ощущений, вычленить свойства, обозначить общее и единичное, классифицировать бесчисленные и подвижные элементы действительности, снова сложить их в единую картину и далее воспринять и осмыслить ее» [Скляревская, 2004, с. 71]. В этой связи возникает вопрос о том, насколько схоже реагируют языковые системы различных лингвоэтносов на появление новых и изменение существующих жизненных реалий. Для ответа на данный вопрос в статье рассматриваются лексико-семантический, словообразовательный и стилистический аспекты неологизмов пандемии 2020—2021 годов на материале английского, немецкого и французского языков.

3.2. Лексико-семантический аспект

Ключевые семантические компоненты английских, французских и немецких неологизмов пандемии периода 2020—2021 годов

Для анализа были отобраны лексические неологические единицы трех языков, имеющие:

1. Компоненты «pandemic», «covid», «corona» или их усеченные части типа «-demic», «cov-», «coron-» в составе слова. Например: англ.: *twindemic, spendemic, coronnial, coronavision* [CD]; нем.: *Coronaabitur, Coronaabstand, Coronaaccessoire, Coronaalltag, Coronaapp, Coronaatemtest, Coronabauch, Coronabekämpfung, coronafrei, coronabedingt, coronageschädigt, COVID-19-App, Covidiot, Covidtest, CovPass, Pandemiemüdigkeit, Pandemiewelle, Panikdemie* [NW]; фр.: *coronabdos, coronaparties, coronapéro, coronapiste, covidiot, covidiomes* («Lundimanche», «apérue », «coronabdos » … // lemonde.fr, 2020) [AA].

2. Семантический компонент, выраженный в дефиниции, соотносящий единицу с ЛСГ (лексико-семантической группой) «pandemic». Например: англ.: *antimasker* — ‘someone who refuses to obey the rule that a mask must be worn in public places to help protect people from covid-19’ [CD] (‘человек, который отказывается следовать правилам ношения масок в общественных местах, предназначенным для защиты остальных от распространения Covid-19’); нем.: *Abstandsparty* — ‘gemeinsame Feier, die unter Einhaltung der während der COVID-19-Pandemie geltenden Kontakt- und Alltagsbeschränkungen stattfindet’ [NW] (‘вечеринка с соблюдением социальной дистанции’); фр.: *Le patient zéro* — ‘la première personne a avoir été contaminée lors d’une épidémie’ (dictionnaire.lerobert.com, 2021) [AA] (‘первый пациент, который заразился в период пандемии’).

3. Семантический компонент, соотносящий единицу с ЛСГ «pandemic», не закрепленный в дефиниции, но отраженный в контексте, на основании которого единица была зафиксирована как неологизм. Например: англ.: *minimony* (‘скромная свадебная церемония’): *Minimonies are a good compromise for couples who’ve been forced to postpone their weddings due to … COVID-19. A* ***minimony*** *is a wonderful way to honor and celebrate your original wedding date. You can choose to get legally married at your minimony even if you still plan to host a larger celebration at a later time* [CD]; нем.: *Minihochzeit* (‘церемония бракосочетания с весьма ограниченным числом приглашенных’): *Weil das Burghotel eine eigene kleine Kapelle hat, können Paare nicht nur standesamtlich, sondern im ganz kleinen Kreis auch kirchlich getraut werden im Lippischen. [Stephanie] Schnehagen: “Als Gegenstück zu den großen Festen sind die* ***Minihochzeiten*** *im kleinsten Familien- oder Freundeskreis längst ein echter Trend”* [NW]; *AU per Telefon* (‘подтверждение о заболевании сотрудника, полученное не на приему у врача, а по телефону’): *Europas bekanntestes Telemedizin Unternehmen “au-schein.de” bietet seine Online-Krankschreibungen bei COVID-19-Verdacht zur Eindämmung des Coronavirus nun auch bei COVID-19-Symptomen an. Das nützt besonders allen Kassenpatienten, nachdem die Sondererlaubnis für Kassenärzte zur Arbeitsunfähigkeitsbescheinigung (= AU) per Telefon trotz massiver Kritik am 31. Mai endet. Gemäß Forsa-Umfrage nutzten 39 % aller Krankgeschriebenen diese* ***AU per Telefon****, von denen 43 % COVID-19-Verdacht hatten und 10 % ohne die Möglichkeit zur Telefon-AU lieber krank zur Arbeit gegangen wären* [Ibid.]; *Nasenpimmel* (нос, выглядывающий над маской при ее неправильном ношении на подбородке): *“Keine Maske” sehe ich in Berlin sehr selten. Aber dafür viele mit* ***Nasenpimmel****: Maske nur über dem Mund, wenn überhaupt. Und der fette Zinken guckt raus. Also wird zwar eine Maske getragen, aber es ist trotzdem sinnlos (und es sieht eklig aus, aber darum gehts leider nicht)* [Ibid.]; фр.: *le lundimanche* (‘неделя состоит только из од-

CC BY

ного и того же дня, который повторяется по кругу'): *la semaine ne comporte plus qu'un seul et même jour qui se répète en boucle* («Lundimanche», «apérue», «coronabdos» … les nouveaux mots du confinement // lemonde.fr, 2020) [AA]; *la jauge* ('вместимость общественного помещения в период ограничений'): *Capacité d'accueil d'un lieu public: Une jauge de mille personnes* (dictionnaire.lerobert.com, 2021) [Там же].

Анализ семантических компонентов, отразивших изменения в жизни общества, вызванные развитием пандемии Covid-19

Влияние пандемии на жизнь человека привело к появлению множества антропоориентированных неологизмов. Значительная их часть является рефлексией на изменения в рабочей сфере или личном пространстве человека.

Среди неологизмов, отражающих изменения в профессиональной деятельности, можно выделить единицы, обозначающие:

1. Новые профессии / виды деятельности, появившиеся под влиянием распространения пандемии:

англ.: *space marshal* — 'человек, чьими должностными обязанностями является помогать людям соблюдать социальную дистанцию и контролировать ношение масок'; *joy strategist* — 'человек, профессионально помогающий другим людям стать счастливее' [CD];

нем.: *Einkaufshelfer* — 'человек, совершающий покупки для людей, находящихся на самоизоляции'; *Coronadetektiv* — (частично занятый) 'человек, отслеживающий (по телефону) цепочки заражений, либо аналогичная компьютерная программа'; *Coronaexperte* — 'эксперт в вопросах коронавирусной инфекции' [NW].

2. Новые явления, сопутствующие работе в условиях пандемии:

англ.: *zoomwear* — 'стиль одежды, предполагающий ношение офисной одежды сверху и домашней одежды снизу'; *workation* — 'отпуск, предполагающий, что вы остаетесь в отеле или иных апартаментах и при этом работаете удаленно'; *half-tourist* — 'путешествующий человек, который тратит половину своего времени на удаленную работу'; *cloffice* (*closet+office*) — 'кладовка / пространство для хранения, которое было переорганизовано под домашний офис'; *schoolcation* — 'семейный отпуск, в течение которого дети получают онлайн-занятия'; *flexi-schooling* — 'сочетание онлайн- и офлайн-занятий'; *zoom fatigue* — 'усталость, вызванная длительной работой онлайн в приложении Zoom' [CD];

нем.: *Zoomschule* — 'онлайн-занятие на платформе Zoom'; *Homeworker* — 'человек, работающий дистанционно, из дома'; *Workation* — 'работа в дистанционном режиме во время отпуска' [NW];

фр.: *le distanciel, le télétravail* (dictionnaire.lerobert.com, 2021) [AA] — 'работа в дистанционном режиме'; *le présentiel* [Ibid.] — работа в очном

CC BY

режиме, *zoomer* [Ibid.] — ‘работать в зуме’; *la continuité pédagogique* (Bref lexique du confinement // https://oreilletendue.com, 2020) [AA] — ‘непрерывное образование (в условиях пандемии — сочетание работы в очном и дистанционном формате)’; *la quaranthèse* (Rédiger (ou pas) en période de quaranthèse // affairesuniversitaires.ca, 2020) [Там же] — ‘написание и защита диссертации во время карантина’; *le linge mou* (Bref lexique du confinement // oreilletendue.com, 2020) [AA] — ‘стиль одежды, предполагающий ношение удобной одежды при работе в дистанционном формате’.

3. Дифференциация предприятий и профессий по их значимости:

фр.: *les commerces essentielles* — ‘непрерывно действующие организации, в которых невозможна приостановка работы’ и *les commerces non-essentiels* — ‘организации, работа которых приостанавливается или ограничивается во время локдауна, вызванного пандемией ковид-19’ (Le moment meurice // franceinter.fr, 2020) [AA].

Среди неологизмов, отражающих изменения в личной жизни и формах социального взаимодействия, можно выделить единицы, обозначающие:

1. Людей, вовлеченных в процесс «проживания» пандемии:

англ.: *coronnial* — ‘ребенок, родившийся в период пандемии коронавируса’; *quaranteen* — ‘подросток, время взросления которого пришлось на период пандемии’; *lockdowners* — ‘люди, вынужденные находиться в режиме строгой самоизоляции’ [CD];

нем.: *Coronababy* — ‘ребенок, зачатый в режиме самоизоляции’; *Coronageneration* — ‘поколение молодых людей, закончивших (профессиональное) образование в период пандемии и, как следствие, имеющих худшие возможности для профессионального роста’ [NW];

фр.: *la Génération COVID-19* (Bref lexique du confinement // oreilletendue.com, 2020) [AA]; *les corona boomers* (Les mots du covid-19 // francoisenore.com, 2020) [Там же] — ‘дети, зачатые в период пандемии’.

2. Изменения, отражающие ограничения социальных связей:

англ.: *social bubble* — ‘небольшая группа друзей и родственников, с которыми разрешено встречаться в период ослабления ограничительных мер’; *double bubble* — ‘две семьи, находящиеся на изоляции, которым разрешено встречаться’; *quaranteam* — ‘люди, которые будут проводить изоляцию вместе’ [CD];

нем.: *Parantäne* — ‘режим самоизоляции, соблюдаемый (супружеской) парой’; *Coronabier* — ‘посещение компанией пивного ресторана с обязательным соблюдением социальной дистанции’; *Coronaeltern* — ‘родители, подвергающиеся повышенным физическим, психическим и финансовым нагрузкам в связи с закрытием детских садов в период пандемии’; *Balkon-Sänger* — ‘балконный певец’, ‘человек исполняющий песни с балкона для поднятия людям настроения в период самоизоляции’ [NW];

фр.: *la quatorzaine* (“Cliqué-retiré”, “coronapiste” ... Ces mots que la crise du Covid fait entrer dans le dictionnaire // lci.fr, 2021) [AA] — ‘14-дневный карантин’; *le pass sanitaire* (dire-ne-pas-dire/neologismes-anglicismes // academie-francaise.fr, 2021) [Там же] — ‘документ, разрешающий посещение общественных мест в период пандемии’; *le traçage numérique* («Whatsapero», «immobesite» ou «coronials» … // lemonde.fr, 2020) [Там же] — ‘цифровое отслеживание на основе данных мобильного телефона’; *la jauge* (dictionnaire.lerobert.com, 2021) [Там же] — ‘вместимость общественного помещения в период ограничений’; *le jour interdi* («Whatsapero» , «immobesite» ou «coronials» … // lemonde.fr, 2020) [Там же] — ‘день, когда вводятся ограничения на передвижение, работу’; *le confinement, le confifi* (Petit Larousse illustré 2022 … // francetvinfo.fr, 2021) [Там же] — ‘изоляция’; *le balconfinement* (Coronavirus … // ouest-france.fr, 2020) [Там же] — ‘балконная изоляция’; *les gestes barrières* («Lundimanche», «apérue», «coronabdos» … // lemonde.fr, 2020) [Там же] — ‘жесты, поведение, служащие соблюдению социальной дистанции’. Во французском языке многочисленны неологизмы, описывающие употребление алкоголя в режиме самоизоляции: *le coronapéro, le whatsapéro, le skypéro, le zoomapéro* (*corona, skype, zoom, whatsApp + apéritif*), *le vodkafone, le whiskype, le Zoombar* («Lundimanche», «apérue», «coronabdos» … // lemonde.fr, 2020) [Там же].

3. Изменения во внешности людей, переживающих пандемию:

англ.: *crisis beard* — ‘борода, отпущенная в результате переживания длительного стресса’; *lockdown tache* — ‘усы, отпущенные в период карантина’; *maskne* — ‘акне, появившееся в результате длительного ношения защитной маски’ [CD];

нем.: *der Coronabauch* — ‘живот, появившийся из-за недостатка движения в период самоизоляции’; *der After-Corona-Body* — ‘расположевшая в результате дефицита движения на самоизоляции фигура’; *die Corjnafrisur* — ‘отросшие волосы или прическа, появившаяся в результате непрофессиональной стрижки в период локдауна’ [NW];

фр.: *grovid* (*gros bide* + *covide*) — ‘большой живот, появившийся из-за недостатка движения в период самоизоляции’; *grasduvid* (*gras du bide* (‘человек с большим животом’) + *covid*) — ‘человек с большим животом, появившемся из-за недостатка движения в период самоизоляции’ («Lundimanche», «apérue», «coronabdos» … // lemonde.fr, 2020) [AA].

4. Нарушения физического здоровья людей в период пандемии:

англ.: *covid toe* — ‘сыпь на пальцах ног, считавшаяся признаком коронавируса’; maskne — ‘акне, появившееся в результате длительного ношения защитной маски’ [CD];

нем.: *der Coronafuß, der Coronazeh* — поражения нижних конечностей, возникающих вследствие перенесенной коронавирусной инфекции;

CC BY

die Coronazunge — ‘характерный налет, язвочки на языке, появляющиеся при коронавирусной инфекции’; *der Maskenpikel* — ‘сыпь на лице, появляющаяся из-за длительного ношения маски’ [NW];

фр.: *immobésité* («Whatsapero», «immobesite» ou «coronials» … // lemonde.fr, 2020) [AA] — ‘избыточный вес, вызванный ограничением движения во время карантина’.

5. Негативные психические состояния / расстройства, возникающие в период пандемии:

англ.: *boreout* — ‘переутомленность и депрессия от скучной работы’, *coronaphobia* — ‘страхи, связанные с неконтролируемым распространением нового вируса’, *long covid* — ‘состояние, при котором люди, пережившие ковид, продолжают испытывать проявление симптомов и имеют плохое самочувствие в течение длительного времени’; *corona moaner* — ‘человек, постоянно высказывающий опасения и переживания по поводу пандемии’; *covidivorce* — ‘развод как следствие слишком длительного пребывания супругов в замкнутом помещении’ [CD];

нем.: *der Pandemieblues* — ‘унылое, депрессивное состояние, возникающее в период самоизоляции’; *die Coronaangst* — ‘страх заразиться коронавирусом’ [NW];

фр.: *covidéprimer* (“N’oublie pas ton masque!” … // ledauphine.com, 2020) [AA] — ‘находиться в депрессии из-за ковида’; *solidaritude* («Lundimanche», «apérue», «coronabdos» … // lemonde.fr, 2020) [Там же] = *solidarité* (‘солидарность’) + *solitude* (‘одиночество’) — окказионализм, (появившийся в 1973 году, но получивший новый контекст); *covidiotie* (fr.wiktionary.org/wiki, 2021) [Там же], *paranovirus* (Commerces non-essentiels … // franceinter.fr, 2021) [Там же], *coronacircus* (Victoria Abril … // lefigaro.fr, 2021) [Там же], *comoronvirus* (Bref lexique du confinement // oreilletendue.com, 2020) [Там же] — ‘коронойя’; *la mélancovide* (Bref lexique du confinement // oreilletendue.com, 2020) [Там же] — ‘меланхолия, вызванная ковидными ограничениями’.

6. Изменение финансового поведения и потребительских привычек людей. Анализ отобранных единиц обнаруживает некоторые противоречивые тенденции относительно финансового поведения людей. С одной стороны, это тенденция, направленная на экономию денежных средств: *minimony* — ‘свадебная церемония в узком кругу, которая проводится до или вместо основного торжества’; *microwedding* (англ.) [CD], *Minihochzeit* (нем.) — ‘свадьба с маленьким количеством приглашенных’ [NW]. С другой — тенденция, предполагающая трату больших средств, чем обычно, как компенсация за невозможность совершать регулярный привычный шоппинг: *revenge spending* (англ.) — ‘более активная трата денежных

CC BY

средств как результат ограничительных мер'; *comfort spending* (англ.) — 'покупка приятных вещей для личного пользования как способ справиться со стрессом'; *revenge travel* (англ.) — 'более активное инвестирование в путешествия как результат невозможности регулярно отдыхать за границей' [CD]; *Hamsteritis* (нем.) — 'покупка товаров в неоправданно больших количествах в период пандемии' [NW].

7. Повышенный уровень рутины и однообразия в жизни большинства граждан:

англ.: *blursday* — любой день недели в период пандемии, поскольку невозможно определить день точно; *anthropause* (англ.) — 'период времени, когда человеческая активность заметно снижена' [CD];

нем.: *Coronaalltag* — 'повседневная рутина, обусловленная антиковидными предписаниями и ограничениями' [NW];

фр.: *le confinemanche* — 'любой день недели во время пандемии' («Lundimanche», «apérue», «coronabdos» … // lemonde.fr, 2020) [AA].

8. Отношение людей к пандемии и связанным с ней предписаниям и ограничениям:

Особенности социального поведения отражаются в лексических единицах, обозначающих людей, отрицающих необходимость локдауна и выступающих против масочного режима: *der Lockdownkritiker* (нем.) [NW], *der Mundschutzgegner* (нем.) — 'антимасочник', *der Maskenverstoß* (нем.) — 'нарушение масочного режима' [Ibid.]; *covidiot* (фр.) (dictionnaire.lerobert.com, 2021) [AA]; тот, кто, выступает против вакцинации: *der Impfzögerer* (нем.) [NW], *un antivax, un antivaccin* (фр.) (dictionnaire.lerobert.com, 2021) [AA]; *corona moaner* (англ.) — человек, постоянно переживающий из-за короновируса [CD].

Функциональный потенциал неологизмов данной группы не ограничивается номинированием, они передают отношение к новым реалиям отдельных индивидов, социальных групп и общества в целом. Так, например, в немецком языке защитная маска для лица (нейтр. *die Mund-Nasen-Schutz-Maske*) во время пандемии вызывает все больше негативных эмоций, что привело к возникновению таких стилистически окрашенных синонимов, как *der Gesichtslappen* (шутл.), *der Mundschmutz* (ирон.), *der Maulkorb* (пренебр.) [NW]. Человек, протестующий против антиковидных ограничений (нейтр. *der Coronaprotestler*), может быть подвержен отрицательной эмоциональной оценке: *der Covidiot* (пренебр.) [Ibid.], *le covidiot* («Whatsapero», «immobesite» ou «coronials» … // lemonde.fr, 2020) [AA]. Растущее количество эмоционально окрашенных единиц, в том числе контаминантов, объясняется реакцией общества на непрекращающиеся вызовы со стороны новой реальности, в которой человечество вынуждено существовать, его стремлением к достиже-

CC BY

нию психологического комфорта. Среди причин, побуждающих человека к словотворчеству, часто выделяются социальные факторы, поскольку «контаминированные образования обладают контактоустанавливающей функцией, способствуют созданию атмосферы неформальности общения, являются оптимальным средством выражения эмоционально-экспрессивного и оценочного отношения субъекта к предметам и явлениям действительности» [Лаврова, 2013, с. 10]. Людическая функция языка предоставляет дополнительные возможности для лингвистического креатива и самовыражения, которые проявляются в том числе в языковой игре. В результате этой деятельности возникли такие эмоционально окрашенные новообразования, как *das Impfie* (от *das Selphie*) [NW], *la vaxxie* — ‘фотография в момент вакцинации’; *das Papplikum* (от *das Publikum*) — ‘«зрители» из картона, замещающие реальную публику в связи с социальными ограничениями’, *der Trikini* (от *der Bikini*) — ‘бикини, дополненный защитной маской’ [Ibid.].

3.3. Словообразовательный аспект

С точки зрения словообразования неологизмы, образованные в период активного развития пандемии, представляют собой богатый и разнообразный материал, включающий единицы всех возможных словообразовательных моделей:

1. Словосложение

англ.: *coronacoma* — ‘длительный нерабочий период в организации или долгий сон во время самоизоляции’, *coronaviva* — ‘защита научных тезисов, происходящая онлайн во время локдауна’ [CD];

нем.: *der Coronatest, der Covidpass, der Covidzeh, Pandemieweihnachten* [NW];

фр.: *le vaccinodrome* (‘центр массовой вакцинации, созданный в рамках борьбы с эпидемией или пандемией’), *le vaccibus* — ‘автобус, оборудованный для вакцинации’; *le lundimanche* (*lundi* (‘понедельник’) + *dimanche* (‘воскресенье’) — ‘единственный, повторяющийся день недели во время локдауна’), *l’infodémie* (*information* + *pandémie*) — ‘информационная эпидемия’) («Whatsapero» , «immobesite» ou «coronials … // www.lemonde.fr, 2020) [AA].

Особый интерес представляют случаи словосложения с участием числительных в немецком языке: *die 200-Notbremse* (‘ограничение послаблений при достижении отметки в 200 заболевших в день’), *die 1-2-3 Regel* (‘правило поведения в период пандемии: 1 маска, 2 метра дистанции, 3 раза в неделю тест на ковид’), *der 3G-Nachweis* (“мультипасс”) [NW].

2. Аффиксация

англ.: *maskless* — прилагательное, описывающее человека, не носящего маску, *masklessness* — отсутствие масок [CD], нем.: *coronal* — имеющий

CC BY

отношение к пандемии [NW]; фр.: *paucisymptomatique* (бессимптомный: префикс *pauci-*, обозначающий *«реu» / «мало»*, пришел во французский язык из латинского. Префикс употребляется в медицине и стал общеупотребительным в связи с пандемией) (dictionnaire.lerobert.com, 2021) [AA].

3. Словосложение + аффиксация

англ.: *zoombombing* — неожиданное появление постороннего участника в zoom-конференции; *lockdowner* — человек, проживающий период самоизоляции [CD];

нем.: *der Coronasünder, die Coronasterblichkeit, die Pandemiemüdigkeit* [NW].

4. Усечение

англ.: *rona* от *corona*;

франц.: *réa* является апокопой от слова *réanimation* (реанимация).

5. Аббревиация

англ:. *PUI* — ‘person under investigation’ (‘человек, находящийся под наблюдением медперсонала’), *WHF* — ‘working from home’ (‘работа из дома’) и т. п. [Al-Salman, 2021];

нем.: *der WSF* — ‘der Wirtschaftsstabilisierungsfonds’ (‘фонд экономической стабилизации’) [NW];

фр.: *EPI* — ‘équipements de protection individuelle’ (‘средства индивидуальной защиты’) (Comment la pandémie … // languagewire.com, 2021) [AA].

6. Контаминация:

англ.: *Loxit* (*lockdown* + *exit*) — процесс выхода из периода самоизоляции [CD];

нем: *die Coronoia* (*Corona* + *die Paranoia*) — панический страх заразиться коронавирусом, *die Paarantäne* (*das Paar* + *Quarantäne*) — ‘самоизоляция (супружеской) пары в период пандемии’, *der Covidiot* (*das Covid* + *der Idiot*) — ‘человек, неадекватно ведущий себя в отношении антиковидных мер’, *der Impfluenzer* (*die Impfung* + *Influencer*) — ‘лицо, оказывающее влияние посредством СМИ на формирование положительного отношения общества к вакцинации’, *Virol* (*der / das Virus* + Tirol) — ‘«рассадник» коронавируса, шутливое название для Тироля, где наблюдались неоднократные вспышки коронавируса’, *Coronachten* (*Corona* + *Weihnachten*) — ‘Рождество в условиях антиковидных ограничений’; *die Panikdemie* (*die Panik* + *die Pandemie*) — ‘паника, вызванная пандемией’; *die Pandemiemüdigkeit* — ‘усталость, подавленность, вызванная новыми правилами и ограничениями в период пандемии’ [NW];

фр.: *le dicorona* (Dicorona, le dictionnaire … // ladn.eu, 2020) [AA] (*dictionnaire* (словарь) + *coron*a).

7. Семантическая трансформация:

CC BY

lockdown (англ.), *der Lockdown* (нем.), *le lockdown* (фр.) — слова, изначально означавшие блокировку чего-либо, в настоящее время используются в первую очередь в значении ‘ограничение передвижения граждан и деятельности учреждений в период пандемии’; *social distance* (англ.); (*soziale*) *Distanz* (нем.), *distanciation sociale* (фр.) — термин, первоначально характеризовавший положение социальных групп и индивидов в социальном пространстве, принимает значение ‘минимальное расстояние между людьми (1,5 метра) с целью предотвращения распространения коронавирусной инфекции’; *mask* (англ.), *die* Maske (нем.), *la masque* (фр.), изначально обозначавшие накладку, скрывающую лицо, теперь ассоциируется, в первую очередь, со средством индивидуальной защиты граждан в период пандемии.

8. Заимствование

Например, нем.: *der Lockdown* — ‘ограничение передвижения граждан и учреждений в период чрезвычайных ситуаций’ [NW]; фр.: *cluster* — ‘источник заразы’. Источником заимствований в немецком и французском языках становится в первую очередь английский язык, при этом лексические единицы языка-донора подвергаются фонетической и грамматической ассимиляции в соответствии с языковыми нормами заимствующих языков. Так, английское *lockdown* приобретает в немецком языке грамматические категории рода /*der Lockdown*/ и падежа /*des Lockdowns*/; во французском языке произношение *klœs.tœʁ*\ сменилось французским *klœs.tœʁ*\ и существительное приобрело окончание *-s* множественном числе.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов:

1. Пандемия в той или иной мере оказала влияние на словарный состав всех рассматриваемых языков: английского, немецкого и французского, — обусловив расширение их лексического состава путем неологизации.

2. Количество неологизмов, созданных в английском языке, превалирует над соответствующими единицами, созданными средствами французского и немецкого языков, однако последние пополняются посредством неологизмов-заимствований из английского как языка-донора.

3. Производная лексика в целом, как и производные неологизмы в частности, имеют больше перспектив для закрепления в речи с последующим переходом в языковую систему.

4. Представляется интересным в качестве перспективы исследования произвести анализ данных единиц в более широком контексте. Вероятным кажется, что семантическая структура некоторых из них может претерпеть изменения в процессе функционирования в ближайшем постпандемическом будущем. Данная трансформация в условиях расширения значения

может стать одним из факторов, способствующих выживанию и устойчивому функционированию рассматриваемых единиц в современных английском, немецком и французском языках.

5. В целом рассматриваемые неологические единицы и им подобные фиксируют актуальные изменения, происходящие в обществе на фоне активного развития пандемии, а также актуализируют имеющиеся культурологические различия на материале трех отличных языков. Структура выделенных при анализе лексико-семантических групп в разных языках неоднородна и носит в ряде случаев лакунарный характер, причиной которого могут являться как специфика словообразования в языках, так и особенности менталитета представителей лингвокультурной общности. В данной связи интересно изучить влияние языковой ментальности на процессы неологизации словарного состава рассматриваемых языков.

Источники и принятые сокращения

1. AA — *Архив* авторов.
2. CD — *Cambridge* dictionary [Electronic resource]. — Access mode : https://dictionary.cambridge.org
3. NW — *Neologismenwörterbuch* : Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie [Electronic resource]. — Access mode : https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp.

Литература

1. *Арнольд В. И.* Лексикология английского языка / И. В. Арнольд. — Москва : Флинта ; Наука, 2012. —376 с.
2. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Москва : КомКнига, 2007. — 571 с.
3. *Будагов Р. А.* Что такое развитие и совершенствование языка? / Р. А. Будагов. — Москва : Наука, 1977. — 264 с.
4. *Грацкова И. Ю.* Неологизмы в современном английском языке / И. Ю. Грацкова // Science Time. — 2015. — № 5. — С. 114—118.
5. *Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. — Назрань : Пилигрим, 2010. — 486 с.
6. *Карасик В. И.* Эпидемия в зеркале медийного дискурса : факты, оценки, позиции / В. И. Карасик // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 25—34.
7. *Кубрякова Е. С.* Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. — Москва : URSS : ЛКИ, 2008. — 156 с.
8. *Лаврова Н. А.* Контаминация как словотворческая модель : структура, семантика, стилистика, прагматика (на материале современного английского языка) : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.02.04 / Н. А. Лаврова. — Москва, 2013. — 48 с.
9. *Новикова О. Н.* COVID-19 в контексте современного состояния исследования дискурса о пандемии / О. Н. Новикова, Ю. В. Калугина // Вестник Башкирского университета. — 2020. — Т. 25, № 2. — С. 376—381.
10. *Погорелова И. В.* COVID-19 : языковая репликация / И. В. Погорелова // Современный ученый. — 2020. — № 4. — С. 226—229.

11. *Радбиль Т. Б.* Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса : лингвокогнитивный аспект / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, И. В. Палоши // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 63—79.

12. *Северская О. И.* Ковидиоты на карантикулах : коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик / О. И. Северская // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7, № 4. — С. 887—906.

13. *Скляревская Г. Н.* Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2004. — 166 с.

14. *Ханпира Э.* Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании русского языка / Э. Ханпира // Развитие словообразования русского языка. — Москва : Наука, 1966. — С. 153—166.

15. *Al-Salman S.* COVID-19 trending neologisms and word formation processes in English / Saleh Al-Salman & Ahmad S. Haider Al-Salman // Russian Journal of Linguistics. — 2021. — № 25 (1). — Pp. 24—42.

16. *Burchfield R. W.* The English language / R. W. Burchfield, J. Simpson. — Oxford : Oxford univ. press, 2002. —208 p.

17. *Herberg D.* Steffens D unter Mitarbeit von Elke Tellenbach, Doris Al-Wadi. Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen / D. Herberg. — Berlin / NewYork : Walter de Gruyter, 2004. — XXXVII. — 393 s.

18. *Lawson R.* Coronavirus has led to an explosion of new words and phrases — and that helps us cope [Electronic resource] / R. Lawson // The Conversation. — Access mode : https://theconversa-tion.com/coronavirus-has-led-to-an-explosion-of-new-words-and-phrases-and-that-helps-us-cope-136909 (accessed 11.09.2021).

19. *Lobin H.* Kommunication in der Coronacrise [Electronic resource] / H. Lobin // Scilogs : Tagebücher der Wissenschaft. — Access mode : https://scilogs.spektrum.de/engelbart-galaxis/kommunika-tion-in-der-coronakrise/ (accessed 05.09.2021).

Material resources

AA — *Archive of authors*.

CD — *Cambridge dictionary*. Access mode: https://dictionary.cambridge.org.

NW — *Neologismenwörterbuch: Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie*. Access mode: https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp.

References

Akhmanova, O. S. (2007). *Dictionary of Linguistic terms*. Moscow: KomKniga. 571 p. (In Russ.).

Al-Salman, S., Haider Al-Salman, Ah. S. (2021). COVID-19 trending neologisms and word formation processes in English. *Russian Journal of Linguistics, 25 (1):* 24—42.

Arnold, V. I. (2012). *Lexicology of the English language*. Moscow: Flinta; Nauka. 376 p. (In Russ.).

Budagov, R. A. (1977). *What is the development and improvement of the language?* Moscow: Nauka. 264 p. (In Russ.).

Burchfield, R. W., Simpson, J. (2002). *The English language.* Oxford: Oxford univ. press. 208 p.

Herberg, D. (2004). *Steffens D unter Mitarbeit von Elke Tellenbach, Doris Al-Wadi. Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen, XXXVII.* Berlin / NewYork: Walter de Gruyter. 393 s.

Gratskova, I. Y. (2015). Neologisms in modern English. *Science Time, 5:* 114—118. (In Russ.).
Karasik, V. I. (2020). Epidemic in the mirror of media discourse: facts, assessments, positions. *Political linguistics, 2 (80):* 25—34. (In Russ.).
Khanpira, E. (1966). On the occasional word and the occasional word formation of the Russian language. In: *Development of the word formation of the Russian language.* Moscow: Nauka: 153—166. (In Russ.).
Kubryakova, E. S. (2008). *Nominative aspect of speech activity*. Moscow: URSS: LKI. 156 p. (In Russ.).
Lavrova, N. A. (2013). *Contamination as a word-making model: structure, semantics, stylistics, pragmatics (based on the material of the modern English language): Abstract Diss.* Moscow. 48 p. (In Russ.).
Lawson, R. Coronavirus has led to an explosion of new words and phrases — and that helps us cope. In: *The Conversation.* Available at: https://theconversa-tion.com/coronavirus-has-led-to-an-explosion-of-new-words-and-phrases-and-that-helps-us-cope-136909 (accessed 11.09.2021).
Lobin, H. Kommunication in der Coronacrise. In: *Scilogs: Tagebücher der Wissenschaft*. Available at: https://scilogs.spektrum.de/engelbart-galaxis/kommunika-tion-in-der-coronakrise/ (accessed 05.09.2021).
Novikova, O. N., Kalugina, Yu. V. (2020). COVID-19 in the context of the current state of research on the pandemic discourse. *Bulletin of Bashkir University, 25 (2):* 376—381. (In Russ.).
Pogorelova, I. V. (2020). COVID-19: language replication. *A modern scientist, 4:* 226—229. (In Russ.).
Radbil, T. B., Jaszay, L., Palosi, I. (2022). Linguopragmatic Potential of Active Processes in Russian Neological Word Formation of Latest Period. *Nauchnyi dialog, 11 (1):* 101—121. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-101-121 (In Russ.).
Severskaya, O. I. (2020). Covidiotes on quarantine: a coronavirus dictionary as a diagnostic field of actual discursive practices. *Communicative research, 7 (4):* 887—906. (In Russ.).
Sklyarevskaya, G. N. (2004). *Metaphor in the language system.* St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University. 166 p. (In Russ.).
Zherebilo, T. V. (2010). *Dictionary of Linguistic terms.* Nazran: Pilgrim. 486 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 18.10.2021,
одобрена после рецензирования 31.03.2022,
подготовлена к публикации 20.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Лату М. Н. Моделирование статического поликодового текста посредством сетевого анализа (демотиватор, посвященный проблемам самоизоляции) / М. Н. Лату, А. А. Левит, М. Б. Гаврилова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 62—77. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-62-77.

Latu, M. N., Levit, A. A., Gavrilova, M. B. (2022). Static Polycode Text Modeling Using Network Analysis (Demotivator Dedicated to Problems of Self-Isolation). *Nauchnyi dialog, 11 (3):* 62-77. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-62-77. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-62-77

Моделирование статического поликодового текста посредством сетевого анализа (демотиватор, посвященный проблемам самоизоляции)

Лату Максим Николаевич [1]
orcid.org/0000-0002-6313-5637
кандидат филологических наук, профессор
кафедра западноевропейских
языков и культур
laatuu@yandex.ru

Левит Алина Александровна [1]
orcid.org/0000-0002-1188-3473
преподаватель
кафедра восточных языков и культур
alinalevit6996@gmail.com

Гаврилова Мария Борисовна [2]
orcid.org/0000-0002-5257-3367
преподаватель
кафедра иностранных языков
gritsenkomaria@mail.ru

[1] Пятигорский государственный университет
(Пятигорск, Россия)

[2] Пятигорский медико-фармацевтический
институт — филиал ФГБОУ ВО ВолгГМУ
Минздрава России
(Пятигорск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
проект № 20-012-00415

Static Polycode Text Modeling Using Network Analysis (Demotivator Dedicated to Problems of Self-Isolation)

Maxim N. Latu [1]
orcid.org/0000-0002-6313-5637
PhD in Philology, professor
Departament of Western European
Languages and Cultures
laatuu@yandex.ru

Alina A. Levit [2]
orcid.org/0000-0002-1188-3473
lecturer
Department of Oriental
Languages and Cultures
alinalevit6996@gmail.com

Maria B. Gavrilova [3]
orcid.org/0000-0002-5257-3367
lecturer
Department of Foreign Languages
gritsenkomaria@mail.ru

[1] Pyatigorsk State University
(Pyatigorsk, Russia)

[2] Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical
Institute — branch Volgograd
State Medical University Ministry
of Healthcare of the Russian Federation
(Pyatigorsk, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by RFBR and EISR according
to the research project № 20-012-00415

© Лату М. Н., Левит А. А., Гаврилова М. Б., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности моделирования графико-вербального поликодового текста, включающего статическое изображение и сопровождающую его надпись. Исследование проведено на примере демотиватора, посвященного проблемам массовой самоизоляции в самом начале пандемии и ввода ограничительных мер. Устанавливаются значимые смысловые компоненты, репрезентированные в составе только иконического компонента, только вербального компонента, а также в составе вербального и иконического компонентов одновременно. Выявляются семантические отношения между выделенными смысловыми компонентами, определяются типы данных связей, раскрывающие разный характер их корреляции. На основе полученных данных построена сетевая модель рассматриваемого статического поликодового текста в виде семантической сети. Рассматриваются случаи корреляции смысловых компонентов, отражающие в целом объективные стороны ситуации и нереалистичные представления, основанные на иронии и гиперболе для создания комического эффекта. На основе количественного анализа установлены репрезентативные семантические отношения: «партитивное», «локализации (в)», «атрибутивное», «субъект-объект». Выявлены непрезентативные семантические отношения между смысловыми компонентами в анализируемом поликодовом тексте: «совпадения», «локализации (на)», «темпоральное», «субъект-инструмент», «субъект-результат».

Ключевые слова:
поликодовый текст; демотиватор; сетевой анализ; семантическая сеть; смысловой компонент; семантическое отношение; модель.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of modeling a graphic-verbal polycode text, including a static image and an accompanying inscription, are considered. The study was conducted on the example of a demotivator dedicated to the problems of mass self-isolation at the very beginning of the pandemic and the introduction of restrictive measures. Significant semantic components, represented as part of only the iconic component, only the verbal component, and also as part of the verbal and iconic components at the same time are established. The semantic relations between the selected semantic components are revealed, the types of these links, revealing the different nature of their correlation are determined. On the basis of the data obtained, a network model of the considered static polycode text in the form of a semantic network was built. Cases of semantic components correlation are considered, reflecting the generally objective aspects of the situation and unrealistic ideas based on irony and hyperbole to create a comic effect. Based on quantitative analysis, representative semantic relations were established: “partitive”, “localization (in)”, “attributive”, “subject-object”. Non-representative semantic relations between the semantic components in the analyzed polycode text are revealed: “coincidence”, “localization (on)”, “temporal”, “subject-instrument”, “subject-result”.

Key words:
polycode text; demotivator; network analysis; semantic web; semantic component; semantic relation; model.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’42:004.738.5

Моделирование статического поликодового текста посредством сетевого анализа (демотиватор, посвященный проблемам самоизоляции)

© Лату М. Н., Левит А. А., Гаврилова М. Б., 2022

1. Введение = Introduction

Поликодовые или креолизованные тексты, которые относят к семиотически осложненным текстам [Анисимова, 2003; Березин, 1996, 2003; Ворошилова, 2013; Сорокин, 1990], стали характерной частью интернет-пространства [Левченко, 2018]. В число наиболее распространенных разновидностей поликодовых текстов входят демотиваторы [Гладкая, 2018], которые представляют собой графико-вербальное единство статического изображения и сопровождающей его надписи. Сегодня этот жанр сетевого творчества отражает актуальные проблемы современности, в том числе разные стороны сложившейся ситуации, связанной с пандемией [Часовский, 2020], отношение людей к массовой самоизоляции, карантину [Han et al., 2021] и ряду других событий, происходящих во всем мире, репрезентируя общие и частные тенденции, в том числе характерные для разных стран [Bardakis, 2021; Sebba-Elran, 2021]. При этом следует учитывать, что поликодовые тексты в силу своей специфики являются не только способом выражения особенностей восприятия определенного факта представителями общества, но также инструментом формирования общественного мнения, что представляет значимость в контексте изучения текстов конфликтогенного характера.

Как справедливо отмечает Е. Е. Анисимова, статические поликодовые тексты могут включать схемы, рисунки, фотографии, карикатуры, а также комментирующие надписи-слоганы [Анисимова, 2003]. Уделяя внимание проблеме целостности креолизованного текста, она указывает, что «его связность проявляется в согласовании, в тесном взаимодействии вербального и иконического компонентов. В связи с этим по характеру их корреляции выделяют два вида текстов: тексты с частичной креолизацией и тексты с полной креолизацией» [Там же, с. 15]. В первом случае вербальная часть полностью ориентирована на изображение или отсылает к нему, в отличие от существующей в целом ряде других демотиваторов частично креолизованной вербальной составляющей (относительно автономной), при этом визуальный компонент является скорее второстепенным [Анисимова, 2003; Левченко и др., 2018].

CC BY

К одному из наиболее эффективных способов, позволяющих исследовать особенности организации знания, относится семантическая сеть. Семантические сети были разработаны в качестве общего аппарата представления знаний [Allemang, 2008; Hartley et al., 1997]. Они широко используются в системах обработки естественного языка и оказываются одним из самых наглядных способов представления семантики высказываний на естественном языке. Семантические сети показывают свою эффективность в решении задач, связанных с извлечением знаний из текстов, а также используются для информационного поиска, реферирования, проверки корректности терминологических словарей и определений [Аюшеева и др., 2018; Lehmann, 1992; Liuzzi et al., 2020]. Элементами такой сетевой модели представления знания являются вершины и дуги. При этом в рамках существующих подходов к построению семантической сети могут учитываться разные типы вершин, которые отражают естественную категоризацию разноформатных элементов знания [Князев, 2019], а также разные типы семантических отношений, в которых они могут находиться друг с другом [Arauz et al., 2010; Khoo, 2001].

Так, примером семантических отношений между вершинами семантической сети (которые также будут рассматриваться далее) являются *PO* — «part of», партитивное отношение между меронимом и холонимом, частью и целым; *ISA* — «is a», отношение совпадения, тождества, включения во множество; *LocIn* и *LocOn* — «location», отношения локализации (в, на) между референтами, один из которых является местом расположения другого; *S* — «subject», системное отношение между субъектом, который выступает инициатором процесса, непосредственно осуществляет набор действий от начала до конца и самим процессом; *SO* — «subject+object», системное отношение между субъектом и объектом одного процесса; *SR* — «subject—result», отношение между субъектом действия и полученным результатом; *At* — «attribute», атрибутивное отношение между референтом и его свойствами или характеристиками; *SInst* — «subject—instrument», отношение между субъектом действия и инструментом, с помощью которого выполняется действие; *Tmp* — «temporal», темпоральное отношение временной корреляции между двумя референтами [Лату, 2018]. В тексте данные связи репрезентируются посредством набора вербализаторов, соответствующего каждому типу семантических отношений (например, семантическое отношение *PO* актуализируется в тексте посредством вербализаторов *состоит из*, *входит в состав*, *включает в* и др.).

Содержание сообщения поликодового текста потенциально разложимо на составляющие, в роли которых выступают его смысловые компоненты. При этом данные компоненты актуализируются как в вербальной,

CC BY

так и в иконической части поликодового текста посредством конкретных в каждом случае языковых и невербальных средств. Последние могут репрезентировать смысловые компоненты, представляющие собой опорные понятия, обладающие высокой степенью значимости для извлечения информации и являющиеся ключевыми для интерпретации и понимания транслируемых идей, о которых говорится в тексте. Очевидно, что отдельные смысловые компоненты могут часто актуализироваться в текстах определенной тематики, посвященных тому или иному вопросу, проблеме [Wessels, 2010]. При этом в пространстве содержания текста конкретные смысловые компоненты не существуют независимо друг, а связаны набором семантических отношений разного типа, отражающих характер их корреляции. Актуализируемые в статическом поликодовом тексте смысловые компоненты и связи между ними являются значимыми для понимания и интерпретации сообщения. Их установление создает возможность для построения сетевой модели статического поликодового текста. Таким образом, целью настоящего исследования является описание принципов моделирования статического графико-вербального поликодового текста и особенностей интерпретации его содержания на основе взаимосвязанных смысловых компонентов посредством сетевого анализа.

Рассмотрим корреляцию смысловых компонентов на примере одного из демотиваторов, посвященных проблемам массовой самоизоляции в самом начале пандемии и введения ограничительных мер.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Алгоритм исследования включал несколько этапов. В рамках первого шага был проведен семантический и семиотический анализ статического графико-вербального поликодового текста (рис. 1) с выделением смысловых компонентов, представленных в составе его вербальной и иконической частей. Затем с целью подтверждения полученных данных, а также установления корреляции между выделенными смысловыми компонентами был проведен психолингвистический эксперимент в формате анкетирования (состав выборки: студенты 2 курса ФГБОУ ВО «ПГУ» 18—19 лет в количестве 20 человек). В ходе эксперимента перед испытуемыми была поставлена задача изложить в письменном виде содержание рассматриваемого поликодового текста. Таким образом, ответ респондента представлял собой единый текст, отражающий идеи, выраженные в иконической и вербальной частях данного демотиватора. Обработка полученных текстов осуществлялась с помощью программы AntConc 3.5.8. С одной стороны, она позволила установить языковые средства, вербализующие смысловые компоненты, представленные в иконической части. Полученные результаты подтвердили

CC BY

Рис. 1 Демотиватор, посвященный вопросу массовой самоизоляции в начале периода действия ограничительных мер

перечень актуализируемых смысловых компонентов, который был составлен ранее в ходе проведенного семиотического анализа. С другой стороны, она позволила выявить языковые средства, указывающие на соотнесенность смысловых компонентов, представленных в иконической части, а также в вербальной и иконической частях (описание выявленных смысловых компонентов и особенностей их корреляции представлено далее в разделе 3). Семантические отношения между выделенными смысловыми компонентами, свидетельствующие об их корреляции, а также характер данных связей устанавливались на основе выявленных вербализаторов семантических отношений разных типов, представленных в высказываниях испытуемых. Следующим шагом с использованием полученных результатов о представленных смысловых компонентах (вершинах), семантических отношениях (дугах) стало моделирование рассматриваемого поликодового текста и его

CC BY

представление в виде семантической сети. Репрезентативность конкретного типа семантических отношений в анализируемом тексте определялась с помощью количественного анализа путем подсчета случаев корреляции смысловых компонентов на основе связи одного типа от общего числа всех выявленных в данном тексте пар смысловых компонентов, которые состоят в разных типах семантических отношений.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Согласно классификации, предложенной Е. Е. Анисимовой, рассматриваемый демотиватор относится к типу статических поликодовых текстов с полной креолизацией, так как его вербальный компонент не может существовать автономно и независимо от иконической части. Последняя представлена весьма разнообразным набором элементов изображения. При этом некоторые из них представляют собой невербальные средства выражения смысловых компонентов, являющихся ключевыми понятиями, непосредственно ассоциируемыми и связанными с режимом массовой самоизоляции. Заметим, что, как показали более ранние исследования, данные смысловые компоненты частотно актуализируются в поликодовых текстах, посвященных этому феномену, используются при конструировании сообщений и выражения мнений о массовой самоизоляции [Лату, 2020]. При этом в других поликодовых текстах этой же тематики данные смысловые компоненты могут также репрезентироваться как в составе только вербального компонента, так и в вербальной и иконической частях одновременно.

3.1. Смысловые компоненты «дом» и «запас продовольствия и товаров»: особенности репрезентации и семантические связи

Одним из таких наиболее часто актуализируемых смысловых компонентов в демотиваторах и мемах, посвященных массовой самоизоляции, который также находит выражение в данном тексте, является «дом». Данное понятие указывает на локацию, которая наиболее часто ассоциируется с самоизоляцией, поскольку представляет собой место нахождения людей во время действия данного режима. В связи с этим в иконической части, как правило, представлено изображение одной из внутренних частей дома или квартиры: гостиная, спальня, кухня, коридор и др. В анализируемом тексте данный смысловой компонент репрезентируется посредством изображения жилой комнаты. Также в иконической части актуализируется смысловой компонент «запас продовольствия и товаров» посредством изображения собранных вместе разных конкретных продуктов и изделий, которые в представлении автора являются необходимыми на самоизоляции

CC BY

(заметим, что в ряде других текстов, посвященных самоизоляции, данное понятие также репрезентируется вербально посредством словосочетания *карантинный запас*). Так, ряд смысловых компонентов представляют собой понятия о пищевых продуктах, среди которых «гречневая крупа», «яйца», «липовый мед», «соль», «сахарный песок», «пшеничная мука», «растительное масло», а также алкогольной продукции (например, «вино», «медовуха», «настойка», «спирт») и непродовольственных товарах (например, «туалетная бумага», «спички»). При этом часть из них репрезентируется как вербально, так и невербально, в то время как остальные только невербально. Так, смысловые компоненты «гречневая крупа», «растительное масло», «липовый мед», «сахарный песок», «пшеничная мука» в вербальной части актуализируются посредством лексем *гречка*, *масло*, *липа*, *мед, сахар, песок, мука*. Смысловые компоненты «вино», «медовуха», «настойка», «спирт» вербально репрезентируются посредством соответствующих лексем. Смысловые компоненты «яйца», «соль», «туалетная бумага», «спички» в данном тексте отмечены только невербально. Согласно проведенному анализу, смысловые компоненты «гречневая крупа», «яйца», «липовый мед», «соль», «сахарный песок», «пшеничная мука», «растительное масло», «вино», «медовуха», «настойка», «спирт», «туалетная бумага», «спички» связаны со смысловым компонентом «запас продовольствия и товаров» семантическим отношением *PO* (см. рис. 2), поскольку данные продукты и товары входят в состав последнего.

Стоит также отметить, что в данном тексте акцент делается на их большом количестве. Так, в иконической части рассматриваемые смысловые компоненты репрезентируются посредством изображения нескольких пачек и ведерка «гречневой крупы», нескольких упаковок яиц, двух ведерок меда, мешка с пшеничной мукой, мешка с сахарным песком, нескольких пятилитровых бутылок с алкогольной продукцией, нескольких блоков спичечных коробков и упаковок туалетной бумаги. В вербальной части количественный показатель выражается посредством надписи «10 кг» на мешке с сахарным песком. Заметим, что, как показали результаты более ранних исследований, смысловые компоненты «гречневая крупа» и «туалетная бумага» являются частотно актуализируемыми в текстах, посвященных самоизоляции в целом, и обладают особым символизмом, отражая представления о продуктах и товарах, пользовавшихся высоким спросом в начале действия данного режима. Анализ вербализаторов в ответах респондентов показал, что между смысловыми компонентами «дом» и «запас продовольствия и товаров», «яйца», «мед», «гречневая крупа», «соль», «сахарный порошок», «пшеничная мука», «растительное масло», «вино», «медовуха», «настойка», «спирт», «туалетная бумага», «спички» существует семанти-

CC BY

ческое отношение *LocIn*, так как понятие «дом» вербализует референт, являющийся местом расположения других вышеперечисленных референтов.

3.2. Смысловой компонент «человек»: особенности репрезентации и связи в структуре сетевой модели

В составе иконической части также актуализируется смысловой компонент «человек». При этом данный элемент изображения не позволяет сделать выводы о половозрастных его особенностях за исключением того, что это не ребенок. Значимыми представляются особенности внешнего облика. Репрезентация смысловых компонентов «перчатки», «противогаз», «костюм химзащиты» указывает на необходимость здоровьесбережения во время самоизоляции. При этом в основе актуализации в тексте последних двух в данном тексте лежит гипербола, а их использование вместо медицинской маски, являющейся рекомендуемым и обязательным средством защиты органов дыхания, в том числе во время пребывания дома в одиночестве, создает комический эффект. В связи с этим примечательно, что данные смысловые компоненты репрезентируются только в иконической части текстов ироничного содержания, посвященных самоизоляции. Между смысловыми компонентами «человек» и «костюм химической защиты», «противогаз», «перчатки» существует семантическое отношение *SInst*, так как слово *человек* вербализует субъект действия, а понятия «костюм химической защиты», «противогаз», «перчатки» — объекты, которые, по мнению автора текста, он использует для защиты своего здоровья. Также смысловой компонент «человек» и смысловые компоненты «гречневая крупа», «яйца», «липовый мед», «соль», «сахарный песок», «пшеничная мука», «растительное масло», «вино», «медовуха», «настойка», «спирт», «туалетная бумага», «спички», маркирующие субъект и объект одного процесса — «запасания продуктов и товаров», соотносятся посредством семантического отношения *SO*. При этом сам процесс не актуализирован в данном тексте, однако в нем репрезентируется результат данного действия — «запас продовольствия и товаров». В связи с этим между ним и смысловым компонентом «человек» существует семантическое отношение *SR*, поскольку данные понятия репрезентируют субъект и результат одного процесса.

Характерная поза, в которой находится данный субъект (в положении сидя, слегка наклонившись вперед и подперев подбородок рукой, притом в одиночестве), указывает на особенности его психологического состояния [Пиз и др., 2017] и актуализацию таких смысловых компонентов, как «скучающий» и «грустный», представляющих собой соотносимые с ним признаки. Таким образом, автор текста выражает свое представление о ти-

CC BY

пичном настроении, которое может быть у человека, находящегося на самоизоляции. В связи с этим, согласно результатам анализа текстовых фрагментов респондентов, смысловой компонент «человек», а также смысловые компоненты «скучающий», «грустный», которые представляют собой признаки репрезентируемого субъекта, соотносятся посредством семантического отношения *At*.

Изображение субъекта, сидящего в комнате, указывает на актуализацию смыслового компонента «нахождение дома», который также нередко репрезентируется в вербальной части текстов, посвященных самоизоляции, а также в текстовых фрагментах респондентов посредством словосочетаний *сидеть дома, быть дома, находиться дома* и т. д. Изображение людей (в том числе конкретных членов семьи), а также их питомцев, находящихся в жилом помещении, тоже весьма характерно для иконической части текстов, посвященных теме пребывания в домашних условиях во время самоизоляции [Лату, 2020]. При этом смысловой компонент «нахождение дома» связан семантическим отношением *S* со смысловым компонентом «человек», который выступает в роли субъекта, непосредственно осуществляющего данное действие.

Частотно актуализируется в текстах, посвященных самоизоляции, и смысловой компонент «диван» [Там же]. Он репрезентируется как вербально, так и невербально, зачастую являясь одним из центральных элементов в составе изображения. При этом он нередко используется в текстах, отражающих представления о пассивном времяпровождении во время самоизоляции. В рамках анализируемого текста данный компонент представлен только невербально. Смысловой компонент «диван» связан семантическим отношением *LocOn* со смысловым компонентом «человек» и семантическим отношением *LocIn* со смысловым компонентом «дом». Часть элементов изображения плохо различимы или не имеют прямого отношения к самоизоляции, являясь обычными элементами фона, которые потенциально ассоциируются с жилой комнатой и могут находиться в ней.

3.3. Особенности репрезентации и семантические связи смысловых компонентов «самоизоляция» и «готовность №1»

Отдельного внимания заслуживает само понятие «самоизоляция», которое не находит вербального выражения в анализируемом тексте, но при этом данная ситуация проиллюстрирована в его иконической части. Его актуализация весьма ожидаема и подразумевается, что и было зафиксировано в ответах респондентов, например, «готовность № 1 — это самоизоляция, когда человек сидит дома…», «…находясь дома во время самоизоляции». Заметим, что данный смысловой компонент нередко репрезен-

CC BY

тируется вербально в содержании других демотиваторов, посвященных этому феномену [Лату, 2020]. При этом читатель может реконструировать данный смысл и связь с ним, основываясь на опыте прочтения аналогичных текстов на заданную тему, собственном жизненном опыте, обобщении типичных ситуаций, опираясь на набор фоновых знаний. В связи с этим между смысловыми компонентами «самоизоляция» и «нахождение дома» устанавливается семантическое отношение *Tmp*, так как изображенный субъект находится дома именно в период действия режима самоизоляции.

Для рассматриваемого нами демотиватора также характерна синсемантическая связь между вербальным и невербальным компонентами, которая представляет собой семантическое отношение *ISA*. Так, в рассматриваемом нами демотиваторе транслируемая в нем мысль не была бы выраженной полностью и понятной без самого изображения. Как видно, комментарий, репрезентируемый в вербальной части, — «готовность номер 1» (к пандемии, изменениям) — обретает комическую смысловую завершенность лишь в соединении с изображением, играющим здесь доминирующую роль, раскрывая его содержание через иллюстрацию особенностей данной ситуации. Как видно, комический эффект создается и посредством репрезентации взаимосвязанного набора стереотипных образов, ассоциируемых с самоизоляцией, актуализации определенных смысловых компонентов на основе гиперболы, а также акцентировании внимания на количестве некоторых референтов.

3.4. Репрезентативные и нерепрезентативные семантические отношения в сетевой модели рассматриваемого демотиватора

Как показал количественный анализ выявленных пар смысловых компонентов, соотносимых посредством связей разных типов, наиболее репрезентативными в рассматриваемом поликодовом тексте являются семантические отношения *LocIn* (25 %, например, между смысловыми компонентами «человек» и «дом»), *At* (23 %, например, между смысловыми компонентами «человек» и «грустный», «скучающий»), *PO* (20 %, например, между смысловыми компонентами «карантинный запас» и «туалетная бумага»), *SO* (20 %, например, между смысловыми компонентами «человек» и «гречневая крупа») (см. таб. 1). Несколько менее репрезентативными являются отношения *SInst* (5 %, например, между смысловыми компонентами «человек» и «противогаз», «костюм химической защиты), *S* (1,5 %, например, между смысловыми компонентами «нахождение дома» и «человек»), *SR* (1,5 %, например, между смысловыми компонентами «карантинный запас» и «человек»), *Tmp* (1,5 %, например, между смысловыми компонентами «самоизоляция» и «нахождение дома») и др.

CC BY

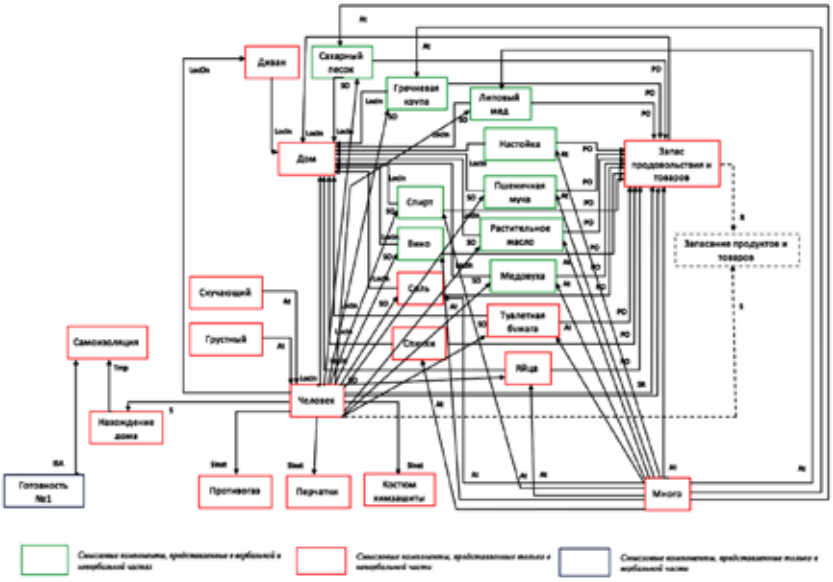

Рис. 2 Семантическая сеть

Таблица 3

Репрезентативность семантических отношений в рассматриваемом тексте

Тип семантического отношения	**LocIn**	**At**	**PO**	**SO**	**SInst**	**ISA**	**S**	**SR**	**LocOn**	**Tmp**
Удельный вес от общего числа связей	25 %	23 %	20 %	20 %	5 %	1,5 %	1,5 %	1,5 %	1,5 %	1,5 %

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, реализуемый подход к моделированию поликодового текста со статичным изображением позволяет схематически показать репрезентируемый в его содержании фрагмент действительности в виде семантической сети. Построение подобной модели поликодового текста предполагает выявление в его вербальной и иконической частях взаи-

CC BY

мосвязанных смысловых компонентов, являющихся вершинами сетевой структуры, а также установление характера их корреляции. При этом, как было проиллюстрировано на примере рассматриваемого демотиватора, отдельные соотносимые смысловые компоненты потенциально могут актуализироваться в вербальной, иконической или одновременно вербальной и иконической частях, а определенные типы семантических отношений между ними в рамках анализируемого текста обладать большей или меньшей репрезентативностью в соответствии с содержанием текста и транслируемыми идеями. Так, конструируемый смысл сообщения в рассматриваемом поликодовом тексте основывается на использовании взаимосвязанных смысловых компонентов, между которыми существуют определенные семантические отношения конкретных типов. При этом большая их часть представлена в иконической части анализируемого текста. Ряд смысловых компонентов, репрезентирующих номинации продуктов питания и алкогольной продукции, выражаются как невербально, так и вербально, при этом языковые средства дублируют элементы изображения. Вербальная часть также выражена смысловым компонентом «готовность № 1», суть которого раскрывается в невербальной части посредством имеющихся там смысловых компонентов и характера их корреляции. Между вербальным и иконическим компонентом в данном случае существует синсемантическая связь. Ряд актуализируемых смысловых компонентов являет собой значимые понятия, часто ассоциируемые с режимом самоизоляции, а семантические отношения между ними отражают отдельные представления о самоизоляции, часть из которых стали стереотипными. Важно отметить, что некоторые из этих связей указывают в той или иной степени на объективные стороны ситуации, отражающие наблюдаемые в целом или в отдельных случаях явления и факты (например, нахождение человека дома, наличие дома сделанного запаса продуктов и товаров, среди которых гречка, туалетная бумага и т. д.), в то время как другие отражают субъективные мнения, опасения или являются в целом нереалистичными (например, использование человеком противогаза и костюма химзащиты, в том числе дома), которые в данном случае продиктованы желанием автора усилить комический эффект. Бесспорно, один поликодовый текст определенной тематики позволяет схематически показать лишь фрагмент действительности, отраженный в его содержании. В дальнейшем данные принципы моделирования могут быть использованы при анализе корпуса поликодовых текстов определенной тематики. Также в качестве возможных перспектив исследования видится моделирование статических поликодовых текстов разных тематик, в том числе конфликтогенного характера, и проведение сопоставительного анализа полученных результатов.

CC BY

Литература

1. *Анисимова Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. — Москва : Академия, 2003. — 128 с. — ISBN 5-7695-0961-9.

2. *Аюшеева Н. Н.* Модель построения семантической сети / Е. Е. Аюшеева, А. Ю. Диких // Современные наукоемкие технологии. — 2018. — № 6. — С. 9—13.

3. *Березин В. М.* Массовая коммуникация. Сущность, каналы, действия / В. М. Березин. — Москва : Рип-Холдинг, 2003. — 174 с. — ISBN 5-900045-41-2.

4. *Березин В. М.* Теория массовой коммуникации / В. М. Березин. — Москва : Издательство Российского университета дружбы народов, 1996. — 130 с.

5. *Ворошилова М. Б.* Политический креолизованный текст : ключи к прочтению / М. Б. Ворошилова. — Екатеринбург : Уральский государственный университет, 2013. — 194 с. — ISBN 978-5-7186-0543-3.

6. *Гладкая Н. В.* Когнитивный аспект демотиваторов о Донбассе / Н. В. Гладкая // Вестник Донецкого национального университета. Серия : Филология и психология. — 2018. — № 2. — С. 29—33.

7. *Князев Н. А.* Системный подход к изучению терминов-процессов : типы системных отношений между вершинами терминологической сети / Н. А. Князев // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. — 2019. — № 6. — С. 121—124.

8. *Лату М. Н.* Типы системных отношений между терминами в сетевых моделях организации научного знания / М. Н. Лату // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2018. — № 4. — С. 134—142. — DOI: 10.20916/1812-3228-2018-4-134-142.

9. *Лату М. Н.* Частотно актуализируемые смысловые компоненты в мемах и демотиваторах, посвященных самоизоляции / М. Н. Лату // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 85—98. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-85-98.

10. *Левченко М. Н.* Креолизованный текст в системе «Интернет» / М. Н. Левченко, А. В. Изгаршева // Вестник Московского государственного областного университета. — 2018. — № 4. — С. 200—216. — DOI: 10.18384/2224-0209-2018-4-919.

11. *Пиз А.* Язык телодвижений. Как читать мысли окружающих по их жестам / А. Пиз, Б. Пиз. — Москва : Эксмо, 2017. — 448 с.

12. *Сорокин Ю. А.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция. Оптимизация речевого воздействия / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — Москва : Наука, 1990. — 128 с.

13. *Часовский Н. В.* Тема пандемии коронавируса в интернет-мемах / Н. В. Часовский // Вопросы романо-германской и русской филологии. — 2020. — Т. 1. — С. 159—162.

14. *Allemang D.* Semantic Web for the Working Ontologist / J. Hendler, D. Allemang. — Burlington, Massachusetts : Morgan Kaufman, 2008. — 384 p. — ISBN 9780123735560.

15. *Arauz L.* Natural and contextual constraints for domain-specific relations / L. Arauz, P. Faber // Proceedings of the Workshop Semantic Relations. Theory and Applications. — 2010. — Pp. 12—17.

16. *Bardakis T.* A semiotic approach to Greek internet memes during the covid-19 pandemic / T. Bardakis // Punctum International Journal of Semiotics. — 2021. — № 7 (1). — Pp. 31—43. — DOI: 10.18680/hss.2021.0003.

17. *Han X.* Humour and TikTok memes during the 2020 pandemic lockdown : Tensions of gender and care faced by Chinese mothers working from home / X. Han, G. Kuipers // China information. — 2021. — № 35 (3). — Pp. 393—419. — DOI: 10.1177/0920203X211049634.

18. *Hartley T.* Semantic networks : visualization of knowledge / T. Hartley, A. Barnden // Trends in Cognitive Science. — 1997. — № 5. — Pp. 169—175. — DOI: 10.1016/S1364-6613(97)01057-7.

19. *Khoo Ch.* Identifying semantic relations in text for information retrieval and information extraction / Ch. Khoo, SH. Myaeng // Green R., Bean C. A., Myaeng S. H. (eds.) The semantics of relationships : An interdisciplinary perspective. — Boston, MA : Kluwer Academic Publishers, 2001. — Pp. 161—80. — ISBN 978-94-017-0073-3-10.

20. *Lehmann F.* Semantic networks / F. Lehmann // Computers & Mathematics with Applications. — 1992. — № 2. — Pp. 1—50.

21. *Liuzzi G. A.* General and feature-based semantic representation in the semantic network / G. A. Liuzzi, A. Aglinskas, S. L. Fairhall // Scientific Reports. — 2020. — № 10. — P. 12. — DOI: 10.1038/s41598-020-65906-0.

22. *Sebba-Elran T.* A pandemic of jokes? The Israeli COVID-19 meme and the construction of a collective response to risk / T. Sebba-Elran // International journal of humour research. — 2021. — № 34 (2). — Pp. 229—257. — DOI: 10.1515/humor-2021-0012.

23. *Wessels D.* Issues of lexicology in language for special purposes / D. Wessels // Annals of the University of Craiova. — 2010. — № 1. — Pp. 198—213.

References

Allemang, D., Hendler, J. (2008). *Semantic Web for the Working Ontologist.* Burlington, Massachusetts: Morgan Kaufman. 384 p. ISBN 9780123735560.

Anisimova, E. E. (2003). *Text linguistics and intercultural communication (based on the material of creolized texts).* Moscow: Akademiya. 128 p. ISBN 5-7695-0961-9. (In Russ.).

Arauz, L., Faber, P. (2010). Natural and contextual constraints for domain-specific relations. In: *Proceedings of the Workshop Semantic Relations. Theory and Applications.* 12—17.

Ayusheeva, N. N., Dikikh, A. Yu. (2018). Model of semantic network construction. *Modern high-tech technologies, 6:* 9—13. (In Russ.).

Bardakis, T. (2021). A semiotic approach to Greek internet memes during the covid-19 pandemic. *Punctum International Journal of Semiotics, 7 (1):* 31—43. DOI: 10.18680/hss.2021.0003.

Berezin, V. M. (1996). *Theory of mass communication.* Moscow: Publishing House of the People's Friendship University of Russia. 130 p. (In Russ.).

Berezin, V. M. (2003). *Mass communication. Essence, channels, actions.* Moscow: Rip-Holding. 174 p. ISBN 5-900045-41-2. (In Russ.).

Chasovsky, N. V. (2020). The topic of the coronavirus pandemic in Internet memes. *Questions of Romano-Germanic and Russian philology, 1:* 159—162. (In Russ.).

Gladkaya, N. V. (2018). Cognitive aspect of demotivators about Donbass. *Bulletin of Donetsk National University. Series: Philology and Psychology, 2:* 29—33. (In Russ.).

Han, X., Kuipers, G. (2021). Humour and TikTok memes during the 2020 pandemic lockdown: Tensions of gender and care faced by Chinese mothers working from home. *China information, 35 (3):* 393—419. DOI: 10.1177/0920203X211049634.

Hartley, T., Barnden, A. (1997). Semantic networks: visualization of knowledge. *Trends in Cognitive Science, 5:* 169—175. DOI: 10.1016/S1364-6613(97)01057-7.

Khoo, Ch., Myaeng, SH. (2001). Identifying semantic relations in text for information retrieval and information extraction. In: *The semantics of relationships: An interdis-*

ciplinary perspective. Boston, MA: Kluwer Academic Publishers. 161—80. ISBN 978-94-017-0073-3-10.

Knyazev, N. A. (2019). System approach to the study of term-processes: types of system relations between the vertices of the terminological network. *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities, 6:* 121—124. (In Russ.).

Latu, M. N. (2018). Types of system relations between terms in network models of the organization of scientific knowledge. *Questions of cognitive linguistics, 4:* 134—142. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-4-134-142. (In Russ.).

Latu, M. N. (2020). Frequently Represented Sense Components in Memes and Demotivators Dedicated to Lockdown. *Nauchnyi dialog, 12:* 85—98. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-85-98. (In Russ.).

Lehmann, F. (1992). Semantic networks. *Computers & Mathematics with Applications, 2:* 1—50.

Levchenko, M. N., Izgarsheva, A. V. (2018). Creolized text in the Internet system. *Bulletin of the Moscow State Regional University, 4:* 200—216. DOI: 10.18384/2224-0209-2018-4-919. (In Russ.).

Liuzzi, G. A., Aglinskas, A., Fairhall, S. L. (2020). General and feature-based semantic representation in the semantic network. *Scientific Reports, 10:* 12. DOI: 10.1038/s41598-020-65906-0.

Piz, A., Piz, B. (1978). *Body language. How to read the thoughts of others by their gestures.* Moscow: Eksmo. 448 p. (In Russ.).

Sebba-Elran, T. (2021). A pandemic of jokes? The Israeli COVID-19 meme and the construction of a collective response to risk. *International journal of humour research, 34 (2):* 229—257. DOI: 10.1515/humor-2021-0012.

Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990). *Creolized texts and their communicative function. Optimization of speech influence.* Moscow: Nauka. 128 p. (In Russ.).

Voroshilova, M. B. (2013). *Political creolized text: keys to reading.* Yekaterinburg: Ural State University. 194 p. ISBN 978-5-7186-0543-3. (In Russ.).

Wessels, D. (2010). Issues of lexicology in language for special purposes. *Annals of the University of Craiova, 1:* 198—213.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022,
одобрена после рецензирования 31.03.2022,
подготовлена к публикации 20.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Ли Сяогэ. Первая морфема в сложносокращенных словах современного китайского языка (лексика эпохи коронавируса) / Ли Сяогэ // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 78—95. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-78-95.

Li Xiaoge. (2022). First Morpheme in Compound Words in Modern Chinese (Words from Coronavirus Era). *Nauchnyi dialog, 11(3):* 78-95. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-78-95. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-78-95

Первая морфема в сложносокращенных словах современного китайского языка (лексика эпохи коронавируса)

Ли Сяогэ [1, 2]
orcid.org/0000-0003-3002-6968
[1] аспирант, [2] ассистент
[1] кафедра общего и русского языкознания
[2] факультет русского языка
институт иностранных языков
lixiaoge89@mail.ru

[1] Российский университет дружбы народов
(Москва, Россия)

[2] Педагогический университет Внутренней Монголии
(Хух-хото, Китай)

Благодарности:
Исследование выполнено при поддержке Государственного комитета по стипендиям КНР (грант № 201508090038)

First Morpheme in Compound Words in Modern Chinese (Words from Coronavirus Era)

Li Xiaoge [1, 2]
orcid.org/0000-0003-3002-6968
[1] postgraduate student, [2] assistant
[1] Department of General and Russian Linguistics
[2] Faculty of Russian Language
Institute of Foreign Languages
lixiaoge89@mail.ru

[1] Peoples' Friendship University of Russia
(Moscow, Russia)

[2] Pedagogical University of Inner Mongolia
(Huhhot, China)

Acknowledgments:
The study is supported by the State Committee for Scholarships of the People's Republic of China (grant № 201508090038)

© Ли Сяогэ, 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию принципов образования сложносокращённых слов и установлению семантико-синтаксических связей между их составными частями. Материалом для исследования послужила лексика, появившаяся с началом пандемии коронавируса. Анализируются слова, зафиксированные в китайском языке в 2020—2021 годах. Особое внимание уделяется принципу выбора первой морфемы, при котором для образования сокращённой формы сохраняются первые морфемы исходных значимых сегментов. Актуальность работы обусловлена возрастающим числом новых сложносокращённых слов, сложностью их словообразовательных конструкций и важностью их адекватного понимания как носителями китайского языка, так и иностранными учащимися. Проанализировано 12 сложносокращённых слов (4 одноуровневых и 8 многоуровневых), называющих актуальные явления в жизни китайского общества эпохи коронавируса. Установлено пять видов семантико-синтаксических связей: атрибутивная связь, копулятивная связь, глагольно-объектная связь, результативная связь и субъектно-предикативная связь. Сделан вывод о том, что среди принципов, на основе которых в современном китайском языке образуются сложносокращённые слова (таких как эквивалентность, отличительность, привычность и т. д.), важную роль играет принцип выбора первой морфемы.

Ключевые слова:
сложносокращённые слова; слова эпохи коронавируса; принцип выбора первой морфемы; семантико-синтаксические связи; китайский язык.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of the principles of the formation of abbreviated words and the establishment of semantic and syntactic relationships between their constituent parts using the example of new abbreviated words that appeared with the onset of the coronavirus pandemic. The words recorded in the Chinese language in 2020—2021 are analyzed. Particular attention is paid to the principle of selecting the first morpheme, in which the first morphemes of the original significant segments are preserved to form an abbreviated form. The relevance of the study is due to the increasing number of new abbreviated words, the complexity of their word-formation structures and the importance of their adequate understanding by both native Chinese speakers and foreign students. 12 compound abbreviated words (4 single-level and 8 multi-level) were analyzed, naming current phenomena in the life of Chinese society in the era of coronavirus. Five types of semantic-syntactic connections have been established: attributive connection, copulative connection, verbal-object connection, resultative connection and subject-predicative connection. It is concluded that among the principles on the basis of which complex abbreviated words are formed in modern Chinese, such as equivalence, distinctiveness, familiarity, etc., the principle of selecting the first morpheme plays an important role.

Key words:
compound words; coronavirus era words; principle of selection of the first morpheme; semantic-syntactic links; Chinese.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.581’373.611

Первая морфема в сложносокращенных словах современного китайского языка (лексика эпохи коронавируса)

© Ли Сяогэ, 2022

1. Введение = Introduction

Сложносокращённые слова в современном китайском языке образуются на основе определённых принципов, а не создаются произвольно. Во многом это обусловлено стремлением к повышению эффективности языкового общения за счет экономии времени и усилий коммуникантов. Активное использование ими сложносокращённых слов для замены исходных выражений привело к быстрому росту числа такого рода лексем. Принцип экономии — один из основных принципов, определяющих поведение человека. В различных условиях люди сознательно или неосознанно стараются получить наибольшую отдачу при наименьших затратах [Цзян Сянъюн, 2018, с. 79]. Янь Чэньсун считает, что принцип экономии можно рассматривать в качестве внешнего основания для развития языка [Янь Чэньсун, 2000, с. 6].

Китайский исследователь Инь Чжипин выделяет три принципа образования сложносокращённых слов: эквивалентность, отличительность, привычность. При этом он считает, наиболее часто используемым и приоритетным способом является выбор первых морфем из составных частей [Инь Чжипин, 1999, с. 78—80]. Чжоу Гогуан также считает, что образование сложносокращённых слов должно следовать этим принципам [Чжоу Гогуан, 2004, с. 141—142]. Цзян Сянъюн, в свою очередь, выделяет принцип выбора первых морфем, а также принципы эквивалентности и отличительности [Цзян Сянъюн, 2018, с. 98—99].

Ван Цзихуэй утверждает, что сложносокращённые слова, чтобы быть принятыми большинством носителей языка, должны отвечать требованиям (1) оптимального распределения значимых сегментов, (2) чёткого выражения смысла (вновь образованное слово должно адекватно передавать смысл оригинала — исходного выражения и при этом быть в значительной степени дифференцированным от него), (3) соответствия законам построения слов в китайском языке [Ван Цзихуэй, 2001, с. 130]. Объясняя первое требование, касающееся сегментов слова, Ван Цзихуэй указывает, что начальные компоненты в значимых сегментах являются фокусом информации, к тому же они оказывают сильное воздействие на читателей, так как являются первыми объектами, с которыми люди вступают в визуальный

CC BY

контакт. Очевидно, что у них больше всего оснований быть выбранными в качестве компонентов сложносокращённых слов [Там же, с. 137].

Порядок элементов в речи параллелен порядку приобретения человеком фактического опыта или понимания [Сюй Тунцян, 1997, с. 55], поэтому расположение элементов в языковых единицах зависит от того, как люди воспринимают и познают действительность. Фактический опыт в процессе познания определяет последовательность размещения информации — наиболее важная её часть ставится на первое место [Ван Цзихуэй, 2001, с. 136], в связи с чем в словах с двумя или более иероглифами первый иероглиф обычно выражает наиболее важное сообщение [Сюй Тунцян, 1997, с. 55].

Исследователь Ма Цинчжу подробно проанализировал собранные им 1066 двусложных сложносокращённых слов с атрибутивной связью. Среди них 752 слова с сохранившимися первыми морфемами из двух значимых сегментов — на их долю приходится 70,55 % [Ма Цинчжу, 1988, с. 89—90]. Цзян Сянъюн проанализировал 2766 двусложных слова из «Словаря сложносокращённых слов в современном китайском языке» (авторы — Юань Хуэй, Жуань Сяньчжун), среди них 1775 слов с сохранившимися первыми морфемами из двух значимых сегментов — на их долю приходится 64,17 %. Среди 1483 слов из «Практического словаря сложносокращённых слов» (автор — Ван Цзихуэй) 1179 слов с морфемами из двух значимых сегментов — на их долю приходится 79,50 % [Цзян Сянъюн, 2015, с. 76]. Очевидно, что принцип подбора первых морфем играет ведущую роль в процессе образования современных китайских сложносокращённых слов.

В нашей статье объектом исследования являются сложносокращённые слова, появившиеся с началом пандемии коронавируса, а предметом — принципы их образования и семантико-синтаксические связи между компонентами этих слов. Цель данного исследования заключается в том, чтобы выявить механизм образования таких языковых единиц.

В круг задач, требующих решения в рамках статьи, входят 1) описание семантико-синтаксических связей между компонентами слов; 2) раскрытие сущности принципа подбора первых морфем; 3) анализ процессов образования и структуры сложносокращённых слов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для нашей работы послужили сложносокращённые слова китайского языка, рассмотренные с позиций словообразования.

Теоретической базой исследования стали труды китайских лингвистов, посвящённые анализу общих проблем словообразования китайского языка, в частности, словообразования сложносокращённых слов [Ма Цинчжу, 1988; Сюй Тунцян, 1997; Инь Чжипин, 1999; Янь Чэньсун, 2000; Ван Цзи-

хуэй, 2001; Чжоу Гогуан, 2004; Цзян Сянъюн, 2015; Цзян Сянъюн, 2018], а также семантико-синтаксических связей лексических единиц [Чжу Янь, 2004; Ван Минюй, 2011; Е Нань, 2016; Чжан Вэй, 2021; Сун Вэньхуэй, 2021].

Автором применялись общенаучные методы наблюдения и обобщения, а также метод лексико-семантического анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Разновидности семантико-синтаксических связей между компонентами сложных слов в современном китайском языке

Как правило, морфемы в зависимости от их семантической роли делятся на корни и аффиксы [Фу Хуайцин, 2020, с. 23]. Морфемы с реальным значением называются корнями [Там же], например, 人 ‘человек’ и 民 ‘народ’ в слове 人民 ‘народ’; морфемы без реального значения — аффиксами [Там же], например, 子 ‘суффикс существительных’ в слове **桌子** ‘стол’. Таким образом, сложносокращённые слова могут иметь разную структуру: «корень + корень» и «корни + аффиксы». Между корнями существует пять видов семантико-синтаксических связей:

1) атрибутивная связь, где семантически зависимый компонент является определением [Е Нань, 2016, с. 27], например, 新年 ‘новый год’: признак 新 ‘новый’ определяет центральное слово 年 ‘год’;

2) копулятивная (сочинительная) связь, где оба компонента семантически равноправны [Чжу Янь, 2004, с. 85], например, 疼痛 ‘боль’: 疼 ‘боль’ = 痛 ‘боль’;

3) глагольно-объектная связь, где один из компонентов обозначает действие, а второй — объект действия [Чжан Вэй, 2021, с. 31], например, 爱国 ‘любить родину’: глагол 爱 ‘любить’ обозначает действие, направленное на объект 国 ‘родина’;

4) результативная связь, где первый компонент обозначает действие, второй — качество, а слово в целом — результат приложения действия к качеству [Сун Вэньхуэй, 2021, с. 27], например, 纠正 ‘корректировать’: действие 纠 ‘корректировать’ приводит к результату 正 ‘правильный’;

5) субъектно-предикативная связь, где первый компонент является аналогом синтаксического субъекта, а второй — предиката [Ван Минюй, 2011, с. 37], например, 地震 ‘землетрясение’: субъект 地 ‘земля’ + предикат 震 ‘трястись’.

3.2. Процессы образования сложносокращённых слов в современном китайском языке

Несмотря на то, что новые сложносокращённые слова образуются путём сокращения исходных сочетаний, их внутренние семантико-синтакси-

ческие связи аналогичны тем, которые есть в уже существующих сложных словах [Ван Цзихуэй, 2001, с. 135].

Чтобы изучить состав и принципы возникновения сложносокращённых новообразований, зафиксированных в китайском языке за последние два года (2020—2021) в связи с появлением новых явлений в условиях пандемии коронавируса, мы отобрали 12 сложносокращённых слов (4 одноуровневых и 8 многоуровневых), представленных в научных статьях, исследующих подобные единицы, а также на сайте официального информационного агентства Синьхуа [Синьхуа]. Анализируя семантику этих новообразований, функции их составных частей и связи между ними, покажем механизмы построения и особенности структуры сложносокращённых слов, возникших в связи с началом пандемии коронавируса. В качестве условных обозначений мы используем буквы А, Б, В и т. д. для обозначения значимых сегментов в исходных синтагмах; знаками $А_1$, $Б_1$, $В_1$ и т. д. обозначены первые морфемы в каждом сегменте; $А_{2...}$, $Б_{2...}$, $В_{2...}$ и т. д. отмечаются последующие морфемы.

3.3. Одноуровневые иерархические структуры

1. 封锁城市 ‘блокировать город’ → 封城 ‘блокировать город’ [Сюй Синьцзянь, 2020, с. 117]: исходная синтагма разделяется на два значимых сегмента: $А_1А_2$ 封锁 ‘блокировать’ + $Б_1Б_2$ 城市 ‘город’. Глагол 封锁 ‘блокировать’ обозначает действие, а имя существительное 城市 ‘город’ — объект действия. При сокращении сохраняются первые морфемы 封 ‘блокировать’ и 城 ‘город’ из двух сегментов. Данное сложносокращённое слово имеет структуру $А_1Б_1$. Между компонентами сохраняется глагольно-объектная связь. На рисунке представлен процесс сокращения слова 封城 ‘блокировать город’ и его внутренняя семантико-синтаксическая связь (рис. 1).

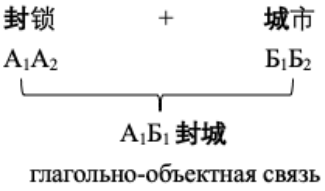

Рис. 1. Механизм образования 封城

2. 解除封锁 ‘отменить блокировку’ → 解封 ‘отменить блокировку’ [Ван Хань, 2021, с. 131]: исходная синтагма разделяется на два значимых сегмента: $А_1А_2$ 解除 ‘отменить’ + $Б_1Б_2$ 封锁 ‘блокировка’. Глагол 解除 ‘отменить’ обозначает действие, а имя существительное 封锁 ‘блокировка’ — объект

действия. При сокращении сохраняются первые морфемы 解 ‘отменить’ и 封 ‘блокировка’ из двух сегментов. Данное сложносокращённое слово имеет структуру $А_1Б_1$. Между компонентами сохраняется глагольно-объектная связь. На рисунке представлен процесс сокращения слова 解封 ‘отменить блокировку’ и его внутренняя семантико-синтаксическая связь (рис. 2).

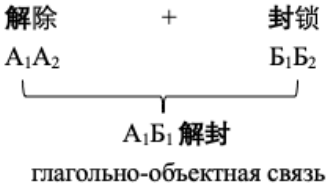

Рис. 2. Механизм образования 解封

3. 抗击疫情 ‘бороться с эпидемией’ → 抗疫 ‘бороться с эпидемией’ [Ван Хань, 2021, с. 133]: исходная синтагма разделяется на два значимых сегмента: $А_1А_2$ 抗击 ‘бороться’ + $Б_1Б_2$ 疫情 ‘эпидемия’. Глагол 抗击 ‘бороться’ обозначает действие, а имя существительное 疫情 ‘эпидемия’ — объект действия. При сокращении сохраняются первые морфемы 抗 ‘бороться’ и 疫 ‘эпидемия’ из двух сегментов. Данное сложносокращённое слово имеет структуру $А_1Б_1$. Между компонентами сохраняется глагольно-объектная связь. На рисунке представлен процесс сокращения слова 抗疫 ‘бороться с эпидемией’ и его внутренняя семантико-синтаксическая связь (рис. 3).

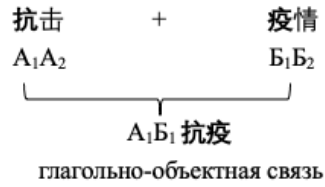

Рис. 3. Механизм образования 抗疫

4. 复查阳性 ‘положительный результат на вторичный тест’ → 复阳 ‘положительный результат на вторичный тест’ [Ли Хуэйминь, 2020]: исходная синтагма разделяется на два значимых сегмента: $А_1А_2$ 复查 ‘перепроверить’ + $Б_1Б_2$ 阳性 ‘положительный’. Глагол 复查 ‘перепроверить’ обозначает действие, а имя прилагательное 阳性 ‘положительный’ — результат действия. При сокращении сохраняются первые морфемы 复 ‘перепроверить’ + 阳 ‘положительный’ из двух сегментов. Данное сложносо-

кращённое слово имеет структуру $А_1Б_1$. Между компонентами сохраняется результативная связь. На рисунке представлен процесс сокращения слова 复阳 ‘положительный результат на вторичный тест’ и его внутренняя семантико-синтаксическая связь (рис. 4).

Рис. 4. Механизм образования 复阳

3.4. Многоуровневые иерархические структуры

1. 新型冠状病毒肺炎 ‘пневмония при новом коронавирусе’ → 新冠肺炎 ‘пневмония при новом коронавирусе’ [Оуян Голян, 2020, с. 62]: исходная синтагма разделяется на три значимых сегмента: $А_1А_2$ 新型 ‘новый’ + $Б_1Б_2$ 冠状 ‘коронный’ + $В_1В_2$ 病毒 ‘вирус’ + $Г_1Г_2$ 肺炎 ‘пневмония’. Имена прилагательные 新型 ‘новый’ и 冠状 ‘коронный’ определяют имя существительное 病毒 ‘вирус’, обозначают его признаки. Словосочетание 新型冠状病毒 ‘новый коронавирус’ опять определяет имя существительное 肺炎 ‘пневмония’. При сокращении сохраняются первые морфемы 新 ‘новый’, 冠 ‘коронный’ из двух первых сегментов и четвёртый сегмент целиком 肺炎 ‘пневмония’, опускается сегмент 肺炎 ‘пневмония’. Данное сложносокращённое слово имеет структуру $А_1Б_1Г_1Г_2$. Между компонентами сохраняются атрибутивные связи. На рисунке представлен процесс сокращения слова 新冠肺炎 ‘пневмония при новом коронавирусе’ и его внутренняя семантико-синтаксическая связь (рис. 5).

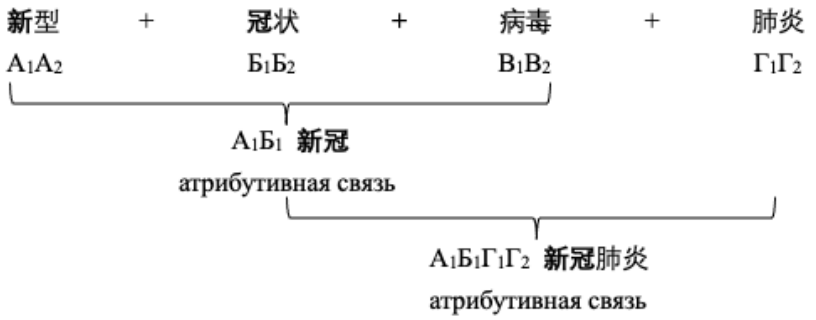

Рис. 5. Механизм образования 新冠肺炎

2. 盒马鲜生[1]区域房产 ‘квартиры в районе супермаркета Хэ Ма Сянь Шэн’ → 盒区房 ‘квартиры в районе супермаркета Хэ Ма Сянь Шэн’ (квартиры, находящиеся в радиусе 3 километров от супермаркета Хэ Ма Сянь Шэн) [Ли Хуэйминь, 2020]: исходная синтагма разделяется на три значимых сегмента: $А_1А_2$ 盒马鲜生 ‘Хэ Ма Сянь Шэн’ + $Б_1Б_2$ 区域 ‘район’ + $В_1В_2$ 房产 ‘квартиры’. 盒马鲜生 ‘Хэ Ма Сянь Шэн’ — название супермаркета. Оно определяет имя существительное 区域 ‘район’. 盒马鲜生区域 ‘в районе супермаркета Хэ Ма Сянь Шэн’ вместе определяет имя существительное 房产 ‘квартиры’. 盒区房 ‘квартиры в районе супермаркета Хэ Ма Сянь Шэн’ образуется по принципу аналогии. В китайском языке давно существует понятие 学区房 ‘квартиры школьного округа’, которое обозначается сложносокращённым словом, образованным из синтагмы 学校区域房产 ‘квартиры школьного округа’. При сокращении сохраняются первые морфемы 学 ‘школьный’ + 区 ‘округ’ + 房 ‘квартиры’ из трёх сегментов. В сложносокращённом слове 盒区房 ‘квартиры в районе супермаркета Хэ Ма Сянь Шэн’ также сохраняются первые морфемы 盒 ‘Хэ’ + 区 ‘район’ + 房 ‘квартиры’ из трёх сегментов. Данное сложносокращённое слово имеет структуру $А_1Б_1В_1$. Между компонентами сохраняется атрибутивная связь. На рисунке представлен процесс сокращения слова 学区房 ‘квартиры школьного округа’ и его внутренняя семантико-синтаксическая связь (рис. 6).

Рис. 6. Механизм образования 学区房

На рисунке представлен процесс сокращения слова 盒区房 ‘квартиры в районе супермаркета Хэ Ма Сянь Шэн’ и его внутренняя семантико-синтаксическая связь (рис. 7).

1 盒马鲜生Hema Fresh — китайская розничная сеть, принадлежащая онлайн-ритейлеру Alibaba. Концепция Hema заключается в объединении высокотехнологичного круглосуточного супермаркета, рынка свежих продуктов, ресторана и склада с онлайн-доставкой под одной вывеской. Доставка работает для клиентов, которые живут в радиусе 3 км от магазина. Такие ограничения Hema компенсирует скоростью доставки: курьеры розничной сети доставят товары не больше, чем за 30 минут.

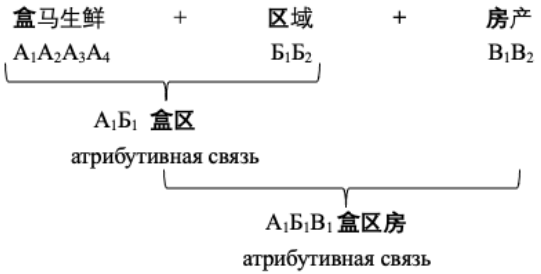

Рис. 7. Механизм образования 盒区房

3. 跨越边境输入 ‘завезти из-за рубежа’ → 跨境输入 ‘завезти из-за рубежа’ [Синьхуа, 2021]: исходная синтагма разделяется на три значимых сегмента: $А_1А_2$ 跨越 ‘переходить’ + $Б_1Б_2$ 边境 ‘граница’ + $В_1В_2$ 输入 ‘завезти’. Глагол 跨越 ‘переходить’ обозначает действие, а имя существительное 边境 ‘граница’ — объект действия. При сокращении сохраняются первая морфема 跨 ‘переходить’ из первого сегмента, вторая морфема 境 ‘граница’ из второго сегмента и третий сегмент целиком 输入 ‘завезти’. Между компонентами 跨 ‘переходить’ и 境 ‘граница’ образуется глагольно-объектная связь. 跨境 ‘переходить границу’ определяет 输入 ‘завезти’, образуется атрибутивная связь. Данное сложносокращённое слово имеет структуру $А_1Б_2В_1В_2$. На рисунке представлен процесс сокращения слова 跨境输入 ‘завезти из-за рубежа’ и его внутренняя семантико-синтаксическая связь (рис. 8).

Рис. 8. Механизм образования 跨境输入

4. 恢复工作、恢复生产 ‘восстановить работу, восстановить производство’ → 复工复产 ‘восстановить работу и производство’ [Хоу Минь и др., 2020, с. 53]: исходная синтагма разделяется на четыре значимых сегмента: $А_1А_2$ 恢复 ‘восстановить’ + $Б_1Б_2$ 工作 ‘работа’ + $В_1В_2$ 恢复 ‘восстановить’ +

$Г_1Г_2$ 生产 ‘производство’. Глаголы 恢复 ‘восстановить’ обозначают действие, а имена существительные 工作 ‘работа’ и 生产 ‘производство’ — объекты действия. При сокращении сохраняются вторые морфемы глаголов (复 ‘восстановить’), первая морфема (工 ‘работа’) имени существительного 工作 ‘работа’, вторая морфема (产 ‘производство’) имени существительного 生产 ‘производство’. Данное сложносокращённое слово имеет структуру $А_2Б_1В_2Г_2$. В слове 复工 ‘восстановить работу’ образуется глагольно-объектная связь, в 复产 ‘восстановить производство’ связь того же типа, а между 复工 ‘восстановить работу’ и 复产 ‘восстановить производство’ — сочинительная связь. На рисунке представлен процесс сокращения слова 复工复产 ‘восстановить работу и производство’ и его внутренняя семантико-синтаксическая связь (рис. 9).

Рис. 9. Механизм образования 复工复产

5. 上网络课程 ‘пройти онлайн-курсы’ → 上网课 ‘пройти онлайн-курсы’ [Ван Хань, 2021, с. 131]: исходная синтагма разделяется на три значимых сегмента: А 上 ‘пройти’ + $Б_1Б_2$ 网络 ‘онлайн’ + $В_1В_2$ 课程 ‘курсы’. Имя существительное 网络 ‘онлайн’ определяет имя существительное 课程 ‘курсы’, образуется атрибутивная связь. Глагол 上 ‘пройти’ обозначает действие, направленное на объект 网络课程 ‘онлайн-курсы’, образуется глагольно-объектная связь. При сокращении сохраняются сегмент 上 ‘пройти’ полностью и первые морфемы 网 ‘онлайн’, 课 ‘курсы’ из остальных двух сегментов. Данное сложносокращённое слово имеет структуру $АБ_1В_1$. Между компонентами сохраняются атрибутивная и глагольно-объектная связи. На рисунке представлен процесс сокращения слова 上网课 ‘пройти онлайн-курсы’ и его внутренние семантико-синтаксические связи (рис. 10).

6. 云监督工作 ‘контролировать работу в облачном формате’ → 云监工 ‘контролировать работу в облачном формате’ [Ван Хань, 2021, с. 77]: исходная синтагма разделяется на три значимых сегмента: А云 ‘в облачном

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Рис. 10. Механизм образования上网课

формате’ + $Б_1Б_2$ 监督 ‘контролировать’ + $В_1В_2$ 工作 ‘работа’. Глагол 监督 ‘контролировать’ обозначает действие, направленное на объект 工作 ‘работа’. Между ними образуется глагольно-объектная связь. Имя существительное 云 ‘в облачном формате’ определяет 监督工作 ‘контролировать работу’, образуется атрибутивная связь. При сокращении сохраняются сегмент 云 ‘в облачном формате’ полностью и первые морфемы 监 ‘контролировать’ + 工 ‘работа’ из остальных сегментов. Данное сложносокращённое слово имеет структуру $АБ_1В_1$. Между компонентами сохраняются глагольно-объектная и атрибутивная связи. На рисунке представлен процесс сокращения слова 云监工 ‘контролировать работу в облачном формате’ и его внутренние семантико-синтаксические связи (рис. 10).

Рис. 11. Механизм образования 云监工

7. 云祭奠扫墓 ‘букв. посещать кладбище усопших и поминать их с приношениями в облачном формате’ → 云祭扫 ‘букв. посещать кладбище усопших и поминать их с приношениями в облачном формате’ [Ван Хань, 2021, с. 77]: 祭奠扫墓 — китайский традиционный обряд поминовения усопших во время праздников. Люди должны приносить на кладбище вино, еду, специальные бумажные деньги и другие предметы, приводить в порядок место

захоронения, ухаживать за почвой и цветами, удалять сорняки, затем сжигать специальные бумажные деньги и кланяться до земли. Во время карантина на замену этим традициям создавались новые ритуалы: вместо личного посещения кладбища люди могут создать «мемориальный музей» для усопших в Интернете и подарить им виртуальные приношения.

Исходная синтагма разделяется на три значимых сегмента: А云 ‘в облачном формате’ + $Б_1Б_2$ 祭奠 ‘поминать с приношениями’ + $В_1В_2$ 扫墓 ‘посещать кладбище усопших’. Глаголы 祭奠 ‘поминать с приношениями’ и 扫墓 ‘посещать кладбище усопших’ образуют сочинительную связь. Имя существительное 云 ‘в облачном формате’ определяет 祭奠扫墓 ‘букв. посещать кладбище усопших и поминать их с приношениями в облачном формате’, образуется атрибутивная связь. При сокращении сохраняются сегмент 云 ‘в облачном формате’ полностью и первые морфемы 祭 ‘поминать с приношениями’ и 扫 ‘посещать кладбище усопших’ из остальных двух сегментов. Данное сложносокращённое слово имеет структуру $АБ_1В_1$. Между компонентами сохраняются сочинительная и атрибутивная связи. На рисунке представлен процесс сокращения слова 云祭扫 ‘букв. посещать кладбище усопших и поминать их с приношениями в облачном формате’ и его внутренние семантико-синтаксические связи (рис. 12).

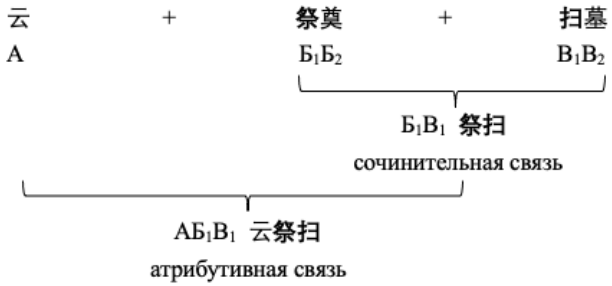

Рис. 12. Механизм образования 云祭扫

8. 云选拔会议 ‘букв. отборочное совещание в облачном формате’ → 云选会 ‘букв. отборочное совещание в облачном формате’ [Ван Хань, 2021, с. 77]: 云选会 — «Облачная выставка вакансий» с рекрутерами, предоставляющими рабочие места для высококвалифицированных специалистов и выпускников колледжей по всему миру.

Исходная синтагма разделяется на три значимых сегмента: А云 ‘в облачном формате’ + $Б_1Б_2$ 选拔 ‘отборочный’ + $В_1В_2$ 会议 ‘совещание’. Имя прилагательное 选拔 ‘отборочный’ обозначает признак предмета, определяет имя существительное 会议 ‘совещание’. Между ними образуется

атрибутивная связь. Имя существительное 云 ‘в облачном формате’ определяет 选拔会议 ‘отборочное совещание’, образуется атрибутивная связь. При сокращении сохраняются сегмент 云 ‘в облачном формате’ полностью и первые морфемы 选 ‘отборочный’ + 会 ‘совещание’ из остальных двух сегментов. Данное сложносокращённое слово имеет структуру $АБ_1В_1$. Между компонентами сохраняются атрибутивные связи. На рисунке представлен процесс сокращения слова 云选会 ‘отборочное совещание в облачном формате’ и его внутренние семантико-синтаксические связи (рис. 13).

Рис. 13. Механизм образования 云选会

Морфема 云 ‘в облачном формате’ рассматривается как продуктивная часть сложных или сложносокращённых слов, может образовать ряд слов, имеющих модель «云X» [Ван Хань, 2021, с. 131].

4. Заключение = Conclusions

Появление новых «горячих» слов во время эпидемии является свидетельством серьезного кризиса, происходящего в языке, отражающего актуальные процессы и явления в жизни современного общества. При создании новых сложносокращённых слов в китайском языке отчетливо оформилась следующая тенденция: в этом процессе ведущую роль играет принцип выбора первой морфемы в сочетании с другими принципами (например, такими, как принцип аналогии). При этом выбор первых морфем позволяет сохранить семантико-синтаксические связи между компонентами сокращений, что крайне важно для расшифровки и понимания сложносокращённых слов.

Знание словообразовательного механизма исследуемого типа сложносокращённых слов поможет носителям китайского языка, а также людям, изучающим китайский язык как иностранный, лучше и быстрее понимать и осваивать новые слова, что обеспечивает действенность и эффективность коммуникации.

Источники и принятые сокращения

1. Синьхуа — *Официальное* информационное агентство правительства Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. — 2021. — Режим доступа : http://www.xinhuanet.com/2020-03/24/c_1125757908.htm (дата обращения 25.12.2021).

Литература

1. *Ван Минюй.* Сложные слова с субъектно-предикативной связью и неаккузативные глаголы в китайском языке / Ван Минюй // Изучение языков. — 2011. — № 3. — С. 37—42. — DOI: 10.3969/j.issn.1000-2979.2011.03.006 (王铭宇. 汉语主谓式复合词与非宾格动词假设 / 王铭宇 // 语文研究. — 2011. — № 3. — 37—42. — DOI: 10.3969/j.issn.1000-2979.2011.03.006).

2. *Ван Хань.* Анализ горячих слов в эпоху коронавируса с точки зрения эколингвистики / Ван Хань // Культура китайского иероглифа : обсуждение и дискуссия. — 2021. — № 1. — С. 130—135. — DOI: 10.14014/j. cnki.cn11-2597/g2.2021.01.037 (王涵. 生态语言学视角下新冠疫情热词分析 / 王涵 // 汉字文化: 讨论与争鸣. — 2021年. — № 1. — 130—135页. — DOI: 10.14014/j. cnki.cn11-2597/g2.2021.01.037).

3. *Ван Хань.* О «горячих» словах во время эпидемии в преподавании китайского языка как иностранного / Ван Хань, Линь Ган // Вестник Муданьцзяского педагогического университета. — 2021. — № 30. — С. 75—79. — DOI: 10.15907/j.cnki.23-1450.2021.01.013 (王涵. 论疫情热词在对外汉语教学中的生态教学 / 王涵, 林纲 // 牡丹江大学学报. — 2021年. — № 30. — 75—79页. — DOI: 10.15907/j.cnki.23-1450.2021.01.013).

4. *Ван Цзихуэй.* Исследование сложносокращённых слов в современном китайском языке / Ван Цзихуэй. — Тяньцзинь : Тяньцзиньское народное издательство, 2001. — 222 с. — ISBN 9787201038698 (王吉辉. 现代汉语缩略词语研究 / 王吉辉. — 天津 : 天津人民出版社, 2001. — 222页. — ISBN 9787201038698).

5. *Е Нань.* Ритмический и синтаксический механизмы образования сложных слов с атрибутивной связью в китайском языке / Е. Нань // Вестник Сихуаского университета. Серия : Философия и социальные науки. — 2016. — № 5. — С. 27—30. — DOI: 10.19642/j.issn.1672-8505.2016.05.006 (叶南. 当代汉语偏正复合构词的韵律机制和句法机制 / 叶南 // 西华大学学报 : 哲学社会科学版. — 2016. — № 5. — 27—30页. — DOI: 10.19642/j.issn.1672-8505.2016.05.006).

6. *Инь Чжипин.* Методы и принципы образования сложносокращённых слов / Инь Чжипин // Преподавание языков и научные исследования. — 1999. — № 2. — С. 73—82. — DOI: CNKI:SUN:YYJX.0.1999-02-011 (殷志平. **构造**缩略语的方法和原则 / 殷志平 // 语言教学与研究. — 1999年. — № 2. — 73—82页. — DOI: CNKI:SUN:YYJX.0.1999-02-011).

7. *Ли Хуэйминь.* Новые слова во время эпидемии в 2020 году [Электронный ресурс] / Ли Хуэйминь // Ситуация с китайским языком. — 2020. — № 1. — Режим доступа : http://ling.whu.edu.cn/index/search.html?type=1&title=2020 战疫期间的新造词语. (李慧敏. 2020战疫期间的新造词语 [线上资源] / 李慧敏 // 中国语情. — 2020. — № 1. — 访问模式 : http://ling.whu.edu.cn/index/search.html?type=1&title=2020战疫期间的新造词语).

8. *Ма Цинчжу.* О сложносокращённых словах и способах их образования / Ма Цинчжу // Сборник лингвистических исследований на кафедре китайского языка Нанкайского университета. — 1988. — № 5. — С. 78—104. (马庆株. 关**于**缩略语及其构成方式 / 马庆株 // 语言研究论丛. — 1988年. — № 5. — 78—104页).

9. *Оуян Голян.* Происхождение сложносокращённого слова 新冠肺炎 ‘пневмония при короновирусе’ / Оуян Голян // Языковая конструкция. — 2020. — № 7. — С. 62—64. — DOI:

10.16412/j.cnki.1001-8476.2020.07.015 (欧阳国亮. 缩略语“新冠肺炎”的由来 / 欧阳国亮 // 语文建设. — 2020. — № 7. — 62—64页. — DOI:10.16412/j.cnki.1001-8476.2020.07.015).

10. *Сун Вэньхуэй.* Функциональные и когнитивные исследования сложных слов с результативной связью / Сун Вэньхуэй. — Шанхай : Издательство Сюэлинь, 2021. — 240 с. — ISBN 9787548617990 (宋文辉. 汉语动结式的功能与认知研究 / 宋文辉. — 上海 : 学林出版社, 2021. — 240页. — ISBN 9787548617990).

11. *Сюй Синьцзянь.* Анализ популярных слов в Интернете во время коронавируса / Сюй Синьцзянь // Вестник Гуанчжоуского университета. Серия : Социальные науки. — 2020. — № 4. — С. 113—129. — DOI: 10.3969/j.issn.1671-394X.2020.04.022 (徐新建. 人类语词共同体 : 新冠疫期的网络热词分析 / 徐新建 // 广州大学学报 : 社会科学版. — 2020. — № 4. — 113—129页. — DOI: 10.3969/j.issn.1671-394X.2020.04.022).

12. *Сюй Тунцян.* Теория о языке / Сюй Тунцян. — Чанчунь : Издательство Северо-восточного педагогического университета, 1997. — 623 с. — ISBN 9787560220505 (徐通锵. 语言论 / 徐通锵. — 长春 : 东北师范大学出版社, 1997. — 623页 — ISBN 9787560220505).

13. *Фу Хуайцин.* Лексика современного китайского языка / Фу Хуайцин. — Пекин : Издательство Пекинского университета, 2020. — 274 с. — ISBN 9787301069448 (符淮青. 现代汉语词汇 / 符淮青. — 北京 : 北京大学出版社, 2020. — 274页. — ISBN 9787301069448).

14. *Хоу Минь.* Слова о борьбе с эпидемией в Китае / Хоу Минь, Тэн Юнлинь // Стратегическое исследование языка. — 2020. — № 5. — С. 50—61. — DOI: 10.19689/j.cnki.cn10-1361/h.20200305 (侯敏. 词述中国战”疫” / 侯敏, 滕永林 // 语言战略研究. — 2020. — № 5. — 50—61页. — DOI: 10.19689/j.cnki.cn10-1361/h.20200305).

15. *Цзян Сянъюн.* Принцип подбора первой морфемы и когнитивное обоснование образования сложносокращённых слов в современном китайском языке / Цзян Сянъюн // Вестник Хубэйского университета. Серия : Философия и социальные науки. — 2015. — № 42 (5). — С. 75—79. — DOI: 10.3969/j.issn.1001-4799.2015.05.013 (蒋向勇. 现代汉语缩略语构造的取首原则及其认知理据 / 蒋向勇 // 湖北大学学报 : 哲学社会科学版. — 2015. — № 42 (5). — 75—79页. — DOI: 10.3969/j.issn.1001-4799.2015.05.013).

16. *Цзян Сянъюн.* Исследование обоснований сложносокращённых слов в современном китайском языке / Цзян Сянъюн. — Пекин : Китайское издательство общественных наук, 2018. — 242 с. — ISBN 9787520314770 (蒋向勇. 现代汉语缩略语的认知研究 / 蒋向勇. — 北京 : 中国社会科学出版社. — 2018. — 242页. — ISBN 9787520314770).

17. *Чжан Вэй.* Когнитивное исследование формирования и лексической семантики сложных слов с двумя слогами / Чжан Вэй. — Шанхай : Издательство Сюэлинь, 2021. — 141 с. — ISBN 9787548617686 (张巍. 汉语双音复合词构词及词汇语义的认知研究 / 张巍. — 上海 : 学林出版社, 2021. — 141页. — ISBN 9787548617686).

18. *Чжоу Гогуан.* Введение в лексикологию современного китайского языка / Чжоу Гогуан. — Гуанчжоу : Гуандунское издательство высшего образования, 2004. — 264 с. — ISBN 9787536130708 (周国光. 现代汉语词汇学导论 / 周国光. — 广州 : 广东高等教育出版社, 2004. — 264页. — ISBN 9787536130708).

19. *Чжу Янь.* Исследование семантического словообразования сложных слов в китайском языке / Чжу Янь. — Пекин : Издательство Пекинского университета, 2004. — 316 с. — ISBN 7-301-07922-2 (朱彦. 汉语复合词语义构词法研究 / 朱彦. — 北京 : 北京大学出版社, 2004. — 316页. — ISBN 7-301-07922-2).

20. *Янь Чэньсун.* Исследование языкового обоснования / Янь Чэньсун // Вестник Института иностранных языков НОАК. — 2000. — № 6. — С. 1—6. — DOI:

CNKI:SUN:JFJW.0.2000-06-000 (严辰松. 语言理据探究 / 严辰松 // 解放军外国语学院学报. — 2000. — № 6. — 1—6页. — DOI: CNKI:SUN:JFJW.0.2000-06-000).

Material resources

Xinhua is the official News Agency of the Government of the People's Republic of China. (2021). Available at: http://www.xinhuanet.com/2020-03/24/c_1125757908.htm (accessed 25.12.2021). (In Russ.).

References

Fu Huaqing. (2020). *Vocabulary of the modern Chinese language.* Beijing: Peking University Press. 274 p. ISBN 9787301069448. (In Chin.).

Hou Min., Teng Yonglin. (2020). Words about the fight against the epidemic in China. *Strategic Language research, 5:* 50—61. DOI: 10.19689/j.cnki.cn10-1361/h.20200305. (In Chin.).

Jiang Xiangyong. (2015). The principle of the selection of the first morpheme and the cognitive justification of the formation of compound words in modern Chinese. *Bulletin of Hubei University. Series: Philosophy and Social Sciences, 42 (5):* 75—79. DOI: 10.3969/j.issn.1001-4799.2015.05.013. (In Chin.).

Jiang Xiangyong. (2018). *A study of the justifications of compound words in modern Chinese.* Beijing: Chinese Publishing House of Social Sciences. 242 p. ISBN 9787520314770. (In Chin.).

Li Huimin. (2020). New words during the epidemic in 2020. *The situation with the Chinese language, 1.* Available at: http://ling.whu.edu.cn/index/search.html ?type=1&title=2020. (In Chin.).

Ma Qingzhu. (1988). About compound words and ways of their formation. *Collection of linguistic studies at the Department of Chinese Language of Nankai University, 5:* 78—104. (In Chin.).

Ouyang Golyan. (2020). The origin of the compound word "pneumonia with coronavirus". *Language construction, 7:* 62—64. DOI: 10.16412/j.cnki.1001-8476.2020.07.015. (In Chin.).

Song Wenhui. (2021). *Functional and cognitive studies of compound words with effective communication.* Shanghai: Xuelin Publishing House. 240 p. ISBN 9787548617990. (In Chin.).

Wang Han. (2021). Analysis of hot words in the era of coronavirus from the point of view of ecolinguistics. *Culture of the Chinese character: discussion and discussion, 1:* 130—135. DOI: 10.14014/j. cnki.cn11-2597/g2.2021.01.037. (In Chin.).

Wang Han, Lin Gang. (2021). About the "hot" words during the epidemic in teaching Chinese as a foreign language. *Bulletin of Mudanji Pedagogical University, 30:* 75—79. DOI: 10.15907/j.cnki.23-1450.2021.01.013. (In Chin.).

Wang Jihui. (2001). *The study of compound words in modern Chinese.* Tianjin: Tianjin People's Publishing House. 222 p. ISBN 9787201038698. (In Chin.).

Wang Mingyu. (2011). Compound words with subject-predicative connection and non-causative verbs in Chinese. *Learning languages, 3:* 37—42. DOI: 10.3969/j.issn.1000-2979.2011.03.006. (In Chin.).

Xu Tongqiang. (1997). *Theory of Language.* Changchun: Northeastern Pedagogical University Press. 623 p. ISBN 9787560220505. (In Chin.).

Xu Xinjian. (2020). Analysis of popular words on the Internet during coronavirus. *Bulletin of Guangzhou University. Series: Social Sciences, 4:* 113—129. DOI: 10.3969/j.issn.1671-394X.2020.04.022. (In Chin.).

Yan Chensong. (2000). Language justification research. *Bulletin of the Institute of Foreign Languages of the PLA, 6:* 1—6. DOI: CNKI:SUN:JFJW.0.2000-06-000. (In Chin.).

Ye Nan. (2016). Rhythmic and syntactic mechanisms of formation of compound words with attributive connection in the Chinese language. *Bulletin of Sihuai University. Series: Philosophy and Social Sciences, 5:* 27—30. DOI: 10.19642/j.issn.1672-8505.2016.05.006. (In Chin.).

Yin Zhiping. (1999). Methods and principles of the formation of compound words. *Teaching languages and scientific research, 2:* 73—82. DOI: CNKI:SUN:YYJX.0.1999-02-011. (In Chin.).

Zhang Wei. (2021). *Cognitive study of the formation and lexical semantics of compound words with two syllables.* Shanghai: Xuelin Publishing House. 141 p. ISBN 9787548617686. (In Chin.).

Zhou Goguang. (2004). *Introduction to the Lexicology of Modern Chinese.* Guangzhou: Guangdong Publishing House of Higher Education. 264 p. ISBN 9787536130708. (In Chin.).

Zhu Yan. (2004). *A study of semantic word formation of compound words in the Chinese language.* Beijing: Peking University Press. 316 p. ISBN 7-301-07922-2. (In Chin.).

Статья поступила в редакцию 28.01.2022,
одобрена после рецензирования 18.03.2022,
подготовлена к публикации 25.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Миронова А. А. Лексическое своеобразие региональных православных церковно-приходских летописей / А. А. Миронова, И. А. Чуносова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 96—113. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-96-113.

Mironova, A. A., Chunosova, I. A. (2022). Lexical Originality of Regional Orthodox Parish Chronicles. *Nauchnyi dialog, 11(3):* 96-113. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-96-113. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-96-113

Лексическое своеобразие региональных православных церковно-приходских летописей

Миронова Александра Анатольевна [1]
orcid.org/0000-0001-5910-8567
доктор филологических наук, доцент
кафедра русского языка и методики обучения русскому языку
amiron_rus@mail.ru

Чуносова Ирина Александровна [2]
orcid.org/0000-0001-5618-0563
старший преподаватель
кафедра русского языка как иностранного
chunosovaia@gmail.com

[1] Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(Челябинск, Россия)

[2] Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)
(Челябинск, Россия)

Lexical Originality Of Regional Orthodox Parish Chronicles

Alexandra A. Mironova [1]
orcid.org/0000-0001-5910-8567
Doctor of Philology, Associate Professor
Department of the Russian Language and Russian Language Teaching Methods
amiron_rus@mail.ru

Irina A. Chunosova [2]
Orcid.org/0000-0001-5618-0563
Senior Lecturer
Department of Russian as a Foreign Language
chunosovaia@gmail.com

[1] South Ural State Humanitarian Pedagogical University
(Chelyabinsk, Russia)

[2] South Ural State University (national research university)
(Chelyabinsk, Russia)

© Миронова А. А., Чуносова И. А., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализирован лексический уровень двух церковно-приходских летописей Южного Урала XIX века. Актуальность исследования обусловлена тем, что памятники создавались в период возобновления летописной традиции. Новизна работы заключается в описании лексического разнообразия двух текстов одного жанра. Основное внимание уделено особенностям лексико-тематических групп: денотату, выбору лексемы, лексическим отношениям между компонентами группы. Доказано, что именно лексический уровень наиболее ярко транслирует специфику картины мира жителей Южного Урала на фоне летописей других губерний. Сделан вывод о том, что в лексике церковных летописей выделяется шесть групп как отражение значимых сфер жизни прихожан: религиозная жизнь, работа, быт, образование, окружающий мир, общественные отношения. Показано, что речь писца не перенасыщена разнородной информацией, поэтому выбор тем и слов играет важную роль в исследовательском прочтении документа. Отмечается, что требуемые трафаретом документа сведения летописцами передаются при помощи разных лексем. Сопоставительный анализ лексем летописных сводов демонстрирует, что фактическая центрация тем в летописи не зацикливается на религии, хотя религия — моральный и нравственный ориентир для обывателя того времени.

Ключевые слова:
история русского языка; Южный Урал; церковно-приходские летописи; лексико-тематические группы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The lexical level of two parochial chronicles of the Southern Urals of the 19th century is analyzed in the article. The relevance of the study is due to the fact that the monuments were created during the period of renewal of the chronicle tradition. The novelty of the work lies in the description of the lexical diversity of two texts of the same genre. The main attention is paid to the peculiarities of lexico-thematic groups: denotation, choice of lexeme, lexical relations between the components of the group. It has been proved that it is the lexical level that most clearly translates the specifics of the picture of the world of the Southern Urals inhabitants against the background of the chronicles of other provinces. It is concluded that six groups are distinguished in the vocabulary of church chronicles as a reflection of significant areas of the life of parishioners: religious life, work, life, education, the world around, social relations. It is shown that the scribe's speech is not oversaturated with heterogeneous information, therefore the choice of topics and words plays an important role in the research reading of the document. It is noted that the information required by the stencil of the document is transmitted by chronicles using different lexemes. A comparative analysis of the lexemes of chronicles shows that the actual centralization of topics in the chronicles does not focus on religion, although religion is a moral and ethical guide for the layman of that time.

Key words:
history of the Russian language; Southern Urals; parish chronicles; lexical-thematic groups.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’37:27-29+82-94

Лексическое своеобразие региональных православных церковно-приходских летописей

© Миронова А. А., Чуносова И. А., 2022

1. Введение = Introduction

С момента появления церковно-приходское летописание в России привлекает внимание исследователей: историков, краеведов, церковнослужителей, филологов, культурологов [Агеева, 2000; Бабушкина, 2002; Беллюстин, 1875; Зеленин, 1914—1916; Иконников, 1898; Шмидт, 1997]. Памятники деловой письменности, хронология событий, особенности воспроизведения информации и ранжирование ее по значимости — приметы времени и восприятия мира человеком-современником. По предварительным данным аннотированного справочника-указателя «История Русской Православной Церкви в документах региональных архивов России» [История Русской Православной Церкви …, 1993] научное сообщество узнало, что летописные тексты-памятники, доступные для исследования, находятся в 51 архиве или хранилище. Так, за последние годы Д. А. Пшеницыным обнаружено только в двух архивах и двух музеях Вологодской области 80 церковных летописей [Пшеницын, 2018]. Этим определяется актуальность исследования, так как до сих пор не завершено определение границ корпуса памятников письменности летописного жанра. В научный оборот вводятся новые своды церковно-приходских летописей Миасского завода и прихода. Оригинальные рукописные книги «Летописи Оренбургской епархіи Троицкого уѣзда Миасского завода» в 3-х частях, которую вели священники Петро-Павловской церкви с 1882 по 1897 годы (далее — ЛМЗ), и «Приходская лѣтопись Оренбургской епархіи Троицкаго уезда Параскевіевской церкви Кундравинской станицы, заведенная въ 1865 году до января 1876 года» (далее — КЛ) хранились в библиотеке Миасского городского краеведческого музея (Челябинская область). Отсутствие специальных условий, небрежное отношение к рукописям на протяжении всего XX века привели к частичному разрушению книг. Так, современное состояние третьей части «Летописи Оренбургской епархіи Троицкого уѣзда Миасского завода» плачевно: летопись хранится в виде разрозненных листов, частично утраченных за время использования, а потому практически невосстановимых. Текст написан гражданицей конца XIX века, красивым почерком. Писцы применяли красные, черные, коричневые чернила. Сообщения фиксировались одним членом причта. Лингвистическое издание

CC BY

памятников церковно-приходского летописания позволило грамотно сохранить уникальный источник. При публикации форма, подготовленная к печати научным коллективом, была максимально ориентирована на воссоздание первоначального облика оригинального источника. Воспроизведено оформление всех заголовков, подписей и пояснений к рисункам, иллюстрации, пропуски букв, а также допущенные описки. В музее представлены фотокопии летописей, которые можно использовать для более детальной работы с первоисточником всем заинтересованным темой ученым в тех исследованиях, где важно взаимодействие с подлинным текстом в его первозданном виде, в то время как изданная в виде отдельного книжного тома летопись доступна для каждого любителя истории, краеведа, филолога. Печатная копия летописи делает ее прочтение доступным для широкой публики. Особенность лингвистического издания, выполненного квалифицированными профессионалами, также в том, что каждый человек, не получивший специального образования и не являющийся специалистом в области истории языка, сумеет прочитать текст без сопутствующих искажений, берущих начало в «народной этимологии». Именно по источникам, подготовленным специалистами-филологами, была сделана выборка языкового материала.

При сходстве общей формы и содержания памятники разнятся в воспроизведении, преподнесении, оформлении информационных сводок или более широких тематических блоков. Уникальные черты местных документов во многом продиктованы бытовыми особенностями повседневности: какая деятельность была преобладающей в данной местности, насколько здесь было востребовано образование, насколько разнородным в этническом плане были сам регион и его территория, какие религиозные течения и вероучения распространялись среди населения.

По различным данным, церковно-приходское летописание активно функционировало с 1865 года до 20-х годов XX века. При этом А. В. Спичак установила, что в Тобольской губернии церковные летописи составлялись уже в 1845 году [Спичак, 2017, с. 102]. Как отмечает С. И. Добренький, точную дату установить сложно, так как везде складывались свои обстоятельства, и церковно-приходские летописи в некоторых приходах писались еще в конце 1920-х, а в отдельных и в начале 1930-х годов [Добренький, 2006, с. 8].

Синод определял правила ведения стандартизованных записей церковных летописей [Проект церковно-приходских летописей, 1868]. Традиционно церковно-приходские летописи содержали ретроспективную и повременную части. А. В. Спичак, исследующая четыре церковных летописи Тобольской губернии, констатирует, что ни в одном из проанализиро-

CC BY

ванных текстов «такая форма ведения летописей не обнаружена» [Спичак, 2017, с. 102]. Своеобразие записей и формы 17 сводов Донской и Новочеркасской епархий выделяет и А. В. Шадрина [Шадрина, 2017]. Таким образом, в каждой губернии обнаруживаются специфические черты формирования документа и упорядочивание его в соответствии с образцом, действующим в определенном месте: области, волости, уезде или епархии. Сопоставление текстов, созданных в соседних приходах горнозаводской зоны Южного Урала, с текстами церковно-приходских летописей других губерний позволяет утверждать, что каждая церковно-приходская летопись предстает своего рода «дневником» писца.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Научная новизна исследования заключается в анализе лексического состава двух церковно-приходских летописей Южного Урала, характеризующихся лингвистической информативностью, для описания истории русского литературного языка. Фокус внимания на лексическом оформлении летописного текста выявляет характерные черты языковой картины мира человека того времени, живущего в системе координат вера — дом — работа — семья. На Урале центром мира для обывателя зачастую становился завод, прииск, рудник. Логическим основанием для выделения лексико-семантических групп стала тематическая рубрикация внутри летописей, обусловленная Программой ведения обязательных данных [Программа …, 1896, с. 176—178].

Впервые предпринята попытка комплексного описания лексико-тематических групп на материале церковно-приходских летописей, которые до сих пор не являлись предметом специального лингвистического исследования. Изучение лексического своеобразия памятника письменности позволяет выделить в составе летописей крупные лексико-тематические группы, отражающие денотативные сферы окружающего мира. Задачи работы — выявление и систематизация наполнения соответствующих лексико-тематических групп в составе лексического фонда в анализируемых текстах; описание входящих в них лексических единиц с точки зрения семантики и особенностей функционирования в летописи.

Одну и ту же мысль меняющиеся коммуникаторы излагают, пользуясь различными средствами, не нарушая границ формальной записи в летописном своде, что каждый писец и использует по-своему. Для более полного представления лексического своеобразия церковно-приходских летописей Южного Урала был проведен количественный и компонентный анализ словоупотреблений в КЛ и первой книге ЛМЗ. Переплетенные в твердые одинаковые обложки книги имеют формат А4. КЛ включает

CC BY

199 листов, охватывает 10 лет. Первая книга ЛМЗ состоит из 328 листов, на которых фиксируются события только за 3 года. Словник КЛ насчитывает 3400 слов, ЛМЗ — 4500 лексем. При этом не учитываются антропонимы и топонимы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Отражение в лексике летописей значимых сфер жизни «обывателей» и священников через лексико-тематические группы

Лексико-тематическая группа — это совокупность слов, объединенных на основе внеязыковой общности обозначаемых ими предметов или понятий. Включение лексем в одну лексико-тематическую группу обусловлено предметно-логическими факторами. Тематическая группа имеет важный признак: «в неё входят слова, основывающиеся не на языковых лексико-семантических связях, а на внеязыковых, то есть на классификации самих предметов и явлений внешнего мира» [Козырев и др., 2015, с. 13]. За рабочее определение мы принимаем следующее: лексико-тематическая группа — это группа лексем разных частей речи, транслирующих деление мира, основанное на выделении общих признаков однопорядковых предметов [Шулякина, 2014, с. 11].

Спектр выявленных при рассмотрении текстов церковно-приходских летописей лексико-тематических групп оказался широким и разнообразным, несмотря на ограниченный круг тем, подлежащих фиксации хроникой. Лексико-тематические группы состоят из слов, объединенных по принципу учета некоторых определенных компонентов в их значении.

Наиболее общие объединения слов, связанных по денотативному значению (сфере жизнедеятельности человека), распределены нами в шесть лексико-тематических групп: вера (духовная, религиозная жизнь); работа (профессиональная деятельность); быт (дом, еда, одежда и др.); образование (учебные заведения, система обучения, просветительская работа); окружающий мир (природа); общественные отношения.

Летопись — официальный документ, создаваемый под эгидой церковного прихода силами его кадрового состава, поэтому самая большая ***лексико-тематическая группа «Вера (духовная, религиозная жизнь)»*** призвана описывать события, происходящие в духовной сфере, жизни церкви и храма. В тематическую группу входит собственно церковная лексика: *благовѣстъ, акафист, на утрени, канон, всенощные бдѣнія, кіотъ, иконостасъ, літія, моленіе по случаю, святые молитвы, братство, настояніе, прео-гох-обер-прото-архи-священномадридство*. Можно выделить целые словообразовательные ряды с одной архисемой: *благо — благоверный, благовестник, Благовещеніе, благоволеніе, благодать, благость, благоутробіе*

CC BY

и др. (всего только в первом томе ЛМЗ насчитывается 49 единиц). Именования отцов церкви: *священникъ, батюшка, отец, пастырь, благочинный.* При этом сочетанием *о. Міссионеръ* именуют и православного, и поморского главу церкви, распространяющего свое учение, это звание обозначает проповедника вне зависимости от принадлежности к религиозному течению. Отдельную подгруппу формируют названия религиозных течений и сект: *магометанство, поповство австрійское, безпоповщицкая секта, австрійское лжесвященство, поморская секта, австрійская секта, «австріец», беглопоповщинскій* (60 лексем). Констатируются вера / безверие, суеверия среди прихожан: *адски-суеверный, ересь, правоверный*, *невѣріе.* Добавление уточняющей значение лексемы в состав сложного слова выступает одним из приемов детализации смысла: *церковно-общественный, церковно-прикладной, церковно-приходской; Человеко-Бог-Христос*.

Вторая лексико-тематическая группа «Работа (профессиональная деятельность)» объединяет лексемы с центральным денотативным значением ‘род деятельности’: *асессор, бергауэр, дарохранительница, знахарка, враждотворец, обыватель, купец, естествоиспытатель, промывальщик, лжеучитель, управитель.* Логичным кажется присоединение к этой группе единиц с общей темой «завод», который и формирует основные виды занятости жителей двух соседних приходов горнозаводской зоны: *главный начальник уральских заводов, руководитель раскопок, ревизор золотых промыслов, минеролог, старательский*, *малахит, шурф*. Место работы: *лечебница, врачебница, ночлежница*, *свѣчница*, *чайный столъ, переписный участокъ*.

Третья лексико-тематическая группа «Быт (дом, еда, одежда и др.)» объединяет лексемы, называющие различные бытовые предметы, транспортные средства, события и явления в повседневной жизни: *балаганы, частные дома (каменные и деревянные), лавки, лари, лавочки (в домах жителей), фабрики, мельницы, двор для лошадей, провиантскій магазинъ, госпиталь; блюдо, шайка, ватрушка, шаньга, свинина, щучина; бляхи, сарафан, галоши* и др. Так, *Гостиный дворъ* упоминается всегда в единственном числе, он презентуется как центр торговли и деловой жизни поселения, что характерно в целом для Урала XIX века. Отдельные именования сопровождают разговор о значимых общественных заведениях, местах, которые выступают ориентирами: *каменный пожарный дворъ съ башнею для наблюденія; конюшенный дворъ для казенныхъ лошадей; каменное зданіе, съ манежемъ и цейгаузомъ, военныхъ казармъ, каменные памятники [катакомбы]*. Частотны в текстах обеих летописей лексемы с центральной семой ‘огонь, пламя’ (35 единиц): *каменный пожарный дворъ съ башнею для наблюденія — 10 огнегасильныхъ машинъ, 20 бочекъ и 9 роспусковъ; пламеновидный; сгорѣли дотла, погорѣльцы, сгореніе.* В конце XIX века

CC BY

девять пожарных команд и двадцать мобильных бочек для пожаротушения в небольшом заводском поселении являлись показателем развитой инфраструктуры.

Болезни, эпидемии представлены писцами иногда как необычные события, а иногда — как бытовые: *Появился сыпной [пятнистый] тифъ в народѣ, принявъ форму эпидеміи ... опредѣлено открыть временную лечебницу и ночлежницу; Холерная эпидемія, съ наступленіемъ холодовъ почти прекратилась въ Россіи ... Въ Міасскомъ заводѣ, не смотря на сосѣдство эпидеміи по Уфимской губерніи и въ г. Златоустѣ, не было ни одного случая болѣзни* [ЛМЗ, т. 3, с. 72].

Четвертая лексико-тематическая группа «Образование» представлена лексемами с денотативным значением ‘учеба’. Вербальная фиксация процесса обучения, успехов учеников, пофамильных списков учащихся всех заведений, истории образования каждой школы, состава учителей, результатов итоговых экзаменов, вручения наградных листков является свидетельством восприятия этой среды того времени глазами священнослужителей: *арифметика, аттестат, баллотировка, учительствовать, букварь, прописи, классные потребности, учебная программа* и др. Кроме того, КЛ, помимо вербального компонента, содержит и визуальный: школьная жизнь запечатлена в рисунках, выполненных Афанасием Бурдуковым, который *«училъ безмѣздно*». Показателен тот факт, что Афанасий Бурдуков обратился к митрополиту с прошением о сложении сана в связи с желанием работать только учителем в школе.

Пятая лексико-тематическая группа «Окружающий мир (природа)» включает в себя номинации погодных явлений — всяческих проявлений сурового нрава природы уральского края: *жаровъ во всё лѣто большихъ не было; сѣна у всѣхъ были убраны зеленыя; льны родились хорошіе; летомъ жары доходятъ до 30° по Реомюру; жары были умѣренные, жаровъ и тепла ещё не было; бора выгорѣли.* Лексическая группа, описывающая не выходящие за пределы погодной нормы явления, весьма обширна: *прудъ очистился, санная дорога установилась, полынья, градъ, дождь, туча, пешее хожденіе по льду, летнее время, температура дня и ночи установилась, часто перепадалъ снѣгъ.* Аномальные явления составляют отдельную подгруппу: *паденіе звѣздъ съ неба, въ солнечномъ затменіи, наводненіе.* Часто в таких описаниях допускается поэтизация явления: *дождь падающихъ звѣздъ, образовались два больших полукруга яркоогненнаго цвѣта.* Данная лексико-тематическая группа включает средства описания плодородия прилегающих территорий: *хлѣба росли, льны родились*, — а также фиксирует болезненные состояния природы и, соответственно, человека по временам года: *холерное лето*.

CC BY

Шестая лексико-тематическая группа «Общественные отношения» представлена лексикой, которая касается описания значительных событий в приходе, подробных повествований о готовности прихожан принимать участие в религиозных таинствах и обрядах, причащаться и обращаться к беседам, о крепости моральных устоев и монолитности религиозных воззрений в приходе. Представлена статистика относительно пришедших или ушедших в другую конфессию, обязательно задокументировано имя *совратившего* на переход; открытие общественных организаций, спектр профессий, к которым принадлежат прихожане. Сравнение лексической плотности каждой подгруппы позволяет делать выводы о значимых сторонах жизни во времена создания летописей: исследователь и читатель летописи может увидеть, спустя сотни лет, чему писец уделял особое внимание. Это число родившихся, умерших и браком сочетавшихся (по метрической книге), обратившихся в православие и покинувших его, число бывших на исповеди, движение церковных сумм (приход, уход, остаток), посещение прихода известными людьми: *слѣпые, бѣдствующіе; исповѣдавшихся и причастившихся, скоропостижно-умершихъ, пасомые, голодающіе, нуждающіеся; приходъ, взносъ, плата; депутація* (в значении ‘делегация’), *члены-соревнователи*. При этом частотность употребления подобных образований в КЛ выше (185 лексем), чем в ЛМЗ (120 лексем), что объясняется стандартизованной формой подведения итогов года. В группе ***«Общественные отношения»*** выделяются номинации мест сбора членов общества, например: *библиотека-читальня, изба-читальня, базаръ-бал, казенные винные лавки, Попечительство народной трезвости.* Кроме перечисленных подгрупп, сюда входят слова, обозначающие экономические понятия, статус граждан, общественные организации, кроме религиозных: *ассигнованіе, вздорожаніе, богачи, царь-мученик, царь-освободитель, самоуправление*.

Показательны описания фактов авторами сопоставляемых текстов. Так, об урожае говорится по-разному: *Съ половины августа начали жать хлѣбъ. Къ сожаленію, къ этому времени на многіе хлеба «пала жоха», иначе сказать: вытекло зерно и на много обѣщавшей соломѣ оказался пустой колос. Къ этому присоединилось вскорѣ и другое несчастіе: палъ иней …* [КЛ, с. 303]; *Не смотря на поврежденіе посѣвовъ нынѣшняго лѣта кобылкою* см. Л. 175, сборъ хлѣбовъ вышелъ отличный. Цѣны: пшеница 50 коп., рожь 45 коп., овесъ от 25 к. за пудъ* [ЛМЗ, т. 3, с. 123].

Несмотря на близость расположения приходов, можно выделить общие для них лексико-тематические группы, слова из которых представлены в текстах летописей с разной частотностью. Употребительность лексем зависит напрямую от тех вопросов, которые чаще прочих приходится освещать писцу.

CC BY

3.2. Лексико-тематическое своеобразие «Кундравинской летописи …» (1865—1876)

«Приходская лѣтопись Оренбургской епархіи Троицкаго уѣзда Параскевіевской церкви Кундравинской станицы, заведенная въ 1865 году до января 1876 года» (КЛ) имеет ряд существенных отличий в области лексики от ЛМЗ: в КЛ летописец отмечает в основном именно религиозные факты, эпизоды, происшествия. Увеличивается, соответственно, и доля лексики, составляющей лексико-тематическую группу ***религиозного содержания***, она лидирует в количественном отношении (1128 лексем): *житія, служеніе молебновъ, говѣть, осененіе святой водой*. Подробно описывается все: крестные ходы, убранство церквей, состав причта, рекомендации и указания по предпочтениям в одежде, иерархия и категорирование наградных знаков, чтобы решить, кто из причта имеет право надевать их и носить на территории церкви, какие знаки, кроме религиозных допустимы в храме, а какие — нет. Освещаются необыкновенные происшествия любого характера, которые имели место в церковных стенах, будь то особенно щедрое пожертвование или прогремевшее на всю округу падение колокольни: *Сегодня, въ исходе 2-го часа по полудни произошло въ Кундравинскомъ приходе страшное, потрясшее до глубины души событіе, а имянно: во время пролома стенъ, на которыхъ держалась колокольня, пала она вся со всеми колоколами внутрь придельнаго храма, завалила придельный иконостасъ и повредила настоящій храмъ такъ, что невозможно отправлять никакихъ служб. Сторожа церковные и все рабочіе спаслись* [КЛ, с. 122]. Случившееся описывается эмоционально. Колокола из руин вытащили неповрежденными, что отмечается в записи от 1 апреля 1870 года*: Сегодня заваленные мусоромъ колокола отрыты; все они благодареніе Богу, остались целы* [Там же, с. 144]. Авторская оценка выражается за счет включения вводного сочетания со значением ‘к счастью’.

Группа ***бытовой лексики*** занимает второе место по количественному показателю — 826 лексем. Бытовые заметки о болезнях, доходящих до эпидемий и опустошающих край, о пожарах, свирепствующих по всей Империи из-за сильных ветров, о свадьбах и загадочных происшествиях вызывают большой интерес жителей и летописца.

Фиксация ***природных явлений*** (422 лексемы) выполнена по одному шаблону, картина природы края насыщается деталями: когда произошел первый ледоход или были посеяны зерновые, какие они дали всходы, как быстро вернулся осенью мороз и установился санный путь. Необычные природные явления упоминаются реже, чем в ЛМЗ, так как местность, где находится приход, отличается ландшафтом: преобладают леса и степи, а Петропавловская церковь высится среди холмов и гор. Так, меняющаяся погода в слободе

CC BY

описывается как *ненастная, ведренная, жаркая, холодная*. Из-за расположения вблизи озера важно, каков путь — *худой, зимній, тележный, санный.*

Общественная жизнь Кундравинского прихода отличается от жизни прихода Петропавловской церкви: достоянием общественной жизни чаще всего становятся необыкновенные происшествия, загадочные смерти, богатые пожертвования в церковную казну — утварью или деньгами (496 лексем): *баллотированіе, юбиляръ, прислано въ даръ. ... Были и замерзшіе вечеромъ 7-го числа казакъ самой станицы Дмитрій Симоновъ — 33-х лѣтъ и тесть его сельскій обыватель Кусинскаго завода Петръ Власовъ — 60 лѣтъ, шедшіе съ Бутырокъ въ Кундравы* [Там же, с. 148]. При описании посещения прихода чиновниками писец использует устойчивую конструкцию: *изволилъ* + что сделать? *пройти, завтракать, отправиться в путь, посетить*.

Профессиональная сфера включает в себя лексику, относящуюся к работе в образовании, сельском хозяйстве (120 единиц), к службе в армии (140 единиц) и др. Профессиональная лексика объединяет наименования лиц по профессии, должности, званию, воинские чины, названия видов работ: *полковникъ, казакъ, студентъ, наймовались жать, исполненіе обязанностей*.

Много записей посвящено ***теме образования*** в трех школах Кундравов — станичной, церковно-общественной и светски-общественной: *наставники, законоучители, обученіе, прописи, учащіе и учащіеся, элементарные уроки* (198 лексем). Интересно определение женской школы в речи попечителя на итоговом экзамене: *малый разсадникъ* [Там же, с. 198].

КЛ только один раз отсылает к ***заводу***, в относительной близости которого располагается приход — запись посвящена визиту следующего проездом его императорского высочества герцога Лейхтенбергского Николая Максимилиановича Романовского.

Данный текстовый памятник сосредоточен на фиксации происходящего в религиозной сфере жизни общества более, чем на других темах. Религиозное отражение мира составляет смысловой стержень КЛ и позволяет утверждать, что при заметных сходствах условий создания летописи разнятся в лексическом наполнении. Степень вовлечения жизни прихода и всего местного общества в религиозные события отличается глубиной в КЛ и некоторой поверхностностью в ЛМЗ.

3.3. Лексико-тематические группы в Летописи Миасского завода (1882—1897)

Бытовая лексика доминирует в заводском памятнике — 1325 лексем. Большой процент констатации бытовых событий в ЛМЗ обусловлен близо-

CC BY

стью к крупному предприятию. В церковно-приходскую летопись вписаны события заводского, горного центра. Обыденностью является находка на приисках золотых самородков. Эти факторы оказывают влияние не только на работу завода, но и на организацию быта людей: освобожденные манифестом от 8 марта 1861 года, горнозаводские рабочие получили свободу, а также возможность при должном везении заработать, например: *На Царево-Александровскомъ пріискѣ найденъ самородокъ золота весом въ 17 ф. и 20 зол., за который Компаніею выдано награды виновнику находки 1,000 р. с. и столько же на всю рабочую артель* [ЛМЗ, т. 1, с. 193—194].

В 1882 году пожары на территории Миасского завода, погубившие скот, оставившие многих без жилья, о чем неоднократно упоминает летописец, продолжались долгое время. Детализированного описания удостаивается все, что связано с заводом, например, пожар на производстве: *Въ 121 / 2 часовъ дня, когда рабочіе ушли на обедъ, подъ железною крышею компанейской механической фабрики, находящейся при Міасскомъ пруде показался дымъ пожара. Запасъ сухавостроеваго леса, хранящегося подъ крышею, далъ силу огню. Пожаръ длился несколько часовъ. Фабричное зданіе, строительные матеріалы, инструменты и машины погибли. Убытокъ простирается до 30,000 р. За все имущество, застрахованное только въ 12,000 р. Причина пожара хотя и не выяснена, но по общему предположенію, пожаръ произошелъ отъ печной железной трубы кузнечнаго отделения* [Там же, т. 2, с. 35]. Убыток предприятия воспринимается как истинная трагедия, материалы, инструменты и машины — как жертвы пожара, о чем свидетельствует подбор лексических средств (*машины погибли*).

Профессиональная заводская лексика в ЛМЗ фиксирует самые разные перипетии жизни завода и работников (450 лексем) и почти не встречается в КЛ. Центральная лексема *завод* только в первой книге повторяется 135 раз, *золото* — 54 раза. Номинируются сам завод и способ добычи золота: *золотопромышленное дѣло, золотопромышленность, операціи золотопромышленныя, в работахъ на золотыхъ пріискахъ, скудные золотничные заработки;* формы бытования золота: *золотоносныя розсыпи, въ розсыпяхъ зернами, чешуйками, а иногда значимыми кусками (самородками), самородки, гигантскій самородокъ, золотыя розсыпи, золотоносныхъ песковъ, золотосодержащихъ песковъ, мельчайшія частицы золота*; владельцы и хозяева приисков: *золотовладѣлец, арендаторская компания золотыхъ промысловъ, старательскихъ работъ, Управленіе Компаніи міасскихъ промысловъ*. На заводе существовал и собственный документооборот, в котором использовалась регламентированная лексика делопроизводства и рабочих отношений: *пріемъ на работы, наложена резолюція, единовременное пособіе, разрѣшеніе, постановленіе, акты*. К формулам

CC BY

делопроизводства относятся устойчивые выражения в деловых письмах: *согласно утвержденнаго Строительнымъ Отдѣленіемъ Орунб. Губернск. Правленія плана, составлен актъ осмотра и предоставленъ въ Консисторію*. Названы отдельные подразделения завода, формирующие производство: *компанейская механическая фабрика, кузнечное отдѣленіе, госпиталь міасской арендаторской Компаніи*.

Заводская лексика и наполнение отрывков заводскими новостями имеет место даже там, где это не предполагается: в описании грамотности и нравственности прихода, в географических заметках о местонахождении уезда. В центре координат оказался Миасский завод. Первое предложение, которое открывает введение летописи и отдельно главу «Географический обзоръ», звучит так: *Міасскій заводъ — Оренбургской губерніи, Троицкаго уѣзда — находится при рѣкѣ Міасѣ [отъ чего и получилъ свое названіе] и прудѣ заводском под 54°/ 59 С.Ш. и 77°/ 45 В.Д., въ разстояніи отъ С.-Петербурга въ 2,379, Москвы 1,700, Оренбурга 734 и г. Троицка 150 верст* [ЛМЗ, т. 1, с. 27]. В другой характеристике координат акцент сделан на точке отсчета расстояний — своеобразной «нулевой версте»: *Уральскій хребетъ находится отъ Міасского завода въ 25 верстахъ, пересѣкаетъ собою тракт изъ г. Уфы и служитъ границею между Оренбургскойи Уфимской губерніями* [Там же]. Географическое положение прихода сориентировано в той местности, где он находится, относительно самого значимого объекта — Миасского завода. Завод — центр мира для живущих там, вся жизнь уезда сконцентрирована на заводе. Этим объясняется наличие в тексте большого количества наименований лиц по профессии. Особенное положение женщины «в заводе», где она вынуждена была работать наравне с мужчинами, обусловливает функционирование в речи наименований лиц по профессии женского рода или относящихся к женщине: *учительница, наставница (учительница), акушерка, чиновница.* Кроме этого, в ЛМЗ отмечается, что *... жена сама на себя и на семью, гдѣ хочешь добудь наряды, и вотъ и это-то заставляетъ жену участвовать въ работахъ на золотыхъ пріискахъ наравнѣ съ мужемъ. Дѣвушки взрослыя, невѣсты, тоже сами себѣ зарабатываютъ одежду, лѣтомъ — на пріискахъ, а зимою — нанимаясь въ прислуги* [Там же, с. 54].

Важное место в работе завода занимает железная дорога. Если в КЛ слова тематической подгруппы «Транспорт» с дифференциальной семой ‘железнодорожный’ еще не встречаются, то в ЛМЗ лексемы включены уже в широкий контекст: встреча первого миасского поезда местным духовенством в 1892 году, график движения поездов, перевозки хлеба и масла в год неурожая, спасение людей от голода; вагоны-столовые, поезд-ресторан, товарный вагон; крушение поездов, строительство станций и линий,

состояние путей *(гнилость шпалъ, отсутствіе опытныхъ рабочихъ [«по неимѣнію средствъ»]*); экскурсия «корифеев науки» международного геологического конгресса из Санкт-Петербурга на Урал и др.

Тема ***образования*** представлена таблицами с именами и фамилиями учеников, результатами экзаменов, подписями членов комиссии. В этой лексико-семантической группе насчитывается 136 лексем: *похвальный листъ, выпускные ученики, училищный актъ, вакатъ.*

Общественная жизнь (1015 лексем) занимает отдельное место в заводской сфере: *отбылъ заключеніе в острогѣ, общественный трактиръ, волостной сходъ, решеніе спорного вопроса о переносе с Петропавловской площади на другое место пивнаго ларька*. С общественной жизнью связываются и самые неожиданные события, такие как археологические находки, совершенные в промысловых местах, во время добычи золота или золотоносной породы*: Въ 15 верстахъ отъ Міасскаго завода, по рѣчкѣ Чашковкѣ, при добычѣ золота изъ шахты, найдены кости допотопнаго звѣря: клыки, длиною не менѣе аршина, зубы, из которыхъвъодномъкрупномъ зубѣ вѣсу около 8 фун., и другія кости, съ признаками превращенія въ окаменѣлость* [Там же, с. 155].

Обыватели носят платье покроя европейского, именно*: мужчины — сюртуки, пальто, картуз, шляпы, причем больше в употреблении сукно и драпы; женщины — шелковые платья, таковые же кофты, драповые пальто, шелковые шали или платки и косынки на голове; Обувь у обоихъ половъ —щегольская, на высокихъ каблукахъ и резиновые галоши. Лаптей здѣсь не носили даже в давно прошедшѣе время. Вообще, что касается нарядов, то новое поколение вдалось даже в чрезмерное щегольство …* [Там же, с. 52], *по своимъ нравамъ и бытовымъ обычаямъ, Міасское населеніе приближается къ мѣщанскому городскому сословію* [Там же, с. 55].

Собственно ***религиозная лексика*** (800 единиц) встречается в трети случаев: освящение храма или отдельных предметов, совершение крестных ходов и служб во славу царя, государства, материальное или духовное благополучие прихода. На одну запись о строительстве церкви (семь записей, вплоть до освящения церкви) приходится две касающихся завода и его жизни (14 записей). Даже увеличение расходов на строительство храма, его убранство, церковную утварь объясняется летописцем большим спросом на строительные материалы для железной дороги. При этом встречаются синонимичные ряды: *воскресныя чтенія, бѣседы въ храмѣ, уроки-бесѣды*.

Лексика, номинирующая реалии окружающего мира ***природы*** (774 единицы), включает в себя не только названия растительного мира, но и обозначения необыкновенных явлений: падения кометы, ледохода, засухи. Кроме заурядных событий (становление санного или колесного пути, за-

мерзание воды в водоемах, сильные метели), в летописи есть рассказы, которые живописуют читателю настоящие астрономические явления, такие как солнечное и лунное затмение, гало, кометы и метеориты, например: *Въ первыхъ числахъ текущаго мѣсяца [октября Прим. ред.], на юго-восточной сторонѣ небосклона, появилась звѣзда съ хвостомъ, которую при ясной погодѣ хорошо можно видѣть простымъ глазомъ, въ ранние часы утра. Размѣръ хвоста громаденъ, пушист, на подобіе полуоткрытаго дамского веэра и хвостъ обращенъ вверхъ, имѣя наклоненіе къ юго-западу. Движется комета отъ востока къ западу. Комета видная была въ теченіи не болѣе 3 недѣль* [Там же, с. 157]. Описание астрономического явления детально, образно. На протяжении всех трех книг священники описывают природные картины: … *сѣверное сіяніе, съ ясною короною и многочисленными лучами, окрашенными в блѣднозолотистый цвѣтъ съ красными и фіолетовыми переливами* [ЛМЗ, т. 3, с. 121]; *свѣтло-розовая дуга и, кромѣ того, невысокіе столбы и двѣ небольшіе радуги, пересекающіся между собой* [Там же, с. 140]. Летописца интересуют необыкновенные атмосферные явления, например — паргелий: *При закате солнца, вокруг его, ярко блестели четыре ложныя солнца, обыкновенно появляющіеся зимою, при сильныхъ морозахъ* [ЛМЗ, т. 2, с. 81].

Текст ЛМЗ наполнен оценочными вставками писца: *Похвальные листы, очень изящной работы, пожертвованы ... посѣтители этого скромнаго училищнаго торжества* [ЛМЗ, т. 1, с. 236]; *Свадебные празднества въ простомъ народѣ иногда сопровождаются кощунственными забавами* [Там же, с. 268.].

4. Заключение = Conclusions

Церковно-приходская летопись — обязательный документ в каждом приходе Российской Империи XIX века, который составлялся по образцу. Тематика записей определялась Синодом. Поэтому в лексическом составе двух церковно-приходских летописей Южного Урала актуализированы шесть лексико-тематических групп, объединенных общим денотативным значением: вера (религиозная лексика); работа (профессиональная лексика); быт (наименования жилья, еды, одежды, продуктов и др.); образование (названия учебных заведений, систем обучения, школьных предметов); окружающий мир (номинации природных явлений); общественные отношения. Диапазон лексико-тематических групп регламентируется не только жанром текста, но и локацией (горнозаводская зона Южного Урала), что определяет частотность профессиональной лексики. Сравнение двух текстов одного жанра церковно-приходской летописи соседних приходов показывает различие в фиксации общей по теме информации. Лексическое

разнообразие зависит от составителя летописи: словарного запаса писца, способа выражения мысли на письме, фоновых знаний о науке, искусстве, истории, политике.

Благодаря анализу большого объема текстов одного жанра сделано заключение о самой частотной группе с семантическим ядром «быт» (*садъ, ворота, чугунная ограда, кружка, ядрица* и др.). В «Приходской лѣтописи Оренбургской епархіи Троицкаго уѣзда Параскевіевской церкви Кундравинской станицы, заведенной въ 1865 году до января 1876 года» второй по количеству предстает группа религиозной лексики, а в «Летописи Оренбургской епархіи Троицкого уѣзда Миасского завода» — общественная и профессиональная лексика.

Исследование лексического наполнения летописных сводов конца XIX века подтвердило положение о том, что сознание образованных летописцев-священнослужителей в горнозаводской зоне в большей степени связывает жизнь прихода с трудовой деятельностью, чем с религиозной.

Источники и принятые сокращения

1. КЛ — *Церковная* летопись Кундравинской Параскевиевской церкви (1865—1875) (хрестоматия) / сост. А. А. Миронова, И. А. Чуносова. 2-е изд., испр. и доп. — Москва : ФЛИНТА, 2018. — 321 с. — ISBN: 978-5-9765-3719-4.

2. ЛМЗ — *Летопись* Оренбургской епархии Троицкого уезда Миасского завода Петропавловской церкви (1882—1897) (хрестоматия) : в 3 т. / науч. ред. А. А. Миронова ; Миасский филиал ГОУ ВПО «ЧелГУ». — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2009—2011.

Литература

1. *Агеева Е. А.* Церковная жизнь и повседневный быт русского села по приходским летописям XIX — начала XX века / Е. А. Агеева // Исторический вестник. — 2000. — № 7—8. — С. 166—195.

2. *Бабушкина О. Ю.* Церковная жизнь и быт прихожан Иоанно-Богословской церкви села Спорновского Курганского уезда Тобольской губернии в начале XX века (по страницам приходской летописи) / О. Ю. Бабушкина // Документ. Архивный документ. Исторический источник : материалы региональной научно-практической конференции. — Тюмень : Тюменский государственный университет, 2002. — С. 116—127.

3. *Беллюстин И. С.* Церковные летописи / И. С. Беллюстин // Неделя. — 1875. — № 42. — С. 1371—1375.

4. *Добренький С. И.* Церковно-приходские летописи как исторический источник (середина XIX — начало XX в.) : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.09 / С. И. Добренький. — Москва, 2006. — 230 с.

5. *Зеленин Д. К.* Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества : в 3 т. / Д. К. Зеленин. — Петроград : типография А. В. Орлова, 1914—1916.

6. *Иконников Е. О.* О церковно-приходских летописях / Е. О. Иконников // Ставропольские епархиальные ведомости. — 1898. — № 9. — С. 485—491.

7. *История* Русской Православной Церкви в документах региональных архивов России : аннотированный справочник-указатель / под ред. Иноккентия Просвирнина (Арчимандрите.), М. В. Бельдовой. — Москва : Издание Новоспасского монастыря, 1993. — 681 с.

8. *Козырев В. А.* Русская лексикография : век нынешний и век минувший. 2-е изд., испр. и доп. / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. — Санкт-Петербург : Изд. РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. — 631 с. — ISBN 978-5-8064-2129-7.

9. *Программа* историко-статистических описаний церквей и приходов Оренбургской епархии // Оренбургские епархиальные ведомости. — 1896. — № 13. — 14. — С. 176—178.

10. *Проект* церковно-приходских летописей // Владимирские епархиальные ведомости. — 1868. — № 6. — С. 1—8.

11. *Пшеницын Д. А.* Церковно-приходские летописи Тотемского уезда второй половины XIX—XX вв. / Д. А. Пшеницын // Русский Север-2018 : проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия : сборник материалов Второй всероссийской научной конференции с международным участием. — Вологда : Полиграф-Периодика, 2018. — С. 49. — ISBN 978-5-91965-152-9.

12. *Спичак А. В.* Документы приходских церквей Тобольской епархии XVIII—начала XX вв. : основные разновидности и эволюция форм : монография / А. В. Спичак. — Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2017. — 205 с. — ISBN 978-5-00047-416-7.

13. *Шадрина А. В.* Церковно-приходское летописание Донской и Новочеркасской епархии : история и особенности источников / А. В. Шадрина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 4 (78). — С. 218—222.

14. *Шмидт С. О.* Сельские церковно-приходские летописи как историко-краеведческий материла / С. О. Шмидт // Путь историка : избранные труды по источниковедению и историографии. — Москва, 1997. — С. 136—153. — ISBN 5-7281-0046-5.

15. *Шулякина Ю. С.* Лексика тематической группы «Характер и поведение человека» в говорах Ивановской области : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ю. С. Шулякина. — Ярославль, 2014. — 23 с.

Material resources

KL — Mironova, A. A., Chunosova, I. A. (2018). *Church chronicle of the Kundravinsky Paraskevievsky Church (1865—1875) (anthology).* Moscow: FLINT. 321 p. ISBN: 978-5-9765-3719-4.

LMZ — Mironova, A. A. (ed.). (2009—2011). *Mironov Chronicle of the Orenburg Diocese of the Trinity District of the Miass Plant of the Peter and Paul Church (1882—1897) (anthology): in 3 volumes.* Chelyabinsk: Publishing House of Chelyabinsk State University. (In Russ.).

References

Ageeva, E. A. (2000). Church life and everyday life of the Russian village according to the parish chronicles of the XIX — early XX century. *Historical Bulletin, 7—8:* 166—195. (In Russ.).

Babushkina, O. Y. (2002). Church life and life of the parishioners of the St. John the Theologian Church of the village of Spornovsky Kurgan district of Tobolsk province at

the beginning of the XX century (according to the pages of the parish chronicle). In: *Document. Archive document. Historical source: materials of the regional scientific and practical conference.* Tyumen: Tyumen State University. 116—127. (In Russ.).

Bellustin, I. S. (1875). Church chronicles. *A week, 42:* 1371—1375. (In Russ.).

Dobrenky, S. I. (2006). *Parish chronicles as a historical source (mid—XIX — early XX century): Diss. PhD of Historical Sciences*. Moscow. 230 p. (In Russ.).

Draft parish chronicles. (1868). *Vladimir diocesan Vedomosti, 6:* 1—8. (In Russ.).

Ikonnikov, E. O. (1898). About church and parish chronicles. *Stavropol diocesan vedomosti, 9:* 485—491. (In Russ.).

Inokkentia Prosvirnina (Archimandrite), Beldova, M. V. (ed.). (1993). *The history of the Russian Orthodox Church in the documents of the regional archives of Russia: an annotated reference index.* Moscow: Novospassky Monastery edition. 681 p. (In Russ.).

Kozyrev, V. A., Chernyak, V. D. (2015). *Russian lexicography: the present century and the past century.* St. Petersburg: Publishing House of A. I. Herzen State Pedagogical University. 631 p. ISBN 978-5-8064-2129-7. (In Russ.).

Program of historical and statistical descriptions of churches and parishes of the Orenburg Diocese. (1896). *Orenburg Diocesan Vedomosti, 13—14:* 176—178. (In Russ.).

Pshenitsyn, D. A. (2018). Parish chronicles of Totemsky uyezd of the second half of the XIX—XX centuries. In: *Russian North-2018: problems of studying and preserving historical and cultural heritage: a collection of materials of the Second All-Russian Scientific Conference with international participation*. Vologda: Polygraph Periodicals. 49. ISBN 978-5-91965-152-9. (In Russ.).

Schmidt, S. O. (1997). Rural parish chronicles as a local history material. In: *Path of the historian: Selected works on source studies and historiography.* Moscow. 136—153. ISBN 5-7281-0046-5. (In Russ.).

Shadrina, A. V. (2017). Parish chronicle of the Don and Novocherkassk diocese: history and features of sources. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice, 4 (78):* 218—222. (In Russ.).

Shulyakina, Yu. S. (2014). *Vocabulary of the thematic group "Human character and behavior" in the dialects of the Ivanovo region: Abstract Diss.* Yaroslavl. 23 p. (In Russ.).

Spichak, A. V. (2017). *Documents of the parish churches of the Tobolsk diocese of the XVIII — early XX centuries: the main varieties and evolution of forms: monograph*. Nizhnevartovsk: Publishing House of Nizhnevartovsk State University. 205 p. ISBN 978-5-00047-416-7. (In Russ.).

Zelenin, D. K. (1914—1916). *Description of manuscripts of the scientific archive of the Imperial Russian Geographical Society: in 3 volumes*. Petrograd: printing house of A. V. Orlov. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 01.12.2021,
одобрена после рецензирования 31.03.2022,
подготовлена к публикации 20.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Мокиенко В. М. Паремиология Петровской эпохи как исторический источник / В. М. Мокиенко // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 114—134. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-114-134.

Mokienko, V. M. (2022). Paremiology Peter's Era as Historical Source. *Nauchnyi dialog, 11(3):* 114-134. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-114-134. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-114-134

Паремиология Петровской эпохи как исторический источник

Мокиенко Валерий Михайлович
orcid.org/0000-0002-0264-0576
доктор филологических наук,
профессор
mokienko40@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
РФФИ в рамках научного
проекта № 20-012-42008
«Пословицы и поговорки
Петровского времени
как культурный феномен
языковых реформ
(ретроспектива и перспектива)»

Paremiology Peter's Era as Historical Source

Valery M. Mokienko
orcid.org/0000-0002-0264-0576
Doctor of Philology, Professor
mokienko40@mail.ru

Saint Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study was financially
Supported by the Russian Foundation
for Basic Research
within the framework of the scientific
project № 20-012-42008
"Proverbs and sayings of the time
of Peter the Great as a cultural
phenomen of language reforms
(retrospective and perspective)"

© Мокиенко В. М., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются пословицы и поговорки Петровской эпохи как важный источник изучения русского языка и культуры. Подчеркивается, что время Петра Первого вошло в историю как эпоха кардинальных и великих преобразований России, которые затронули разные сферы жизни общества. Отмечается, что именно с Петровской эпохой многие исследователи связывают образование русского литературного языка. Утверждается, что изучение языка эпохи Петра Первого невозможно без анализа паремий — столь образного и экспрессивного речевого материала, в котором отражается отношение народа к наукам и образованию, бытовым реалиям, пространственным фактам и др. В статье подчёркивается значение паремиологического наследия Петровской эпохи для исследования ее языка и культуры: сборники пословиц и поговорок П. К. Симони, А. И. Богданова, В. Н. Татищева, Петровской галереи, рукописного сборника пословиц, поговорок и присказок Петровского времени, А. А. Барсова. Доказывается особое значение рукописного собрания П. К. Симони, пословицы и поговорки из которого отражают многие детали жизни этого периода и запечатлевают историю русской разговорно-просторечной и диалектной речи. Примеры такого рода подвергаются в статье лингвистическому и культурологическому анализу.

Ключевые слова:
паремиология; пословицы и поговорки; эпоха Петра Первого; историческая лингвокультурология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Proverbs and sayings of the Petrine era are considered as an important source for the study of the Russian language and culture. It is emphasized that the time of Peter the Great went down in history as an era of cardinal and great transformations in Russia, which affected various spheres of society. It is noted that many researchers associate the formation of the Russian literary language with the Petrine era. It is argued that the study of the language of the era of Peter the Great is impossible without the analysis of proverbs — such figurative and expressive speech material, which reflects the attitude of the people to science and education, everyday realities, spatial facts, etc. The importance of the paremiological heritage of the Petrine era for the study of its language and culture: collections of proverbs and sayings by P. K. Simonyi, A. I. Bogdanov, V. N. Tatishev, Petrovsky Gallery, a handwritten collection of proverbs, sayings and sayings of Peter's time by A. A. Barsov is emphasized in the article. The special significance of the handwritten collection of P. K. Simoni is proved, proverbs and sayings from which reflect many details of the life of this period and capture the history of Russian colloquial and dialectal speech. Examples of this kind are subjected to linguistic and cultural analysis in the article.

Key words:
paremiology; proverbs and sayings; the era of Peter the Great; historical cultural linguistics.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’276.1 “1690/1731”

Паремиология Петровской эпохи как исторический источник

© Мокиенко В. М., 2022

1. Введение = Introduction

Время Петра Первого вошло в историю как эпоха кардинальных и великих преобразований России. Изменения, происходившие в Петровскую эпоху, затронули практически все сферы государственной и частной жизни. Именно с Петровской эпохой многие исследователи связывают образование русского литературного языка, в это время формируется язык нового качества — гражданское посредственное наречие. Все уровни языковой системы этого периода динамизировались, но самыми заметными новациями стали кардинальные обновления словарного состава: лексики и фразеологии. Демократизация литературного русского языка привела здесь к освобождению от некоторых устаревших книжно-славянских канонов, вливанию в него мощного потока европейских заимствований и живой стихии народной речи.

В этом потоке заметный след оставили пословицы и поговорки: как исконно русские, речевые, так и калькированные из европейских языков из обильной переводной литературы. Поэтому, изучая язык эпохи Петра Первого, невозможно пройти мимо столь образного и экспрессивного речевого материала. Паремиология, с одной стороны, демонстрирует органическую связь с предыдущим языковым состоянием — языком Московской Руси, а с другой стороны, перспективность тех лингвистических, лингво-когнитивных, лингво-социологических процессов, которые берут начало в период петровских реформ и стимулируют многие активные процессы современного состояния языка и общества. Диахроническое изучение фразеологического и паремиологического фонда русского языка невозможно без исследования фразеологии XVIII века: «в это время возникли, окончательно сформировались или получили первую фиксацию в памятниках многие фразеологические единицы современного русского языка» [Палевская, 1980, с. 4].

Паремиологическое наследие Петровской эпохи следует рассматривать на фоне тех преобразований, которые для неё характерны, в том числе и языковой политики Петра I, которая служила ему мощным инструментом процесса воспитания нового отношения к власти и воздействия власти на подданных европеизированного государства. Смешение европейского, народно-разговорного, делового и книжно-славянского языкового материала образовывало своеобразный «плавильный котёл», в котором формирова-

CC BY

лась новая литературная норма при отсутствии на этот момент синтезирующей концепции русского литературного языка. Паремиология Петровской эпохи в полной мере отражает динамику ее языкового развития от книжных церковнославянских канонов к стихии народной разговорной речи, а также мощный поток заимствованных (resp. калькированных) паремий из европейских языков.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Изучение пословиц и поговорок Петровского времени непосредственно связано и с необходимостью их единого систематического лексикографического описания. При том, что в допетровское время пословицы и поговорки не собирали, период Петровского времени уже ознаменован первыми собраниями и записями паремий. При этом паремиографы Петровской эпохи не отличали пословиц от поговорок и книжных выражений (в том числе, библеизмов), что оказало влияние на корпус всех паремиологических собраний этой эпохи. К таким собраниям относятся сборники П. К. Симони [Симони, XVII—XIX], А. И. Богданова [Богданов, 1741], В. Н. Татищева [Татищев начала XVIII], Петровской галереи [Сборник …, 1961], рукописного сборника пословиц, поговорок и присказок Петровского времени [РС начала XVIII], А. А. Барсова [Барсов, 1770]. Ценным источником является и «Немецко-латинский и русский лексикон …» Э. Вейсмана [Лексикон, 1731], пословицы и поговорки в составе которого уже привлекали специальное внимание исследователей [Geyr, 1981; Radzik, 2000].

В ряду таких собраний по представленным в них материалам хронологически самым ранним, видимо, следует считать сборник, изданный П. К. Симони, который датируется началом 1690-х годов [Симони, XVII—XIX]. Он содержит пословицы и поговорки раннепетровского времени, давая возможность изучить генетическую преемственность и новаторство паремиологии Петровского времени по сравнению с периодом языка Московской Руси. Самый же поздний источник такого материала — это сборник А. И. Богданова [ППЗ, 1961, с. 65—118, 259—263], формально завершенный в 1741 году, и сборник А. А. Барсова, изданный в 1770 году, но отразивший более древние записи русских паремий. К этому общему хронологическому диапазону относятся и другие паремиологические собрания, ссылки на которые будут представлены ниже.

Собрание «Старинных сборников русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий», которые собрал, подготовил к печати и издал в 1899 году П. К. Симони [Симони, XVII—XIX], было воспроизведено известным филологом по рукописи Петровского времени, то есть хронологически относится к самому концу XVII — началу XVIII веков.

CC BY

О ценности этой рукописи свидетельствует факт, что спустя год ее материалы были опубликованы в «Памятникахъ древней письменности и искусства» за 1880 год [РС начала XVIII, вып. IV, отд. 2, с. 75—1141] Общества Любителей Древней Письменности. Редактор этого выпуска «Памятников» Ф. И. Булгаков предваряет публикацию кратким комментарием и описанием рукописи: «Рукопись, по внешнему виду, очень истрепана, что называется, зачитана, и конца в ней недостает, хотя это ничуть не лишает интереса и значения настоящий список, представляющий некоторые варианты к ходячим и распространенным в народе пословицам. Особенно же любопытны в печатаемом списке пословицы, в которых выражается народное мировоззрение, обусловливаемое историко-бытовыми условиями того времени, а равно и присказки, сложенные в виде каких-то виршей» [Симони, XVII—XIX, с. 166]. Хронологическая атрибуция рукописи сделана П. К. Симони прежде всего на основе качества её бумаги. Первые листы рукописи (1, 2, 18, 19) «писаны на голландской бумаге ..., бумага никак не позднее 1700 года», а другие — не намного позднее («бумага, по-видимому, 1710—1720 г.» [Там же]. Издатель в предисловии лапидарно сообщает историю этого сборника пословиц, поговорок и присказок. Рукопись принадлежала академику Л. Н. Майкову, получившему её в 1879 году от доктора Н. Г. Ордина из г. Кадникова Вологодской губернии.

Материалы рукописного собрания П. К. Симони и других сборников являются не только языковыми, но и историческими документами, отразившими жизненно важные реалии России соответствующего периода. Не случайно поэтому они постоянно востребованы как в паремиологических исследованиях, так и в отечественных исторических словарях.

Достаточно упомянуть, что в двух фундаментальных словарях, относящихся к Петровской эпохе: «Словаре русского языка XVIII века» [СлРЯ XVIII] и «Словаре обиходного русского языка Московской Руси (XVI—XVII века)» [СОРЯ XVI—XVII] — собрание П. К. Симони расписано и используется с максимальной полнотой. Причём нередко именно пословицы и поговорки из этого источника являются единственными паремиологическими материалами соответствующих хронологических периодов и не находят «переклички» в других письменных памятниках того же времени. Показательно при этом, что в обоих словарях, где эксцерпции из паремиологического собрания П. Симони представлены активно как контекстные иллюстрации к описываемым лексемам, хронология каждой отдельной паремии не устанавливается, а имплицируется в общем: для СлРЯ XVIII века — XVIII веком, для СОРЯ — XVI—XVII веками[1]:

1 В целях экономии места точные данные об источниках приводятся не полностью, читатель найдёт их в нашем «Большом словаре русских пословиц» [Мокиенко и др., 2010].

CC BY

СлРЯ XI—XVII веков: *Адам привычен (привычон) к бедам* (Сим., 75; СлРЯ XI—XVII вв. 19, 124; Сн., 1848, 2); *Римская вера что неуставная мера* (Сим., 138; СлРЯ XI—XVII вв. 11, 338; Тан., 1986, 131), где *неуставной* ‘неустановленный, неузаконенный’; *Агапит свиней сидя вабит, бежат к нему сами что мухи на мёд* (Сим., 76; СОРЯ XVI—XVII вв. 2, 9, 16), где *вабить* ‘подзывать, приманивать’; *Альфе (Alfe) учиться (учится) Марфе* (Сим., 77; СлРЯ XI—XVII вв. 1, 34), где *альфа (алфа)* ‘азбука’; *Аз да буки избавят (избавит) ли от муки?* (Сим., 74; СлРЯ XI—XVII вв. 1, 23; СОРЯ XVI—XVII вв. 1, 302; Ан., 1988, 14) [АА].

СОРЯ XVI—XVII веков: *Ад без (безо) дна, [а] век без конца* (Сим., 77; СОРЯ XVI—XVII вв. 1, 38; 2, 62 и др.); *Баба дурует, а деду грехи* (Сим., 83; СОРЯ XVI—XVII вв. 1, 32); *То не беда, что во ржи лебеда* (Сим., 143; СОРЯ XVI—XVII вв. 1, 97); *Вопрос: что де бос? Ответ: «Сапогов нет»* (Сим., 86; СОРЯ XVI—XVII вв. 1, 251); *Холостой — простой, женат — рогат, а вдовец — что зяблец* (Сим., 150; СлРЯ XI—XVII вв. 22, 177 и др.), где *рогат* ‘сильный, крепкий, уверенный в себе’ [Там же].

СлРЯ XVIII века: *Мыло черно, да моет бело* (Сим., 122; Петр. галер. нач. XVIII в., 30 и др.); *Пока (покуда, поколе, доколе, дондеже) солнце взойдёт / всходит* (Сим., 97, 132), *[а] роса очи (глаза) выест)* (Барс., 1770, 178; СлРЯ XVIII в. 3, 136 и др.); *Соловья (соловей) баснями (басни) не кормят* (Сим., 139; Петр. галер. нач. XVIII в., 35; Паус нач. XVIII в., 40; СлРЯ XVIII в. 10, 175 и др.); *В чужую часть не ворогушей (не ворогушею) впасть* (Сим., 89; Тат. нач. XVIII в., 50 и др.), где *ворогуша* ‘враг, ворог’; *Недосол — на столе, [а] пересол — на спине* (Сим., 128; СлРЯ XI—XVII вв. 11, 95; 12, 290; СлРЯ XVIII в. 14, 171 и др.) [Там же].

Здесь необходимо обратить внимание читателя на важную деталь: многие такие отсылки на собрание П. К. Симони повторяются в словарях разного хронологического диапазона СлРЯ XI—XVII веков — СОРЯ XVI—XVII веков — СлРЯ XVIII века. В приведенных примерах такие «сопряжения» специально иллюстрируются последними пословицами из пяти, избранных нами для иллюстрации. Нередко, впрочем, можно найти отсылки к собранию П. К. Симони во всех трёх фундаментальных словарях — напр.: *Брань на вороту не виснет* (Сим., 78; СлРЯ XI—XVII вв. 2, 191; СОРЯ XVI—XVII вв. 2, 215; СлРЯ XVIII в. 4, 73, 190; 7, 49; Жук., 1966, 55—56 и др.) [АА]. Значит ли это, что в сборнике П. К. Симони зарегистрированы русские пословицы с хронологией от XI до XVIII веков и воспроизводимые далее составителями современных паремиологических коллекций?

На этот вопрос, пожалуй, можно ответить лишь диалектически: и да, и нет. Ведь записи пословиц, особенно имеющих народно-речевую то-

CC BY

нальность, начались в основном именно в Петровскую эпоху, но лексика, входящая в их состав в качестве компонентов, чаще всего имеет несомненно древнюю, древнерусскую глубину погружения — с X века и даже ранее. Поэтому составители трёх фундаментальных словарей и приводят пословицы из собрания П. К. Симони в качестве контекстных иллюстраций к описываемым лексемам. Так поступал и В. И. Даль в своем словаре, где паремии нередко служат именно контекстными иллюстрациями. Этот подход объясняется и самим названием сборника П. К. Симони, обозначившим исходную хронологию бытования записанных паремий XVII веком: «Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий». А сама лексика, образующая некоторые из таких паремий, видимо, «соблазнила» составителей наших исторических словарей на бóльшую хронологию погружения, чем определил составитель сборника древних пословиц.

Лексикографам и паремиологам ещё предстоит определить максимально точную (по возможности) конкретизацию хронологического параметра путем рассмотрения таких факторов, как а) наличие в других паремиологических источниках, имеющих хронологическую дистрибуцию; б) фиксация той или иной паремии в русских диалектных источниках; в) фиксация такой паремии в русской литературе XVIII века; г) наличие параллелей такой паремии в славянских и инославянских языках.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Отражение фрагментов языковой картины мира Петровской эпохи в паремиологии этого времени

Дальнейшее изучение столь ценного паремиологического источника, на наш взгляд, требует скрупулёзного анализа его материала sub speciae диалектологии и диалектографии. Ниже предлагается первый опыт такого исследования, основанный на сопоставлении паремий из собрания П. К. Симони и других источников Петровской эпохи с их параллелями, описанными нами в «Большом словаре русских пословиц» с общим объёмом более 70 000 паремий [Мокиенко и др., 2010] и позднейших дополнениях к нему. В этот современный свод русской паремиологии мы не только включили пословицы из всех доступных русских паремиологических сборников, но и паремии из большинства диалектных словарей, что позволяет каждую единицу достаточно точно квалифицировать во времени и пространстве.

О чём же свидетельствует предпринятое сопоставление материалов источников Петровского времени с материалами нашего паремиологического свода?

CC BY

Прежде всего, оно показывает достаточно большую «компатибельность» этих материалов. Действительно, многие пословицы, зафиксированные в собрании П. К. Симони, имеют заметную «перекличку» с материалами паремиологических сборников того же или позднейших периодов. Вот несколько подобных примеров, где на собрание П. К. Симони даются точные ссылки: *Женится — переменится (переродится)* (Сим., 104); *Лошадка в хомуте, везёт по могуте* (Сим., 116) < Могу́тá — физическая сила, мощь; *Лакома овца к соли, [а] коза к воле* (Сим., 185) < Лáкомый — имеющий пристрастие к чему-либо, падкий на что-либо; *В поле съезжаются — родом не считаются* (Сим., 89) < Людям слабым или в боях неумелым, дозволялось приглашать наймитов, или наёмных бойцов, не разбирая того, что барину приходилось биться с каким-либо холопом или купцу с черносошным мужиком; *На гнилой товар — [да] слепой купец* (Сим., 127) < *Перм*. 1. По недосмотру или вынужденно приобретается что-либо некачественное (Прок., 1988, 259). 2. При вынужденной покупке не приходится обращать внимания на изъяны покупаемого (СПГ, 2, 438) [АА].

3.2. Отношение к науке и учению в паремиологии Петровской эпохи

Сборник К. П. Симони и паремиологические собрания Петровского времени, несомненно, являются историческими памятниками. Причём памятниками разных эпох российской истории. И пословицы, включённые в них, представляют собой своеобразный палимпсест, отслаивая слой за слоем которого, мы погружаемся в разные фрагменты паремиологической картины мира. Естественно, что в этой картине отражены и новые культурно-исторические веяния, поддерживаемые Петром Первым. Так, в пословицах *Артемию не кажи академию* [Симони, XVII—XIX, с. 75] и *Астрономия уметь — любовь к Богу иметь* [Там же, с. 73] запечатлелось отношение к научным занятиям, интенсивно поощряемое первым русским императором. Конечно, слово *академия* гораздо древнее его эпохи, ибо было известно уже в древнерусском языке в форме *акадимия* и восходит к поздне-греч. *Ἀκαδημία* (произносится *akadimía*). Оно употреблялось в значении ‘место философских споров в Древней Греции’. Второе же рождение и пребывание его в русском языке, в более привычной нам форме *академия,* отсчитывается с 1637 года («Космография» Лыкова): «Королева Елисава … поставила *академию,* сиречь училище всяких розных грамотных учений». И именно в Петровское время *академия,* как и *академия* и его производные стали уже обычными, употребительными словами, о чем, в частности, свидетельствует и «Указ об учреждении Академии» от 28 января 1724 года, где оно многократно повторяется. Причём — в уже ином, современном значении, объединяющем научные и педагогические функции: ‘объединение научных

CC BY

учреждений, имеющее целью развитие наук или искусств’ и ‘название некоторых высших учебных заведений’ [Черных, 1993, т. 1, с. 32]. Именно эту семантику пословицы и запечатлел сборник П. К. Симони.

Кстати, именно выделение у слова *академия* значения ‘название некоторых высших учебных заведений’ стало стимулом к историческому обоснованию того, что первым университетом России был не Московский университет, а Петербургский, основанный Петром Первым как *Академия* [Копелевич, 1977, 35]. Русский император в актовом зале северонемецкого университета города Грайфсвальд (где он многократно бывал во время Северной войны) в сентябре 1712 года получил грамоту президента академии наук Германии Готфрида Вильгельма Лейбница на право основания академии по европейскому статусу, то есть университета, который с момента своего основания имел и профессуру, и студентов. Петербургский же университет при Императорской академии наук был учрежден в 1724 году и открыт в январе 1726 года. Этот исторический факт был доказан и официально признан благодаря усилиям ректора Санкт-Петербургского государственного университета профессора Л. А. Вербицкой, см. подробнее: [Вальтер и др., 2021].

В Петербургской Академии наук, учрежденной по указу первого русского императора в 1724 году, как видим, знания астрономии приравнивались (судя по приведенной выше пословице) к боголюбию. При этом в духе Петровского времени, когда отношение разных слоев населения к преобразованиям было амбивалентным, оценка науки была неоднозначной, что отразилось и в пословицах. С одной стороны, вера в науку воплотилась в подчёркивании её перспективности для развития творческих способностей, воздействия на природу и достижения прогресса: *Наука переменит природу* [Татищев, начало XVIII, с. 57]; *Науки разум изощряют*. Последняя пословица, кстати, цитировалась благодаря оде А. П. Сумарокова [СлРЯ XVIII, вып. 9, с. 60] и в какой-то мере перекликается с хрестоматийным крылатым афоризмом М. В. Ломоносова *Науки юношей питают*. Наука и движение к познанию — несомненное добро, в то время как всё плохое усваивается, увы, и без науки: *Худое без науки даётся* [Лексикон, 1731, с. 105; Geyr, 1981, с. 91]. Традиция уважительного отношения к познаниям выражена и в пословице с древним славянским наименованием науки — *вежеством (вежством)*, то есть знанием, учёностью: *Не дорого ничто, дорого вежество (вежство)* [Симони, XVII—XIX, с. 126; СОРЯ XVI—XVII, т. 2, с. 59 и др.].

С другой стороны, в пословицах отражена и вечная идея мучительного движения к научному познанию: *Мука — всему наука* [Симони, XVII—XIX, с. 121 и др.]. Эта пословица, запечатленная сборником П. К. Симони, также находит аналогии в собраниях XVIII века: *Идти в науку — терпеть [и] муку* [Барсов, 1770, с. 178; СлРЯ XVIII, с. 13, 72 и др.]; *Всякая наука не*

CC BY

без труда [Лексикон, 1731, с. 353; Geyr, 1981, с. 140]. Вместе с тем подчеркивается и необходимость желания заниматься наукой: *Науку в голову не вобьёшь, как охоты не будет* [Богданов, 1741, с. 99 и др.].

Разумеется, вера в науку, отраженная в пословицах Петровского времени, распространялась в то время и на такую область знания, как теология, предполагавшую основательное знание Библии. Отсюда включение в паремиологические собрания библейской афористики на старославянском языке, например: *Дух бодр, [да] плоть немощна* (Мф. 26, 41) [Симони, XVII—XIX, с. 95].

3.3. Денежные единицы в паремиологии Петровской эпохи

Немало в собрании П. К. Симони и пословиц, которые запечатлели бытовые реалии, относящиеся к разным периодам русской истории, но при этом сохранились в языковой памяти Петровского времени. Таковы, например, наименования денежных единиц разного достоинства. Одним из предшественников монетарной европеизации было, как известно, слово *алтын*, заимствованное из татарского языка и имеющее древнюю (с 1375 года) историю в России. Но пословицы отнюдь не случайно сохранили это слово: ведь во время царствования Петра Первого серебряный алтын ещё не был историзмом, он чеканился с 1704 по 1728 годы. Ср. пословицу *Алтын серебра не ломит ли ребра?* [Симони, XVII—XIX, с. 77 и др.]. Значение этой денежной единицы подчёркивает и пословица *Алтыном воюют, алтыном торгуют, а без алтына горюют* [Там же]. Именно поэтому слово *алтын* активно употребляется в составе многих пословиц и поговорок: *Алтын в мошне, а Мартын в квашне*; *Алтын пропадёт, и Мартын упадёт; Алтын стал дорог и Мартын вырос долог; Алтын убогих прельщает, а Мартын богатых смущает; Алтыном да Мартыном хошь ворота запирай; Алтын сам ворота отпирает и путь очищает; От кума алтын, [а] от кумы полотно* [Симони, XVII—XIX, с. 152].

Показательно также, что *алтын* в некоторых пословицах «перекликается» с названиями других денежных единиц, особенно — *полтиной* и *рублем*: *Пожалеть алтына, потерять полтина* [Там же, с. 134 и др.]; *Алтын пробивает [и] тын, а полтина убивает и Мартына* [Там же, с. 75]; *Тот алтын не того рубля* [Там же, с. 143 и др.]; *Алтыном полтина, а полтиною рублина* [Там же, с. 76 и др.], где *рублина* ‘рубль’. Ср. также корреляцию *полтины* и *рубля* в пословице *Деловцу полтина, а нарядчику — рубль* [Там же, с. 93]; *Плотнику полтина, а нарядчику рубль* [Там же, с. 134].

Хотя *полтина*, как и *рубль-гривна*, появилась в русских княжествах еще в XIII—XIV веках, она, как и *алтын*, оставалась актуальным платёжным средством и в Петровское время. С XVII века это была монета достоинством

CC BY

в половину *рубля*. А первая петровская монета «нового» типа — *полтина* 1699 года до сих пор является нумизматическим раритетом. Поэтому не случайно их совместное появление в пословицах этого времени. А *рубль* по своей паремиологической частотности в собрании П. К. Симони и других источниках Петровского времени не уступает иным наименованиям денежных единиц. По таким пословицам можно — пусть и весьма приблизительно — определить не только его покупную стоимость, но и социальную значимость: *Азбука в шесть денег, а псалтирь по рублю* [Там же, с. 74 и др.]; *От священника молитва, от людей — пять рублей* [Там же, с. 152]; *Не бей мужика кнутом, бей его (ево) рублем* [Там же, с. 128 и др.]; *Лучше ста рублев — сто другов* [Там же, с. 117 и др.]; *Деньга рубля бережет* [Там же, с. 93 и др.]; *Деньга рубля стережет* [Там же, с. 93]; *Домашняя гривна лучше заезжего (отъезжего, дальнего) рубля* [Там же, с. 97 и др.].

Как видим, пословицы в записях П. К. Симони отразили и «перекличку» нашей основной денежной единицы, *рубля,* с такими древними монетарными названиями, как *деньга* и *гривна*. Ср. также: *Деньга — слина, а без нее — схима* [Там же, с. 97 и др.]; *Кус деньга, кус гривна* [Там же, с. 112 и др.]. Они различны как по происхождению, так и по своей судьбе в русском языке. Первое слово, несмотря на этимологические разночтения в его интерпретации, несомненно, является чужеязычным и заимствовано, по всей вероятности, с Востока [Черных, 1993, т. 1, с. 241]. Ср. монг. *tengah* и *tengteheh* ‘мелкая серебряная монета, монета вообще’. Несомененна и его древность, ибо оно активно употреблялось уже в XIV веке, причём нередко — в той же монетарной «связке» с *алтыном,* которая отражена пословицами. Ср. контекст из договорной грамоты 1361—1382 годов: «А пошлины с семьи шесть *денегъ*, с пешеходовъ два *алтына*; с одиного не имати». Закономерно и уточнение этой денежной единицы словом *гривна* в древнерусском языке в Послании Новгородского архиепископа Геннадия митрополиту Симону в 1496—1504 годах: «Ино то мастеру принести каша да *гривна денегъ*» [Срезневский, т. 1, с. 651]. В отличие от *деньги*, слово *гривна* — исконно славянское: прасл. **grivьna*, образованное от **griva* ‘шея, затылок’, первоначально значило ‘ожерелье’ и лишь потом приобрело значение ‘денежная единица’ в силу обычая делать ожерелья из монет [ЕСУМ, т. 1, с. 593]. *Гривна* была основной денежной и весовой единицей в Древней Руси и представляла собой серебряный слиток весом около фунта (409,5 грамм). В этом значении слово употребляется уже в древнейшем правовом кодексе Киевской Руси «Русской правде» (1016 год) Ярослава Мудрого.

Но этими широко известными названиями денежных единиц пословичный их реестр не исчерпывается. В паремиологической кладовой сохранились и старые, утратившие актуальность уже в Петровское время,

CC BY

названия денежных единиц. Таковы старославянские названия мелких монет *цата* и *шелаг (шелег)*: *Цата славна шестая часть копейки* [Симони, XVII—XIX, с. 153]; *Шелаг (шелег) в мошну, а алтын из мошны* [Там же, с. 157 и др.]. В ряду таких архаичных наименований, давно закопанных в землю, самое почётное место, пожалуй, занимает *куна* — мелкая денежная единица, которая в домонгольский период был равна 1/25 гривны, а позднее — 1/50 гривны; одно время это слово было названием денег вообще. Характерно его употребление в Приписке из Паремийника 1313 года: *Что куна (кунъ), то все въ калитѣ, что пъртъ, то все на себѣ* [СлРЯ XI—XVII, вып. 8, с. 120]. Слово это знаменательно тем, что воспроизводит историю происхождения денег: в славянских языках оно первоначально обозначало ‘куницу’, а поскольку её мех ценился высоко, она уже давно (напр. В «Русской правде» Ярослава Мудрого) стала обозначением денег вообще. При этом в разные периоды на Руси имели хождение разновидности кун: *куны старые, куны ветхие, куны новые, смоленские куны, тверские куны* и др., см: [Срезневский, 1364—1367]. Любопытно, что в современной Хорватии *куна* (*kuna*) является основной денежной единицей, равной примерно 12 российским рублям. Это архаическое славянское название было ревитализировано 26 июля 1941 года вместо югославского динара. В собрании же П. К. Симони оно хранится не менее надежно в виде пословицы *Беда куны родит* [Симони, XVII—XIX, с. 80].

В аналогичном направлении шло развитие и другого древнего обозначения денег — *белки.* Известно, что именно её шкурками производились денежные расчеты наших предков — ср. выражение *по бѣлѣ и веверице* из «Слова о полку Игореве», где упоминается и оплата дани именно *белами,* то есть беличьими шкурками: «*Емляху дань по бѣлѣ отъ двора*». С белкой связывают и одну из двух этимологий слова *алтын,* а именно — с тюркско-татарским *алты тийен* — букв. «шесть белок». Показательно, что именно *бела* как денежный эквивалент в древнерусских текстах коррелирует с уже упомянутыми выше и *куной,* и *полтиной,* и *деньгой*: «Дати ми Марьи братьни дочери земныхъ *кунъ* 40 *бѣлъ*» (Дух. Новг. и Дв. XIV—XV в.); «Се язъ Христофоръ игуменъ купилъ есми пустошь … далъ есми на ней *полтину* да десять *бѣлъ*» (Прав. грамм. Кирил. мон. 1490 года); «Оброку … по пятидесять *бѣлъ* на годъ, а за *бѣлку* по три денги» (Оброчн. 1551 года) [Срезневский, т. 1, с. 217]. Пословицы Петровского времени поэтому сохранили свидетельства нелегкого беличьего промысла с целью добычи такой значимой «пушной валюты»: *Белки ловить — ножки (ношки) отбить* [Симони, XVII—XIX, с. 81]; *Ловя белки, насорить (засорить) зенки* [Там же, с. 117]. Так паремиологическая сокровищница запечатлевает важнейшую экономическую реалию России прошлых веков.

CC BY

3.4. География в паремиологии Петровской эпохи

Достаточно масштабно в сборнике пословиц П. К. Симони отражена география российского пространства того времени. При этом нередко топонимический ориентир обогащается его соответствующей паремиологической оценкой, имеющей историческую ценность. Небезынтересен сам набор наименований географических объектов, прошедших через такой паремиологический фильтр. В него входят прежде всего названия городов, входивших в допетровское и петровское время в состав Российской империи: Москва, Киев, Новгород (как Великий, так и Нижний), Тула, Ростов, Казань, Смоленск, Астрахань, Азов, Кашира, Ахтуба …

Первые два города, имеющие известное историческое значение, издавна получили и особый паремиологический статус. Понятно, что древняя пословица *Язык до Киева доведёт,* зарегистрированная в собрании П. К. Симони [Симони, XVII—XIX, с. 161], воспроизводится практически всеми последующими сборниками пословиц и поговорок. Характерно, что её фиксируют собиратели во многих диалектных регионах современной России: в Поморье и Архангельской области [АОС, вып. 11, с. 221 и др.], Псковской [СПП, 2001, с. 144 и др.] и Тверской [ТПП, 1993, с. 9] областях и даже в русских говорах Акмолинской области (Асенова, 2010, 11) [АА]. Была она известна и в варианте *Ась до Киева доводит* (Д, 1, 27) [Там же], где *ась* значило отклик при обращении или переспрашивании [СОРЯ, XVI—XVII, вып. 1, с. 66]. В кубанских говорах, естественно, пословица зафиксирована в украинизированной форме: *Язык до Киева довэдэ* (ППЗК, 2000, 68) [АА]. Любопытно, что пск. *Язык до Киева доведе* [ПОС, вып. 9, с. 99] по структуре перекликается с близким словосочетанием в непословичном контексте, записанном в Печорском районе: «Пустой язык [эстонский]: им только до Печор можно дойти» (Печор., 1890), где словосочетание *пустой язык* значит ‘малораспространённый’ [СРНГ, вып. 33, с. 147]. Такие детали свидетельствуют о глубоких корнях восприятия русским населением Киева как одного из древних центров культурно-языкового взаимодействия России и Украины, что и отражено П. К. Симони и последующими паремиологами.

Комментируя эту пословицу, нельзя не обратить внимания на чисто лингвистический парадокс, обусловленный историей этой пословицы. Может показаться странным, что самый полный четырехтомный академический сборник украинской паремиологии фиксирует пословицу о Киеве, в который можно добраться с помощью языка, лишь два раза, причем один раз — в сборнике середины XIX века М. Номиса *Язик до Києва доведе* (Ном., 22) [ПП, т. 3, с. 280], а второй — в контексте романа П. Мирного конца XIX века: *Язик, матушка, до Києва доводить* [ПП, т. 4, с. 308]. При

CC BY

этом и под словом *Язик,* и под топонимом *Київ* в собрании М. М. Пазяка приводятся по несколько десятков украинских пословиц и поговорок. Оказывается, пословицы о Киеве, как видим, в русской паремиологии гораздо частотнее и употребительнее, чем украинские. Причина этого парадокса — в языковом развитии. Если в русском языке слово язык сохранило синкретичное обозначение и части тела, и процесса говорения, то в украинском, как в польском ***(język и** mowa — **ср.** mowa potoczna)* или немецком ***(Zunge и** Sprache —* ср. *Umgangssprache)*, второе значение специализировалось в виде лексемы, образованной от глагола, в данном случае от *мовити* ‘говорить’: оно закрепилось за словом *мова* — ср. *розмовна мова*. А пословица, где слово *язык* синкретично, сохранила свою популярность и первичное соматическое значение именно в русском языке, что и отразили паремиологическое наследие П. К. Симони и судьба пословицы о Киеве в русском языковом пространстве.

Пословицы же о столице России частично характеризуют более или менее нейтрально её географическое расположение и ландшафтную специфику: *Новгород Нижний — сосед Москве ближний* [Симони, XVII—XIX, с. 126]; *Харитон с Москвы прибежал с вестьми* [Там же, с. 150 и др.]; *Москва стоит на болоте, а ржи в ней не молотят* [Там же, с. 123]. Некоторые же из них предваряют наиболее частотную сейчас пословицу о Москве — *Москва слезам не верит* и её варианты, которые не вошли в собрание П. К. Симони, а были записаны позже — ср.: *Москва слезам не верит* (Сн., 1848, 231; Д, 4, 49, 219; Раз., 1957, 26; Жук., 1966, 228—229; Пермяков, 1988, 162; Соловьева, 2001, 51 и др.) [АА]; *Москва слезам не потакает* (Д 4, 49) [Там же]; *Москва словам не верит, ей дела (дело) подавай* (Под., Зим., 1956, 29; Ан., 1988, 185) [Там же]. Они негативно оценивают жизнь в Москве: *Москва что доска: спать широко (широка), да везде гнетёт* [Симони, XVII—XIX, с. 121 и др.]; *Живучи в Москве, пожить и в тоске* [Там же, с. 102 и др.] и под.

Новгород, как мы видели, характеризуется чисто географически — как ближайший сосед Москвы. Вторая же пословица о нём в сборнике П. К. Симони представляет собой некую хронологическую и лингвокультурологическую загадку: *Новгород щекочет, к поезду ехать не хочет* [Там же, с. 125 и др.]. Известно, что первое железнодорожное сообщение в России было открыто 11 ноября 1837 года в России. Пословица же древнее этого события, и более того: маршрут первой железной дороги пролегал от Петербурга до Царского села, когда до подобной дорожной связи с Новгородом ещё не могло быть и речи. Разгадка, как кажется, в архаической семантике слова *поезд* и диалектной — глагола *щекотать*. Слово *поезд (поѣздъ*) прежде имело то же значение, что и *поездка* — ‘отъезд, отправ-

CC BY

ка в путь, дорогу’ или ‘торжественная, обрядливая езда, процессия’ — ср. *свадебный поезд, похоронный поезд* и т. п. А глагол *щекотать* в пословице, зафиксированной собранием Ю. К. Симони — несколько искаженный новгородский диалектизм *щелкота́ть* ‘говорить без умолку, болтать’ [НОС, 2010, с. 1317—1318]. Если предлагаемая расшифровка верна, то значение пословицы — ‘жители Новгорода из-за долгих разговоров не спешат отправляться в путь’.

В паремиологическом контексте названий некоторых городов сохраняется память о давно ушедших реалиях, например, типичной одежде, которую носили или производили их жители: *Тула зипуны сдула, а Кошира в рогожи обшила* [Симони, XVII—XIX, с. 144]; *Кошира в рогожи нас обшила, а Тула в лапти обула* [Там же, с. 114 и др.]. Ср. также старинную псковскую пословицу *Тула и зипун сдула, а Кашира и в рогозину вшила* [ПС, 1959, с. 326; СПП, 2001, с. 142]. Кашира — один из старейших (основан в 1356 году) русских городов в 90 км к югу от Москвы, на высоком правобережье реки Оки. Тула впервые упоминается в Никоновской летописи XVI века под 1146 годом. Различные по масштабам и числу жителей, эти города всегда были связаны друг с другом, а кустарное производство в них было традиционным. Отсюда — *зипуны, лапти* и *рогожи-рогозины,* запечатленные в пословицах. *Зипуном* с XVII века называли мужскую и женскую верхнюю наплечную одежду с неширокими рукавами, которую надевали поверх рубахи под кафтан. В XVIII — начале XX веков его использовали как будничную и праздничную одежду крестьян весной и осенью. *Рогожа (рогоза, рогожина, рогозина)* — грубая хозяйственная ткань, которую первоначально производили из волокон растения *рогоза*, а позднее — из лыка (мочала). Из такой ткани изготовляли грубую рабочую одежду, мешки, половики и т. п.

Географическая удалённость подчёркивается в пословице об Астрахани, вошедшей в состав России при Иване Грозном в середине XVI века: *Астрахань далече, а Сибирь и дале того* [Симони, XVII—XIX, с. 77 и др.]. Другая пословица закрепляет известное всем представление о знаменитых астраханских арбузах: *Астрахань арбузами, а мы гологузами* [Там же, с. 76; СОРЯ XVI—XVII, вып. 1, с. 56]. Ср.: *Есть арбузы — ходить с гологузы* [Симони, XVII—XIX, с. 160], где *гологузый* ‘бедный, нищий’. Закономерно и представление о богатых рыбных ресурсах Астрахани: *Довольна Астрахань осетрами, а Сибирь соболями* [Барсов, 1770, с. 57; СлРЯ XVIII, т. 17, с. 99 и др.]. Сибирь закономерно упоминается в пословицах — и не только как символ удалённости, пушного и рыбного промысла. Паремиология запечатлела многие аспекты истории и жизни Сибири и сибиряков [Мокиенко, 2018].

CC BY

Осетры и соболя — характерные объекты добычи и торговли и для другого приволжского города — Казани: *Казань осетрами, Сибирь соболями, а Смоленск кровью.* Пословица была известна на Псковщине с начала XVII века [ПС, 1959, с. 317; СПП, 2001, с. 131; ПОС, вып. 16, с. 186]. Упоминание о Смоленске тоже не случайно: в XVII веке этот город был местом кровопролитных сражений между русской армией и войском Речи Посполитой.

Исторические реминисценции сохраняет и пословица, сопоставляющая Азов с Крымом: *Азов не о сто (сте) глазов, а Крым не крив* [Симони, XVII—XIX, с. 74 и др.]. Она, возможно, хранит память о неоднократном захвате Азовской крепости донскими казаками в XVII веке. Любопытно, что в «Исторической» повести о взятии Азова в 1637 году употреблена (в трансформированном виде) известная народная пословица о старых воробьях: «Казаки же реша [турецким послам:] что вы к нам приходите и хощите старых воробьев на мекинах обмануть и хощете у нас Азов обманом взять» [СлРЯ XI—XVII, вып. 9, с. 342].

Азовские походы 1695 и 1696 годов стали и первыми значительными военными кампаниями молодого Петра Первого в начале его правления. Они завершились взятием турецкой крепости Азов. Присоединение же Крыма, как известно, произошло намного позже, в 1783 году, при Екатерине II.

С военными событиями, видимо, связана и пословица *Ахтуба пуста, а без караула не гуляй* [Симони, XVII—XIX, с. 74; СОРЯ XVI—XVII, вып. 1, с. 102 и др.]. Гидроним *Ахтуба* — наименование левого рукава Волги, которое также было и названием небольших населенных пунктов в этом регионе, связанном с Астраханью.

Разумеется, не всегда топонимы, вошедшие в состав пословиц, записанных П. К. Симони, прямо соотносятся с историей того или иного региона России. Так, пословица *Ездил чёрт (чорт) в Ростов, да набегался от крестов* [Симони, XVII—XIX, с. 159] образована рифмовкой, хотя, возможно, и она хранит память о Ростове Великом, где в 989—1010 годы княжил молодой Ярослав Мудрый и где, по преданию, ещё в 991 году святым Феодором был построен деревянный Успенский собор.

3.5. Бытовые реалии в паремиологии Петровской эпохи

Историческую ценность представляет и яркая палитра традиционных русских бытовых реалий, сохранённых пословицами Петровского времени. Сюда можно отнести и наименования традиционных русских кушаний, например, *Редька (Ретка) с хреном, а репка с хлебом* [Симони, XVII—XIX, с. 137] или *Жни баба полбу, да жди себя по лбу* [Там же, с. 104]. Последняя пословица не случайно вызывает в памяти известную сказку А. С. Пушкина «О попе и работнике его Балде», где работник просит попа кормить

CC BY

его «вареной полбой». Любопытно в этой связи отметить и своеобразную «конкуренцию» традиционного русского растительного меню с иноземными, новыми и пока ещё экзотическими фруктами и овощами Петровского времени: *Копр в капусте смраду не пустит* [Там же, с. 114], где *копр* — анис; *Артамоны едят лимоны, а мы, молодцы, едим огурцы* [Там же, с. 76]. Некоторые историки считают, что лимонные деревца впервые завёз в Россию именно Петр I из Голландии, хотя они упоминаются уже и в «Домострое».

3.6. Значение паремиологии Петровской эпохи для изучения разговорно-просторечной и диалектной речи

Не менее значимы паремиологические собрания Петровского времени и для исследования истории русской разговорно-просторечной и диалектной речи. Выше проводились примеры грамматических и словообразовательных особенностей такого рода. Вот ещё 2 ярких лексических примера: *Астрахань арбузами, а мы гологузами* [Там же, с. 76]; *Шутил Купряшка, да попал в тюряшку* [Там же, с. 157]. Слово *тюряшка* ‘тюрьма’ зафиксирована [СРНГ, вып. 46, с. 41] во владимирских говорах лишь в 1936 году («В тюряшке он сидит»), в то время как приведённая пословица углубляет хронологию этой лексемы более чем на 300 лет. Слова же *гологуз* «Словарь русских народных говоров» вообще не фиксирует, хотя по прил. *гологузый,* переносно значащему ‘бедный, нищий’ [СРНГ, вып. 6, с. 314], можно его реконструировать.

Особого внимания историков языка заслуживают и реликты синтаксических особенностей русской народной речи, отраженные пословицами Петровского времени и сохранившиеся в современных диалектах — например, конструкций типа *вода носить, баня топить, голова сложить.* Ср.: *На кого ошибка не бывает* [Богданов, 1741, с. 97]; *Знать пава по перью* [Татищев, начало XVIII, с. 53]; *Палить свинья — накормить семья* [Симони, XVII—XIX, с. 135]. Но исследование таких языковых реликтов — особая задача, являющаяся одной из перспектив изучения паремиологического наследия Петровской эпохи.

4. Заключение = Conclusions

Паремиологическое наследие Петровской эпохи, как видим, — ценнейший исторический источник для изучения языка и культуры своего времени. Причем источник не книжный, а запечатлевший живую народную речь эпохи мощной демократизации литературного языка конца XVII — начала XVIII веков. Пословицы и поговорки, включённые в рукописное собрание П. К. Симони и целого ряда других источников, отражают разнообразные

CC BY

явления и реалии жизни Петровской эпохи: актуальные географические объекты, экономические и бытовые реалии, типичный именослов и грамматические и лексические особенности представителей разных слоев населения Петровской России. Особое значение при этом приобретает доказуемое разграничение собственно русских пословиц и поговорок, с одной стороны, и, с другой стороны, паремиологических европеизмов-калек, хлынувших из широко распахнутого Петром Первым «окна в Европу» в наш литературный язык. Лингвистический и лингвокультурологический анализ этого паремиологического наследия позволяет реконструировать летописный образ и языковой дух одного из переломных периодов отечественной истории.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* автора.

2. АОС — *Архангельский* областной словарь. Выпуск 1—20 / Под ред. О. Г. Гецовой, Е. А. Нефедовой. — Москва : Издательство МГУ, 1980—1919. — Москва : Наука, 1999—2019. (издание продолжается).

3. Барсов, 1770 — *Собрание 2491* древних российских пословиц / Сост. А. А. Барсов. — Москва, 1770. — 244 с.

4. Богданов, 1741 — *Собрание* пословиц А. И. Богданова // ППЗ 1961. — С. 65—118 ; С. 259—263.

5. ЕСУМ — *Етимологічний* словник української мови / Гол. ред О. С. Мельничук : У 7 т. — Київ : Наукова думка, 1982. — Т. 1 : А—Г. — 631 с. ; Т. 2 : Д—Копці, 1985. — 570 с. ; Т. 3 : Кора — Москва, 1989. — 549 с. ; Т. 4 : Н—П. — 2003. — 656 с. ; Т. 5 : Р-Т. — 2006. — 407 с. ; Т. 6 : У-Я. — 2012. — 567 с. ; Т. 7 (в роботі).

6. Лексикон, 1731 — *Вейсман Э.* Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе при Императорской Академии наук печатию издан. — Санкт-Петербург : Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschafften Buchdruckerey, 1731. — [4], 788, 48 с.

7. *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. — Москва : «ОЛМА Медиа Групп», 2010. — 1024 с. — ISBN 978-5-373-03250-6.

8. Номис, 1864 — *Українські* приказки, прислів'я і таке інше : Зб. О. В. Марковича і других / Спорудив М. Номис. — Санкт-Петербург, 1864. ; 3-е вид. — Київ : Либідь, 1993. — 766 с.

9. НОС, 2010 — *Новгородский* областной словарь / Институт лингвистических исследований РАН ; изд. подгот. А. Н. Левичкин и А. А. Мызников. (– Сост. А. В. Клевцова, А. В. Никитин, Л. Я. Петрова, В. П. Строгова ; ред. : А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова). — Санкт-Петербург : Наука, 2010. — XXVII, 1435 с. — ISBN 978-5-02-025586-9.

10. ПОС — *Псковский* областной словарь с историческими данными. Основан Б. А. Лариным. — Выпуск 1—28. — Ленинград-Санкт-Петербург : Издательство ЛГУ–СПбГУ, 1967—2019. (издание продолжается)

11. ПП 1—4 — Прислів'я та приказки. Упорядник М. М. Пазяк. — Київ : «Наукова думка». — Т. 1. Природа. Господарська діяльність людини. — 1989. — 479 с. — Т. 2. Людина. Родинне життя. Риси характеру. — 1990. — 524 с. — Т. 3. Взаємини

між людьми. — 1991. — 440 с. — Т. 4. Українські прислів'я, приказки та порівняння з лтературних пам'яток. Упорядник М. М. Пазяк. — Київ : Наукова думка, 2001. — 392 с.

12. ППЗ, 1961 — *Пословицы,* поговорки, загадки в рукописных сборниках XVII—XX веков / Издание подготовили М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. — Москва-Ленинград : Наука, 1961. — 289 с.

13. ПС, 1959 — *Шаповалова Г. Г.* Псковский рукописный сборник пословиц XVIII в. / Г. Г. Шаповалова // Русский фольклор. Материалы и исследования, IV. — Москва-Ленинград, 1959. — С. 305—330. (Псковский сборник).

14. РС начала XVIII — *Рукописный* сборник пословиц, поговорок и присказок Петровского времени // Памятники древней письменности. — Санкт-Петербург, 1880. — Выпуск IV. — Отд. 2.

15. *Сборник* пословиц б. Петровской галереи // ППЗ 1961. — С. 23—39.

16. Симони, XVII—XIX — *Симони П.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий / Собрал и приготовил к печати Павел Симони. — Санкт-Петербург, 1899. I—XIX + 216 с.

17. СлРЯ, XI—XVII — *Словарь* русского языка XI—XVII вв. / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. — Москва : Наука — Азбуковник. 1975—2015. — Выпуск 1—30 (Издание продолжается).

18. СлРЯ, XVIII — *Словарь* русского языка XVIII в. — Ленинград-Санкт-Петербург : Наука, 1984—2019. — Выпуск 1—23. (издание продолжается).

19. СОРЯ, XVI—XVII — *Словарь* обиходного русского языка Московской Руси (XVI—XVII вв.) / Под ред. О. С. Мжельской. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета ; «Наука», 2004—2019. — Выпуск 1—8. — ISBN 5-02-027017-2.

20. СПП, 2001 — *Словарь* псковских пословиц и поговорок / Составители В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; Научный редактор Л. А. Ивашко. 13 000 единиц. — Санкт-Петербург : «Норинт», 2001. — 176 с. — ISBN 5-7711-0118-4.

21. Срезневский, 1893—1912 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. — Санкт-Петербург, 1893—1912. — Т. 1—3.

22. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова / Главный редактор С. А. Мызников. — Ленинград–Санкт-Петербург, 1965—2019. — Выпуск 1—51. (издание продолжается).

23. Татищев, начало XVIII — *Сборник* пословиц В. Н. Татищева // ППЗ 1961. — С. 47—64 ; С. 257—259.

Литература

1. *Вальтер Х.* Славистика в Петербургском и Грайфсвальдском университетах (результаты сотрудничества) / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2020. — № 17 (4). — С. 691—708. — DOI: 10.21638/spbu09.2020.412.

2. *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской Академии наук / Ю. Х. Копелевич. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1977. — 211 с.

3. *Мокиенко В. М.* Сибирь в малых жанрах русского фольклора / В. М. Мокиенко // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2018. — № 53. — С. 48—60. — DOI: 10.17223/19986645/53/4.

4. *Палевская М. Ф.* Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века / М. Ф. Палевская. — Кишинев : Штиница, 1980. — 366 с.

5. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. — Т. I ; Т. II. — Москва : Русский язык, 1993.

6. *Geyr H.* Sprichwörter und sprichwortnahe Bildungen im dreisprachigen Petersburger Lexikon von 1731 [siebzehnhunderteinunddreissig] / H. Geyr (=Symbolae slavicae. Bd. 13). — Frankfurt am Main-Bern : Peter Lang Verlag, 1981. — 234 S.

7. *Radzik A.* Ze studiów nad frazeologią historiczną języka rosyjskiego. Frazeologizmy w niemiecko-łacińsko-rosyjskim Leksykonie peterburskim z 1731 roku. — Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej. — Kraków : Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2000. — 179 s.

Material resources

AA — *The author's archive.* (In Russ.).

AOS — Getsova, O. G., Nefedova, E. A. (ed.). *Arkhangelsk Regional Dictionary, 1—20.* (1980—1919, 1999—2019). Moscow: Publishing House of Moscow State University. Moscow: Nauka. (the publication continues). (In Russ.).

Collection of proverbs by V. N. Tatishchev. *PPZ 1961.* 47—64; 257—259. (In Russ.).

Collection of 2491 ancient Russian proverbs. (1770). Moscow. 244 p. (In Russ.).

Collection of proverbs by A. I. Bogdanov. *PPZ 1961.* 65—118; 259—263. (In Russ.).

Collection of proverbs b. Petrovskaya Gallery. *PPZ 1961.* 23—39. (In Russ.).

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G., Nikolaeva, E. K. (2010). *A large dictionary of Russian proverbs. About 70,000 proverbs.* Moscow: OLMA Media Group. 1024 p. ISBN 978-5-373-03250-6. (In Russ.).

NOS — Levichkin, A. N., Myznikov, A. A. (ed.). (2010). *Novgorod Regional Dictionary / Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences.* Saint Petersburg: Nauka. XXVII, 1435 p. ISBN 978-5-02-025586-9. (In Russ.).

POS — *Pskov regional dictionary with historical data. Founded by B. A. Larin, 1—28.* (1967—2019). Leningrad–St. Petersburg: Publishing House of LSU–St. Petersburg State University. (the publication continues). (In Russ.).

PPZ — *Proverbs, sayings, riddles in handwritten collections of the XVII—XX centuries.* (1961). Moscow-Leningrad: Nauka Publishing House. (In Russ.).

PP 1—4. — *Adverbs these displays. Persistent M. M. Pazyak.* (1989—2001). Kiev: Science dumka. (In Ukr.).

PS — Shapovalova, G. G. (1959). Pskov manuscript collection of proverbs of the XVIII century. *Russian folklore. Materials and Research, IV.* Moscow-Leningrad. 305—330. (Pskov collection). (In Russ.).

RS of the beginning of the XVIII. — A handwritten collection of proverbs, sayings and sayings of Peter's time. (1880). *Monuments of ancient writing, IV (2).* St. Petersburg. (In Russ.).

Simoni, P. (1899). *Ancient collections of Russian proverbs, sayings, riddles, etc. of the XVII—XIX centuries.* St. Petersburg. I—XIX + 216 p. (In Russ.).

SLR, XI—XVII — *Russian Dictionary of the XI—XVII centuries. Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences, 1—30.* (1975—2015). Moscow: Nauka — Azbukovnik. (The publication continues). (In Russ.).

SORYA, XVI—XVII. — Mzhelskaya, O. S. (ed.). (2004—2019). *Dictionary of the everyday Russian language of Moscow Rus (XVI—XVII centuries), 1—8.* St. Petersburg: Pub-

lishing House of St. Petersburg State University; Science. ISBN 5-02-027017-2. (In Russ.).
SPP, 2001 — Ivashko, L. A. (ed.). (2001). *Dictionary of Pskov proverbs and sayings.* St. Petersburg: Norint. 176 p. ISBN 5-7711-0118-4. (In Russ.).
Sreznevsky, I. I. (1893—1912). *Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments, 1—3.* St. Petersburg. (In Russ.).
SRNG — Myznikov, S. A. (ed.). *Dictionary of Russian folk dialects, 1—51.* (1965—2019). Leningrad–Saint Petersburg. (the publication continues). (In Russ.).
The 18th century Dictionary of the Russian Language of the 18th century, 1—23. (1984—2019). Leningrad-St. Petersburg: Nauka. (the publication continues). (In Russ.).
Ukrainian sayings, proverbs and so on: Sat. O. V. Markovich and others / buildings in Nomis. (1864, 1993). St. Petersburg. 3rd ed. Kiev: Lybid. 766 p. (In Ukr.).
Weisman, E. (1731). *German-Latin and Russian lexicon together with the first beginnings of the Russian language for general use at the Imperial Academy of Sciences is printed.* St. Petersburg: Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschafften Buchdruckerey. [4], 788, 48 S. (In Russ.).
YESUM — Melnichuk, O. S. (ed.). (1982—2012). *Etymological Dictionary of the Ukrainian language: In 7 volumes.* Kiev: Naukova dumka. (In Ukr.).

References

Chernykh, P. Ya. (1993). *Historical and etymological dictionary of the modern Russian language.* Moscow: Russian language. (In Russ.).
Gey, H. (1981). *Sprichwörter und sprichwortnahe Bildungen im dreisprachigen Petersburger Lexikon von 1731 [siebzehnhunderteinunddreissig]*. Frankfurt am Main-Bern: Peter Lang Verlag. 234 S. (In Germ.).
Kopelevich, Yu. Kh. (1977). *Foundation of the St. Petersburg Academy of Sciences.* Leningrad: Nauka Publishing House, Leningrad Branch. 211 p. (In Russ.).
Mokienko, V. M. (2018). Siberia in small genres of Russian folklore. *Bulletin of Tomsk State University. Philology, 53:* 48—60. DOI: 10.17223/19986645/53/4. (In Russ.).
Palevskaya, M. F. (1980). *Materials for the phraseological dictionary of the Russian language of the XVIII century.* Chisinau: Shtinitsa. 366 p. (In Russ.).
Radzik, A. (2000). *Ze studiów nad frazeologią historiczną języka rosyjskiego. Frazeologizmy w niemiecko-łacińsko-rosyjskim Leksykonie peterburskim z 1731 roku.* Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej. 179 s.
Walter, H., Mokienko, V. M. (2020). Slavistics at St. Petersburg and Greifswald Universities (results of cooperation). *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature, 17 (4):* 691—708. DOI: 10.21638/spbu09.2020.412. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.01.2022,
одобрена после рецензирования 24.03.2022,
подготовлена к публикации 23.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Ручина Л. И. Опыт экспериментального исследования социально значимых концептов в современном русском языковом сознании (концепт ДЕМОКРАТИЯ) / Л. И. Ручина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 135—151. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-135-151.

Ruchina, L. I. (2022). Experience Experimental Research Socially Significant Concepts in Modern Russian Language Consciousness (Concept DEMOCRACY). *Nauchnyi dialog, 11(3):* 135-151. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-135-151. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-135-151

Опыт экспериментального исследования социально значимых концептов в современном русском языковом сознании (концепт ДЕМОКРАТИЯ)

Ручина Людмила Ивановна
orcid.org/0000-0002-7777-0199
кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой
преподавания русского языка
в других языковых средах
Институт филологии и журналистики
ruchinanngu@yandex.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Experience Experimental Research Socially Significant Concepts in Modern Russian Language Consciousness (Concept DEMOCRACY)

Ludmila I. Ruchina
orcid.org/0000-0002-7777-0199
PhD in Philology, Associate Professor
Head of the Department
of Teaching the Russian Language
in Other Language Environments
Institute of Philology and Journalism
ruchinanngu@yandex.ru

National Research
Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Ручина Л. И., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено экспериментальное исследование особенностей рецепции социально значимых концептов в языковом сознании современных носителей русского языка на примере концепта ДЕМОКРАТИЯ. Представлены результаты сопоставительного анализа семантического наполнения данного концепта по материалам словарей и результатам цепочечного ассоциативного эксперимента. Показано, что на основе лексикографических толкований слова *демократия* как базового репрезентанта одноименного концепта можно выявить восемь значимых когнитивных признаков концепта. Процедура верификации выявленных когнитивных признаков посредством цепочечного эксперимента позволила обнаружить и значимые концептуальные и коннотативно-оценочные инновации в смысловом наполнении концепта ДЕМОКРАТИЯ в сравнении с результатами анализа лексикографических источников. Обнаружились рефлексы негативно-оценочного восприятия данного концепта в языковом сознании носителей современного русского языка, связанные с представлениями о мнимости, иллюзорности этого понятия для русского мира, о манипулятивном характере его дискурсивной реализации и пр. Делается вывод о том, что негативно-оценочная рецепция данного концепта в современном русском языковом сознании связана с его неорганичностью, с психологической и культурной чуждостью по отношению к традиционно русским моделям языковой концептуализации мира.

Ключевые слова:
концепт ДЕМОКРАТИЯ; цепочечный ассоциативный эксперимент; социально значимые концепты; концептуальный анализ в лингвокультурологии; современное русское языковое сознание.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

An experimental research of the reception features of socially significant concepts in the linguistic consciousness of modern native speakers of the Russian language is described on the example of the concept DEMOCRACY. The results of a comparative analysis of the semantic content of this concept based on the materials of dictionaries and the results of a chain associative experiment are presented. It is shown that on the basis of lexicographic interpretations of the word *democracy* as a basic representative of the concept of the same name, eight significant cognitive features of the concept can be identified. The procedure for verifying the identified cognitive features through a chain experiment made it possible to detect significant conceptual and connotative-evaluative innovations in the semantic content of the DEMOCRACY concept in comparison with the results of the analysis of lexicographic sources. Reflexes of the negative-evaluative perception of this concept were found in the linguistic consciousness of the speakers of the modern Russian language, associated with ideas about the imaginary nature, the illusory nature of this concept for the Russian world, the manipulative nature of its discursive implementation, etc. It is concluded that the negative-evaluative reception of this concept in the modern Russian linguistic consciousness is associated with its inorganic nature, with psychological and cultural alienation in relation to the traditionally Russian models of linguistic conceptualization of the world.

Key words:
concept DEMOCRACY; chain association experiment; socially significant concepts; conceptual analysis in linguoculturology; modern Russian linguistic consciousness.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’37::321.7

Опыт экспериментального исследования социально значимых концептов в современном русском языковом сознании (концепт ДЕМОКРАТИЯ)

© Ручина Л. И., 2022

1. Введение = Introduction

В статье представлены результаты экспериментального исследования особенностей восприятия современными носителями русского языка социально значимого концепта ДЕМОКРАТИЯ. Анализ результатов цепочечного ассоциативного психолингвистического эксперимента, согласно принятой методике исследования, выступает как завершающая часть комплексного лексикографического описания концепта при составлении словарной статьи для учебного словаря социально значимых концептов в современной русской культуре, проект по созданию которого в течение многих лет разрабатывается сотрудниками кафедры преподавания русского языка в других языковых средах Института филологии и журналистики ННГУ им. Н. И. Лобачевского [ДУША и ТЕЛО …, 2020; Ручина, 2018; Радбиль и др., 2019а].

В современном российском обществе возрастает роль политической коммуникации. Процесс обсуждения политических проблем привлекает не только специалистов, но и широкие массы. Особую роль в формировании идеологических установок в социокульутрном пространстве современной России играют средства массовой информации, включая интернет. Проблема идеологического воздействия и манипуляции общественным сознанием с помощью использования языковых средств остаётся актуальной.

Революционные изменения общественно-политического строя в России отразились на интенсивности семантических преобразований в лексике, особенно это коснулось предметной и понятийной отнесенности политической терминологии. Все это представляется в высшей мере справедливым и для бытования такого социально-значимого концепта, как ДЕМОКРАТИЯ. Слово *демократия* в том или ином контексте активно используется в российском обществе, при этом наблюдается многовекторное понимание демократии. На это указывают и работы современных политологов. Так, О. В. Захарова в работе «Трансформация понятия “демократия” в ежегодных президентских посланиях Федеральному Собранию РФ (2000—2018)» справедливо отмечает, что с начала 2010-х годов в российском обществе наблюдаются существенные изменения в интерпретации

CC BY

данного концепта. «Для российского официального дискурса характерно подчеркивание самобытности российской версии демократии, которая сочетает в себе приверженность универсальным демократическим принципам с самостоятельным и независимым развитием российской версии демократии» [Захарова, 2020, с. 111].

Неоднозначность в рецепции концепта ДЕМОКРАТИЯ и на уровне массового сознания, которая, несомненно, связана именно со спецификой отечественного понимания демократии, отмечается и в работе А. П. Сковородникова, который подчеркивает амбивалентность оценочного потенциала лексемы *демократия* в речевой практике современных носителей языка. Наряду с нейтральными и положительно коннотируемыми употреблениями этого слова фиксируется и значительный массив негативно-оценочных контекстов [Сковородников, 2016].

Указанные соображения позволяют обосновать научную целесообразность поставленной в исследовании задачи осуществить целостное описание мыслительного образа, закрепленного за словом *демократия* как главным репрезентантом одноименного концепта в сознании современных носителей русского языка.

Практическая значимость исследования заключается не только в том, что его результаты мы предполагаем использовать в работе по созданию заявленного выше учебного словаря. Очевидна возможность применения результатов работы и в преподавании ряда дисциплин лингвокультурологического цикла, и, конечно, в обучении РКИ. Также изучение смыслового наполнения важнейших идеологических концептов может быть востребовано и при решении задач межкультурной коммуникации, одной из важнейших единиц которой, по мнению ряда исследователей, является концепт [Куликова, 2009, с. 68].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В самых разных школах и направлениях гуманитаристики уже накоплена значительная традиция изучения концепт ДЕМОКРАТИЯ. Применительно к современному состоянию вопроса отметим, что в основном данный концепт ожидаемо находится в поле исследовательского внимания философов, историков, социологов и политологов, о чем свидетельствуют даже сами названия работ: «Концепт локальной демократии в транзитологической парадигме» [Федоринов и др., 2013]; «Концепт “демократия” в либертарианской политической теории» [Кузнецов, 2020] и под. Собственно лингвистическое исследование данного концепта началось сравнительно недавно. В ряде работ этот концепт изучается в западных и американских политических дискурсах на материале английского языка [Го-

CC BY

лубева и др., 2016], в том числе в сопоставительном аспекте — например, лексемы *демократия / democracy* в политической картине мира [Миненко, 2017]. На материале русского языка имеются удачные опыты лексикографирования данного концепта на основе анализа контекстов употребления слова *демократия* [Сковородников, 2016], изысканий в области языкового манипулирования посредством использования лексем подобного рода [Бизюков и др., 2017] и др. Наиболее близкой к концепции предпринятого нами исследования является работа молодого ученого В. С. Трениной «Лексема *демократия* в словарях и языковом сознании» [Тренина, 2021], однако наши результаты отчасти расходятся с выводами указанной работы, а также нами использован несколько иной экспериментальный инструментарий, который будет описан ниже.

Предлагаемое исследование в полной мере отвечает сложившимся в современном гуманитарном знании трендам междисциплинарности, так как оно выполнено на стыке политической лингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и экспериментальной психолингвистики.

Прежде всего отметим, что социально значимые концепты в основном актуализуются в политической коммуникации, что и делает их объектом политической лингвистики. «К числу важнейших направлений политической лингвистики относятся также рассмотрение отдельных политических концептов в рамках соответствующего языка и национальной культуры, обращение к проблемам понимания политических реалий того или иного государства гражданами других государств, сопоставительное исследование политической коммуникации в различных странах и на разных этапах развития общества» [СПЛ, 2011, с. 3].

Однако современная политическая лингвистика, как, впрочем, и лингвистическая концептология, во многом основаны на научном аппарате когнитивной лингвистики, потому что, по сути, изучает стоящие за дискурсивной реализацией политически значимых лексем и выражений форматы знания о мире, ценности и поведенческие установки участников политической коммуникации, говорящих на естественном языке [Попова и др., 2007]. Этот же научный инструментарий лег и в основу современной лингвистической концептологии как значимого аспекта лингвокультурологии [Ручина, 2018; Радбиль и др., 2019б].

Также изучение функционирования социально значимых концептов именно в современном языковом сознании коррелирует и со сложившимися в Нижегородской научной школе исследовательскими стратегиями описания активных процессов в русском языке новейшего периода [Социокультурные и прагматические аспекты, 2018; Радбиль и др., 2020; Радбиль и др., 2021], в которых давно уже сформирована методика анализа и

CC BY

оценки рефлексов интернационализации [Fairclough, 2006] в новых явлениях в русском языке.

Усиление прикладной, в том числе экспериментальной, направленности в дискурс-аналитических, лингвопрагматических и, собственно, политлингвистических штудиях в наши дни становится значимой тенденцией в мировом интердисциплинарном гуманитарном знании [Block, 2017; Noveck, 2021; Orr et al., 2021]. На этом фоне мы можем утверждать, что сегодня на стыке экспериментальной психолингвистики и теоретической лингвистической концептологии формируется такое относительно автономное направление научных исследований, как экспериментальная лингвоконцептология. В ее рамках мы и можем обосновать модель изучения смыслового наполнения концепта ДЕМОКРАТИЯ в современном национальном языковом сознании.

Содержание концепта не исчерпывается словарным толкованием значения слова. А. Н. Леонтьев писал: «Нельзя забывать о том, что “строительным материалом” для образа мира являются не безличные социализованные *значения,* а *личностные смыслы* как кристаллизация человеческого отношения к миру» [Леонтьев, 1994, с. 200]. Очевидно, что личностные смыслы присутствуют в содержании концептов. А. А. Залевская относит личностные смыслы к достояниям индивида, обозначая возможность их изучения с помощью ассоциативных экспериментов: «К числу ведущих направлений при выявлении и описании значения слова как достояния индивида можно отнести ассоциативный, параметрический, признаковый, прототипный и ситуационный подходы с ключевыми для них понятиями ассоциации, параметра, признака, прототипа, ситуации» [Залевская, 2019, с. 35].

Неслучайно при описании лексической объективации и смыслового наполнения концепта достаточно широко используются данные, полученные в результате проведения ассоциативных экспериментов. «Специалисты в области психолингвистики полагают, что ассоциативное поле определенного слова-стимула, полученное в результате эксперимента, представляет собой не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент концептосферы этноса, отраженный и закрепленный в сознании носителей языка» [Ручина, 2018, с. 246].

Ассоциативный эксперимент достаточно прост при проведении, в то же время, по мнению специалистов, отличается репрезентативностью и достоверностью результатов. Как правило, стандартная выборка — от 100 до 200 реакций на стимул. Ссылаясь на многолетний опыт, сторонники метода полагают, что прирост новых реакций резко уменьшается после отметки 100 [Палкин, 2009].

CC BY

Применяют различные виды ассоциативных экспериментов: свободный, направленный, цепочечный (цепной): «Если в классическом ассоциативном эксперименте, направленном на анализ языкового сознания и определения психолингвистического значения слова, принято использовать только первую реакцию, то в применении ассоциативных экспериментов к анализу когнитивных структур могут использоваться и последующие за первой ассоциации, поскольку в когнитивном анализе выявляются и выводные знания, и косвенные когнитивные признаки, обнаруживаемые как раз в последующих ассоциатах» [Попова и др., 2007, с. 130].

В данном исследовании в соответствии с его замыслом для выявления когнитивных признаков, отражающих восприятие в современном национальном языковом сознании важнейшего общественно значимого концепта ДЕМОКРАТИЯ, проводился цепочечный эксперимент. Он рассматривается как разновидность свободных ненаправленных экспериментов, в которой респонденту надо дать цепочку ассоциатов (от 3 до 5) в произвольной форме [Попова и др., 2007].

В рамках принятой в Нижегородской школе концептуального анализа методики на первом этапе описывается семантическое наполнение интересующего нас концепта по данным словарей, а на следующем этапе эти данные подвергаются процедуре верификации посредством проведения ассоциативного эксперимента [Ручина, 2018].

В соответствии с вышесказанным материалы для исследования включают в себя два класса языковых данных: (1) словарные толкования лексемы *демократия* в русских лексикографических источниках [БАС, т. IV, 1954; ТСРЯ-XX, 1998; СЕ, т. I, 2000; ЭССРЯ, т. I, 2010]; (2) 436 реакций на слово-стимул *демократия* в рамках проведенного нами цепочечного ассоциативного эксперимента.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В разделе последовательно рассматриваются когнитивные признаки концепта ДЕМОКРАТИЯ по данным словарей и экспериментального исследования.

3.1. Семантическое наполнение концепта ДЕМОКРАТИЯ по данным лексикографических источников

В соответствии с принятой концепцией исследования в семантическое наполнение анализируемого концепта включаются и этимологические сведения. Общеизвестно, что слово демократия относится к фонду интернациональной лексики и во всех основных европейских языках имеет сходное написание и значение, которое восходит к древнегреческому сложному

CC BY

слову с семантикой ‘власть народа’: «Демократия — политический строй, основанный на признании принципов народовластия, свободы и равноправия граждан; принцип организации коллективной деятельности, при котором обеспечивается активное и равноправное участие в ней всех членов коллектива. Слово демократия известно с Петровского времени (отмечено в 1718 году), позже упоминается в 1731 году … Первоисточник: др.-греч. δημοκρατῐ́α “власть демоса, т. е. простого люда, живущего в сельских демах, народовластие, система общенародного управления”» [ЭССРЯ, т. I, 2010, с. 216].

Базовый когнитивный признак, основанный на этимологии слова *демократия*, так или иначе присутствует и в словарных толкованиях данного слова в основных русских толковых словарях, например, в БАС: «1. Форма правления, при которой верховная власть в государстве принадлежит народу; народовластие 2. Способ организации жизни какого-либо коллектива, обеспечивающий участие в нем широких народных масс на демократических основах. *Профсоюзная демократия* [БАС, т. III, стлб. 688—689]. В словаре Т. Ф. Ефремовой встречаем практически аналогичные толкования: «1. Политический строй, при котором власть принадлежит народу; народовластие. 2. Принцип организации коллективной деятельности, при которой обеспечивается равноправное и активное участие в ней всех членов коллектива» [СЕ, т. I, с. 368]. «Толковый словарь русского языка XX века. Языковые изменения» под редакцией Г. Н. Скляревской приводит следующее толкование: «Государственный строй и организация всей жизни общества, основанные на признании народа источником власти и всеобщего равноправия в сочетании с широким кругом политических и гражданских прав и свобод; противоп. тоталитаризм» [ТСРЯ-XX, с. 197].

Обобщая данные лексикографических источников, можно выделить следующие смысловые компоненты, претендующие на статус когнитивных признаков на данной стадии исследования:

— ‘народовластие = власть народа’;
— ‘государственный строй’;
— ‘форма правления’;
— ‘организация всей жизни общества’;
— ‘всеобщее равноправие’;
— ‘широкий круг политических прав и политических свобод’;
— ‘широкий круг гражданских прав и гражданских свобод’;
— ‘принцип организации коллективной деятельности, основанный на равноправии ее участников’.

В соответствии с принятой концепцией исследования компоненты лексического значения слова являются лишь частью содержания концепта,

CC BY

хотя и выражают ядерные когнитивные признаки: «Значение (семема) своими семами передаёт определённые когнитивные признаки и компоненты, образующие концепт, но это всегда лишь часть смыслового содержания концепта» [Попова и др., 2007, с. 65]. В частности, применительно к интересующему нас концепту ДЕМОКРАТИЯ мы видим, что в ядерной зоне его концептуального содержания по данным словарей совершенно не отражен значительный оценочный потенциал этого изначально внеоценочного концепта, который интуитивно ощущается всеми носителями русского языка.

Следовательно, для более адекватного описания смыслового наполнения концепта необходимо сопоставить результаты анализа лексикографических источников с данными ассоциативного эксперимента.

3.2. Семантическое наполнение концепта ДЕМОКРАТИЯ по данным цепочечного эксперимента

В ходе проведенного нами цепочечного ассоциативного эксперимента респондентам предлагалось дать пять ассоциаций на слово-стимул *демократия*. Всего было опрошено 100 человек в возрасте от 19 до 58 лет и получено 436 реакций.

Следует заметить, что методологически целесообразно выделить близкие по содержанию семы в элементах (словах-реакциях) номинативного поля концепта, обобщить их и интерпретировать как единый когнитивный признак. В качестве примера можно привести реакции *власть народа / народовластие / народная власть / власть народу / народное правление,* которые были объединены в когнитивный признак *власть народа* (он оказался самым частотным). Реакции *выборы / выбор / голосование / волеизъявление / голос / право выбора / всеобщие выборы / честные выборы / свободные выборы / выборность власти* представлены наиболее частотным когнитивным признаком *выборы.*

При определенном совпадении семантического наполнения концепта по данным словарей с представлениями о демократии, отраженными в рецепции данного концепта современным русским языковым сознанием, выявились и значимые концептуальные и коннотативно-оценочные расхождения. В целом анализ ассоциативного поля и обобщение отдельных когнитивных признаков позволил выявить когнитивные классификационные признаки, отражающие семантическую структуру концепта ДЕМОКРАТИЯ в языковом сознании именно носителей русского языка наших дней.

1. Сущность демократии

1. 1. Принципы демократического устройства политической системы:

CC BY

власть народа (54); равноправие (21); плюрализм (4); выборы (28); участие граждан в принятии решений (3); правление большинства (2).

1. 2. Демократические ценности:

свобода (36), независимость; гласность; братство (4), единство; личность человека — главное; гуманизм; общественные ценности; уважение; справедливость (7); широкие возможности (3); экономические возможности; благосостояние; гарантия прав и свобод личности (8); защита прав и свобод (4); свобода слова (14); свобода выбора (3); свобода мысли (4); свобода вероисповедания (3); свобода выражения мнений (2); свобода взглядов; свобода распоряжаться, пользоваться и владеть; свобода передвижения (2); свобода выбора профессии; право участвовать в политических решениях; права человека.

1. 3. Атрибуты политической и общественной жизни:

собрание, митинг, интернет, площадь, трибуна, конгресс, политика (12); партия (2), политическая партия, международные организации.

1. 4. Экономические атрибуты:

предпринимательство, частная собственность, капитализм, нефть.

1. 5. Социальная база демократии:

масса, сообщество, люди, собрание, социум, демос (2); общество, гражданское общество.

2. Государственный механизм

2. 1. Государственное устройство:

Республика (3); форма правления.

2. 2. Принципы организации и деятельности государственного аппарата:

право (5), закон (2), законность (2), верховенство закона, закон един для всех, Конституция (2); разделение властей, без коррупции, прозрачность; суверенитет; подотчётность органов власти; ответственность; взаимодействие; референдум; власть (14); сила; управление; порядок; структура; государственная система (2); система управления; стабильность; политический режим (4); либерализм (3).

2. 3. Представители государственной власти:

Парламент (2), Государственная Дума, Президент (4), депутат.

3. Демократические страны:

США (13), Голландия, Великобритания, Исландия, Россия, Запад, Европа, Греция (3), Древняя Греция (3), Афины (3);

4. Персоналии:

[Джордж] Буш, Путин (2), греческие философы, Демокрит, Сократ, греки.

5. Оценка демократии как политического режима

CC BY

5. 1. Позитивное восприятие демократии:

идеал, идеальный государственный строй.

5. 2. Негативное восприятие демократии:

анархия (3), обман (3), манипуляция (2), война (2), беспредел (2), охлократия, расслоение, неравенство, духовная нищета, отсутствие истинных целей, вседозволенность, гомосексуализм, диктатура, лукавство, жадность, ведет к развалу, чтоб ее не было, правовой беспредел, безвластие, скрытый геноцид, разврат, распущенность, несправедливость, олигархия, субъективность в решении вопросов, асоциальность, барышничество, нет сильной власти, прикрытие, потеря времени, власть денег, деньги (2), бездействие государства, ложь, подделка, урвать легитимно, бомбы, ор, толпа (2), революция; то, чего нет в России; редко встречается; все о ней говорят, но ее так и нет, утопия (2), иллюзия.

Следует заметить, что номинативное поле концепта ДЕМОКРАТИЯ включает около 34 % номинаций, полученных в результате единичных слов-реакций (индивидуальных ассоциатов). «Наличие большого количества номинаций того или иного концепта свидетельствует о высокой номинативной плотности данного участка языковой системы, что отражает актуальность вербализуемого концепта для сознания народа» [Попова и др., 2007, с. 8].

Выявленные когнитивные классификационные признаки с учётом частотности ассоциатов позволяют определить полевую организацию концепта ДЕМОКРАТИЯ, которая отражает степень существенности классификационных когнитивных признаков: ядро (его составили реакции, полученные более чем от 20 % испытуемых), базовый слой (от 10 % до 20 %), ближняя периферия (менее 10 %) и дальняя периферия (менее одного процента).

Ядро: принципы демократического устройства политической системы 112 (25,7 %); демократические ценности 105 (24 %).

Базовый слой: негативное восприятие демократии 55 (12,6 %); принципы организации и деятельности государственного аппарата 50 (11,5 %).

Ближняя периферия: демократические страны 28 (6,4 %); атрибуты политической и общественной жизни 22 (5 %); социальная база демократии 9 (2 %); представители государственной власти 8 (1,8 %); личности 7 (1,6 %).

Дальняя периферия: экономические атрибуты 4 (0,9 %); государственное устройство 4 (0,9 %); позитивное восприятие демократии 2 (0,5 %).

В соответствии с принятой концепцией исследования ассоциативный эксперимент является способом уточнения и верификации смыслового на-

CC BY

полнения концепта. Следовательно, на синтезирующей стадии исследования необходимо осуществить сопоставление результатов ассоциативного эксперимента и когнитивных признаков, выявленных на основе анализа словарных толкований.

3.3. Синтезирующая (сопоставительная) стадия исследования

Сопоставление результатов ассоциативного эксперимента и когнитивных признаков, выявленных на основе анализа словарного толкования, обнаруживает в целом совпадение ядерной зоны концепта, что свидетельствует о том, что смысловое ядро — представления о народовластии и равноправии граждан — отражено и в языковом сознании наших современников.

Однако следует отметить приобретение этим изначально внеоценочным общественно-политическим и абстрактно-терминологическим по характеру содержания концептом оценочных коннотаций, которые отсутствовали в словарных толкованиях лексемы *демократия*. В этом плане важными оказываются классификационные когнитивные признаки, вошедшие в базовый слой. Это доминирование негативно-оценочного восприятия демократии (позитивное восприятие демократии оказалось в дальней периферии). Носители современного русского языка в целом скептически относятся к принципам демократического устройства общества как к идеалу социального устройства.

В свою очередь, можно обобщить негативное оценочное восприятие демократии современным национальным языковым сообществом по следующим ассоциативно-смысловым параметрам: *демократия = анархия, правовой беспредел и отсутствие сильной власти; демократия = аморальность и вседозволенность; демократия = власть денег, барышничество; демократия = несправедливость; демократия = что-то иллюзорное, неподлинное, мнимое, ложное* и под.

Важно также отметить, что полученные нами данные коррелируют с выводами А. П. Сковородникова, сделанными им на основе дискурс-аналитического исследования современных российских СМИ. Ученый указывает на то, что многие контексты употребления лексемы *демократия* «с большей или меньшей степенью аргументированности указывают а) на фиктивность демократии западного типа и б) на манипулятивное использование этого термина» [Сковородников, 2015, с. 53]. Результаты проведенного нами эксперимента в целом подтверждают эти наблюдения.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное нами экспериментальное исследование рецепции концепта ДЕМОКРАТИЯ в современном русском языковом сознании позво-

CC BY

ляет заключить, что данный концепт, как и многие другие иноязычные по происхождению общественно-политические и этические концепты типа ЛИБЕРАЛИЗМ, ПЛЮРАЛИЗМ, ТОЛЕРАНТНОСТЬ и под., неоднозначно воспринимаются носителями современного русского языка. Причем, как нам кажется, дело здесь не столько в том, что слова и выражения, воплощающие данные концепты в русской речи, манифестируют некие чуждые русскому общественному устройству социально-политические или идеологические смыслы. Дело, скорее всего, в том, что они воспринимаются именно как носители инокультурных норм и ценностей, как выразители несвойственных исконно русским моделям языковой концептуализации мира речеповеденческих моделей и жизненных установок, по линии архетипической культурной оппозиции СВОЙ — ЧУЖОЙ, носящей универсальный характер.

С этим, на наш взгляд, и связаны возникающие в русском языковом сознании представления об иллюзорности, мнимости выражаемых этими концептами «конфигураций смыслов». Все это представляется многим русским людям символами чужого мира, прежде всего — психологически, нравственно чуждого. Номинативное ядро этих концептов, конечно, сохраняется и вполне рефлектируется на уровне эксплицитных смыслов. Это позволяет безошибочно оперировать ими в дискурсе и понимать их денотативное значение. Но вот на уровне бессознательных языковых реакций, так сказать, «языковой ментальности» (Т. Б. Радбиль), в когнитивной базе этноса происходит некоторое отторжение концептов типа ЛИБЕРАЛИЗМ, ПЛЮРАЛИЗМ, ТОЛЕРАНТНОСТЬ и под. И именно это обстоятельство является фактором возникновения негативно-оценочных коннотаций у лексем — репрезентантов указанных концептов — как в речевой практике носителей современного русского языка, так и в их языковом сознании.

Источники и принятые сокращения

1. БАС — *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 т. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1950—1965. — Т. III. — 1954. — 700 с.

2. СЕ — *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2-х т. / Т. Ф. Ефремова. — Москва : Русский язык, 2000. — Т. I. — 1222 с.

3. СПЛ — *Современная* политическая лингвистика : учебное пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова ; отв. ред. А. П. Чудинов ; Уральский государственный педагогический университет. — Екатеринбург : Издательство Уральского государственного педагогического университета, 2011. — 252 с.

4. ТСРЯ-XX — *Толковый* словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Скляревской. — Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. — 699 с.

5. ЭССРЯ — *Этимологический* словарь современного русского языка : в 2-х т. / Сост. А. К. Шапошников. — Москва : Флинта ; Наука, 2010. — Т. I. — 584 с. — ISBN 978-5-9765-0818-7.

Литература

1. *Бизюков Н. В.* Семантическая структура лексем «демократия» и «свобода» как орудие речевой манипуляции (на материале политического дискурса) / Н. В. Бизюков, Е. В. Цыганкова // Базовые ценности этноса в речи и тексте : Материалы Международной научно-практической конференции (Красноярск, 8 ноября 2017 г.) / отв. ред. А. Д. Васильев ; ред. кол. ; Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. — Красноярск : Издательство, 2017. — С. 21—28. — ISBN 978-5-00102-184-1.

2. *Голубева Т. М.* Специфика смыслового содержания концепта «демократия» в американском политическом дискурсе / Т. М. Голубева, Т. А. Поскребышева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 3. — Ч. I. — С. 107—109.

3. *ДУША* и ТЕЛО в аспекте сопоставительного анализа концептов культуры : материалы к лингвокультурологическому фразеологическому словарю русско-казахских соответствий / Т. Б. Радбиль, Г. А. Ахметжанова, Ж. Ж. Жумагулова, А. Е. Сералиева, Г. Е. Сералиева // Научный диалог. — 2020. — № 3. — С. 127—150. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-127-150.

4. *Залевская А. А.* Значение слова и возможности его описания / *А. А. Залевская* // Языковое сознание : формирование и функционирование : сборник статей / РАН, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. В. Уфимцева. — Москва : РАН, Институт языкознания, 1*998*. — С. 35—54.

5. *Захарова О. В.* Трансформация понятия «демократия» в ежегодных президентских посланиях Федеральному Собранию РФ (2000—2018) / О. В. Захарова // Политическая наука. — 2020. — № 2. — С. 110—125. — DOI: 10.31249/poln/2020.02.05.

6. *Кузнецов Я. П.* Концепт «демократия» в либертарианской политической теории [Электронный ресурс] / Я. П. Кузнецов // Огарев-Online. — 2020. — Т. 7 (144). — Режим доступа : https://cyberleninka.ru/journal/n/ogaryov-online?i=1066797 (дата обращения 28.02.2021)

7. *Куликова Л. В*. Коммуникативный стиль в межкультурном общении : монография / Л. В. Куликова. — Москва : Флинта ; Наука, 2009. — 288 с. — ISBN 978-5-9765-0778-4.

8. *Леонтьев А. Н.* Философия психологии : Из научного наследия / А. Н. Леонтьев. — Москва : Издательство Московского университета, 1994. — 228 с. — ISBN 5-211-02628-4.

9. *Миненко Е. В.* Фрагмент политической картины на примере лексем демократия / democracy / Е. В. Миненко // Евразийский гуманитарный журнал. — 2017. — № 2. — С. 47—49.

10. *Палкин А. Д.* Концептуальный анализ и ассоциативный эксперимент / А. Д. Палкин // Когнитивные исследования языка. — 2009. — Выпуск 5 : Исследования познавательных аспектов в языке. — С. 138—147.

11. *Попова З. Д.* Семантико-когнитивный анализ языка : монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж : Истоки, 2007. — 252 с.

12. *Радбиль Т. Б.* Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса : лингвокогнитивный аспект / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, И. В. Палоши // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 63—79. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79.

13. *Радбиль Т. Б.* Концепт «грех» в контексте лексикографического описания ключевых концептов русской культуры / Т. Б. Радбиль, В. В. Сайгин // Вопросы лексикографии. — 2019а. — № 15. — С. 36—59. — DOI: 10.17223/22274200/15/3.

14. *Радбиль Т. Б.* Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте Интернета / Т. Б. Радбиль, А. И. Помазов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2020. — Т. 19. — № 1. — С. 140—153. — DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.12.

15. *Радбиль Т. Б.* Художественное воплощение русского национально-культурного концепта РЕКА в творчестве М. Ю. Лермонтова / Т. Б. Радбиль, И. С. Юхнова // Научный диалог. — 2019б. — № 2. — С. 127—142. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-127-142.

16. *Ручина Л. И.* Концепт либерал : смысловое наполнение в национальном сознании / Л. И. Ручина // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура : сборник статей по материалам конференции. — Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2018. — С. 244—249. — ISBN 978-5-89533-397-6.

17. *Сковородников А. П.* О смысловой амбивалентности ключевых слов современного российского политического дискурса (на материале газетных текстов) / А. П. Сковородников // Политическая лингвистика. — 2015. — № 2 (52). — С. 50—56.

18. *Сковородников А. П.* Экология русского языка : монография / А. П. Сковородников ; Сибирский федеральный университет, Институт филологии и языковой коммуникации. — Красноярск : Издательство Сибирского федерального университета, 2016. — 385 с. — ISBN 978-5-7638-3564-9.

19. *Социокультурные* и прагматические аспекты современных словообразовательных процессов : коллективная монография / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, Е. В. Щеникова, Н. А. Бакич, В. А. Торопкина, Е. А. Жданова ; под ред. Л. В. Рацибурской. — Москва : ФЛИНТА ; Наука, 2018. — 232 с. — ISBN 978-5-9765-3801-6.

20. *Тренина В. С.* Лексема *демократия* в словарях и языковом сознании / В. С. Тренина // Сопоставительные исследования 2021 : сборник научных статей. — Воронеж : РИТМ, 2021. — Выпуск 18. — С. 144—146.

21. *Федоринов В. Е.* Концепт локальной демократии в транзитологической парадигме / В. Е. Федоринов, С. Г. Вонсович // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия : История. Политология. Социология. — 2013. — № 2. — С. 73—80.

22. *Block D.* Political economy in applied linguistics research / D. Block // Language Teaching. — January 2017. — Volume 50, Issue 1. — Pp. 32—64. — DOI: https://doi.org/10.1017/S0261444816000288.

23. *Fairclough N.* Language and Globalization / N. Fairclough. — London, New York : Routledge, 2006. — 188 p. — ISBN 978-0-415-31765-8.

24. *Noveck I.* Review of Experimental Pragmatics : The Making of a Cognitive Science / I. Noveck. — Cambridge UK : Cambridge University Press, 2021. — 282 p.

25. *Orr Sh.* Predicating Truth : An empirically based analysis / Sh. Orr, M. Ariel // Journal of Pragmatics. — Nov. 2021. — Vol. 185. — Pp. 131—145. — DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.09.005.

Material resources

Chudinov, A. P. (ed.). (2011). *Modern Political Linguistics: textbook. Ural State Pedagogical University.* Yekaterinburg: Publishing House of the Ural State Pedagogical University. 252 p. (In Russ.).

Dictionary of modern Russian literary language: In 17 volumes, II. (1950—1965). Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 700 p. (In Russ.).

Efremova, T. F. (2000). *New dictionary of the Russian language. Explanatory-word-formation: In 2 volumes, I.* Moscow: Russian Language. 1222 p. (In Russ.).

Etymological dictionary of the modern Russian language: In 2 volumes, I. (2010). Moscow: Flint; Nauka. 584 p. ISBN 978-5-9765-0818-7. (In Russ.).

Sklyarevskaya, G. N. (1998). *Explanatory dictionary of the Russian language of the end of the XX century. Language changes.* St. Petersburg: Folio-Press. 699 p. (In Russ.).

References

Bizyukov, N. V., Tsygankova, E. V. (2017). Semantic structure of the lexemes "democracy" and "freedom" as an instrument of speech manipulation (based on the material of political discourse). In: *Basic values of the ethnos in speech and text: Materials of the International Scientific and Practical Conference (Krasnoyarsk, November 8, 2017).* Krasnoyarsk: Publishing House. 21—28. ISBN 978-5-00102-184-1. (In Russ.).

Block, D. (2017). Political economy in applied linguistics research. *Language Teaching, 50 (1). January.* 32—64. DOI: 10.1017/S0261444816000288.

Fairclough, N. (2006). *Language and Globalization.* London, New York: Routledge. 188 p. ISBN 978-0-415-31765-8.

Fedorinov, V. E., Vonsovich, S. G. (2013). The concept of local democracy in the transitological paradigm. *Bulletin of the Volgograd State University. Series: History. Political science. Sociology, 2:* 73—80. (In Russ.).

Golubeva, T. M., Poskrebysheva, T. A. (2016). Specificity of the semantic content of the concept "democracy" in American political discourse. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 3 (I):* 107—109. (In Russ.).

Kulikova, L. V. (2009). *Communicative style in intercultural communication: monograph.* Moscow: Flinta; Nauka. 288 p. ISBN 978-5-9765-0778-4. (In Russ.).

Kuznetsov, Ya. P. (2020). The concept of "democracy" in libertarian political theory. *Ogarev-Online, 7 (144).* Available at: https://cyberleninka.ru/journal/n/ogaryov-online?i=1066797 (accessed 28.02.2021). (In Russ.).

Leontyev, A. N. (1994). *Philosophy of Psychology: From the scientific heritage.* Moscow: Moscow University Press. 228 p. ISBN 5-211-02628-4. (In Russ.).

Minenko, E. V. (2017). A fragment of the political picture on the example of the lexemes democracy / democracy. *Eurasian Humanitarian Journal, 2:* 47—49. (In Russ.).

Noveck, I. (2021). *Review of Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science.* Cambridge UK: Cambridge University Press. 282 p.

Orr, Sh., Ariel, M. (2021). Predicating Truth: An empirically based analysis. *Journal of Pragmatics, 185: Nov.* 131—145. DOI: 10.1016/j.pragma.2021.09.005.

Palkin, A. D. (2009). Conceptual analysis and associative experiment. *Cognitive studies of language, 5: Studies of cognitive aspects in language.* 138—147. (In Russ.).

Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Semantic and cognitive analysis of language: monograph.* Voronezh: Istoki. 252 p. (In Russ.).

Radbil, T. B., Akhmetzhanova, G. A., Zhumagulova, Z. Z., Seralieva, A. E., Seralieva, G. E. (2020). DUSHA ("SOUL") and TELO ("BODY") in the Aspect of Contrastive Analysis of Cultural Concepts: Materials for the Linguo-Cultorological Phraseological Dictionary of Russian-Kazakh Correlations. *Nauchnyi dialog, 3:* 127—150. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-127-150. (In Russ.).

Radbil, T. B., Pomazov, A. I. (2020). Precedent phenomena as a means of creating attractiveness in the polycode text of the Internet. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics, 19 (1):* 140—153. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.1.12. (In Russ.).

Radbil, T. B., Ratsiburskaya, L. V., Paloshi, I. V. (2021). Active Processes in the Vocabulary and Word Formation of the Russian Language in the Era of Coronavirus: Linguo-Cognitive Aspect. *Nauchnyi dialog, 1:* 63—79. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79. (In Russ.).

Radbil, T. B., Saigin, V. V. (2019a). The concept of "sin" in the context of lexicographic description of key concepts of Russian culture. *Questions of lexicography, 15:* 36—59. DOI: 10.17223/22274200/15/3. (In Russ.).

Radbil, T. B., Yukhnova, I. S. (2019b). Artistic Expression of Russian National-Cultural Concept of River in M. Yu. Lermontov's Works. *Nauchnyi dialog, 2:* 127—142. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-127-142. (In Russ.).

Ratsiburskaya, L. V. (ed.). (2018). *Sociocultural and pragmatic aspects of modern word-formation processes: a collective monograph.* Moscow: FLINTA; Nauka. 232 p. ISBN 978-5-9765-3801-6. (In Russ.).

Ruchina, L. I. (2018). Concept Liberal: semantic content in the national consciousness. National codes in language and literature. *Language and culture: a collection of articles based on the conference materials.* Nizhny Novgorod: DECOM. 244—249. ISBN 978-5-89533-397-6. (In Russ.).

Skovorodnikov, A. P. (2015). On semantic ambivalence of key words of modern Russian political discourse (based on the material of newspaper texts). *Political Linguistics, 2 (52):* 50—56. (In Russ.).

Skovorodnikov, A. P. (2016). *Ecology of the Russian language: monograph. Siberian Federal University, Institute of Philology and Language Communication.* Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publishing House. 385 p. ISBN 978-5-7638-3564-9. (In Russ.).

Trenina, V. S. (2021). Lexeme democracy in dictionaries and linguistic consciousness. In: *Comparative Studies 2021: Collection of scientific articles, 18.* Voronezh: RHYTHM. 144—146. (In Russ.).

Zakharova, O. V. (2020). Transformation of the concept of "democracy" in the annual presidential addresses to the Federal Assembly of the Russian Federation (2000—2018). *Political Science, 2:* 110—125. DOI: 10.31249/poln/2020.02.05. (In Russ.).

Zalevskaya, A. A. (1998). The meaning of the word and the possibilities of its description. In: *Linguistic consciousness: formation and functioning: Collection of articles / RAS, Institute of Linguistics.* Moscow: RAS, Institute of Linguistics. 35—54. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.01.2022,
одобрена после рецензирования 24.03.2022,
подготовлена к публикации 20.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Титаренко Е. Я. Аспектуальность и вариативность глагольных фразеологизмов в русском языке и речи / Е. Я. Титаренко, Ю. Ю. Балацкая // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 152—170. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-152-170.

Titarenko, E. Ya., Balatskaya, Yu. Yu. (2022). Aspectuality and Variability of Verbal Phraseological Units in Russian Language and Speech. *Nauchnyi dialog, 11(3):* 152-170. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-152-170. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-152-170

Аспектуальность и вариативность глагольных фразеологизмов в русском языке и речи

Титаренко Елена Яковлевна [1]
orcid.org/0000-0001-9712-6483
доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и культуры речи
elenatit@mail.ru

Балацкая Юлия Юрьевна [2]
orcid.org/0000-0003-4237-7474
преподаватель
кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин
balackaja.y@mail.ru

[1] Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

[2] Крымский филиал Краснодарского университета МВД России (Симферополь, Россия)

Aspectuality and Variability of Verbal Phraseological Units in Russian Language and Speech

Elena Ya. Titarenko [1]
orcid.org/0000-0001-9712-6483
Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Culture of Speech
elenatit@mail.ru

Yulia Yu. Balatskaya [2]
orcid.org/0000-0003-4237-7474
lecture
Department of Humanitarian and Socio-economic Disciplines
balackaja.y@mail.ru

[1] V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

[2] Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia (Simferopol, Russia)

© Титаренко Е. Я., Балацкая Ю. Ю., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются проблемы классификации глагольных фразеологизмов и их вариантов в русском языке. Представлены формализованные критерии разграничения фразеологических вариантов в зависимости от их синтаксической и деривационной структуры на примере русских глагольных фразеологизмов. Критерии основаны на грамматических признаках глаголов, выступающих стержневым компонентом фразеологических единиц, таких как вид и фазовость, с учетом теоретических положений современной славянской аспектологии о корреляции и деривации глаголов. Работа выполнена на стыке фразеологии и аспектологии, ее результаты имеют как теоретическое, так и практическое значение, в частности, для уточнения лексикографического описания русских глагольных фразеологизмов. Материалом для анализа послужили свыше 4000 глагольных фразеологизмов и более 10 000 актуальных контекстов, в которых употребляются эти фразеологизмы и их варианты. Авторы предложили критерии разграничения фразеологических вариантов (грамматических, лексико-грамматических и лексических) и фразеологических синонимов, основанные на морфологических признаках глаголов (семантика вида и фазовость), лексическом составе и синтаксической структуре фразеологизмов. Показана фазовая валентность и «креативный потенциал» глагольных фразеологизмов, служащий потенциальным источником пополнения фразеологического фонда русского языка.

Ключевые слова:
аспектология; фразеология; глагольные фразеологические единицы; фазовость; вариативность; фразеологические варианты.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the problems of classification of verb phraseological units and their variants in the Russian language. Formalized criteria for the differentiation of phraseological variants depending on their syntactic and derivational structure are presented on the example of Russian verbal phraseological units. The criteria are based on the grammatical features of verbs, which are the core component of phraseological units, such as aspect and phase, taking into account the theoretical provisions of modern Slavic aspectology on the correlation and derivation of verbs. The work was done at the intersection of phraseology and aspectology, its results have both theoretical and practical significance, in particular, for clarifying the lexicographic description of Russian verbal phraseological units. More than 4,000 verbal phraseological units and more than 10,000 actual contexts in which these phraseological units and their variants are used served as the material for the analysis. The authors proposed criteria for distinguishing phraseological variants (grammatical, lexico-grammatical and lexical) and phraseological synonyms based on the morphological features of verbs (the semantics of aspect and phase), lexical composition and syntactic structure of phraseological units. The phase valence and “creative potential” of verbal phraseological units are shown, which serves as a potential source of replenishment of the phraseological fund of the Russian language.

Key words:
aspectology; phraseology; verbal phraseological units; phase; variability; phraseological options.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’37+81’367.4

Аспектуальность и вариативность глагольных фразеологизмов в русском языке и речи

© Титаренко Е. Я., Балацкая Ю. Ю., 2022

1. Введение = Introduction

По остроумному замечанию В. М. Мокиенко, «в России последнее двадцатилетие можно без преувеличения назвать эпохой *Фразеологизации всей страны*» [Мокиенко, 2012, с. 59]. Причины этого ученый видит в «демократизации российского общества, раскрепощении от цензуры, вульгаризации речевого и литературного стандарта, расшатывании литературной нормы, слиянии языка средств массовой информации с речевым узусом и др.» [Там же]. Действительно, интерес к фразеологии растет. Научные исследования теоретических проблем русской фразеологии не прекращаются с 40-х годов XX века, с работ В. В. Виноградова. Уже достигнуты огромные успехи, см. историю вопроса в [Ломакина, 2019; Федуленкова, 2016 и др.], и тем не менее дискуссии по основополагающим вопросам классификации, разграничения, теоретического, лексикографического и функционального описания фразеологизмов не утихают. Актуальность темы обосновал сам В. М. Мокиенко: «В первую очередь, необходимы фронтальные **исследования функционирования ФЕ** в современной литературе, прессе и других средствах массовой информации … особое внимание следует уделить их речевым и авторским трансформациям, выявить закономерности и типологию фразеологических преобразований, а также стимулы, подталкивающие носителей языка к языковой игре и словесной креативности» [Мокиенко, 2012, с. 60]. Именно речевым и авторским трансформациям русских глагольных фразеологизмов, их описанию и классификации как с позиций фразеологии, так и с позиций аспектологии посвящена статья.

В числе «вечных» вопросов фразеологии на первом месте стоит проблема разграничения пословиц и поговорок, с одной стороны, пословиц и фразеологизмов, с другой стороны. Скажем, *чужими руками жар загребать; сваливать с больной головы на здоровую* — это пословицы или фразеологизмы? [Мокиенко, 2010, с. 9]. По В. И. Далю — пословицы, по современным словарям — фразеологизмы. А. И. Федоров делит весь фонд русских фразеологизмов на идиомы и фразеологические сочетания [Федоров, 2008, с. 6]. Е. Е. Иванов различает фразеологизмы и рекуррентные фразы, которым «могут приписываться семантические характеристики синонимичных им пословиц или фразеологизмов» [Иванов, 2019, с. 161].

CC BY

По определению, фразеологизмами являются семантически связанные сочетания «слов и предложений» [ЛЭС, с. 559]. *Идиомы* — это разновидности фразеологизмов, а «наибольшие споры вызывает включение во фразеологический состав пословиц, поговорок и крылатых слов» [Там же]. Дефиниция слова *паремия* в словаре отсутствует. Л. Б. Кацюба отмечает, что термин *паремия*, «синонимичный термину *пословица*, ни в одном из отечественных словарей не соотносится с понятием *идиома*, которое, по нашему мнению, необходимо обязательно рассматривать (наряду с фразеологизмом) в связи с определением лингвистической сущности паремии и ее места в структуре фразеологического знания» [Кацюба, 2013, с. 65—66].

Еще одна важная дискуссионная проблема — классификация и вариативность фразеологизмов, определение границ вариативности. Вариантность фразеологических единиц (далее — ФЕ) исследована в научной литературе; см. обзор в [Диброва, 1980; Ломакина, 2019; Федуленкова, 2014; Федуленкова, 2016; Хидирова, 2000; Шанский, 2012]. Описание вариантности ФЕ лингвисты осуществляют в трех направлениях: вариантности и инвариантности, вариантности и тождественности, вариантности и синонимии. Инвариантность при этом рассматривается как разного рода устойчивость, которая обеспечивает тождественность фразеологической единицы [Федуленкова, 2016, с. 80]. О. В. Ломакина под инвариантом понимает «исходный вид ФЕ, наиболее распространённый в языке и зафиксированный в лексикографии, под вариантом — ФЕ, структура или / и семантика которых модифицирована» [Ломакина, 2019, с. 174]. Мы соглашаемся с этим определением и принимаем его в качестве рабочего.

Традиционным является деление вариантов ФЕ на фонетические, лексические, морфологические, словообразовательные, синтаксические либо грамматические [Хидирова, 2000; Ломакина, 2019]. Так, Г. Н. Хидирова выделяет квантитативные, морфологические, лексические, лексико-грамматические (смешанные), словообразовательные, синтаксические, а также описывает комплексное варьирование ФЕ [Хидирова, 2000]. О. В. Ломакина делит фразеологические варианты на формальные — в их числе фонетические и морфемные (или словообразовательные), вслед за В. П. Жуковым, В. М. Мокиенко, А. И. Молотковым, — и семантические, характеризующиеся приобретением дополнительного смысла.

В статье предложены критерии разграничения фразеологических вариантов и синонимов на примере глагольных фразеологизмов с учетом теоретических позиций современной аспектологии. В славянской аспектологии корреляция и деривация глагола служат предметом изучения и дискуссий. Споры ведутся вокруг определения статуса видовой пары глаголов (является ли она коррелятивной или деривационной), а также граммати-

CC BY

ческого статуса аспектуально-деривационных процессов глагола (мутации и модификации). По этому вопросу существует необозримое количество публикаций, приведем лишь малую часть [Горбова, 2011; Горбова, 2017; Маслов, 2004; Петрухина, 2000, 2009; Ремчукова, 2004]. Наши позиции связаны с теорией имплицитной морфологии О. М. Соколова [Соколов, 2010], «креативного потенциала русской грамматики» [Ремчукова, 2016], теорией фазовой парадигматики русского глагола [Титаренко, 2011; Титаренко, 2019].

Статья посвящена проблеме вариативности и синонимии фразеологизмов, определению границ вариантности, выработке критериев разграничения собственно фразеологизмов, фразеологических вариантов (далее — ФВ) и синонимов. Наша цель — представить формализованные критерии разграничения глагольных ФЕ и ФВ в зависимости от их синтаксической и деривационной структуры.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили глагольные фразеологические единицы (далее — ГФЕ), выбранные из Словаря А. И. Федорова [Федоров, 2008], синтаксически не соотносимые с предложениями, такие как ***брать быка за рога; вешать собак*** *(на кого);* ***бегать с места на место*** и т. д. ФЕ типа ***Земля уходит из-под ног; Земля загорелась под ногами; Нашла коса на камень*** и т. п., включенные в Словарь, не рассматривались. Таким образом, картотека составляет 4145 ГФЕ, выявленных методом сплошной выборки.

Все фразеологизмы были классифицированы по наличию или отсутствию видовой пары у глагола — стержневого компонента (далее — СК). Следует заметить, что в вопросе видовой парности ГФЕ многие фразеологи не придают большого значения строго научному подходу, характерному для аспектологии. Так, А. И. Федоров пишет: «Грамматические варианты фразеологизма (т. е. обороты семантически адекватные, но имеющие грамматические отличия) находятся в одной словарной статье. Сюда относятся прежде всего видовые пары глагольных фразеологизмов, помещаемые на глаголы несовершенного вида: *выходить из терпения / выйти из терпения*. Если такие фразеологизмы в форме несовершенного вида глагола не употребляются, они располагаются только за глаголом совершенного вида: *в дураки вышел* — за словом *вышел*» [Там же, с. 4]. Здесь приводится пример видовой пары *выходить — выйти*, однако в словаре наряду с такими «правильными» видовыми парами, которых насчитывается 1895 (включая супплетивные пары), имеется 145 словарных статей, в которых фиксируются невидовые, деривационные пары глаголов-СК типа: *нести — поне-*

CC BY

сти чушь / околесицу; петь — пропеть с чужого голоса; петь — запеть с чужого голоса; шибать — шибануть в нос и т. п. [Федоров, 2008].

Среди ГФЕ, представленных в Словаре, насчитывается 1380 «непарных» по виду единиц со стержневым компонентом глаголом несовершенного вида (НСВ), таких как *хромать на обе ноги, ходить на голове, мыкать горе* и др., среди которых, однако, есть фразеологизмы с парным по виду глаголом НСВ, но, по данным словаря, не функционирующие с «законной» видовой парой, например: *вязать по рукам и ногам* (пара — *связать*); *уходить от ответа* (пара *уйти*); *набираться ума-разума* (пара *набраться*) и др.

Между тем речевая практика показывает, что это не совсем так, например: *Получить травму на вершине <…> это значит* ***связать по рукам и ногам*** *своих товарищей* (И. Черепов) [НКРЯ]; *По словам автора, эта часть «совсем короткая, но очень важная, рассказывающая о том, как* ***набраться ума-разума****»* (futurist.ru, 12.09.2021) [АА]. Таких примеров в нашей картотеке достаточное количество.

Из 870 «непарных» ГФЕ с глаголом-СК совершенного вида (далее — СВ), таких как *хватить лиха, воспрянуть духом, вздернуть нос* [Федоров, 2008], количество парных по виду глаголов-СК еще больше, чем в предыдущей группе, например: *бросить камешек в огород* (пара *бросать*); *вдохнуть душу* (пара *вдыхать*); *показать пример* (пара *показывать*); *спуститься <с небес> на землю* (пара *спускаться*); *спустить шкуру с кого* (пара *спускать*) и др. Контексты: *Я вспомнил, что в решительную минуту атаки командир должен быть впереди, должен* ***показывать пример*** (С. Голицын) [НКРЯ]; — *Вы начинаете неожиданно для меня* ***спускаться с небес на землю****!* (И. Ефремов) [Там же]; ***Спускать шкуру*** *с Рыбакова никто не пришел* (А. Приставкин) [Там же].

На следующем этапе исследования мы обратились к «живым» источникам русской речи, в которой эти фразеологизмы функционируют, с целью подтверждения или опровержения данных словаря по употреблению этих «непарных» ГФЕ именно в одном виде глагола — СВ или НСВ. Кроме того, мы искали все варианты словарных ГФЕ, которые употребляют носители языка, образуя производные глаголы-СК и создавая таким образом «новые» ГФЕ, как, например: ***держать в узде*** *— удержать в узде, подержать в узде, продержать в узде*; ***бить тревогу*** *— забить тревогу, пробить тревогу, отбить тревогу* и под. С этой целью было проанализировано более 10 000 контекстов, выбранных из Национального корпуса русского языка, интернет-источников, текстов СМИ и художественной литературы.

В работе были использованы методы анализа словарных дефиниций, валентностного, дистрибутивного, компонентного и контекстуального анализа.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В настоящее время в научной литературе проблема вариативности фразеологизмов рассматривается, как правило, отдельно для плана выражения и для плана содержания: в плане выражения (формальном) выделяются лексические, морфологические, синтаксические, квантитативные и др. варианты; в плане содержания (семантическом) — лексико-семантические и функциональные варианты [Федуленкова, 2016, с. 89].

3.1. Вариативность, аспектуальность и фазовость ГФЕ

ФВ — это «разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе или различающиеся словоформами или порядком слов» [Там же, с. 90]. На этом основании Т. Н. Федуленкова выделяет лексические варианты с взаимозаменяемыми глагольными / субстантивными / адъективными / препозитивными компонентами; грамматические варианты, отличающиеся в морфологическом, синтаксическом или морфолого-синтаксическом отношении; квантитативные варианты, которые различаются количеством компонентов [Fedulenkova 2003, с. 11—22], а также комплексные варианты [Федуленкова, 2016, с. 90—97].

А. И. Федоров называет ГФЕ, в которых глагол-СК имеет видовую пару и ГФЕ употребляется в речи с каждым членом видовой пары, грамматическими вариантами. И это совершенно справедливо, поскольку глаголы в видовой паре, по определению, имеют единую лексическую семантику и различаются только грамматической семантикой вида.

О. В. Ломакина, анализируя фразеологизмы в идиостиле Л. Н. Толстого, приводит следующие примеры ФВ: *Косить, пахать, это* ***всё из рук не вывалится*** (Л. Н. Толстой) в сравнении с ***валиться из рук****;* Хорошо *бы так, да* ***не выйдет так дело*** (Л. Н. Толстой) в сравнении с ***дело не пойдет*** — и считает их морфемными или словообразовательными вариантами, возникшими «за счёт варьирования приставок в глагольных компонентах ФЕ» [Ломакина, 2019, с. 182]. А варианты … *один я и не с кем мне моего* ***горя размыкать*** (Л. Н. Толстой) в сравнении с ФЕ ***мыкать горе*** или ***забрала себе в голову****: я, говорит, хозяйка* (Л. Н. Толстой) в сравнении с ***брать / взять в голову*** автор классифицирует как семантическое варьирование, поскольку ФЕ может приобретать «дополнительный семантический оттенок в контексте» [Ломакина, 2019, с. 183]. Наше отношение к этой классификации выскажем позже, здесь же заметим, что во всех случаях фразеологические варианты образованы деривационно: замена пре-

CC BY

фикса у глагола приводит к изменению его лексического и грамматического — видового — значения (кроме *пойти — выйти,* где вид глагола не изменился).

Известно, что в славянских языках глагольная аффиксация имеет «грамматические последствия — изменение вида глагола: имперфективацию и перфективацию», в связи с чем «внутриглагольная деривация в славистике традиционно изучается и описывается с двух точек зрения: грамматико-аспектуальной (в связи с видовой парностью и СГД) и словообразовательной» [Петрухина, 2000, с. 107]. Наша позиция изложена в [Титаренко, 2011, с. 54—62], кратко суть ее заключается в следующем.

В глагольном словообразовании различаются механизмы корреляции и деривации: глаголы в видовых парах традиционно считаются коррелятами, имеющими общее лексическое значение и различающиеся только грамматическим значением вида (спорным до сих пор остается вопрос о том, являются ли эти глаголы словоформами либо разными лексемами).

Деривацию в словообразовании подразделяют на модификационную и мутационную, в первом случае образуются слова одной части речи (*прыгать — запрыгать*, здесь префикс вносит дополнительную семантику начала процесса), во втором дериват обозначает новый феномен действительности и обычно относится к другой части речи, например: *прыгать — прыгун*.

В славянской аспектологии последних десятилетий принято рассматривать деривационную парадигму русского глагола так: в центре видовая пара (*решать — решить; найти — находить, делать — сделать*), затем префиксально-суффиксальные модификации, называемые способами действия (*кричать — закричать, делать — доделать, шагать — шагнуть*), дальше располагаются однокоренные «новые» лексемы — мутации. Так, «*перекричать (кого-либо), отсидеть (ногу), прогулять (лекцию)*» — это мутации, а «*кричать — закричать, покричать, откричать, прокричать, накричаться, докричаться до кого-либо* и т. п.» — это модификации [Петрухина, 2000, с. 114]. Как способы глагольного действия рассматриваются только «фазисно-временные, результативные и оценочные модификации (в отличие от пространственных)» [Петрухина, 2009, с. 109].

Исследуя имплицитные аспектуальные категории, в первую очередь лексико-грамматическую категорию фазовости, мы выявили скрытые фазовые инварианты во внутриглагольной деривации и описали фазовую парадигму русского глагола, куда входят корреляты и аффиксальные дериваты первичного глагола, находящиеся с ним на первой ступени словообразования [Титаренко, 2011, 2019]. Важным условием возникновения фазовых отношений между дериватами является их принадлежность к раз-

CC BY

ным видам (НСВ / СВ). Таким образом, каждый этап деривации, который приводит к изменению вида глагола, сопровождается возникновением фазовых отношений, которые, согласно теории фазовости О. М. Соколова, распределяются по следующим типам: *начинательно-процессные*, *процессно-завершительные* (сюда включаются и результативные, и финитивные, и *процессно-ограничительные* отношения, поскольку ограничение процесса временными рамками также приводит к его завершению) и *однократно-многократные* [Соколов, 2010]. А именно:

— НАЧАЛО — ПРОЦЕСС: *побежать — бежать; заговорить — говорить; понять — понимать*;

— ПРОЦЕСС — КОНЕЦ ПРОЦЕССА: *бежать — добежать; говорить — отговорить; вырастать — вырасти*;

— ПРОЦЕСС — ОГРАНИЧЕНИЕ ПРОЦЕССА: *плавать — поплавать; плавать проплавать (2 часа); работать — проработать (всю жизнь);*

— ОДНОКРАТНОСТЬ — ПОВТОРЯЕМОСТЬ ПРОЦЕССА: *случиться — случаться; подпрыгнуть — подпрыгивать; шагнуть — шагать*.

Являются ли производные глаголы, входящие в одну фазовую парадигму, м у т а ц и я м и или м о д и ф и к а ц и я м и исходного глагола и насколько важно это различать? Поскольку классификация вариантов ГФЕ не зависит от ответа на этот вопрос, мы в данной статье не будем останавливаться на нем подробно. Заметим только, что, подходя к фразеологическим вариантам с позиций аспектологии, мы рассматриваем каждый производный глагол — СК как самостоятельную лексему и, следовательно, весь фразеологизм с этим СК как самостоятельную единицу.

Описывая «креативные явления в области категории вида» глагола, Е. Н. Ремчукова констатирует их проявление во всех звеньях аспектуальности и перечисляет более 10 разновидностей процессов видообразования [Ремчукова, 2016, с. 118—120], она особо описывает аспектуальное расширение идиом. Автор отмечает «угасание глагольности» в некоторых ГФЕ, в которых происходит десемантизация и утрата основных грамматических значений глагола (*как пить дать, пиши пропало* и др.), и, наоборот, «живую» глагольность в большинстве ГФЕ, проявляющуюся в способности глагола «образовывать видовую пару и некоторые способы глагольного действия» [Там же, с. 120], например: *плевать — плюнуть — наплевать в душу*.

Проанализированный материал показал, что многие аффиксальные дериваты глагола — опорного слова фразеологизма — также становятся СК функционирующих в речи носителей языка «новых» фразеологизмов, например: ***воплощать** в жизнь — **повоплощать** в жизнь*; ***носить** на руках — **проносить** на руках* (всю жизнь); ***валять** дурака — **свалять** дурака; **завалять** дурака* (в значении ‘начать валять дурака’); ***держать***

CC BY

в узде *—* ***удержать*** *в узде,* ***подержать*** *в узде,* ***продержать*** *в узде*; ***бить*** *тревогу —* ***забить*** *тревогу*, ***пробить*** *тревогу* (в значении ‘один раз’), ***отбить*** *тревогу* (в значении ‘окончания процесса’) и мн. др. Например: *Ну а потом у меня было много времени, чтобы* ***повоплощать в жизнь*** *все свои мечты, включая и эту* (А. Ефимов // samlib.ru, 12.09.2021) [АА]; *Он готов меня всю жизнь* ***проносить на руках»***; (Universetalking, 12.09.2021) [Там же]; *— Конферансье устало вздохнул, быстро отделался от прописанного «экшена» и привычно* ***завалял дурака*** (Б. Рынска, 2007 // iz.ru, 12.09.2021) [Там же]; *Беда не приходит одна, и Малыгин утешался только тем, какого* ***дурака свалял*** *Еграшка-модник, попавший, как кур во щи* (Д. Мамин-Сибиряк // mamin-sibiryak.lit-info.ru, 12.09.2021) [Там же]; *Кажется, на этот раз эмоции* ***удержать в узде*** *не удалось* (А. Ольховская // kartaslov.ru, 12.09.2021) [Там же]; *<…> эти венценосные особи, спят и видят как, имея баснословные наворованные состояния, подольше* ***подержать в узде*** *народ* (Ю. Мясников // maxpark.com›community, 15.09.2021) [Там же]; *Двадцать четыре часа я сумею* ***продержать*** *его* ***в узде*** (Н. Робертс // nora-roberts.pp.ua, 15.09.2021) [Там же]; *Каждого из этих фактов было бы достаточно, чтобы* ***забить тревогу*** (Б. Вахтин) [НКРЯ]; *Фельдфебель!* ***Пробить тревогу****. Роту поднять, битое стекло подобрать, вынести за речку подальше* (С. Мстиславский) [Там же].

Итак, русские глаголы НСВ называют процесс, потенциально способный к фазовой членимости, а глаголы СВ обозначают реализованные фазовые пределы (*начало, конец* — совпадающий с результатом, внутренним пределом или иными специальными характеристиками — *ограничение* процесса (внешний временной предел) либо его *однократность / единичность*). Фазовость релятивна и проявляется не в изолированном употреблении глагола, а в сопоставлении мотивационно связанных глаголов противоположного вида (теория фазовости и описание ее как лексико-грамматической категории русского глагола изложена в [Соколов, 1988, 2010; Титаренко, 2011]). Кроме того, русские глаголы НСВ имеют аналитические формы выражения фазовости — сочетание инфинитива с фазовыми глаголами: *начал петь; стану говорить; перестали играть; продолжаем изучать* и т. п.

Эти грамматические свойства стержневого глагола проявляются и во фразеологизме: ГФЕ также обладают фазовой валентностью и фазовой парадигматикой, а ГФЕ с глаголом несовершенного вида аналитически передают семантику фазовости, легко сочетаясь с фазовыми глаголами.

Анализ фазовости глагольных фразеологизмов и устойчивых глагольно-именных словосочетаний в русском языке впервые предприняла Т. В. Ларина [Ларина, 1988; Ларина, 1990]. Продолжая и развивая это научное направление на основе теории фазовой парадигматики глагола [Ти-

таренко, 2011], мы выявили фазовую валентность русских ГФЕ [Балацкая, 2018]. Доказано, что новые фразеологизмы, производные от словарной ГФЕ путем внутриглагольной деривации, группируются вокруг этой единицы и составляют парадигму фазовости, например: ГФЕ ***«плясать под дудку** чью»* (‘во всем безоговорочно подчиняться кому-либо; поступать так, как угодно кому-либо’ [Федоров, 2008, с. 475]) с непарным глаголом НСВ имеет в речи варианты ***заплясать под дудку***, ***сплясать под дудку***, ***поплясать под дудку***, ***отплясать под дудку*** с глаголами СВ.

Между глаголами *заплясать — плясать* возникают начинательно-процессные отношения. ГФЕ ***«заплясать под дудку»*** называет начало процесса, а ГФЕ ***«плясать под дудку»*** сам процесс. Например: *Международный суд в Гааге **заплясал** под палестинскую **дудку*** (rabota.co.il›закони-право›10211, 15.09.2021) [АА] → *Такой ничего с вами не сделает, будет **под** вашу **дудку плясать*** (‘процесс’)*, пока его не выгонят, как Степана Ивановича* (В. Закруткин) [Федоров, 2008, с. 475].

Между глаголами *плясать — сплясать* проявляются процессно-завершительные отношения, тогда как между ГФЕ с этими СК возникают отношения однократности / многократности. Ср.: *Можно остаться в меньшинстве <…> и занять ту позицию, которая возмущает это самое агрессивное большинство <…> **плясать под** свою **дудку*** (‘постоянно’) (smartpowerjournal.ru, 12.09.2021) [АА]. ↔ *И ты заставишь всемогущую Судьбу **сплясать под** твою **дудку*** (‘однократно’)! (rulit.me, 12.09.2021) [Там же].

Между глаголами *плясать — поплясать* проявляются процессно-ограничительные отношения. ГФЕ ***«плясать под дудку»*** тоже называет процесс, а ГФЕ ***«поплясать под дудку»*** — ограничение этого процесса, то есть его завершение, не связанное с результатом. Ср.: *Не захотели студенты петь и **плясать под дудку*** (‘процесс’) *начальства* (В. Селезнев) [НКРЯ]. → *— Расти и вырастай, если можешь, и заставь вон тех господ хороших **поплясать под** свою **дудку*** (‘какое-то время’)*, — сказал он <…>* (Г. Андерсен, az.lib.ru, 12.09.2021) [АА].

ГФЕ со стержневым компонентом-глаголом СВ *отплясать* может обозначать финитивность процесса, то есть между этой ГФЕ и исходным фразеологизмом возникают процессно-завершительные отношения. Ср.: *Она выходит на подмостки не для того, чтобы **плясать под** чужую **дудку*** (‘процесс’) (Г. Бурков) [НКРЯ]. → *В подобной обстановке мне случалось выступать тысячи раз, <…> я давно уже **отплясал** под чужую **дудку*** (=‘закончил плясать’) (kartaslov.ru, 12.09.2021) [АА].

Таким образом, ГФЕ обладают фазовой валентностью и фазовой парадигматикой, что выражается в структурировании фразеологических вариантов (мотиватов) вокруг исходной ГФЕ (мотиватора). ГФЕ ***«плясать под***

CC BY

дудку» имеет полную четырехстороннюю парадигму (рис. 1), в которой выражены все пределы фазовости.

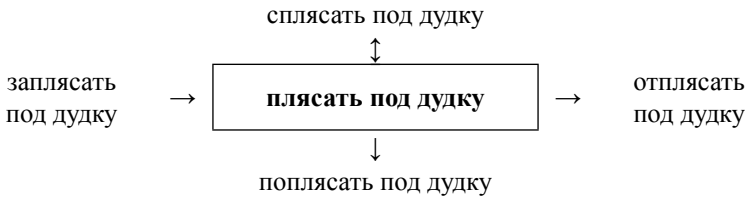

Рис. 1. Фазовая парадигма ГФЕ *плясать под дудку*

3.2. Критерии разграничения вариантов ГФЕ

Опираясь на формально-аспектуальные характеристики глагола-СК, мы выработали критерии разграничения ГФЕ на *грамматические*, *лексико-грамматические* и *лексические* варианты. А именно:

— если стержневыми компонентами ГФЕ являются глаголы, составляющие видовую пару (в том числе супплетивную), то это грамматические варианты. Грамматические варианты различаются только грамматическим значением (в нашем случае — видом глагола) при абсолютном тождестве лексической семантики. Примеры: *брать / взять быка за рога; вводить / ввести в курс; вносить / внести свою лепту* и т. п. Это коррелятивные пары глаголов и, следовательно, грамматические варианты ГФЕ;

— если стержневым компонентом ГФЕ являются дериваты, находящиеся на первой ступени словообразования, то есть прямые мотиваты, происходит изменение лексической семантики (мутация либо модификация) и грамматического значения (вид глагола, однако, изменяется не всегда: от глаголов СВ префиксальным способом образуются также глаголы СВ, например, *сдать — пересдать, купить — скупить* и т. п.), возникают лексико-грамматические варианты, например: *катиться / покатиться по наклонной плоскости; крутить / закрутить роман; жить / пожить / прожить своим умом; кормить / накормить / закормить / прокормить / покормить обещаниями* и т. п.;

— если же СК двух ГФЕ являются разные глаголы (глаголы-синонимы), но сохранена внутренняя форма и синтаксическая структура фразеологизма, можно говорить о лексических вариантах, например: *закручивать гайки — завинчивать гайки; закидывать удочки — забрасывать удочки; кидать каменья в огород — бросать камни (в чужой огород)*. Такие ГФЕ находятся на периферии вариативности, которая граничит с синонимией, когда при сходстве внутренней формы, образа, глагол-СК один и тот же, а разными являются другие компоненты: *катиться*

CC BY

по наклонной плоскости / катиться по скользкой дорожке. В этих ГФЕ глагол-СК сочетается с разными существительными и / или другими зависимыми словами во фразеологизме, каждое из которых вносит свою дополнительную семантику, например: «***бровью не ведёт; ухом не ведёт; глазом не ведёт; усом не ведёт; носом не ведёт*** имеют общее значение ‘не обращает никакого внимания, не реагирует на что-либо’» [Мокиенко, 1980, с. 8]. Слова *бровью, глазом, ухом* и др., как отмечает В. М. Мокиенко, «вносят смысловые различия в содержание оборота: *ухом не ведёт* — не обращает внимание на услышанное; *глазом не ведёт* — не обращает внимание на увиденное; *бровью не ведёт* — совсем не реагирует» [Там же].

Фразеологическими синонимами являются ГФЕ, у которых различаются все компоненты: как глагол-СК, так и связанные с ним слова, отличается и внутренняя форма фразеологизма, но имеется общая сема (как у лексических синонимов), например, синонимический ряд *«оставлять / оставить без внимания что; смотреть (глядеть) / посмотреть сквозь пальцы на что (неодобр.); в упор не видеть кого, что; закрывать глаза на что (неодобр.); пропускать сквозь пальцы что (устар.); пройти мимо чего; пропускать / пропустить мимо ушей что; не брать в голову»* имеет общее значение ‘намеренно не обращать внимание’ [СФСРЯ].

В свете сказанного рассмотрим примеры О. В. Ломакиной из произведений Л. Н. Толстого, о которых шла речь в начале статьи (табл. 1).

Таблица 1

Фразеологизм из текста Л. Н. Толстого	**Словарный фразеологизм**	**Классификация и комментарий О. В. Ломакиной**
это всё ***из рук не вывалится***	*валиться из рук*	морфемные (словообразовательные) варианты, возникшие «за счёт варьирования приставок в глагольных компонентах ФЕ» [Ломакина, 2019, с. 182]
не выйдет *так* ***дело***	*дело не пойдет*	
не с кем мне моего ***горя размыкать***	*мыкать горе*	семантическое варьирование, поскольку ФЕ может приобретать «дополнительный семантический оттенок в контексте» [Там же, с. 183]
забрала *себе* ***в голову***	*брать / взять в голову*	

ГФЕ ***валиться из рук — вывалиться из рук; мыкать горе — размыкать горе; брать в голову — забрать*** *(себе)* ***в голову*** являются *лексико-грамматическими вариантами*, в них глаголы-СК формально различаются наличием / отсутствием префикса, в результате чего производный глагол имеет собственную семантику и грамматически относится к другому виду. Никакого «варьирования приставок» в глагольных компонентах нет, глаголы не являются вариантами, это полнозначные лексемы. «Допол-

CC BY

нительный семантический оттенок», точнее, изменение семантики (мутация или модификация) глагола происходит на каждом этапе внутриглагольной деривации, поскольку глагольные аффиксы в русском языке имеют собственное значение. ГФЕ ***дело не пойдет — дело не выйдет*** являются *лексическими вариантами*.

4. Заключение = Conclusions

Критерии разграничения паремий и фразеологизмов, фразеологизмов и рекуррентных слов, фразеологических вариантов и синонимов должны быть максимально ясными и опирающимися, по возможности, на формальные признаки: грамматические и семантические; деривационную и синтаксическую структуру и т. п.

Синтаксическая структура может служить формальным критерием разграничения фразеологизмов, пословиц и поговорок, а именно: ФЕ преимущественно являются краткими или развернутыми словосочетаниями в отличие от пословиц и поговорок, которые представлены простыми или сложными предложениями. С другой стороны, возникает вопрос: являются ли фразеологическими единицами лексемы-словоформы типа ***в честь; по чести; к чести; про что***; ***ни за что; по адресу; с азов; в ажуре*** и т. п. Таких словарных статей довольно много в словаре А. И. Федорова [Федоров, 2008]. Фразеологизмами же, по определению, являются семантически связанные сочетания «слов и предложений» [ЛЭС, с. 550], а не отдельные слова (лексемы). Таким образом, одна лексема с предлогом или без предлога (***бегать от; в бегах; не ахти***), прецедентное имя (***Баба-Яга; Сорви-Башка; Сорви-Голова***), по нашему убеждению, фразеологизмами не являются.

С помощью формально-аспектуального критерия, основанного на принципах корреляции и деривации глаголов, мы выделяем грамматические, лексико-грамматические и лексические варианты ГФЕ. Лексические варианты находятся на периферии вариантности и граничат с фразеологической синонимией (табл. 2).

Таблица 2

Грамматические варианты	**Лексико-грамматические варианты**	**Лексические варианты**	**Синонимы**
задирать нос / задрать нос	*задирать нос — позадирать нос*	*задирать нос — подымать нос; поднимать нос*	*задирать нос — поднимать хвост; подымать хвост*
сживать / сжить со света (со свету)	—	сживать / сжить со света — сводить / свести со света	сживать / сжить со света — вгонять / вогнать в гроб

В «живой» русской речи насчитывается намного больше фразеологических вариантов ГФЕ, чем зафиксированных в словарях исходных фразеологизмов. Эти варианты образованы носителями языка путем внутриглагольной деривации с целью усиления экспрессивности, выражения фазовых пределов (в первую очередь — начинательности и ограничительности процесса) и т. д., что свидетельствует о «попытках обращения к фразеологии как одному из мощных творческих ресурсов языковой системы» [Мокиенко, 2012, с. 60].

Перспективами исследования являются классификация вариантов ГФЕ и установление зависимости их деривационно-фазовой валентности от степени спаянности компонентов; описание потенциальных и окказиональных видовых коррелятов и дериватов глаголов-СК, образующих новые варианты ГФЕ; составление словаря фазовых парадигм русских глагольных фразеологизмов.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* авторов.

2. ЛЭС — *Лингвистический* энциклопедический словарь / Институт языкознания АН СССР ; Гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — 682 с. — ISBN 5-85270-031-2.

3. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://ruscorpora.ru/index.html (дата обращения 12.09.2021).

4. СФСРЯ — *Словарь* фразеологических синонимов русского языка / А. К. Бирих, В. Н. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. Н. Мокиенко. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. — 448 с. — ISBN 5-17-011734-5.

Литература

1. *Балацкая Ю. Ю.* Морфологические признаки русских глагольных фразеологизмов / Ю. Ю. Балацкая // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. — 2018. — Т. 4 (70). — № 4. — С. 139—153.

2. *Горбова Е. В.* Видовая парность русского глагола : проблемы и решения / Е. В. Горбова // Вопросы языкознания. — 2011. — № 4. — С. 20—45.

3. *Горбова Е. В.* Русское видообразование : словоизменение, словоклассификация или набор квазиграммем? (Еще раз о болевых точках русской аспектологии) / Е. В. Горбова // Вопросы языкознания. — 2017. — № 1. — С. 24—52. — DOI: 10.31857/s0373658x0000947-0.

4. *Диброва Е. И.* Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке : диссертация … доктора филологических наук : 10.02.01 / Е. И. Диброва. — Ростов-на-Дону, 1980. — 389 с.

5. *Жуков В. П.* Русская фразеология / В. П. Жуков, А. В. Жуков. 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Высшая школа, 2006. — 408 с. — ISBN 5-06-005399-76.

6. *Иванов Е. Е.* О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке / Е. Е. Иванов // Русистика. — 2019. — Т. 17. — № 2. — С. 157—170. — DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170.

CC BY

7. *Кацюба Л. Б.* Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции) / Л. Б. Кацюба // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2013. — Т. 10. — № 1. — С. 65—67.

8. *Ларина Т. В.* Устойчивые глагольно-именные словосочетания, выражающие фазовые значения : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Т. В. Ларина. — Москва, 1990. — 16 с.

9. *Ларина Т. В.* Фазовая характеристика глагольных фразеологизмов в аспекте преподавания русского языка как иностранного / Т. В. Ларина // Коммуникативно-функциональное описание русского языка как иностранного : сборник научных трудов. Москва : Издательство УДН, 1988. — С. 16—24.

10. *Ломакина О. В.* Фразеология в тексте : функционирование и идиостиль : монография ; под ред. В. М. Мокиенко / О. В. Ломакина. — Москва : Российский университет дружбы народов, 2018. — 341 с. — ISBN 978-5-209-08853.

11. *Маслов Ю. С.* Избранные труды : Аспектология : Общее языкознание / Ю. С. Маслов. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 840 с. — ISBN 5-94457-187-X.

12. *Мокиенко В. М.* Жизнь русской фразеологии в современной речи / В. М. Мокиенко // Вестник КемГУ. — 2012. — № 4 (52). — Т. 4. — С. 59—62.

13. *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология : учебное пособие для филол. спец. ун-тов / В. М. Мокиенко. — Москва : Высшая школа, 1980. — 207 с.

14. *Мокиенко В. М.* Современная паремиология (лингвистические аспекты) / В. М. Мокиенко // Мир русского слова. — 2010. — № 3. — С. 6—20.

15. *Петрухина Е. В.* Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками / Е. В. Петрухина. — Москва : Издательство Московского университета, 2000. — 256 с. — ISBN 5-211-04236-0.

16. *Петрухина Е. В.* Русский глагол : категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований) : учебное пособие [для студентов, магистрантов и аспирантов филологических факультетов университетов] / Е. В. Петрухина. — Москва : МАКС Пресс, 2009. — 208 с. — ISBN 978-5-317-02762-9.

17. *Ремчукова Е. Н.* Креативный потенциал русской грамматики : монография / Е. Н. Ремчукова. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2016. — 224 с. — ISBN 978-5-397-05106-4.

18. *Ремчукова Е. Н.* Морфология современного русского языка : Категория вида глагола : учебное пособие [для студентов-филологов] / Е. Н. Ремчукова. — Москва : Флинта : Наука. 2004. — 136 с. — ISBN 5-89349-565-9.

19. *Русская* грамматика : в 2-х тт. / [гл. ред. Н. Ю. Шведова]. — Москва : Наука, 1980. — Т. 1. — 784 с.

20. *Соколов О. М.* Имплицитная морфология русского языка : монография. — 2-е изд., испр. и доп. — Нежин : Гідромакс, 2010. — 184 с. — ISBN 978-966-2259-05-6.

21. *Соколов О. М.* Семантика категории фазовости в русском языке / О. М. Соколов // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. — 1988. — Т. 47. — № 6. — С. 539—549.

22. *Титаренко Е. Я.* Имплицитная аспектология русского глагола : монография / Е. Я. Титаренко. — Симферополь : АРИАЛ, 2019. — 324 с. — ISBN 978-5-907162-88-4.

23. *Титаренко Е. Я.* Категория фазовости и вид русского глагола : монография / Е. Я. Титаренко. — Симферополь : Доля, 2011. — 368 с. — ISBN 978-966-366-534-4.

24. *Федуленкова Т. Н.* Вариантность редуцированного деривата коммуникативной фразеологической единицы как показатель тождества ФЕ (на материале совр. англ. яз.) /

Т. Н. Федуленкова // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). — 2014. — № 9. — Том 2. — С. 140—144.

25. *Федуленкова Т. Н.* Проблема варианта фразеологизма как компонента фразеологической модели (на материале английского, немецкого и шведского языков) / Т. Н. Федуленкова // Современная фразеология : тенденции и инновации : монография [Алефиренко Н. Ф. и др.]. — Москва, Санкт Петербург, Брянск : Новый проект, 2016. — С. 74—106. — ISBN 978-5-9908370-0-3.

26. *Фёдоров А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Федоров. 3-е изд., испр. — Москва : Астрель : АСТ, 2008. — 878 с. — ISBN 978-5-17-049014-1.

27. *Хидирова Г. Н.* Вариантность фразеологических единиц (на материале фразеологических словарей русского языка) : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Г. Н. Хидирова. — Ташкент, 2000. — 22 с.

28. *Шанский Н. М.* Фразеология современного русского языка : учебное пособие / Н. М. Шанский. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2012. — 272 с. — ISBN 9785397023184.

29. *Fedulenkova T.* A new approach to the clipping of communicative phraseological units / T. Fedulenkova // Ranam : recherches anglaises et nord-américaines : European Society for the Study of English : ESSE 6. Strasbourg 2002 / Ed. P. Frath & M. Rissanen. — Strasbourg : Université Marc Bloch, 2003. — Vol. 36. — Pp. 11—22.

Material resources

Archive of authors. (In Russ.).

Mokienko, V. N. (ed.). (2009). *Dictionary of phraseological synonyms of the Russian language.* Moscow: AST-PRESS BOOK. 448 p. ISBN 5-17-011734-5. (In Russ.).

National Corpus of the Russian language. Available at: http://ruscorpora.ru/index.html (accessed 12.09.2021). (In Russ.).

Yartsev, V. N. (ed.). (1990). *Linguistic Encyclopedic Dictionary / Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences.* Moscow: Soviet Encyclopedia. 682 p. ISBN 5-85270-031-2. (In Russ.).

References

Balatskaya, Yu. Yu. (2018). Morphological signs of Russian verbal phraseological units. *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences. Scientific Journal, 4 (70) / 4:* 139—153. (In Russ.).

Dibrova, E. I. (1980). *Variation of phraseological units in modern Russian.* Doct. Diss. Rostov-on-Don. 389 p. (In Russ.).

Fedorov, A. I. (2008). *Phraseological Dictionary of the Russian literary language: approx. 13,000 phraseological units. 3rd ed., ispr.* Moscow: Astrel: ACT. 878 p. ISBN 978-5-17-049014-1. (In Russ.).

Fedulenkova, T. (2003). A new approach to the clipping of communicative phraseological units. In: *Ranam: recherches anglaises et nord-américaines: European Society for the Study of English: ESSE 6. Strasbourg 2002, 36.* Strasbourg: Université Marc Bloch. 11—22.

Fedulenkova, T. N. (2014). Variation of the reduced derivative of a communicative phraseological unit as an indicator of the identity of the FE (based on the material of the modern English). *European Social Science Journal (European Journal of Social Sciences), 9 (2):* 140—144. (In Russ.).

Fedulenkova, T. N. (2016). The problem of the variant of phraseology as a component of the phraseological model (based on the material of English, German and Swedish languages). In: *Modern phraseology: trends and innovations: monograph.* Moscow, St. Petersburg, Bryansk: New Project. 74—106. ISBN 978-5-9908370-0-3. (In Russ.).

Gorbova, E. V. (2011). The specific pairing of the Russian verb: problems and solutions. *Questions of linguistics, 4:* 20—45. (In Russ.).

Gorbova, E. V. (2017). Russian speciation: word modification, word classification or a set of quasi-grammars? (Once again about the pain points of Russian aspectology). *Questions of linguistics, 1:* 24—52. DOI: 10.31857/s0373658x0000947-0. (In Russ.).

Hidirova, G. N. (2000). *Variation of phraseological units (based on the material of phraseological dictionaries of the Russian language).* Author's abstract of PhD Diss. Tashkent. 22 p. (In Russ.).

Ivanov, E. E. (2019). On the recurrence of aphoristic units in the modern Russian language. *Rusistika, 17 (2):* 157—170. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170. (In Russ.).

Katsyuba, L. B. (2013). Definition of paremia (linguistic aspect of definition). *Bulletin of SUSU. The series "Linguistics", 10 (1):* 65—67. (In Russ.).

Larina, T. V. (1988). Phase characteristics of verbal phraseological units in the aspect of teaching Russian as a foreign language. In: *Communicative and functional description of the Russian language as a foreign language: A collection of scientific papers.* Moscow: UDN Publishing House. 16—24. (In Russ.).

Larina, T. V. (1990). *Stable verb-nominal phrases expressing phase meanings.* Author's of PhD Diss. Moscow. 16 p. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2018). *Phraseology in the text: functioning and idiostyle: monograph.* Moscow: People's Friendship University of Russia. 341 p. ISBN 978-5-209-08853. (In Russ.).

Maslov, Yu. S. (2004). *Selected works: Aspectology: General Linguistics.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 840 p. ISBN 5-94457-187-X. (In Russ.).

Mokienko, V. M. (1980). *Slavic phraseology: a textbook for philology. spec. un-tov.* Moscow: Higher School. 207 p. (In Russ.).

Mokienko, V. M. (2010). Modern paremiology (linguistic aspects). *The world of the Russian word, 3:* 6—20. (In Russ.).

Mokienko, V. M. (2012). The life of Russian phraseology in modern speech. *Bulletin of KemGU, 4 (52) / 4:* 59—62. (In Russ.).

Petrukhina, E. V. (2000). *Aspectual categories of the verb in the Russian language in comparison with Czech, Slovak, Polish and Bulgarian languages.* Moscow: Moscow University Press. 256 p. ISBN 5-211-04236-0. (In Russ.).

Petrukhina, E. V. (2009). *Russian verb: categories of type and time (in the context of modern linguistic research): textbook [for students, undergraduates and postgraduates of philological faculties of universities].* Moscow: MAKS Press. 208 p. ISBN 978-5-317-02762-9. (In Russ.).

Remchukova, E. N. (2004). *Morphology of the modern Russian language: The category of the verb type.* Moscow: Flinta: Nauka. 136 p. ISBN 5-89349-565-9. (In Russ.).

Remchukova, E. N. (2016). *The creative potential of Russian grammar: a monograph.* Moscow: LIBROCOM. 224 p. ISBN 978-5-397-05106-4. (In Russ.).

Shansky, N. M. (2012). *Phraseology of the modern Russian language: textbook. Ed. 6th.* Moscow: LIBROCOM. 272 p. ISBN 9785397023184. (In Russ.).

Shvedova, N. Y. (ed.). (1980). *Russian grammar: in 2 volumes, 1.* Moscow: Nauka. 784 p. (In Russ.).

Sokolov, O. M. (1988). Semantics of the category of phase in the Russian language. *Bulletin AN SSSR. Department of Literature and Language, 47 (6):* 539—549. (In Russ.).

Sokolov, O. M. (2010). *Implicit morphology of the Russian language: monograph.* Nezhyn: Gidromaks. 184 p. ISBN 978-966-2259-05-6. (In Russ.).

Titarenko, E. Ya. (2011). *The category of phase and the type of the Russian verb: monograph.* Simferopol: Dolya. 368 p. ISBN 978-966-366-534-4. (In Russ.).

Titarenko, E. Ya. (2019). *Implicit aspectology of the Russian verb: monograph.* Simferopol: ARIAL. 324 p. ISBN 978-5-907162-88-4. (In Russ.).

Zhukov, V. P., Zhukov, A. V. (2006). *Russian phraseology.* Moscow: Higher School. 408 p. ISBN 5-06-005399-76. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 24.11.2021,
одобрена после рецензирования 12.02.2022,
подготовлена к публикации 20.04.2022.

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА
MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Валентина Борисовна Шавлюк, канд. филол. наук (Нижний Новгород)
Екатерина Сергеевна Радионцева, канд. филол. наук (Омск)
Марина Александровна Гладко, канд. филол. наук (Минск, Беларусь)
Мария Анатольевна Дубовицкая, канд. филол. наук (Москва)
Мохаммед Абдель Фаттах Махмуд Абу эль-Иля, канд. филол. наук (Каир, Египет)
Сергей Николаевич Виноградов, д-р филол. наук (Нижний Новгород)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Абу эль-Иля М. А. М. Прагматический потенциал обозначений древнеегипетских реалий в современных российских СМИ / М. А. Ф. М. Абу эль-Иля // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 172—193. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-172-193.

Abu Elela, M. A. M. (2022). Pragmatic Potential of Designations of Ancient Egyptian Realities in Modern Russian Media. *Nauchnyi dialog, 11(3):* 172-193. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-172-193. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-172-193

Прагматический потенциал обозначений древнеегипетских реалий в современных российских СМИ

Абу эль-Иля Мохаммед Абдель Фаттах Махмуд
orcid.org/0000-0003-1031-3062
кандидат филологических наук,
преподаватель,
кафедра русского языка,
факультет иностранных языков
(Аль-Альсун)
mohamed_Abdelfattah@alsun.asu.edu.eg

Айн-Шамский университет
(Каир, Египет)

Pragmatic Potential of Designations of Ancient Egyptian Realities in Modern Russian Media

Mohammed A. M. Abu Elela
orcid.org/0000-0003-1031-3062
PhD in Philology, Lecturer,
Department of the Russian Language,
Faculty of Foreign Languages
(Al-Alsun)
mohamed_Abdelfattah@alsun.asu.edu.eg

Ain Sham University
(Cairo, Egypt)

© Абу эль-Иля М. А. М., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению прагматического потенциала как периферийного аспекта значения иноязычных слов, обозначающих древнеегипетские реалии. Материалом для исследования послужили публикации в современных российских СМИ. Общий массив рассмотренных лексем составляет 25 наименований и 280 примеров их употребления. Новизна работы состоит в том, что впервые исследуется прагматическая зона значения слов, называющих древнеегипетские реалии. Особое внимание уделяется выявлению оценочной вариативности их семантики, обусловленной коммуникативной стратегией информатора и контекстуальным словоупотреблением. Разработана их структурная классификация. Выделены две основные группы: 1) апеллятивы; 2) онимы. Показано, что первую группу составляют те древнеегипетские реалии, которые вошли в словарный состав русского языка: *фараон, сфинкс, папирус* и др., а во вторую группу входят ономастические реалии, которые делятся на антропонимы, эгронимы и прагматонимы: *Рамзес, Нефертити, Хорус* и др. Доказано, что высокой частотностью обладают апеллятивы. Наибольшую долю единиц составляют лексемы с положительной прагматической оценкой.

Ключевые слова:
иноязычные слова; лексическая прагматика; оценочность; древнеегипетские реалии; межкультурная коммуникация; российские СМИ.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the consideration of pragmatic potential as a peripheral aspect of the meaning of foreign words denoting ancient Egyptian realities. The material for the study was publications in modern Russian media. The total array of the considered lexemes is 25 names and 280 examples of their use. The novelty of the work lies in the fact that for the first time the pragmatic zone of the meaning of words, that call the ancient Egyptian realities. Particular attention is paid to identifying the evaluative variability of their semantics, due to the informant's communicative strategy and contextual word usage. Their structural classification into two main groups has been developed: 1) appellatives; 2) onyms. It is shown that the first group consists of those ancient Egyptian realities that are included in the vocabulary of the Russian language: *pharaoh, sphinx, papyrus*, etc., and the second group includes onomastic realities, which are divided into anthroponyms, egronyms and pragmatonyms: *Ramses, Nefertiti, Horus* and others. It is proved that appellatives have a high frequency. The largest proportion of units are lexemes with a positive pragmatic assessment.

Key words:
foreign words; lexical pragmatics; appraisal; ancient Egyptian realities; intercultural communication; Russian media.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’373.45:070+811.412’01

Прагматический потенциал обозначений древнеегипетских реалий в современных российских СМИ

© Абу эль-Иля М. А. М., 2022

1. Введение = Introduction

В связи с существенным влиянием глобализации на различные сферы общественной жизни и стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий, с одной стороны, и со становлением лингвоантропологических научных дисциплин на стыке XX—XXI веков, изучающих разносторонние отношения языка и человека — с другой, краеугольным камнем исследований последних лет стал вопрос о межкультурной коммуникации, о формировании диалога неоднородных культур и цивилизаций сквозь призму лингвистики.

В основе данного вопроса лежит проблема национальной идентичности, базирующейся на универсальной бинарной оппозиции «свой — чужой». Под ней принято подразумевать сложную систему, которая «реализуется через взаимодействие с Другой / Другими (нацией, культурой), поддерживает определенный набор ценностей, символов, мифов и традиций, составляющих культурно-историческое наследие нации, и идентификацию отдельных индивидуумов с этим наследием» [Романова, 2015, с. 10]. Этот феномен в совокупности всех своих компонентов материализуется в языке как инструменте коммуникации и этнической дифференциации с помощью разного рода средств: 1) синтагматические способы, которые обращаются к сфере «своего» конкретного субъекта и выстраивают область «чужого»; 2) парадигматические средства — лексемы, содержащие в своей семантической структуре значение ‘свойственности’ и ‘чуждости’, см.: [Петроченко, 2005, с. 43—44].

Одним из наиболее наглядных лексических приемов репрезентации национальной идентичности и маркеров уникальности языковой картины мира того или иного этноса являются слова-реалии, которые непрерывно привлекают к себе внимание лингвистов. В научной литературе до сих пор не существует унифицированного подхода к определению указанного пласта лексики. Исчерпывающую дефиницию *реалий*, включающую в себя их главные признаки, дали С. Влахов и С. Флорин: «… это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и / или исторического колорита, они,

CC BY

как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках» [Влахов и др., 1980, с. 47]. Наряду с термином *реалия* исследователи используют и другие наименования, такие как *экзотическая лексика / экзотизмы* [Супрун, 1958, с. 50], *лакуны* [Марковина и др., 2008, с. 19], *варваризмы* [Реформатский, 1996, с. 75—76], *культуронимы* [Кабачки, 1998, с. 6], *культурема* [Гак, 1998, с. 142], *лингвокультурема* [Воробьев, 1997, с. 44—45], *безэквивалентная лексика* [Влахов и др., 1980, с. 55]. Перечисленные термины, на наш взгляд, имеют точку пересечения: ими обозначаются лексические единицы с национально-культурной маркированностью. Однако они сами называют разные понятия, которые не равны сути наименования *слово-реалия*: вербальное выражение предмета материальной культуры и национального своеобразия народа, не имеющее точных соответствий в других языках. Кроме того, употребление этих смежных явлений зависит от направления и цели исследования: лингвокультурологического, лингвострановедческого, переводческого и т. д.

В силу своей многоплановости и многофункциональности слова-реалии как особый вид неологической номинации и индикатор языковой личности подвергаются анализу с позиций различных лингвистических учений, среди которых выделяется прагмалингвистический подход.

Прагматическая лингвистика представляет собой сравнительно новое направление современного языкознания, которое тесно соприкасается с такими научными дисциплинами, как семантика, когнитивная лингвистика, стилистика, коммуникативный синтаксис, психолингвистика и социолингвистика. Однако сам термин *прагматика* (от греч. pragma (πραγμα) — действие, дело) был введен в научный обиход в конце 30-х годов двадцатого века американским ученым Ч. У. Мориссом для обозначения им одного из разделов семиотики. В русской лингвистике данное понятие трактуется неоднозначно:

— с точки зрения лексической семантики прагматика определяется как «закрепленное в языковой единице отношение говорящего:1) к действительности, 2) к содержанию сообщения, 3) к адресату» [Апресян, 1995, с. 136];

— в социолингвистике и теории речевых актов под прагматикой подразумевается отрасль языкознания, «изучающая язык с точки зрения использующего его человека в аспекте выбора языковых единиц, ограничений на их употребление в социальном обществе и эффекта воздействия на участников коммуникации» [ЭЛС, 1990, с. 320].

Применительно к исследованию слов-реалий мы придерживаемся первой трактовки прагматики. Она представляется наиболее приемлемой для анализа их понятийного содержания и выявления потенциальных смыслов об обозначаемом денотате.

CC BY

В теоретических работах, затрагивающих вопрос о структуре лексического значения слова, имеются, по нашим наблюдениям, сходства и различия относительно интерпретации природы прагматического компонента лексической семантики. Так, многие языковеды сходятся в том, что упомянутый элемент локализируется в периферийной части смысловой стороны слова, являясь вторичным по отношению к ее денотативно-сигнификативному микрокомпоненту, на том основании, что значение слова составляют две зоны: 1) интенсионал — содержательное ядро и 2) импликационал — периферия семантических признаков, окружающих это ядро [Никитин, 1988, с. 60]. При этом прагматическая информация характеризуется тремя особенностями: а) периферийностью средств ее выражения (по сравнению со средствами выражения семантической информации); б) ее распределенностью между различными языковыми средствами, то есть нелокализуемостью в какой-то одной единице языка; 3) ее сплетенностью с семантической информацией [Там же, с. 140—141].

Наиболее дискуссионным считается аспект, связанный с составляющими прагматики слова. Данную проблему вызывает, главным образом, нечеткое разграничение терминов *прагматика* и *коннотация* как элементов значения полисемичного слова. По этому поводу существуют три противоположных мнения. Одни лингвисты [Гак, 1982; Уфимцева, 1986; Телия, 1990; Скляревская, 1997 и др.] рассматривают прагматическую зону семантики словесной единицы как сложную структуру, которая содержит в себе коннотативный компонент, а также многообразные единицы, сопутствующие лексическому значению, которые в речевом акте передают информацию о намерениях говорящего, о речевой ситуации, об оценке предмета речи, см., например [Скляревская, 1997, с. 6]. Другие ученые [Арнольд, 1982; Булдаков, 2009; Стернин, 2018], напротив, не различают названные слои лексического значения, считая их синонимичными и равномерными по составу, куда входят любые дополнительные элементы лексического значения (со-значения): эмотивный, оценочный и экспрессивно-стилистический; см., например [Стернин, 2018, с. 31] Представители третьей точки зрения [Филлипов 1978; Беляевская 1987 и др.] отграничивают прагматический аспект от коннотативного элемента как второстепенную, потенциальную зону содержательной стороны слова.

Не вдаваясь в подробности указанного спорного вопроса, мы вслед за В. И. Заботкиной понимаем под прагматикой лексической единицы, в том числе слова-реалии, тот периферийный аспект содержания лексемы, который варьируется в зависимости от случаев ее употребления в сфере коммуникации, передавая информацию о субъективно-оценочном отношении говорящего или пишущего к объекту-референту [Заботкина, 2012, с. 48].

CC BY

В соответствии с этим прагматический компонент можно назвать наиболее динамичным слоем смысловой стороны слова в отличие от его статичного элемента — узуального значения.

В качестве одной из сфер широкого распространения и функционирования языковых реалий, а также реализации их прагматической семантики выступает язык СМИ. Тексты различных средств массовой информации, насыщенные прагматически маркированными словесными знаками, не только информируют адресата о мировидении адресанта-автора, но и оказывают значительное воздействие на мировосприятие реципиента, на строй его мышления, навязывают ему положительную или отрицательную оценку объектов и ситуаций, что в итоге формирует поле интересов и взглядов индивида. Так, М. Н. Володина констатирует: «Человеческое восприятие постоянно испытывает влияние СМИ» [Володина, 2008, с. 18].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В настоящей работе мы рассмотрим прагматический потенциал как периферийный аспект значения иноязычных слов, обозначающих древнеегипетские реалии, с целью выявить оценочную вариативность их семантики на материале публикаций современных российских средств массовой информации.

Для достижения поставленной цели применяются описательный метод и метод компонентного анализа.

Общий массив рассмотренных лексических единиц составляет 25 наименований и 280 проанализированных примеров их употребления, извлеченных из современной российской периодики («Аргументы и факты», «Коммерсант», «Комсомольская правда», «Известия» и др.), с интернет-сайтов информационных агентств («Спутник» и др.), а также радиостанций и телеканалов («Пятый канал», «Телеканал 360» и др.).

Под древнеегипетскими словами-реалиями мы будем понимать обозначения предметов материальной и духовной культуры, соотносимых с фараоновской эпохой истории Египта. Это одна из древнейших и величайших цивилизаций, которая зародилась более 7 тысяч лет назад и до сих пор своими уникальными артефактами поражает археологов и других специалистов, интересующихся древней историей, со всего мира. Она оставила человечеству богатое культурное наследие, охватывающее практически все области знаний, такие как архитектура, астрономия, искусство и литература, что, в свою очередь, наложило отпечаток на национальную и языковую картину мира многих этносов, в том числе русского народа. Об этом пишет Е. Ю. Груздева: «Несмотря на то, что Древняя Русь после принятия христианства воспринимала страну фараонов

CC BY

сквозь призму Библии, где Египет представлен языческим государством, которое преследует почитателей единого Бога, в народных духовных стихах содержатся упоминания о Египте как средоточии древней премудрости» [Груздева, 2009, т. 15, с. 275].

По происхождению исследуемые единицы представляют собой иноязычные слова, заимствованные русским языком, прежде всего, из древнегреческого языка. Тут встает актуальный вопрос: какова связь указанного языка с древнеегипетской цивилизацией? Ответ заключается в двух взаимообусловленных причинах:

(1) Данное явление восходит к лидирующей роли Древней Греции в развитии мировой культуры и неоценимому вкладу ее языка в обогащение словарного состава огромного количества других языков. Из греческого языка к нам пришли слова-символы, именующие древнеегипетские реалии (*фараон, пирамида, сфинкс* и даже само слово *Египет*).

(2) Древние греки были в числе первых иностранцев, побывавших в Египте того времени. Среди них были наемники, путешественники, историки и др. Самой известной личностью был Геродот, так называемый «отец истории», который посетил Египет в V веке до нашей эры. Он оставил сочинения и путевые заметки, детально рассказывающие о разнообразных сторонах жизни этой страны: о географии, религии, об экономике, обычаях и о традициях ее народа. Позднее эти произведения были переведены почти на все языки мира.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В зависимости от степени освоенности реципиентом знаний о древнеегипетских реалиях рассматриваемые единицы разделяются на две группы: 1) апеллятивы и 2) онимы. Анализ их прагматического потенциала строится в основном на оценочной шкале (зоне положительного, отрицательного и / или нейтрального), так как оценка, по утверждению многих ученых, является ключевым компонентом и самым ярким признаком прагматической семантики словесного знака, выражающим намерение, субъективное отношение говорящего / пишущего к предмету речи, а также цель высказывания. В ее окружении стоят другие составляющие прагматической информации слова, такие как эмоционально-эмотивный и стилистический элементы, см., например [Арутюнова, 1988, с. 71; Апресян, 1995, с. 8].

3.1. Апеллятивы

Первую группу составляют те лексические единицы, называющие реалии древнеегипетской цивилизации, которые подверглись процессу апеллятивизации («мотивированный переход ИС (имени собственного)

CC BY

в разряд ИН (имени нарицательного), при котором коннотативное значение проприального мотиватора определяет сигнификативное значение апеллятивного деривата» [Спиридонов 2011, с. 37]) и вошли в словарный состав русского языка, став частью его лексики в силу своего частотного употребления в русской литературе и популяризации средствами массовой информации. Поэтому они обладают большой продуктивностью в образовании прагматических смыслов, которые адресат / массовый читатель обычно воспринимает, опираясь на их словарную дефиницию, а также на свои фоновые знания. По предметной отнесенности указанные лексемы представляют собой этнографические реалии, обозначающие понятия быта, материальной и духовной древнеегипетской культуры, религии и искусства. На этом основании такие реалии можно назвать универсальными, так как они встречаются почти во всех языках мира. Они насчитывают 12 единиц и 148 примеров их употребления.

Наиболее ярким примером единиц данной группы служит высокочастотное слово *фараон*, которое называет титул царей Древнего Египта, а также носителей указанного титула. Оно ‘произошло от древнеегипетского словосочетания *пер-аа* (*букв.* дом великий) ’[БРЭ].

При анализе публикаций российских СМИ обнаруживается, что данная лексема характеризуется прагматической вариативностью, обусловленной точкой зрения самого автора или журналиста, его мнением о той или иной обозначаемой исторической личности, а также ситуативным контекстом. Это репрезентируется бинарной оценочной оппозицией: положительной и отрицательной оценкой.

1) Положительная оценка формируется на фоне осмысления образа фараона как идеального правителя и воплощения Бога на земле, сочетающего в себе положительные качества, которые объективируются с помощью следующих потенциальных сем:

а) ‘почитаемый’: *В «Ливерпуле» египтянин уже стал настоящим* ***фараоном****, апостолом, которому все поклоняются* (Газета, 20.04.2019) [АА]; *Ленин — «красный* ***фараон****» в величественном мавзолее, и Ленин в обычной могиле — это две большие разницы. Неслучайно же первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев, когда развенчивал культ Сталина …* (Радио «Эхо Москвы», 16.09.2020) [Там же].

б) ‘гордый’: *После концерта гостей повезли на полигон. Дана Борисова гордо восседала на бэтээре, как* ***фараон*** *на носилках* (Комсомольская правда, 09.07.2004) [Там же].

В вышеприведенных примерах мнение субъекта об оцениваемом объекте подтверждается также посредством закрепленных в прагматике названного слова эмотивных сем экспрессивного характера ‘священное ува-

CC BY

жение' и 'глубочайшее восхищение', которые обозначают коммуникативные и глорические эмоции.

2) Отрицательная оценка мотивирована образом фараона как правителя безграничной власти и деспота. Это представление ассоциируется прежде всего с личностью упомянутого в Библии фараона, который преследовал пророка Моисея и угнетал еврейский народ. При этом прагматическую зону данного смысла образуют нижеуказанные периферийные семы:

а) 'самодержавный': *При этом Геннадий Зюганов заявил, что у Владимира Путина больше полномочий, чем у царя или* ***фараона*** ... (Газета, 05.12.12) [Там же]. Этот смысл носит и относительное прилагательное *фараонский*: *Лидер леворадикальной партии «Непокоренная Франция» Жан-Люк Меланшон сравнил поведение президента с* ***фараонским*** ... (Биржевой лидер, 04.07.2014) [Там же];

б) 'угнетающий': *В своем заявлении члены «Аль-Каиды» назвали Америку «новым* ***фараоном****», угнетающим мусульман* (Спутник, 08.12.2017) [Там же];

в) 'беспощадный': *Уже сейчас министра финансов Лапида, прежде вознесенного «средним израильтянином» на пьедестал, сравнивают с «новым* ***фараоном****» и именуют «палачом среднего класса»* (Парламентская газета, 15.03.2015) [Там же]. Пишущий имеет намерение описать фараона как жестокого мучителя с целью вызвать у читателя эмоции раздражения, гнева и ненависти. Маркерами отрицательной оценки служит слово *палач*.

Среди словосочетаний с компонентом *фараон* выделяется мифологема, обозначающая один из самых известных всему миру мифов *проклятие фараонов*, который сопряжен с открытием гробницы молодого царя Тутанхамона в 1922 году. Она содержит периферийные семы 'таинственный' и 'губительный' с оттенком отрицательной экспрессии: *Одна из «мистических» версий крушения (Титаник) связана с легендарным «****проклятием фараонов****»* (Правда, 11.07.2019) [Там же]; *Он намекнул на возможность последствий: «****Проклятье фараонов****, проклятье Усамы бен Ладена может дотянуться до американских спецназовцев»* (Телеканал 360, 01.11.2019) [Там же].

К наиболее употребительным древнеегиптизмам можно отнести и слова *пирамида, сфинкс, мумия* и *папирус*.

В формировании прагматической составляющей семантики слова *пирамида* играют роль две семы: 1) центральная сема 'иерархический', образующая метафорическое значение этой лексемы 'какая-то иерархическая структура'; 2) коннотативная сема 'величественность', связанная с фоновой информацией о денотате: пирамида как величественное сооружение, поражающее воображение своими размерами и трудностями в его возведении.

CC BY

Ее оценочная окраска различается в зависимости, главным образом, от маркеров, конкретизирующих обозначаемое. Проанализируем примеры.

(1) *Система управления на региональном уровне деградирует, причем ослабление губернатора влечет ослабление всей региональной* ***пирамиды власти*** (Ежедневная деловая газета РБК, 2019) [Там же]. Словосочетание *пирамида власти* имеет нейтральную оценку, закодированную в его образном значении, которое реализуется и определяется контекстом его употребления. Так, автор сообщения передает адресату информацию о системе власти в виде величественного сооружения из иерархических органов (от высшего к низшему), не имея цели вызвать у него ни положительные, ни отрицательные эмоции. Ту же оценку приобретает выражение *пирамида поставщиков*, указывающее на взаимосвязанность субъектов (поставщиков и субпоставщиков) в иерархическом порядке: *Вкладывая деньги в автопром, государство поддерживает потребительский спрос и всю* ***пирамиду поставщиков****, — подчеркнул Владимир Гутенев* (Коммерсант, 17.08.2016) [Там же].

(2) *34-летний управляющий компании ООО «Алтын капитал и Компания», действовавшей по системе* ***«финансовой пирамиды»****, обвиняется в мошенничестве на 89 млн рублей и легализации этих денег* (Аргументы и факты, 18.04.2019) [Там же]. В основе прагматической зоны выделенного термина лежит смысл «нелегальная организация», который реализует контекст ситуации «мошенничество». Пишущий субъект стремится ассоциировать у реципиента сумму негативных представлений об именуемом объекте, так как в картине мира адресанта и адресата понятие «финансовая пирамида» связано с незаконным способом обогащения, который применяли создатели крупнейшей в истории России финансовой пирамиды «МММ» в 90-е годы прошлого века. Цель сообщения достигается с помощью дескриптивных частей речи: имени существительного *мошенничество* и глагола *обвиняться*. Похожую ситуацию наблюдаем в структуре прагматического значения таких словосочетаний, как *перевернутая пирамида права, долговая пирамида* и *криминальная пирамида*, которые используются при характеристике нелегальных, неодобряемых или несправедливо организованных иерархических систем. Ср.: *Обвиняемая обратила внимание на* ***«перевернутую пирамиду права»****: журналиста судят за его работу, тогда как закон «О СМИ» прямо обязывает его информировать общество о значимых событиях и проблемах и дает право публично высказывать свое личное мнение* (Коммерсант, 04.07.2020) [Там же]; *Эта* ***долговая пирамида*** *не рушилась очень долго только потому, что опиралась на динамичную экономику*; *Эксперты, работающие на рынке недвижимости, называют кооператив «Общее дело» новой «Социальной*

CC BY

инициативой» печально известной ***криминальной пирамиды*** (Российская газета, 24.09.2009) [Там же].

Интересным является окказиональное выражение «пирамида фараона Даниэля», содержащее в своем составе названия двух древнеегипетских реалий: *Строительство никарагуанской* ***«пирамиды фараона Даниэля»*** (Ортеги. — *Прим. авт.*) *в мае 2013 года было подано как грандиозное событие. Канал — конкурент Панамскому, должен был стать крупнейшим инженерным проектом мира, войти в историю …* (Регнум, 10.12.2016) [Там же]. Ситуация употребления указанной синтагмы в данном контексте обусловлена интенцией субъекта уподобить пирамиде как гигантскому сооружению Никарагуанский канал — крупнейший в мире инженерный проект, который строит самодержавный президент страны Даниэль Ортега, что придает сообщению экспрессивную окраску.

Что касается слова *сфинкс*, именующего всемирно известную скульптуру, то оно в толковых словарях русского языка определяется так: 1. В Древнем Египте: каменное название лежащего льва с человеческой головой. 2. В древнегреческой мифологии: крылатое существо с туловищем льва или большой собаки, с головой и грудью женщины. 3. *перен.* О непонятном, загадочном существе, странном человеке [ТСРЯ, 2012, с. 626]. Однако в процессе контекстуального употребления оно приобретает прагматический смысл благодаря актуализации ряда сем с разной оценочной окраской.

1) Положительная оценка представлена нижеследующими семами или коннотациями, производными от образа мифологического персонажа:

а) ‘чудесный’ и ‘величественный’: *Открытие месторождения ознаменовало новую страницу в истории нефтяной промышленности Советского Союза, да и всего мира. Журналисты не скупились на эпитеты, называя его сибирским* ***сфинксом****, чудом века, нефтяной жемчужиной* (Тюменские известия, 22.06.2020) [АА];

б) ‘великий, известный, знаменитый’: *Методы приготовления блюд и рацион Греты Гарбо пронизаны противоречиями. А потому истории о её гастрономических пристрастиях не только очаровательно занятны, но и дают ключ к разгадке этой женщины-****сфинкса*** *и повод ещё больше ценить эту великую актрису*)Аргументы и факты, 18.09.2012) [Там же]; *Великая французская актриса, светская львица и красавица, женщина-****сфинкс****, бесконечно притягательная и все-таки недостижимая* (Аргументы и факты, 20.07.2003) [Там же];

в) ‘загадочный’: *Он по праву считается едва ли не самой загадочной фигурой в русской литературе начала XX века. «****Сфинксом*** *российской*

интеллигенции» называли его современники (Знамя, 20.08.2016) [Там же]; *Это ночная и сумеречная бабочка, и потому кажется немного таинственной. Недаром другое название бражников — **сфинксы**. И действительно, в их жизни много непонятного* (Аргументы и факты, 13.11.2003) [Там же]; *Умный, ироничный, многоплановый, непредсказуемый Захаров загадочен, как египетский **сфинкс*** (Аргументы и факты, 24.02.2004) [Там же].

г) ‘вдохновленный’: *Олег Павлович мечтал 30 лет. И вот он его создал. И сейчас он как **сфинкс** сидит рядом с театром, вдохновленный* (Телеканал Мир24, 14.12.2020) ’[Там же];

В вышеуказанных примерах автор приписывают предмету речи свои положительные ассоциации, связанные со знаменитым памятником древней истории, который поразил и еще поражает мир своими масштабами, монументальностью, величием и загадочностью.

2) Нейтральная оценка мотивирована посредством сем, обозначающих состояние, образ именуемого объекта, запечатленного посредством искусства скульптуры:

а) ‘молчаливый’: *Есть два типа семьи: когда супруги друзья-товарищи и когда молчуны. Товарищи рассказывают друг другу все. А я вот молчу, как **сфинкс***» (Комсомольская правда, 09.04.2010) [Там же];

б) ‘неподвижный, замерший’: *Утром она мне сказала: «Я сидела, как **сфинкс**, и плакать не могла. А когда сказали, что журнал пойдет, у меня выкатились две слезы, две капли крови»* (Московский комсомолец, 16.07.2015); *Чуть в стороне от них сидит неподвижный, как **сфинкс**, тетерев-сторож* (Комсомольская правда, 26.04.2002) [Там же].

На базе фоновых знаний о сфинксе в роли сторожа (или так называемого отца страха), который охраняет гробницы царей и наводит ужас на врагов и грабителей своим смертоносным взглядом, обнаружен один пример употребления данного словесного слова с отрицательной оценкой: *Русский врач-гигиенист Фёдор Эрисман называл холеру так: «Это **сфинкс**, который нас приводит в ужас своим смертоносным взглядом»* (Аргументы и факты, 05.04.2020) [Там же].

На основе предметного значения слова *мумия* и его контекстуального употребления сформирован прагматический потенциал, сочетающий в себе нижеуказанные семы с экспрессивной окраской. Это способствует, в свою очередь, появлению у адресата эмоции жалости, сочувствия, а также раздражения и возмущения. Ср.:

— ‘высохший до состояния скелета’: *16 декабря сотрудники полиции нашли в московской квартире **мумию** женщины с загадочной запиской* (Лента, 19.12.2017) [Там же];

CC BY

— ‘исхудавший’: *Из-за квартирного вопроса нижегородец похудел до 33 килограммов. Родственники уверяют, что мужчина сам довел себя до состояния живой* ***мумии*** (Комсомольская правда, 06.07.2010) [Там же].

— ‘имеющий вид мумии’: *Вот Вовка и ходит, как* ***мумия*** *из мультика, весь в бинтах* (Комсомольская правда, 02.10.2015) [Там же]; *Когда я увидела Никиту, чуть не потеряла сознание, — вспоминает Вероника. Он весь, как* ***мумия****, был обмотан бинтами* (Комсомольская правда, 11.08.2008) [Там же];

— ‘находящийся в бездействии, не имеющий и не выражающий чувств’: *Мы хотим, чтобы педагог был образцом для подражания. И когда этот образец становится неживой* ***мумией****, лишённой чувств, увлечений, у которой, кроме школы, ничего нет, то ему и не хочется подражать* (Аргументы и факты, 31.03.2021) [Там же]; *Вице-премьеры, министры, заместители, сидящие за столом, уткнувшись в свои бумаги, больше походили на безгласные* ***мумии*** (Аргументы и факты, 29.01.2020) [Там же].

Относительно лексической единицы *папирус* находим, что она приобретает разные прагматические смыслы. Ср.:

— ‘о чем-то тонком / прозрачном’: *Лиризм стал тонок и богат оттенками, атмосфера хрупка и прозрачна, как* ***папирус****, символика неназойлива и трогательно наивна* (Известия, 29.06.2001) [Там же];

— ‘о пространном тексте, большом документе’: *Когда Германия напала на Советский Союз, участники оркестра и другая молодежь в патриотическом порыве попросились добровольцами на фронт. Собрались в клубе граждан СССР, написали огромный «****папирус****», под которым все подписались* (Труд, 10.10.2000) [Там же]. В этом примере автор сообщения иронично характеризует объем документа на основе своего представления о папирусе как длинном куске материала, сворачиваемого в трубочку.

3.2. Онимы

Перейдём к анализу второй группы исследуемых единиц, куда входят ономастические слова-реалии. Их воспринимает, скорее всего, культурный адресат / читатель в зависимости от своих фоновых знаний и личностного тезауруса. В зависимости от лексического значения они относятся к собственным именам. По происхождению большую часть этих единиц представляют греческие заимствования из древнеегипетского языка, освоенные путем транскрипции и / или транслитерации. Их количество насчитывает 14 единиц и 132 примера их употребления. Ученые сходятся в том, что ономастическая лексика, или онимы — это особый вид лексики, которая имеет огромный культуроведческий потенциал, отражая исторические и духовные ценности этноса, тем самым обладая способностью символизи-

CC BY

ровать социальные перемены, стереотипы, мифологию и т. п. [Пак, 2003, с. 7; Ражина, 2007, с. 3—4].

В соответствии со своей предметной отнесенностью единицы этой группы делятся на три группы: 1) антропонимы, 2) эргонимы и 3) прагматонимы.

1. Антропонимы.

Рабочий материал показал, что в российских СМИ часто употребляются личные имена царей и цариц Древнего Египта с учётом их символики и положительных ассоциаций. Проиллюстрируем это на следующих примерах.

Собственное имя *Рамсес* (*Рамзес*) ассоциируется с царем XIX династии Рамсесом Вторым, который совершил великие подвиги и крупные завоевания, за что ему присвоили почётный титул *А-нахту*, то есть «Победитель». На базе этого прозвище *Рамзес* получил Роман Кушнарев, один из самых известных киберспортсменов России и СНГ, одержав победы над командами соперников из разных стран мира: *Лицом турнира выступит* ***Рамзес****, который прославился своими достижениями в Dota 2 и выступает в знаменитой киберспортивной команде Natus Vincere* (Аргументы и факты, 17.06.21) [АА].

В силу уникальности и исторической значимости личности самого известного и молодого в истории Древнего Египта правителя Тутанхамона его образ имеет прагматическую нагрузку, обусловленную особенностями условий использования и восприятия образа. Приведем примеры:

— прагматический смысл ‘известность’ / ‘вечность’: *И, может статься, лет через тысячу, Россия подобно Египту будет славиться «****русским Тутанхамоном****» — нетленным Лениным, и лишь историки будут помнить, что именно Ильич сделал с Россией* (Комсомольская правда, 12.04.2016) [Там же];

— прагматический смысл ‘загадочность’ / ‘таинственность’: *Экспедиция, организованная объединением «Космопоиск», обнаружила захоронение «****русского Тутанхамона****» — варяга Синеуса. <...> местный учитель истории и географии, краевед-любитель Александр Григорьевич Лапин, — рассказывает руководитель экспедиции Вадим Чернобров. — Писал письма, звонил, подробно описывая найденный им таинственный курган, хранящий тайны столетий* (Независимая газета, 09.06.2004) [Там же];

— прагматический смысл ‘величие’: *<...> имена этих великих актеров (Вицина, Моргунова, Никулина) для молодежи — как* ***Тутанхамон*** *или Македонский* (Казанские новости, 04.06.2014) [Там же];

— прагматический смысл ‘мудрость, ум’: *Мой четырехлетний сын взахлеб поет песни «Наутилуса». Текст он не очень понимает, а я прислушиваюсь. Его любимый хит: «Правда всегда одна, это сказал фараон. Он был очень умен и за это его прозвали* ***Тутанхамоном*** (Росбалт, 26.07.2019) [Там же].

CC BY

Легендарная царица *Нефертити* является эталоном красоты и символом женственности. В переводе на русский язык ее иероглифическое имя обозначает ‘красавица пришла’. В русском миросознании ее образ вызывает следующие символические ассоциации:

— символ очаровательной красоты: *Но однажды, когда Барбара со школьной сцены проникновенно декламировала стихи Байрона, до нее донеслись слова учителя: «Какое лицо у этой девочки! Да она вылитая* ***Нефертити****!* (Комсомольская правда, 17.10.2015); *Это почти* ***Нефертити****, только из стоматологического кабинета в Петербурге* (Комсомольская правда, 14.05.2020) [Там же];

— символ нарядности и пышности: *Молодые женщины носили шапки полукругом. Женщины в возрасте — цилиндрические. Наши дизайнеры называют этот вид убранства — образ* ***Нефертити****. Ушки у такой шапки короткие, но сзади есть длинные меховые украшения с прошивкой из цветного сукна* (Аргументы недели, 13.12.2012) [Там же];

— образ соблазнительницы: *Известные соблазнительницы, такие как Клеопатра,* ***Нефертити****, Маргарита Наваррская или маркиза де Помпадур, использовали аромамасла как эффективнейшее оружие любовной магии* (Комсомольская правда, 06.03.2014) [Там же]. Схожую прагматику приобретает имя царицы Нефертари, супруги Рамзеса Второго, которая обладала обаянием и непревзойденной красотой: *Еще со студенческих лет актрису называют «****Нефертари****» и не зря* (Комсомольская правда, 21.07.2021) [Там же].

Женщина-фараон *Хатшепсут* правила Египтом в период XVIII династии, став символом могущественности и гендерного равенства: *Думаю, что пример* ***Хатшепсут*** *как раз и даст нам ответ на вопрос, почему до эпохи гендерного равенства женщины правители были неизменно успешны, а как только равенство полов в Европе было достигнуто, — наоборот* (Спутник, 23.10.2016) [Там же].

Наряду с этим зафиксировано одно словосочетание с компонентом-онимом *Хеопс*, имеющее негативную оценочную прагматику: единица строительного жаргона, обозначающая нарушение срока выполнения строительных работ, — *закон Хеопса*. В основу выражния легли фоновые знания о длительности строительства пирамиды царя Хеопса, которая составила 20 лет: *Есть у строителей выражение* ***«закон Хеопса»*** *— ничто не строится в срок и в пределах сметы* (Коммерсант, 08.06.2016) [Там же].

2. Эргонимы.

С целью эффективного психологического воздействия на реципиента и завладения его вниманием конструируются различные эргонимы с учетом позитивных смыслов, заключенных в информативно-символической части

CC BY

значения и построенных на метафоре и метонимии. Это названия производственных и общественных предприятий, музыкальных ансамблей и т. п. Удачное уникальное имя проекта призвано стимулировать целевую аудиторию к покупке или использованию предлагаемых услуг. В этом состоит прагматический потенциал указанного пласта лексики.

В зависимости от сферы-источника эргонимы можно разделить на две подгруппы.

А) Мифонимы как производящие основы для эргонимов.

Это собственные имена главных богов и героев древнеегипетских мифов и легенд. Самым популярным из них является миф о божественной паре Осирисе и Исиде. Он рассказывает о борьбе добра и зла: Осирис — символ добра, Исида (Изида) — символ любви и верности, их сын Хорус — символ силы и защиты. На основе порождаемых ими ассоциаций создан ряд имен российских предприятий, например: *Оказалось, что эксклюзивным представителем Tai Doc Technology в странах СНГ является российское ЗАО* ***«Осирис С»*** (Московский комсомолец, 03.01.2012); *По версии следствия, подтвержденной в суде, бывший заместитель губернатора Сергей Игнатович и экс-министр строительства региона Андрей Скоморохов препятствовали победе строительного ООО* ***«Исида»*** *в борьбе за госконтракт на возведение краевого бизнес-инкубатора в Комсомольске-на-Амуре*» (Коммерсант, 18.03.2019); *«Ривьера» принадлежала группе* ***«Хорус»*** *Гордеева, но в прошлом году торговый центр купил фонд KLS Eurasia Venture Fund, которым управляет киргизская KLS Securities. РИА Новости* (Недвижимость, 06.11.2019); *В прологе выступят ансамбли «Воскресение», «Камушка», «****Хорус-квартет****»* (Коммерсант, 30.10.2019) [Там же].

Имя главного древнеегипетского бога Солнца Амон Ра было положено в основу наименований музыкальной группы и ночного клуба, например: *На волне успеха этого мероприятия появилась группа* ***Амон-Ра****, играющая в жанре «мелодекламация» ...* (Комсомольская правда, 25.02.2013); *В частности, приостановлена деятельность: ночной клуб* ***«Амон Ра»*** *(г. Саратов, на 85 суток), кафе «Беседа» (г. Саратов, 60 суток), кафе-бар «Жигули» ...* (Взгляд-инфо, 30.12.2009) [Там же].

Найден и пример одной страховой компании, носящей название богини материнства *Хатхор*: *На 1 декабря 2020 года полис обязательного страхования в компании* ***«ХАТХОР»*** *оформили 91 000 автовладельцев* (Московский комсомолец, 02.12.2020) [Там же].

Б) Имена исторических личностей как производящие основы для эргонимов.

Сюда входят имена исторических личностей, самыми продуктивных из которых оказываются онимы *Нефертити, Тутанхамон и Хеопс.* Так, име-

нем царицы Нефертити стали называть салоны красоты, центры косметологии и ювелирные магазины, например: *Полезные и красивые презенты были предоставлены цветочной сетью «Флоранж», салоном красоты **«Нефертити»*** ... (Комсомольская правда, 28.10.2015); *Директор краевого центра врачебной косметологии **«Нефертити»** ИРИНА МАЦЕНКО придерживается другого мнения относительно доходности направлений индустрии красоты* ... (Деловой квартал. 26.03.07); *Воскресным утром 20 октября двое налетчиков забрали драгоценности из магазина **«Нефертити»** по адресу: улица Маршака, 7в.* (Комсомольская правда, 13.10.2013) [Там же].

Ассоциации с богатой золотой коллекцией царя Тутанхамона объясняют выбор названия крупной сети ювелирных магазинов в Туле: *Сеть ювелирных салонов «**Тутанхамон**» — поможет выбрать украшение для вашей любимой, даже, если вы мечтаете подарить что-то необычное* (Тульская пресса, 02.03.2020) [Там же].

С целью вызвать впечатление оригинальности и уникальности какого-то проекта используется имя царя *Хеопс*, например: *Другими новичками на рынке капитального ремонта многоквартирных домов региона в результате конкурентной борьбы на электронной торговой площадке стали компании ООО **«ХЕОПС»** (г. Брянск) и ООО «Максистрой»* (г. Шахты Ростовской области) (Власть, 09.02.2020); *В 11.00 для представителей СМИ пройдет пресс-конференция с участием Мастера Бамбы по адресу: ресторан **«Хеопс»**, ул. Сахалинская, 1В (р-н Чуркина)* (Новости Владивостока, 16.10.2008).

Отмечен единичный пример с лексемой-реалией *Сфинкс*: *Инновационная компания **«СФИНКС»** финансирует здание производства устройств автоматического впрыска ингибиторов* ... (Труд, 17.04.2007) [Там же].

В) Топонимы как производящие основы для эргонимов.

— а с т и о н и м ы : нами выявлены отдельные эргонимы, образованные от астионимов — названий главных городов Древнего Египта, таких как Мемфис (перев. с др.-егип. «город белых стен») и Фивы (перев. с др.-егип. «город скипетра»), например: *Несколько инвесторов — компании «Альтаир», **«Мемфис»** и «Колди» уже подтвердили готовность достроить объекты и выкупили часть кредиторской задолженности девелопера* (Новые известия, 13.06.2017); *Концерты экспериментального проекта **Фивы** — это всегда музыкальный и визуальный перфоманс, путешествие в параллельную реальность, где роль аяуаски выполняет музыка* (07.05.2018) [Там же].

— э к к л е з и о н и м ы : обнаружено одно предприятие, носящее имя *Карнак* — первоначально самый крупный храмовой комплекс в Древнем Египте, расположенный на территории древней столицы страны Фивы

CC BY

(нынешний Луксор) на крайнем юге Египта: *Владимирский художник Дмитрий Ма'Блэк устроил в кафе* ***«Карнак»*** *выставку своих эпатажных работ. Ее лейтмотив — запечатлённый хаос подсознания* (Комсомольская правда, 04.08.2009) [Там же].

Г) Фитонимы как производящие основы для эргонимов.

На российском рынке существует несколько торгово-промышленных предприятий, имеющих названия самых популярных в Древнем Египте растений: лотос (эмблема Верхнего Египта) и папирус (эмблема Нижнего Египта), например: *Представитель крупнейшего российского поставщика бумаги, компании «****Папирус****», г-н Муслимов озвучил на съезде следующие данные* (Газета, 14.06.2005) [Там же]; *АО «Судостроительный завод (ССЗ) «****Лотос****» (Астрахань, входит в «Объединенную судостроительную корпорацию») начало строительство земснарядов, сообщила пресс-служба администрации Астраханской области* (Эксперт, 17.11.2020) [Там же].

3. Прагмонимы.

Среди изучаемых собственных имен есть единичные прагмонимы, которые называют товарные знаки продукции, создаваемые коммерческими компаниями в целях конкуренции и рекламы. Они обладают коммуникативно-прагматической функцией, оказывая воздействие на потенциальных клиентов и потребителей.

На российский рынок поступают товары под древнеегипетскими наименованиями, вызывающими у потребителя положительную коннотацию (величественность, чудесность и надежность), например: *В 2004 году по телеканалам в Перми началась массированная реклама лекарственных препаратов «Ю-шу», «****Нефертити****», «Кардинал», «Грин-Систем» ... Одни чудо-таблетки обещали избавить от артроза, другие — от язвы ...* (Комсомольская правда, 23.01.2012); *Если же в баковую смесь с инсектицидом добавить препарат «****Хорус****», то вы защитите свою вишню еще и от такого вредоносного заболевания, как монилиоз* (Крестьянская жизнь, 18.08.2018) [Там же].

4. Заключение = Conclusions

Итак, проведенный прагматический анализ комплекса древнеегипетских слов-реалий, функционируюших в русских СМИ, дает нам возможность сделать следующие выводы.

1. Материальная и духовная культура Древнего Египта и своеобразие лексикона его цивилизации наложили существенный отпечаток на русскую языковую картину мира, что создало набор неоднородных прагматических смыслов иноязычных слов, называющих древнеегипетские реалии,

CC BY

обусловленных фоновыми знаниями информатора, а также контекстуальным словоупотреблением.

2. По числу рассматриваемых единиц преобладает использование онимов (14 единиц из 25 слов), а по словоупотреблению наибольшую долю составляют апеллятивы (148 из 280 примеров).

3. Доминирующее место среди ономастических реалий занимают эргонимы (63 примера из 132 случаев употребления), что свидетельствует о растущей тенденции у российских предпринимателей назвать свои проекты и коммерческие компании древнеегипетскими именами в силу их положительной прагматики.

4. Основными способами формирования прагматических смыслов являются сравнение, метонимия и метафора.

5. Наибольший процент исследуемых единиц вообще и ономастических реалий, в частности, составляют лексемы с положительной прагматической оценкой (81,3 %), мотивированной их образным значением, которое содержит в своей структуре такие семы, как ‘величественность’, ‘величественность’, ‘чудесность’, ‘красота’ и т. п.

6. Негативная оценочность зафиксирована в прагматической зоне семантики, прежде всего, апеллятивов в связи с их частотным употреблением и вариативной коннотацией.

7. Наиболее употребительные дескриптивные слова, реализующие прагматическое значение проанализированных наименований в контексте, служат прилагательные *новый* и *русский / российский*, глагол *назвать*, а также союзы *как* и *подобно*.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* автора.

2. БРЭ — *Большая российская энциклопедия* [Электронная версия]. — Режим доступа : https://bigenc.ru/ (дата обращения 13.08.2021).

3. *Груздева Е. Ю.* Изучение культуры Древнего Египта в России на рубеже XIX—XX века / Е. Ю. Груздев // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2009. — Т. 15. — № 4. — С. 275—278.

4. *Пугач В. Е.* Предупреждение взрыва / В. Е. Пугач. — Санкт-Петербург : Гликон Плюс, 2019. — 509 с. — ISBN 978-5-00098-229-7.

5. ТСРЯ — *Толковый* словарь русского языка / Под ред. С. И. Ожегов ; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. — Москва : Мир и Образование : ОНИКС, 2012. — 763 с. — ISBN 978-5-94666-609-1.

6. ЭЛС — *Энциклопедический* лингвистический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — 682 с. — ISBN 5-85270-031-2.

Литература

1. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика (синонимические средства языка). Изд. 2., испр. и доп. / Ю. Д. Апресян. — Москва : Языки русской культуры, 1995. — 442 с. — ISBN 5-88766-043-0.

CC BY

2. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1988. — 341 с. — ISBN 5-02-010870-7.

3. *Влахов С. И.* Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. — Москва : Международные отношения, 1980. — 343 с.

4. *Володина М. Н.* Язык средств массовой коммуникации / М. Н. Володина. — Москва : Академический Проект ; Альма Матер, 2008. — 760 с. — ISBN 978-5-8291-0991-2.

5. *Воробьев В. В.* Лингвокультурология : теория и методы / В. В. Воробьев. — Москва : Российский университет Дружбы народов, 1997. — 331 с. — ISBN 5-209-00895-9.

6. *Гак В. Г.* Языковые преобразования / В. Г. Гак. — Москва : Языки русской культуры, 1998. — 768 с.

7. *Заботкина В. И.* Слово и смысл / В. И. Заботкина. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2012. — 428 с. — ISBN 978-5-7281-1310-2.

8. *Кабакчи В. В.* Основы англоязычной межкультурной коммуникации / В. В. Кабакчи. — Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, ИВЭСЭП, 1998. — 232 с. — ISBN 5-8064-0047-6.

9. *Марковина И.Ю.* Культура и текст. Введение в лакунологию / И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. — Москва : Гэотар-Медиа, 2008. — 144 с. — ISBN 978-5-9704-1563-4.

10. *Никитин М. В.* Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. — Москва : Высшая школа, 1988. — 168 с. — ISBN 5-06-000551-8.

11. *Петроченко М. Н.* Семантический компонент «свой/чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / М. Н. Петроченко. — Томск, 2005. — 227 с.

12. *Пак С. М.* Имя собственное: функционально-прагматический аспект (па материале американского дискурса XIX—XX вв.) / С. М. Пак. — Москва : МАКС Пресс, 2003. — 180 с. — ISBN 5-317-00689-9.

13. *Ражина В. А.* Ономастические реалии : лингвокультурологические и прагматические аспекты : автореферат диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.19 / В. А. Ражина. — Краснодар, 2007. — 19 с.

14. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. — Москва : Аспект Пресс, 1996. — 536 с. — ISBN 5-7567-0046-3.

15. *Романова Ю. А.* Образ России в художественном творчестве Лу Андреас-Саломе : автореферат диссертация ... доктора филологических наук / Ю. А. Романова. — Иваново, 2015. — 22 с.

16. *Спиридонов Д. В.* К этнолингвистической характеристике имени Жак во французских диалектах / Д. В. Спиридонов // Вопросы ономастики. — 2011. — № 11 (1). — С. 36—50.

17. *Скляревская Г. Н.* К вопросу о прагматической информации в толковом словаре : возможны ли прагматические пометы? / Г. Н. Скляревская // Лингвистическая прагматика в словаре. — Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 1997. — С. 6—13. — ISBN 5745401745.

18. *Стернин И. А.* Исследование значения как феномена языкового сознания. Монография / И. А. Стернин. — Алматы : Полилингва, 2018. — 200 с. — ISBN 978-601-270-343-6.

19. *Супрун А. Е.* Экзотическая лексика / А. Е. Супрун // Филологические науки. — 1958. — № 2. — С. 51—54.

CC BY

Material resources

AA — *Author's archive.* (In Russ.).

Gruzdeva, E. Y. (2009). The study of the culture of Ancient Egypt in Russia at the turn of the XIX—XX century. *Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov, 15 (4):* 275—278. (In Russ.).

Ozhegov, S. I. (ed.). (2012). *Explanatory dictionary of the Russian language. 27th ed., ispr.* Moscow: Mir i Obrazovanie: ONYX. 763 p. ISBN 978-5-94666-609-1. (In Russ.).

Pugach, V. E. (2019). *Explosion prevention.* Saint Petersburg: Glikon Plus. 509 p. ISBN 978-5-00098-229-7. (In Russ.).

The Great Russian Encyclopedia. Available at: https://bigenc.ru/ (accessed 13.08.2021). (In Russ.).

Yartseva, V. N. (ed.). (1990). *Encyclopedic Linguistic Dictionary.* Moscow: Soviet Encyclopedia. 682 p. ISBN 5-85270-031-2. (In Russ.).

References

Apresyan, Yu. D. (1995). *Lexical semantics (synonymous means of language). Ed. 2., ispr. and add.* Moscow: Languages of Russian culture. 442 p. ISBN 5-88766-043-0. (In Russ.).

Arutyunova, N. D. (1988). *Types of linguistic meanings. Evaluation. Event. Fact.* Moscow: Nauka. 341 p. ISBN 5-02-010870-7. (In Russ.).

Gak, V. G. (1998). *Linguistic transformations.* Moscow: Languages of Russian culture. 768 p. (In Russ.).

Kabakchi, V. V. (1998). *Fundamentals of English-language intercultural communication.* St. Petersburg: A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, IVESEP. 232 p. ISBN 5-8064-0047-6. (In Russ.).

Markovina, I. Yu., Sorokin, Yu. A. (2008). *Culture and Text. Introduction to lacunology.* Moscow: Geotar-Media. 144 p. ISBN 978-5-9704-1563-4. (In Russ.).

Nikitin, M. V. (1988). Fundamentals of linguistic theory of meaning. Moscow: Higher School. 168 p. ISBN 5-06-000551-8. (In Russ.).

Pak, S. M. (2003). *Proper name: functional and pragmatic aspect (based on the material of the American discourse of the XIX—XX centuries).* Moscow: MAKS Press. 180 p. ISBN 5-317-00689-9. (In Russ.).

Petrochenko, M. N. (2005). *Semantic component of "friend/foe" in folklore and dialect everyday texts.* PhD Diss. Tomsk. 227 p. (In Russ.).

Razhina, V. A. (2007). *Onomastic realities: linguoculturological and pragmatic aspects.* Author's abstract of PhD Diss. Krasnodar. 19 p. (In Russ.).

Reformed, A. A., Vinogradov, V. A. (ed.). (1996). *Introduction to linguistics.* Moscow: Aspect Press. 536 p. ISBN 5-7567-0046-3. (In Russ.).

Romanova, Yu. A. (2015). *The image of Russia in the artistic creativity of Lou Andreas-Salome.* Author's abstract of Doct. Diss. Ivanovo. 22 p. (In Russ.).

Sklyarevskaya, G. N. (1997). On the question of pragmatic information in an explanatory dictionary: are pragmatic marks possible? In: *Linguistic pragmatics in the dictionary.* St. Petersburg: A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. 6—13. ISBN 5745401745. (In Russ.).

Spiridonov, D. V. (2011). To the ethnolinguistic characteristic of the name Jacques in French dialects. *Questions of onomastics, 11 (1):* 36—50. (In Russ.).

Sternin, I. A. (2018). *The study of meaning as a phenomenon of linguistic consciousness. Monograph.* Almaty: Polylingua. 200 p. ISBN 978-601-270-343-6. (In Russ.).

Suprun, A. E. (1958). Exotic vocabulary. *Philological sciences, 2:* 51—54. (In Russ.).
Vlakhov, S. I., Florin, S. P. (1980). *Untranslatable in translation.* Moscow: International Relations. 343 p. (In Russ.).
Volodina, M. N. (2008). *The language of mass communication*. Moscow: Academic Project; Alma Mater. 760 p. ISBN 978-5-8291-0991- 2. (In Russ.).
Vorobyev, V. V. (1997). *Linguoculturology: theory and methods.* Moscow: People's Friendship University of Russia. 331 p. ISBN 5-209-00895-9. (In Russ.).
Zabotkina, V. I. (2012). *Word and meaning.* Moscow: Russian State University for the Humanities. 428 p. ISBN 978-5-7281-1310-2. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.09.2021,
одобрена после рецензирования 27.02.2022,
подготовлена к публикации 15.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Виноградов С. Н. Текстово-речевое моделирование адресата рекламы учебных курсов / С. Н. Виноградов, В. Б. Шавлюк // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 194—210. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-194-210.

Vinogradov, S. N., Shavlyuk, V. B. (2022). Text-Speech Modeling of Addressee of Advertising Training Courses. *Nauchnyi dialog, 11(3):* 194-210. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-194-210. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-194-210

Текстово-речевое моделирование адресата рекламы учебных курсов

Виноградов Сергей Николаевич
orcid.org/0000-0001-5321-4932
доктор филологических наук,
профессор
кафедры современного русского языка
и общего языкознания,
Институт филологии и журналистики
vinogradov54@mail.ru

Шавлюк Валентина Борисовна
orcid.org/0000-0002-8343-8379
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра современного русского языка
и общего языкознания,
Институт филологии и журналистики
vbsh@inbox.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Text-Speech Modeling of Addressee of Advertising Training Courses

Sergey N. Vinogradov
orcid.org/0000-0001-5321-4932
Doctor of Philology, Professor
Department of Modern Russian Language
and General Linguistics
Institute of Philology and Journalism
vinogradov54@mail.ru

Valentina B. Shavlyuk
orcid.org/0000-0002-8343-8379
PhD in Philology, Associate Professor
Department of Modern Russian Language
and General Linguistics
Institute of Philology and Journalism
vbsh@inbox.ru

National Research Lobachevsky
State University
of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Виноградов С. Н., Шавлюк В. Б., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается образ целевой аудитории рекламы обучающих курсов. Авторы ставят цель — охарактеризовать речевое моделирование адресата рекламы на материале рекламного дискурса. Объектом исследования является частный дискурс рекламы обучения испанскому языку, предметом исследования стали языковые и речевые единицы рекламного текста, создающие психологический и речевой портрет адресата рекламы. Новизна исследования видится в том, что на основе рекламных текстов анализируются коммуникативные особенности не их авторов, а их адресатов. Актуальность исследования обусловлена важностью рекламного дискурса в современной массовой культуре, в частности интересом к его воздействующей функции. Авторы останавливаются на свойствах рекламного текста как одного из инструментов таргетирования, которое осуществляется благодаря положительной тональности, создаваемой системой языковых и речевых единиц. Анализируются наиболее активные языковые и речевые средства создания положительной тональности в тексте рекламы обучающих курсов. Особое внимание уделяется лексике разных тематических групп. Авторы делают вывод, что лексический состав рекламы учебных курсов даёт возможность реконструировать фрагменты психологического и речевого портрета адресатов рекламы (обучаемых), моделировать их психологические особенности, круг их интересов и предпочтений.

Ключевые слова:
текстово-речевое моделирование; педагогический дискурс; рекламный дискурс; антропоцентры рекламного дискурса; таргетирование рекламы; адресат рекламы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The image of the target audience of training courses advertising is considered. The authors set a goal — to characterize the speech modeling of the addressee of advertisement on the basis of advertising discourse. The object of the study is the private discourse of Spanish courses advertising, the subject of the study is the language and speech units of the advertising text, which create a psychological and speech portrait of the addressee of the advertisement. The novelty of the study is seen in the fact that, on the basis of advertising texts, the communicative features of not their authors, but their addressees are analyzed. The relevance of the study is due to the importance of advertising discourse in modern mass culture, in particular, the interest in its influencing function. The authors dwell on the properties of the advertising text as one of the targeting tools, which is carried out due to the positive tone created by the system of language and speech units. The most active language and speech means of creating a positive tone in the text of advertising training courses are analyzed. Particular attention is paid to the vocabulary of different thematic groups. The authors conclude that the lexical composition of advertising training courses makes it possible to reconstruct fragments of the psychological and speech portrait of advertising recipients (students), to model their psychological characteristics, their range of interests and preferences.

Key words:
text-speech modeling; pedagogical discourse; advertising discourse; anthropocentres of advertising discourse; advertising targeting; addressee of advertisement.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’42:[659.11:004.738.5]

Текстово-речевое моделирование адресата рекламы учебных курсов

© Виноградов С. Н., Шавлюк В. Б., 2022

1. Введение = Introduction

Согласно современным научным взглядам, дискурс представляет собой единство речи и экстралингвистических факторов [Лингвистический …, 1990, с. 137]. К экстралингвистической сфере, в частности, относятся участники коммуникации — адресант и адресат текстовой информации (назовём их антропоцентрами дискурса) — и их характеристики. Во взаимодействии антропоцентров дискурса особое значение имеет эмпатия создателя текста, то есть способность представить себя на месте другого человека и понять его чувства, желания, идеи и поступки, и симпатия читателя, которая отражает способность последнего в силу своего внутреннего состояния и жизненного и эмоционального опыта «сочувствовать изображаемому» [Щирова и др., 2007, с. 179—180].

Дискурс организован иерархически. В этой иерархии выделяются общий, частный и конкретный дискурсы [Ерофеева и др., 2003]. Общий дискурс может быть подразделён по тематико-ситуационному принципу на частные дискурсы, основанные на одной теме-ситуации. По-видимому, рекламный дискурс является общим дискурсом, а дискурс рекламы учебных курсов — частным дискурсом. Тогда возникает вопрос: каковы специфические свойства и факторы этого частного дискурса?

Тексты, функционирующие в рекламном дискурсе, созданы авторами рекламы. Адресат рекламы не создаёт текстов. Но рекламный текст должен содержать информацию, соответствующую состоянию, жизненному и эмоциональному опыту адресата, вызывать его положительный отклик.

Актуальность исследования рекламного дискурса и его элементов обусловлена тем, что реклама играет важную роль в современной массовой культуре, в понимании социальных и психологических свойств участников рекламного взаимодействия, в отражении языковой картины мира современного общества.

Цель статьи — описать образ адресата рекламы (целевой аудитории) на основе лингвистического анализа рекламных текстов обучающих курсов. Новизна и нетривиальность этой цели связана с тем, что приходится судить об адресате по косвенным признакам — не по его собственной речи, а по контенту, призванному оказывать воздействие на адресата.

CC BY

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования служат тексты рекламы курсов обучения испанскому языку объемом более 8000 словоупотреблений. Проанализированные рекламные сообщения размещены в социальной сети ВКонтакте — в посвященных изучению испанского языка тематических сообществах, группах, на индивидуальных страницах преподавателей (Испанский язык, Центр испанского языка и культуры ESP Club Moscú, Испанский язык за чашечкой кофе, Испанизация|Твой испанский онлайн, Искрометный испанский с Юлией Дудка, Испанский с Аленой Кичигиной, Ольга Ланченкова. Испанский с удовольствием, Español para todos). Тексты являются обращениями к пользователям социальной сети ВКонтакте, заинтересованным в изучении испанского языка. Большинство этих текстов написано преподавателями, создавшими собственные группы в данной социальной сети для общения с реальными учениками и привлечения потенциальных учеников, поэтому в них проявляются характерные черты преподавателя как языковой личности и отражается его представление о личности адресата рекламы. Ниже представим один из примеров рекламы обучающего курса (орфография и пунктуация здесь и далее в примерах сохранены):

Привет, (ИМЯ)! Я на минуточку)

27 мая стартует легендарный курс PANDERAS Если ты решила не стоять на месте, то этот курс для тебя Курс длится 2 месяца. СТОИМОСТЬ: тариф Лайт без обратной связи: — 5 900 рублей за месяц; — или 10 500 рублей при оплате двух месяцев сразу;

тариф Стандарт с детальными проверками от кураторов: — 7 900 рублей за месяц; — или 13 200 рублей при оплате двух месяцев сразу. Успех за быстрыми, поэтому первые 10 счастливчиков, которые введут прямо сейчас на нашем сайте промокод MISUERTE2021, получат дополнительную скидку 15 % на любой тариф.

Самых быстрых и решительных ждёт успех! Не упусти свою удачу Остальные подробности в посте — https://vk.com/wall-39964776_69101 Твой ключ к Новым открытиям — https://испанизация.рф/panderas Решайся на этот шаг и до встречи! Ссылка для тех, кому не нужны ключи к новым открытиям — https://vk.com/app5898182_-39964776#d=0 [АА].

При исследовании нами были использованы общенаучные и общелингвистические методы наблюдения и описания, дискурсивный метод (исследуются свойства педагогического дискурса и дискурса рекламы), методика моделирования (элементы дискурса моделируются с помощью языковых и речевых средств), семиотическая методика (элементы языка и

CC BY

речи рассматриваются как семиотические объекты — знаки, планом содержания которых являются черты портрета адресатов рекламы обучающих курсов).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Текстово-речевое таргетирование рекламы

Одним из инструментов, реализующих принцип эмпатии в рекламном дискурсе, является таргетирование, или таргетинг (от англ. *Target* — цель) — «настройка показа интернет-рекламы точно определённой группе людей, на которых нацелен рекламируемый товар или услуга» [Что такое таргетинг …]. В процессе таргетинга составляется портрет целевого пользователя (пол, возраст, интересы и т. д.). Таргетинг («настройка на цель») — многоплановая процедура, включающая несколько разновидностей: таргетинг тематический, по интересам, поведенческий, географический, временной, социально-демографический и, возможно, другие виды. Эти разновидности таргетинга взаимодействуют, образуя систему. На наш взгляд, к ним следует добавить текстово-речевой таргетинг, отражающий представление о том, какие особенности текста и речи рекламы будут важными, интересными, привлекательными для целевой аудитории.

Необходимым условием успешного воздействия рекламы на адресата является привлекательность рекламного текста, его положительная тональность. Тональность — «текстовая категория, в которой находит отражение эмоционально-волевая установка автора текста при достижении конкретной коммуникативной цели, психологическая позиция автора по отношению к излагаемому, а также к адресату и ситуации общения» [Стилистический …, 2011, с. 549]. В понимании ведущей роли эмоционально-волевой установки автора текста отражена взаимосвязь понятий тональности и эмотивности [Богданова и др., 2020, с. 138]. Тональность текста предполагает эмоциональную окраску, в которой подаётся то или иное сообщение и которая не сводится к стилистическим аспектам речи — экспрессивно-стилистической окраске языковых и речевых единиц. Тональность текста создаётся сложной системой экстралингвистических факторов. Чтобы рекламный текст имел положительную тональность для адресата рекламы, необходимо учесть эти факторы.

Анализ тональности текста является одним из основных направлений компьютерной лингвистики, которое берёт своё начало в последней декаде XX века [Семина, 2020, с. 49]. В процессе разработки методов анализа тональности, или сентимент-анализа, обнаружились проблемы, решение которых было чрезвычайно трудно формализовать: метафоричность языка, зависимость анализа от неявного контекста, от предметной области тек-

CC BY

ста и т. д. В частности, изменение контекста и предметной области могут в корне изменить тональность исследуемого текста.

Сложность указанных факторов обусловила употребление термина *тональность* в широком смысле — не только для характеристики положительной или отрицательной окраски текста, но и для описания всевозможных жанров текста и ситуаций его функционирования. Широкая предметная отнесенность термина *тональность* определяет многоаспектное описание данной текстовой категории. Т. В. Матвеева выделяет три способа описания тональности текста: полевое, речедеятельностное и жанровое [Матвеева, 1996, с. 212—220]. В. И. Карасик выделяет целый ряд видов тональности, который не является исчерпывающим [Карасик, 2008, с. 100]. В текстах социальной рекламы А. Н. Солодовникова выделяет следующий ряд тональностей: назидательная, предупреждающая, порицающая, доверительная, оптимистическая, воодушевляющая, игровая, шутливо-ироническая. Эти тональности связаны с антропоцентрами социальной рекламы: в арсенале коммуникатора социальной рекламы есть четкий набор образов-масок [Солодовникова, 2011, с. 652].

Общее понятие тональности нередко сводится к трём её разновидностям: положительной, отрицательной и нейтральной. Из свойств рекламного дискурса вытекает, что текст рекламы должен быть привлекательным для её адресата и, следовательно, иметь для него положительную тональность.

3.2. Дискурсивная характеристика рекламы обучающих курсов

Данный частный дискурс содержит элементы рекламы и обучения. «Связь рекламного дискурса с другими типами институционального общения проявляется не только в заимствовании рекламным дискурсом жанровых форматов политической, юридической, педагогической коммуникации, но и в действии обратных процессов, а именно в проникновении рекламной прагматики в другие дискурсивные системы, в результате чего образуются такие диффузные жанры, как политическая реклама (листовки, предвыборные кампании и др.) в пространстве политического дискурса, реклама образовательных услуг как периферийная разновидность педагогического дискурса (объявления, брошюры и др.)» [Чалова, 2020, с. 87]. Существенные черты рекламного дискурса охарактеризованы выше. Рассмотрим теперь особенности обучения как особого дискурса.

При дискурсивной характеристике процесса обучения используются различные термины: *образовательный дискурс*, *педагогический дискурс*, *учебный дискурс*, см., например [Карасик, 2002; Роботова, 2008; Студнев, 2011; Чалова, 2020]. Представляется, что содержание этих понятий близко. Наиболее распространённым является термин *педагогический дискурс*.

CC BY

Понятие педагогического дискурса в научных трудах охарактеризовано относительно подробно. В. И. Карасик рассматривает педагогический дискурс как институциональный, характеризующийся определёнными социолингвистическими характеристиками [Карасик, 2002, с. 209]. В структуре современного педагогического дискурса выделяются такие составляющие, как типовые участники, образовательная среда, хронотоп, цели, ценности и оценки, стратегии, жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы [Карасик, 2002, с. 209; Поспелова, 2009, с. 307; Пичугина, 2011, с. 23]. Организация педагогического дискурса состоит из нескольких этапов деятельности. «Со стороны учителя — это представление объекта для изучения или освоения, контроль усвоения и сообщение ученикам результатов контроля. Со стороны учеников — это знакомство с объектом изучения, усвоение информации или овладение компетенциями или умениями и прохождение стадии контроля» [Петрова, 2010, с. 178].

Но реклама образовательных курсов ограничивается начальным этапом — знакомством с объектом изучения и с некоторыми особенностями процесса обучения. Поэтому структура педагогического дискурса в рекламе обучающих курсов редуцирована по сравнению с обычной структурой педагогического дискурса. Адресант рекламы обучающих курсов, обращаясь к целевой аудитории, задаёт типовые роли (обучающий и обучаемый), ключевой концепт (ОБУЧЕНИЕ), апеллирует к ценностям (овладению знаниями и умениями).

Коммуникативные ценности создателя рекламы и педагога различаются. Чтобы охарактеризовать это различие, обратимся к понятию организационного учебного дискурса, под которым понимается «определённая логическая … последовательность дискурсивных практик или речевых действий … адресанта (обучающего), направленная на убеждение адресата (обучаемого) в необходимости и целесообразности совершения конкретного поступка, действия» [Комина, 2004, с. 6—7]. Для адресата рекламы таким поступком является запись на обучающий курс. Деятельность «обучающего» и «организатора» можно назвать регулирующей [Там же, с. 19]. Эта деятельность содержит элементы манипуляции, под которой понимается «разновидность скрытого речевого воздействия, направленного на достижение собственных целей субъекта воздействия, которые не совпадают с намерениями или противоречат желаниям и интересам объекта воздействия, при этом осуществляется неосознаваемый со стороны объекта контроль над его сознанием с помощью искажения, необъективной подачи информации, зафиксированной в тексте» [Гудина, 2011, с. 14]. В педагогическом дискурсе в большинстве случаев речь идёт о скрытом управлении, а не о манипуляции.

CC BY

3.3. Модель адресата рекламы обучающих курсов

Вслед за А. Н. Леонтьевым будем называть моделью «такую систему (множество), элементы которой находятся в отношении подобия … к элементам некоторой другой (моделируемой) системы» [Леонтьев, 1975, с. 54]. В нашем случае моделируемая система — личность адресата рекламы, а её модель — перечни лексических и других языковых единиц, их системные отношения из текстов рекламы, которые с учётом отношений между автором и адресатом рекламы выражают свойства личности адресата. Эта модель является знаковой, поскольку её элементы — употребляемые в тексте знаки языка. Будучи сложным, многоуровневым образованием, текст содержит множество «входов» в конструируемую реальность и может быть использован в рамках различных методик ее моделирования. Текстовая модель участвует в создании языкового портрета личности. Концепция языковой личности была детально разработана Ю. Н. Карауловым, который под языковой личностью понимал «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, целевой направленностью» [Караулов, 2004, с. 38]. Из этого определения следует, что языковой личностью является не только автор текстов (в том числе рекламных), но и тот, кто воспринимает тексты. Поэтому модель адресата рекламы является моделью его языковой личности.

Моделирующим потенциалом обладает активность (частотность) элементов текста. Подсчёт и сравнение их частоты употребления и интерпретация полученных результатов осуществляется в рамках контент-анализа, который, в частности, используется для исследования субъектов современного образования [Чуркина, 2020, с. 232—236]. Единицами, частота которых подсчитывалась, являются слова. При исследовании использовалась интернет-программа подсчёта слов в тексте [Подсчёт …]. Учитывались только знаменательные части речи: существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы, наречия.

Наиболее частотными словами (частота в материале исследования более 30) являются следующие: *я*, *вы*, *испанский*, *курс*, *мы*, *ты*, *язык*, *время*, *занятие*. Начальная форма слов является их представителем в исследовании. Частота получена путём суммирования всех словоформ данного слова. Например, словоформа *я* встречается в исследованном материале 83 раза, *меня* (родительный падеж местоимения *я*) — 24, *мне* (дательный падеж) — 17, *мной* (творительный падеж) — 7. Частота личного местоимения 1 лица *я* является суммой 83+24+17+7=131.

CC BY

Перечисленные частотные слова характеризуют некоторые важные свойства дискурса, в котором употребляются. Личные местоимения 1 и 2 лица *я*, *мы*, *ты*, *вы* в дискурсе активны, потому что активны в диалогической речи вообще. Диалог в педагогическом дискурсе ведётся между преподавателем и учащимся. Используя личные местоимения, автор рекламного текста называет себя и учеников, к которым обращается. Местоимения и глаголы первого лица называют автора (авторов) речи, местоимения и глаголы 2 лица — собеседника (собеседников). Значения 1 и 2 лица в педагогическом дискурсе создают оппозицию участников диалога, которая существенна для структуры изучаемого дискурса; 3 лицо выражает значение ‘предмет, не участвующий в диалоге’. Есть и другие речевые средства выражения указанной оппозиции в данном дискурсе: глагольные формы в 1 и 2 лице в сумме примерно вдвое активнее (частотнее), чем глагольные формы в 3 лице.

Слова *испанский*, *курс*, *язык* называют объект педагогической рекламы и тему данного частного дискурса — курсы испанского языка. Относительно активны и другие, менее частотные слова (в основном термины), характеризующие предметную область объектов педагогической рекламы: *слово*, *носитель* (языка), *фраза*, *речь*, *словарный запас*, *обучение*, *практикум*, *грамматика*, *разговорный диалог*, *навык* и др.

Слова *курс*, *время*, *занятие* связаны с организационным аспектом обучающего дискурса. К особенностям организационного педагогического текста относятся и другие слова данной тематики, имеющие меньшую частоту: *день*, *неделя*, *месяц*, *год*, *час* (понятия, отражающие длительность занятий и их циклов), *тема*, *урок*, *задание*, *результат*, *рассылка* (элементы процесса обучения) и т. д.

Таким образом, наиболее частотная лексика текстов рекламы обучающих курсов отражает диалогичность процесса обучения, предметную область и организационные аспекты изучаемого дискурса. Эти смыслы выражают некоторые фундаментальные свойства частного дискурса рекламы обучения испанскому языку. Одна из особенностей антропоцентров данного дискурса и оппозиции в нём преподавателей и учащихся — отсутствие собственных текстов учащихся. Однако в текстах рекламы, создаваемых преподавателями и организаторами занятий, просматриваются черты психологического портрета представителей целевой группы адресатов рекламы — потенциальных и реальных учеников. В этих текстах отражён текстово-речевой таргетинг, который осознанно или неосознанно осуществляют адресанты рекламы. Рассмотрим его подробнее.

В рекламе явно или неявно представлены черты учащихся, создающие проблемы при обучении, препятствующие успешному изучению иностранного языка. Прежде всего, среди этих черт выделяется страх обще-

CC BY

ния на чужом языке. Например: *... испытываете страх от одной мысли общения с носителями языка?*; *... из новичка, который боится языка, вы превратитесь в заряженного и уверенного в своих силах ученика*; *помочь вам во всём разобраться, преодолеть стеснительность и языковой барьер* [АА] (Здесь и далее границы между отдельными высказываниями обозначаются точкой с запятой).

Кроме страха общения, целевой аудитории, по мнению авторов рекламных текстов, присущи и другие виды проявления дискомфорта в ситуации общения на иностранном языке: беспокойство, сомнение, стеснительность, нерешительность. Эти черты вербализованы в рекламных текстах. Например: *тому, кто сомневается, могу посоветовать…*; *Если боитесь, что будете пропускать, не бойтесь: все занятия… будут записываться*; *Если… вы стесняетесь сдавать домашки в общий чат — присылайте в сообщения группы…*; *Стоимость занятий в паре составит 22500 за ВСЁ… Но не беспокойтесь. Пара у нас уже есть* [Там же].

Беспокойство ученика, помимо непосредственного обозначения лексическими средствами, может учитываться в подтексте. Например: *Курс уникальный, приятный, очень летний, позитивный и полезный, а главное — вкусный!* [Там же]. Цель этого высказывания — создание у обучаемого комфортного ощущения, положительного эмоционального отношения к учёбе, а подтекст — снятие сомнений, беспокойства. Данная цель достигается использованием лексики с положительной тональностью: *приятный*, *позитивный*, *полезный*, *вкусный*.

Создатели рекламы исходят из того, что её адресату в той или иной степени свойственна целеустремлённость, связанная с процессом изучения иностранного (испанского) языка, которая нередко напрямую отражена в текстах рекламы. Например: *Неважно, какую цель вы преследуете — нужен вам испанский язык для работы, учебы, путешествий или просто для души*; *Хотите или вам нужно знать испанский, а он всё никак не учится?.. Нужно идти дальше, а вы ещё толком не усвоили уже пройденное?.. Теперь все эти трудности можно решить без затрат времени и денег* (помимо целей обучаемых, в этом высказывании отражены их типичные трудности); *Если вы давно мечтаете заговорить на испанском языке, научиться его понимать и делать это правильно, то…* [Там же]. Здесь выражена возможная цель обучающихся, но в этом высказывании присутствует также «модальность мечты». Мечты и желания в рекламе курсов обычно слиты с целевыми установками. Например: *Хотите заговорить на испанском как носители?* [Там же].

Для успешного преподавания иностранного языка важна коммуникабельность учеников — и как наличное качество, и как психологическая по-

CC BY

тенция, которую можно развивать. Это качество адресатов также выражено в текстах реклам. Например: *Я вижу, что есть те, кто задают много вопросов, активничают и сдают домашние задания. Они огромные молодцы и обязательно получат результаты*; *Преподавание на испанском языке по коммуникативной методике: 70 % времени говорит ученик, 30% — преподаватель*; *Мои ученики: говорят на испанском; путешествуют по испаноязычным странам; <…> заводят испаноязычных друзей*; *Мы очень хотим рассказать о том, как у нас всё устроено. И в этот раз делать это будут сами ученики! Мы запланировали серию прямых эфиров, где я буду задавать ребятам вопросы, а потом вы сможете спросить о том, что вас интересует* [Там же].

Коммуникативные способности и возможности реципиента рекламы отражаются в имитации живых диалогов, весьма распространённой в рекламных текстах. Например: *Что мне даст практика с носителем? Во-первых, это по определению круто!..*; *Сколько стоит «Факультет» в день? При оплате месяца — 184 рубля в день*; *Думаете ещё? Поспешите*; *Многие скажут, что ДОРОГО. Дорого — 25 занятий с профессиональными преподавателями в группе, причём каждое третье из них — с носителем? Дорого — безлимитные индивидуальные уроки?..*; *— А вдруг у меня не хватит времени на обучение? Семья, работа / учёба, … Вам потребуется 30 минут в день* [Там же].

Авторы рекламы исходят из того, что целевая группа адресатов рекламы хорошо знакома с общением в интернете, с использованием особых значков (эмодзи) для интернет-общения, поэтому они тоже внедряются в тексты.

В рекламах обучающих курсов представлено отношение к обучаемым как к творческим личностям: *Лично я уверена, что каждый может всё. Главная задача этого проекта — дать вдохновение и мотивацию каждому из вас. Мотивацию творить, радоваться и учить испанский дальше* [Там же].

Следует отметить, что педагогический дискурс — развивающаяся система, в которой оппозиция «учитель — ученик» претерпевает качественные изменения. Ю. В. Щербинина выделяет в педагогическом дискурсе ряд универсальных прототипических представлений (мифологем), определяющих внутреннюю организацию дискурса и обеспечивающих его целостность: Ум, Свобода, Власть, Труд [Щербинина, 2010, с. 21]: «В последнее время отчётливо просматривается демифологизация ПД (педагогического дискурса. — *С. В., В. Ш.*), реализуемая в 1) постепенном, но последовательном разрушении сакральных представлений об образе и функциях Педагога, 2) закреплении сугубо прагматических установок, вопло-

CC BY

щённых в метафоре “приобретения” (“потребления”) знаний, 3) усилении формализации отношений обучающего и обучаемого, г) (вероятно, подразумевается «4)». — *С. В., В. Ш.*) снижении уважения к педагогической профессии» [Щербинина, 2010, с. 23]. Перечисленные процессы в полной мере отражаются в рекламе образовательных курсов. Десакрализация образа педагога проявляется в отношении адресанта рекламы к её адресату. В текстах рекламы адресант нередко выглядит как «свой в доску» — таким он конструирует собственный образ для тех, к кому обращается. Очевидно, это связано с общими процессами либерализации образования, с педагогическими установками на коммуникативное обучение иностранным языкам, когда сокращается дистанция между учителем и учеником: *У тебя будет препод-носитель, с которым можно похохотать, набрать себе в копилку живых разговорных выражений* ... [АА].

Автор рекламы использует жаргонную лексику, молодёжный речевой стиль: *Что ты получишь от клуба: крутое лайтовое сообщество ...*; *ты сможешь понимать носителя ..., не переживая, что тебя захейтят и засмеют за ошибки; кайфанешь от того, что тебя понимает носитель ... Я именно так его и задумывала — как кайфушечное ЛЕТНЕЕ мероприятие, чисто для тех, кто и учиться летом особо не настроен, но и забывать нафиг весь испанский язык за лето не хочет; ... в разговоре с носителем ты можешь нахвататься слэнговых словечек, которых не знает русский препод. Чтобы ввернуть при случае в разговоре и все такие ВАУ!* [Там же].

Прагматика рекламы (метафора «приобретения» знаний) отражается в информации об условиях и величине оплаты обучения, причём подача этой информации напоминает диалог продавца и покупателя на рынке. Например:

И это дорого? Вы смеетесь?; *И всё это менее чем 200 рублей в день. Более того, если что-то не понравится в первые 3 дня, я верну полную стоимость!*; *По-моему чудеснейшая инвестиция в своё самообразование. Такое разностороннее погружение за такие смешные деньги, не выходя из дома вряд ли можно найти где-то ещё* [Там же].

Вероятно, панибратский тон по отношению к потенциальным ученикам выбран автором рекламы специально, чтобы не подчеркивать классический характер отношений учителя и ученика. И многим такая манера приглашения присоединиться к занятиям действительно нравится. По-видимому, в рекламе для достижения её целей следует избегать подчёркивания формальных отношений педагога и ученика, поскольку формальные требования и условия могут отпугнуть потребителя. Формализация отношений возникает тогда, когда начинается полноценное педагогическое общение. Заметим, что неформальный способ общения с потенциальны-

CC BY

ми учениками — результат стилистического выбора авторов рекламы, которые, по-видимому, рассматривают опору на неформальные отношения между учеником и преподавателем как оправданную целями рекламы. Во всяком случае, такова модель общения преподавателя и ученика, широко представленная в изученном материале.

4. Заключение = Conclusions

Проанализированные в данной статье тексты имеют свойства разных дискурсов — рекламного и педагогического. Как репрезентант педагогической сферы рекламный текст образовательных курсов включает ряд составляющих (участники, коммуникативные цели, концепты, ценности и др.), причём структура изучаемого дискурса отражает только начало процесса обучения. Тем не менее в нём отчётливо выражены ролевые характеристики антропоцентров — обучающего и обучаемого. При этом в текстах репрезентирован организационный компонент, что позволяет говорить об организационно-педагогическом дискурсе.

Будучи рекламным, изучаемый дискурс характеризуется положительной тональностью текста, которая создаётся в процессе таргетирования. Текстово-речевое таргетирование рекламы позволяет обнаружить черты адресата рекламы — типичного представителя целевой группы.

Активность отдельных форм слов, лексем и частей речи отражает высокую степень диалогичности педагогического (организационно-педагогического) дискурса. Активность отдельных лексем связана с тематической принадлежностью дискурса, которая характеризует сферу интересов учащихся, и с организационными аспектами дискурса, которые важны для формирования ролей педагога и ученика.

Тексты рекламы содержат лексику и другие языковые единицы, которые указывают на черты характера типичных представителей целевой группы. Это связано с трудностями, которые приходится преодолевать и учащимся, и педагогам: страх общения на чужом языке, стеснительность, нерешительность, сомнения, беспокойство по поводу различных аспектов обучения. Вместе с тем адресаты рекламы обучающих курсов обладают или должны обладать психологическими чертами, без которых невозможно успешное обучение: коммуникабельностью, целеустремлённостью, которые обусловлены мечтами и желаниями, связанными с овладением иностранным языком. Развитие этих черт — забота педагогов, которые должны увидеть или попытаться сформировать данные особенности личности ученика. При общении с будущими учениками принимаются во внимание их возможности в сфере интернет-общения, креативные способности учащихся, материальные возможности.

CC BY

Разумеется, все эти особенности адресатов рекламы актуализируются в текстах посредством использования определенных речевых и языковых единиц: *страх*, *бояться*, *уверенный (в себе)*, *стеснительность*, *языковой барьер*, *беспокоиться*, *цель*, *трудности*, *хотеть*, *мечтать*, *задавать вопросы*, *интересовать*, *вдохновение*, *мотивация*, *радоваться* и др.

В последнее время в педагогическом дискурсе изменяется характер связи «учитель — ученик» вследствие десакрализации образа педагога и наблюдается «демифологизация» отношений между антропоцентрами дискурса. Характерным новым явлением в изучении иностранного языка является коммуникативный подход, который был предложен в 1970-х годах в Англии в качестве методики изучения английского языка как иностранного [Demirezen, 2011, с. 58]. Данный подход к преподаванию предполагает коммуникативную и личностно-ориентированную направленность обучения, сотрудничество между преподавателем и учащимся, создание у учащегося психологической и языковой готовности к обучению. Влияние коммуникативного метода обнаруживается в рекламах обучающих курсов (динамичность этих реклам, подчёркивание активной роли учащихся в обучении, внимание к психологическим аспектам их учебной деятельности, к имеющимся и будущим языковым компетенциям). Коммуникативные компетенции учащихся составляют существенную часть их психологического портрета.

Таким образом, текст рекламы обучающих курсов может использоваться для создания моделей адресата рекламы и его языковой личности. Элементами данных моделей являются перечни и группы лексического материала, используемые в рекламе и являющиеся знаковыми средствами данного типа моделирования, а также другие языковые единицы и явления (морфология, синтаксис, пунктуация и др.). Очевидно, подобное моделирование актуально не только для рекламных текстов, но для таких речевых жанров, у которых на первый план выходит языковая функция воздействия.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* автора.

Литература

1. *Богданова Т. Ф.* Основные теоретические проблемы, связанные с понятием тональности текста / Т. Ф. Богданова, Е. И. Бойчук // Верхневолжский филологический вестник. — 2020. — № 4 (23). — С. 136—141. — DOI: 10.20323/2499-9679-2020-4-23-136-141.

2. *Гудина О. А.* Манипуляция и её виды в педагогическом дискурсе / О. А. Гудина // Язык и культура. — 2011. — № 2 (14). — С. 13—21.

3. *Ерофеева Е. В.* К вопросу о соотношении понятий ТЕКСТ и ДИСКУРС / Е. В. Ерофеева, А. Н. Кудлаева // Проблемы социо- и психолингвистики : сборник статей. Пермский университет. Школа социопсихолингвистики. — 2003. — Выпуск 3. — С. 28—36.

4. *Карасик В. И.* Коммуникативная тональность / В. И. Карасик // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2008. — № 10. — С. 99—109.

5. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2.

6. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 2004. — 261 с. — ISBN 5-354-00768-2: 600.

7. *Комина Н. А.* Организационный дискурс в учебной ситуации (семантический и прагматический аспекты) : автореферат диссертации … доктора филологических наук 10.02.19 / Н. А. Комина. — Краснодар, 2004. — 38 с.

8. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. — Москва : Издательство политической литературы, 1975. — 304 с.

9. *Лингвистический* энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — 685 с. — ISBN 5-85270-031-2.

10. *Матвеева Т.* Тональность разговорного текста : три способа описания / Т. Матвеева // Stylistyka. — 1996. — С. 210—221.

11. *Петрова С. В.* Обучающий текст как герменевтическая проблема / С. В. Петрова // Труды 8-й международной научно-практической интернет-конференции «Преподаватель высшей школы в XXI веке». Сборник 8. — Ростов-на-Дону : Ростовский государственный университет путей сообщения, 2010. — Ч. 1. — С. 176—179. — ISBN 978-5-88814-274-5.

12. *Пичугина В. К.* Антропологический дискурс в педагогике : направления развития и пути интеграции / В. К. Пичугина // Ярославский педагогический вестник. — 2011. — № 2. — Том II (Психолого-педагогические науки). — С. 21—25.

13. *Подсчёт* одинаковых слов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://planetcalc.ru/3205/ (дата обращения 05.01.2022).

14. *Поспелова Ю. Ю.* Педагогический дискурс и его характеристики / Ю. Ю. Поспелова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2009. — № 1. — С. 307—310.

15. *Роботова А. С.* Современный педагогический дискурс / А. С. Роботова // Вестник Герценовского университета. — 2008. — № 12. — С. 19—25.

16. *Семина Т. А.* Анализ тональности текста : современные подходы и существующие проблемы / Т. А. Семина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание : Реферативный журнал. — 2020. — № 4. — С. 47—64.

17. *Солодовникова А. Н.* Тональность текста социальной рекламы / А. Н. Солодовникова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 6 (2). — С. 652—655.

18. *Стилистический* энциклопедический словарь русского языка. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 696 с. — ISBN 5-89349-342-7 (Флинта) ; ISBN 5-02- 002791-X 34 (Наука).

19. *Студнев Е. Ю.* Особенности фреймового анализа педагогического дискурса / Е. Ю. Студнев // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2011. — Выпуск 9 (101). — С. 242—245.

20. *Чалова О. Н.* Актуальное состояние жанровой системы научной коммуникации в поле институционального дискурса / О. Н. Чалова // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. — 2020. — № 2. — С. 86—89.

21. *Что такое* таргетинг и таргетированная реклама простыми словами [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://partnerkin.com/blog/articles/chto_takoe_targeting_i_targetirovannaya_reklama_prostymi_slovami (дата обращения 30.09.2021).

22. *Чуркина Н. И.* Субъекты современного образования и их репрезентация в педагогическом дискурсе / Н. И. Чуркина // Познание и деятельность : от прошлого к настоящему. Материалы II Всероссийской междисциплинарной научной конференции (Омск, 3 декабря 2020 года). — Омск : Издательство ОмГПУ, 2020. — С. 230—236. — ISBN 978-5-8268-2281-4.

23. *Щербинина Ю. В.* Гармонизация педагогического дискурса : автореферат диссертации … доктора педагогических наук 13.00.02 / Ю. В. Щербинина. — Москва, 2010. — 46 с.

24. *Щирова И. А.* Многомерность текста. Понимание и интерпретация : Учебное пособие / И. А. Щирова, Е. А. Гончарова. — Санкт-Петербург : Книжный Дом, 2007. — 472 с. — ISBN 978-5-94777-099-5.

25. *Demirezen M.* The Foundations of the Communicative Approach and Three of Its Application / M. Demirezen // Journal of Language and Linguistic Studies. — 2011. — Vol. 7. — № 1. — Pp. 57—71.

Material resources

AA — *Author's archive*. (In Russ.).

References

Bogdanova, T. F., Boychuk, E. I. (2020). The main theoretical problems related to the concept of the tonality of the text. *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin, 4 (23):* 136—141. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-4-23-136-141. (In Russ.).

Chalova, O. N. (2020). The current state of the genre system of scientific communication in the field of institutional discourse. *Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities, 2:* 86—89. (In Russ.).

Churkina, N. I. (2020). Subjects of modern education and their representation in pedagogical discourse. *Cognition and activity: from the past to the present. Materials of the II All-Russian Interdisciplinary Scientific Conference (Omsk, December 3, 2020).* Omsk: OmSPU Publishing House. 230—236. ISBN 978-5-8268-2281-4. (In Russ.).

Counting identical words. Available at: https://planetcalc.ru/3205/ (accessed 05.01.2022). (In Russ.).

Demirezen, M. (2011). The Foundations of the Communicative Approach and Three of Its Application. *Journal of Language and Linguistic Studies, 7 (1):* 57—71. Author's archive

Erofeeva, E. V., Kudlaeva, A. N. (2003). On the question of the correlation of the concepts of TEXT and DISCOURSE. *Problems of socio- and psycholinguistics: Collection of articles. Perm University. School of Sociopsycholinguistics, 3:* 28—36. (In Russ.).

Gudina, O. A. (2011). Manipulation and its types in pedagogical discourse. *Language and culture, 2 (14):* 13—21. (In Russ.).

Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse.* Volgograd: Peremena. 477 p. ISBN 5-88234-552-2. (In Russ.).

Karasik, V. I. (2008). Communicative tonality. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics, 10:* 99—109. (In Russ.).

Karaulov, Yu. N. (2004). *Russian language and linguistic personality.* Moscow: Nauka. 261 p. ISBN 5-354-00768-2: 600. (In Russ.).

Komina, N. A. (2004). *Organizational discourse in the educational situation (semantic and pragmatic aspects).* Author's abstract of PhD Diss. Krasnodar. 38 p. (In Russ.).

Leontiev, A. N. (1975). *Activity. Conscience. Personality.* Moscow: Publishing House of Political Literature. 304 p. (In Russ.).

Matveeva, T. (1996). Tonality of spoken text: three ways of description. In: *Stylistyka.* 210—221. (In Russ.).

Petrova, S. V. (2010). The teaching text as a hermeneutic problem. *Proceedings of the 8th International Scientific and Practical Internet Conference "Higher School teacher in the XXI century". Collection 8, (1).* Rostov-on-Don: Rostov State University of Railways. 176—179. ISBN 978-5-88814-274-5. (In Russ.).

Pichugina, V. K. (2011). Anthropological discourse in pedagogy: directions of development and ways of integration. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin, 2 (II) (Psychological and pedagogical sciences).* 21—25. (In Russ.).

Pospelova, Yu. Yu. (2009). Pedagogical discourse and its characteristics. *Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov, 1:* 307—310. (In Russ.).

Robotova, A. S. (2008). Modern pedagogical discourse. *Bulletin of the Herzen University, 12:* 19—25. (In Russ.).

Semina, T. A. (2020). Analysis of the tonality of the text: modern approaches and existing problems. *Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 6, Linguistics: Abstract Journal, 4:* 47—64. (In Russ.).

Shcherbinina, Yu. V. (2010). *Harmonization of pedagogical discourse.* Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 46 p. (In Russ.).

Shchirova, I. A., Goncharova, E. A. (2007). *The multidimensionality of the text. Understanding and interpretation: A textbook.* Saint Petersburg: Book House. 472 p. ISBN 978-5-94777-099-5. (In Russ.).

Solodovnikova, A. N. (2011). Tonality of the text of social advertising. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky, 6 (2):* 652—655. (In Russ.).

Studnev, E. Yu. (2011). Features of frame analysis of pedagogical discourse. *Bulletin of Tambov State University. Series: Humanities, 9 (101):* 242—245. (In Russ.).

Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language. (2006). Moscow: Flinta: Nauka. 696 p. ISBN 5-89349-342-7 (Flint); ISBN 5-02- 002791-X 34 (Nauka). (In Russ.).

What is targeting and targeted advertising in simple words. Available at: https://partnerkin.com/blog/articles/chto_takoe_targeting_i_targetirovannaya_reklama_prostymi_slovami (accessed 30.09.2021). (In Russ.).

Yartseva, V. N. (ed.). (1990). *Linguistic encyclopedic dictionary.* Moscow: Soviet Encyclopedia. 685 p. ISBN 5-85270-031-2. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 14.02.2022,
одобрена после рецензирования 31.03.2022,
подготовлена к публикации 15.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Гладко М. А. Метафора как инструмент реализации рекреативной функции в информационном теледискурсе / М. А. Гладко // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 211—227. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-211-227.

Gladko, M. A. (2022). Metaphor as Tool for Implementation of Recreational Function in Information Television Discourse. *Nauchnyi dialog, 11(3):* 211-227. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-211-227. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-211-227

Метафора как инструмент реализации рекреативной функции в информационном теледискурсе

Гладко Марина Александровна
orcid.org0000-0002-5268-960X
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра речеведения
и теории коммуникации
glad_26@tut.by

Минский государственный
лингвистический университет
(Минск, Беларусь)

Metaphor as Tool for Implementation of Recreational Function in Information Television Discourse

Marina A. Gladko
orcid.org0000-0002-5268-960X
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Speech Science
and Communication Theory
glad_26@tut.by

Minsk State
Linguistic University
(Minsk, Belarus)

© Гладко М. А., 2022

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируются особенности реализации рекреативной функции посредством метафорической лексики в информационном теледискурсе. Выявлены средства номинации нескольких метафор, сопряженных со сферами искусства и культуры. Рассматривается также метафора волшебства, поскольку ее использование в информационном дискурсе основано на непременном эмоциональном контакте со зрителем. Автор утверждает, что такие метафоры реализуют рекреативную функцию, которая сводится к комплексу функций: гедонистической, создания определенного эмоционально-психологического тонуса, релаксационной, эскапистской. Выявлено, что метафоры со сферами-источниками «Художественно-образные формы освоения мира» в силу яркости и эмоционального потенциала создаваемых ими образов конструируют знаковые для определенного момента события или явления за счет фиксации внимания адресата на их зрелищных характеристиках. Установлены фреймово-слотовые структуры, представляющие события социальной значимости, из жизни города как спектакля; захватывающее, полное разнообразных красок зрелище и др. Отмечается, что мастерство профессионалов в различных областях в необычных образах призвано моделировать определенное впечатление, отвлечение (эскапизм) от повседневности, наполненной трудностями и не всегда успешным преодолением преград. Выявлены ключевые единицы с анализируемыми сферами-источниками, формирующие пространство информационных текстов телевидения.

Ключевые слова:
телевизионный дискурс; информационный дискурс; рекреативная функция; метафора; искусство; волшебство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of the implementation of the recreational function through metaphorical vocabulary in the information television discourse are analyzed. The means of nomination of several metaphors associated with art and culture. The metaphor of magic is also considered, since its use in informational discourse is based on an indispensable emotional contact with the viewer, designed to evoke an impression. The author argues that such metaphors realize a recreational function, which is reduced to a complex of functions: hedonistic, creating a certain emotional and psychological tone, relaxation, escapist. It was revealed that metaphors with source spheres “Artistic and figurative forms of mastering the world”, due to the brightness and emotional potential of the images they create, construct significant events or phenomena for a certain moment by fixing the addressee’s attention on their spectacular characteristics. Frame-slot structures, representing events of social significance, from the life of the city as a performance; breathtaking, full of various colors spectacle, etc. are established. It is noted that the skill of professionals in various fields in unusual images is designed to simulate an impression, a distraction (escapism) from everyday life, filled with difficulties and not always successful overcoming obstacles. The key units with the analyzed spheres-sources, which form the space of television information texts, are identified.

Key words:
television discourse; information discourse; recreational function; metaphor; art; magic.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’42:654.19+81’373.612.2::159.942.5

Метафора как инструмент реализации рекреативной функции в информационном теледискурсе

© Гладко М. А., 2022

1. Введение = Introduction

Современное телевидение демонстрирует все более широкую реализацию рекреативных возможностей телевидения. Их представленность в телепространстве настолько значима, насколько важен для человека досуг в условиях больших нервных перегрузок, нелегкого труда. Исследователи называют следующие функции массмедиа: удовольствие, уход от реальности, редукции тревоги, реализация которых дает возможность аудитории забыть о проблемах и напряжении реальной жизни и получить удовольствие в вымышленном мире [Брайант, 2004, с. 44—52; Николаева, 2010, с. 58]. Телевидение предлагает, таким образом, легкий и доступный способ реализации рекреативной функции [Hartmann, 2012, с. 173], которая нацелена на создание условий для отдыха, развлечение, снятие напряжения, продуцирование удовольствия, психологической разрядки.

Конвергенция различных типов медиадискурса (развлекательный, рекламный, информационный, познавательный) диктует особые условия использования языковых инструментов. Вовлечение в речевой арсенал телевизионного текста языковых явлений, реализующих рекреативную функцию, стало ощутимой стратегией. Одним из таких средств является метафора. В ряде случаев она становится источником особенного и неповторимого художественного, эмоционального наслаждения, которое доставляет зрителю, стремящемуся отдохнуть и / либо скрыться в иллюзорном мире. Таким образом, информационные тексты представляют не меньший, чем публицистические жанры и медиатексты развлекательной и досуговой тематик, интерес для изучения потенциала и способов экспликации рекреативной функции, что обусловливает актуальность настоящей работы.

Несмотря на довольно обширный массив литературы, посвященной информационному дискурсу, фокус исследовательского внимания находится на развлекательном / игровом аспекте. Так, анализируются особенности языковой игры [Негрышев; Ширяева, 2014], реализации комического [Панченко, 2005], коммуникативных стратегий презентационного характера, игры с реальностью [Оляныч, 2004; Сметанина, 2002]. Однако, при всем тематическом и проблемном разнообразии работ, вопросы метафоризации и языковой экспликации рекреативной функции в информаци-

CC BY

онном дискурсе не освещены, что позволяет обосновать новизну предпринятого исследования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель данного исследования — выявление наиболее частотных метафорических единиц, реализующих рекреативную функцию в информационном теледискурсе. В качестве материала исследования выбраны 300 текстов — репрезентантов информационного теледискурса. Анализируемые медиатексты разнообразны по тематической направленности (социально-политические, общественные, экономические, культурные события), жанровой специфике (репортаж, новостная заметка, новость с комментариями экспертов, интервью, жизненная история).

В работе использовались традиционные общенаучные методы, такие как описание и классификация языкового материала, обобщение и наблюдение, целевая выборка, а также лингвистические методы: описательно-аналитический, контекстуальный, семантический анализа текста. Обобщение данных позволило выявить наиболее частотные метафоры, реализующие рекреативную функцию.

Телевизионный дискурс представляет собой особую сконструированную реальность. Намеренно отобранные события, объекты действительности, образы которых проходят перед глазами зрителей; реальные люди, предстающие в качестве актеров с заданными режиссером (журналистом) ролями; переживающая, восхищающаяся, негодующая аудитория зрителей, которые смотрят спектакль на голубом экране с целью отдохнуть, развлечься, убежать от собственных забот в мир грез и иллюзий. Из рядового события телевидение конструирует спектакль [Kellner, 2009, с. 3]. Отображение действительности в телевизионном информационном дискурсе, по меткому выражению Н. А. Хренова, «сопровождается активизацией зрелищной стихии» [Хренов, 2006, с. 56], оно основано на непременном эмоциональном контакте со зрителем, призвано пробуждать впечатление.

Рекреативная функция телевизионного дискурса сводится к комплексу функций: развлекательной, досуговой, эскапистской, создания определенного эмоционально-психологического тонуса, релаксационной [Федотова, 2014, с. 48]. И. Д. Фомичева выделяет функцию психического регулирования, подчеркивая, что психическое регулирование включает не только воздействие на психоэмоциональный тонус людей, формирование настроений и чувств [Фомичева, 1987, с. 70]. Эти эффекты достигаются через влияние содержания, форм подачи, приоритетов в отборе контента, дизайна и т. д. [Ammassari, 1988, с. 50; Федотова, 2014, с. 45]. При этом СМИ реализуют рекреативную функцию в соответствии со своими стратегическими целями.

CC BY

Речь идет о том, какого вектора настроения аудитории стремится добиться коммуникатор, активизирует ли автор сообщения положительную или негативную социальную активность, стремление к изоляции (эскапизм), состояние страха и т. д. [Фомичева, 2007, с. 46]. С. Г. Корконосенко выделяет отдельную группу функций, объединенных понятием психологической разрядки. К ней исследователь относит развлечение и релаксацию, гедонистическую функцию. При этом гедонистическая функция не сводится исключительно к развлечению. Как полагает автор, ее содержание намного богаче. Так, зритель получает удовольствие от оформления телевизионной студии, манеры ведущего произносить слова или блистательной игры ума в полемической публикации [Корносенко, 2001, с. 193].

Мы обратимся к особенностям реализации рекреативной функции некоторых метафор на материале информационного теледискурса. Обращение именно к этому виду медиадискурса требует некоторых пояснений. В целом рекреативная функция наиболее свойственна развлекательным и художественно-публицистическим жанрам, насыщенным игровым / зрелищным / юмористическим / досуговым контентом [Hartman, 2012, с. 172; Николаева, 2010, с. 60], обладающим высокой степенью эмоционально-образного воздействия, игровых форм подачи информации. В свою очередь, семантический аспект информационного теледискурса определяется установкой высказывания на «объективность» [Allan, 2004, с. 22]. Ключевое лингвистическое качество информационного текста — «прямая соотнесенность с референциальной составляющей означаемого, минимально искаженное коннотационными помехами» отображение предмета [Ширяева, 2014, с. 199]. Вместе с тем смещение содержательных предпочтений зрителя в сторону рекреативных тематик вызвало формирование инфотейнмента как особого типа информации, который отличает занимательная, развлекательная подача событий. Информационный дискурс в некоторой степени теснит представление последних известий и комментариев в сторону рекреативных элементов.

Стремление сочетать серьезное и рекреативное в информационном дискурсе объективируется в активном вкраплении *метафор*. Являясь источником когнитивного освоения реальности, они также позволяют эстетизировать текстовое пространство, моделировать удовольствие и, кроме того, помогают выделить главную мысль и акцентировать внимание зрителей на теме сообщения. По мнению Х. Ортега-и-Гассет, «метафора нужна нам не только для того, чтобы, благодаря полученному наименованию, сделать нашу мысль доступной для других людей; она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли» [Ортега-и-Гассет]. Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия отмечали, что метафора — «это изобразительное переосмысление “обычного” наименования» [Телия, 1988, с. 131]. Будучи одним из клю-

CC BY

чевых языковых средств, призванных формировать образ, информационную модель представляемого СМИ объекта, метафора участвует в развитии социального самосознания [Соловьева, 2013, с. 177], выражает социокультурные ориентиры. Ей присущи эпистемологический и онтологический аспекты, которые позволяют описывать, интерпретировать, оценивать действительность и выражать к ней личное отношение [Лонская, 2021, с. 2690].

Концепция метафорического моделирования действительности активно вербализуется в информационном дискурсе. Метафора используется с целью воздействия на мнения и решения адресата, на эмоциональную атмосферу, настроения в обществе; для того, чтобы «вызывать интерес к своим выражениям» [Будаев и др., 2006, с. 3]. Телевидение с момента своего появления стало сценой для спектакля, покровителем общества спектакля. Зрители, затаив дыхание, наблюдают за неожиданными, интригующими и захватывающими поворотами увлекательного спектакля на экране. Сценой становятся весь мир и действительность, невидимый режиссер (журналист) вовлекает зрителя в конструируемый мир образов и иллюзий, актеры спускаются со сцены в зал. Речь идет о сознательном стирании грани между жизнью и спектаклем, о придании самой жизни черт карнавала, условности и зыбкости [Кара-Мурза, 2009, с. 22]. Представлению событий действительности способствуют метафоры, отсылающие сознание зрителя к сфере искусства, необычности и волшебства. Использование таких метафор определяется ярким концептуальным вектором картинности, театральности, зрелищности действительности, что во многом способствует реализации рекреативной функции.

В исследовании мы придерживаемся методики анализа метафоры, согласно которой метафорическая модель имеет фреймо-слотовую организацию. Фрейм понимается как «фрагмент наивной языковой картины мира» [Чудинов, 2001, с. 132], слот — «элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации» [Чудинов, 2001, с. 132].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Метафора в информационном теледискурсе

Современный информационный теледискурс нацелен не только на передачу происходящего, но во многом на то, чтобы волновать и захватывать зрителя, реализуя рекреативную функцию. За основу классификации таких метафор взято основание *сфера-источник*. Реализации рекреативной функции способствует проникновение в информационный дискурс метафор, сопряженных со сферами искусства и культуры: театра, музыки, изобразительного искусства, — а также метафоры волшебства (табл. 1):

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Таблица 1

Сферы-источники метафор и их языковая экспликация в информационном теледискурсе

Сферы-источники		**Лексические единицы/сочетания**
Сфера-источник «Волшебство»		*сказка, волшебство (волшебный), магия, приоткрыть завесу тайны, раскрыть секреты, совершить путешествие в прошлое, осуществить волшебную сказку, окунуться в атмосферу волшебства, шабаш, превращается, оживить, телепортироваться*
Сфера-источник «Художественно-образные формы освоения мира»:		
	субсфера-источник «Театр»	*декорации, генеральный прогон, премьера, предпраздничное закулисье, сцена действий, приоткрыть занавес, за кулисами, игра*
	субсфера-источник «Музыка»	*гамма, музыкальные атрибуты, музыка, песня, звук, мелодия, заиграть, петь, клавиши, рояль, флейта*
	субсфера-источник «Изобразительное искусство»	картина, холст, мольберт, краски, акварель, панно, скульптура

Можно говорить об участии метафор этих сфер-источников в представлении всех сфер экономической, общественно-политической и культурной жизни. Набор сфер-источников невелик, но вместе с тем их использование призвано эстетизировать текстовое пространство, в определенной степени провоцировать эстетическое удовольствие, пробуждать удивление в силу неожиданности их применения в чуждой предметной сфере.

Г. Дебор отмечал, что общество спектакля — это «вечное настоящее», которое достигается посредством нескончаемой череды сообщений, идущей «по кругу от одной банальности к другой, но представленных с такой страстью, будто речь идет о важнейшем событии» [Дебор, 1999, с. 44]. Метафоры, в силу яркости и эмоционального потенциала создаваемых ими образов, конструируют знаковые для определенного момента событие, объект или явление. Последние помещаются в фокус внимания зрителя, иначе они не были бы замеченными. Так, строительство домов, административных зданий или цветочное оформление города — события довольно повседневные, частные. В телевизионном тексте они превращаются в запоминающиеся, социумные за счет фиксации внимания адресата на их зрелищных характеристиках: *160 тысяч будет введено для граждан,*

CC BY

нуждающихся в улучшении жилищных условий, в том числе 45 000 для многодетных семей. В настоящий момент осуществляется застройка в районе улиц Алибегова. ... При этом все чаще невыразительные фасады становятся своеобразным ***мольбертом*** *строителей* («Твой город», 18.07.2017) [АА]. Визуальный ряд активно поддерживает, иллюстрирует метафорическое представление действительности. Крупный кадр фокусирует внимание зрителя на ярких, оформленных разнообразными узорами зданиях в различных районах города на фоне яркого солнечного света. Такое представление городского пространства напоминает мольберт, на который нанесены яркие, красочные иллюстрации. Соответственно, новостное сообщение трансформируется из собственно фактуального в зрелищное, призванное доставлять эстетическое, эмоциональное наслаждение. Вкрапления вербальной и невербальной визуальности как средств продуцирования и распространения образов конструируют из обыденных фактов яркое зрелище. Информационное сообщение, помимо непосредственной соотнесенности с референциальной составляющей означаемого, направлено на моделирование удовольствия, релаксации и т. д.

Рассмотрим специфику функционирования выделенных метафор в информационном теледискурсе более подробно.

3.2. Театральная метафора в информационном теледискурсе

Метафоры сферы-источника «Художественно-образные формы освоения мира» оказывают влияние на текстовые репрезентации информационного дискурса, охватывают разнообразные аспекты экономической и общественной жизни. Это объясняется прагматическим эффектом, который, по мнению А. В. Олянича, заключается в 1) яркой визуализации образов, заслоняющей информационную составляющую дискурса; 2) транспонировании такого качества, как условность, на информационное пространство, с учетом того, что тем самым предоставляется возможность манипуляции общественным мнением; 3) диверсифицировании коммуникативного пространства за счет введения мощного воздействующего компонента иллюзии [Олянич, 2004, с. 24].

Метафорические конструкции организуют оболочку для представления различных событий в информационном дискурсе: экономических, социальных на уровне страны, региона, города. Театральность, картинность событий имеет тенденцию подчеркиваться метафорами субсферы-источника «Театр». Структура метафорической модели «события в городе / стране — это театр» задается структурой семантического поля *театр*. Представим эту модель как фреймовую структуру, в которую входят фреймы: «Театрально-постановочный процесс», «Элементы театрального

CC BY

здания». Их репрезентанты используются для создания ярких образов, которые облачают ординарные события и объекты реальности в красивую упаковку. Лексические, фразеологические единицы, входящие в выделенные фреймы, преимущественно представлены типичным набором мультиплицируемой в различных информационных текстах общеизвестной театральной лексики: *сюжет*, *генеральный прогон, премьера, спектакль*.

Образы, репрезентирующие фрейм «Театрально-постановочный процесс», прослеживаются в текстах, посвященных наиболее актуальным событиям социальной важности, городской жизни, сферы транспорта. Например: ***Генеральный прогон***. *Новая ветка метро проходит тест-драйв. ... Плюс три сотни новых автобусов и семьдесят пять современных троллейбусов. В столице обновляют транспортный парк, а заодно готовятся к* ***масштабной премьере***. *... Уже осенью откроют четыре станции Минского метро* («Твой город», 02.08.20) [АА]. Вкрапления, провоцирующие ассоциации значимых событий, аспектов жизни с театром, акцентируют их судьбоносность, масштабность и зрелищность. Визуализация смысла, транслируемого театральной метафорой, реализуется за счет презентации здания метрополитена, где кипит работа строителей, тестируется движение поезда. Крупноплановые кадры художественно-эстетического оформления станции, сияющей серебристой палитры ее интерьера вызывают ассоциации с фойе театра, в котором зрители ожидают начала спектакля. Соответственно, театральная метафора в сочетании с видеорядом дает зрителям возможность принимать происходящее на экране за спектакль, зрелищное мероприятие, предназначение которого — услаждать, удивлять и радовать публику.

Как заметил Г. Дебор, наблюдателя общества спектакля терзает мания подглядывания [Дебор, 1999, с. 56]. Театр, спектакль, в частности, — это подглядывание за жизнью. Информационный теледискурс дает возможность зрителю подсмотреть за жизнью других, соединяя мир реальный, с возможной неудовлетворенностью им, с миром идеальным. В итоге неудовлетворенность, которая присутствует в мире материальном, компенсируется [Юшкова, 2020, с. 140] в мире на экране.

Идея подглядывания особенно явно отражена в жанрах *интервью*, героями которого становятся известные личности — политики, спортсмены, люди из области культуры, а также *репортаж* об истории вещи / объекта действительности. В телевизионном сообщении, реализующем идею подглядывания за созданием вещи, работой профессионалов, театральная метафора активно реализуется через фрейм «Элементы театрального здания». Наиболее яркими маркерами становятся лексические единицы, эксплицирующие слоты: «Предметы, закрывающие сцену от зрительного зала»: *закулисье, кулисы, занавес*; «Действия с предметами, закрывающи-

CC BY

ми сцену»: *приоткрыть занавес, открыть завесу.* Использование этой группы лексики объясняется отсылкой к параллельному миру / сфере, скрытому (за сценой) от глаз большинства людей. Так, репортаж о готовности столичных торговых объектов к новогодней продаже оживляется «подглядыванием» за тем, как и из каких материалов собирается новогодняя елка, изготавливаются игрушки и гирлянды, в каких условиях работают специалисты, участвующие в этих процессах. Вербальное оформление подводки приглашает зрителя заглянуть в скрытую от всеобщих глаз зону: *Предпраздничное **закулисье** в твоем городе. В этом отделе, сюда покупатели **никогда не заглядывают**, тоже кипит работа* («Твой город», 19.11.17) [АА]. Лексические единицы, подчеркивающие скрытность, подсматривание за закрытой от зрителей жизнью зрелищного мероприятия: *не заглядывают*, *приоткрыть (занавес)*, *заглянуть (за кулисы)*, — позволяют автору увлекательно подать информацию, активируют любознательность зрителя: ***Заглянем за кулисы** и попробуем **приокрыть занавес** этого события* («Твой город», 04.03.2018) [Там же]. Соответственно, театральная метафора используется как инструмент рекреативности, дающий зрителю возможность отдохнуть от собственных переживаний, повседневных забот, наблюдая за жизнью, процессами, деятельностью других. Доминирует мотив использования метафоризации в качестве средства привлечения внимания к событиям действительности.

3.3. Метафоры сферы изобразительного искусства в информационном теледискурсе

Метафоры, сопряженные со сферой изобразительного искусства, являются наиболее вариативными в плане выражения в информационном теледискурсе. В основном они используются для создания ярких образов и выражения эстетической оценки. Вместе с тем важной функцией метафор сферы-источника «Изобразительное искусство» является функция распространения смыслов, значимых для определенного времени. Активную роль в конструировании этих смыслов выполняют метафоризированное словорепрезентант *искусство* и фрейм «Изобразительная деятельность»: *создать образ*, *скульптурная точность*, *изобразить в красках*, *запечатлеть*. Так, описываемые объекты, созданные человеком (город, клумбы, парки); события действительности отождествляются с захватывающим, увлекательным зрелищем, праздником. При этом метафоры нацелены на акцентирование идеи мастерства специалистов, в руках которых разнообразные объекты становятся искусством: *Цветы в руках столичных озеленителей превращаются в **искусство**. … А вот поддерживать модные стрижки кустарников помогают мастера топиарного **искусства**. Именно вот та-*

кие топиарные фигуры являются одним из символов Минска. … Лилии и рельефы требуют ***скульптурной точности****. А для этого нужен профессионализм и постоянная тренировка* («Твой город», 18.07.2017) [Там же].

Метафорическая репрезентация действительности, представляющая ее объекты как продукты искусства, в информационном дискурсе реализуется фреймами «Материалы / инструменты» и «Продукты материального воплощения искусства». Их лексемы-репрезентанты: *холст, краски, акварель*; *мольберт, панно*, *картина, скульптура (из деревьев)* — служат акцентированию идей декоративности, картинности городского пространства, а также высокого мастерства специалистов. Так, метафора изобразительного искусства, имея чувственную природу, в текстовом континууме помогает запечатлеть красоту, зрелищность города или страны, их эстетическую ценность: *На Партизанском проспекте выросли молодые деревья из цветов. Кстати,* ***красочные панно*** *украшают не только главные магистрали, но и въезды в город и транспортные развязки. … Дополнят* ***образ*** *и зеленые насаждения* («Твой город», 21.06.20) [Там же].

Городское пространство представлено сочетаниями метафор сферы-источника «Изобразительное искусство» и экспликаторов различных модусов перцепции. Среди последних преобладает лексико-семантическая группа «зрительных слов» — лексемы с семантикой «цвет» и «яркость»: ***Красные, желтые, белые, фиолетовые****. Цветы в руках столичных озеленителей превращаются в* ***краски****. А на природном* ***холсте*** *рождаются целые* ***картины****. …* ***Яркость красок*** *в твоем городе* («Твой город», 21.06.20) [Там же]. Живописность объемного впечатления в целом, а именно: изобразительная метафора, интенсивность и светоносность цвета, цветовые пятна-точки — способствует репрезентации многообразия красок, красоты впечатляющих ландшафтов страны, городских и природных объектов как аксиологически значимых компонентов ценностной картины мира. В привычных для зрителя городском, природном пространствах метафора изобразительного искусства открывает нечто новое, заставляющее адресата по-иному взглянуть на социальное пространство. Вербальное воплощение метафоры интенсифицируется видеорядом (кадры цветочных украшений, живописные пейзажи зеленых зон, золотистые поля с агрокультурами). Эти коды в комбинации с музыкальным сопровождением (легкая, приятная музыка) нацелены на усиление рекреативной функции текста.

3.4. Музыкальная метафора в информационном теледискурсе

Рекреативность явно прослеживается в случаях яркого и креативного обыгрывания смыслов посредством языковых единиц, эксплицирующих музыкальную метафору. Музыкальная метафора привлекается для описа-

CC BY

ния преимущественно музыкальных мероприятий. Доминантные маркеры метафоризации представлены существительным-номинантом *музыка*, лексемами фреймов, передающих метафорическое изображение: «Продукты исполнения» (*песня*, *звук, мелодия*), «Создание или воспроизведение музыки» (*заиграть*, *петь*). Метафорические изображения имеют преимущественно эмотивную направленность, создаются для переноса имеющегося у аудитории эмоционального отношения «к понятию-источнику на понятие, которое концептуализируется метафорическим значением слова» [Чудинов, 2001, с. 78]: *На* ***мажорной ноте****. Столичные энтузиасты собрали интерактивную коллекцию музыки* («Твой город», 21.06.20) [АА]. Музыкальная метафора *на мажорной ноте*, задающая тональность репортажу, позволяет сфокусировать внимание зрителя на характеристиках события, которые призваны оказывать прежде всего значимый эмоциональный эффект. «Мажорной» (*радостный, приподнято-веселый*) оказывается выставка необычных музыкальных инструментов, посещение которой должно зарядить зрителя позитивным настроем.

В целом метафорические конструкции сферы-источника «Музыка» служат акцентуации особого ракурса презентации действительности — эстетизации и зрелищности, что способствует реализации рекреативности в информационном телепространстве.

3.5. Метафора волшебства в информационном теледискурсе

Широко используются метафоры, по происхождению связанные с лексико-семантическим полем «Волшебство». В этом случае делается ставка на детское восприятие посредством апелляции к необычности формы, волшебным действиям, ярким фантастичным образам. Наиболее типична такая метафора для информационных текстов, сообщающих о достижениях спортсменов, представителей различных профессий в соревнованиях, конкурсах. Рассказывая о человеке, журналист наделяет героя репортажа сверхъестественными свойствами и возможностями. Распространенными метафоризированными лексемами, транслирующими идею волшебства, выступают слово-номинант *волшебство*, репрезентанты фрейма «Действия и процессы, связанные с волшебством». Лексические единицы, маркирующие магические действия и процессы: *превратить, оживить, телепортироваться, магия* — позволяют автору сообщения дать оценку действительности, представить определенную, развивающуюся по особым законам реальность. Так, белорусские специалисты неизменно улучшают, то есть трансформируют (превращают) различные объекты действительности в лучшие, которыми жители могут гордиться. В результате зритель погружается в мир беззаботного, почти сказочного существования, где

CC BY

процессы, объекты действительности легко транформируются, превращаются, оживают: ***Приручить энергию ветра.*** *Акватория Минского моря на время* ***превратилась*** *в соревновательную площадку для юных спортсменов* («Твой город»,02.08.20) [АА].

Метафоризированные единицы наделены образно-экспрессивной окраской в сочетании с аффективностью (легкие чувства и оттенки чувств удовольствия [Юнг, 1924]), что представляется довольно неожиданным при описании серьезных, знаковых для страны мероприятий или событий. Призванные моделировать эмоции, эстетическое удовольствие, такие вкрапления выполняют рекреативную функцию.

Вкрапления метафоры волшебства могут сопровождать описание подготовки к праздничным мероприятиям: *Город постепенно окунается в* ***атмосферу волшебства***. *Разноцветные гирлянды, нарядные витрины, на улицах даже постепенно вырастают елки* («Твой город», 09.11.17) [АА]. Образность и эмоциональная окрашенность метафоры, ассоциации, которые она вызывает, нацелены на пробуждение воображения зрителя, формирование гедонистического эффекта.

Метафора волшебства зачастую помогает автору моделировать яркий образ человека-профессионала в определенной области: *остановили время, унесли на другой конец света, оживили*. При этом акцентируются профессиональные возможности специалиста, образно переосмысляемые как позволяющие оказывать сверхъестественное воздействие: *В своем объекте* ***они остановили время***. *Столичные* ***фотографы*** *входят в топ 50 лучших фотохудожников мира* («Успеть до полуночи», 13.04.21) [Там же]. Характерно, что номинации профессий при отсутствии авторизации (имен специалистов) генерализируют высказывание, транспонируя трудовые победы на всех представителей конкретной профессии. В целом метафоризированные лексические единицы семантики волшебства, создавая яркий образ, ориентированы на формирование эстетического и эмоционального удовольствия, что способствует реализации рекреативной функции медиатекста. Зрелищность необычных образов, идея сверхъестественного действия в реальности призваны моделировать определенное впечатление, отвлечение от повседневности (эскапизм), наполненной трудностями и не всегда успешным преодолением преград.

4. Заключение = Conclusions

Реализуя идею общества спектакля, коммуникативное пространство информационного дискурса зачастую предполагает трансформацию темы / информации (например, участие столичных фотографов в международном профессиональном конкурсе, строительство новых жилых домов

CC BY

и т. д.) в ряд захватывающих и ярких визуализаций, картин-изображений с помощью метафор сферы искусства, метафоры волшебства. Они в силу яркости, часто необычности и эмоционального потенциала создаваемых ими образов служат релаксации, отдыху, которые сменяют интеллектуальное напряжение при восприятии «серьезной», фактуальной информации. Одновременно с этим они трансформируют рядовые, обыденные и, возможно, непривлекательные для многих зрителей факты и события в знаковые, значимые.

Помимо создания ярких образов, облачающих ординарные события и объекты реальности в красивую, зрелищную упаковку, эти метафоры служат передаче определенной идеи в удобной для восприятия форме. Они вносят в текстовый континуум определенные мировоззренческие смыслы путем моделирования нужного ракурса восприятия действительности или интерпретации реальности. Метафоры волшебства, изобразительного искусства в информационном дискурсе служат акцентированию идеи высокого мастерства специалистов, а также эстетизации и зрелищности, призваны культивировать повышенную чувствительность зрителя, заряжать эстетическим оптимизмом. Театральная метафора дает зрителям возможность принимать происходящее на экране за спектакль, зрелищное мероприятие, предназначение которого — услаждать, удивлять и радовать публику. Кроме того, театральная метафора реализует идею подглядывания, дает возможность зрителю подсмотреть за жизнью других.

В целом лингвокогнитивный план информационного дискурса нацелен на формирование определенной ценностной картины мира и ракурса восприятия действительности — радость жизни и легкость ее восприятия; красочная и яркая многообразная жизнь.

Литература

1. *Брайант Дж.* Основы воздействия СМИ / Дж. Брайант, С. Томпсон. — Москав : Вильямс, 2004. — 432 с. — ISBN 5-8459-0597-4.

2. *Будаев Э. В.* Метафора в политическом интердискурсе : монография / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2006. — 215 с. — ISBN 5718601658.

3. *Дебор Ги.* Общество спектакля / Ги Дебор. — Москва : Логос, 1999. — 183 с. — ISBN 978-5-86020-319-8.

4. *Кара-Мурза С. Г.* На пороге «оранжевой» революции / С. Г. Кара-Мурза, А. А. Александров, М. Мурашкин, С. Телегин, 2009. — 192 с. — ISBN 978-5-907024-69-4. — Режим доступа : https://bookap.info/psywar/orangrev/ (дата обращения 01.09.2021).

5. *Корконосенко С. Г.* Основы журналистики / С. Г. Корконосенко. — Москва : Аспект пресс, 2001. — 284 с. — ISBN 5-7567-0158-3.

6. *Лонская А. Ю.* Метафора в политическом дискурсе российских печатных СМИ как инструмент вербализации лингвокультурных реалий (1991—2008 гг.) / А. Ю. Лон-

ская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14 — № 9. — С. 2689—2694. — DOI: 10.30853/phil210462.

7. *Негрышев А. А.* Языковая игра в СМИ : текстообразующие механизмы и дискурсивные функции (на материале газетных новостей) [Электронный ресурс] / А. А. Негрышев. — Режим доступа : http://www.my-luni.ru/journal/clauses/98 (дата обращения 09.01.2022).

8. *Николаева А. А.* Гибридность как определяющий признак телевизионного формата / А. А. Новикова // Вестник МГУ. Серия 10. — 2010. — № 6. — С. 56—65.

9. *Олянич А. В.* Презентационная теория дискурса : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.02.19 / А. В. Олянич. — Волгоград, 2004. — 43 с.

10. *Ортега-и-Гассет Х.* Две главные метафоры [Электронный ресурс] / Хосе Ортега-и-Гассет. — Режим доступа : http://www.lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega11.txt (дата обращения 13.01.2022).

11. *Панченко Н. Н.* Лингвистическая реализация комического в английском новостном дискурсе : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.04 / Н. Н. Панченко. — Иркутск, 2005. — 22 с.

12. *Сметанина С. И.* Медиа-текст в системе культуры. Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века / С. И. Сметанина. — Санкт-Петербург : Издательство Михайлова В.А, 2002. — 384 с. — ISBN 5-8016-0174-0.

13. *Соловьева А. С.* Вербальная реализация социоморфной метафоры со сферой-мишенью “Евросоюз” в британских СМИ / А. С. Соловьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 4—2 (22). — С. 177—179.

14. *Телия В. Н.* Вторичная номинация и её виды / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. — Москва : Наука, 1988. — С. 129—221. — ISBN 5-02-010889-8.

15. *Федотова Н. А.* Рекреативные функции СМИ : учеб.-метод. Комплекс / Н. А. Федотова. — Минск : БГУ, 2014. — 106 с. — ISBN 978-985-566-087-4.

16. *Федотова Н. А.* Рекреативные функции СМИ : идеологический и политический контекст / Н. А. Федотова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия : Философия. Искусствоведение. — 2015. — Выпуск 94. — № 5 (360). — С. 414—420.

17. *Фомичева И. Д.* Печать, телевидение и радио в жизни советского человека / И. Д. Фомичева. — Москва : Издательство МГУ, 1987. — 167 с.

18. *Фомичева И. Д.* Социология СМИ / И. Д. Фомичева. — Москва : Аспект Пресс, 2007. — 335 с. — ISBN 978 5-7609-1425-5.

19. *Хренов Н. А.* Зрелища в эпоху восстания масс / Н. А. Хренов. — Москва : Наука, 2006. — 646 с. — ISBN 5-02-033887-7.

20. *Цветова Н. С.* Медиатекст в свете практической эстетики [Электронный ресурс] / Н. С. Цветова // Медиалингвистика. — 2017. — № 4 (19). — С. 18—26.

21. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2001. — 238 с. — ISBN 5-7186-0277-8.

22. *Ширяева О. В.* Специфика информационного медиадискурса : (на материале деловой прессы) / О. В. Ширяева // Известия ЮФУ. Филологические науки. — 2014. — № 4. — С. 197—203.

23. *Юшкова Н. А.* Подглядывание — необходимая потребность в жизни человека и общества / Н. А. Юшкова // Грамота. — 2020. — Том 13. — Выпуск 6. — С. 138—141. — DOI: 10.30853/manuscript.2020.6.26.

24. *Allan S.* News Culture / S. Allan. — Open University Press : Buckingham, 2004. — 235 p. — ISBN 9780335235650.

25. *Ammassari E.* Leisure and the Mass Media / E. Ammassari // World Leisure and Recreation. — 1988. — Vol. 29. — № 1. — P. 50.

26. *Hartmann T.* Media Entertainment as a Result of Recreation and Psychological Growth / T. Hartmann // Encyclopedia of Media Studies. — 2012. — P. 173. — DOI: 10.1002/9781444361506.WBIEMS112.

27. *Kellner D.* Media spectacle and media events : some critical reflections / D. Kellner // Media Events in a Global Age. — Imprint Routledge, 2009. — 16 p. — ISBN 9780203872604.

References

Allan, S. (2004). *News Culture.* Open University Press: Buckingham. 235 p. ISBN 9780335235650.

Ammassari, E. (1988). Leisure and the Mass Media. *World Leisure and Recreation, 29 (1):* P. 50.

Bryant, J., Thompson, S. (2004). *Fundamentals of media impact.* Moscow: Williams. 432 p. ISBN 5-8459-0597-4. (In Russ.).

Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2006). *Metaphor in political interdiscourse: monograph.* Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 215 p. ISBN 5718601658. (In Russ.).

Chudinov, A. P. (2001). *Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor.* Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 238 p. ISBN 5-7186-0277-8. (In Russ.).

Deborah Guy. (1999). *Performance Society.* Moscow: Logos. 183 p. ISBN 978-5-86020-319-8. (In Russ.).

Fedotova, N. A. (2014). *Recreational functions of the media: studies.- method. Complex.* Minsk: BSU. 106 p. ISBN 978-985-566-087-4. (In Russ.).

Fedotova, N. A. (2015). Recreational functions of mass media: ideological and political context. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philosophy. Art history, 94 / 5 (360):* 414—420. (In Russ.).

Fomicheva, I. D. (1987). *Print, television and radio in the life of a Soviet man.* Moscow: Publishing House of Moscow State University. 167 p. (In Russ.).

Fomicheva, I. D. (2007). *Sociology of mass media.* Moscow: Aspect Press. 335 p. ISBN 978 5-7609-1425-5. (In Russ.).

Hartmann, T. (2012). Media Entertainment as a Result of Recreation and Psychological Growth. *Encyclopedia of Media Studies.* P. 173. DOI: 10.1002/9781444361506.WBIEMS112.

Kara-Murza, S. G., Alexandrov, A. A., Murashkin, M., Telegin, S. (2009). *On the threshold of the "orange" revolution.* 192 p. ISBN 978-5-907024-69-4. Available at: https://bookap.info/psywar/orangrev/ (accessed 01.09.2021). (In Russ.).

Kellner, D. (2009). Media spectacle and media events: some critical reflections. *Media Events in a Global Age.* Imprint Routledge. 16 p. ISBN 9780203872604.

Khrenov, N. A. (2006). *Spectacles in the era of the uprising of the masses.* Moscow: Nauka. 646 p. ISBN 5-02-033887-7. (In Russ.).

Korkonosenko, S. G. (2001). *Fundamentals of journalism.* Moscow: Aspect Press. 284 p. ISBN 5-7567-0158-3. (In Russ.).

Lonskaya, A. Yu. (2021). Metaphor in the political discourse of Russian print media as a tool for verbalization of linguistic and cultural realities (1991—2008). *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 14 (9):* 2689—2694. DOI: 10.30853/phil210462. (In Russ.).

Negryshev, A. A. *Language game in the media: text-forming mechanisms and discursive functions (based on newspaper news)*. Available at: http://www.my-luni.ru/journal/clauses/98 (accessed 09.01.2022). (In Russ.).

Nikolaeva, A. A. (2010). Hybridity as a defining feature of the television format. *Bulletin of Moscow State University. Series 10, 6:* 56—65. (In Russ.).

Olyanich, A. V. (2004). *Presentation theory of discourse.* Author's abstract of Doct. Diss. Volgograd. 43 p. (In Russ.).

Ortega y Gasset H. *Two main metaphors.* Available at: http://www.lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega11.txt (accessed 13.01.2022). (In Russ.).

Panchenko, N. N. (2005). *Linguistic realization of the comic in English news discourse.* Author's abstract of PhD Diss. Irkutsk. 22 p. (In Russ.).

Shiryaeva, O. V. (2014). Specifics of information media discourse: (based on the material of the business press). *News of the SFU. Philological sciences, 4:* 197—203. (In Russ.).

Smetanina, S. I. (2002). *Media text in the system of culture. Dynamic processes in the language and style of journalism of the late XX century.* St. Petersburg: Mikhailov V. A. Publishing House. 384 p. ISBN 5-8016-0174-0. (In Russ.).

Solovyova, A. S. (2013). Verbal realization of a sociomorphic metaphor with a target sphere "The European Union" in the British media. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 4—2 (22):* 177—179. (In Russ.).

Telia, V. N. (1988). Secondary nomination and its types. *Metaphor in language and text.* Moscow: Nauka. 129—221. ISBN 5-02-010889-8. (In Russ.).

Tsvetova, N. S. (2017). Mediatext in the light of practical aesthetics. *Media linguistics, 4 (19):* 18—26. Available at: https://medialing.ru/mediatekst-v-svete-prakticheskoj-ehstetiki (accessed 27.01.2022). (In Russ.).

Yushkova, N. A. (2020). Peeping is a necessary need in the life of a person and society. *Diploma, 13 (6):* 138—141. DOI:10.30853/manuscript.2020.6.26. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.11.2021,
одобрена после рецензирования 23.03.2022,
подготовлена к публикации 15.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Дубовицкая М. А. Американский графический роман : мультимодальность и идентичность / М. А. Дубовицкая // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 228—246. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-228-246.

Dubovitskaya M. A. (2022). American Graphic Novel: Multimodality and Identity. *Nauchnyi dialog, 11(3):* 228-246. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-228-246. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-228-246

Американский графический роман: мультимодальность и идентичность

Дубовицкая Мария Анатольевна
orcid.org/0000-0002-7003-8392
кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка
clouddancing@mail.ru

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
(Москва, Россия)

American Graphic Novel: Multimodality and Identity

Maria A. Dubovitskaya
orcid.org/0000-0002-7003-8392
PhD in Philology, Associate Professor, Department of English
clouddancing@mail.ru

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Дубовицкая М. А., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Графический роман рассматривается как мультимодальный текст — комплекс вербальной и визуальной составляющих, а также как особый литературный жанр. Разграничиваются понятия комикса и графического романа. Приводится определение понятия «мультимодальность», и описываются основные подходы к изучению мультимодального текста. Уделяется внимание вопросу идентичности в мультикультурном аспекте. На примере конкретного автобиографического графического романа анализируется дискурсивное конструирование идентичности визуальными и языковыми средствами. Обосновывается целесообразность применения критического дискурс-анализа для понимания вербальных и невербальных связей, визуальных образов и разновидностей коммуникации, а также текста и контекста. Для исследования языковой модальности графической новеллы применялись методы лингвостилистического, лексико-семантического и контекстуального анализа художественного текста, в то время как иконические составляющие рассматривались с помощью методов наблюдения, интерпретации и сопоставления их с текстом. В романе были выявлены социально-культурные доминанты еды и внешности, которые способствовали конвергенции стилистических и иконических средств выражения смысла. Приведены примеры совмещения языкового, метаязыкового и визуального планов выражения аспектов идентичности в пространстве американского графического романа как мультимодального текста.

Ключевые слова:
мультимодальный текст; графический роман; критический дискурс-анализ; мультимодальный дискурс-анализ; идентичность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The graphic novel is considered as a multimodal text — a complex of verbal and visual components. The differences between comics and graphic novels are explained. The definition of the concept of “multimodality” is given, and the main approaches to the study of a multimodal text are described. Attention is paid to the issue of identity in a multicultural aspect. On the example of a specific autobiographical graphic novel, the discursive construction of identity by visual and linguistic means is analyzed. The expediency of using critical discourse analysis to understand verbal and non-verbal connections, visual images and communications, as well as text and context is substantiated. To study the linguistic modality of the graphic novel, the methods of linguo-stylistic, lexico-semantic and contextual analysis of the literary text were used, while the iconic components were considered using the methods of observation, interpretation and comparison with the text. The sociocultural dominants of food and appearance were revealed in the novel, which contributed to the convergence of stylistic and iconic means of expressing meaning. Examples of combining linguistic, metalinguistic and visual aspects of expressing aspects of identity in the space of the American graphic novel as a multimodal text are given. The novelty of the study is seen in the demonstration of identity markers in a multimodal text.

Key words:
multimodal text; graphic novel; critical discourse analysis; multimodal discourse analysis; identity.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.111’42+82-31:766

Американский графический роман: мультимодальность и идентичность

© Дубовицкая М. А., 2022

1. Введение=Introduction

В современном мире поток непрерывный информации поступает через разные системы и каналы, что способствует симбиотической форме коммуникации. Несмотря на то, что феномен мультимодальности начал широко обсуждаться на рубеже XX—XXI веков, само явление известно с древнейших времен. Еще у народов майя были сосуды, украшенные картинками и текстами, которые образовывали повествования путем поворачивания посуды. Средневековые миниатюры наряду с изображением содержали надписи — отличным примером может служить цикл о жизни и работе ученого Раймунда Луллия. На миниатюре мы можем видеть рассказ о дискуссии Раймунда Луллия с его учеником и последователем Томасом Мейзье. Коммуникация с помощью визуальных средств естественна и имеет богатую историю.

Комикс как факт современной культуры сочетает в себе литературу и изобразительное искусство, синтез которых принес этому жанру огромную популярность. Графическая новелла является одним из форматов комиксов, ее главной особенностью стала равная роль языка и изображения для передачи смысла. В настоящее время графический роман, или новелла, пользуется популярностью у всех возрастов в силу того, что именно в этом формате поднимаются актуальные, острые социальные темы, находящие отклик в обществе. Полимодальная подача информации снимает определенное психологическое напряжение при рассмотрении резонирующих общественных вопросов. Актуальность данной статьи заключается в том, что впервые исследуется дискурсивное конструирование идентичности вербальными и невербальными способами на материале графического романа. Теоретическая новизна работы заключается в комплексном подходе, совмещающем лингвистические [Анисимова, 1992; Сорокин и др., 1990 и др.], литературные [Бахтин, 1975] и социокультурные исследования [Taylor, 1994; Йоргансен и др., 2008], а также исследования в области социосемиотики [Kress et al., 2001].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для данного исследования послужил графический роман писательницы, художницы и журналиста Малаки Гариб (Malaka Gharib) «Я была их американской мечтой» (“I Was Their American Dream”, 2019).

CC BY

Этот текст с иллюстрациями можно отнести к одному из форматов комикса с большей долей вербальной составляющей, чем в традиционном комиксе. По своему размеру (162 страницы) и содержанию произведение Малаки Гариб соответствует художественному литературному тексту.

Целью исследования является определение составляющих дискурсивных маркеров идентичности в художественном графическом романе с учетом взаимодополнительности между вербальными и невербальными средствами.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: (1) уточнить понятие «мультимодальность», (2) выявить различия между комиксом и графической новеллой, (3) выявить и описать основные доминанты идентичности в свете мультикультурализма, а также языковые средства выражения идентичности в пространстве мультимодального текста, (4) определить роль невербального компонента в дискурсивном конструировании идентичности.

Исследуя тексты мультимодальной направленности, необходимо придерживаться подхода, при котором язык является одним из культурных кодов, поэтому языковые средства входят в число объектов анализа. Методика мультимодального дискурс-анализа, разработанная Гюнтером Крессом и Тео Ван Левеном, применяется в рамках социальной семиотики и предполагает выявление причин, целей, мотивации для создания сообщения в социуме, а для этого необходимо опираться на холистичный принцип рассмотрения различных семиотических систем и модальностей [Kress et al., 2001]. Языковая модальность не является центральным объектом анализа в мультимодальном дискурс-анализе, она рассматривается наравне с другими модальностями (визуальной, аудиальной). Наряду с мультимодальным дискурс-анализом используется критический дискурс-анализ, разработанный Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф. Ученые доказывали наличие разных дискурсов в одном, обнаруживая их при помощи узловых точек смысла или ключевых слов [Laclau et al., 2001]. Соотнесение ключевых слов с контекстом и их интерпретация позволят понять скрытые смыслы и подтекст. М. В. Йоргансен и Л. Дж. Филлипс в своем исследовании утверждают, что текст невозможно исследовать без связи с другими текстами и контекстами [Йоргансен и др., 2008]. Такой подход включает в себя анализ широкого спектра материалов, а также языковых и неязыковых средств.

Особенностью подхода Н. Фэйрклафа является конструирующая и конструируемая роль дискурса как важной формы социальной практики [Fairclough, 1989]. Под социальными практиками понимаются виды деятельности человека в разных сферах. Анализ всего многообразия практик позволяет увидеть динамику и структуру общества. Критический дискурс-

CC BY

анализ дает понимание вербальных и невербальных связей, визуальных образов и коммуникаций. Согласно Н. Фэйрклафу, есть три способа функционирования дискурса в социальных практиках: 1) социальная активность, связанная с деятельностью и использованием соответствующего языка, 2) рефлексия чужих и репрезентация своих практик, 3) дискурс как проявление идентичности, образа жизни и стиля [Ibid.]. Для выявления диалектической связи элементов социальных практик (деятельность, агенты и их социальные отношения, инструменты, объекты, время, место, ценности) анализируются текст и контекст. Текстоориентированный подход сочетается с междисциплинарным; детальный лингвистический анализ выполняется параллельно с социальным анализом. Н. Фэйрклаф вместе с другими учеными (С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер) утверждает, что язык конституирует идентичность, убеждения и социальные отношения. Человек беспрестанно конструирует реальность, в которой он находится. Этот процесс динамичный и постоянный, он может менять свой характер в зависимости от социального контекста. Самым важным элементом конструирования является идентичность, или самоидентичность. В языковом плане идентичность формируется на уровне коммуникативных средств в форме высказываний о ценностях, реалиях, убеждениях — словом, всего того, что может указывать на личность говорящего. Также идентичность может проявляться в противопоставлении себя другим, своей культуры чужой. Средствами языка идентичность может конструироваться на металингвистическом уровне в форме метаязыкового комментария в результате метаязыковой рефлексии, где последнее означает размышление говорящего над собственной речью и языком [Перфильева, 2006]. Таким образом, метаязыковой комментарий представляет собой вербальную репрезентацию метаязыковой рефлексии. Неязыковой план исследования идентичности может включать анализ иконических образов, цвета, костюма и шрифта.

В случае исследования графической новеллы мультимодальный дискурс-анализ предполагает исследование вербальной и невербальной составляющих одновременно. Для анализа языковой модальности графической новеллы применяются методы лингвостилистического, лексико-семантического и контекстуального анализа художественного текста, в то время как иконические составляющие исследуются с помощью методов наблюдения и интерпретации, а также сопоставления их с текстом.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. К определению мультимодальности

Гюнтер Кресс определяет *мультимодальность* как взаимодействие нескольких семиотических модусов для воспроизведения семиотическо-

CC BY

го продукта или события [Kress et al., 2001]. Под *модусом* понимают набор семиотических средств для передачи сообщения [Kukkonen, 2013]. Т. В. Вдовина считает, что «модусом может выступать любая признанная в рамках данной культуры система значений — речь, письмо, цвет, шрифт, жестикуляция, мимика, интонация и т. д» [Вдовина, 2012, с. 5]. Различные семиотические средства создают подходящий контекст для интерпретации и декодирования смыслов. Цель использования возможностей мультимодальности заключается в эффективности организации коммуникативного процесса и выполнения коммуникативных задач. Письмо, образ и цвет способны передать намного больше, чем мономодальный текст. Симультанность воздействия вербальных и невербальных компонентов является беспрекословным преимуществом мультимодальности и расширяет границы текстуальности. Согласно Ю. А. Сорокину, мультимодальные тексты — это «тексты, фактуры которых состоят из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин и др., 1990, с. 178—187].

В отечественной науке более распространенными являются термины *поликодовый* и *креолизованный тексты*, поскольку мультимодальный дискурс, как правило, включает несколько модальностей (аудиальную, визуальную), или несколько каналов восприятия и несколько семиотических систем (текст, изображение, графика). Так, Е. Е. Анисимова говорит о вербальном и изобразительном компонентах в креолизованном тексте, образующих «одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее его комплексное, прагматическое воздействие на адресат» [Анисимова, 1992. с. 74]. Схожее определение креолизованного текста, встречается у М. Б. Ворошиловой. В. Е. Черняевская употребляет термин *поликодовый текст*, подразумевая взаимодействие нескольких семиотических кодов в текстовом пространстве [Чернявская, 2009].

Применительно к нашему исследованию терминологическое различие между *креолизованным, мультимодальным* и *поликодовым текстами* не является принципиальным. Однако следует отметить, что жанр графического романа как один из форматов комиксов зародился в США, поэтому уже сложился западный подход к его изучению. Обзор исследований показывает, что применительно к интересующему нас типу текста в международных исследованиях широко используется термин *multimodal* [Bateman, 2008; Chu et al., 2015; Jewitt, 2005; Walsh, 2006]. В целях включения нашей работы в международный контекст мы будем говорить о *мультимодальности* графического романа, в основе которого лежит симультанность воздействия вербальных и невербальных компонентов.

CC BY

3.2. Комиксы и графические новеллы (романы)

У комиксов и графических романов есть общие истоки. Авторы эпохи Просвещения сопровождали иллюстрациями религиозные тексты, сатиру и юмор. Цикл картин и гравюр Уильяма Хогарта является ярким примером такого жанра. Во второй половине XIX века этот жанр развился, и появились целые циклы иллюстраций, объединенные одной сюжетной линией. Рудольф Тепфер, Вильгельм Буш, Ричард Ф. Аутколт не боялись экспериментировать, изображая слова и мысли героев в «облачках». В 1938 году вышел первый номер Action Comics с культовым героем — Суперменом, который ознаменовал новую эру комиксов. В настоящее время все чаще обращаются к термину *комикс*, чтобы разграничить огромный пласт произведений художественной направленности и выделить в нем этот сегмент текстов. Ряд ученых (Scott McCloud, David Carrier, Mario Saraceni, Douglas Wolk, Thierry Groensteen, Mike Chiin) предпочитают этот термин для обозначения иконического языка, который используется в рассказе в картинках, карикатуре, комиксе. Одного слова *комиксы* недостаточно, чтобы разграничить язык, жанр и поджанр. Журнал комиксов, карикатуры, иллюстрации и рекламу объединяет иконический язык, однако между ними есть отличия. Мы можем говорить о степени последовательности изложения, соотнесенности изображения непосредственно с текстом, текстово-графической развертываемости событий, чтобы разделить, например, карикатуру или рекламу и графическую новеллу.

Гораздо сложнее дифференцировать комиксы и графические новеллы, так как оба жанра имеют такие черты, как строгая последовательность изложения, графическая (иллюстративная) соотнесенность с текстом и динамическая развертываемость событий. Графические истории появились позже и являются продолжением и трансформацией жанра-предшественника. Главное различие комикса и графической новеллы касается категории хронотопа. Согласно М. М. Бахтину, «в литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время в романе сгущается, уплотняется, становится художественно зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [Бахтин, 1975, с. 235]. Последовательность диегетических событий формирует особый виртуальный мир хронотопа. Если сравнивать графическую новеллу и комиксы, то именно первая приближена к роману, если описаться на определение романа М. М. Бахтиным. В романе присутствует развитие, становление и описание формирования личности. Качества и черты героя не даны изначально, как в традицион-

CC BY

ных комиксах о супергероях, а подвергаются трансформации в результате выпавших на его долю испытаний. В то же время графическая новелла, обладая литературными чертами романа, имеет и безусловные отличия от последнего, продиктованные самой подачей мыслей автора. Визуализация текстовой информации накладывает на форму графического романа определенные ограничения. Вербальная составляющая графической истории сжимается, сокращается, передавая лишь суть авторской мысли и обрисовывая проблему и конфликт. Задача читателя заключается в том, чтобы восполнить недостающую информацию и понять авторский замысел с помощью невербальной, графической составляющей. Графическая новелла является текстом с полной креолизацией, с тесной взаимосвязью иконического и вербального знаков. Смысл произведения раскрывается одинаково с помощью изобразительного ряда и вербального текста.

3.3. Мультикультурный аспект. Идентичность. Дискурс

Вопрос мультикультурализма впервые был поднят в 1960-х годах на фоне обсуждения вопросов, сфокусированных вокруг организации жизни и быта гетерогенного этнокультурного населения и необходимости включения меньшинств в социально-культурный контекст. Чарльз Тейлор в своей самой знаковой статье постулировал необходимость глобального признания культурного разнообразия и избегания стереотипизации мышления в отношении меньшинств, так как «каждый наш голос неповторим и изрекает нечто уникальное» [Taylor, 1994, p. 42]. Общество становится все более гетерогенным, поэтому нужны механизмы и инструменты для понимания новых социальных конструктов. Слова *гетерогенный* и *мультикультурный* не являются синонимами. В мультикультурном обществе этнокультурное многообразие признается ценностью в отличие от гетерогенного общества, где это, скорее, проблема [Parekh, 2006, p. 5—6]. Концепция «плавильного котла», пропагандирующая модель этнического развития, зародилась в Америке с целью смешения разных народов и формирования единой нации и стала «национальным символом столетия» [Чертина, 2000]. Однако впоследствии эта концепция встретила резкую критику в лице сторонников культурного плюрализма (Г. Каллена, У. Джеймса, Д. Дьюи), которые отстаивали право меньших культур на самобытность. В настоящее время концепции мультикультурализма и культурного плюрализма продолжают развиваться, порождая метафоры культурного соседства, такие как «салатная миска», «мозаика», «калейдоскоп».

Культурный параллелизм, соседство или сосуществование непосредственно связаны с вопросом идентичности. В зависимости от степени открытости новой культуре у человека формируется синтезированное

CC BY

пространство, вмещающее элементы исходной и новой культур. Взаимопроникновение культур у индивида можно назвать «гибридизацией», а результат смешения культур получил название «гибридность» [Cohen et al., 2000]. Таким образом, гибридная идентичность находится в переходном состоянии между привычным и новым, при этом человек испытывает противоречивые чувства. В результате переживания нового опыта происходит переосмысление и переоценка, а также поиск возможностей выстроить свою жизнь в соответствии с новыми обстоятельствами и задачами. Безусловно, этот этап является переходным. Согласно антропологам Арнольду ван Геннепу [Геннеп, 1999] и Виктору Тернеру [Turner, 1992], переход включает в себя три состояния: отделение (утрата привычных ориентиров и точек опоры), переходное состояние и реагрегация (обретение новой целостности). Последнее происходит в рамках дискурсивного конструирования идентичности и рефлексии над чужими и своими социальными практиками. В психологическом плане у человека возникают эмоции, отражающие переживания, которые имплицируются в мультимодальном тексте графически и лингвистически. Эти эмоции максимально ярко проявляются на фоне культурных доминант, таких как еда (кухня), музыка, религия, костюм. Под религией могут пониматься просто социальные практики, отдаленно напоминающие религиозные представления, а под костюмом — принятые стандарты внешности, стиль в одежде и понимание красивого.

3.4. Дискурсивное конструирование идентичности в графическом романе “I Was Their American Dream”

Для анализа был взят автобиографический графический роман художницы и писательницы Малаки Гариб (Malaka Gharib) «Я была их американской мечтой» (“I Was Their American Dream”, 2019). Она выразила не только в словах, но и в иллюстрациях свой опыт межкультурного общения в семье и за ее пределами. Малака родилась в Америке, однако ее родители приехали в США уже в зрелом возрасте. Ее мать — филиппинка, а отец — египтянин. Хотя для Малаки Америка родная страна, она не может не ощущать связь со своими корнями. Родственники (арабы) со стороны отца, а также окружение, в котором девушка постоянно находится (филиппинцы), проживая в полиэтничном городе Серритос в Калифорнии, ставят вопрос самоопределения на первый план. Стремление осознать свой уникальный этнокультурный опыт может иметь разные причины: от интереса и любопытства до желания разрешить внутренний конфликт.

В графической новелле “I Was Their American Dream” происходит смена места действия. Путешествие и передвижение героини имеет большое значение в ее самоопределении не как достижении финальной завершен-

CC BY

ности, а как непрерывном процессе конструирования собственной идентичности в зависимости от социального контекста. Проследим траекторию передвижения главной героини. Малака родилась и выросла в Калифорнии, но постоянно ездила к своему отцу в Каир, у которого там была другая семья. Повзрослев, героиня приняла решение учиться в Сиракузском университете в штате Нью-Йорк. С демографической точки зрения эти места очень непохожи. Серритос — это город в округе Лос-Анджелес, Калифорния, где 61,9 % составляют азиаты и только 16,6 % — неиспаноязычное белое население. Город Сиракузы в штате Нью-Йорк, куда героиня отправляется учиться после окончания школы, является пятым по численности населения, где 56 % населения составляют белые.

Передвижение из одной точки в другую влияет на восприятие себя. В зависимости от количества национальностей, проживающих в одном месте, будет формироваться оценка себя и других.

Рассмотрим и проанализируем вербальный и невербальный компоненты текстовой презентации идентичности главной героини. История героини начинается с ее родителей и их ожиданий относительно новой страны проживания, во многом сформированных под влиянием песен и фильмов. Мама Малаки слышит о США из песен американского фолк-рок-дуэта Пола Саймона и Арта Гарфанкела, в частности, композиции «Америка», где упоминаются штат Мичиган и город Питтсбург. Отец Малаки воспринимал Америку через призму «американской мечты», в основе которой лежат свобода личности и выбора. Свободу предпринимательства и бесконечность возможностей олицетворяют высотки Нью-Йорка. На фоне визуальных небоскребов используются стилистические приемы перечисления: *... New York, with all the high-rise buildings and the cars and the shops and the malls* (Нью-Йорк со своими высотками, машинами, магазинами и торговыми центрами) (здесь и далее перевод наш. — *М. А.*) — и повторения отрицательной частицы: *Not Europe. Not Australia. Not Canada. Not Berlin, London, Paris*, а также стилистический графический прием, а именно использование заглавных букв (*AMERICA*) и перифраза: *I want OPEN SKY. I want AMERICA* (Я хочу открытое небо. Я хочу Америку) [Gharib, 2019, p. 16]. Перечисленные приемы являются средствами выражения идиллических представлений. Сочетание языка и графики придает эмоциональность и живость рассказу, в содержании которого ключевым понятием является мечта. Получение визы сопровождается визуализацией радости и иноязычными вкраплениями, обозначающими хвалу и благодарность Богу (*Insha'allah; Alhamdulillah*) [Ibid., p. 18]. Уже в США родители Малаки знакомятся и создают семью. В дальнейшем у филиппинки мамы и египтянина папы появляются разногласия на почве религии, социальных и семейных установок. Обвиняющий указательный

CC BY

жест сопровождается высказываниями-инвективами на иностранных языках: тагальском (*ang tigas ng ulo mo!*) и арабском (أنتِ صعبة), со сноской-переводом внизу (*Ты упрямый (ая)!*). Однако эмоциональность высказываний достигается восклицательными знаками, недовольным выражением лица и иноязычным графическим написанием, подчеркивающими конфликт культур и национальностей. Малака оказывается транслятором двух разных культур (филиппинской и арабской) в американской культуре, что приводит к различным формам синтеза и слияния.

В графической новелле можно выделить определенные культурные доминанты, которые в тексте выражаются лексически, стилистически и графически. Одной из таких культурных доминант является еда. Еда и кухня выступают важными индикаторами идентичности. Традиционное филиппинское блюдо монгго (суп из зеленой чечевицы, лука, чеснока, мяса, листьев моринги) описывается сильными прилагательными *most hated as a kid* и *fabulous* (ненавидимый в детстве и потрясающий) [Ibid., p. 30]. Традиции приготовления блюд передаются из поколения в поколение: *Garlic, onions, tomato — the trinity of Filipino cooking!* (Чеснок, лук, помидоры — троица филиппинской кухни) [Ibid., p. 38]. Лексема *trinity* обладает семантикой сакральности, которая хоть не присутствует в высказывании напрямую, но передает важность традиции, ее вневременность и актуальность. Изображение большого круглого стола, уставленного разнообразными яствами, за которым сидят многочисленные родственники, является фоном для перечисления традиционных блюд: *hot and sour soup* (горячий острокислый суп), *crispy noodle* (хрустящая лапша), *shrimp on the fried rice* (креветки на жареном рисе), *pork chops* (свиные отбивные) [Ibid., p. 39]. Блюда филиппинской кухни являются объединяющим элементом среди своих, например, *cuonao*, филиппинская версия паровой булочки с разными начинками, является частым перекусом в школе у детей с филиппинскими корнями: *Yuck! Cold Siopao for lunch. — Ugh. Me, too* (Фу! Холодная сиопао на обед. — Угу. У меня тоже) [Ibid., p. 42]. Национальное филиппинское блюдо *пансит* (жареная рисовая лапша с мясом, морепродуктами, овощами и так далее) выступает важной частью идентификации себя с родной культурой наряду с танцами, костюмами и письмом и ассоциируется с чем-то родным и близким, особенно в новой среде, где оказалась Малака, переехав учиться в Сиракузы [Ibid., p. 105]. Даже филиппинские консервы сардины «Лиго» оказываются вдруг желанным блюдом: *Finally! Some real food!* (Наконец-то! Настоящая еда!). Героине приятен аромат еды (вдыхаея его, она предлагает: *sniff* «понюхай»), в то время как у других этот запах вызывает отторжение [Ibid., p. 106]. Еда является богатым источником для сравнений и описаний в силу того, что она часть семейных и культурных традиций и имеет си-

CC BY

нестезийный характер. Полимодальное восприятие еды (цвет, запах, вкус, воспоминания, ассоциации) особенно ярко проявляется на расстоянии, когда человек вынужден оторваться от привычного окружения или обстановки (*big clouds of fluffy rice* — огромные облака воздушного, рассыпчатого риса). Кухня является поводом для сближения и неотъемлемой частью при знакомстве с культурой. Малака готовит свои, хорошо знакомые ей блюда для будущего мужа, которому непривычны специи и ингредиенты азиатской кухни, например тамаринд, однако они воспринимаются благожелательно: *That is EXTREMELY sour … and SO … tasty* (Это так кисло … и очень вкусно) [Ibid., p. 130]. Слова-усилители к прилагательным *sour* и *tasty* являются языковым выражением чувств и эмоций при знакомстве с новым и непривычным. Экспрессия достигается пунктуационным приемом использования многоточия и графически — написанием заглавных букв.

Из арабской кухни наиболее популярным является фалафель. Обозначение этого блюда, наряду с названиями блюд филиппинской кухни, участвует в образовании авторских неологизмов. Выражением *falafel surprise* (фалафель с сюрпризом) шутливо характеризуется идентичность главной героини, так как внутри традиционного фалафеля находится любимое ею консервированное мясо под маркой *SPAM* — аббревиатура от англ. ***S**houlder of **P**ork and h**AM*** (свиные лопатки и окорока): *Inside, there's a little chunk of SPAM, ha-ha-ha* (Внутри есть немного SPAMa, ха-ха-ха) [Ibid., p. 78]. Марка SPAM приобрела огромную популярность во время второй мировой войны, так как это мясо выдавалось солдатам и было доступно для населения в отличие от обычного мяса. Эта еда стала популярной не только в США и Англии, но и в Юго-Восточной Азии, в частности на Филиппинах, где SPAM является уже культурным символом страны. *Falafel surprise* иносказательно характеризует идентичность человека, в котором совмещаются разные культурные черты, в данном случае арабские, американские и филиппинские.

По этому же принципу лингвокреативность героини проявляется в образовании выражения *zaatar-covered onigiri* (онигири с заатаром) и *rose-water-flavored mochi* (моти с ароматом розовой воды). *Momu* (вид рисового теста) и *онигири* (пресный рис, слепленный в виде треугольника или шара) являются блюдами азиатской кухни, а *заатар* и розовая вода широко используются в ближневосточной кухне. Главная героиня подчеркивает сочетание в себе ближневосточной и азиатской культур в разных вариациях. Эти авторские неологизмы и метафоры являются ответом на оскорбительные эпитеты и обидные неологизмы извне: *whitewashed* (человек, который забыл свою культуру и привержен культуре большинства, или белых), *phony* (притворяющийся, здесь имеется в виду человек иной этничности, однако старающийся выглядеть как белый американец), *big fat poser* (самый

CC BY

настоящий позер, то же самое, что и *phony*), *banana* (азиат снаружи, белый внутри), *egg* (белый снаружи, азиат внутри), *twinkie* (кекс-закуска золотистого цвета с кремом внутри, то есть азиат снаружи, белый внутри) [Ibid., p. 77]. Оскорбительность эпитетов состоит в обвинении в неискренности и лицемерии людей, принадлежащих иной культуре, а также их стремлении замаскировать свою идентичность. Хотя перечисленные выше окказионализмы не стали подлинными неологизмами с пометкой в словаре, тем не менее они были подхвачены небольшой группой говорящих, использующих их многократно при референции к одним и тем же объектам. Потребность в новых словах возникла в результате отсутствия конвенциональных средств для выражения сложных явлений, а именно для маркирования принадлежности к нескольким культурам одновременно и умения переключаться с одного культурного кода на другой. Если судить по намерениям экспрессивно-эмоционального воздействия на носителя того или иного культурного кода, то можно говорить о наличии некоторой неприязни в отношении человека, вмещающего разные культурные ценности и особенности. Если расположить негативные окказионализмы-эпитеты на одной шкале, то самым оскорбительным будет *big fat poser* и *phony*, затем *white-washed*, а более или менее нейтральными, хотя тяготеющими к негативной коннотации, будут *banana*, *egg* и *twinkie*. Возвращаясь к ответу героини на недоброжелательные высказывания в свой адрес, охарактеризуем его как лингвистический способ психологической разрядки с помощью юмора и лингвокреативности (см. *falafel surprise, zaatar-covered onigiri u rosewater-flavored mochi*). Последняя является одновременно показателем лингвистической и металингвистической компетенций. На металингвистическом уровне осуществляется анализ слова и вырабатывается определенное отношение к коннотациям и подтексту.

Внешность (в том числе стиль) составляет другую культурную доминанту любого общества. В частности, цвет кожи как ключевой признак внешности является индикатором идентичности. Еще в начале романа при рождении Малаки ее отец обращает внимание на цвет кожи ребенка — смуглый (*brown*), обозначение впоследствии превратится в уменьшительно-ласкательное *brownie* (смугленькая). Здесь реконструируется положительная ассоциация с шоколадным пирожным «брауни». Цвет кожи выступает яркой отличительной чертой, подчеркивающей инаковость героини наряду с акцентом и кулинарными пристрастиями. С выражением недоумения на лице героиня произносит фразу: *I didn't really feel like a 'real American'* (Я и не чувствовала себя по-настоящему истинной американкой). Это утверждение является общим по отношению к последующим: *I had a round, brown face. I loved SPAM. I spoke English with a Tagalog accent*

CC BY

(У меня было круглое и смуглое лицо. Я обожала СПАМ. Я говорила на английском с тагальским акцентом) [Ibid., p. 54]. В первом обобщающем предложении с отрицанием (*didn't*) есть два однокоренных слова — прилагательное *real* и наречие *really* (настоящий, по-настоящему), которые создают эффект плеоназма, то есть избыточности. Лексема *feel* в тексте выделена графически волнистой линией, что совместно с оборотом речи плеоназмом добавляет эмоциональности целому высказыванию и лишает его аксиоматичности, придавая оттенок субъективности и вариативности. Если бы вместо слова *feel* был использован глагол *to be*, то тогда мы получили бы утверждение-аксиому *I really was not a 'real American'* (Я вообще-то не являюсь настоящей американкой) и последующие дедуктивные умозаключения, объясняющие, почему героиня не является американкой: она говорит с акцентом, любит популярные в среде филиппинцев блюда и имеет смуглую кожу. Однако здесь глагол *feel* дает модальность всей цепочке рассуждений, так как чувствовать не означает быть. Таким образом, героиня подчеркивает сложность и уникальность своей идентичности, при этом не постулирует невозможность быть американкой, даже имея нестандартную внешность, акцент и вкусовые пристрастия.

В той же модальности построено следующее утверждение главной героини: *Basically, I felt like a GIANT, SPAM-EATING FOB!* (В основном, я чувствовала себя огромным, поедающим СПАМ туристом) [Ibid., p.54]. Авторский неологизм и образность выявляют лингвокреативные способы преодоления конфликта, а также метаязыковой план рассуждения. Цвет кожи фигурирует в социальном конструкте и формирует бинарную оппозицию: белый — небелый (white-non-white). Город Серритос, как уже упоминалось выше, вмещает много национальностей и людей разной этничности, поэтому у героини формирование собственной идентичности идет на фоне культурного многообразия. Тем не менее, помимо привычной оппозиции *я — иной*, присутствует умозрительный образ белого американца: *What I really wanted, though, was to meet real-life white people. And Cerritos had hardly any!* (Чего мне действительно хотелось, так это повстречать настоящих белых американцев. В Серритосе их почти не было) [Ibid., p. 71]. Словосочетание *white people* в тексте графически выделено волнистой линией. Вызывает интерес употребление прилагательного *white* с грамматической точки зрения. Традиционно прилагательные, обозначающие цвет, относятся к качественным прилагательным, имеют степени сравнения и могут использоваться со словами, определяющими прилагательное. Однако в данном контексте прилагательное *white* является относительным, так как оно указывает на происхождение, тем не менее оно не теряет грамматических особенностей, присущих качественным прилагательным. Таким образом, прилагательное

CC BY

white употребляется в значении качественного в репликах главной героини: *He wasn't white, but he was close enough … Being one of the 'whitest' boys in school, he really had his pick of the litter* (Он не был белым, но был близок к этому. Как самый «белый» мальчик, он мог выбирать самых лучших для общения и дружбы) [Ibid., p. 72]. Нестандартное грамматическое употребление прилагательного *white* говорит о том, что конструкт «белый» рассматривается опосредованно, через составляющие его элементы, как будто на расстоянии. Главная героиня транслирует мнение большинства своих друзей, говоря о безусловном превосходстве американцев: *I just knew, as a 16-year-old, that white > whatever the hell I was* (Я просто знала наверняка в свои шестнадцать лет, что белый превосходит меня во много раз, какой бы я ни была) [Ibid., p. 73]. Графически подчеркнута вторая часть фразы, начиная со слова *белый*. Символ больше (>) дает дополнительную отсылку к школьным годам героини, а также является частью визуально-семантической связки с придаточной уступительной конструкцией (*whatever*) и усилительной разговорной частицей (*hell*), несущей огромную эмотивную нагрузку. Маркеры превосходства белого американца рассеяны в тексте и имеют отношение к его культурному коду. Они лежат в плоскости еды: *They do normal stuff like eat sandwiches for lunch* (Они делают нормальные вещи, например едят сэндвичи на обед), языка: *They have perfect American accents* (У них идеальный американский акцент), статуса и материального положения: *They get to have cool jobs, like magazine editors. They are richer than everyone else* (Они получают классную работу, например редактор журнала. Они богаче всех остальных), а также одежды: *Clothes and make-up just look better on them* (Одежда и косметика на них лучше) [Ibid.]. Противопоставление white — brown фигурирует в представлениях, стереотипах и знаках культуры, при этом *white* вызывает ряд положительных текстовых ключей: *special* (*… being white made you extra special* / белая кожа делала вас по-настоящему особенным), *better* (*… everything white people did was better* / у белых все лучше получалось), *such fine taste* (безупречный вкус), *white people stuff* (штуки / вещи белых). Под «вещами белых» подразумеваются различные элементы культуры: музыки (*Weezer* — рок-группа из Лос-Анджелеса, основанная в 1991 году), литературы (*Kurt Vonnegut, Jonathan Franzen*), кино (*Daria* — мультипликационный сериал с 1997 по 2002 года; *Donnie Darko* — культовый научно-фантастический фильм 2001 года) [Ibid., p. 74]. В графическом романе изображения, эмоционально-окрашенные знаки препинания (восклицательный, вопросительный знаки) и текстовые ключи соположены вертикально-горизонтальным образом, тем самым они компенсируют логически-последовательное изложение традиционного романа и дают читателю простор для интерпретации.

CC BY

Превосходство белой культуры манифестируется также с помощью эффектных речевых приемов, синтаксических конструкций (парцелляция, эпифора): *We are sending you to a white school so you can learn from them. Eat like them. Dress like them. Act like them* (Мы посылаем тебя в университет для белых, чтобы ты научилась у них. Ела как они. Одевалась как они. Вела себя как они) [Ibid., p. 90]. Учеба в городе Сиракузы в штате Нью-Йорк представляется временем радости. Изображение нотного стана и буквенный набор мелодии (howay oh huh oh hay oh uhh) передают воодушевленное настроение главной героини, которая проводит ассоциации между предстоящей поездкой и сюжетом американской подростковой драмы «Фелисити» (англ. Felicity), которая транслировалась с 1998 по 2002 годы [Ibid., p. 91]. Однако энтузиазм сменяется растерянностью, когда обстановка становится слишком отличной от привычной. Переезд — это встреча с другим этикетом и иными нормами поведения в обществе. Например, нельзя переходить личные границы и комментировать внешность собеседника: *Commenting on personal appearance was not cool. (Although very normal in Asian Culture)* / Делать замечания по поводу внешности не очень хорошо. (Хотя абсолютно нормально в азиатской культуре) [Ibid., p. 95]. Также считается бестактным интересоваться происхождением и национальностью. Вопрос *What are you?* (Кто ты по национальности?) может быть воспринят неодобрительно из-за подозрения, что собеседник намекает на чужеродность (*otherness*), и, соответственно, расцениваться как грубость (*being gross, crass*), оскорбление (*being offensive*) и уничижение (*being reductive*) [Ibid., p. 118]. Тем не менее для главной героини вопрос *"What are you?"* предоставляет возможность поговорить о том, что является неотъемлемой частью ее личности, а сам разговор на эту тему придает чувство уверенности и раскрывает ее индивидуальность.

4. Заключение=Conclusions

Графический роман является особым жанром, вмещающим огромный семиотический корпус. Это мультимодальный текст, внутри которого реализуются определённые социокультурные знания посредством вербальных и невербальных способов выражения. В силу жанровой характеристики графического романа можно наблюдать компрессию социальной реальности, при которой действует принцип комплементарности между вербальной и невербальной составляющими. Для передачи экспрессии автор использует лексические, стилистические, синтаксические и графические средства. Возможные сложности понимания читателем культурных и социальных норм компенсируются наглядным изображением и языковым подкреплением. Можно наблюдать равномерное распределение смысловой нагрузки в гра-

CC BY

фической новелле: там, где есть особый фокус на выразительных средствах языка, графическая и иконическая составляющие выступают фоном, и наоборот, при интенсивной визуальной подаче образа, вербальная сторона нивелируется. Языковые выразительные средства в графической новелле не являются столь разнообразными в отличие от традиционного романа, однако они дополняются иконическими и графическими знаками. Особую выразительную роль и мультимодальный характер приобретают иноязычные вкрапления, авторские неологизмы и метаязыковые комментарии, так как они совмещают в себе языковой и неязыковой планы выражения. Иноязычные вкрапления не требуют дешифровки со стороны читателя, они являются графически-художественным фоном. Авторские неологизмы (*zaatar-covered onigiri*) построены по принципу уже известных неологизмов (*banana, egg*) и подкреплены визуальным компонентом, что снимает сложность понимания и усиливает эффект. Выразительные синтаксические средства придают изложению динамику и создают аудиальный фон к визуальному ряду, который, в свою очередь, помогает читателю ориентироваться в столь разных культурах и ценностях. Лексические (*white-non-white*), семантические (*phony-unique*), графические (<), грамматические (*not*) противопоставления наряду с изображениями придают эмоциональность и выразительность повествованию, а также способствуют пониманию общего контекста.

Американский графический роман как один из форматов комиксов представляет огромный интерес для изучения взаимодействия лингвистического, экстралингвистического и визуального аспектов. Можно предположить, что чрезвычайно разнообразные средства языка и графики в пространстве мультимодального текста дают возможность писателю для творческого освещения наиболее сложных и противоречивых тем в обществе. Вопрос идентичности в эпоху глобализации и мультикультурализма является одной из таких тем.

Источники

1. *Gharib M.* I Was Their American Dream / M. Gharib. — New York : Clarkson Potter/ Publishers, 2019. — 162 p.

Литература

1. *Анисимова Е. Е.* Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) / Е. Е. Анисимова // Вопросы языкознания. — 1992. — № 1. — С. 71—78.

2. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 506 с.

3. *Вдовина Т. В.* Дискурс–анализ и перспективы применений социологических исследований : автореферат диссертации … кандидата социологических наук : 22.00.01 / Т. В. Вдовина. — Москва, 2012. — 23 с.

4. *Геннеп ван А.* Обряды перехода. Систематическое изучение образов / А. Геннеп ван. — Москва : Восточная литература, РАН, 1999. — 198 с. — ISBN 5-02-018038-6.

5. *Йоргансен М. В.* Дискурс-анализ. Теория и метод / М. В. Йоргансен, Л. Дж. Филлипс. — Харьков : Гуманитарный Центр, 2008. — 352 с. — ISBN 0-7619-7112-2.

6. *Перфильева Н. П.* Метатекст: текстоцентрический и лексикографический аспекты : автореферат диссертации ... доктора филололгических наук : 10.02.01 / Н. П. Перфильева. — Новосибирск, 2006. — 43 с.

7. *Сорокин Ю. А.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. — Москва : Высшая школа, 1990. — 240 с.

8. *Чертина З. С.* Плавильный котел. Парадигмы этнического развития США / З. С. Чертина. — Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2000. — 163 с. — ISBN 5-94067-002-4.

9. *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность / В. Е. Чернявская. — Москва : УРСС, 2009. — 248 с.

10. *Bateman J. A.* Multimodality and Genre : A Foundation for the Systematic Analysis of Multimodal Documents / J. A. Bateman. — New York : Palgrave Macmillan, 2008. — 331 p.

11. *Chu K.* Multimodal Analysis of Graphic Novels : A Case Study Featuring Two Asian Women Travelers / K. Chu, J. Simon. — London : King's College, 2015. — Pp. 145—166.

12. *Cohen R.* Global Sociology / R. Cohen, P. Kennedy. — London : MacMillan, 2000. — 608 p.

13. *Laclau E.* Hegemony and Socialist strategy / E. Laclau, C. Mouffe. — London : Verso, 2001. — 218 p.

14. *Fairclough N.* The Dialectics of Discourse [Electronic resourse] / N. Fairclough. — Access mode: https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.198.1214&rep=rep1&type=pdf (accessed 2.12.2021).

15. *Jewitt C.* Multimodality, 'reading,' and 'writing' for the 21st century / C. Jewitt // Discourse. — 2005. — Vol. 26, Iss. 3. — Pp. 315—331.

16. *Kress G.* Multimodal Discourse : The Modes and Media of Contemporary Communication / G. Kress, T. van Leeuwen. — Oxford : The United State : Oxford University Press, 2001. — 162 p.

17. *Kukkonen K.* Studying Comics and Graphic Novels / K. Kukkonen. — New York : John Wiley & Sons Limited, 2013. — 192 p. — ISBN 978-1-118-49991-7.

18. *Parekh B.* Rethinking Multiculturalism : Cultural Diversity and Political Theory / B. Parekh. — New York : Palgrave Macmillan, 2006. — 424 p.

19. *Taylor Ch.* The Politics of Recognition / Ch. Taylor // Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition / ed. by A. Gutman. — New Jersey : Princeton, 1994. — Pp. 25—73.

20. *Turner V.* Blazing the Trail : Way Marks in the Exploration, of Symbols / V. Turner. — Tucson : Tuscon & London : The University of Arizona Press, 1992. — 181 p. — ISBN 0816512914.

21. *Walsh M.* The 'textual shift': Examining the reading process with print, visual and multimodal texts / M. Walsh // Australian Journal of Language and Literacy. — 2006. — Vol. 29, Iss. 1. — Pp. 24—37.

Material resources

Gharib, M. I. (2019). *I Was Their American Dream.* New York: Clarkson Potter/Publishers. 162 p.

References

Anisimova, E. E. (1992). Paralinguistics and text (on the problem of creolized and hybrid texts). *Questions of linguistics, 1:* 71—78. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1975). *Questions of literature and aesthetics. Studies of different years*. Moscow: Fiction. 506 p. (In Russ.).

Bateman, J. A. (2008). *Multimodality and Genre: A Foundation for the Systematic Analysis of Multimodal Documents*. New York: Palgrave Macmillan. 331 p.

Chernyavskaya, V. E. (2009). *Linguistics of the text. Polycode. Intertextuality. Interdiscursivity*. Moscow: URSS. 248 p.

Chertina, Z. S. (2000). *Melting pot. Paradigms of ethnic development of the USA.* Moscow: Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. 163 p. ISBN 5-94067-002-4. (In Russ.).

Chu, K., Simon, J. (2015). *Multimodal Analysis of Graphic Novels: A Case Study Featuring Two Asian Women Travelers*. London: King's College. 145—166.

Cohen, R., Kennedy, P. (2000). *Global Sociology.* London: MacMillan. 608 p.

Fairclough, N. *The Dialectics of Discourse.* Available at: https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.198.1214&rep=rep1&type=pdf (accessed 2.12.2021).

Gennep van, A. (1999). *Rites of passage. Systematic study of images.* Moscow: Oriental Literature, RAN. 198 p. ISBN 5-02-018038-6. (In Russ.).

Jewitt C. (2005). Multimodality, 'reading,' and 'writing' for the 21st century. *Discourse, 26 (3):* 315—331.

Jorgansen, M. V., Phillips, L. J. (2008). *Discourse analysis. Theory and method.* Kharkiv: Humanitarian Center. 352 p. ISBN 0-7619-7112-2. (In Russ.).

Kress, G., Van Leeuwen, T. (2001). *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication.* Oxford: The United State: Oxford University Press. 162 p.

Kukkonen, K. (2013). *Studying Comics and Graphic Novels.* New York: John Wiley & Sons Limited. 192 p. ISBN 978-1-118-49991-7.

Laclau, E., Mouffe, C. (2001). *Hegemony and Socialist strategy.* London: Verso. 218 p.

Parekh, B. (2006). *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory.* New York: Palgrave Macmillan. 424 p.

Perfilieva, N. P. (2006). *Metatext: text-centric and lexicographic aspects.* Author's abstract of Doct. Diss. Novosibirsk. 43 p. (In Russ.).

Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990). Creolized texts and their communicative function. *Optimization of speech impact.* Moscow: Higher School. 240 p. (In Russ.).

Taylor, Ch. (1994). The Politics of Recognition. *Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition.* New Jersey: Princeton. 25—73.

Turner, V. (1992). *Blazing the Trail: Way Marks in the Exploration, of Symbols.* Tucson: Tuscon & London: The University of Arizona Press. 181 p. ISBN 0816512914.

Vdovina, T. V. (2012). *Discourse analysis and prospects of applications of sociological research.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 23 p. (In Russ.).

Walsh, M. (2006). The 'textual shift': Examining the reading process with print, visual and multimodal texts. *Australian Journal of Language and Literacy, 29 (1):* 24—37.

Статья поступила в редакцию 14.02.2022,
одобрена после рецензирования 21.03.2022,
подготовлена к публикации 20.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Радионцева Е. С. Эмоциональные и эстетические ценности как основа популярности ТВ-программ : опыт сопоставительного анализа / Е. С. Радионцева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 247—263. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-247-263.

Radiontseva, E. S. (2022). Emotional and Aesthetic Values as Basis for Popularity of TV Programs: Contrastive-Comparative Experience. *Nauchnyi dialog, 11(3):* 247-263. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-247-263. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-247-263

Эмоциональные и эстетические ценности как основа популярности ТВ-программ: опыт сопоставительного анализа

Радионцева Екатерина Сергеевна
orcid.org/0000-0002-2248-198X
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра истории, философии
и социальных коммуникаций
rakaty@yandex.ru

Омский государственный
технический университет
(Омск, Россия)

Emotional and Aesthetic Values as Basis for Popularity of TV Programs: Contrastive-Comparative Experience

Ekaterina S. Radiontseva
orcid.org/0000-0002-2248-198X
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of History, Philosophy
and Social Communications
rakaty@yandex.ru

Omsk State
Technical University
(Omsk, Russia)

© Радионцева Е. С., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме выявления конкурентных преимуществ журналистских ТВ-произведений. Методика анализа основана на сопоставлении форматообразующих признаков двух телепрограмм, близких по предмету отображения, тематике, функциям, жанрам и прочим признакам. Рассматриваются вопросы актуальных тенденций телевизионной отрасли. В фокусе внимания автора — специфика развития криминальной журналистики на российском телевидении. Материалом для исследования послужили программы «Следствие вели …» с Леонидом Каневским (НТВ) и «Легенды советского сыска» (ТК «Звезда»), которые не становились предметом широкого изучения, несмотря на достаточно продолжительное существование проектов. Выявляются преимущества, которые обеспечивают внимание зрителя и рейтинг телеканала, что обусловливает актуальность исследования в силу того, что на отечественном телевидении сегодня достаточно много передач, во многом идентичных по форматообразующим признакам. Проводится сопоставительный анализ, позволяющий оценить потребности аудитории. Отмечается, что, опираясь на знание предпочтений зрителей, в дальнейшем можно моделировать концептуальные особенности программ. Показано, что журналистские проекты развиваются по законам маркетинга: успешнее «продаются» те продукты, которые транслируют эмоциональные ценности, арт-ценности, несвойственные журналистике функции и т. д.

Ключевые слова:
телепрограмма; телеканал; криминальная журналистика; криминальные телепрограммы; формообразующие признаки.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the problem of identifying the competitive advantages of journalistic TV works. The analysis technique is based on a comparison of the format-forming features of two TV programs that are similar in terms of display subject, subject matter, functions, genres, and other features. The issues of current trends in the television industry are considered. The author focuses on the specifics of the development of criminal journalism on Russian television. The material of a comparative analysis of the programs “The investigation was conducted ...” with Leonid Kanevsky (NTV) and “Legends of the Soviet detective” (TK “Zvezda”) did not become the subject of wide study, despite the rather long existence of the projects. It is argued that due to the fact that on domestic television today there are a large number of programs that are largely identical in terms of format-forming features, it becomes important to understand the benefits that further provide the viewer’s attention and the rating of the TV channel. It is shown that a comparative analysis allows understanding the needs of the audience, based on which in the future it is possible to model the conceptual features of programs. It is concluded that journalistic projects develop according to the laws of marketing: those products that have the following advantages are “sold” more successfully: emotional values, functions unusual for journalism, art values, etc.

Key words:
TV program; TV channel; criminal journalism; crime TV programs; formative features.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 654.197:316.752

Эмоциональные и эстетические ценности как основа популярности ТВ-программ: опыт сопоставительного анализа

© Радионцева Е. С., 2022

1. Введение = Introduction

Конкуренция на медийном рынке обостряет качества журналистского продукта как товара. Если такого рода товары при усилении конкурентных качеств обычно апеллируют к нематериальным ценностям, то журналистский проект начинает расширять арсенал своих функций, выходить за пределы своих задач, пересматривать роль и назначение, изначально ему присущие. В журналистских продуктах высвечиваются дополнительные ценности, обеспечивающие им популярность и признание аудитории.

Этот процесс наглядно прослеживается на примере телевизионных проектов, близких по формату, контенту, стратегии продвижения. Цель исследования — выявить у аналогичных по формату телепрограмм, конкурирующих на одном тематическом поле, дополнительные ценности, повышающие значимость конкретного журналистского продукта у целевой аудитории.

Рассмотрим процесс на примере телевизионной отрасли. На протяжении многих лет мы видим, что успешные телепрограммы могут породить схожие продукты, которые в дальнейшем транслируются на других телеканалах. Конкурентная борьба телепрограмм позволяет понять, что интересует аудиторию, с чем связаны ее потребности, каковы мотивы обращения к СМИ. В дальнейшем возможно выстроить эффективную стратегию, обеспечить конкурентоспособность программы, вывести телепередачу в топовый перечень.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования — выявить конкурентные форматообразующие признаки двух телепрограмм, близких по тематике, жанрам, методу отображения действительности.

Основу используемой методики анализа составляет подход Н. А. Захарченко [Захарченко, 2019]. Она, вслед за С. Н. Ильченко, описала алгоритм анализа телевизионных программ криминального характера, предлагая выделять цель, тематику и характеризовать сюжетную линию. Значимые аспекты изучения связаны со структурой программы, ее жанровой

CC BY

разновидностью (криминальная хроника, журналистское расследование, судебное шоу, «дорожные войны» и др.), соотношением вербальных элементов и видеоряда, а также реализацией принципов достоверности и документализма. Нельзя не отметить, что автор обращает внимание на место и роль постановочных элементов в программе, характер воздействия на аудиторию, приемы манипулирования общественным сознанием и причины популярности передач криминальной направленности.

Эмпирическую базу исследования составили телепрограммы «Следствие вели …» (14 выпусков 2021 года и 36 выпусков 2020 года) [НТВ] и «Легенды советского сыска» (6 выпусков 2020 года; в 2021 году программа не выходила) [Звезда]. Анализу подверглись тексты продолжительностью 2 500 минут, или около 40 часов.

В ходе анализа материала автор опирался на научные исследования, связанные с осмыслением тенденций в телевизионной отрасли [Белоусова, 2011; Дерягин, 2020; Евменов, 2020; Качкаева, 2010; Морщагина и др., 2020; Розанова и др., 2016; Aldeman, 2021]. Отдельные аспекты форматообразующих признаков представлены в материале М. В. Вечкановой [Вечканова, 2021], А. М. Караевой [Караева, 2020], В. М. Кузьминой [Кузьмина, 2020] и т. д. Собственно криминальной тематике посвящено исследование А. Д. Журавлевой [Журавлева, 2021]. Опираясь на представленные выше труды, автор проводит комплексный анализ двух близких по тематике и проблематике криминальных программ, что позволяет высветить качества, обеспечивающие их конкурентоспособность.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Конкуренция на телевизионном рынке

Программы-дублеры встречаются в разных тематических блоках и на разных телеканалах. Мир fashion-индустрии представлен близкими по формату проектами, например, «Снимите это немедленно!» (СТС) и «Модный приговор» (Первый канал). Автомобильная тематика транслируется в передачах «Главная дорога» (НТВ) и «Первая передача» (НВТ), криминальная — «Следствие вели ...» (НТВ) и «Легенды советского сыска» (Звезда).

Чтобы разобраться, с чем связана ситуация, порождающая близкие по формату и содержанию программы, необходимо обратиться к актуальным тенденциям развития телевизионной отрасли.

Не секрет, что традиционная телеиндустрия теряет свое былое влияние. Те, кто внимательно следит за развитием данной отрасли, отмечают и сокращение объемов телевизионной рекламы, и болезненные экономические и финансовые ситуации, и потерю аудитории. Об этом говорят Д. С. Мартьянов и Н. С. Подлесская в публикации «Конвергенция телевидения и Интер-

CC BY

нета в России: политический аспект» [Мартьянов и др., 2020], В. Л. Скобелев в материале «Современное состояние и развитие телепотребления в России» [Скобелев, 2019], Н. М. Розанова и А. В. Юшин в статье «Конкуренция в телевизионной отрасли: мировой опыт и российские реалии» [Розанова и др., 2016]. «Сегодня телевидению необходимо активно развиваться, чтобы не потерять доминирующее положение, которое оно заняло в середине XX века», — пишет А. А. Хлызова [Хлызова, 2016, с. 1114].

В научных исследованиях «пессимистическая» интерпретация развития телеиндустрии перемежается с нотами оптимизма. В большинстве своем они связаны с перспективами развития альтернативных площадок и форм телевещания. Именно об этом говорит И. И. Шепелев [Шепелев, 2019], Н. А. Морщагина и Е. Б. Помогайбина [Морщагина и др., 2020], А. Д. Евменов и И. Ю. Благова [Евменов и др., 2020], С. И. Шин, Дж. Б. Ким, С. Хан, С. Ли [Shin et al., 2021] и мн. др.

В то же время в целом телевидение — один из наиболее устойчивых сегментов на рынке СМИ. До сих пор самым распространенным домашним медиаустройством остается телевизор. Авторы ежегодных отраслевых докладов Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям из года в год констатируют, что практически все (96 %) домохозяйства в городах РФ имеют хотя бы один телевизор, а в среднем на городское домохозяйство приходится 1,9 телевизоров (и этот показатель не меняется уже несколько лет) [Телевидение глазами телезрителей …, 2019]. Растет и число телеканалов, доступных в домах россиян. Расширяются способы приема телесигнала. Все это должно делать телевидение по-настоящему народным и популярным. Однако, несмотря на наличие обширной телевизионной инфраструктуры, данные социологических опросов свидетельствуют, что число людей, которые практически каждый день смотрят телевизор, снижается. При этом количество тех, кто не смотрит телевизионные программы или не имеет телевизора, постепенно растет [Телевидение в России …, 2020]: «Индустриальные измерения телеаудитории, осуществляемые уполномоченной Роскомнадзором исследовательской компанией Mediascope (АО “Медиаскоп”), фиксируют продолжающееся сокращение объемов телепотребления. Ежедневный охват телевидения медленно снижается уже несколько лет. Но общий уровень телепотребления (Total TV Rating) какое-то время поддерживался достаточно высокой продолжительностью телепросмотра (в 2014—2016 годах), сохранявшейся в старших возрастных группах. Однако с 2017 года продолжительность просмотра телепередач и в этой, самой лояльной телевидению группе населения (55+), стала уменьшаться. Это повлекло за собой снижение средних показателей телесмотрения — среднесуточного времени телепросмотра (Total TV Rating)» [Там же, с. 25].

CC BY

В этой ситуации на отечественном телевизионном рынке наблюдается высокий уровень конкуренции. Телеканалам приходится не только бороться между собой за зрителя — они выходят на уровень конкуренции индустрии свободного времени, включаясь в процесс сражения за внимание и свободное время человека в целом.

Зачастую борьба выливается в контент-стратегию, направленную не на вывод новых уникальных продуктов, а на дублирование успешного старого, уже завоевавшего известность и популярность, проверенного временем проекта. Во многом именно этим обусловлено появление схожих телепередач или программ-дублеров. Они встречаются как на разных телеканалах, так и внутри вещательной сетки одного.

Как складывается судьба таких программ? Наблюдаются ли по отношению к ним какие-то общие поведенческие стратегии у аудитории? Попытаемся ответить на эти вопросы на примере телелепередач криминальной тематики «Следствие вели…» с Леонидом Каневским (НТВ) и «Легенды советского сыска» (ТК «Звезда»).

Программы, связанные с преступлениями, близки к любимым зрительской аудиторией детективам. Последний, как заявляет Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, остается самым популярным жанром сериального контента [Там же, с. 52]. Считается, что тайны, как и желание их разгадать, сродни интересу к историческому ходу со всеми его закономерностями. Они высвечивают социальные и культурные потребности человека. Сюжет детектива позволяет человеку заглянуть в души людей, совершивших то, что издавна карается законом. Интерес к просмотру телевизионных программ о преступлениях, убийцах и детективных расследованиях не теряет своей актуальности уже много лет. Увлечение добром и злом существовало вечно, оно будет продолжаться и впредь. «Причины и условия насильственного поведения различны, они не обусловлены каким-либо одним фактором, всегда сложны и происходят при влиянии ряда причин на различных уровнях», — пишет А. С. Хайбулина в публикации «Насилие и его криминальные виды: природа, сущность, истоки» [Хайбулина, 2020, с. 184]. М. С. Вечканова дополняет: «Социальная проблематика сама по себе является актуальной не только в журналистике, но и во всем медиапространстве. Причина заключается в том, что социальные аспекты касаются непосредственно каждого человека — это не только вопросы благополучия и защиты прав населения, но и абсолютно бытовые заботы, с которыми люди сталкиваются ежедневно. Человеку, как существу социокультурному, всегда интересно узнавать об обстановке вокруг, чтобы контролировать течение собственной жизни» [Вечканова, 2021, с. 43].

CC BY

С криминальной журналистикой российский зритель в полной мере познакомился в 1980-е годы, когда фиксировался пик организованной преступности в СССР. Период зарождения криминальной тематики на телевидении ассоциируется с телепередачей «600 секунд» — она считается родоначальницей криминальной хроники на отечественном ТВ. Обзор развития криминальной тематики на российском телевидении рассматривается в публикации И. А. Суховеевой «Криминально-правовые программы на российском телевидении: эволюция и современность» [Суховеева, 2011] и в материале А. Д. Журавлевой «Особенности освещения криминально-правовой тематики в СМИ» [Журавлева, 2021].

Сегодня криминальная тема на ТВ представлена в разных формах и жанрах. В виде оперативной сводки выходят программы «Дорожный патруль» (ТВ-6 / РТР / Россия) и «Чрезвычайное происшествие» (НТВ). В формате расследования — «Специальный корреспондент» (Россия / Россия-1), «Частный детектив» (Россия-1), «Независимое расследование» (НТВ / ОРТ / ТВС). К судебным ток-шоу относятся передачи «Федеральный судья» (Первый канал), «Суд идет» (Россия), «Суд присяжных» (НТВ). Программы-реконструкции — «Следствие вели …» с Леонидом Каневским (НТВ) и «Легенды советского сыска» (Звезда).

Последние две программы объединяет многое, прежде всего — формат и жанр. Прежде чем говорить о них, попытаемся расставить акценты и понять, чем понятие «жанр» отличается от понятия «формат».

Многие исследователи отмечают, что сегодня категория «жанр» применительно к телевизионному контенту часто подменяется понятием «формат». «Современное телевидение невозможно без применения таких понятий, как жанр и формат», — подчеркивает Т. Р. Саитгалин [Саитгалин, 2020, с. 61]. Еще в 2010 году А. Г. Качкаева писала: «Краткий обзор попыток классифицировать единицу вещания — телепрограмму — иллюстрирует главное. Невозможно отменить понятие “жанр” (связан с родовыми, исторически сложившимися, смысловыми характеристиками программы), но уже невозможно не принимать и понятие “формат” (связан с индустриальными характеристиками вещания — “упаковкой” содержания, унификацией, адаптацией, способом распространения, стоимостью и пр.)» [Качкаева, 2010, с. 43].

Н. А. Захарченко пишет, что вопрос о содержании понятий «формат» и «жанр» остается открытым, в то же время «единица эфирного контента, будучи самостоятельным, завершенным информационным продуктом, реализованным с помощью различных структурно-содержательных элементов, совокупность которых и есть формат программы, может быть воплощена как в одной жанровой форме, так и с использованием синтеза различных жанровых модификаций» [Захарченко, 2019, с. 6].

CC BY

Телевизионные жанры часто попадают в фокус внимания не только отечественных, но и зарубежных исследователей. Так, например, последний выпуск журнала «Canadian Review of American Studies» был посвящен осмыслению тенденций, в том числе жанровых, на современном телевидении. О новой теории телевизионных жанров рассуждал Д. Элдеман [Aldeman, 2021]. Частному вопросу о вестерне как популярном жанре американского телевидения посвящена статья К. Стеварта [Stewart, 2021].

Прежде чем перейти к анализу форматообразующих признаков двух близких по контенту программ, упомянем об истории становления изучаемых телепередач. Первый выпуск программы «Следствие вели ...» увидел свет в 2006 году. Однако программа появилась не как уникальный проект, а в качестве своеобразного продолжения популярного криминального цикла «Следствие ведут ЗнаТоКи». Последняя выходила довольно долго — с 1971 по 2002 годы. Программа «Легенды советского сыска» появилась позже — в 2011 году. Она, в отличие от «Следствие вели …», не имела исторических корней. Безусловно, новизна внесла свою лепту в популярность и узнаваемость передачи.

3.2. Общие форматообразующие признаки телепередач «Следствие вели …» и «Легенды советского сыска»

Напомним, что «… четкое следование методу конкретного жанра предполагает определение внутренней формы произведения. Предмет, функция, метод — три составляющие, на которых держится жанр», — пишет А. Ю. Дерягин в публикации «Современное состояние и тенденция развития жанров телевизионной журналистики» [Дерягин, 2020, с. 117]. Кроме того, «какой бы сложной ни была конструкция телевизионной передачи, в ее основании всегда можно обнаружить устойчивые жанровые признаки. Так, постоянной остается предметно-функциональная природа жанра, то есть зависимость “порядка осмотра мира” от предмета внимания автора и цели его работы с информацией. Каждый жанр постоянно связан с определенным типом жизненного материала, предназначен для решения определенной информационной задачи. К тому же каждому жанру соответствует определенный метод работы с информацией», — отмечает М. Н. Белоусова [Белоусова, 2011, с. 74]. «Не один раз теоретики телевидения и исследователи данных направлений предпринимали попытки систематизации имеющихся знаний о типологии телевизионных жанров. За основу они брали такие критерии, как стилевые формы и общие функции, которые выполняют программы, просветительские, развлекательные и иные функции, а также аудиторная направленность, либо масштаб информации», — добавляет В. М. Кузьмина в статье «К вопросу

CC BY

“экранной зрелищности” современных телепрограмм» [Кузьмина, 2020, с. 100].

По жанру обе программы относятся к журналистскому расследованию, их задача — на документальной основе реконструировать событие. Весь арсенал творческих приемов и средств направлен на реконструкцию происшествия и воспроизведение его в четкой хронологической последовательности. Отсутствие единого жанрового подхода по отношению в телевизионной типологии позволяет рассматривать эти программы и как документальную реконструкцию. Именно так С. Н. Ильченко определяет жанр, который направлен на воспроизведение событийного начала [Ильченко, 2014].

Сходства начинаются на уровне сюжетных линий и ситуаций, которые легли в основу программ. Нередко можно встретить выпуски, посвященные одним и тем же криминальным сюжетам, имевшим место в реальном прошлом. Не секрет, что обе программы строятся в основном на криминальных событиях из советской действительности, более того, «Следствие ведут ЗнаТоКи» изначально создавалась по инициативе Министерства внутренних дел СССР.

Объемный сюжет обусловливает соответствующий хронометраж программ — около 40 минут. Продолжительность «Следствие вели …» в среднем составляет 42 минуты, «Легенды советского сыска» — 38 минут. Этого времени достаточно, чтобы раскрыть интригующий сюжет, погрузить в механизмы правонарушения и в конечном счете обнаружить преступника.

Много общего и в содержательной структуре программ. Она основана на описании совершившегося криминального факта. Именно с этим связан зачин программ — созданием интриги с указанием на реально произошедшее событие. Далее пошагово раскрывается преступление, нередко демонстрируется хронология расследования. Финал — поимка преступника.

Окончание программ привязано к одной и той же ключевой фразе. В «Следствие вели …» Леонид Каневский произносит: «Впрочем, это уже совсем другая история». В «Легендах советского сыска» мы часто можем услышать: «Моих героев, сыщиков уголовного розыска, впереди будут ждать новые тайны, но об этом в другой раз». Такими формулировками обозначается сериальность контента.

Можно с уверенностью сказать, что сериал сегодня — некий универсальный формат, вошедший в жизнь потребителя массовой культуры. Более того, исследователи считают, что «приобщение к сериальной продукции — одна из форм современной медиазависимости. Media sapients (человек медийный) неравнодушен к сериалам, будь то “мыльные оперы”, детективно-криминальные многосерийные полотна или ситуационные комедии (иначе говоря — ситкомы). Такова примета нашего времени, ут-

CC BY

вердившего эффективность сериального сообщения не только собственно в сериалах, но и в телепродукции иного рода» [Захарченко, 2019, с. 37].

Фабула программ воспроизводит классический детективный сюжет, который всегда связан с раскрытием уголовного правонарушения. Главной темой каждого выпуска становится убийство или серия убийств. Временной промежуток, в который были заведены рассматриваемые уголовные дела, в телепередачах несколько различается: в «Легендах ...» он ограничен советским периодом, в «Следствие вели ...» составляет около 100 лет прошлого века: первые программы создавались по итогам уголовных дел 1917—1991 годов, с 2015 года стали сниматься передачи о преступлениях, совершенных с 1991 по 1999 годы.

Героями, вернее, антигероями обеих программ становятся маньяки, убийцы, рэкетиры, отравители, террористы и банды. География выпусков разнообразна: все области СССР, населенные пункты Киргизии, Казахстана, Азербайджана, Удмуртии, Северной Осетии и т. д.

Инсценировки в программах выполняет актерский состав. Но не всегда все роли играют актеры-профессионалы. Это могут быть штатные сотрудники программы — фотографы, журналисты и др. Следует отметить, что в каждом выпуске обязательны комментарии следователей или других сотрудников правоохранительных органов — это добавляет достоверности истории и насыщает программу фактами. В форме досье представлен их послужной список, срок службы и т. д.

В названиях выпусков прослеживаются единые принципы. В основном они строятся на прецедентных текстах, например, «Карты, деньги и любовь», «Агент 000», «Красавица и чудовище», «Убийцы тоже плачут». Еще один прием — использование оксюморона, например, «Милосердный убийца». Названия могут быть мистифицированы и загадочны, например, «Дело о ведьме», «Жена и сатана», «Оборотень в мундире», «Ведьмы». Некоторые названия выпусков построены по принципу «подлинных историй», а именно: «Москва слезам не верит. Подлинная история», «Зимняя вишня. Подлинная история», «Вокзал для двоих. Подлинная история». Преступления, описываемые в этих выпусках, похожи на сюжеты одноименных советских фильмов. Все вышеперечисленные примеры — из телепередачи «Следствие вели …»; аналогичный подход реализован в программе «Легенды советского сыска». Следует отметить, что в 2017 и в 2018 годах в последней программе вышел цикл, полностью посвященный военному времени, что отразилось в нейминге: «Годы войны. Ненужные дети», «Годы войны. Чужая кровь», «Годы войны. Деньги не пахнут» и т. д.

Общее начало прослеживается в дизайнерском оформлении и звуковом сопровождении программ. В дизайне доминирует красный цвет, символи-

CC BY

зирующий в данном контексте кровь, агрессию, динамику. Музыкальное сопровождение сводится к двум типам — это либо интригующая, динамичная, кульминационная музыка, либо веселая, задающая темп и расслабляющая после напряженных моментов.

В силу того, что ход уголовного процесса бывает извилист, телепередачи строятся по принципу объединения в смысловое целое нескольких частей. Эти части или фрагменты (в программе «Легенды советского сыска» они обозначены как «шаги») чередуются с так называемыми лирическими отступлениями. Их задача — эмоционально погрузить в атмосферу эпохи, вызвать ностальгию, назвать ценности и принципы, которыми руководствовались люди в описываемый период, воссоздать атмосферу эпохи. В одном выпуске лирических отступлений насчитывается в среднем от 4 до 6 — независимо от программы. Например, в выпуске «Стерва» от 13.03.2921 года («Следствие вели …») об убийстве жены собственным мужем (видео набрало на YouTube 1,5 млн просмотров) представлено 5 «отступлений»: о кассах взаимопомощи в СССР, попутчиках и водителях, чердаках, советских аптеках и о знаковом явлении советской эпохи — бабушки у подъездов. Именно такой подход позволяет раскрыть особенности времени, передать атмосферу советского периода. Для зрителя старше 55 лет это ностальгия, для аудитории старше 18-ти — новые знания, о некоторых иногда вскользь доводилось слышать.

3.3. Отличительные форматообразующие особенности телепередач «Следствие вели …» и «Легенды советского сыска»

Прием лирических отступлений высвечивает особую роль ведущих. В программе «Следствие вели …» ведущий Леонид Каневский — активный участник-герой отступлений, основной эксперт или очевидец. Его роли разноплановы и неожиданны, он подает информацию живо и эмоционально. В программе «Легенды советского сыска» ведущий появляется редко, а информация, исходящая от него, максимально объективна и беспристрастна. Зритель же нуждается в эмоциях. Наличие эмоционального фона становится конкурентным преимуществом программы «Следствие вели …».

«В исследованиях по всем направлениям прослеживается мысль о росте влияния средств массовой информации на телезрителей через образ ведущих программ, — пишет А. М. Караева. — Отмечается, что ведущие телевизионных программ выступают не только в роли носителей новостей, но и являются источниками формирования мировоззрения» [Караева, 2020, с. 277]. Наличие харизматичного ведущего — безусловное преимущество телепередачи «Следствие вели…». Леонид Каневский — знаменитый актер кино и театра, обладатель ордена Дружбы, звания «Заслуженный ар-

CC BY

тист РСФСР» и многих других наград. Он попал в телепередачу не случайно: в программе «Следствие ведут ЗнаТоКи» он играл Александра Томина, инспектора Московского уголовного розыска, чей образ был известен всей стране. Повествование от его имени вызывает доверие, а риторические приемы, используемые им, вовлекают в процесс расследования, позволяя зрителю ощущать сопричастность к действу программы.

В «Легендах советского сыска» ведущий — отнюдь не эмоциональный центр программы, это структурное звено композиции. Он появляется в кадре довольно часто — от 10 до 15 раз, но всегда непродолжительно. Это свидетельствует о его роли: задача ведущего — создать плавность в повествовании, насыщенном объективными фактами. Не случайно за время выхода передачи ведущий менялся дважды. На протяжении первых шести лет ведущего играл Дмитрий Вишневский, после 2017 года им стал Роман Вайнер. Озвучивает программу на протяжении всего периода ее существования Андрей Ярославцев.

Актерское мастерство Леонида Каневского и выразительность его образов, особенно ярких в лирических отступлениях, нередко имитирующих «театр одного актера», сближают «Следствие вели …» с телеспектаклем, добавляя к журналистскому мастерству программы сценографическое искусство. Программу по праву можно отнести к арт-передачам современного телевещания. Таким образом, можно говорить об артизации, которую в настоящее время рассматривают как «наиболее зрелую форму массовой культуры, проявляющуюся в театрализации событий политической, общественной, культурной жизни и сопровождающуюся обличением тех или иных предметов, явлений жизни в зрелищные формы» [цит. по: Захарченко, 2019, с. 24]. Ценности, транслируемые программой, связь с искусством, ностальгия по «уютному» советскому прошлому, эмоциональное вовлечение зрителя становятся важными конкурентными преимуществами телепрограммы. Не случайно об особой актуальности и востребованности функций, связанных с ностальгией, на современном телевидении говорит в своей статье С. Шоу [Shaw, 2021].

Программа «Следствие вели …» начинает выполнять функции, не характерные для журналистики в целом. Безусловно, она, как и «Легенды советского сыска», выполняет целый спектр традиционных функций: информирует, оказывает моральное и нравственное влияние, развлекает, выполняет рекреативную роль. Вместе с тем лирические отступления программы «Следствие вели …» позволяют зрителям испытывать чувства, связанные с ушедшей эпохой. Названные характеристики делают программу «Следствие вели …» по-настоящему народной. На официальном YouTube-канале НТВ количество просмотров этой телепередачи составляет более 30 млн;

CC BY

у программы «Легенды советского сыска» — чуть более 1 млн. Программы отличаются и количеством подписчиков: у «Следствия …» — более 12 млн; у «Легенд …» — около 56 тысяч [Youtub …]. Безусловно, можно предположить, что это заслуга или недоработка маркетинговой службы телеканала. Однако чем объяснить популярность программы «Следствие вели …» в социальной сети TikTok? Здесь встречаются как фрагменты самой телепередачи, так и отдельные сценки с ведущим. Некоторые из них уже стали мемами. Или другой пример: в ответ на поисковый запрос «криминальные программы» разные поисковые системы — Google, Яндекс, Rambler, Mail — выдают иллюстративный ряд с образами Леонида Каневского из программы «Следствие вели …». Это ли не свидетельство подлинного признания?

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, непростая ситуация на телевизионном рынке, связанном с перепроизводством контента, приводит к избирательности поведения аудитории по отношению к потреблению журналистского продукта. Наглядно представить этот процесс можно на примере телепрограмм, близких по форматообразующим признакам, таким как тематическая специфика, предмет отображения, функциональное своеобразие и др. В условиях существования двух дублирующих друг друга форматов, как мы видим на примере программ «Следствие вели …» и «Легенды советского сыска», признание телезрителя остается у передачи, транслирующей дополнительные по сравнению со своим аналогом эмоциональные, функциональные, эстетические и смысловые ценности.

Сопоставительный анализ программ, близких по форматообразующим признакам, позволяет понять, в чем нуждается сегодня аудитория — ее потребности, оценить мотивы обращения к СМИ, поведенческую стратегию. В условиях жесткой конкурентной борьбы на поле тележурналистики зрители крайне избирательно относятся к тому, что им предлагают. Аудитория интуитивно считывает те ценности, которые закладываются в содержание программы ее разработчиками и создателями, и либо разделяет их, либо не принимает.

Дополнительные ценности, которые органично вписываются в формат программы, на уровне создания журналистского продукта можно обозначить как «качество» медиа. В данном контексте в основе этого понятия лежат разные составляющие: функциональные, эстетические (артизация), смысловые, эмоциональные. Безусловное преимущество любой программы, в том числе и криминальной тематики, — яркий и выразительный эмоциональный фон, который позволяет глубоко погружаться в проблему или ситуацию. Дополнительные функциональные, эстетические и смысловые

ценности — основные преимущества любого журналистского продукта. Именно они привлекают внимание аудитории, позволяя зрителю любить программу, а телеканалу — влиять на рейтинг.

Источники

1. Звезда — *Сайт* ОАО «ТРК ВС РФ «ЗВЕЗДА» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://tvzvezda.ru/ (дата обращения 04.04.2021).

2. НТВ — *Сайт* телекомпании НТВ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.ntv.ru/ (дата обращения 04.04.2021).

3. *Телевидение* в России в 2019 году. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад [Электронный ресурс]. — Москва, 2020. — Режим доступа : https://fapmc.gov.ru/rospechat/activities/reports/2020/teleradio/main/custom/0/01/file.pdf (дата обращения 2.09.2021).

4. *Телевидение* глазами телезрителей : общенациональный репрезентативный опрос населения, проживающего в городах РФ, возрастная группа 15+ + (телефонный опрос CATI, выборка № 2000) / НСК. — 2019. — Апр.

5. *YouTube-канал* телеканала «НТВ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.youtube.com/channel/UCsA_vkmuyIRlYYXeJueyIJQ (дата обращения 04.09.2020).

Литература

1. *Белоусова М. Н.* Современное состояние и тенденции развития жанров тележурналистики / М. Н. Белоусова // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение. Журналистика». — 2011. — № 1. — С. 73—81.

2. *Вечканова М. С.* Визуализация и интерактивность как тенденции современной социальной журналистики / М. С. Вечканова // Челябинский гуманитарий. — 2021. — № 2 (55). — С. 43—49. — DOI: 10.47475/1999-5407-2021-10205.

3. *Дерягин А. Ю.* Современное состояние и тенденция развития жанров телевизионной журналистики / А. Ю. Дерягин // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета : гуманитарные и общественные науки. — 2020. — № 1 (34). — С. 116—121.

4. *Журавлева А. Д.* Особенности освещения криминально-правовой тематики в СМИ / А. Д. Журавлева // Буслаевские чтения. Сборник научных статей по материалам IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Пенза : Пензенский государственный университет, 2021. — С. 335—337.

5. *Захарченко Н. А.* Современная телевизионная программа : учебное пособие / Н. А. Захарченко. — Самара : Самарский университет, 2019. — 88 с.

6. *Евменов А. Д.* Российский рынок цифрового аудиовизуального контента : анализ и прогноз развития / А. Д. Евменов, И. Ю. Благова // Петербургский экономический журнал. — 2020. — № 2. — С. 6—15. — DOI: 10.24411/2307-5368-2020-10001.

7. *Ильченко С. Н.* Типологическая идентичность жанровой системы отечественных электронных СМИ : к постановке проблемы / С. Н. Ильченко // Вестник СПбГУ. Серия 9. — 2014. — Выпуск 1. — С. 248—253.

8. *Караева А. М.* Обобщенный образ ведущего информационных телепрограмм (на материале исследования телеканала ННТ) / А. М. Караева // Вопросы устойчивого развития общества. — 2020. — № 7. — С. 276—282. — DOI: 10.34755/IROK.2020.54.96.197.

9. *Качкаева А. Г.* Жанры и форматы современного телевидения. Последствия трансформации / А. Г. Качкаева // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2010. — № 6. — С. 42—51.

10. *Кузьмина В. М.* К вопросу «экранной зрелищности» современных телепрограмм / В. М. Кузьмина // Образование и проблемы развития общества. — 2020. — № 2 (11). — С. 99—104.

11. *Мартьянов Д. С.* Конвергенция телевидения и интернета в России : политический аспект / Д. С. Мартьянов, Н. С. Подлесская // Политическая экспертиза : ПОЛИТЭКС. — 2020. — Том 16. — № 1. — С. 58—77. — DOI: 10.21638/spbu23.2020.104.

12. *Морщагина Н. А.* Особенности функционирования и перспективы отечественного телевидения в условиях активного развития Интернет-ресурсов / Н. А. Морщагина, Е. П. Помогайбина // Петербургский экономический журнал. — 2020. — № 2. — С. 69—81. — DOI: 10.24411/2307-5368-2020-10009.

13. *Розанова Н. М.* Конкуренция в телевизионной отрасли : мировой опыт и российские реалии / Н. М. Розанова, А. В. Юшин // ЭКО. — 2016. — № 6. — С. 168—181.

14. *Саитгалин Т. Р.* Содержательное и жанровое своеобразие политических передач на современном российском ТВ : сравнительный анализ / Т. Р. Саитгалин // Медиасреда. — 2020. — № 2. — С. 60—67. — DOI: 10.24411/2070-0717-2020-10211.

15. *Скобелев В. Л.* Современное состояние и развитие телепотребления в России / В. Л. Скобелев // Петербургский экономический журнал. — 2019. — № 1. — С. 25—33.

16. *Суховеева И. А.* Криминально-правовые программы на российском телевидении: эволюция и современность / И. А. Суховеева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : гуманитарные науки. — 2011. — № 18 (113). — С. 214—225.

17. *Хайбулина А. С.* Насилие и его криминальные виды : природа, сущность, истоки / А. С. Хайбулина // Инновации. Наука. Образование. — 2020. — № 16. — С. 177—184.

18. *Хлызова А. А.* Телевидение в условиях конвергенции СМИ на современном этапе / А. А. Хлызова // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. — 2016. — Т. 158. — Книга 4. — С. 1108—1122.

19. *Шепелев И. И.* Перспективы развития современного телевидения / И. И. Шепелев // Academy. — 2019. — № 6 (45). — С. 42—43.

20. *Aldeman D.* Introducion — New Persrectives on new television / D. Aldeman // Canadian Review of American Studies. — 2021. — Vol. 51, Iss. 3. — Pp. 193—195. — DOI:10.3138/cras-2020-008.

20. *Shaw C.* Introduction : Television and nostalgia now / C. Shaw // The Journal of Popular Television. — 2021. — Vol. 9, Iss. 3 (1). — Pp. 287—291. — DOI:10.1386/jptv_00056_2.

21. *Shin S. I.* Exploring a mobile phone user's attitude toward watching TV content on a mobile phone — uses and gratifications perspective / S. I. Shin, J. B. Kim, S. Han, S. Lee // Information Technology & People. — 2020. — Vol. 34, Iss. 2. — Pp. 617—641. — DOI:10.1108/ITP-01-2019-0035.

22. *Stewart K.* "Justified: Transitioning the Old TV Western Lawman into a New Television Protagonist" // Canadian Review of American Studies. — 2021. — Vol. 51, Iss. 3. — Pp. 276—289. — DOI: 10.3138/cras-2020-012

Material resources

NTV — *The website of the NTV television company.* Available at: https://www.ntv.ru/ (accessed 04.04.2021). (In Russ.).

Star — Website of JSC "Shopping mall of the Armed Forces of the Russian Federation ZVEZDA". Available at: https://tvzvezda.ru / (accessed 04.04.2021). (In Russ.).

Television in Russia in 2019. The state, trends and prospects of development. Industry report. (2020). Moscow. Available at: https://fapmc.gov.ru/rospechat/activities/reports/2020/teleradio/main/custom/0/01/file.pdf (accessed 02.09.2021). (In Russ.).

Television through the eyes of viewers: a nationwide representative survey of the population living in Russian cities, age group 15+ + (CATI telephone survey, sample № 2000). (2019). In: *NSK. Apr.* (In Russ.).

Youtube channel of the NTV TV channel. Available at: https://www.youtube.com/channel/UCsA_vkmuyIRlYYXeJueyIJQ (accessed 04.09.2020). (In Russ.).

References

Aldeman, D. (2021). Introducrion — New Persrectives on new television. *Canadian Review of American Studies, 51 (3):*193-195. DOI:10.3138/cras-2020-008.

Belousova, M. N. (2011). The current state and trends in the development of genres of television journalism. *Bulletin of the RUDN. The series "Literary studies. Journalism", 1:* 73—81. (In Russ.).

Deryagin, A. Yu. (2020). The current state and trend of development of genres of television journalism. *Bulletin of the Russian-Armenian (Slavic) University: Humanities and social sciences, 1 (34):* 116—121. (In Russ.).

Evmenov, A. D., Blagova, I. Y. (2020). The Russian market of digital audiovisual content: analysis and forecast of development. *St. Petersburg Economic Journal, 2:* 6—15. DOI: 10.24411/2307-5368-2020-10001. (In Russ.).

Ilchenko, S. N. (2014). Typological identity of the genre system of domestic electronic media: towards the formulation of the problem. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 9, 1:* 248—253. (In Russ.).

Kachkaeva, A. G. (2010). Genres and formats of modern television. Consequences of transformation. *Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism, 6:* 42—51. (In Russ.).

Karaeva, A. M. (2020). Generalized image of the presenter of informational TV programs (based on the research of the NNT TV channel). *Issues of sustainable development of society, 7:* 276—282. DOI: 10.34755/IROK.2020.54.96.197. (In Russ.).

Khaibulina, A. S. (2020). Violence and its criminal types: nature, essence, is-currents. *Innovations. The science. Education, 16:* 177—184. (In Russ.).

Khlyzova, A. A. (2016). Television in the conditions of media convergence at the present stage. *Scientific notes of Kazan University. Humanities series, 158 (4):* 1108—1122. (In Russ.).

Kuzmina, V. M. (2020). On the issue of "screen entertainment" of modern teleprograms. *Education and problems of society development, 2 (11):* 99—104. (In Russ.).

Martianov, D. S., Podlesskaya, N. S. (2020). Convergence of television and the Internet in Russia: a political aspect. *Political expertise: LITEX, 16 (1):* 58—77. DOI:10.21638/spbu23.2020.104. (In Russ.).

Morshagina, N. A., Pomogaibina, E. P. (2020). Features of functioning and prospects of domestic television in the conditions of active development of Internet resources. *Petersburg Economic Journal, 2:* 69—81. DOI: 10.24411/2307-5368-2020-10009. (In Russ.).

Rozanova, N. M., Yushin, A. V. (2016). Competition in the television industry: world experience and Russian realities. *ECO, 6:* 168—181. (In Russ.).

Saitgalin, T. R. (2020). The content and genre originality of political broadcasts on modern Russian TV: a comparative analysis. *Media environment, 2:* 60—67. DOI: 10.24411/2070-0717-2020-10211. (In Russ.).

Shaw, C. (2021). Introduction: Television and nostalgia now. *The Journal of Popular Television, 9 (3 / 1):* 287—291. DOI:10.1386/jptv_00056_2.

Shepelev, I. I. (2019). Prospects for the development of modern television. *Academy, 6 (45):* 42—43. (In Russ.).

Shin, S. I., Kim, J. B., Han, S., Lee, S. (2020). Exploring a mobile phone user's attitude toward watching TV content on a mobile phone — uses and gratifications perspective. *Information Technology & People, 34 (2):* 617—641. DOI:10.1108/ITP-01-2019-0035.

Skobelev, V. L. (2019). The current state and development of television consumption in Russia. *St. Petersburg Economic Journal, 1:* 25—33. (In Russ.).

Stewart, K. (2021). "Justified: Transitioning the Old TV Western Lawman into a New Television Protagonist". *Canadian Review of American Studies, 51 (3):* 276—289. DOI: 10.3138/cras-2020-012.

Sukhoveeva, I. A. (2011). Criminal and legal programs on Russian television: evolution and modernity. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities, 18 (113):* 214—225. (In Russ.).

Vechkanova, M. S. (2021). Visualization and interactivity as trends in modern social journalism. *Chelyabinsk Humanities, 2 (55):* 43—49. DOI: 10.47475/1999-5407-2021-10205. (In Russ.).

Zakharchenko, N. A. (2019). *Modern television program: textbook.* Samara: Samara University. 88 p. (In Russ.).

Zhuravleva, A. D. (2021). Features of the coverage of criminal and legal topics in the media. *Buslaevsky readings. Collection of scientific articles on the materials of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation.* Penza: Penza State University. 335—337. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 06.09.2021,
одобрена после рецензирования 31.03.2022,
подготовлена к публикации 20.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА
LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Александр Модестович Подоксенов, д-р философ. наук (Елец)
Александр Юрьевич Мещанский, канд. филол. наук (Северодвинск)
Валентина Алексеевна Телкова, канд. филол. наук (Елец)
Елена Михайловна Шастина, д-р филол. наук (Елабуга)
Ирина Александровна Киселева, д-р филол. наук (Москва)
Ксения Алексеевна Поташова, канд. филол. наук (Москва)
Любовь Анатольевна Савелова, д-р филол. наук (Северодвинск)
Наталия Эдуардовна Сейбель, д-р филол. наук (Челябинск)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Киселева И. А. Набросок Лермонтова «У России нет прошедшего…» в контексте «восточного вопроса» : к проблеме художественной историософии поэта / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 265—283. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-265-283.

Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2022). Lermontov's Sketch "Russia Has no Past..." in Context of "Eastern Question": to Problem of Poet's Artistic Historiosophy. *Nauchnyi dialog, 11(3):* 265-283. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-265-283. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-265-283

Набросок Лермонтова «У России нет прошедшего…» в контексте «восточного вопроса»: к проблеме художественной историософии поэта

Киселева Ирина Александровна
orcid.org/0000-0002-9629-0035
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра русской
классической литературы
ia.kiseleva@mgou.ru

Поташова Ксения Алексеевна
orcid.org/0000-0002-0164-0371
кандидат филологических наук, доцент
кафедра русской
классической литературы
kseniaslovo@yandex.ru

Московский государственный
областной университет
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда
проект № 22-28-00025

Lermontov's Sketch "Russia Has no Past..." in Context of "Eastern Question": to Problem of Poet's Artistic Historiosophy

Irina A. Kiseleva
orcid.org/0000-0002-9629-0035
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian
Classical Literature
ia.kiseleva@mgou.ru

Ksenia A. Potashova
orcid.org/0000-0002-0164-0371
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
Classical Literature
kseniaslovo@yandex.ru

Moscow Region
State University
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation
project number 22-28-00025

© Киселева И. А., Поташова К. А., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предметом исследования стало содержание автографа М. Ю. Лермонтова «У России нет прошедшего…» из «Записной тетради, подаренной В. Ф. Одоевским», в аспекте исторических взглядов поэта. Цель статьи связана с установлением историко-культурного генезиса произведения и уяснением его смысла в контексте творчества Лермонтова, русско-кавказского взаимодействия, а также собственно историософских концепций первой трети XIX века. Методология исследования предопределена текстологическим, историко-генетическим, культурно-историческим, сравнительно-историческим подходами к анализу текста. Конкретным инструментарием является дескрипция автографа, а также составление текстологического паспорта, отражающего технические стороны рукописного текста. Заметка Лермонтова представлена в контексте диалога с современниками и фольклорной традицией. Отмечается, что историко-литературный контекст лермонтовской заметки, ее аллюзии к фактам общественно-исторической мысли и образам русской словесности подчеркивают патриотизм Лермонтова. В результате исследования реконструирована протопанславистская концепция Лермонтова, коррелирующая с идеями о путях развития России как великой державы. Выводом исследования стало понимание лермонтовского наброска «У России нет прошедшего…» как эманации размышлений поэта об отношениях России и Кавказа в аспекте «восточного вопроса».

Ключевые слова:
Лермонтов; историософия; «восточный вопрос»; Россия; Кавказ; сказка; государственность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The subject of the study was the content of Lermontov's autograph "Russia has no past..." from the "Notebook donated by V. F. Odoevsky" in the aspect of the poet's historical views. The purpose of the article is connected with the establishment of the historical and cultural genesis of the text and the clarification of its meaning in the context of Lermontov's work, Russian-Caucasian interaction, as well as the historiosophical concepts of the first third of the 19th century. The research methodology is connected with textological, historical-genetic, cultural-historical, comparative-historical approaches to text analysis. The specific tools are the description of the autograph, as well as the preparation of a textological passport that reflects the technical aspects of the handwritten text. Lermontov's note is presented in the context of a dialogue with contemporaries and folklore tradition. The historical and literary context of Lermontov's note, its allusions to the facts of socio-historical thought and images of Russian literature emphasize Lermontov's patriotism. As a result of the study, Lermontov's proto-Pan-Slavic concept was reconstructed, which correlates with ideas about the ways of Russia's development as a great power. The conclusion of the study was the understanding of Lermontov's sketch "Russia has no past..." as an emanation of the poet's reflections on relations between Russia and the Caucasus in the aspect of the "Eastern question".

Key words:
Lermontov; historiosophy; "Eastern question"; Russia; Caucasus; fairy tale; statehood.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.161.1Лермонтов.07

Набросок Лермонтова «У России нет прошедшего…» в контексте «восточного вопроса»: к проблеме художественной историософии поэта

© Киселева И. А., Поташова К. А., 2022

1. Введение = Introduction

Актуальность поставленной проблемы обусловлена необходимостью уточнения особенностей исторического мышления М. Ю. Лермонтова, творчество которого, являясь отражением реальных картин своего времени, обладает провидческим потенциалом. Проблема взаимодействия отношения России и «восточного» мира в контексте историософских размышлений Лермонтова на сегодняшний день не получила всестороннего освещения, хотя ее отдельные аспекты были затронуты в отечественном литературоведении, в частности, в наших исследованиях, в которых рассматривались истоки панславистских прозрений поэта, которые были связаны как с рефлексией героических событий 1812 года [Киселева, 2012; Киселева, 2019], так и событий начавшейся в 1817 году Кавказской войны [Киселева, 2011; Киселева, 2013; Киселева и др., 2019]. Предметом настоящей статьи является смысловая наполненность автографа Лермонтова «У России нет прошедшего…» из «Записной тетради, подаренной В. Ф. Одоевским», в аспекте исторических взглядов Лермонтова. Запись Лермонтова «У России нет прошедшего…» впервые была опубликована А. А. Краевским в журнале «Отечественные записки» за 1844 год [Лермонтов, 1844, т. XXXII, № 1, с. 201] в примечаниях к напечатанным там же стихотворениям «Пророк» (1841) и «Свиданье» (1841), которые сопровождались пометой в сноске: «Есть кое-какие заметки, из которых разобрать можно только одну, потому что она обведена по карандашу чернилами» [Там же]. В дальнейшем запись публиковалась в разделе «Заметки, сюжеты и наброски». В академических собраниях сочинений поэта 1954—1957 и 1979—1981 годов допущена неточность в сообщении о первой публикации записи, вместо соответствующего номера «Отечественных записок» указано: «Впервые опубликовано в Соч. под ред. Дудышкина (т. 1, 1860, 425)» [Лермонтов, 1954—1957, т. VI, с. 681]. Задачами статьи являются установление историко-культурного генезиса наброска Лермонтова «У России нет прошедшего…» и уяснение его смысла в контексте историко-культурной ситуации и общественно-политических настроений первой трети XIX века. Гипотеза исследования заключается в предположении, что

CC BY

набросок «У России нет прошедшего…» являет собой часть лермонтовского «кавказского текста», который представляется нервом философии истории Лермонтова.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Заметка Лермонтова «У России нет прошедшего…» написана на листе 7-оборот с конца «Записной книжки, подаренной В. Ф. Одоевским» (рис. 1).

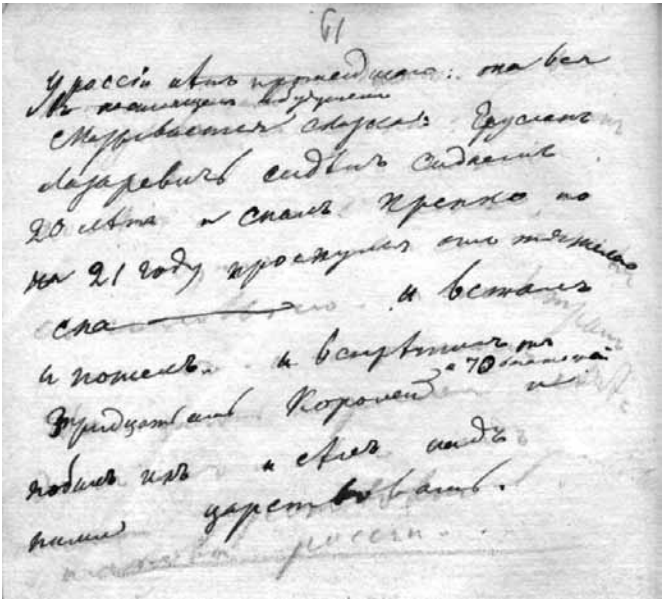

Рис. 1. Набросок М. Ю. Лермонтов «У России нет прошедшего…»

Беловик написан чернилами поверх карандашного черновика. Примечательно, что заметка сверху и снизу отчеркнута карандашом (отчеркнут именно черновик), таким образом Лермонтов будто акцентирует ее смысловую законченность и важность выраженной им мысли.

Настоящую заметку в контексте оформившегося в первой трети XIX века круга общественных идей и настроений с точки зрения имманентных этому временному срезу позиций позволяет рассмотреть культурно-исторический метод, предполагающий в данном исследовании изучение материалов периодических изданий, фиксирующих общественную жизнь изучаемой эпохи. Выявить смысловые связи лермонтовского текста

CC BY

с предшествующей словесной традицией помогает сравнительно-типологический метод. Метод генетической критики вкупе с текстологией направлен на установление аутентичного текста и реконструкцию творческого процесса Лермонтова, особенностей его художественного мышления, вскрытия литературных и исторических источников текста. Конкретным инструментарием является дескрипция автографа, а также составление текстологического паспорта, отражающего технические стороны рукописного текста.

Текстологический паспорт наброска «У России нет прошедшего…» представлен в таблице 1.

Таблица 1

Черновик	**Беловик**
Черновик написан карандашом. Неразборчиво, кроме последней строки: Такова россія…	У россіи нѣтъ прошедшаго: она вся въ настоящемъ и будущемъ Сказывается сказка: Еруланъ Лазаревичь сидѣлъ сиднемъ 20 лѣтъ и спалъ крепко но на 21 году проснулся отъ тяжелаго сна. и всталъ и пошелъ и встрѣтилъ онъ тридцать семь Королей и 70 богатырей и побилъ ихъ и сѣлъ надъ ними царствовать.

При изучении взаимодействия России и Кавказа в творчестве Лермонтова, как правило, авторы ограничивались фиксацией фактов кавказского пребывания и кругом тамошнего общения Лермонтова [Андроников, 1968], указаниями на полученные Лермонтовым с детства знания «быта, нравов и обычаев кавказских народностей, национальных преданий и легенд» [Удодов, 1973, с. 84], а также анализом кавказских мотивов Лермонтова в эстетической плоскости [Семенов, 1939]. Обобщающих выводов об особенностях историзма Лермонтова и его видении политической ситуации на Востоке эти обширные работы не содержат, однако являются значимой эмпирической базой при реконструкции взглядов Лермонтова на «восточный вопрос».

Собственно же проблематика взаимодействия русской и кавказской культур была намечена в статье Ю. М. Лотмана «Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова», акцентирующего «старческую дряхлость» [Лотман, 1985, с. 606] Востока и прилив сил в русском мире, противопоставленном как Западу, так и Востоку. Следует отметить и ста-

CC BY

тью В. Е. Багно «Восточные ответы Лермонтова», затрагивающую проблему цивилизационного выбора России и преодоления «европоцентризма» [Багно, 2015, с. 72]. Однако обе работы не претендуют на всестороннее исследование историософии поэта в аспекте взаимодействия России с Кавказом, высказанные идеи не получили развития в дальнейших трудах исследователей.

Этапным представляется исследование Л. А. Ходанен «Культурный концепт “Кавказ” и его текстообразующая роль в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова», которая делает вывод о том, что «кавказский текст» Лермонтова «вписан в огромную панораму истории и современности всего Востока» [Ходанен, 2015, с. 55]. Игумен Нестор (Кумыш), обобщая размышления ученых о стихотворении «Спор», выделял два направления в изучении этого произведения. Первое связано со склонностью «видеть в споре Казбека и Эльбруса отражение лермонтовской надежды на победоносное завоевание Кавказа русским полководцем Ермоловым» [Кумыш, 2006, с. 54]. Второе акцентирует «отражение взгляда поэта на одряхлевший и обессиливший Восток и указание на особую миссию России в судьбах человеческих» [Там же]. Однако и эти обобщающие выводы не дают целостного решения проблемы России и Кавказа в лермонтовском творческом сознании, претендующем на объемность и диалектическую многоплановость. Конечно, нельзя не согласиться с А. Н. Михайловой, что «сочувствуя народам Кавказа, живо интересуясь их культурой и бытом, поэт убежден в том, что присоединение Кавказа к России и приобщение его к экономической и культурной жизни ее исторически неизбежны и прогрессивны» [Михайлова, 1954—1957, с. 360], но нельзя и не увидеть возможность духовного обогащения русского человека через столкновение с культурой горских народов, противопоставленных цивилизованному человеку в его условностях. Проблема русского Кавказа в его социокультурной составляющей была отчасти раскрыта в исследованиях И. С. Юхновой, которая делает вывод о том, что при создании Лермонтовым образа «кавказца» «обозначалась его картина мира, аксиология» [Юхнова, 2015, с. 1127]. Однако, при точности указания деталей, исследователь не претендует на реконструкцию историософии классика, отмечая лишь некоторые достаточно важные проблемы осмысления Лермонтовым кавказской тематики.

В зарубежных публикациях нет сколько-нибудь значимого блока исследований по проблеме «восточного вопроса» у Лермонтова. Отчасти эта тематика намечается в статьях П. Орте и В. Соболь, которые рассматривают «кавказский текст» Лермонтова как отражение захватнической политики Российской империи и подавления ею культурной идентичности кавказских народов: «the relationship between the imperial and poetic

CC BY

appropriations/alienations of land and lore» [Orte, 2020, с. 544] / «взаимосвязь между имперскими и поэтическими присвоениями / отчуждениями земли и знаний» (здесь и далее перевод наш. — *И. К., К. П.*), «the Caucasus — an object of Russia's longlasting imperial ambition» [Sobol, 2011, с. 65] («Кавказ — объект давних имперских амбиций России»). Однако следует отметить, что тексты Лермонтова представляют собой более сложный симбиоз идей, явленных в диалектике изображенной им живой жизни героев и прямо выраженных идей, что подтверждают и многочисленные исследования отечественных лермонтоведов, и различные факты его общения с представителями общества того времени. Набросок Лермонтова «У России нет прошедшего…» в отечественной и зарубежной науке не рассматривался как часть «кавказского текста»: в зарубежной науке набросок никогда не становился предметом изучения, не было и отечественных исследований, рассматривающих его в контексте «восточного вопроса», хотя попытки социально-политического рассмотрения наброска имелись уже в конце XIX века. В частности, таковой является статья В. Д. Спасовича «Байронизм у Лермонтова» (1888), в которой сделан весьма категоричный вывод о либерально-западническом настроении творца: «Под влиянием Байрона из Лермонтова выработался поэт весьма высокого полета, но космополитический <…> Он смотрел на средние века <...> с точки зрения московских западников, <...> очень довольных тем, что средних веков в России не было, что ее история — белый лист бумаги, на котором будущность запишет нечто ... бесконечно великое» [Спасович, 1890, с. 373]. Это утверждение может быть оспорено, так как противоречит литературному наследию Лермонтова и выраженным с его стороны симпатиям в адрес сложившегося в то время славянофильского взгляда на русскую историю.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Заметка «У России нет прошедшего…» в контексте размышлений Лермонтова об историческом пути России

Передав в апреле 1841 года только что написанное свое стихотворение «Спор» А. Ф. Самарину для публикации в прославянофильском «Москвитянине», Лермонтов ясно обозначил свою мировоззренческую установку по отношению к историческому предназначению России. Упомянутая в «Споре» имперская идея укрепления русских рубежей на Кавказе и мощи «северной Державы» лейтмотивом проходит во всей «Записной книжке, подаренной В. Ф. Одоевским», в которую вошли тексты Лермонтова последних месяцев жизни. Значительная часть текстов из «Записной книжки, подаренной В. Ф. Одоевским» имеет отсылающую к Востоку образную систему. Примечательно, что на листе 5-оборот от начала тетради — между

CC BY

черновой и беловой записью стихотворения «Спор» (которое и открывает «Записную книжку…») — сделана помета, носящая заголовочный характер, на что указывает прописная буква в начале слова, подчеркивание и ее расположение в центре чистой страницы (под заголовком проставлена цифра «7», обозначающая номер заполненной поэтом страницы) — «Востокъ». Вероятно, что эта помета была обусловлена размышлениями Лермонтова о «восточном вопросе», который был обозначен на Веронском конгрессе Священного Союза в 1822 году. Среди военных действий, связанных с «восточным вопросом», особое место занимала и Кавказская война 1817—1864 годов, в которой по долгу военной службы Лермонтов принимал непосредственное участие. Проблема укрепления влияния России на Кавказе, «цивилизаторская миссия» [Колосовская и др., 2020, с. 133], идеи «интеграции края в состав империи» [Колосовская, 2020, с. 163], «подданности имперской власти» [Ерохин и др., 2021, с. 1153] нашли отражение уже в ранней поэме Лермонтова «Измаил-Бей» (1832), где поэт заявляет о потенциальном могуществе России: *Смирись, черкес! И запад, и восток, // Быть может, скоро твой разделят рок. // Настанет час — и скажешь сам надменно: // Пускай я раб, но раб царя вселенной! Настанет час — и новый грозный Рим // Украсит Север Августом другим* [Лермонтов, 1954—1957, т. III, с. 201]. В стихотворении Лермонтова «Спор» ярко выражено видение «России как великой империи, которая в своей мощи и объемности уподобляется силе природной, стихийной и превышает потенциал когда-то исторически значимых государств» [Киселева и др., 2019, с. 275]. В размышлениях Лермонтова о «восточном вопросе» свое место занимает и набросок «У России нет прошедшего…», который логично рассматривать, не отрывая его от общего настроения поэта.

Раздумывая над российской историей, В. В. Розанов отметил, что высказанные в наброске Лермонтова мысли являются «мучительными для всякого русского» [Розанов, 1997, с. 50]. Комментируя в статье «Исторический перелом» (1905) первую часть высказывания («У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем»), В. В. Розанов отмечал: «Лермонтов был необыкновенный ум, не говоря уже о поэтическом гении. Он был феномен нашей истории, что-то причудливое и загадочное, точно комета, сбившаяся со своих и забежавшая на чужие пути. И вот так любя свою Родину (о чем никто не спорит), он выставил в приведенной строке как бы личный свой тезис: “Все прошлое святой моей терпеливой родины <…> смутно по смыслу <…>. Но душа у нее великая. И великого от нее мы должны ждать в будущем”. Он бы не написал: “Она вся в будущем”, если бы сомневался о душе ее так же, как, очевидно, сомневался и даже отверг значительность ее истории» [Розанов, 1997, с. 50].

CC BY

При размышлении над текстом В. В. Розанов заменяет лермонтовское слово «прошедшее» на «прошлое». Вплетая (вероятно, не осознавая подмены) в свое рассуждение более подходящее, на его взгляд, по смыслу слово «прошлое», В. В. Розанов несколько искажает смысл высказывания поэта. Употребляемое Лермонтовым слова «прошедшее» несет в себе особые смысловые оттенки. Если *прошлое* «непосредственно предшествует чему-то в последовательности объектов или явлений» [Новый объяснительный словарь …, 2003, с. 833] и «отодвигает характеризуемый объект вглубь временной оси в большей степени, чем прочие прилагательные ряда» [Там же, с. 835], *прошедшее* же означает то, что перестало быть в настоящем. Отрицание прошедшего («У России нет прошедшего… она вся в настоящем и будущем») подчеркивает живую жизнь российской истории (истории как прошлого) «в настоящем и будущем». Замечание Лермонтова о «настоящем» в его высказывании свидетельствует о том, что в современную ему эпоху именно Кавказ он увидел местом утверждения России как Великой Державы. Здесь поэт почувствовал энергию истории.

Уже в раннем стихотворении Лермонтова «1831-го января» (1831) история представляется поэту в манящем олицетворенном образе: *Веков протекших великаны. // Они зовут, они манят, // Поют и я пою за ними, // И, полный чувствами живыми, // Страшуся поглядеть назад* [Лермонтов, 1954—1957, т. I, с. 175]. Знаменательно, что в отрывке «У России нет прошедшего…» Россия также уподобляется сказочному богатырю Еруслану Лазаревичу — своего рода великану. То есть отрицание прошедшего в анализируемом наброске не только не противоречит вере Лермонтова в величие Русской державы, но и подчеркивает его патриотизм.

Олицетворение России в ее уподоблении богатырю (великану) было довольно распространено в творческом наследии Лермонтова. Русское богатырство акцентируется и в стихотворении «Бородино» (1837). В поэме «Сашка» (1835—1836) «столетним русским великаном» [Там же, т. IV, с. 43] поэт называет Кремль, в стихотворении «Два великана» (1832) «старый русский великан» противопоставлен Наполеону («трехнедельный удалец») [Там же, т. II, с. 51], то есть сам принцип аллегорического олицетворения характерен для поэтики Лермонтова.

При анализе рефлексии русских мыслителей над лермонтовской заметкой нельзя не отметить желание сделать поэтический текст иллюстрацией своей концепции на основе припоминания или же беглого прочитывания текста. А. А. Краевский, публикуя заметку, также ошибочно указал на поставленный Лермонтовым акцент в последней части фразы — «Такова Россия», отметив, что ее поэт «внизу прибавил карандашом» [Краевский, 1844, с. 201]. Обращение к рукописи позволяет говорить о том, что фраза

CC BY

не была добавлена, а составляла часть первоначального чернового текста, написанного карандашом и не обведенного чернилами, то есть не вошедшего в окончательный вариант заметки.

3.2. Заметка Лермонтова «У России нет прошедшего…» в контексте дискуссий вокруг «Философического письма» П. Я. Чаадаева

Набросок являет собой неосуществленный замысел стилизованного под фольклор произведения или только вариант мыслительного диалога Лермонтова с современниками, спорящими в то время о русской истории и путях развития страны. Л. М. Аринштейн полагал, что Лермонтов в своем высказывании «определенно отмежевывается от официально-патриотической точки зрения» [Аринштейн, 1981, с. 421], вступая в спор с А. Х. Бенкендорфом, мнение которого было отражено в ходившем во времена Лермонтова анекдоте (в значении краткого рассказа об истории из жизни), передающем диалог защищающего П. Я. Чаадаева М. Ф. Орлова с шефом жандармов: «Le passé de la Russie, a été admirable; son présent est plus que magnifique; quant à son avenir il est au delà de tout ce que l'imagination la plus hardie se peut figurer: voilà, mon cher, le point de vue sous lequel l'histoire russe doit être connue et écrite» [Жихарев, 1871, с. 38] (Прошлое России было восхитительным; ее настоящее — более чем великолепно; что касается ее будущего, то оно выходит за пределы всего, что может быть представлено самым смелым воображением: вот, дорогой мой, точка зрения, под которой должна быть известна и написана русская история). Однако Л. М. Аринштейн справедливо считает, что Лермонтов «не согласен и с противоположным, пессимистическим взглядом, характерным для П. Я. Чаадаева» [Аринштейн, 1981, с. 421], который в своем первом «философическом письме» писал: «Мы живем в каком-то равнодушии ко всему, в самом тесном горизонте без прошедшего и будущего» [Чаадаев, 1836, с. 284]. Л. М. Аринштейн определяет позицию Лермонтова как срединную — между мировоззрением западников и славянофилов, — хотя кажется, что это утверждение звучит достаточно неопределенно, серьезную аргументацию исследователь не приводит, кроме той, что поэт незадолго до написания наброска встречался и с Ю. Ф. Самариным, и с В. Г. Белинским — яркими представителями этих двух противоборствующих направлений. Однако факт передачи Лермонтовым стихотворения «Спор» Ю. Ф. Самарину и выраженная в нем идея свидетельствуют в адрес славянофильских симпатий поэта. Ближе же всего Лермонтов в своих убеждениях к А. С. Пушкину, это можно утверждать уже исходя из его литературного наследия (исторических шедевров: «Два великана», «Бородино», «Песня о царе Иване Васильевиче…» и др.). В письме к Чаадаеву от 19 октября 1836 года Пуш-

CC BY

кин спорит со своим другом и, кратко излагая богатую российскую историю, заявляет: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться <…> клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал» [Пушкин, 1937—1959, т. XVI, с. 392—393]. В этом же письме Пушкин высказывает и свое искренне отношение к правительству, которое редко учитывалось в литературоведении до 1990-х годов. И если стремление «противопоставить мировосприятие Пушкина официальной идеологии» было характерной чертой «старолиберального, а потом и советского литературоведения» [Сквозников, 1998, с. 177], то это верно и по отношению к Лермонтову.

Старший современник Пушкина и Лермонтова, либерально настроенный генерал М. Ф. Орлов достаточно критически оценивал настоящее и будущее России: «Мы сражались против целой Европы, но целая Европа ожидала от наших усилий своего освобождения, а что мы можем предложить завоеванным народам? И что же мы будем предлагать завоеванным народам? Наш жестокий удел рабства?» [Орлов, 1963, с. 33]. Если единомышленник Чаадаева уподобляет Россию «исполину ужасной силы и величины, изнемогающему от тяжелой внутренней болезни» [Там же, с. 64], то позиция Лермонтова противоположна. Поэт в своем наброске будто вступает в живой разговор со своими современниками, оперируя сходными образами (великан / исполин) и понятиями (прошедшее / настоящее / будущее).

3.3. Фольклорные аллюзии заметки «У России нет прошедшего…» как ключ к пониманию замысла Лермонтова

Структурно-смысловая конструкция высказывания «У России нет прошедшего» являет собой сверхфразовое единство. Перед нами стройное суждение, которое логически состоит из нескольких частей. Первая часть — утверждение категоричного характера («У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем»). Вторая часть представляет собой аргументацию, в качестве которой выступает сказочный сюжет, расположение его частей соответствует народной волшебной сказке. Здесь традиционный фольклорный запев (*Сказывается сказка*), собственно действие (*Еруслан Лазаревич сидел сиднем 20 лет и спал крепко, но на 21 году проснулся от тяжелого сна и встал и пошел и встретил он тридцать семь Королей и 70 богатырей*) и исход (*и побил их и сел над ними царствовать*). Обводя текст чернилами, Лермонтов отказался от акцента на выводе-обобщении («Такова Россия»), таким образом, акцент смещается на исход сказки, то есть суть всей фразы заключается именно в приведенном сказочном сюжете.

CC BY

Спорным представляется суждение Ю. И. Смирнова, высказанное в связи с этой заметкой, что поэт был «совершенно человеком несведущим, по-настоящему не знающим русскую фольклорную традицию» [Смирнов, 2003, с. 26]. Для своего времени поэт был достаточно эрудированным в русском фольклоре человеком: здесь сказалось и обучение у А. Ф. Мерзлякова, известного своим опытом создания лирических песен в народном стиле, и «влияние дворовой среды, песен крепостных девушек» [Азадовский, 1941, с. 227], и сама эпоха — время, когда «выходят “Сказки” Пушкина и Жуковского, “Вечера на хуторе близ Диканьки” Гоголя; за ними появляются “Сказки” Даля, Языкова, Ершова …» [Там же, с. 235]. Уже в 1830 году (в пятнадцатилетнем возрасте) Лермонтов написал в одной своей автобиографической заметке: «Однако же, если захочу вдаться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях. — Как жалко, что у меня была мамушкой немка, а не русская — я не слыхал сказок народных; — в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности» [Лермонтов, 1954—1957, т. IV, с. 353]. Как убедительно доказывает М. К. Азадовский, «заметка Лермонтова представляется как бы одним из звеньев общей цепи аналогичных явлений и отражает общий интерес эпохи к народной поэзии и ее изучению» [Азадовский, 1941, с. 235]. О сознательном отношении Лермонтова к народной эстетике и усвоении им принципов художественного изображения человека и мира в русском фольклоре говорит и его признанный шедевр — «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (1837). Еще в университетский период поэт делал наброски эпических произведений с народно-поэтической основой — план волшебной сказки «При дворе князя Владимира», шутливой поэмы о богатырских подвигах. Оба эти замысла близки к литературно-фольклорной традиции рубежа XVIII—XIX веков и не дают возможности усомниться в знакомстве Лермонтова с существовавшими на тот момент изданиями русских сказок. Именно фольклорное начало с его стихийностью и воспроизведением абсолютно верных закономерностей человеческого бытия обладает высочайшим потенциалом для художественной реализации идеи исторического масштаба.

Могучий былинный образ, воплотившийся в невероятной силе, с помощью которой герой побил иноплеменников, Лермонтов переносит на сказочный образ богатыря Еруслана Лазаревича. Однако в известных еще с XVII века и активно бытовавших у народов Кавказа и Средней Азии двух сюжетах о Еруслане Лазаревиче (освобождение им персидского шаха Киркоуса из темницы и бой Еруслана с сыном) не сообщается о врожденной немощи и об обретении героем богатырской силы. Не содержится этой сюжетной линии в наиболее популярном в народе и, очевидно, известном

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Лермонтову варианте «Сказания о Еруслане Лазаревиче» по списку Погодина (1773). Сюжет о сидне, получившем исцеление, прочно закрепился в русском фольклоре за богатырем Ильей Муромцем. Сюжет об исцелении не владевшего ногами крестьянского сына Ильи, ставшего богатырем Ильей Муромцем и «побившего силу басурманскую копьем булатным» [Сказка о славном …, 1793, с. 3], отражен в «Истории о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье-разбойнике» (СПб., 1793) (былинная интерпретация сюжета об исцелении Ильи Муромца широко известной становится только к середине XIX века, после фиксации в сборниках П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, тогда как в сборнике былин И. П. Сахарова, вышедшем в двух редакциях — 1839 и 1841 годов — этот биографический элемент отсутствовал). Сюжетные переклички с лермонтовским наброском очевидны и в сравнении со «Сказкой о тридесяти трех летнем сидне Иване, крестьянском сыне и как сделался он чрез разум свой и хитрость великим царем» (СПб., 1788). В основу сказочного сюжета положено повествование о богатыре Иване, немощь которого («Ходить он не мог, потому что был сидень, <…> не мог ходить и сидел сиднем ровно тридцать лет и три года» [Сказка …, 1788, с. 341] исцелил пришедший нищий. Результатом преодоления богатырем ряда испытаний на востоке стало спасение Китая и характерная для сказочного сюжета развязка — женитьба, получение Царства и всеобщее благоденствие [Там же, с. 349], мотивную параллель которому содержит и поэма Лермонтова «Мцыри»: *На Грузию! — она цвела // С тех пор в тени своих садов, // Не опасаяся врагов, // За гранью дружеских штыков* [Лермонтов, 1954—1957, т. IV, с. 149].

В качестве источников появления лермонтовского замысла можно назвать и богатырские сказки из девятой части собрания В. А. Левшина «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные, и прочие оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения» (1783). Однако Лермонтов при осмыслении фольклорного сюжета об обретшем силу богатыре намеренно отказывается от некоторых устойчивых элементов. Поэт дополняет врожденную немощь богатыря указанием на крепкий беспробудный сон, тем самым перенося акцент с физической неспособности к действию на временное бездействие. В сказке «Приключения собственные богатыря Булата» приведено примечательное заключение о богатырском сне: «Сон есть действие непосредственное от Богов, служащее к лучшему укреплению сил в богатыре, ибо после богатырь мог целые два года бодрствовать без малейшего природе своей отягощения» [Левшин, 1783, с. 113]. «Крепким сном» [Там же, с. 111] покоился русский богатырь Булат, а после пробуждения одерживал победы в битвах с Аварским ханством. Примечательно, что у Лермонтова

CC BY

в «Валерике» (1840) также встречается указание на Аварию (*Как при Ермолове ходили // В Чечню, в Аварию, к горам …* [Лермонтов, 1954—1957, т. II, с. 168]), тогда как это именование части Северного Кавказа крайне редко встречается у современных ему писателей.

Созвучные лермонтовскому высказыванию мотивы можно найти и в богатырской сказке «Приключения богатыря Сидона» из той же части собрания сказок Левшина. Средиземноморский богатырь Сидон говорит о Еруслане Лазаревиче: «Я был очевидцем ста двадцати поединков его со славнейшими богатырями, из коих повсегда выносил он победу. Редкого из покоренных им богатырей лишал он жизни, а только в необходимых обстоятельствах сопротивления довольствовался отнятием оружия у побежденного» [Левшин, 1783, с. 213]. Здесь видим и сближающий тексты акцент на числовом выражении побед, и сам мотив непобедимости богатыря.

И, наконец, поэт, не объясняя самой причины пробуждения, переходит сразу к следствию: *и встал, и пошел, и встретил, и сел над ними царствовать* [Записная книжка …, 1841, 7-оборот]. Аллюзии Лермонтова к сказке В. А. Левшина могут быть связаны с поднимаемой в ней темой Востока и Кавказа. Еруслан Лазаревич всю свою добычу «собирал и хранил в особой пещере, находящейся в горах Кавказских» [Левшин, 1783, с. 213—214]. Рассказчик, которым выступает богатырь Сидок, пишет о своих богатырских поездках с Ерусланом Лазаревичем: «Мы объехали с ним почти весь восток, наполняя следы наши честью и славой» [Там же, с. 214].

4. Заключение = Conclusions

Рассмотренный в своей аутентичности, при внимании к значению употребляемых поэтом слов, в контексте историко-культурной жизни того времени и традиции русского сказочного эпоса лермонтовский набросок «У России нет прошедшего…» может быть интерпретирован как эманация размышлений Лермонтова об отношениях России и Кавказа в аспекте «восточного вопроса». Поставленные поэтом в заметке «У России нет прошедшего…», в стихотворении «Спор» (1841), в поэме «Мцыри» (1839) и других текстах акценты на богатырстве России служат ключом к его пониманию истории. В лермонтовской заметке аллегорически выражена концепция видения России великой Империей, утверждение которой простирается на Восток (в частности, на ее кавказские рубежи). Акцентируемое поэтом в заметке фольклорное начало при изображении русской мощи является знаковым для лермонтовской художественной системы. Народный элемент присутствует во всех произведениях Лермонтова, связанных с пафосом величия России в ее историческом измерении. Философские основания лермонтовского историзма, который в аспекте взаимоотношения России и Кавказа

приобретает в творчестве Лермонтова социокультурное измерение, до сих пор в полноте не осмыслены и представляют собой плодотворную почву для новых историко-филологических исследований. Перспективы изучения художественной историософии Лермонтова видятся в уточнении принципов лермонтовского исторического мышления; в выявлении особенностей исторической интуиции поэта, специфики взгляда на исторический процесс, в характеристике настроений эпохи и источников историософских интенций поэта в связи с проблемой диалога России и Кавказа.

Источники и принятые сокращения

1. *Записная* книжка, подаренная В. Ф. Одоевским. 1841 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 429. № 12. 27 л.

2. *Левшин В. А.* Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные, и прочие оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения. Часть 9 / В. А. Левшин. — Москва : Унив. тип. у Н. Новикова, 1783. — 331 с.

3. *Лермонтов М. Ю.* Сочинения : в 6-ти томах / М. Ю. Лермонтов. — Москва, Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1954—1957.

4. *Лермонтов М. Ю.* «У России нет прошедшего…» / М. Ю. Лермонтов // Отечественные записки. — 1844. — Т. XXXII. — № 1. — С. 201.

5. *Новый* объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное / под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 1488 с.

6. *Сказка* о тридесяти трех летнем сидне Иване, крестьянском сыне и как сделался он чрез разум свой и хитрость великим царем. — Санкт-Петерубрг : Типография Богдановича, 1788. — 16 с.

7. *Сказка* о славном и храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье Разбойнике, так же о богатыре Буде Жигуловиче. — Санкт-Петербург : Типография Богдановича, 1793. — 16 с.

8. Чаадаев П. А. Философические письма к госпоже***. Письмо первое / П. А. Чаадаев // Телескоп. Журнал современного просвещения, издаваемый Н. Надеждиным. — 1836. — № 15. — С. 276—310.

Литература

1. *Азадовский М. К.* Фольклоризм Лермонтова / М. К. Азадовский // М. Ю. Лермонтов. — Москва : Изд-во АН СССР, 1941. — Книга I. — С. 227—262.

2. *Андроников И. Л.* Лермонтов : Исследования и находки / И. Л. Андронников. — Москва : Художественная литература, 1968. — 609 с.

3. *Аринштейн Л. М.* Планы. Наброски. Сюжеты / Л. М. Аринштейн // Лермонтовская энциклопедия. — Москва : АН СССР, 1981. — С. 417—421.

4. *Багно В. Е.* Восточные ответы Лермонтова / В. Е. Багно // Мир Лермонтова : Коллективная монография. — Санкт-Петербург : Скрипториум, 2015. — С. 68—72.

5. *Ерохин А. М.* Национальная политика Российской империи на Северном Кавказе в XIX — начале XX веков / А. М. Ерохин, Е. А. Авдеев, С. М. Воробьев // Былые годы. — 2021. — № 16 (3). — С. 1153—1161. — DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.5.9.

6. *Жихарев М. И.* Петр Яковлевич Чаадаев. Из воспоминаний современника. Статья 2-я / М. И. Жихарев // Вестник Европы. — 1871. — № 9. — С. 8—55.

7. *Киселева И. А.* Творческая история стихотворения М. Ю. Лермонтова «Спор» (1841) в культурно-историческом контексте / И. А. Киселева, К. А. Поташова, Е. А. Сеченых // Научный диалог. — 2019. — № 10. — С. 264—279. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-264-279.

8. *Киселева И. А.* Творчество М. Ю. Лермонтова как религиозно-философская система / И. А. Киселева. — Москва : Московский государственный областной университет, 2017. — 178 с.

9. *Киселева И. А.* О познавательно-ценностном подходе к творчеству М. Ю. Лермонтова : телеология текста / И. А. Киселева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. — 2013. — № 6. — С. 82—87.

10. *Киселева И. А.* Роль событий войны 1812 года в формировании имперских настроений русского общества первой трети XIX века : к вопросу о патриотизме Лермонтова / И. А. Киселева // Вестник Московского государственного областного университета. — 2012. — № 4. — С. 182—187.

11. *Киселева И. А.* Имперский идеал в поэмах М. Ю. Лермонтова «Измаил-бей» и «Мцыри» / И. А. Киселева // Вестник Орловского государственного университета. Серия : Новые гуманитарные исследования. — 2011. — № 6 (20). — С. 136—138.

12. *Колосовская Т. А.* Имперская политика памяти на Кавказе : Механизмы конструирования массового исторического сознания (XIX — начало XX веков) / Т. А. Колосовская, Д. С. Ткаченко // Новый исторический вестник. — 2020. — № 2 (64). — С. 131—154. — DOI: 10.24411/2072-9286-2020-00014.

13. *Колосовская Т. А.* «Изучая край с точки зрения военной» : российские офицеры и интеллектуальное освоение Северного Кавказа времен Кавказской войны / Т. А. Колосовская // Российская история. — 2020. — № 3. — С. 156—163. — DOI: 10.31857/S086956870010151-7.

14. *Кумыш В. Ю.* Пророческий смысл творчества М. Ю. Лермонтова / В. Ю. Кумыш. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2006. — 209 с.

15. *Лотман Ю. М.* Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова / Ю. М. Лотман // Лермонтовский сборник. — Ленинград : Наука, 1985. — С. 5—22.

16. *Михайлова А. Н.* Спор / А. Н. Михайлова // Лермонтов М. Ю. Сочинения : в 6 томах. — Москва, Ленинград : АН СССР, 1954—1957. — Т. II. — С. 359—360.

17. *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма / М. Ф. Орлов. — Москва : АН СССР, 1963. — 374 с.

18. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений : в 16 т. / А. С. Пушкин. — Москва, Ленинград : АН СССР, 1937—1959.

19. *Розанов В. В.* Исторический перелом / В. В. Розанов // Собрание сочинений : в 30 т. — Москва : Республика, 1997. — Т. VI. — С. 41—84.

20. *Семенов Л. П.* Лермонтов на Кавказе / Л. П. Семенов. — Пятигорск : Орджоникидзевское краевое издательство, 1939. — 224 с.

21. *Сквозников В. Д.* Пушкин. Историческая мысль поэта / В. Д. Сквозников. — Москва : Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 1998. — 223 с.

22. *Смирнов Ю. И.* Пробуждение Еруслана Лазаревича / Ю. И. Смирнов // Сибирский филологический журнал. — 2003. — № 2. — С. 24—27.

23. *Спасович В. Д.* Байронизм у Лермонтова / В. Д. Спасович // Сочинения : в 10 т. — Санкт-Петербург : Бр. Рымович, 1889—1910. — Т. 2. Литературные очерки и портреты. — С. 371—378.

24. *Удодов Б. Т.* К вопросу о лирическом герое Лермонтова / Б. Т. Удодов // Вопросы поэтики литературы и фольклора. — Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1974. — С. 73—90.

25. *Ходанен Л. А.* Культурный концепт «Кавказ» и его текстообразующая роль в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова / Л. А. Ходанен // Сибирский филологический журнал. — 2015. — № 4. — С. 47—57. — DOI: 10.17223/18137083/53/6.

26. *Юхнова И. С.* Очерк «Кавказец» в контексте творчества М. Ю. Лермонтова / И. С. Юхнова // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1—1. — Режим доступа : https://science-education.ru/ru/article/view?id=17118 (дата обращения: 16.04.2022).

27. *Orte P.* Lermontov's «Ashik-kerib» and the lyric hero / P. Orte // Slavic and East European Journal. — 2019. — Vol. 63, № 4. — Pp. 543—561.

28. *Sobol V.* The Uncanny Frontier of Russian Identity : Travel, Ethnography, and Empire in Lermontov's «Taman» / V. Sobol // The Russian Review. — 2011. — Vol. 70, № 1. — Pp. 65—79.

Material resources

A fairy tale about the glorious and brave hero Ilya Muromets and about the Robber Nightingale, as well as about the hero Bud Zhigulovich. (1793). St. Petersburg: Bogdanovich Printing House. 16 p. (In Russ.).

A notebook donated by V. F. Odoevsky. (1841). In: *Department of Manuscripts of the Russian National Library.* F. 429. №. 12. 27 l. (In Russ.).

Apresyan, Yu. D. (ed.) (2003). *A new explanatory dictionary of synonyms of the Russian language.* Moscow: Languages of Slavic culture. 1488 p. (In Russ.).

Chaadaev, P. A. (1836). Philosophical letters to Mrs. ***. *The first letter. The telescope. The Journal of Modern Enlightenment, published by N. Nadezhdin, 15:* 276—310. (In Russ.).

Lermontov, M. Y. (1844). "Russia has no past...". *Domestic notes, XXXII (1):* 201. (In Russ.).

Lermontov, M. Y. (1954—1957). *Essays: in 6 volumes.* Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).

Levshin, V. A. (1783). *Russian fairy tales containing the oldest narratives about glorious heroes, folk tales, and other adventures remaining through retelling in memory, 9.* Moscow: Univ. type. at N. Novikov. 331 p. (In Russ.).

The tale of the three-and-sixty-three-year-old Sidna Ivan, a peasant's son, and how he became a great tsar through his mind and cunning. (1788). St. Petersburg: Bogdanovich Printing House. 16 p. (In Russ.).

References

Andronikov, I. L. (1968). *Lermontov: Research and findings*. Moscow: Fiction. 609 p. (In Russ.).

Arinstein, L. M. (1981). Plans. Sketches. Plots. In: *The Lermontov Encyclopedia*. Moscow: USSR Academy of Sciences. 417—421. (In Russ.).

Azadovsky, M. K. (1941). Lermontov's Folklore. In: *M. Yu. Lermontov, I.* Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 227—262. (In Russ.).

Bagno, V. E. (2015). Eastern answers of Lermontov. In: *Lermontov's World: A collective monograph*. St. Petersburg: Scriptorium. 68—72. (In Russ.).

Draughtsman, V. D. (1998). *Pushkin. Historical thought of the poet.* Moscow: Gorky Institute of World Literature. 223 p. (In Russ.).

Erokhin, A. M., Avdeev, E. A., Vorobyev, S. M. (2021). The national policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the XIX — early XX centuries. *Bygone Years, 16 (3)*: 1153—1161. DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.5.9. (In Russ.).

Khodanen, L. A. (2015). The cultural concept "Caucasus" and its text-forming role in the works of A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov. *Siberian Philological Journal, 4:* 47—57. DOI: 10.17223/18137083/53/6. (In Russ.).

Kiselyova, I. A. (2011). The Imperial ideal in the poems of M. Y. Lermontov "Izmail Bey" and "Mtsyri". *Bulletin of the Orel State University. Series: New Humanitarian Studies, 6 (20):* 136—138. (In Russ.).

Kiselyova, I. A. (2012). The role of the events of the War of 1812 in the formation of imperial sentiments of Russian society in the first third of the nineteenth century: on the question of patriotism Lermontov. *Bulletin of the Moscow State Regional University, 4:* 182—187. (In Russ.).

Kiselyova, I. A. (2013). On the cognitive-value approach to the work of M. Y. Lermontov: teleology of the text. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology, 6:* 82—87. (In Russ.).

Kiselyova, I. A. (2017). *M. Y. Lermontov's creativity as a religious and philosophical system.* Moscow: Moscow State Regional University. 178 p. (In Russ.).

Kiselyova, I. A., Potashova, K. A., Sechenych, E. A. (2019). Creative History of M. Yu. Lermontov's Poem "Dispute" (1841) in Cultural and Historical Context. *Nauchnyi dialog, 10:* 264—279. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-264-279. (In Russ.)

Kolosovskaya, T. A. (2020). "Studying the region from the military point of view": Russian officers and intellectual development of the North Caucasus during the Caucasian War. *Russian history, 3:* 156—163. DOI: 10.31857/S086956870010151-7. (In Russ.).

Kolosovskaya, T. A., Tkachenko, D. S. (2020). Imperial policy of memory in the Caucasus: Mechanisms of constructing mass historical consciousness (XIX — early XX centuries). *New Historical Bulletin, 2 (64):* 131—154. DOI: 10.24411/2072-9286-2020-00014. (In Russ.).

Kumysh, V. Yu. (2006). *The prophetic meaning of M. Yu. Lermontov's creativity.* St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 209 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1985). The problem of East and West in the work of the late Lermontov. In: *The Lermontov Collection.* Leningrad: Nauka. 5—22. (In Russ.).

Mikhailova, A. N. (1954—1957). Dispute. In: Lermontov, M. Y. *Essays: in 6 volumes, 2.* Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences. 359—360. (In Russ.).

Orlov, M. F. (1963). *The Surrender of Paris. Political writings.* Letters. Moscow: USSR Academy of Sciences. 374 p. (In Russ.).

Orte, P. (2019). "Ashik-kerib" Lermontov and the lyrical hero. *Slavic and Eastern European Journal, 63 (4):* 543—561.

Pushkin, A. S. (1937—1959). *Complete works: in 16 volumes.* Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences. (In Russ.).

Rozanov, V. V. (1997). The Historical Turning point. In: *Collected works: in 30 vols, VI.* Moscow: Republic. 41—84. (In Russ.).

Semenov, L. P. (1939). *Lermontov in the Caucasus.* Pyatigorsk: Ordzhonikidze regional Publishing house. 224 p. (In Russ.).

Smirnov, Yu. I. (2003). The Awakening of Yeruslan Lazarevich. *Siberian Philological Journal, 2:* 24—27. (In Russ.).

CC BY

Sobol, V. (2011). Supernatural frontier of Russian identity: travels, ethnography and empire in "Taman" Lermontov. *Russian Review, 70 (1):* 65—79. DOI:10.1111/j.1467-9434.2011.00596.x.

Spasovich, V. D. (1889—1910). Byronism at Lermontov. In: *Essays: in 10 vols, 2. Literary essays and portraits.* St. Petersburg: Br. Rymovich. 371—378. (In Russ.).

Udodov, B. T. (1974). To the question of Lermontov's lyrical hero. In: *Questions of poetics of literature and folklore.* Voronezh: Voronezh University Publishing House. 73—90. (In Russ.).

Yukhnova, I. S. Essay "The Caucasian" in the context of the work of M. Y. Lermontov. In: *Modern problems of science and education, 1—1.* Available at: https://science-education.ru/ru/article/view?id=17118 (accessed 16.04.2022). (In Russ.).

Zhikharev, M. I. (1871). Pyotr Yakovlevich Chaadaev. From the memoirs of a contemporary, 2. *Bulletin of Europe, 9:* 8—55. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 14.01.2022,
одобрена после рецензирования 12.03.2022,
подготовлена к публикации 17.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Мещанский А. Ю. Великая Отечественная война в современном драматургическом дискурсе / А. Ю. Мещанский, Л. А. Савелова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 284—300. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-284-300.

Meshchansky, A. Yu., Savelova, L. A. (2022). Great Patriotic War in Modern Dramatic Discourse. *Nauchnyi dialog, 11(3):* 284-300. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-284-300. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-284-300

Великая Отечественная война в современном драматургическом дискурсе

Мещанский Александр Юрьевич
orcid.org/0000-0001-5357-5543
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра литературы
и русского языка
a.meshchanskiy@narfu.ru

Савелова Любовь Анатольевна
orcid.org/0000-0001-8407-5103
доктор филологических наук, доцент,
кафедра литературы
и русского языка
l.savelova@narfu.ru

Филиал федерального государственного
автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М. В. Ломоносова»
в г. Северодвинске
Архангельской области
(Северодвинск, Россия)

Great Patriotic War in Modern Dramatic Discourse

Alexander Yu. Meshchansky
orcid.org/0000-0001-5357-5543
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Literature
and Russian Language
a.meshchanskiy@narfu.ru

Lyubov A. Savelova
orcid.org/0000-0001-8407-5103
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Literature
and Russian Language
l.savelova@narfu.ru

Branch of Federal State
Autonomous Educational Institution
of Higher Education
"Northern (Arctic)
Federal University
named after M. V. Lomonosov"
in Severodvinsk"
(Severodvinsk, Russia)

© Мещанский А. Ю., , 2022

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье поднимается вопрос об осмыслении современными российскими драматургами темы Великой Отечественной войны (1941—1945). Новизна исследования обусловлена обращением к малоизученным пьесам авторов XXI века. Цель статьи состоит в том, чтобы проследить специфику индивидуально-авторских вариантов художественной репрезентации темы войны на материале произведений новейшего времени и дать представление о дискурсообразующем потенциале данной темы для современной драматургии. Доказательную базу составляет анализ трех произведений, написанных разными драматургами, в которых представлено восприятие и проживание военных событий и их последствий женщиной, мужчиной и ребенком. Это пьесы «Фронтовичка» А. Батуриной, «Семь трофеев рядового Шапкина» В. Ткачева и «Людоед» Н. Воробьевой и К. Журенкова. Результаты анализа позволяют провести параллель между эпохами и показать, что писатели-драматурги сквозь призму войны обращаются не столько к прошлому, сколько к насущным проблемам настоящего и будущего. Делается вывод, что это свидетельствует о ключевом характере военной темы для современной русской литературы и ее непреходящем значении как для каждого отдельного человека, так и для человечества в целом.

Ключевые слова:
русская литература; современная драматургия; дискурс; тема Великой Отечественной войны; А. Батурина; В. Ткачев; Н. Воробьева; К. Журенков.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of understanding the theme of the Great Patriotic War (1941—1945) by modern Russian playwrights is raised in the article. The novelty of the study is due to the appeal to little-studied plays by the authors of the 21st century. The purpose of the article is to trace the specifics of the author's individual variants of the artistic representation of the war theme on the material of the works of modern times and to give an idea of the discursive potential of this theme for modern dramaturgy. The evidence base is the analysis of three works written by different playwrights, which present the perception and living of military events and their consequences by a woman, a man and a child. These are the plays "Frontovichka" by A. Baturina, "Seven Trophies of Private Shapkin" by V. Tkachev and "Cannibal" by N. Vorobieva and K. Zhurenkov. The results of the analysis allow us to draw a parallel between eras and show that playwrights, through the prism of war, turn not so much to the past, but to the pressing problems of the present and future. It is concluded that this indicates the key nature of the military theme for modern Russian literature and its enduring significance both for each individual and for humanity as a whole.

Key words:
Russian literature; modern dramaturgy; discourse; theme of the Great Patriotic War; A. Baturina; V. Tkachev; N. Vorobieva; K. Zhurenkov.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.161.1::94(47).084.8+82-21

Великая Отечественная война в современном драматургическом дискурсе

© Мещанский А. Ю., Савелова Л. А., 2022

1. Введение = Introduction

В центре внимания настоящей статьи находятся пьесы современных авторов, которые обращаются к теме Великой Отечественной войны. Нашей целью является рассмотрение индивидуально-авторских вариантов художественной репрезентации данной темы в драматургических текстах новейшего времени. Интерес представляет и внимание драматургов к участникам военных событий, и своеобразие создаваемых авторами психологических портретов, и стремление выстраивать диалог с современностью.

Актуальность обращения к данной проблематике обусловлена тем, что Великая Отечественная война дала мощный импульс развитию литературы и до сих пор находит живой отклик как у авторов, так и у читателей. Благодаря этому обостряется вопрос о глубинных мотивах сопричастности тех, кто не был непосредственным участником военных событий, тому, как эти события повлияли и продолжают влиять на наше общество.

Следует отметить, что исследовательский интерес к творческой интерпретации темы Великой Отечественной войны современными российскими драматургами в настоящее время нарастает. В ряде работ анализируются произведения отдельных авторов [Гончарова-Грабовская, 2016; Монисова, 2016; Улюра, 2013 и др.], в том числе представляющих национальные литературы России [Кириллова, 2021; Закирзянов, 2020 и др.]. Чаще этот вопрос вводится в более широкий круг проблем, актуализируемых драматургией XX—XXI веков [Вислова, 2009; Громова, 2013; Историко-литературный процесс, 2015; Мещанский, 2021; Руднев, 2018 и др.]. Таким образом, в науке, безусловно, заложены теоретико-методологические основы изучения темы Великой Отечественной войны в драматургии, но в то же время еще рано говорить о сложившемся целостном научном представлении рассматриваемой проблематики.

В связи со сказанным целесообразно обратиться к творчеству разных авторов и к разным произведениям, написанным в наши дни, с целью выявления дискурсивно-эстетической нагрузки темы войны, с одной стороны, в концептуально-содержательной структуре отдельной пьесы, с другой — в драматургии, актуализирующей военную тематику в целом.

CC BY

В условиях драматургического дискурса каждое действующее лицо «оказывается носителем собственной, весьма субъективной картины разыгрываемой на сцене событийности» [Тюпа, 2010, с. 9]. С учетом этого в задачи исследования входит анализ пьес, центральные персонажи которых различаются по гендерно-возрастным характеристикам, в чем проявляется и множественность ракурсов представления темы Великой Отечественной войны.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материал исследования составляют тексты трех пьес — «Фронтовичка» А. Батуриной, «Семь трофеев рядового Шапкина» В. Ткачева и «Людоед» Н. Воробьевой и К. Журенкова. Объектом анализа выступают образы мужчины, женщины и ребенка как репрезентанты представлений о войне в данных пьесах. Соответственно, в качестве методов исследования используются проблемно-тематический, мотивно-образный, дискурсивный и интертекстуальный анализ художественного текста. Обзор научной литературы показывает, что в изучении современного драматургического текста продуктивными являются также сравнительно-сопоставительный метод [Вислова, 2009; Гончарова-Грабовская, 2016; Громова, 2013 и др.], интерпретационный анализ [Монисова, 2016; Соломахина, 2001 и др.], рефлексивный анализ [Игнашов, 2017], а также прием медленного чтения [Руднев, 2018].

Пьесы, выбранные для анализа, дискурсивно связаны как между собой, так и с произведениями предшествующих периодов.

Драматургическое осмысление темы Великой Отечественной войны, ставшей трагедией века, началось уже непосредственно в военные годы. Яркими примерами служат пьесы «Фронт» А. Корнейчука, «Нашествие» Л. Леонова, «Сталинградцы» Ю. Чепурина, «Офицер флота» А. Крона, «Русские люди» К. Симонова, «Песнь о черноморцах» Б. Лавренева и др. В силу идеологических установок эти произведения, как правило, были весьма далеки от подлинной правды тех трагических событий, с которыми довелось столкнуться стране и ее народам. По словам О. Берггольц, такая литература выполняла роль «бутылок с горючим, которыми останавливали танки» [Берггольц, 1989, с. 340]. Образное сравнение поэтессы понятно: зажигательные бутылки менее эффективны, чем противотанковые гранаты и орудия, но и они послужили укреплению веры в победу.

В первые послевоенные десятилетия в отечественной драматургии появились пьесы, в которых война предстает сквозь призму индивидуальности людей, переживших или не переживших ее. Авторы рассказывали не столько о боевых действиях, сколько о судьбах людей, обожженных войной. Это «Пять вечеров» А. Володина, «Вечно живые» В. Розова, «Мой бедный Марат» А. Арбузова, «Эшелон» М. Рощина, «Барабанщица» А. Са-

CC BY

лынского, «Баня по-черному» З. Тоболкина и др. Война становилась своеобразным катализатором глубинных качеств личности, камертоном души. Как верно заметил Б. Бугров, «для каждого из них с этой темой связаны и попытки философского решения проблем, и поиски острых нравственных конфликтов, и утверждение определенной концепции личности, и настойчивое стягивание в единый узел прошлого и настоящего, чтобы основательнее понять день сегодняшний, найти ответы на вопросы, диктуемые временем» [Бугров, 1987, с. 146—147].

Литературе, как и истории, понадобилось время для осмысления причин и последствий страшной войны. Незадолго до смерти Василь Быков написал статью «Цена прошедших боев», в которой затронул болезненную для современной России тему: «Спустя полвека после нашей победы правомерно задать себе элементарный вопрос: что мы имеем от той нашей победы? Вот немцы, например, не победили, не победили также итальянцы и японцы — более того, претерпели оглушительные национальные катастрофы. Но из тех катастроф они извлекли определенные уроки и в результате так благоустроили собственную жизнь, как нам не благоустроить ее никогда» [Быков, 1995, с. 37]. Как видим, вопреки известному мнению В. Ключевского, писатель-фронтовик настаивает на извлечении из истории уроков, без которых будущее любой великой державы просто немыслимо.

В этом кроются причины того, что и драматурги XXI века, казалось бы, неожиданно обращаются к событиям войны века XX, завершившейся более 75 лет назад. Для многих из них разговор о прошлом — это прежде всего разговор о настоящем и будущем. В современных пьесах оживают те, кто зачислен в «Бессмертный полк», свидетели войны, которые не дожили до наших дней. Дополнительно к произведениям, названным в начале раздела, можно упомянуть «Исповедь уцелевших» В. Доценко, «Военнопленные» А. Чугунова, «Голубые олени» А. Коломийца, «Дед и дед» С. Решетнева, «Я не умру» Д. Верясовой, «Мой друг, Сурок» А. Казюханова и др.

Возникает резонный вопрос: могут ли люди, не участвовавшие в войне, писать о ней? Ведь существует устоявшаяся точка зрения, что писать о войне могут лишь те, кто воевал, о лагере — те, кто через него прошел, и т. п. Возможно, это стереотип, от которого нужно избавляться. Однозначно ответить на этот вопрос трудно. Тем не менее справедливым представляется утверждение А. Толстого о том, что «эта война на сотни лет останется отправной точкой для всех искусств — от эпопеи и трагедии до лирических стансов» [Цит. по: Громова, 2013, с. 22]. Художественное творчество откликается на экзистенциальную боль, фокусирует внимание на пограничных переживаниях человека. «Литература — это когда говорится то, чего не сказать будет подлостью», — считает М. Веллер [Веллер, 2007,

CC BY

с. 8]. Полагаем, потребность в нравственной рефлексии над трагическими и труднопостигаемыми событиями прошлого является одной из причин того, что заставляет драматургов нашего времени обращаться к судьбам участников и свидетелей войны, погружая читателей-зрителей в их жизнь.

Краткий экскурс в драматургию военного, послевоенного и новейшего времени дает представление о том, что тема Великой Отечественной войны продолжает оставаться одной из сквозных в русской литературе и тем самым выполняет дискурсообразующую функцию. Рассмотрим это далее на примере отобранных для целенаправленного анализа пьес современных авторов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Женщина и война в пьесе А. Батуриной «Фронтовичка»

Проблема личностного выбора определяет сюжетное действие пьесы Анны Батуриной «Фронтовичка», главная героиня которой — Мария Петровна Небылица — возвращается с войны не домой, а на родину жениха, чтобы дождаться его там после демобилизации. Говорящая фамилия центрального персонажа по мере развития действия наполняется символическим смыслом. Как представляется, в ней актуализируется не столько связь с фольклорным жанром, повествующим о «не бывавшем доселе» [Даль, 1998, т. 2, с. 504], сколько позиция автора, стремящегося скорее не к исторической, а к психологической достоверности. Пьеса Батуриной — это напоминание о людях, прошедших через великую войну. Их образы деидеологизированы, чему способствует язык пьесы, который приближает действующих лиц к современникам, делает их похожими, близкими, узнаваемыми.

Хронологические рамки пьесы охватывают шесть послевоенных лет, время, когда остро ощущалась потребность в восстановлении не только разрушенной страны, но и душ, искалеченных войной. Молодые герои-фронтовики, несмотря на свои надежды, связанные с мирной жизнью, как будто остаются на войне, потому что она стала для них точкой высшего напряжения и высшим смыслом жизни. Страх перед смертью на войне для героев пьесы сменяется еще большим страхом перед жизнью. Это и стыд за то, что *«все не вернулись, а мы вернулись…»* [Батурина, 2009], и осознание своей неприспособленности к мирной жизни: *Я же ничего не умею* [Там же].

У фронтовички Небылицы большие надежды на счастливое будущее сменяются большими разочарованиями. Она сталкивается с недружелюбным отношением педколлектива из-за привычки курить и носить военную форму. Ее предает любимый человек, однополчанин Матвей, которого она готова была ждать, сколько потребуется, но он встретил новую любовь, *«чистую, из другого мира»* [Там же]. Тем не менее Мария сохраняет себя как

CC BY

личность в отличие, скажем, от внутренне сломавшейся фронтовички Ольги Зотовой из повести А. Толстого «Гадюка», оказавшейся в схожей ситуации. По сути, автора пьесы интересует особый строй души героини, способной реализовать свой внутренний потенциал, невзирая на условия и превратности времени. Личная трагедия помогает Марии понять себя, свою связь с миром: *Когда ты придешь, я тебе объясню, зачем все есть в мире, я все знаю* [Там же]. Сходное состояние экзистенциального изменения переживает и герой набоковского рассказа «Благость», которого бросила возлюбленная. А его душа, несмотря на попранные чувства, наполняется счастьем: *Я понял, что радость, которую я искал в тебе, не только в тебе таится, а дышит вокруг меня повсюду* [Набоков, 2004, с. 113—114].

Такое мировосприятие позволяет Марии Небылице не сломаться и не утратить надежду. В своем персонаже А. Батурина высвечивает то, что оказывается крайне востребованным и сейчас: возможность устоять в неустойчивом мире, сохранить самое себя. Пьеса Батуриной, воспринимаемая в ракурсе пушкинского «странного сближения», создает почву для сближения разных эпох, поколений, что обостряет философскую проблему высшего замысла о человеке. Беседа Марии Петровны со школьниками о музыке немецкого композитора Бетховена, который в восприятии детей ассоциируется с образом врага, фашиста, придает ее рассуждениям онтологический характер: *В войне люди не побеждают, и страны не побеждают. Просто наступает новый день, и он такой солнечный, что можно, наконец, вынести на улицу и высушить все подушки, валенки, перины, поставить граммофон на подоконник и услышать Бетховена. Побеждают не люди, не страны, а Бетховен. Или что-то вроде того … Что-то совсем другое побеждает всегда …* [Батурина, 2009]. Экстремальный опыт войны вывел Марию на новый уровень миропонимания, поскольку «человек не может пройти через войну, не изменившись — это аксиоматическая установка подобного типа текстов» [Улюра, 2013, с. 99].

Это знание фронтовичка Небылица со свойственной ей легкостью, простотой, иногда переходящей в грубость, стремится донести до других, но мало у кого находит отклик. К Марии тянутся ученицы, которым она прививает чувство прекрасного (*Мотыги мои! Вы у меня будете красивые, обязательно будете! Корявки!* [Батурина, 2009]). Родственную душу находит в ней аккомпаниатор Алексей (в тот момент, когда решили, что она умерла от ножевого ранения, юноша искренне восклицает: *Так нельзя! Это же Мария Петровна! Как вы не понимаете! Это Мария Петровна!* [Там же]). Для остальных учительница-фронтовичка Небылица остается странной чудачкой, не вписывающейся в мир привычных отношений. И здесь открывается новая семантика говорящей фамилии главной героини: для большинства лю-

CC BY

дей мир, которым живет Небылица, — это небылица, вымысел, сказка, нелепость, то, что невозможно в жестокой реальности бытия. Потеряв практически всё, а после ножевого ранения и давнюю мечту о своих детях, Мария отправляется со строительной бригадой на Дальний Восток.

Несмотря на трагический сюжет, посыл пьесы А. Батуриной можно считать мотивационным и жизнеутверждающим. Самое привлекательное в Марии Небылице — это та неукротимая жизнестойкость, которая влечет ее к океану и роднит с народом, пережившим войну. Перенастраивая свою жизнь с военного времени на мирное, Мария начинает существовать в особом хронотопе, который можно назвать «над-военно-мирным». Туда же устремлен и Алексей, готовый следовать за ней повсюду. Маркером хронотопической общности и единства культурного кода восприятия действительности этих героев служит упоминание французской песни в начале пьесы из уст Марии (*Chanson d'aieu! Песня прощанья!*) и в конце — из уст Алексея (*Ла шансон де адьо! Песня прощанья!*). С подвижностью и незамкнутостью этого хронотопа согласуется открытый финал пьесы.

3.2. Мужчина и война в пьесе В. Ткачева «Семь трофеев рядового Шапкина»

Проблема духовного алогизма, противостоящего унылой реальности, актуализируется также в пьесе современного драматурга Василия Ткачева «Семь трофеев рядового Шапкина» [Ткачев, 2020]. Основу сюжета здесь, как и во «Фронтовичке», составляет мотив возвращения солдата с войны. Пьеса начинается с тревожного ожидания, которое охватывает семью перед встречей с мужем, зятем, отцом — Тимофеем Шапкиным. Причина обеспокоенности кроется в том, что жена Нюра родила внебрачного ребенка, пока муж воевал. Положение усложняется тем, что жители села, которые «все знают», воспринимают эту щекотливую ситуацию как «интересный спектакль» [Там же], а предчувствие назревающего конфликта подогревает всеобщее любопытство. Возвращающийся домой фронтовик лелеет мечту о счастливой мирной жизни: о плотницкой работе, о встрече со старыми друзьями-односельчанами, о семье и детях, которые еще будут у них с Нюрой. Однако радужные планы разрушаются неприглядной правдой: плотницкие инструменты жена во время войны обменяла на продукты и одежду, все друзья погибли на фронте, а его семья «пополнилась» после того, как в селе на постой остановились офицеры. Из-за открывшейся измены Тимофей ощущает в душе пустоту, которую не заполнить местью и ненавистью. В сцене объяснения супругов без надрыва, истерик и слез показано предельное напряжение героев, их одиночество и боль. Не совладав с обидой, Тимофей уходит из семьи к соседке Верке, которая была причастна к тому, что случилось с Нюрой.

CC BY

Не успев погрузиться в мирную жизнь, не оправившись от войны, о которой он не хочет вспоминать (*Когда-нибудь потом. Пока не готов. Духу не хватает пока …* [Там же]), Тимофей вынужден переживать новые потери. При этом те разрушающие чувства, которые охватывают Шапкина, вступают в противоречие с природой его души. Присущая ему любовь к жизни и к людям открывается в беседе с сыном (Толиком). Захмелевший фронтовик вспоминает историю, которая аллюзивно связывает текст пьесы с известным стихотворением В. Высоцкого «Тот, который не стрелял». Полученный на фронте приказ расстрелять пленного немца-инвалида, отца двух детей, ставит на кон и жизнь самого Шапкина, за которым бдительно следил его командир с вынутым из кобуры наганом. Из множества военных эпизодов Шапкину особенно запомнился тот момент, когда майор *«вдруг резко повернулся и ушел»: Вот я и думаю: у командира-то моего тоже что-то щелкнуло внутри… как и у меня… почти одновременно…* [Там же]. За этим «что-то» скрывается и сомнение в праведности такого суда, и умение прощать.

В заглавии пьесы «Семь трофеев рядового Шапкина» назван ее главный герой и указано количество трофеев, описания которых ожидает читатель-зритель. Числу семь издавна приписывается сакральный смысл, оно нередко встречается в заголовках произведений и воспринимается в символическом ключе. В библейской мифологии число семь связано с завершающим циклом творения, символизирует полноту происходящего; седьмой ангел «Откровения» Иоанна Богослова возвестил о конце старого, временного мира и начале нового, совершенного. И привезенные Шапкиным трофеи, семь из которых *«… для мужчин. Настоящих»* [Там же]), отражают мечту героя о мирной, гармоничной, насыщенной настоящими делами послевоенной жизни. В связи с возникающим в пьесе мотивом прощения следует также вспомнить ответ Христа на вопрос Петра о том, сколько раз необходимо прощать ближнего: «не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз» (Мф. 18: 21-22).

Трофеи, заявленные в названии пьесы, — это семь мужских шляп, которые Тимофей Шапкин вез для себя и друзей: *Тогда, под Берлином, и народилась у меня мечта — снарядить всех дружков своих в шляпы и после победы вместе пройтись по селу … а дед Евсей нам подыграл бы …* [Там же]. В таком контексте фамилия главного героя функционирует как говорящая. Она образована от слова *шапка*. И, несмотря на стилистическую окраску этого слова (подкрепляемую в тексте пьесы каламбуром *Вся деревня знает, а Толик Шапкин готовься получить по шапке* [Там же]), невзирая на социальную дифференциацию и трансформацию, маркерами которой могут служить *шапка* и *шляпа*, рядовой Тимофей Шапкин не производит впечатления опростоволосившегося или получившего по шапке.

CC BY

Мечтам солдата не суждено сбыться: обида на жену и решение уйти из семьи усиливаются тяжелыми мыслями о погибших друзьях. Однако известие об их смерти действует на Тимофея Шапкина отрезвляюще. Он как будто вступает в главный бой своей жизни — бой с самим собой, с теми чувствами, которыми он одержим после открывшейся семейной драмы. И всепобеждающей оказывается любовь к жизни, понимание ее абсолютной ценности, желание нести радость людям. Свои трофеи он оставляет в сельсовете, чтобы их вручили вернувшимся с войны односельчанам. Забирает две шляпы — для себя и сына Толика. И неожиданно берет третью для Мишутки (из-за которого и возник конфликт). Именно это действие ознаменовало решение Тимофея Шапкина вернуться к семье. Фронтовик прощает свою жену, эта высокая планка великодушия уже спасла его жизнь на войне и спасает его душу от очерствения после войны.

3.3. Дети и война в пьесе Н. Воробьевой и К. Журенкова «Людоед»

При осмыслении темы Великой Отечественной войны современные драматурги обращаются к тем духовным архетипам в сознании народа, которые определили его самоотверженность и стойкость перед лицом тяжелых испытаний. Энергия победы наполнена не только ратным подвигом солдат, но и духовным мужеством тех, кто не принимал непосредственного участия в сражениях. «Война есть не только потрясение, но и духовное испытание, и духовный суд», — писал философ И. А. Ильин [Ильин, 1999, с. 13].

Тема нравственного противостояния становится ключевой в полумистической пьесе Надежды Воробьевой и Кирилла Журенкова «Людоед», события которой происходят зимой в блокадном Ленинграде 1942 года.

Действие пьесы отчасти напоминает рассказ А. Грина «Крысолов», являет собой своего рода скрытую аллюзию к сюжету, который также развивается в голодном Петрограде, раздавленном революционной смутой. Герои обоих произведений, мучимые голодом, начинают утрачивать связь с действительностью, переживая измененное состояние сознания, когда реалии обезлюдевшего города сменяются неким призрачным миром. И в «Крысолове», и в «Людоеде» реалистические картины вымирающего города сменяются снами-галлюцинациями, вызванными болезнью главных героев.

Авторы обоих произведений, отталкиваясь от внешних событий, погружаются во внутренний мир своих персонажей, раскрывают те глубинные процессы, которые и оказались для них спасительными. Крысы (параллель — фашисты), совершающие свой набег на Петроград / Ленинград, как бы выведены за рамки основного действия произведений.

Современные драматурги сосредоточивают внимание на взаимоотношениях своего героя, десятилетнего мальчика Юры, с девочкой-ровесни-

CC BY

цей Зоей, потерявшей из-за блокадного тифа всю семью. Для Юры, как и для рассказчика в «Крысолове», встреча с таинственной незнакомкой становится импульсом к обретению надежды, ангела-хранителя, который приходит на помощь в отчаянной и безнадежной ситуации. Сюзи (в рассказе «Крысолов») и Зоя (в пьесе «Людоед») сообщают главным героям произведений тайну о Крысолове / Охотнике, которым по силам победить гигантскую крысу по имени Освободитель и Людоеда. Это существа, воплощающие метафизическое зло и способные не только изменять свой вид, но и подменять истинные ценности. Так, крыса превращается в возлюбленную рассказчика Сюзи, а Людоед — в Дедушку Юры. Тем самым носители зла начинают «манипулировать человеческими чувствами и ощущениями» [Васильева, 2007, с.72]. Интересно, что в сравниваемых произведениях инструментом манипуляция людьми является еда, что и понятно, ведь к голоду привыкнуть невозможно. Как в «Крысолове» еда принадлежит крысиному царству (шкаф с продуктами является его символическим атрибутом), так и в «Людоеде» подпольные хлебные карточки принадлежат скупщику художественного антиквариата, некоему Мужчине в шляпе (подлинному Людоеду).

Череда описываемых в произведениях событий снижает устойчивость сознания персонажей. Ослабленные голодом и болезнью, они оказываются на границе между явью и сном. Именно на этой линии с ними происходят некие метаморфозы, озарения, откровения, стирающие грань между внешним и внутренним пространствами. Герои «Крысолова» и «Людоеда» находятся в плену собственных ментальных конструкций, порождаемых нестабильностью жизни и сдвигами в системе ее привычных кодов. Обычный мир рухнул, и в силу вступают совершенно непривычные для повседневной жизни законы, выходящие за пределы эмпирики. Герои в изменившейся реальности получают возможность совершить дантовское путешествие на темную и светлую стороны своей души. Именно в таком обостренном восприятии взаимодействие с метафизическим пространством дает неожиданные результаты, когда можно позвонить по отключенному телефону и получить нужный ответ («Крысолов») или пригласить в блокадном городе в гости мертвецов и с помощью репродукций гастрономических натюрмортов голландских живописцев отметить день рождения («Людоед»).

Пьеса «Людоед» не столько о войне и блокаде, сколько о человеческой душе, о внутренней связи между людьми, которая работает бесперебойно по ту сторону реальности. События в пьесе (как и в рассказе Грина) происходят не столько снаружи, сколько внутри главных героев, где, говоря словами героя Достоевского, «дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей» [Достоевский, 1987, с. 112]. Прикосновение персонажей

CC BY

к таинственному полю внутреннего единства всего со всем позволяет им обнаружить в себе людоедско-крысиные черты человеческой личности. Интуитивно они понимают, что дать имя проблеме — значит решить ее. Бессознательное начало выдает повествователю «Крысолова» имя крысы-оборотня — Освободитель, символизирующее темное начало в человеке, освобождающее от совести, ответственности, от Бога … В пьесе Воробьевой и Журенкова имя зла выведено в заглавие драматургического текста — «Людоед» (вспомним, что такой же принцип реализован в заглавии пьесы Е. Шварца «Дракон»). Здесь прослеживается общность интенциональной составляющей текстов: убить в себе Дракона, Освободителя, Людоеда — обрести самоидентификацию. В определенном смысле — это мера подлинности человека, его честности с самим собой.

Герои пьесы «Людоед» — совсем юные, живущие иллюзиями романтики, благородные и ранимые люди — противопоставлены грубой, дискретной действительности, лишены возможности обрести в ней счастье и гармонию, преодолеть одиночество. И все же они могут одержать моральную победу: зная, что обречены на гибель в жестоком и прагматичном мире, они не отрекаются от своих идеалов. После знакомства с соседской девочкой Зоей Юра обнаруживает в ней присущее и ему качество: способность к эмоционально-образному самовнушению и обретению гармонии с собой. Зоя, чтобы согреться, представляет горячую ванну: *А мне не холодно. Я могу подумать о чем-то горячем, и мне сразу становится тепло. (Зоя закрывает глаза) Вот сейчас... сейчас подумала о горячей ванне* [Воробьева и др., 2020]. Юра каждый день открывает редкий альбом живописи малых голландцев, подаренный его деду-профессору Мейерхольдом, и буквально поглощает глазами те разнообразные блюда, которые изображены на полотнах Питера Класса, Виллема ван Алста, Яна Хэма, образно и самовнушением утоляя свой голод. Пограничная между жизнью и смертью ситуация проявляет в детях те субличности, которые моделируют свои спасительные миры. Примечательно, что доверяющий лишь видимой действительности старый профессор постоянно пытается вернуть к ней своего внука, вернуть в реальный мир, где «все умерли»: *Их нет, Юра, они умерли. У-мер-ли. Здесь только я и ты! Ясно тебе? Больше нет никого. НИКОГО! И Зойки твоей ... тоже больше нет!* [Там же].

В определенном смысле пьеса «Людоед» — это пьеса о столкновении в человеке натуры и культуры, начала природного, животного и начала созидающего, одухотворенного. Образы культуры в виде картин мастеров прошлого сопровождают всё действие пьесы, играя роль ключевых для формирования подтекстовой информации. Своего «озверевшего» от голода и отчаяния деда мальчик сравнивает с домовым с полотна Б. М. Кустодие-

CC BY

ва «Купчиха и домовой» — «хулиганской», как ее окрестили современники, картиной художника, пронизанной телесностью и эротизмом. Старый специалист по культуре пасует перед подлинной, внутренней культурой внука и вырывает из тщательно оберегаемого им альбома голландской живописи репродукции с вином и едой, чтобы отметить день рождения Юры, а по сути, поддержать ребенка в его внутренней борьбе.

Утрачивающего связь с жизнью Юру в итоге спасают башмачки, оставшиеся от навсегда уснувшей на дворовых качелях Зои … Сваренная кожа, из которой была изготовлена обувь, стала спасительной едой для мальчика. Финал пьесы получает поистине христианское звучание — *«смертью смерть поправ»*. Авторы пьесы ставят своего юного героя перед самим собой, перед тем высшим инстинктом, который оказывается важнее инстинкта самосохранения.

4. Заключение = Conclusions

Результаты анализа пьес «Фронтовичка», «Семь трофеев рядового Шапкина» и «Людоед» подтверждают выдвинутое в начале статьи предположение о дискурсообразующем характере темы Великой Отечественной войны в современной драматургии. При очевидном сюжетно-образном различии и своеобразии каждой из рассмотренных пьес наблюдается их сходство на уровне глубинных ценностных установок.

В условиях хронологической дистанцированности от военных событий эти пьесы могут быть восприняты как некий духовный месседж современных авторов, их интуитивное осознание того, что решающую роль для победы в той страшной войне сыграло не техническое оснащение, полководческие таланты, а способность человека в критические моменты становиться больше себя самого, больше своего страха, инстинкта, привязанностей, привычек. Это способность подчинить свою земную природу неким высшим законам и жить в соответствии с ними. Так, утверждаемая в наши дни как высший национальный приоритет идея сбережения народа России «включает в себя и сбережение его духа, его памяти, его культуры и незыблемых, гуманистических и нравственных основ, на которых покоится его мировоззрение» [Вислова, 2009, с. 249]. Поиск форм донесения до читателя и зрителя вечных смыслов обращает современных драматургов к пограничным ситуациям, к изображению обостренных моментов жизни, стирающих грань между бытием и небытием, выводящих персонажей на экзистенциальный уровень и приводящих к восстановлению целостности личности и обретению созидательного мировосприятия.

Современные драматурги, раскрывая новые грани и нюансы темы Великой Отечественной войны, стараются избегать пафоса и патетики и кон-

CC BY

центрируют внимание на судьбе человека во время войны и после нее, его внутреннем самоопределении, опыте экстремального самосознания. Война в современных пьесах — это не только состояние окружающего мира, но и состояние человеческой души, в которой противоборствуют светлые и темные силы. Герои пьес (независимо от их гендерных и возрастных характеристик) являются носителями диалогизированного самосознания, выраженного в познании самого себя через другого в экстремальных условиях войны, в обращении к мировой культуре, памяти, природе, самому себе.

Источники

1. Батурина А. Фронтовичка : пьеса в двух действиях [Электронный ресурс] / А. Батурина // Урал. — 2009. — № 5. — Режим доступа : https://magazines.gorky.media/ural/2009/5/frontovichka.html (дата обращения 14.12.2021).

2. *Воробьева Н.* Людоед [Электронный ресурс] / Н. Воробьева, К. Журенков // Кольцо А : литературный журнал. — 2020. — № 137. — Режим доступа : https://www.soyuzpisateley.ru/publication.php?id=1339 (дата обращения 16.12.2021).

3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — Москва : Русский язык, 1998. — Т. 2. — 779 с.

4. *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы : роман в четырёх частях с эпилогом / Ф. М. Достоевский. — Москва : Советская Россия, 1987. — Ч. 1—2. — 352 с.

5. *Набоков В. В.* Русский период : собрание сочинений : в 5 т. / сост. Н. Артёменко-Толстой ; предисл. А. Долинина ; прим. М. Маликовой. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2004. — Т. 1 : 1918—1925. — 832 с.

6. *Ткачев В.* Семь трофеев рядового Шапкина [Электронный ресурс] / В. Ткачев // Камертон : сетевой литературный и исторический журнал. — 2020. — № 123. — Режим доступа : https://webkamerton.ru/2020/01/sem-trofeev-ryadovogo-shapkina_(дата обращения 17.12.2021).

Литература

1. *Берггольц О.* Собрание сочинений : в 3 т. / О. Ф. Берггольц // Стихотворения 1941—1953. Проза 1941—1954. Говорит Ленинград. Очерки и статьи. — Ленинград : Художественная литература, 1989. — Т. 2. — 431 с. — ISBN 5-280-00115-5.

2. *Бугров Б.* Герой принимает решение. Движение драмы от 50-х г. / Б. С. Бугров. — Москва : Советский писатель, 1987. — 368 с.

3. Быков В. «За родину! За Сталина!» : Цена прошедших боев / В. В. Быков // Родина. — 1995. — № 5. — С. 30—37.

4. *Васильева И. В.* Миф и реальность в рассказе А. С. Грина «Крысолов» / И. В. Васильева // Уральский филологический вестник. Серия : Русская литература XX—XXI веков : направления и течения. — 2007. — Выпуск 10. — С. 67—72.

5. *Веллер М.* Россия и рецепты / М. И. Веллер. — Москва : АСТ, 2007. — 351 с. — ISBN 978-5-17-044065-8.

6. *Вислова А. В.* Русский театр на сломе эпох : рубеж XX—XXI веков / А. В. Вислова. — Москва : Университетская книга, 2009. — 272 с. — ISBN 978-5-98699-050-7.

7. *Гончарова-Грабовская С. Я.* Великая Отечественная война в восприятии современных драматургов (русско-белорусский контекст) / С. Я. Гончарова-Грабовская //

Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай: да 750-годдзя са дня нараджэння Дантэ Аліг'еры і 85-годдзя Уладзіміра Караткевіча : матэрыялы XII Міжнар. навук. канф., Мінск, 22—24 кастр. 2015 г. У 2 ч. / пад рэд. Г. М. Бутырчык. — Мінск : БДУ, 2016. — Ч. 2. — С. 276—284. — ISBN 978-985-500-984-0.

8. *Громова М. И.* Русская современная драматургия / М. И. Громова. — Москва : ФЛИНТА, 2013. — 160 с.

9. *Закирзянов А. М.* Мотив «возвращения» в современной татарской драматургии / А. М. Закирзянов, Ф. И. Габидуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — № 10. — С. 75—79. — DOI: 10.30853/philnauki.2020.10.14.

10. *Игнашов А. В.* «Стояние Зои» и «Нюрнберг. Скамья подсудимых». Работа драматурга над пьесой : от публикации в журнале «Современная драматургия» до премьеры в театре и кино / А. В. Игнашов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2017. — № 1—2. — С. 68—71.

11. *Ильин И. А.* Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин ; сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. — Москва : Русская книга, 1999. — Т. 9—10. — 512 с. — ISBN 5-268-01393-9.

12. *Историко-литературный процесс* в контексте современного образования. Проза, поэзия, драматургия 50—80-х годов о Великой Отечественной войне : сборник материалов IX Международной научно-практической конференции, посвященной проблемам преподавания истории и литературы в школе и вузе (г. Смоленск, 25 марта 2015 г.) / науч. ред. В. Д. Балыкина, Т. Н. Хриптулова. — Смоленск : [б. и.], 2015. — 217 с. — ISBN 978-5-98156-626-4.

13. *Кириллова И. Ю.* Чувашская драматургия о Великой Отечественной войне / И. Ю. Кириллова // Вестник Удмуртского университета. — 2021. — Выпуск 3. — С. 603—607. — DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-3-603-607.

14. *Мещанский А. Ю.* Иллюзия реальности как основа драматургического конфликта в творчестве А. Володина / А. Ю. Мещанский, Л. А. Савелова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — № 3. — С. 608—613. — DOI: 10.30853/phil210101.

15. *Монисова И. В.* «Танец жизни» Геннадия Башкуева : Великая отечественная война в современной драматургии / И. В. Монисова // Вестник БГУ. — 2016. — № 5. — С. 20—28.

16. *Руднев П. А.* Драма памяти. Очерки истории русской драматургии. 1950—2010-е / П. А. Руднев. — Москва : Новое литературное обозрение, 2018. — 496 с. — ISBN 978-5-4448-0768-2.

17. *Соломахина Л. П.* Великая Отечественная война в русской драматургии 1945—1980-х годов. Поэтика драмы. Творческая индивидуальность : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Л. П. Соломахина. — Москва, 2001. — 21 с.

18. *Тюпа В. Г.* Драматургия как тип высказывания / В. Г. Тюпа // Новый филологический вестник. — 2010. — № 3 (14). — С. 7—16.

19. *Улюра Г. А.* Границы экстремального опыта : «Фронтовичка» Анны Батуриной / Г. А. Улюра // Филологический класс. — 2013. — № 4 (34). — С. 98—103.

Material resources

Baturina, A. (2009). Frontovichka: a play in two acts. *Ural, 5*. Available at: https://magazines.gorky.media/ural/2009/5/frontovichka.html (accessed 12/14/2021). (In Russ.).

Dal, V. I. (1998). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes, 2*. Moscow: Russian Language. 779 p. (In Russ.).

Dostoevsky, F. M. (1987). *The Brothers Karamazov: a novel in four parts with an epilogue, 1—2.* Moscow: Soviet Russia. 352 p. (In Russ.).

Nabokov, V. V. (2004). *Russian period: collected works: in 5 volumes, 1: 1918—1925.* St. Petersburg: Symposium. 832 p. (In Russ.).

Tkachev, V. (2020). Seven trophies of private Shapkin. *Tuning fork: online literary and historical journal, 123.* Available at: https://webkamerton.ru/2020/01/sem-trofeev-ryadovogo-shapkina (accessed 17.12.2021). (In Russ.).

Vorobyova, N., Zhurenkov, K. (2020). Ogre. *Ring A: literary magazine, 137.* Available at: https://www.soyuzpisateley.ru/publication.php?id=1339 (accessed 12.16.2021). (In Russ.).

References

Balykina, V. D., Khriptulova, T. N. (eds.). (2015). *Historical and literary process in the context of modern education. Prose, poetry, drama of the 50—80s about the Great Patriotic War: a collection of materials of the IX International Scientific and Practical Conference devoted to the problems of teaching history and literature at school and university (Smolensk, March 25, 2015).* Smolensk: [b. i.]. 217 p. ISBN 978-5-98156-626-4. (In Russ.).

Bergholz, O. (1989). *Collected works: in 3 volumes. Poems 1941—1953. Prose 1941—1954. Leningrad speaks. Essays and articles, 2.* Leningrad: Fiction. 431 p. ISBN 5-280-00115-5. (In Russ.).

Bugrov, B. (1987). *The hero makes a decision. The movement of drama from the 50s.* Moscow: Soviet Writer. 368 p. (In Russ.).

Bykov, V. (1995). "For the motherland! For Stalin!": The price of past battles. *Rodina, 5:* 30—37. (In Russ.).

Goncharova-Grabovskaya, S. Ya. (2016). The Great Patriotic War in the perception of modern playwrights (Russian-Belarusian context). In: *Slavyanskia litaratura sh cantexce susvetnai: yes 750-godja sa day narajennya Dante Alig'er i 85-godja Uladzimira Karatkevich: materyaly XII Mizhnar. navuk. kanf., Minsk, 22—24 October 2015 At 2 o'clock, 2.* Minsk: BDU. 276—284. ISBN 978-985-500-984-0. (In Russ.).

Gromova, M. I. (2013). *Russian modern drama: textbook.* Moscow: FLINT. 160 p. (In Russ.).

Ignashov, A. V. (2017). "Zoya's Standing" and "Nuremberg. The dock". The playwright's work on the play: from publication in the journal "Modern Dramaturgy" to the premiere in theater and cinema. *Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology, 1—2:* 68—71. (In Russ.).

Ilyin, I. A. (1999). *Collected works: in 10 volumes. 9—10.* Moscow: Russian Book. 512 p. ISBN 5-268-01393-9. (In Russ.).

Kirillova, I. Y. (2021). Chuvash drama about the Great Patriotic War. *Bulletin of the Udmurt University, 3:* 603—607. DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-3-603-607. (In Russ.).

Meshchansky, A. Yu., Savelova, L. A. (2021). The illusion of reality as the basis of dramatic conflict in the works of A. Volodin. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 3:* 608—613. DOI: 10.30853/phil210101. (In Russ.).

Monisova, I. V. (2016). "The Dance of Life" by Gennady Bashkuev: The Great Patriotic War in modern drama. *Bulletin of BSU, 5:* 20—28. (In Russ.).

Rudnev, P. A. (2018). *Drama of memory. Essays on the history of Russian drama. 1950—2010.* Moscow: New Literary Review. 496 p. ISBN 978-5-4448-0768-2. (In Russ.).

Solomakhina, L. P. (2001). *The Great Patriotic War in Russian Dramaturgy of the 1945—1980-ies. The poetics of drama. Creative individuality.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 21 p. (In Russ.).

Tyupa, V. G. (2010). Dramaturgy as a type of utterance. *New Philological Bulletin, 3 (14):* 7—16. (In Russ.).

Ulura, G. A. (2013). The boundaries of extreme experience: Anna Baturina's "Front-line girl". *Philological class, 4 (34):* 98—103. (In Russ.).

Vasilyeva, I. V. (2007). Myth and reality in A. S. Green's story "The Pied Piper". *Ural Philological Bulletin. Series: Russian literature of the XX—XXI centuries: trends and currents, 10:* 67—72. (In Russ.).

Vislova, A. V. (2009). *Russian Theater at the Break of Epochs: the Turn of the XX—XXI centuries*. Moscow: University Book. 272 p. ISBN 978-5-98699-050-7. (In Russ.).

Weller, M. (2007). *Russia and recipes.* Moscow: AST. 351 p. ISBN 978-5-17-044065-8. (In Russ.).

Zakirzyanov, A. M., Gabidullina, F. I. (2020). The motive of "return" in modern Tatar dramaturgy. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 10:* 75—79. DOI: 10.30853/philnauki.2020.10.14. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 20.01.2022,
одобрена после рецензирования 27.03.2022,
подготовлена к публикации 20.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Подоксенов А. М. Пришвин и Бухарин : драма советского вождя глазами писателя / А. М. Подоксенов, В. А. Телкова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 301—318. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-301-318.

Podoksenov, A. M., Telkova, V. A. (2022). Prishvin and Bukharin: Drama of Soviet Leader as Seen by Writer. *Nauchnyi dialog, 11(3):* 301-318. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-301-318. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-301-318

Пришвин и Бухарин: драма советского вождя глазами писателя

Подоксенов Александр Модестович
orcid.org/0000-0001-6405-6140
доктор философских наук, профессор,
кафедра философии
и социальных наук
podoksenov2006@rambler.ru

Телкова Валентина Алексеевна
orcid.org/0000-0001-5738-3143
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского языка,
методики его преподавания
и документоведения
telkova.2014@bk.ru

Елецкий государственный
университет им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Prishvin and Bukharin: Drama of Soviet Leader as Seen by Writer

Alexander M. Podoksenov
orcid.org/0000-0001-6405-6140
Doctor of Philosophy, Professor,
Department of Philosophy
and Social Sciences
podoksenov2006@rambler.ru

Valentina A. Telkova
orcid.org/0000-0001-5738-3143
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of the Russian Language,
Methods of Its Teachin
and Record Keeping
telkova.2014@bk.ru

Bunin Yelets
State University
(Yelets, Russia)

© Подоксенов А. М., Телкова В. А., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются идейно-политический контекст взглядов М. Пришвина на жизнь советского общества и оценка писателем деятельности Н. И. Бухарина после Октябрьской революции. Изучение дневникового творчества Пришвина будет способствовать объективному представлению о мировоззренческой позиции писателя и о его художественном наследии в целом. Показано, как в ходе применения к анализу деятельности и судеб вождей большевизма художественных образов и идей Ф. М. Достоевского Пришвин приходит к выводу, что организаторы и вдохновители социального насилия над людьми сами неминуемо погибнут, став жертвами своих же разрушительных идей. Особое внимание уделяется анализу ранее не издававшегося из-за цензурных ограничений 18-томного «Дневника» писателя, который стал доступен для читателей только в постсоветское время. Показано, что фанатизм служения идее классовой борьбы порождает морально-нравственную ущербность партийно-государственной элиты, из среды которой выходят соперники Сталина — «претенденты на власть». Впервые в пришвиноведении предпринята попытка показать, как на примере судьбы Бухарина — типичного представителя большевиков-ленинцев — писатель не только раскрывает трагическую противоречивость его убеждений, но и делает историософские выводы о внутренних изъянах революционной идеологии.

Ключевые слова:
Пришвин; Бухарин; Сталин; Достоевский; большевизм; литература.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The ideological and political context of M. Prishvin's views on the life of Soviet society and his assessment of the activities of N. I. Bukharin after the October Revolution are studied. The study of Prishvin's diary works will contribute to an unbiased and objective idea of the writer's ideological position and of his artistic heritage as a whole. It is shown how, in the course of applying the artistic images and ideas of F. M. Dostoevsky to the analysis of the leaders of Bolshevism activities and destinies, Prishvin comes to the conclusion that the organizers and inspirers of social violence against people will inevitably die, becoming victims of their own destructive ideas. Particular attention is paid to the analysis of the 18-volume "Diary" of the writer, previously unpublished due to censorship restrictions, which became available to readers only in the post-Soviet period. It is shown that the fanaticism of serving the idea of the class struggle gives rise to the moral inferiority of the party-state elite, from whose midst come Stalin's rivals — "pretenders for power". For the first time in Prishvin studies, an attempt was made to show how, using the example of the fate of Bukharin, a typical representative of the Bolshevik-Leninists, the writer reveals not only the tragic inconsistency of his beliefs, but also draws historiosophical conclusions about the internal flaws of the revolutionary ideology.

Key words:
Prishvin; Bukharin; Stalin; Dostoevsky; Bolshevism; literature

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.161.1Пришвин.07+82:316.323.72

Пришвин и Бухарин: драма советского вождя глазами писателя

© Подоксенов А. М., Телкова В. А., 2022

1. Введение = Introduction

Михаил Михайлович Пришвин (1873—1954) — один из ярких представителей той части русской и советской литературы, чье творчество характеризуется сложным и неординарным отношением со своим временем, с обществом и властью. Примечательной особенностью личности писателя выступает тесное переплетение его жизни с эпохальными событиями русской истории, с деятельностью видных представителей науки, искусства и политики. Одним из них был Николай Иванович Бухарин (1888—1938) — революционный и государственный деятель, один из ближайших соратников Ленина, член Политбюро ЦК ВКП (б), главный редактор ведущих советских газет «Правда» и «Известия». Из дневниковых записей Пришвина ясно, что он хорошо был знаком с идейно-политическими взглядами Бухарина и, хотя далеко не всегда их поддерживал, относился к нему отчасти с симпатией, как к человеку самостоятельного ума, за что тот нередко подвергался критике со стороны властной верхушки.

Вероятнее всего, Бухарин привлек внимание Пришвина в середине 1920-х годов в связи с кампанией по дискредитации Сергея Есенина (1895—1925), самоубийство которого многие из творческой интеллигенции того времени расценили как прямой протест против подавления свободы искусства. Очевидно, именно так это было понято и правящей верхушкой государства. Не случайно, пишет Пришвин, литературные и государственные чиновники — «люди, не имеющие ни малейшего представления о поэзии, напали на бедного удавленника Советской России Есенина: начал Сосновский, потом Бухарин, потом Луначарский и вслед за ними, наверно, скоро будет прыгать наркомздрав Семашко с докладом о психопатологических основах мелкобуржуазного поэта Есенина» [Пришвин, 2003, с. 214].

Самоубийство поэта, которого Пришвин знал лично, творчество которого любил, безусловно, глубоко взволновало писателя, увидевшего в его смерти прямое следствие губительности курса большевиков на политизацию искусства. Поэтому статью Бухарина «Злые заметки» («Правда», 12 января 1927 года), которая представила Есенина не только классово, но и нравственно ущербным певцом деревенской темноты, замшелости и

CC BY

упадочности, Пришвин встретил весьма негативно, расценив ее как откровенно «хулиганскую» и лишь добавляющую всем, кто знал поэта, «горечи и возмущения и унижения» [Письма …, 1963, с. 341]. Правда, по иронии судьбы очень скоро и сам Бухарин, несмотря на приверженность идеям большевизма, испытает на себе всю полноту несправедливости, горечи и унижений от власти. Ход истории покажет всю несостоятельность надежд партии большевиков идейно оседлать Пегаса искусства, принудив его служить исключительно целям и задачам своей политики. И здесь одним из многих примеров станет трагическая судьба Бухарина, убежденного сторонника партийно-классового подхода к художественному творчеству.

Профессиональный революционер, член самого узкого и влиятельного круга партийной элиты большевизма, Бухарин считался, как писал В. И. Ленин, «ценнейшим и крупнейшим теоретиком партии» [Ленин, 1982, с. 345]. Не случайно Максим Горький в 1925 году адресовал Бухарину письмо, призывая его обратить внимание писателей-рабочих на то, что наряду с ними уже появилось творчество «писателей-крестьян и что здесь возможен, — даже, пожалуй, неизбежен конфликт двух “направлений”. Всякая “цензура” тут была бы лишь вредна и лишь заострила бы идеологию мужикопоклонников и деревнелюбов, но критика — и нещадная — этой идеологии должна быть дана теперь же» [Горький, 1989, с. 246]. По мнению Горького, недвусмысленно выраженном в этом письме, большевики должны энергичнее укреплять свои позиции не только в экономике и политике, но и в сфере искусства, помогая писателям выбрать верное направление творческого пути и способствуя осознанию идейных задач, которые ставит перед литературой пролетарское государство.

Если многие из советских чиновников, хорошо усвоивших партийно-политическую риторику, были в принципе не способны выйти за пределы идейной догматики, то Бухарин, пожалуй, был наименее «тоталитарным» большевиком. Среди партийных вождей своего времени он являл редкое исключение по умению проявлять уважение к таланту, что способствовало его дружескому сближению с такими разными представителями науки и искусства, как историк М. Н. Покровский, физиолог И. П. Павлов, поэт О. Э. Мандельштам, литераторы М. Горький и М. М. Пришвин, а также со многими другими деятелями культуры.

Однако, несмотря на широту интеллектуального кругозора Бухарина, над ним, как и над многими приверженцами идеологии большевизма, в полной мере господствовала марксистско-ленинская парадигма «классового подхода» ко всем сферам духовной жизни общества, что неизбежно вело к внутренней противоречивости его мировоззренческих взглядов. И хотя, как сторонник эволюционного пути развития социализма, Бухарин

CC BY

слыл борцом за «советскую демократию», он же не менее убежденно утверждал, что только «пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью <…> является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи» [Бухарин, 1989, с. 168].

Относительно же призывов к свободе творчества, обеспечить которую от большевиков требовали многие представители искусства, Бухарин писал, что победоносная пролетарская революция дала партии Ленина безусловное право требовать от всех писателей, художников и поэтов беспрекословно служить интересам рабочего класса: «Пора бросить нейтральную по отношению к политике точку зрения. Нет такой!» [Бухарин, 1925, с. 7]. Сомневающимся в том, сможет ли советская власть привлечь деятелей культуры на службу своей идеологии, Бухарин заявлял от имени партии, что эта задача будет решена путем создания советской интеллигенции: «Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер», а это значит, что «мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их как на фабрике. <…> Если мы поставили себе задачу идти к коммунизму, мы должны этой задачей пропитать все решительно» [Там же, с. 6].

Именно к такому фабрично-заводскому способу создания новой интеллигенции вскоре приступил И. В. Сталин, определив формы, рамки и критерии идейно-политической «штамповки» деятелей советской культуры. Здесь, как предписывал своим соратникам Сталин, «вернее всего было бы оперировать в художественной литературе понятиями классового порядка, или даже понятиями “советское”, “антисоветское”, “революционное”, “антиреволюционное” и т. д.» [Сталин, 1949, с. 326—327]. Инструкция генсека правящей партии по вопросу о принципах классификации художественной литературы стала директивным указанием для всех причастных к искусству партийно-государственных органов и учреждений, ставя перед ними задачу сформировать максимально политизированную социалистическую культуру, которая будет заниматься пропагандой и духовной поддержкой идеологии тоталитарной власти. И совсем не удивительно, что под ее железной пятой вскоре окажется и сам Бухарин, столь опрометчиво уверовавший в необходимость регулировать свободу творческих взглядов посредством классовой борьбы.

Пришвин же был принципиально не согласен с мнением вождей большевизма, что социализм можно построить только путем социального насилия и террора, считая, что суть происходящего в советском обществе заключается не в классовом противостоянии, а прежде всего в обострении борьбы партийной номенклатуры за власть. «“Классовую

CC BY

борьбу" теперь, при подавлении враждебных классов, надо понимать как борьбу за государство» [Пришвин, 2009, с. 58], которую ожесточенно ведут между собой вожди, поэтому «личная диктатура должна завершить революцию неизбежно» [Пришвин, 2006, с. 143], — провидчески отмечает он в «Дневнике».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Внимательный наблюдатель за духовной атмосферой советского общества, Пришвин не мог не обратить внимание на деятельность Бухарина как одного из видных вождей большевизма. Размышления о его роли в становлении первого в мире пролетарского государства занимают значительное место в пришвинском 18-томном «Дневнике» (1991—2017), публикация которого раскрывает истинное отношение писателя к ключевым политическим фигурам своего времени. Вместе с тем вопрос о взаимоотношениях Пришвина с Бухариным до сих пор остается одной из еще не исследованных сторон жизни писателя, о чем можно судить по тому факту, что среди почти двух тысяч источников библиографического указателя литературы о творчестве писателя за период с 1908 по 2013 годы нет ни одной статьи по теме «Пришвин и Бухарин», см.: [Михаил …, 2013]. Дополнительный свет на взаимоотношения Пришвина и Бухарина проливают лишь воспоминания сына писателя Петра Михайловича Пришвина (1909—1987), см.: [Пришвин, 2009б]. Интересные сведения об отношениях писателя с Бухариным содержит вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей» книга А. Н. Варламова «Пришвин» [Варламов, 2003], хотя автор не мог в полной мере использовать материалы 18-томного «Дневника» писателя, публикация которого завершилась, как уже было отмечено, только в 2017 году.

В настоящей работе мы намерены проследить эволюцию взглядов М. М. Пришвина на деятельность Н. И. Бухарина, с тем чтобы показать, как на примере судьбы Бухарина — типичного представителя большевиков-ленинцев — писатель не только раскрывает трагическую противоречивость его убеждений, но и делает историософские выводы о внутренних изъянах революционной идеологии. Особое внимание уделяется анализу ранее не издававшегося из-за цензурных ограничений 18-томного «Дневника» писателя, который стал доступен для читателей только в постсоветское время. Анализ этих текстов показывает, что для осмысления деятельности и судьбы политических фигур своего времени Пришвин обращается к наследию Ф. М. Достоевского, где и находит художественные образы и идеи, позволяющие разобраться в реалиях формирования большевистской идеологии и борьбы политических элит того времени.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Внутрипартийная борьба за власть и тотальная политизация советского государства

На протяжении всего периода от смерти Ленина до Великой Отечественной войны, когда в советском руководстве шла ожесточенная борьба за власть, Бухарин выступает для Пришвина олицетворением противоречивой сущности большевизма. Анализируя политическую судьбу Бухарина, писатель пытается понять психологию революционеров новой эпохи, подобно тому, как в свое время Достоевский стремился раскрыть сокровенные мотивы деятельности организаторов революционно-социалистического движения. При этом Пришвина особо привлекает мысль Достоевского о роковой власти идеи как духовного запала, который способен взорвать сознание человека и толкнуть его на роковой путь деятельности. «*Пистон*. Вот и надо выявить эту земную мудрость, которая убивает убийцу, и сопоставить с тем, кто не убивает, но существует как “пистон” (Иван Карамазов)» [Пришвин, 2010а, с. 269]. Выделив курсивом слово «*пистон*», Пришвин, несомненно, обозначает этим тему судьбы вождей Октябрьской революции, которые не убивают сами, но, будучи организаторами и вдохновителями насилия, неминуемо рано или поздно гибнут, становясь жертвами своих же разрушительных идей.

Достоевский уже показал, что какова идея человека, таков и сам этот человек как в делах своих, так и в своем мировоззрении. В большинстве произведений великого писателя художественное бытие его героев — это всегда воплощение той или иной идеи. Внедрившись в сознание, роковая идея полностью определяет поведение и поступки персонажа, и, когда ложная абстракция окончательно поражает ум, идея «съедает» человека. Таков фатализм судеб Раскольникова и Сонечки Мармеладовой, Свидригайлова и Смердякова, отца и братьев Карамазовых, таков итог деятельности многих персонажей Достоевского, о которых лучше всего можно сказать словами Кириллова, одного из героев романа «Бесы»: «Ставрогина тоже съела идея», да и сам «Кириллов не вынес идеи и — застрелился» [Достоевский, 1974, с. 469, 514].

Очевидно, что для Пришвина таким же наглядным примером предопределенности идеей печального финала жизненного пути выглядела и судьба Бухарина. Прямые признаки приближавшейся для него политической драмы писатель обнаруживает уже в 1927 году: «Читал речь Бухарина, и мне больно думать о жизни Троцкого, Зиновьева и Каменева. Судя по тому, что говорил о них Бухарин, эти люди окончательно разочаровались в революции и, победив, продолжают какую-то мышью свою беготню: в их положении надо или верить, как хочет верить честный Бухарин, или покончить с собой»

CC BY

[Пришвин, 2003, с. 437]. Дело в том, что внутрипартийная борьба за власть после смерти Ленина вступила в решающую фазу и Бухарин как один из влиятельных вождей большевизма вместе со Сталиным интриговал против других претендентов. В результате их совместных усилий в 1926—1927 годах еще совсем недавно общепризнанные вожди Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев были изгнаны из Политбюро и ЦК партии, сначала став политическими изгоями, а затем и жертвами сталинского террора.

Как человек проницательный, в этих внутрипартийных распрях Пришвин сразу же увидел не только политическую интригу, но и моральную ущербность Бухарина, который как будто взялся играть роль подпевалы при Сталине: «И вот, в конце концов, в чем же обвиняет Бухарин Троцкого — страшно сказать для материалиста: обвиняет в том, что Троцкий не верит (так и написано). Милый Бухарин, это последнее, если один социалист упрекает другого в неверии» [Там же, с. 438]. Правда, в оправдание Бухарина следует сказать, что не только он, но и многие другие деятели большевизма оказались в положении марионеток, которых искусно дергал поднаторевший в аппаратных играх кукловод Сталин. «Очень возможно, что Бухарин ненатуристый человек и склонен интеллектуально настраиваться на роль во всемирном спектакле. Эти люди около чего-то большого и реального стоят, но не знают его и называют бессмысленно» [Там же, с. 438].

В итоге, как в пословице, «коготок увяз — всей птичке пропасть», так и в жизни политическое интриганство оказалось для Бухарина роковым, ибо, расправившись при его помощи с соперниками, Сталин тут же взялся за своего недальновидного союзника. В октябре 1930 года в «Известиях» появилась многозначительная статья, где наряду с проклятиями в адрес Троцкого Сталин неожиданно для всех именует Бухарина «двурушником». Вырвавшаяся наружу подковерная грызня среди большевистской верхушки обнаружила уже не только обострение борьбы за власть, но и приближение драматической развязки для многих из партийной элиты — претендентов на управление новым государством, которые еще совсем недавно были активными участниками революционного свержения монархии. Одним из таких примеров крушения политической карьеры, пишет Пришвин, стала судьба Троцкого: «Трагизм Троцкого состоит в том, что он выдумал “левый курс” и сам первый от своей выдумки пострадал: Сталин взял его идею, осуществил, а самого автора выкинул вон» [Пришвин, 2006, с. 266].

Такая же судьба со всей очевидностью ждала и Бухарина, и большинство соратников из так называемой «ленинской гвардии», многие десятилетия готовивших революцию, пройдя ради этой цели каторгу, тюрьмы и ссылки, но после оказавшихся помехой для единовластия вождя, который все заслуги прежних соратников решил присвоить исключительно себе.

CC BY

В этом, проницательно замечает Пришвин, была не только одна из особенностей личности Сталина в его борьбе с былыми соратниками, но и проявление «характерной черты революции, что факт победы того или другого претендента на власть сейчас же устанавливает обязательность для всех и даже непогрешимость его идей» [Там же, с. 266].

Ситуация внутрипартийных распрей вытекала из объективного положения «ленинской гвардии», которая после революционного свержения монархии стала претендовать на участие в управлении государством, что и обусловило ее морально-психологическую двойственность: с одной стороны, признание марксистской идеологии как основы коммунистического мироустройства, а с другой — критика деятельности Сталина и создание оппозиционных кружков. Все это давало генсеку прекрасный повод для обвинения претендентов на власть в политическом интриганстве и «двурушничестве». В итоге твердокаменные «старые большевики» оказались не только ненужной и вредной обузой для советской системы управления государством, но и прямой угрозой сталинскому единовластию: «“В общем и целом” революция бросает человека даром (демпинг) — человек дает короткую вспышку и пропадает. Жизнь в ее органическом строительстве заполняется двуликими существами, будь это прожигатели жизни и вредители под маской прошлого героизма или же рядовые трусы, исповедующие генеральность линии партии» [Там же, с. 286].

Именно эта морально-психологическая двуличность, считает Пришвин, стала в 1930-е годы не только признаком партийца, но и своего рода велением времени. В свое время Достоевский писал, что нравственная ущербность — закономерный итог эволюции сознания отказавшихся от Бога приверженцев революционной идеи: «Полное порабощение свободы совести — вот к чему приходит отчаянный отрицатель и атеист! Разница в том, что наши социалисты (а они не одна только подпольная нигилятина, — Вы знаете это) — сознательные иезуиты и лгуны, не признающиеся, что идеал их есть идеал насилия» [Достоевский, 1988, с. 68]. Со всей очевидностью такая же морально-психологическая двойственность проявилась и в поведении Бухарина, который, с одной стороны, был ярым пропагандистом революционной идеологии марксизма, а с другой — критиковал курс Сталина на тотальную коллективизацию сельского хозяйства и чрезмерно форсированное развитие промышленности.

3.2. Личное знакомство и попытка сотрудничества писателя с Бухариным

Отход Бухарина, пусть даже двойственный и половинчатый, от ортодоксальности идеологии большевизма был проявлением того свободомыслия,

CC BY

которое всегда приветствуется мыслящей интеллигенцией, традиционно склонной быть в оппозиции к государственной власти. Поэтому, читая в газетной периодике бухаринские статьи, Пришвин с удовлетворением отмечал его уклонение от партийной догматики: «Замечательная статья Бухарина о современных идеях Запада и проч.: ни дать, ни взять то, о чем говорит “беспредметник”» [Пришвин, 2009, с. 364], то есть человек, мысль которого не скована жесткими рамками какой-либо «единственно верной» идеологии.

Весьма положительно Пришвин оценил и доклад Бухарина «О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР», который стал одним из центральных событий Первого съезда советских писателей, проходившего с 17 августа по 1 сентября 1934 года. Говоря о художественном мастерстве, Бухарин в положительных тонах упомянул творчество расстрелянного еще в 1921 году Н. Гумилева, похвалил лирику травимого рапповцами Б. Пастернака, высказался об устарелости формы поэтических агиток В. Маяковского и подверг суровой критике Д. Бедного. «Расценка выступления Бухарина верная, и сейчас же у всех появляется в разных дозах хамское стремление на “попятный двор”» [Там же, с. 476], — пишет в «Дневнике» Пришвин, отмечая в его докладе критику нигилизма в отношении к культурному наследию, который наряду с классовым подходом был широко распространен в советском литературоведении. Правда, такое проявление независимости по мере укрепления сталинского режима становилось все более опасным: «Понимаю и чувствую, как неприятен должен быть Бухарин нашим государственникам, — писал Пришвин в феврале 1936 года. — В его общей даровитости чисто литературного характера скрывается “претендент на престол”» [Пришвин, 2010а, с. 22].

Личное знакомство писателя с Бухариным состоялось летом 1934 года, о чем говорит дневниковая запись: «4 июня. <…> Явилась охота ответить на предложение “Известий” написать о сценарии. Свидание с Бухариным (взвинчено-дружественное, шутливое ...)» [Пришвин, 2009а, с. 415]. По-видимому, внимание Бухарина как главного редактора «Известий» (1934—1936) Пришвин привлек своей работой над киносценарием по материалам повести «Жень-шень», вышедшей в 1933 году и ставшей заметным событием культурной жизни страны. Как известно, Бухарин был человек открытый и дружелюбный, что благоприятствовало общению, и Пришвин с первой же встречи установил с ним теплые товарищеские отношения.

Дружеское сближение с Бухариным открыло возможность не только публиковать свои очерки в одной из главных советских газет, но и совершить поездку на Кавказ, что для творчества Пришвина стало событием гораздо более значимым. Через посредство Бухарина писатель знакомится с Б. Э. Калмыковым, партийным вождем советской Кабардино-Балкарии,

CC BY

затем получает от него приглашение посетить республику, куда и отправляется в трехмесячную служебную командировку от «Известий» летом 1936 года. За время кавказской поездки Пришвин знакомится с национальными обычаями и традициями горских народов, собирает богатый фактический материал как о ходе революции и становлении советской власти, так и о современной жизни Кабардино-Балкарии для задуманной повести «Счастливая гора» [Подоксенов, 2020, с. 201—206].

3.3. Бухарин и политические процессы над оппозицией

Начавшиеся с 1936 года политические процессы, под удар которых попадут многие из представителей высшей партийно-государственной элиты страны, включая Бухарина и Калмыкова, изменили творческие намерения Пришвина, и повесть о жизни народов советской Кабардино-Балкарии так и не была написана. Изменилось после поездки на Кавказ и отношение к Бухарину, облик которого значительно померк в глазах писателя, что в немалой мере было связано со *странностями* его поведения в ходе затеянного Сталиным судилища над представителями оппозиции.

Следует отметить, что политические процессы 1936—1938 годов, по мнению Пришвина, нельзя объяснить лишь произволом генсека-диктатора, а тем более личной мстительностью Сталина, решившего свести счеты с неугодными ему людьми. Переход от административно-дисциплинарных разборок, влекущих исключение из партии, отстранение от должности или политическую ссылку, к прямому физическому уничтожению оппозиции, безусловно, имел более глубокие причины. Дело в том, что во второй половине 1930-х годов резко изменилась международная ситуация и в условиях назревающей мировой войны экономическое положение страны требовало предельной концентрации всех сил государства, чему, несомненно, мешали политические интриги и дрязги претендентов на власть.

Необходимость поворота социально-экономического и политического курса развития страны предполагала самую широкую замену руководящих кадров, что и было осуществлено с революционной беспощадностью. Политические процессы над оппозицией были очевидной попыткой Сталина разрубить «гордиев узел» всего клубка идейно-теоретических и политических разногласий внутри правящей элиты, в ходе которых обнажились самые неприглядные стороны морально-психологического облика многих партийцев. Суд над так называемой «троцкистской» группой Зиновьева-Каменева в августе 1936 года просто ошеломил сознание большинства рядовых советских граждан. Это была ярчайшая демонстрация диктаторского всевластия Сталина, обратившего созданную революцией систему карательных органов для уничтожения классовых врагов на саму партию

CC BY

в лице ее наиболее преданных членов — представителей «ленинской гвардии». Но самым неожиданным здесь для многих оказалось «признание» обвиняемыми своей вины, что и стало юридическим основанием приговора. Предопределенность итогов политического процесса была ясна уже из риторики генерального прокурора СССР А. Я. Вышинского, который во время суда с демонстративным пафосом именовал подсудимых, еще недавно входящих в высшую партийно-государственную элиту, не иначе как «цепными псами капитализма», «предателями» и «шпионами», хотя вся обвинительная база была основана на ложных доносах и выбитых под пытками самооговорах.

Так большевистская интеллигенция подошла к своему трагическому финалу, основой причиной которого, несомненно, была непримиримость противоречий революционной идеи, требовавшей от своих приверженцев ради социалистического переустройства мира предать забвению не только представление о нормах морали, но и о личном достоинстве. «Неужели же такое малодушие даже не в целях “жить”, а как-нибудь полегче умереть? <…> В этом свете показываются по-иному Бухарин, Радек и др. растленные люди (претенденты на власть)» [Пришвин, 2010а, с. 294]. Говоря о Бухарине и Радеке как «растленных людях», Пришвин, очевидно, имел в виду элементарную непорядочность многих партийцев, поспешно отказавшихся от своих соратников и малодушно поддержавших самые нелепые домыслы в адрес бывших друзей, вроде обвинения в «шпионаже на пользу иностранных разведок». Одним из таких примеров может послужить сам Бухарин, который, узнав о финале политического процесса над Зиновьевым и Каменевым, 1 сентября 1936 года в послании Ворошилову писал с явным расчетом, что его слова будут доведены до Сталина: «Что расстреляли собак — страшно рад» [Цит. по: Кожинов, 2011, с. 379].

Если прежде русская интеллигенция традиционно считала смыслом своего существования противостояние государству и всегда выступала против насилия власти над личностью, то для советской партийно-государственной элиты, которую олицетворяли люди, подобные Сталину, Бухарину, Радеку и иже с ними, главным стало служение революционной идее, ради которой они были готовы отринуть все нормы морали и оправдать любое преступление. Так проявлялась нравственная ущербность тех представителей когорты «ленинской гвардии», для кого социализм стал самодовлеющей идеей, по отношению к которой соратники и друзья, соперники и враги были только лишь средством или препятствием для достижения цели.

Политические процессы над оппозицией, пишет Пришвин, вызвали настоящий психоз общества: «Приумолкли дикторы счастья и радости, с утра до ночи дикторы народного гнева вещают по радио: псы, гадюки,

CC BY

подлецы, и даже из Украины было: подлюка Троцкий. У нас на фабрике постановили, чтобы не расстреливать, а четвертовать и т. п.» [Пришвин, 2010а, с. 455]. Но если у простых советских людей психоз был следствием неискушенности в политических вопросах, то многие из партийной элиты явили абсолютный аморализм, когда, перебивая друг друга, стали требовать для обвиняемых смерти, именуя недавних соратников «предательской бандой», «наемниками фашизма» и «мразью», по-видимому, надеясь таким образом миновать аналогичной участи. Падение морали у революционеров было прямым следствием исходной идеи марксизма о классовой борьбе как главной силе исторического развития. «Большевизм остается неизменным, меняется область его нападения: то это были землевладельцы, то купцы, то интеллигенция, то самая партия как враг ... Что дальше? Дальше нужно бы с кем-нибудь воевать» [Пришвин, 2010б, с. 11].

3.4. Социально-политический контекст переоценки писателем взглядов на деятельность и роль Бухарина в советском обществе

В атмосфере всеобщей подозрительности и мании поиска «врагов народа» поводом попасть под репрессии для любого советского человека могло оказаться даже подозрение в близости с политической оппозицией. Поэтому для Пришвина сам факт знакомства с опальным Бухариным стал прямой угрозой. Напомним: судебный процесс над последним начался 2 марта 1938 года, 13 марта оглашен приговор, а уже 15 марта Бухарин вместе с другими обвиняемыми был расстрелян. В целях безопасности Пришвину давно уже следовало сжечь всю переписку с ним, но в силу моральных убеждений ему было как-то неловко и стыдно перед собой сделать это именно в то время, когда автора писем уничтожают. «Нашел — наконец-то — письма Бухарина, прочел их. <…> Да и нет ничего дурного в этих письмах! <…> и стало жаль его: не знал, что творил ... И если он не знал, то что же знают другие?» [Там же, с. 43—44].

Примечательно, что бухаринские письма Пришвин нашел и перечитал 14 марта 1938 года, а через два дня — он получает повестку явиться в органы правопорядка и решает немедленно уничтожить всю переписку с Бухариным. «16 марта. <…> Вечером в 9 вызов “с паспортом”. Гибель писем. Позорный страх, — о, какой он знакомый! какая “обида” знакомая, а “жить хочется”. И вот из этого “хочется” два пути: путь “надо” (вплоть до “смертию смерть”) и путь унижения, вплоть до конвульсий. <…> Жил хорошо, весело, слыл хорошим человеком, но “*попался*” — и тут ...» [Там же, с. 45]. В этих словах писателя — прямое свидетельство о духовной атмосфере советской эпохи, когда каждый может совершенно неожиданно для себя оказаться на грани жизни и смерти.

CC BY

Как человек с историософским складом ума, Пришвин понимал, что глубинные корни происходящих в стране политических процессов таятся в недавней русской истории — истории революционной интеллигенции, ныне трагически завершающейся у всех на глазах: «7 декабря 1937 года <…> Все старое, по-видимому, должно погибнуть, и “старые большевики” как последний источник интеллигенции, игравшей роль “бича Божия”» [Пришвин, 2010а, с. 818], — пишет он о печальной судьбе идейных вдохновителей разрушения великой страны. «Революция всех перебрала, теперь последняя очередь: казнят тех, кто взял меч. “Взявший меч от меча и погибнет”» [Там же, с. 686].

Так русская интеллигенция подошла к финалу почти столетних усилий по низложению монархии, приведших лишь к созданию такого общества, где жизнь людей начали определять заведомо лживые политические процессы и публичные самооговоры, демонстративные покаяния и самоубийства. Примечательным отличием конца большевистской гвардии было и то, что даже ее гибель оказалась совершенно бесславной и никого не спасла, в отличие от аналогичных примеров в среде творческой интеллигенции: «Вот Есенин повесился и тем спас многих поэтов: стали бояться их трогать» [Пришвин, 2006, с. 50]. Так замкнулся круг пришвинского знакомства с Бухариным, которое началось с ругательной статьи последнего о Есенине — несчастном поэте-самоубийце. Но вот спустя десятилетие человек, только что стоявший на Олимпе политической власти, сам оказался приговорен к смерти, которой, унизительно отрекаясь от собственных убеждений, он тщетно пытался избежать. Действительно пророческими оказались слова Пришвина, сказанные им в адрес Бухарина еще в начале 1930-х годов: «Сознают ли вполне такие люди, как Бухарин, что, отрекаясь публично от себя самих, они в то же самое время и лично кончаются. Один покончил с собой на петле, другой пустил в себя пулю, третий отказался от самого себя публичным заявлением в газете, сохраняя в себе тщетную надежду когда-нибудь при удобном случае вернуть человеческую душу в сохраняемый футляр от исчезнувшего себя самого» [Там же, с. 286].

Для понимания особенностей духовной атмосферы советского общества второй половины 1930-х годов показательна оценка Пришвиным политических процессов, которые, по его мнению, со всей однозначностью поставили перед всей страной альтернативу: власть «претендентов на трон» или власть Сталина. И если ты «остаешься со Сталиным, то видишь, как все непрочно у нас в партии и как быстро надо ему закреплять за собой народ и, главное, крестьянство» [Пришвин, 2010а, с. 454], — пишет он в январе 1937 года, а через год вновь возвращается к самой злободневной теме тех лет: «Процесс раскрывает картину полного разложения партии и

CC BY

полное одиночество Сталина и зыбкость нашего государственного бытия: случись что-нибудь плохое со Сталиным, и все развалится начисто» [Пришвин, 2010б, с. 38].

Если длительное время в сознании Пришвина генсек правящей партии представал в образе тирана, то в предвоенные годы к нему приходит осознание, что политика Сталина — историческая необходимость государства, вынужденного «корректировать» деятельность тормозящих его развитие социальных сил путем уничтожения наиболее ярых фанатиков революционного разрушения. «Когда у Сталина выходит очередная расправа с врагами, то она кажется на первых порах безумием и концом всего: через это, кажется, ему уж и не перейти. Проходит некоторое время, и совершается “тот поворот”: одумаешься и начинаешь понимать и мириться» [Пришвин, 2010а, с. 780]. Политический террор по отношению к оппозиции Пришвин воспринимает как историческое возмездие всем тем разрушителям государства, чье сознание застряло в революционном прошлом. Очевидно, этим и обусловлен его вывод, что именно «в неуклонной охране этой идеи возмездия состоит все значение Сталина, и в восстании на эту идею за легкомыслие гибли враги Сталина» [Пришвин, 2012, с. 493].

Хорошо помнящий ужас всеобщего хаоса и беззакония недавних революционных лет, Пришвин убежден, что к любому диктатору можно приспособиться, но только не к всеобщей анархии и смуте. Поэтому «*нам-то*, народу, быть может, и лучше, если “никого не останется, кроме Сталина”, то есть поменьше будет претендентов на трон: они же нам денег стоят. И пусть будет “жить начальство в страхе, а не мы”» [Пришвин, 2010б, с. 231], — приводит он в «Дневнике» распространенное мнение о сталинских репрессиях против партийно-государственной номенклатуры среди обывателей, основанное на здравом житейском смысле. Трагедией монархической России, по мнению писателя, было прежде всего бессилие власти, не нашедшей в себе политической воли, чтобы всей мощью великой империи в зародыше пресечь революционный бунт. Поэтому если цари не смогли этого сделать, то Сталин поступает вполне рационально, беспощадно уничтожая своих соперников.

Так Пришвин приходит к признанию законного права власти на возмездие для разрушителей государства. И если многие годы он считал, что революция — это кнут Божий и историческая кара для России, то в предвоенное десятилетие видит оправдание большевизма именно в том, что советская власть строит сильное государство, строит с нечеловеческим напряжением, жесточайшим насилием принуждая народ идти по этому мучительному и тернистому пути. Поэтому всякий, кто считает себя патриотом России, сегодня должен «оставаться при Сталине, потому что

CC BY

какой ни на есть, а это государственный путь» [Пришвин, 2010а, с. 505]. И Пришвин делает свой выбор, мировоззренчески становясь на сторону советского государства, на сторону того великого исторического «надо», которое диктует обществу ход времени, хотя он по-прежнему принципиально не согласен с идеологией классового насилия в отношении простых людей. «8 Мая 1938. <…> Был человек, и его от нас “взяли”, как тигры в джунглях, бывает, возьмут человека: взяли без объяснения причины, и мы не знаем, где он»; «13 Октября 1938. <…> Жестокость (“без права переписки”) власти безмерная, невозможная — это темное пятно в нашем Союзе» [Пришвин, 2010б, с. 87, 188].

4. Заключение = Conclusions

Подводя итог, отметим: своей главной задачей Пришвин считает честное и правдивое отражение событий, очевидцем и участником которых он стал по воле судьбы. Творчество для писателя как объективного свидетеля эпохи — это единственно возможный способ бытия, когда нет границы между искусством и жизнью, идеей и реальностью, ибо все существует в тесной взаимосвязи и одно всегда вытекает из другого. Свидетельством тому стал и финал жизненного пути Бухарина: хотя ревностное служение революционной идее вознесло его на вершину советской власти, в конечном счете эта же идея закономерно подвела его под беспощадный каток сталинских репрессий. Несомненный талант мыслителя и стремление к поиску конечных причин социальных явлений позволяет Пришвину сделать поистине философское заключение: нельзя сваливать на человека то, в чем виновна руководящая людьми идея. Проводя аналогии с персонажами Достоевского и применяя его идеи к анализу советской эпохи, на примере судьбы Бухарина как типичного представителя большевиков-ленинцев писатель раскрывает не только трагическую противоречивость его убеждений, но и делает историософские выводы о внутренних духовно-нравственных изъянах революционной идеологии.

Источники

1. *Михаил Михайлович Пришвин :* Библиографический указатель / сост. Н. В. Борисова, З. Я. Холодова. — Иваново : ЛИСТОС, 2013. — 175 с. — ISBN 978-5905158-21-6.

2. *Пришвин М. М.* Дневники. 1926—1927 / М. М. Пришвин. — Москва : Русская книга, 2003. — 592 с. — ISBN 5-268-00519-7.

3. *Пришвин М. М.* Дневники. 1930—1931 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2006. — 704 с. — ISBN 5-94668-041-2.

4. *Пришвин М. М.* Дневники. 1932—1935 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2009а. — 1008 с. — ISBN 978-5-94668-060-8.

5. *Пришвин М. М.* Дневники. 1936—1937 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2010а. — 992 с. — ISBN 978-5-94668-073-8.

6. *Пришвин М. М.* Дневники. 1938—1939 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2010б. — 608 с. — ISBN 978-5-94668-077-6.

7. *Пришвин М. М.* Дневники. 1940—1941 / М. М. Пришвин. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 880 с. — ISBN 978-5-8243-8.

Литература

1. *Бухарин Н.* Судьбы русской интеллигенции / Н. Бухарин // Печать и революция. — 1925. — Книга 3. — С. 1—10.

2. *Бухарин Н. И.* Проблемы теории и практики социализма / Н. И. Бухарин. — Москва : Политиздат, 1989. — 512 с. — ISBN 5-250-01026-1.

3. *Варламов А. Н.* Пришвин / А. Н. Варламов. — Москва : Молодая гвардия, 2003. — 548 с. — ISBN 5-235-02548-2.

4. *Горький М.* Письмо Н. И. Бухарину, 13 июля 1925 г. / М. Горький // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 1. — С. 246—247.

5. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 тт. / Ф. М. Достоевский. — Ленинград : Наука, 1974. — Т. 10. Бесы. — 517 с.

6. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 тт. / Ф. М. Достоевский. — Ленинград : Наука, 1988. — Т. 30. — Книга 1. Письмо Н. А. Любимову 11 июня 1879 г. — С. 68—69. — ISBN 5-02-027953-6.

7. *Кожинов В.* Россия. Век XX / В. Кожинов. — Москва : Эксмо : Алгоритм, 2011. — 1040 с. — ISBN 978-5-699-53295-7.

8. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений : в 55 тт. / В. И. Ленин. — Москва : Политиздат, 1982. — Т. 45. Письмо к съезду. — С. 343—348.

9. *Письма* М. М. Пришвина М. Горькому // Литературное наследство. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. — Москва : Издательство АН СССР, 1963. — Т. 70. — С. 319—362.

10. *Подоксенов А. М.* М. М. Пришвин и Б. Э. Калмыков (к истории несостоявшейся повести о «настоящем большевике») / А. М. Подоксенов // Русская литература. — 2020. — № 2. — С. 201—206. — DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-201-206.

11. *Пришвин П. М.* Передо мной часто встает образ отца… : Воспоминания о М. М. Пришвине / П. М. Пришвин. — Москва : Нонпарел, 2009б. — 348 с. — ISBN 978-5-902992-18-4.

12. *Сталин И. В.* Сочинения : в 13 тт. / И. В. Сталин. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1949. — Т. 11. Ответ Билль-Белоцерковскому. — С. 326—329.

Material resources

Mikhail Mikhailovich Prishvin: Bibliographic index. (2013). Ivanovo: LISTOS. 175 p. ISBN 978-5905158-21-6. (In Russ.).

Prishvin, M. M. (2003). *Diaries. 1926—1927.* Moscow: Russian Book. 592 p. ISBN 5-268-00519-7. (In Russ.).

Prishvin, M. M. (2006). *Diaries. 1930—1931.* Saint Petersburg: Rostock. 704 p. ISBN 5-94668-041-2. (In Russ.).

Prishvin, M. M. (2009). *Diaries. 1932—1935.* Saint Petersburg: Rostock. 1008 p. ISBN 978-5-94668-060-8. (In Russ.).

CC BY

Prishvin, M. M. (2010a). *Diaries. 1936—1937.* Saint Petersburg: Rostock. 992 p. ISBN 978-5-94668-073-8. (In Russ.).
Prishvin, M. M. (2010b). *Diaries. 1938—1939.* Saint Petersburg: Rostock. 608 p. ISBN 978-5-94668-077-6. (In Russ.).
Prishvin, M. M. (2012). *Diaries. 1940—1941.* Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 880 p. ISBN 978-5-8243-8. (In Russ.).

References

Bukharin, N. (1925). The fate of the Russian intelligentsia. *Print and Revolution, 3:* 1—10. (In Russ.).
Bukharin, N. I. (1989). *Problems of theory and practice of socialism.* Moscow: Politizdat. 512 p. ISBN 5-250-01026-1. (In Russ.).
Dostoevsky, F. M. (1974). *The complete works: in 30 volumes (10. Demons).* Leningrad: Nauka. 517 p. (In Russ.).
Dostoevsky, F. M. (1988). *The complete works: in 30 volumes (30) / 1. Letter to H. A. Lyubimov on June 11, 1879.* Leningrad: Nauka. 68—69. ISBN 5-02-027953-6. (In Russ.).
Gorky, M. (1989). Letter to N. I. Bukharin, July 13, 1925. *News of the Central Committee of the CPSU, 1:* 246—247. (In Russ.).
Kozhinov, V. (2011). *Russia. Century XX.* Moscow: Eksmo: Algorithm. 1040 p. ISBN 978-5-699-53295-7. (In Russ.).
Lenin, V. I. (1982). *Complete works: in 55 volumes (45. Letter to the Congress).* Moscow: Politizdat. 343—348. (In Russ.).
Letters of M. M. Prishvin to M. Gorky. (1963). *Literary heritage. Gorky and Soviet writers. Unreleased correspondence, 70.* Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 319—362. (In Russ.).
Podoksenov, A. M. (2020). M. M. Prishvin and B. E. Kalmykov (to the history of the failed story about the "real Bolshevik"). *Russian Literature, 2:* 201—206. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-201-206. (In Russ.).
Prishvin, P. M. (2009). *The image of my father often rises before me ...: Memories of M. M. Prishvin.* Moscow: Nonpareil. 348 p. ISBN 978-5-902992-18-4. (In Russ.).
Stalin, I. V. (1949). *Essays: in 13 volumes, (11. Reply to Bill-Belotserkovsky).* Moscow: State Publishing House of Political Literature. 326—329. (In Russ.).
Varlamov, A. N. (2003). *Prishvin.* Moscow: Molodaya gvardiya. 548 p. ISBN 5-235-02548-2. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.01.2022,
одобрена после рецензирования 26.03.2022,
подготовлена к публикации 20.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Сейбель Н. Э. Дихотомия «своего» и «чужого» в структуре Восточных заметок Ф. Зальтена, Ф. Верфеля, Э. Канетти / Н. Э. Сейбель, Е. М. Шастина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 319—335. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-319-335.

Seibel, N. E., Shastina, E. M. (2022). Dichotomy of "Friend" and "Foe" in Structure of Eastern Notes of F. Salten, F. Werfel, E. Canetti. *Nauchnyi dialog, 11(3):* 319-335. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-319-335. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-319-335

Дихотомия «своего» и «чужого» в структуре Восточных заметок Ф. Зальтена, Ф. Верфеля, Э. Канетти

Сейбель Наталия Эдуардовна [1]
orcid.org/0000-0002-6840-8286
доктор филологических наук, доцент,
кафедра литературы
и методики обучения литературе
seibel_ne@mail.ru

Шастина Елена Михайловна [2]
orcid.org/0000-0001-9551-5469
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра немецкой филологии
e.shastina2104@gmail.com

[1] Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический
университет
(Челябинск, Россия)

[2] Казанский (Приволжский)
федеральный университет
(Елабужский институт)
(Елабуга, Россия)

Dichotomy of Friend" and "Foe" in Structure of Eastern Notes of F. Salten, F. Werfel, E. Canetti

Natalia E. Seibel [1]
orcid.org/0000-0002-6840-8286
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Literature and Methods
of Teaching Literature
seibel_ne@mail.ru

Elena M. Shastina [2]
orcid.org/0000-0001-9551-5469
Doctor of Philology, Professor,
Department of German Philology
e.shastina2104@gmail.com

[1] South Ural State Humanitarian
Pedagogical University
(Chelyabinsk, Russia)

[2] Elabuga Institute
of Kazan (Volga region)
Federal University
(Elabuga, Russia)

© Сейбель Н. Э., Шастина Е. М., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются путевые заметки трех австрийских писателей иудейского происхождения: «Новые люди на старой земле» Ф. Зальтена, «Египетский дневник» Ф. Верфеля и «Голоса Марракеша» Э. Канетти. На основе сравнения текстов выделяется типологическое сходство на нескольких уровнях: во-первых, значение путешествия как возвращения к истокам в биографии писателей; во-вторых, структурное сходство мотивов, композиции и хронотопа заметок; в-третьих, повторяющаяся нарративная структура текстов. Показаны принципиальные различия, выявленные в ходе типологического анализа, которые связаны с отражением современными авторами политических событий, каждый из них связывает геокультурный образ пространства со своей трактовкой истории. Отмечается, что связующим звеном времен у всех троих выступают миф и язык, подчеркивается мессианство поэта. В статье сделан акцент на самоопределении рассказчика по отношению к описываемому миру. Преодолевая предвзятость европейского ориентализма, авторы приходят к заинтересованно-наставнической (Зальтен), отстраненно-объективной (Верфель) или безразличной позиции фланёра (Канетти). Делается вывод, что движение от восторженного утопизма Зальтена к разочарованию Канетти сопровождается сменой циклической концепции истории идеей этернализма.

Ключевые слова:
путевые заметки; Зальтен; Верфель; Канетти; ориентализм; сионизм; мифологема.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The travel notes of three Austrian writers of Jewish origin: “New people in the old land” by F. Salten, “Egyptian diary” by F. Werfel and “Voices of Marrakesh” by E. Canetti are considered. Based on the comparison of texts, typological similarities are distinguished at several levels: firstly, the meaning of travel as a return to the origins in the biographies of writers; secondly, the structural similarity of the motives, composition and chronotope of the notes; thirdly, the repetitive narrative structure of the texts. The fundamental differences revealed in the course of typological analysis are shown, which are associated with the reflection of political events by modern authors, each of them connects the geocultural image of space with its own interpretation of history. It is noted that myth and language are the connecting link of the times for all three, the messianism of the poet is emphasized. The article focuses on the self-determination of the narrator in relation to the described world. Overcoming the prejudice of European Orientalism, the authors come to an interested-mentoring (Salten), detached-objective (Werfel) or indifferent position of a flâneur (Canetti). It is concluded that the movement from the enthusiastic utopianism of Salten to the disappointment of Canetti is accompanied by a change in the cyclical concept of history by the idea of eternalism.

Key words:
travel notes; Salten; Werfel; Canetti; Orientalism; Zionism; mythologeme.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.112.2

Дихотомия «своего» и «чужого» в структуре Восточных заметок Ф. Зальтена, Ф. Верфеля, Э. Канетти

© Сейбель Н. Э., Шастина Е. М., 2022

1. Введение = Introduction

Начиная с литературы эпохи Просвещения, Восток (Персия, Палестина) совмещает в себе функции абстрактного экзотического пространства и утопического мира сакральности и мудрости. Для Монтескье («Персидские письма»), Вольтера («Царевна вавилонская»), Гёте («Западно-восточный диван») и др. восточное путешествие — это путь открытия и прозрения. В речи «Дух Востока и иудаизм» (1916) Мартин Бубер говорил: «В конце XVIII и начале XIX века <…> знали, что Восток — это единство, <…> смотрели сквозь оболочку разнообразия в единую сердцевину духа <...>. Это понимание оставалось живым до тех пор, пока расовая теория нашего времени не добилась широкого успеха, <…> в попытках уничтожить самое благородное свойство познания человечества: тотальность» [Buber, 2013, S. 187].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В начале XX века утопии восточного возрождения соединяются с проектами восстановления еврейской государственности («Der Judenstaat» Т. Герцля выходит в 1896 году) и на фоне важных для модернизма поисков предпонимания («Vorverständnis» по Хайдеггеру) и прообраза («Urbild» Гессе) порождают целый поток ‘Восточных’ текстов. Один за другим австрийские писатели иудейского происхождения — Ф. Зальтен, Ф. Верфель, Э. Канетти — совершают ‘паломничество’ на Восток, обогащающее их творчество знаковыми произведениями «Новые люди на старой земле», «Египетский дневник» и «Голоса Марракеша».

Осознание границ «своего» и «чужого» в Восточных текстах представляет широкое поле для литературоведческого исследования. Описание Другой культуры долгое время было прерогативой компаративистики, делавшей акцент на взаимосвязях и взаимовлияниях культур и уступившей в середине XX века лидирующие позиции вошедшей в моду имагологии: «Не будем больше, — писал М.-Ф. Гийяр в книге «Сравнительное литературоведение» (1951), — прослеживать и изучать иллюзорные влияния одной литературы на другую. Лучше попытаемся понять, как формируются и существуют в индивидуальном или коллективном сознании великие

CC BY

мифы о других народах и нациях» [Цит. по: Трыков, 2017, с. 18]. Следствием стало вытеснение собственно литературоведческих задач (связанных с поэтикой текстов) междисциплинарным изучением постколониального культурного пространства, где литература рассматривается лишь как один из ретрансляторов культурных стереотипов.

С появлением книги Э. В. Саида «Ориентализм» (1978) почти любой текст о ‘Востоке’ воспринимается как объект внелитературной полемики и трактуется как форма отражения западных предрассудков, поскольку европейский писатель вынужденно взаимодействует с «колониальным дискурсом» [Саид, 2006, с. 8] в целях «оправдания прав на захват terra nullius» [Там же, с. 506]. Так, Э. Канетти в исследованиях 80—90-х годов последовательно упрекают в том, что в «Голосах Марракеша» он актуализирует «ориенталистский взгляд» европейца на колониальную топику [Ferguson, 1997, S. 568—594; Kalatenbali, 2005, S. 18—76], предает своё мультикультурное происхождение, обостряет конфликт Запада и Востока «до цивилизационного противостояния» [Murphy, 2004, S. 171]. Как образец дистанцирования от ориентализма и самоопределения Зальтена в контексте еврейства составляет путевые очерки Р. Шлейхер [Schleicher, 2006, S. 39—42]. Написанные по восточным впечатлениям Верфеля тексты вызвали острую реакцию как «прославляющие христианство» [Jungk, 1991].

«Заслуга имагологии в том, что она актуализировала, действительно, важную сферу научного поиска — всё, что связано с изучением образа Другого» [Трыков, 2017, с. 27], однако литературоведение обладает достаточно широким инструментарием для её изучения. Так, не теряет актуальности онтологический подход, описывающий художественный мир писателя в системе дихотомии концептов «своё» — «чужое» на уровне вертикали (религиозные — нравственно-этические смыслы) и горизонтали (национальное — пограничное). Его на примере художественных текстов Верфеля начала 1930-х годов демонстрирует исследование Е. Ю. Опариной [Опарина, 2009]. Широкие возможности дает также мифопоэтика, актуальная как при описании главного мотива — пути, — организующего тексты [Gottstein, 2007], так и при интерпретации отдельных эпизодов. В диссертации Н. И. Волокитиной, например, рассматривается образ пророка Илии в текстах Верфеля начала 20-х годов [Волокитина, 2019, с. 85—91], а С. Ханушек описывает мифологему превращения, при помощи которой Канетти «включает в сознание читателя видимые и невидимые метаморфозы окружающей реальности» [Hanuschek, 2005, S. 539]. Осознание границ «своего» и «чужого» реализуется в наррации текста. Точка зрения рассказчика, эволюция его самосознания — главный предмет исследования трех собраний Восточных заметок почти одновременно пришедших в литературу австрийских авторов.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Задача восточных странствий во всех трех случаях — обретение себя, поиск источника вдохновения на «родине предков», преодоление мировоззренческого и творческого кризиса.

Кризисность мироощущения менее очевидна у Зальтена, чьи заметки приурочены к двадцатой годовщине смерти друга и учителя Теодора Герцля. Текст Зальтена выполняет задачу популяризации идеи создания нового государства, он ориентирован на широкого европейского читателя. Для писателя сионизм — «восточно-еврейская альтернатива рациональной западной цивилизации» [Müller, 2017, S. 82]. По проблеме сионизма он не раз высказывался, мастерски лавируя между сдержанно-либеральными заявлениями в венской прессе и «целенаправленно антиассимиляционной и воинственной позицией» [Schwarz, 2009] в националистских кругах.

Франц Верфель посетил Ближний Восток дважды: в 1925 и 1929 годах он путешествовал по Сирии, Палестине и Египту. Итогом стали «Египетский дневник» (1925), пьеса «Павел у иудеев» (1927), роман «Слушайте голос» (1937). Он находился под влиянием дружбы с М. Бродом и М. Бубером, публиковался в их сионистском журнале «Der Jude», но избегал соблазна «национализировать своё творчество» [Werfel, 1975, S. 696]. После поездки он надолго садится за чтение истории, немецкие переводы книг Ветхого Завета и Талмуда, заново учит иврит.

Виднее всего связь Восточных путевых заметок с кризисным самоощущением автора у Канетти, который в 1954 году, находясь в своеобразном творческом «тупике», связанном с работой над исследованием «Масса и власть», принял приглашение А. Максвелла примкнуть к группе британских кинематографистов, снимавших экзотику Марракеша. Журнальная публикация отчета о путешествии предшествовала книге более, чем на десятилетие — Канетти потребовались время и дистанция для «диагностики культуры» [Görbert, 2009, S. 65], чтобы собрать отдельные фрагменты в книгу, которая вышла в 1968 году.

3.1. Топография Древней земли: от феноменального к ноуменальному

Каждый из авторов осмысляет Восток в контексте своего понимания времени и культуры, отталкиваясь от конкретной географии и материальных объектов — каким бы мифическим ореолом они ни были наделены.

Актуальный исторический контекст важен Зальтену, Верфелю и Канетти в разной степени.

Зальтен обсуждает судьбу репатриантов второй (1904—1914) и третьей (с 1919) алии, воспевает их как тружеников и оптимистов. Рефреном текста становится полемика с неким высокомерным туристом, заявившим

CC BY

автору в начале пути: «В Иерусалиме ничего не происходит» [Salten, 1925, S. 20]. Красной нитью через заметки проходит утверждение: все самое важное происходит именно в Палестине — здесь строится Новый мир. Политический центр мира для Верфеля — рушащиеся империи (Австро-Венгерская и Российская), Восток — спокойная периферия, живущая памятью о былых конфликтах, один из которых — еврейско-арабский — напоминает о себе бессмысленными спорами. Канетти игнорирует злободневность, намеренно отказывается от описания социальных катаклизмов, которые в 1956 году привели Марракеш, бывший колонией Франции, к независимости, его интересует именно мифологическая реальность, он поэтизирует мир, лишая его примет сегодняшней политической жизни.

Как любой травелог, путевые заметки Зальтена, Верфеля и Канетти представляют геокультурный образ пространства, составленный из дискретных картин: видимый, наблюдаемый в физических параметрах топос сталкивается с заранее сформированным представлением, опирающимся, преимущественно, на мифологические, ноуменальные, метафизические образы. В итоге каждый из них понимает приобщение к культурному и мифологическому наследию, хранимому Востоком, как путь восстановления живой веры. Восточные земли должны стать для писателей открывшимся реликварием смыслов. Соединение во всех трех текстах картин, фрагментов и эпизодов подчинено концептуализации авторского понимания веры и истории. Так, мир у Зальтена разбит на иудейскую, христианскую и арабскую части, у Верфеля — на природную (пустыня) и урбанистическую, у Канетти — на древнюю и новую.

Зальтен ожидает, что топография Святых мест породит мощное переживание и дарует утешение. В выборе объектов наблюдения он отдает предпочтение человечному, малому, трогательному: «В Палестине нужно обращать внимание на мелкое и незаметное <…>. Воспоминания за воспоминаниями охватывают всё пространство» [Salten, 1925, S. 193]. Тихий дом Руфи и могила Рахели пробуждают в путнике чувства сопричастности добру и святости человеческого самоотвержения. Ветхозаветные места вызывают и религиозный восторг, и смирение, но и боль, сочувствие и скорбь. Однако основное внимание он сосредоточивает не на описании реально виденного, а на идеальном представлении о восстановлении Древней земли как колыбели трех авраамистических религий, места их встречи и примирения. Набожность, исповедуемая Зальтеном в очерках, «отвергает слово “ортодоксальность”, <…> в ней <…> нет ничего от рьяного фанатизма» [Salten, 1925, S. 267], но она обладает силой оживить древнюю историю, даже когда время уничтожило материальные следы ветхозаветного прошлого. Новые поколения иудеев должны вернуться в Палестину и превратить ее в цветущий сад. Скитания в поисках родины есть судь-

CC BY

ба каждого еврея. Они — залог нравственного становления, преодоления рабской покорности, мелочного тщеславия, бессмысленного бунтарства, они — совершённый Яхве «переворот» (Umsturz) [Salten, 1925, S. 18], сформировавший лучшие качества народа. «Свое» для него — смирение, священная земля, доверие Богу, крестьянский труд.

Верфель, как и Зальтен, бежит от религиозного фанатизма. При этом он заведомо критичен по отношению к мифологической топике. Странствуя по библейским местам, он, скорее, чурается возможных материальных свидетельств мифологических фактов, «ожившие мифы создают дискомфорт» [Werfel, 1975, S. 716]. Для Верфеля не связанный с конкретными памятниками и местами абстрактный образ человечнее и обладает бо̀льшим потенциалом и энергией нравственного воздействия. Представшие перед ним во всей реальности и материальности следы египетских культов он противопоставляет тем религиозным сюжетам и фигурам, которые сохраняют свою абстрактность, чьё существование недоказуемо. Ощущение святости, которое автор тщетно ищет около храмов и мечетей, обретено единением с магической пустыней. Верфель прославляет доцивилизационную религиозность, гипнотическую отрешенность — преодоление страха смерти. Она не нуждается в «историях», «сюжетах», «героях» — только в экстатическом чувстве сопричастности миру.

Вместо зальтеновской идеи труда и преображения земли Верфель утверждает идею восхищения землей. Его понимание веры базируется на поэтическом прови́дении, чувстве единения человека и мира, возникающем на основе открытия красоты и величия мироздания.

Канетти — человек мира, избегающий конфессиональной определенности: «Как непостижимо скромны люди, без остатка посвящающие себя одной-единственной религии! У меня очень много религий, а та единственная, что все их объединит, сложится лишь в течение моей жизни» [Канетти, 1990, с. 250]. Его интересует не столько миф, сколько мифический субстрат, благодаря которому человек «способен к превращениям». Главное призвание художника — «хранителя превращений» состоит в том, чтобы зафиксировать этот дар. Встречающиеся на улицах города разнообразные типажи воплощают для Канетти фантасмагорические метаморфозы, соединяющие прошлое и настоящее. Следы древности, считает Канетти, отрываются от временных и географических координат, теряются в цепи бесконечных превращений и обнаруживаются только в людских лицах, нравах и голосах. Восточный базар — место встречи душ, скитающихся в вечности, пример своеобразной реинкарнации его предков. Вера и история для Канетти сходятся на позициях этернализма — идее смешения и совмещения времен. Следы патриархальной старины помогают ему

CC BY

«вспомнить» сущностные характеристики себя, мира и времени, асимметрия которого воплощена в лицах восточных торговцев. Описывая «чужое» настоящее, автор, таким образом, постепенно приходит к узнаванию и открытию в нём «своего» прошлого.

Так, вступая в диалог с миром Востока, каждый из них по-своему отвечает на вечные вопросы бытия. Все трое стремятся обрести не внешние знаки национальной культуры предков, а концентрат творческой энергии, не нуждающейся в материальных подтверждениях, доказательствах, свидетельствах.

3.2. Встреча с прошлым и обретение языка Древней культуры в Восточных заметках Ф. Зальтена, Ф. Верфеля, Э. Канетти

Знаками прошлого в Восточных заметках всех трех авторов закономерно становятся мифологемы, выполняющие функцию «границы времен»: утраченный Иерусалимский Храм — у Зальтена, появление Орфея — у Верфеля, миф о Вечном жиде — у Канетти. Распад иудейского мира у первых двух произошел при столкновении с греческой и римской античностью.

Величайшая историческая катастрофа — смена цивилизационной модели, выбранной человечеством — предопределила дальнейшую судьбу не только евреев, но и всей мировой культуры у Зальтена. Мир лишился ощущения связи времен и неразрывности истории, а носителями древней этики остались развеянные по миру группы лишенных родины скитальцев.

На смену познававшим мир во взаимосвязи земли и неба, жизни и смерти, мифов и созвездий мудрецам у Верфеля пришел певец, легкомысленно пренебрегающий божественной волей ради прославления человека (Орфей). Для Канетти точкой отсчета скитаний сефардов становится проклятье Агасфера, родство с которым он неизменно ощущает, поддаваясь величайшему духовному искушению ощутить свои корни.

Связующим звеном времен и культур у всех троих выступает язык. «Свое» для них — это эстетически освоенное и поэтически осмысленное. Для всех троих язык несет в себе истинную энергию свободного созидания, связывает прошлое с будущим, открывает человеку путь единения с божественным, природным, вечным.

XVI очерк «Новых людей» Зальтена — это гимн ивриту, который выжил и восстал вопреки многовековому забытью. В отличие от греческого и латыни, превратившихся с гибелью Древнего мира в реликты культуры, он сохранился благодаря живому чувству сопричастности каждого еврея судьбе своего народа и вере в грядущее возвращение в Святую землю: «Он жил в их молитве, в их непрестанно живой Торе <…> Это был не язык несчастий и унижений <…> Но это был язык, на котором Яхве принял к себе Синай <…> Язык древнего завета Бога. Он происходил из далеких дней

CC BY

свободы; он был собственной страной, был родовой землей Израиля и его почвой — этот Язык» [Salten, 1925, S. 148—150]. Причисляя себя к поколению писателей, нашедших своё предназначение в возрождении древней культуры, «студентов из Львова, студентов из Кракова <…>» [Ibid., S. 151], Зальтен осознает, что обретает почву, в которой нуждался.

Одна из важнейших записей дневника Верфеля — рассуждение о вечности и возвышенности иероглифической надписи, расширяющейся в сознании смотрящего до всеохватности истинной поэзии и дающей надежду на взаимопонимание: «В конце концов язык создает народ» [Werfel, 1975, S. 708]. Язык в понимании автора предстает транспортом традиции, хранилищем истин, вместилищем красоты: «Я твердо убежден, что в начале истинного человеческого языка <…> не было коммуникативной прозы, а скорее пропитанная знаниями песня <…> Поэты старейшие хранители, которым мы обязаны всем наилучшим» [Werfel, 1938, S. 25]. Не к мифу, а к поэзии нужно прибегать для прозрения истины. В балладах Гете и стихах Ленау полно соединились для Верфеля вера, творчество, интуитивное постижение действительности. Автор расширительно трактует язык как сродство жеста, интонации, как общность вербальных и невербальных средств: «Арабские языки — это пустынный призыв. Их фонетические законы обусловлены широтой эха на больших расстояниях. Ча-ха-ла-ле-хай (Cha-ha-la-le-hij) Даже иврит!» [Werfel, 1975, S. 716]. Язык — главный дар Бога людям. Нельзя «не содрогаться от мудрости и бездонной неизвестности языка. В начале было слово И слово было у Бога. Только благодаря тому факту, что это слово было переведено человеком, он стал истинным чадом Божьим» [Werfel, 1938, S. 24]. Осознание мессианства поэта, в целом свойственное творчеству Верфеля, важный итог его поездки, не зря одно из произведений, написанных по восточным впечатлениям Верфеля — роман «Слушайте голос» — о Пророке, способном изменить мир.

Язык является носителем древнего сакрального знания в тексте заметок Канетти: «Что такое язык? Что он скрывает? Чего он тебя лишает?» [Канетти 1990, с. 359]. Полиглот Канетти испытывает в Марокко — стране, языком которой он не владел, странное чувство: «Какая-то густая, дивно светящаяся субстанция не может из меня вытечь и насмехается над словами. Язык ли это, которого я там не понимал и который постепенно должен теперь внутренне переводить?» [Там же]. Ладино видится автору языком его предков, связующим звеном между прошлым и настоящим, способом собственной идентификации в чужой культуре. Утраченный и вновь обретаемый через интонацию, интуицию, жест язык должен открыть человеку путь к сакральному знанию. Метафора «спасенного языка» для Канетти частотна, она дала название одной из автобиографических книг («Спасенный язык»).

CC BY

Возвращение к чистому языку древнего мира (ивриту у Зальтена, пиктограммам у Верфеля, ладино у Канетти) открывает человеку путь к собственной естественной природе и дремавшим в нём духовным силам.

3.3. Эволюция позиции рассказчика в путевых заметках Ф. Зальтена, Ф. Верфеля и Э. Канетти. Принцип симметрии

Все трое рассказчиков в путевых заметках Ф. Зальтена («Новые люди на старой земле»), Фр. Верфеля («Египетский дневник») и Э. Канетти («Голоса Марракеша»), попадая в экзотический мир Востока, изначально оценивают внешние объекты как «чуждые». Авторы не лишены европейских предрассудков. Они избегают притяжательных местоимений первого лица, не идентифицируют себя с новой родиной евреев. Зальтен продолжает «тосковать по дому» [Salten, 1925, S. 192] — европейскому дому, о котором он не только вспоминает сам, но расспрашивает своих собеседников. «Мы» по отношению к осваивающим Палестину евреям он произносит лишь однажды, почувствовав себя уязвленным в своем религиозном чувстве. Позитивная характеристика описываемых мест часто создается сравнением с Альпами, Веной, Прагой, Брно, ассоциациями с европейской живописью. Верфель не только занимает эстетическую позицию европейца, меряя, например, красоту мечети сравнением с собором Святого Марка, но и исходит из исторической перспективы европейских войн и революций — продолжает активно интересоваться вопросами коммунизма, сионизма и т. д. Канетти ищет во встречных лицах отражения картин Рембрандта и Делакруа и не игнорирует очевидных бед и пороков, таких как нищета, детская проституция, базар, где продаются изнуренные животные и т. д.

Все трое возлагают большие надежды на встречу с Востоком. Зальтен — восторженный сионист, утверждающий идею освоения земель и зарождения нового государства. Верфель начинает «Египетский дневник» с идеализации неофилов, отправляющихся в Палестину, и главный объект его внимания — мигранты, решившиеся начать новую жизнь. В архиве Канетти, хранящемся в Центральной библиотеке Цюриха, есть записи о поездке в Марракеш — «путешествии, из которого нет пути назад», «неизведанном ранее, настолько новом, что можно все начать заново» [Hanuschek, 2005, S. 529]. «Первые контакты» с восточной толпой для него — встреча с собственными предками, приобретающая статус эпифании.

Путь эволюции, этапность становления рассказчиков становится основой сегментации текстов путевых заметок всех трех авторов, в композиционном центре которых оказывается осознание своей причастности к истории Востока и родства с Древней землей. У Зальтена и Канетти это еще и «геометрический» центр текста: XIV очерк (из 30-ти) у Зальтена —

CC BY

утверждение миссии евреев стать посредниками между цивилизациями и народами, относительно этого центра симметрично расположены повторяющиеся картины, сцены и мотивы; главы VII и VIII (из 14-ти) у Канетти — «Посещение Меллаха» и «Семейство Дахан» — объединяют репрезентацию общественной жизни города и частной жизни его жителей. Однако после «стадии приятия» пути рассказчиков вновь расходятся.

3.4. Мифологический план путевых заметок и самоопределение рассказчика в текстах Ф. Зальтена, Ф. Верфеля и Э. Канетти

Во всех трех случаях важное место в самоопределении автора играет обращение к мифу.

В «Новых людях на старой земле» главная мифологема — это мифологема умирающего Моисея, не допущенного в Землю Обетованную и остановившегося в преддверии счастья своего народа. Ритмически организованные повторы позволяют автору выстроить ассоциативный ряд, в котором библейский пророк Моисей, ведущий иудеев к счастью, но не обретающий его, связан с «новым пророком» Теодором Герцлем и отчасти самим рассказчиком, сохраняющим дистанцию по отношению к Святой земле и ощущающим себя, скорее, «человеком мира». Судьба евреев — как становится очевидно из финального пассажа «Новых людей» — вечное повторение, они будут стремиться к обретению своей земли и бесконечно преодолевать преграды: потерянный рай, возвращение в Землю обетованную, современное возрождение Палестины — события одного ряда. Снова и снова удел тех, кто ведет их по пути обретения, трагичен: «Моисей держится на расстоянии от цели ... Решение, которое он принял, вести молодых, свободных людей в Землю Обетованную, поражает его самого, сильнее всего поражает его, поражает его прямо в сердце … После сорока лет скитаний по пустыне он видит Землю Обетованную только издалека ... отречение, которое было таким болезненным, полным и таким простым» [Salten, 1925, S. 182]. Он (Моисей, Герцль) показал дорогу, выдвинул и обосновал идею, но не увидит её воплощения. Свою миссию рассказчик тоже осознает как трагическую — ему не стать частью этой утопии.

В «Египетском дневнике» Верфеля появляется мифологема ассоциированного с европейцами в восточных землях, не знающего насыщения Тантала, которому не приносят счастья богатства, окружающие его среди нищеты и несправедливости. В своей жажде жизни он утрачивает способность понимать Вечность, «живет в постоянном отчаянии, неизвестном древнему человеку <…>. Ибо счастье — это познание бессмертия, чудесное восприятие, радостное признание того, что смерти нет» [Werfel, 1938, S. 13]. Единственное, что осталось носителю европейской цивилизации от живого чувства со-

CC BY

причастности Вечности — переживание эстетического восторга при встрече с произведениями искусства — «тогда расколотые душевные силы золотого века на мгновение снова собираются в нас» [Ibid., S. 32]. Истинных же ценностей: красоту пустыни, магическое величие гробниц, музыку и цветовые всполохи на шумных улицах — суетные чужаки не замечают.

Важнейшая мифологема в «Голосах Марракеша» Элиаса Канетти — мифологема пророка Илии. Для Канетти собственное имя всегда было особым знаком. Мифологема пророка Илии, воскрешающего мертвых и исцеляющего больных, играет важную роль в самоидентификации автора как «своего» для этой земли, несущего справедливость и стремящегося преодолеть рок смерти. Ассоциативная связь со смыслами набожности, строгости, предвидения, борьбы с идолами дает надежду на обретение искомого просветления и возможности самому стать причастным к памяти ветхозаветного святого. Однако на поверку новые «илии» не противостоят засилию идолопоклонства — желания благополучия, комфорта, «цивилизации», — поэтому протагонист отказывается присоединиться к религиозному празднику — Пуриму. Возвращения к истокам не происходит.

3.5. Наставник, обозреватель, фланёр — итоги преодоления отчужденности

В «Новых людях на старой земле» Феликс Зальтен создает образ заинтересованного репортёра-комментатора, держащегося отстраненно. Однако постепенно осознание масштабов ежедневного подвига энтузиастов-мигрантов заставляет его почувствовать свою вовлеченность в восстановление и возрождение Палестины. Он движется от веры в будущее к осознанию прошлого и снова — к утверждению грядущей гармонии и процветания.

В процессе знакомства со «Старой землёй» автор постепенно переходит с позиции репортёра на позицию гостя: «Я так странно чувствую себя здесь <…> грустно, как подросток в комнате деда» [Salten, 1925, S. 229]. Важнейшим рубежом являются иерусалимские впечатления, благодаря которым он обретает чувство наднационального единства, осознает необходимость быть пропагандистом не только сионистской идеи, но «всесочувствия», интернационализма и «мирного завоевания» [Ibid., S. 272], основанного на обоюдной выгоде и прогрессе оказавшихся в ситуации противостояния народов.

В ходе странствий Зальтен осознает себя миссионером-наставником, утверждающим цивилизацию вне национальных границ. Он мечтает о встрече «посланников от каждого из народов» [Ibid., S. 140] в Иерусалиме. Он максимально близко подходит к идее «великого объединения народов Востока» М. Бубера, согласно которой иудаизм потенциально спосо-

CC BY

бен объединить восток и запад через возврат к историческим и культурным корням [Buber, 2013, S. 187—204].

Верфель в своем дневнике проходит путь от разочарования в мигрантах к потрясению древней пустыней и сохранившими нравственно-религиозную чистоту людьми. Он не бегущий от разочарований романтик, не прагматик, коллекционирующий впечатления, не турист (фланёр), безразлично обозревающий виды, он не ставит цели сравнивать Новый и Старый мир, он наблюдает за людьми, выбравшими жизнь вне Европейской цивилизации как «другую» возможность. Следствием становятся наполняющие текст объемные портретные зарисовки и жанровые картины: еврей-студент, продолжающий во время поездки на корабле практиковаться в пении, нищий слепой старик в порту, офицер пограничной службы, мальчик-посудомойщик, чья ловкость наделят его в глазах автора артистизмом.

Если Зальтен устремлён в будущее и повсеместно обнаруживает приметы грядущего процветания, то Верфель стремится бесстрастно и объективно судить об итогах: «Какие приметы останутся от нас, мы еще не знаем» [Werfel, 1975, S. 728]. Его пугают нищета, несправедливость. Он выражает равное сочувствие арабам и евреям, испытывает «жалость к назойливым уличным торговцам» [Ibid., S. 720] и неприязнь к американским и английским колонизаторам.

Переломным становится знакомство с пустыней: гробницы погружают автора в состояние транса, одиночества и катарсического просветления. «Они гипнотичны» [Ibid., S. 727]. Пустыня захватывает его своей безграничностью, картины строительства нового Гелиополиса «ошеломляют» [Ibid., S. 713]. В отличие от Зальтена и Канетти, для которых важным, даже поворотным, впечатлением стали синагога, молельный дом, Верфель проникается чувством своей сопричастности Святой земле через единение с природой и картинами человеческого благородства. Он дистанцируется от политической борьбы, развернувшейся вокруг палестинских земель. Только в 1929 году он выскажет свое восхищение: «Хотя я сам не сионист. Я до сих пор испытываю страстное восхищение евреями, работающими над восстановлением Палестины» [Ibid., S. 280].

Рассказчик Канетти проходит путь от надежды на обретение духовного дома к разочарованию и обострившемуся ощущению одиночества. Спустя тридцатилетие конфликты, на разрешение которых уповали Зальтен и Верфель, остались неразрешенными. Отправляясь в странствие, Канетти занимает позицию мифолога и эстетизатора, не призывающего к миру, но погружающегося в круг образов и звуков нарочито субъективной восточной сказки.

Канетти стремится к восприятию «с чистого листа»: «Я ничего не читал об этой стране. Её обычаи были мне столь же неведомы, как и ее

CC BY

люди» [Канетти, 1990, с. 359]. Он уверен, что родственное чувство должно возникнуть само собой, от блуждания и лицезрения. В результате протагонист «Голосов Марракеша» занимает позицию фланёра [Ekelund, 2007, S. 185—186], который растворяется в пространстве между описываемыми им фигурами, «незаметно погружается в медитативную работу сознания» [Кучумова, 2019, с. 37]. Его впечатляют знаковые совпадения: так, знакомство с городом начинается с базара, а, как известно, предки Канетти были торговцами, и он чувствует свою сопричастность торговому сословию.

Перекрестком образов и смыслов, центром (композиционным и географическим) «Голосов Марракеша» становится для автора маленькая площадь Меллаха — основной пространственный образ текста, воплощение древности, традиции и спасения. У этого ключевого в контексте заметок пространства есть свои координаты: базар, школа, кладбище.

Его путь — путь упущенных возможностей. Базар у входных ворот оказывается переходным локусом между воплощающими древность торговцами и «роскошным кварталом», назначение которого — произвести впечатление на праздных туристов, где «уже никто не напоминал Авраама богатым и царственным видом» [Канетти, 1990, с. 363]. Кладбище — «сама правда, лунный ландшафт смерти» [Там же, с. 367] — предстает местом, где автор сталкивается с суетностью, ничтожностью человека. В итоге он осознает, что не обрел в этой поездке ни просветления, ни родства с единоверцами. Находясь в молельне — «маленьком продолговатом помещении, в котором горели сотни свечей», Канетти ощущает свою «чуждость»: «Меня не считали евреем, и я не совершал молитвы» [Там же, с. 369].

4. Заключение = Conclusions

При существенных жанровых и идеологических различиях текстов Восточных заметок Ф. Зальтена, Ф. Верфеля и Э. Канетти их объединяет сходный набор мотивов, организующая хронотоп система соединения эпизодов, построенная на симметрии и повторах, отражающих эволюцию авторской позиции, и сходная нарративная структура. Вступая в диалог с миром Востока, каждый из писателей по-своему отвечает на вечные вопросы бытия.

Все три автора исходят из установки, что его путешествие — это возвращение к корням и истокам, которое должно принести просветление и важные духовные открытия. Однако направление эволюции меняется от утопизма и выработки собственной положительной политической программы — у Зальтена, к разочарованию и обострившемуся ощущению одиночества — у Канетти. Во всех трех случаях объективно наличествующий набор европейских предрассудков отчасти преодолевается писателем, ощущающим — пусть ненадолго — своё родство с Востоком и ассоциирующим самого себя с мифо-

CC BY

логемами умирающего Моисея (Зальтен), не знающего насыщения Тантала (Верфель), воскрешающего мертвых пророка Илии (Канетти).

Дихотомия «своего» и «чужого» в Восточных заметках анализируемых авторов связана с антиномией прошлого и настоящего, прошлого и будущего. Современность с её политическими конфликтами не входит в круг задач и интересов писателей, но объективно проникает в текст через актуальные сцены и картины. Утопии «мирного завоевания» (Зальтен) и возвращения к пракультуре (Верфель) возникают как продолжение исторической концепции писателей. Каждое из путешествий — диалог автора с древностью. Границей прошлого и настоящего во всех трех случаях становятся мифологемы, связанные с мотивами потери, утраты, распада изначальной целостности, при этом связующим звеном времен и культур выступает поэзия, язык которой способен сохранить для вечности память о величии народа и стать основой его возрождения.

Источники

1. *Канетти Э.* Человек нашего столетия / Э. Канетти ; перевод с немецкого / сост. и авт. предисл. Н. С. Павлова ; коммент. Р. Г. Каралашвили. — Москва : Прогресс, 1990. — 474 с.

2. *Canetti E.* Die Stimmen von Marrakesch. Aufzeichnungen nach einer Reise / E. Canetti. — Bearbeitet von Kurt-Michael Westermann. — München : Carl Hanser Verlag, 2002. — 160 S.

3. *Salten F.* Neue Menschen auf alter Erde / F. Salten. — Berlin : Paul Zsolnay Verlag, 1925. — 276 S.

4. *Werfel F.* Von der Reinsten Glückseligkeit des Menschen Eine Reded gehalten vor der Völkerbundliga zu Wien im Dezember 1937 / F. Werfel. — Stockholm : Bermann-Fischer Verlag, 1938. — 50 S.

5. *Werfel F.* Zwischen Oben und Unten / F. Werfel. — München-Wien : Langen-Muelle, 1975. — 915 S.

Литература

1. *Волокитина Н. И.* Фаустианские мотивы в творчестве Франца Верфеля : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.03 / Н. И. Волокитина. — Челябинск, 2019. — 165 с.

2. *Кучумова Г. В.* Немецкоязычный роман рубежа XX—XXI вв. : проблема Другого : монография / Г. В. Кучумова. — Самара : САМАРАМА, 2019. — 216 с. — ISBN 978-5-6043678-0-3.

3. *Опарина Е. Ю.* «Своё» и «чужое» в художественном мире Ф. Верфеля : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.03 / Е. Ю. Опарина. — Нижний Новгород, 2009. — 24 с.

4. *Саид Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. В. Саид ; перевод с английского А. В. Говорунова. — Санкт-Петербург : Русский Міръ, 2006. — 639 с. — ISBN 5-9900557-1-4.

5. *Трыков В. П.* Имагология и имагопоэтиа : два подхода к изучению одраза «Другого» / В. П. Трыков // Россия в литературе Запада. — Москва : МПГУ, 2017. — С. 17—28.

6. *Buber M.* Der Geist des Orients und das Judentum / M. Buber // Werkausgabe. — München : Gütersloher Verlagshaus, 2013. — S. 187—204.

7. *Ekelund L.* Im Schritttempo des Flaneurs. Elias Canetti im jüdischen Viertel von Marrakesch / L. Ekelung // Interkulturalität und Intertextualität. Elias Canetti und Zeitgenossen. — Dresden : Thelem, 2007. — S. 185—193.

8. *Ferguson S.* Elias Canetti and Multiculturalism / S. Ferguson // Poetica. — 1997. — № 29 (3/4). — S. 532—595.

9. *Görbert J.* Poetik und Kulturdiagnostik. Zu Elias Canettis "Die Stimmen von Marrakesch" / J. Görbert. — St. Ingbert : Röhrig, 2009. — 124 S. — ISBN 9783861104636.

10. *Gottstein M.* Felix Salten (1869—1945) — Ein Schriftsteller der Wiener Moderne / M. Gottstein. — Würzburg : Ergon Verlag, 2007. — 308 S. — ISBN 9783899135855.

11. *Hanuschek S.* Elias Canetti. Biographie / S. Hanuschek. — München-Wien : Carl Hanser Verlag, 2005. — 800 S. — ISBN 3-446-20584-5.

12. *Jungk P. S.* Franz Werfel : A Life in Prague, Vienna, and Hollywood Kindle Edition / P. S. Jungk. — New York : Fromm Intern, 1991. — 318 s. — ISBN-10 0880641304.

13. *Kalatenbali N. K.* Das Fremde in der Literatur: Postkoloniale Fremdheitskonstruktionen in Werken von Elias Canetti, Günter Grass und Josef Winkler / N. K. Kalatenbali. — Münster : LIT Verlag, 2005. — 264 S.

14. *Müller S.* Palästina als narrative Chance des literarischen Zionismus bei Herzl, Salten und Kafka / S. Müller // Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur, IASL. — 2017. — № 42 / 1. — S. 77—109.

15. *Murphy H.* «Gute Reisende sind herzlos» : Canetti in Marrakesch / H. Murphy // A Companion to the Works of Elias Canetti. — Rochester NY : Boydell & Brewer, Camden House, 2004. — S. 157—173.

16. *Schleicher R. J.* Felix Salten als poetischer Zionist : Beobachtungen zum Reisebericht «Neue Menschen auf alter Erde» : Eine Palästinafahrt / R. J. Schleicher // Felix Salten — der unbekannte Bekannte / hrsg. von E. Seibert. — Wien : Praesens-Verlag, 2006. — Pp. 33—46.

17. *Schwarz A.* «Sie wiederholen nur immer, dass sie modern sein wollen» Ein Überblick über die neueste Forschungsliteratur zur Wiener Moderne [Electronic resource] / A. Schwarz // Literaturkritik. — 2009. — № 1. — Access mode : https://literaturkritik.de/id/12636 (accessed 16.08.2021).

18. *Sonder I.* Reise ins Heilige Land [Electronic resource] / I. Sonder // David : Jüdische Kulturzeitschrift. — 2013. — № 3 (96). — Access mode : https://davidkultur.at/artikel/reise-ins-heilige-land (accessed 03.08.2021).

Material resources

Canetti, E. (2002). *Die Stimmen von Marrakesch. Aufzeichnungen nach einer Reise. Bearbeitet von Kurt-Michael Westermann.* München: Carl Hanser Verlag. 160 S. (In Germ.).

Kanetti, E. (1990). *The Man of our Century.* Moscow: Progress. 474 p. (In Russ.).

Salten, F. (1925). *Neue Menschen auf alter Erde.* Berlin: Paul Zsolnay Verlag. 276 S. (In Germ.).

Werfel, F. (1938). *Von der Reinsten Glückseligkeit des Menschen Eine Reded gehalten vor der Völkerbundliga zu Wien im Dezember 1937.* Stockholm: Bermann-Fischer Verlag. 50 S. (In Germ.).

Werfel, F. (1975). *Zwischen Oben und Unten.* München-Wien: Langen-Muelle. 915 S. (In Germ.).

References

Buber, M. (2013). Der Geist des Orients und das Judentum. In: *Werkausgabe.* München: Gütersloher Verlagshaus. 187—204. (In Germ.).

Ekelund, L. (2007). Im Schritttempo des Flaneurs. Elias Canetti im jüdischen Viertel von Marrakesch. In: *Interkulturalität und Intertextualität. Elias Canetti und Zeitgenossen.* Dresden: Thelem. 185—193. (In Germ.).

Ferguson, S. (1997). Elias Canetti and Multiculturalism. *Poetica, 29 (3/4):* 532—595.

Görbert, J. (2009). *Poetik und Kulturdiagnostik. Zu Elias Canettis "Die Stimmen von Marrakesch".* St. Ingbert: Röhrig. 124 S. ISBN 9783861104636. (In Germ.).

Gottstein, M. (2007). *Felix Salten (1869—1945) — Ein Schriftsteller der Wiener Moderne.* Würzburg: Ergon Verlag. 308 S. ISBN 9783899135855. (In Germ.).

Hanuschek, S. (2005). *Elias Canetti. Biographie.* München-Wien: Carl Hanser Verlag. 800 S. ISBN 3-446-20584-5. (In Germ.).

Jungk, P. S. (1991). *Franz Werfel: A Life in Prague, Vienna, and Hollywood Kindle Edition.* New York: Fromm Intern. 318 p. ISBN-10 0880641304.

Kalatenbali, N. K. (2005). *Das Fremde in der Literatur: Postkoloniale Fremdheitskonstruktionen in Werken von Elias Canetti, Günter Grass und Josef Winkler.* Münster: LIT Verlag. 264 S. (In Germ.).

Kuchumova, G. V. (2019). *German-language novel of the turn of the XX—XXI centuries: the problem of the Other: monograph.* Samara: SAMARAMA. 216 p. ISBN 978-5-6043678-0-3. (In Russ.).

Müller, S. (2017). Palästina als narrative Chance des literarischen Zionismus bei Herzl, Salten und Kafka. *Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur, IASL, 42/1:* 77—109. (In Germ.).

Murphy, H. (2004). «Gute Reisende sind herzlos»: Canetti in Marrakesch. In: *A Companion to the Works of Elias Canetti.* Rochester NY: Boydell & Brewer, Camden House. 157—173.

Oparina, E. Yu. (2009). *"Own" and "alien" in the artistic world of F. Verfel.* Author's abstract of PhD Diss. Nizhny Novgorod. 24 p. (In Russ.).

Said, E. V. (2006). *Orientalism. Western Concepts of the East.* St. Petersburg: Russian World. 639 p. ISBN 5-9900557-1-4. (In Russ.).

Schleicher, R. J. (2006). Felix Salten als poetischer Zionist: Beobachtungen zum Reisebericht «Neue Menschen auf alter Erde»: Eine Palästinafahrt. In: *Felix Salten — der unbekannte Bekannte.* Wien: Praesens-Verlag. 33—46. (In Germ.).

Schwarz, A. (2009). «Sie wiederholen nur immer, dass sie modern sein wollen» Ein Überblick über die neueste Forschungsliteratur zur Wiener Moderne. *Literaturkritik, 1.* Available at: https://literaturkritik.de/id/12636 (accessed 16.08.2021). (In Germ.).

Sonder, I. (2013). Reise ins Heilige Land. *David: Jüdische Kulturzeitschrift, 3 (96).* Available at: https://davidkultur.at/artikel/reise-ins-heilige-land (accessed 03.08.2021). (In Germ.).

Trykov, V. P. (2017). Imagology and imagopoetics: two approaches to the study of the "Other". In: *Russia in the Literature of the West.* Moscow: MPSU. 17—28. (In Russ.).

Volokitina, N. I. (2019). *Faustian motifs in the works of Franz Werfel.* Author's abstract of PhD Diss. Chelyabinsk. 165 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 31.01.2022,
одобрена после рецензирования 17.03.2022,
подготовлена к публикации 20.04.2022.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
HISTORY

Анатолий Сергеевич Клинов, д-р истор. наук (Краснодар)
Андрей Александрович Иванов, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Андрей Васильевич Шаманаев, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Андрей Вячеславович Ишин, д-р истор. наук (Симферополь)
Андрей Геннадьевич Пашкин, канд. истор. наук (Ульяновск)
Елизавета Сергеевна Лахтионова, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Иван Алексеевич Медведев, аспирант (Челябинск)
Наталия Николаевна Алеврас, д-р истор. наук (Челябинск)
Наталья Владимировна Гришина, канд. истор. наук (Челябинск)
Никита Юрьевич Пивоваров, канд. истор. наук (Москва)
Рашит Алимович Мухамедов, д-р истор. наук (Ульяновск)
Роман Станиславович Марков, преподаватель (Липецк)
Сергей Алексеевич Баканов, д-р истор. наук (Челябинск)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Алеврас Н. Н. Докторская диссертация в советской диссертационной системе : опыт защит в 1930-х — начале 1940-х годов / Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 337—354. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-337-354.

Alevras, N. N., Grishina, N. V. (2022). Doctoral Dissertation in Soviet Dissertation System: Experience of Defenses in 1930s — Early 1940s. *Nauchnyi dialog, 11(3):* 337-354. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-337-354. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-337-354

Докторская диссертация в советской диссертационной системе: опыт защит в 1930-х — начале 1940-х годов

Алеврас Наталия Николаевна
orcid.org/0000-0001-9249-0008
доктор исторических наук, профессор
кафедра истории России
и зарубежных стран
vhist@mail.ru

Гришина Наталья Владимировна
orcid.org/0000-0002-4325-5965
кандидат исторических наук, доцент
декан историко-филологического
факультета
natalyagrishina@mail.ru

Челябинский
государственный университет
(Челябинск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда
проект № 22-28-00557

Doctoral Dissertation in Soviet Dissertation System: Experience of Defenses in 1930s — Early 1940s

Natalia N. Alevras
orcid.org/0000-0001-9249-0008
Doctor of History, Professor
the Department of History
of Russia and Foreign Countries
vhist@mail.ru

Natalya V. Grishina
orcid.org/0000-0002-4325-5965
PhD in History, Associate Professor
Decan of the Faculty
of History and Philology
natalyagrishina@mail.ru

Chelyabinsk
State University
(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-28-00557

© Алеврас Н. Н., Гришина Н. В., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается процесс становления советской диссертационной системы (1920-е — начало 1940-х годов). Уделяется внимание обсуждению ученой степени доктора наук в 1920-е годы, а также статусу докторской диссертации в нормативных актах 1930-х годов. Выдвигается гипотеза, что советская диссертационная система выросла из дореволюционного опыта присуждения ученых степеней, но в процессе своего становления выработала собственные специфические ритуалы. Проверка гипотезы осуществлена на примере диссертационных диспутов М. Д. Присёлкова и А. И. Андреева — историков, чье вхождение в научное сообщество началось в досоветский период, а достижение высшей ученой степени доктора наук состоялось на рубеже 1930—1940-х годов. Проведена оценка степени преемственности / разрыва советской диссертационной системы по отношению к дореволюционному опыту. Сформулирован вывод о том, что содержательная сторона диспутов в довоенный период была ориентирована на дореволюционные традиции университетской системы. Утверждается, что научная составляющая диссертационных диспутов в это время определяла их атмосферу и содержание дискуссий. Авторы считают, что детально составленные стенограммы защит диссертаций в советское время являются недооцененным источников для изучения советской диссертационной системы.

Ключевые слова:
советская историческая наука; М. Д. Присёлков; А. И. Андреев; В. П. Волгин; О. Ю. Шмидт; С. А. Жебелёв; А. А. Шахматов; А. С. Лаппо-Данилевский; докторская диссертация; диспут; научная квалификация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The process of formation of the Soviet dissertation system (1920 — early 1940s) is considered. Attention is paid to the discussion of the degree of doctor of science in the 1920s, as well as the status of the doctoral dissertation in the regulations of the 1930s. It is hypothesized that the Soviet dissertation system grew out of the pre-revolutionary experience of awarding scientific degrees, but in the process of its formation it developed its own specific rituals. The hypothesis was tested on the example of dissertation disputes by M. D. Priselkov and A. I. Andreev — historians, whose entry into the scientific community began in the pre-Soviet period, and the achievement of the highest academic degree of Doctor of Science occurred at the turn of the 1930s—1940s. An assessment of the degree of continuity/gap of the Soviet dissertation system in relation to the pre-revolutionary experience has been carried out. The conclusion is drawn that the content of the disputes in the pre-war period was focused on the pre-revolutionary traditions of the university system. It is argued that the scientific component of dissertation disputes at that time determined their atmosphere and content of discussions. The authors believe that the detailed transcripts of dissertation defenses in the Soviet era are an underestimated source for studying the Soviet dissertation system.

Key words:
Soviet historical science; M. D. Priselkov; A. I. Andreev; V. P. Volgin; O. Yu. Schmidt; S. A. Zhebelev; A. A. Shakhmatov; A. S. Lappo-Danilevsky; doctoral dissertation; dispute; scientific qualification.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 930(470)“193/194”+378.245

Докторская диссертация в советской диссертационной системе: опыт защит в 1930-х — начале 1940-х годов

© Алеврас Н. Н., Гришина Н. В., 2022

1. Введение = Introduction

Защита диссертации всегда воспринималась российскими учеными как важный этап научной карьеры, и, конечно, отмена системы присуждения ученых степеней в 1918 году разрушила привычную иерархию научного сообщества. В связи с этим понятно стремление ученых воспроизводить привычные модели взаимодействия в 1920-е годы, в том числе диссертационные диспуты, которые потеряли нормативный статус, но сохранили символическое значение актов легитимации научных концепций [Гришина, 2016, с. 88—98] и маркировали вхождение в научное сообщество [Демина, 2005, с. 97—112].

В данной статье пойдет речь о становлении советской диссертационной системы (1920-е — начало 1940-х годов). Авторы попытаются осветить основные шаги по ее формированию, ответить на вопрос о степени преемственности между дореволюционной и советской диссертационными культурами, а также проследить влияние их нормативных основ на диссертационные истории отдельных ученых. В фокус нашего внимания попали историки М. Д. Присёлков (1881—1941) и А. И. Андреев (1887—1959), чьи пути в науке, имевшие начало в 1910-х годах, проходили через менявшиеся диссертационные правила.

Выбор диссертационных историй М. Д. Присёлкова и М. Д. Андреева в качестве предмета исследования обусловлен несколькими причинами. Оба историка прошли профессиональную подготовку под руководством виднейших профессоров Петербургского университета, заложивших основы источниковедческих исследований. М. Д. Присёлков в 1903 году был «оставлен для подготовки к профессорскому званию» С. Ф. Платоновым по кафедре русской истории, но, испытывая интерес к церковно-политической истории и историческим источникам средневековой Руси, стал учеником филолога-лингвиста и историка русского летописания академика А. А. Шахматова [Лурье, 1996, с. 5]. А. И. Андреев, поступивший в университет в 1909 году, формировался как ученый в школе русской дипломатики частных актов академика А. С. Лаппо-Данилевского. Вторым своим учителем он считал А. Е. Преснякова, утвердившего методологический принцип приоритета источника как основы концептуальных построений историка.

CC BY

Из двух историков только М. Д. Присёлков получил первую ученую степень в период действия дореволюционных диссертационных норм. В 1914 году он защитил труд «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII веков», что позволило ему приобрести степень магистра русской истории [Присёлков, 1913; Магистерский диспут …, 1914, с. 133—139]. А. И. Андреев, завершивший обучение в университете в 1916 году, к моменту отмены ученых степеней делал первые шаги на научном поприще, магистерской диссертации ему защитить не пришлось. Эти факты через несколько десятилетий оказали влияние на выход к защите докторской диссертации: Присёлкову и Андрееву пришлось воспользоваться разными положениями нормативных документов, регулирующих процесс приобретения ученой степени.

Обращает на себя внимание общность жизненных траекторий двух историков в постреволюционное время. В 1920-е годы они продолжали активно публиковаться. На рубеже 1920—1930-х годов стали фигурантами «Академического дела», получив тюремные сроки, замененные впоследствии ссылкой, что приостановило их научную деятельность. С середины 1930-х годов историки постепенно вернулись к исследовательской работе, что ознаменовалось защитой докторских диссертаций. Защита диссертации М. Д. Присёлкова «История русского летописания с X до XV веков» была организована 17 июня 1939 года советом исторического факультета Ленинградского университета [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 1193, лл. 1—33]. Защита диссертации А. И. Андреева «Очерки источниковедения Сибири» состоялась 4 октября 1940 года в Институте истории Академии наук в Москве [И. П., 1940, № 12, с. 130—140].

Обе защиты пришлись на «начальный» период существования советской системы присуждения ученых степеней, на этап апробации ее правил. Имеющиеся у авторов документы позволяют реконструировать процесс защиты и сравнить его с дореволюционной практикой.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужили архивные данные аттестационной комиссии Коммунистической академии ЦИК СССР, законодательные акты о высших учебных заведениях и присуждении научных степеней. Кроме того, наиболее важным, на взгляд авторов, источником информации являются детально составленные в советское время стенограммы защит диссертаций, которые до настоящего времени недостаточно изучены как ресурсы для анализа советской диссертационной системы.

Законодательство, определившее нормативную базу получения ученых степеней применительно к ситуации первых десятилетий в истории

CC BY

советской науки, не раз становилось предметом исследования в современной науке [Козлова, 2001, с. 145—159; Мамонтова и др., 2014, с. 146—175; Парсамов и др., 2014; Корноухова, 2016, с. 18—28]. В данной статье авторы продолжают изучение советской диссертационной системы, не останавливаясь на всех аспектах законодательного регулирования гратификационной системы в анализируемый период, а сосредоточиваясь на требованиях к ученой степени доктора наук и на анализе процедуры защиты, что позволит сделать выводы о специфике присуждения ученых степеней.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Докторская диссертация советского ученого: обсуждение необходимости ученой степени в 1920-х — начале 1930-х годов

Ликвидация декретом 1918 года ученых степеней и званий «впредь до издания нового Положения о российских университетах» [Декрет …, 1918, с. 999] потребовала возвращения к этому вопросу в последующие годы.

Проблема возобновления присуждения ученых степеней, по всей видимости, начала обсуждаться с середины 1920-х годов. Определенным этапом на этом пути стало создание советской аспирантуры, обучение в которой завершалось защитой аспирантской диссертации [Цеховой, 2012, с. 111; Гришина, 2014, с. 51]. По нашим данным, применительно к степени доктора наук, этот вопрос был артикулирован в 1926 году на пленуме Секции научных работников (далее — СНР), созданной как профсоюзная организация ученых в 1921—1923 годах [Петаченко, 2016, с. 36—39]. Член Центрального Совета СНР В. П. Волгин в своем выступлении вскоре после пленума подчеркивал, что его участники со всей определенностью высказались «за необходимость установления докторской степени» [Волгин, 1926, с. 22]. Отметим, что дополнительным аргументом Волгина являлась потребность в определении научной квалификации самих ученых, устраивавших диспуты или стремившихся получить степень в тех республиках, где «ученая степень доктора была установлена» [Там же, с. 22—23].

Одновременно с этой профсоюзной инициативой Наркомпросом был разработан проект декрета и положения об установлении ученой степени. В ходе его движения по инстанциям обнаружилось, что единого мнения по этому вопросу нет ни в среде администраторов от науки, ни в среде ученых. Приложением к этим документам стали тезисы, обосновывающие необходимость введения ученой степени, написанные О. Ю. Шмидтом, который на тот момент занимал ведущие должности в Наркомпросе, Государственном Ученом совете, был членом Центрального Совета СНР. Размышляя о мотивах введения ученой степени доктора, Шмидт сосредоточился на необходимости «создания точного порядка определения повышенной на-

CC BY

учной квалификации» [АРАН, ф. 496, оп. 2, д. 131, л. 1]. Кроме того, сопутствующими мотивами введения докторской степени назывались потребность в унификации ученого звания со странами Запада, а также создание определенных ориентиров для профильных учреждений при привлечении специалистов. Отметим, что, внося предложение о введении степени доктора, авторы проекта старались подчеркнуть его несхожесть с прежней диссертационной системой. Во-первых, предполагалось, что для оценки научной квалификации не потребуется писать специального исследования, «вроде прежних диссертаций», экспертиза будет проводиться по всей совокупности научных произведений соискателя, то есть «предъявляемые требования <…> формально легче выполнимы, чем требования прежней магистерской диссертации» [Там же, л. 1]. Во-вторых, степень доктора не влияла на кадровую политику, ее приобретение не являлось обязательным условием для занятия профессорской должности. Вместе с тем Шмидт считал, что вопрос о присуждении степени доктора должен быть обставлен со всей серьезностью и решаться на публичном диспуте [Там же, л. 1—1 об.].

Стараясь отмежеваться от «прежней» системы научной аттестации, участники обсуждения вопроса об ученых степенях, подбирая аргументы, тем не менее в дискуссии постоянно обращались к дореволюционному опыту. Так, Волгин, считая вопрос о степени доктора принципиально решенным, в своем выступлении сосредоточился на требованиях к уровню квалификации. По идее Центрального бюро СНР, которое он представлял, «квалификация, покрываемая термином “доктор”, должна быть достаточной для занятия профессорской кафедры» [Волгин, 1926, с. 24]. Аспирант же, окончивший обучение и защитивший свою диссертацию, «получает право преподавания в высшей школе как в старое время приватдоцент» (так в тексте выступления. — *Н. А., Н. Г.*) [Там же].

Предоставление докторам возможности руководить кафедрами ставило вопрос о том, может ли профессорскую кафедру занимать ученый без докторской степени. По всей видимости, именно этот аспект обсуждения оказался самым спорным, и принятие окончательного решения о введении степени доктора на фоне имеющихся разногласий приостановилось. Кроме того, на рубеже 1920—1930-х годов начали артикулироваться идеи о создании двухуровневой советской диссертационной системы.

3.2. Формальные требования к диссертации и процедура защиты на соискание ученой степени доктора наук

Законодательное оформление диссертационной системы состоялось в 1934 году, когда было опубликовано постановление «Об ученых степенях и званиях». По нему были установлены степени кандидата и доктора наук.

CC BY

К приобретению ученой степени доктора допускались лица, имевшие степень кандидата наук либо известные своими научными трудами или изобретениями, они должны были публично защитить диссертацию на избранную тему. Определялись и требования к работе: «Диссертация должна обнаружить самостоятельную исследовательскую работу, в результате которой дано решение или теоретическое обобщение научных проблем или научно-обоснованная постановка новых проблем, представляющих значительный научный интерес» [Постановление …, 1934, с. 56]. Отметим, что постановление регулировало и процедуру получения докторской степени без защиты диссертации по совокупности научных трудов.

Инструкция, детализировавшая постановление, разъясняла формальные требования к организации процедуры защиты [АРАН, ф. 425, оп. 1, д. 3, лл. 2—5]. К защите могла быть допущена диссертация, представляемая как в печатной, так и в опубликованной форме в количестве четырех экземпляров. Кроме текста диссертации, соискатель предоставлял развернутые тезисы диссертации, рассылаемые крупнейшим специалистам той области знания, по которой предполагалась защита. Диссертант мог самостоятельно выбирать учреждение для защиты из перечня организаций, которым это право было дано. Предварительное рассмотрение диссертации происходило в специальной комиссии, создаваемой директором учреждения, избранного для защиты. Комиссия включала в себя трех человек: председателя, заведующего сектором / отделом или руководителя кафедры, а также рецензента — специалиста в соответствующей области знания. Рассмотрение диссертации не должно было превышать трех месяцев. Комиссия могла не одобрить диссертацию, о чем в письменном виде сообщалось директору учреждения, а он уже информировал диссертанта. За соискателем оставалось право в течение месяца оспорить решение комиссии в вышестоящей инстанции.

Одобренные диссертации поступали в Совет учреждения, в котором в течение двух месяцев организовывался диспут. Публичность диспута подчеркивалась особо: диспуты проходили «при участии представителей учреждений, Институтов, представителей партийных и общественных организаций, отдельных специалистов данной отрасли и т. д.». Не позднее чем за двадцать дней до дня защиты помещалось объявление о ней в одной из местных или центральных газет с указанием фамилии соискателя, темы диссертации, даты и времени ее защиты, а также оппонентов [Там же, л. 3].

Диспут проходил по рамочному сценарию. Он начинался с выступления диссертанта, в котором обосновывались основные положения исследования. Потом слово брали официальные оппоненты. После чего предоставлялось право выступить всем желающим.

CC BY

После завершения диспута председатель оглашал заключение Совета. Протокол защиты отправлялся в вышестоящую инстанцию для утверждения. Решения по диссертациям в области общественных наук принимались Наркоматами просвещения союзных республик, Академией Наук СССР и Академиями Наук союзных республик, а также Коммунистической академией. По итогам утверждения в ученой степени соискатель получал диплом от соответствующего учреждения.

Сложившаяся формальная процедура защиты диссертации на протяжении 1930-х годов претерпела несколько изменений. В 1937 году основным нормативным актом, определившим процедуру и условия защиты диссертаций, явилось новое Постановление СНК СССР «Об ученых степенях и званиях». [Постановление …, 1937]. Некоторая коррекция содержания постановления 1937 года за счет исключения ряда отмененных норм и расширения списков вузов и учреждений для организации защит диссертаций состоялась в 1938 году [Постановление …, 1938]. В этих постановлениях и сопровождающей инструкции прослеживается курс на «быстрые» и формализованные защиты: меняется количество обязательных экземпляров диссертации и тезисов (три экземпляра вместо четырех), устанавливается срок в два месяца для рассмотрения диссертации вместо трех, введенных ранее, предполагается личная беседа членов комиссии с соискателем для всесторонней оценки материалов его дела, формируется структура диссертационного дела.

В Постановлениях 1937—38 годов новым актором диссертационной системы стала Высшая аттестационная комиссия (далее — ВАК). Учрежденная еще в начале 1930-х годов, именно с этого времени она сосредоточила на себе существенную часть полномочий по аттестации научных работников. В частности, было принято решение «передать в Высшую Аттестационную Комиссию Всесоюзного Комитета по Делам Высшей Школы все дела по присуждению ученых степеней и званий, поступившие после 1 января 1936 года» [Постановление …, 1938].

Подводя итог оценке нормативного контекста диссертационной культуры, отметим, что правила, установленные в вышеназванных актах, во многом следовали нормам дореволюционной диссертационной системы. Полномочия организации защит оставались за советами вузов и академическими институциями. Сохранялась принятая ранее процедура диспута: диссертанты презентовали свои работы во вступительных речах, предоставляли тезисы диссертаций, оппоненты выступали с анализом их содержания, присутствующие могли задавать вопросы и обмениваться мнениями о защищаемом труде. Имеющиеся стенограммы защит диссертаций позволяют констатировать факт, что в довоенный период процедура защиты воспроизводилась по «лекалам» дореволюционных практик. Вместе

CC BY

с тем нельзя утверждать, что постановления 1930-х годов калькировали дореволюционные нормы. В них просматривается свой «советский» стиль. Он выражен и в ускоренных сроках рассмотрения диссертаций и организации диспута, и в постепенной централизации процесса присуждения ученых степеней, начиная со второй половины 1930-х годов, в том числе через ВАК [Корноухова, 2016, с. 18—28].

Кроме того, вводимая в 1930-е годы система в большей степени решала задачу научной аттестации для определения статуса ученого в научной иерархии, нежели становилась проводником научных идей и концепций, получавших через процедуру диспута официальное признание. Этот крен советской диссертационной системы улавливали и современники, опасавшиеся как бы «возрождение ученых степеней не повлекло бы за собой их вырождения в нечто такое, что несовместимо с понятием науки» [Жебелёв, 2002, с. 169]. Это же представление укоренилось и в научных исследованиях, где подчеркивается «в значительной степени имитационный характер» советской системы защиты диссертаций [Козлова, 2001, с. 157]. Вместе с тем подчеркнем, что на протяжении всего анализируемого периода создаваемый институт научной аттестации балансировал между государственными потребностями и ужесточением идеологического контроля, с одной стороны [Парсамов и др., 2014, с. 36], и выполнением возлагаемой на него в любых условиях функции научной экспертизы — с другой. Солидаризируемся с выводом исследователя Е. А. Долговой о том, что «в условиях трансформации научной системы <…> власть считалась и с позициями ученых, и с корпоративными правилами научного сообщества» [Долгова, 2020, с. 366].

Рассмотрим примеры диссертационных диспутов, демонстрировавших сохранение в системе советской научной аттестации принципов научности.

3.3. Докторские диспуты М. Д. Присёлкова и А. И. Андреева

Данные исследователей о присуждении докторской степени в 1930-е годы разнятся. Широко растиражирована информация, что в довоенный период существования диссертационной системы докторская степень была присуждена 2700 ученым, из них к началу 1936 года 1800 человек получили искомую степень без защиты диссертации [Галкин, 1958, с. 151]. В то же время А. Я. Синецкий приводил более скромные цифры: за период с 1934 по 1937 годы докторская степень была присуждена 926 ученым, из них 365 человек стали докторами после защиты диссертации [подсчитано по: Синецкий, 1950, с. 88]. В любом случае можно утверждать, что М. Д. Присёлков и А. И. Андреев вошли в первую волну диссертантов, ставших докторами наук в процессе публичного диспута.

CC BY

В изучаемый период нормой считалась защита докторской диссертации после кандидатской работы или при условии получения ученым звания профессора [Постановление …, 1937. ст. 4, прим. 1]. В частности, в случае с Присёлковым, по всей вероятности, во внимание был принят и факт защиты магистерской диссертации в 1914 году, и получение им статуса профессора [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 1193, лл. 2—3], что создавало ему надежную перспективу для решения поставленной задачи. К тому же на основе вышеуказанного постановления (в приложении № 1) Ленинградский университет был включен в список вузов, советы которых получали право осуществлять защиты диссертаций.

Более сложная ситуация в связи с отсутствием магистерской / кандидатской диссертации была у Андреева. Но и она облегчалась упомянутым примечанием 1 к статье 4, допускавшим защиту докторской работы без наличия кандидатской диссертации, но при условии известности претендента в научной среде «своими учеными трудами, открытиями или изобретениями» [Постановление …, 1937. ст. 4, прим. 1]. Более того, примечание 2 к той же статье давало возможность получить докторскую степень «лицам, известным выдающимися научными трудами, открытиями или изобретениями» «без защиты» [Там же, прим. 2].

Первоначально Андреев предполагал воспользоваться именно этим примечанием, написав в ВАК соответствующую просьбу [СПбФА РАН, ф. 934, оп. 2, д. 6, л. 1.]. По всей вероятности, об этом же ходатайствовал и тогдашний директор Института истории Б. Д. Греков, получивший ответ, в котором сообщалось: «Высшая Аттестационная Комиссия, в порядке исключения, разрешает А. И. Андрееву защищать диссертацию на степень доктора наук без наличия степени кандидата наук» [Там же, л. 1а].

Заметим при этом, что Институт истории АН СССР, где проходила его защита, попал в список научных структур, имевших право организации защит диссертаций, только в 1938 году после принятых дополнений к постановлению об ученых степенях и званиях 1937 года.

Можно заметить, что нормативные документы не предполагали каких-либо дискриминационных мер в отношении претендовавших на получение ученой степени лиц «буржуазного» происхождения, беспартийных либо имевших статус преследуемых по политическим мотивам. В документах Аттестационной комиссии встречаются личные дела ученых, подававших заявления о получении ученых степеней и званий без защиты диссертаций, в которых положительные решения принимались несмотря на их участие в политических процессах и наличие партийных взысканий. Так, к примеру, историк Б. М. Фрейдлин, утвержденный в степени кандидата наук без защиты диссертации, указывал в учетной карточке соискателя, что в 1935 году

CC BY

имел выговор «за неленинскую программу и антипартийную реплику» [АРАН, ф. 425, оп. 2, д. 235]. Документы не дают прямого ответа на вопрос о причинах принятия того или иного решения, впрочем, в случае с Фрейдлиным можно предположить, что решающее значение имели положительные отзывы А. М. Панкратовой и Н. Н. Ванага, приложенные к его ходатайству.

Подчеркнем вместе с тем, что в документах биографического характера, представляемых в советы вузов и научных учреждений для организации защит, факты, связанные с политической дискриминацией, подвергались специфической нейтрализации. В частности, в автобиографии М. Д. Присёлкова годы его ссылки камуфлировались записью: «… В 1928 году, выслужив пенсию, прекратил преподавание и сосредоточил свою работу в музее. К преподавательской работе в Университете вернулся в 1936 году и в настоящее время состоит штатным профессором по кафедре истории СССР» [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 1193, л. 4 об].

А. И. Андреев в автобиографии, написанной в 1936—1937 годах, прямо указывал, что «находился в заключении по конец августа 1931 года и был присужден коллегией ОГПУ по делу Академии Наук (Платонова и др.) к пяти годам ссылки в г. Енисейск (сроком по 24.10.1934)» [АРАН, ф. 411, оп. 6, д. 96, л. 4]. Однако в автобиографии, зачитанной во время диспута, этот момент был сглажен. В публиковавшихся позднее биографических сведениях об А. И. Андрееве период ссылки преподносился в завуалированной стилизации: «С осени 1931 по весну 1935 года А. И. работал в Красноярском крае в различных органах акционерного общества “Комсеверопуть” и “Главсевморпуть” и в Енисейском краеведческом музее, одном из самых старых и довольно богатом музее Сибири» [Яцунский, 1960, с. 6].

Структура диссертационных дел позволяет реконструировать процедуру защиты, которая оказывалась более многоэтапной, чем это было представлено в соответствующих постановлениях и инструкциях. Выступая после защиты перед коллективом института народов Севера, где в то время трудился историк, А. И. Андреев упомянул о ходе диспута: «Защита моей докторской диссертации происходила в обычном порядке: сначала читалась моя автобиография, отзыв, который дал институт народов Севера, а затем слово было предложено мне. Во вступительном слове я кратко постарался обрисовать задачи, которые я себе ставил, когда писал свою книгу, кратко обрисовал то главное, что стояло передо мной» [СПбФА РАН, ф. 934, оп. 2, д. 6, л. 71 об]. Затем шли выступления оппонентов. Наконец, Андреев подытожил: «Защита моей диссертации началась в 6 ч. 30 мин., освободили меня в 10-м часу, а голосование было около 11 часов» и получилось единогласным [Там же, л. 76]. Схожая процедура защиты просматривается в диссертационном деле М. Д. Присёлкова, в котором мы находим автобиографию,

CC BY

названную в дореволюционной традиции «Curriculum vitae», характеристику, подписанную деканом исторического факультета ЛГУ, список научных трудов, тезисы диссертации, отзывы оппонентов, заключение факультета, выписку из протокола совета факультета о присуждении ученой степени, справку о соискателе, подаваемую в ВАК для утверждения в степени, выписку из протокола ВАК о принятии положительного решения в отношении историка, наконец, полный протокол защиты диссертации с выступлениями представителей публики и заключительным словом соискателя [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 1193, 60 л]. Таким образом, формальная процедура диспутов в полной мере соответствовала утвержденным правилам.

Содержательная же сторона презентации и последующего обсуждения докторских диссертаций была сосредоточена на научных результатах и корпоративном микроклимате хода защит. Оба соискателя отдали должное своим университетским учителям, не находившимся в тренде советской историографии. Присёлков прямо признавал себя продолжателем дела Шахматова, который, по сути, стал главным героем тезисов, вынесенных на защиту. В деле исследования отечественного летописания Шахматов решал грандиозную задачу «изучения и анализа всех известных летописных текстов», дав своими трудами «первоклассный материал для опыта построения истории русского летописания, т. е. для трактовки летописных текстов как исторического источника» [Там же, лл. 38об—39]. Задача Присёлкова-ученика состояла в этой самой «трактовке» летописей, при этом он считал «свой опыт далеким от безупречности» [Там же, л. 39].

Образ А. С. Лаппо-Данилевского — учителя Андреева — незримо присутствовал на протяжении всего диспута. С упоминания учебы и первых научных шагов под руководством Лаппо-Данилевского начиналась автобиография соискателя, к методам работы учителя с источниками апеллировали оппоненты диссертации [СПбФА РАН, ф. 934, оп. 2, д. 6, лл. 18, 49, 74]. По всей видимости, во время выступления по итогам диспута на ученом совете Института народов Севера Андрееву было особенно приятно вновь подчеркнуть свое ученичество у Лаппо-Данилевского. Описывая выступление Б. Д. Грекова, одного из экспертов диссертации, он отметил: «Первый период моей научной работы протекал в плане изучения источников по истории СССР на основании тех методов, которым обучал А. С. Лаппо-Данилевский и которые не потеряли своей научной значимости и ценности до настоящего времени» [Там же, лл. 74—74 об]. По сути, в ходе защит происходила определенная реабилитация концепций Шахматова и Лаппо-Данилевского, встраивание их идей в дискурс советского исторического знания, в первую очередь в сфере источниковедения. Так, Б. Д. Греков указывал на «линии» в работе Лаппо-Данилевского с источниками, пригодные

CC BY

«и для нашего времени» [Там же]. Из стенограммы его выступления следует, что именно Греков пытался выделить в наследии Лаппо-Данилевского то, что было приемлемым для советской науки: «А. С. Лаппо-Данилевский считал наиболее приятной стороной его деятельности методологические труды, но жизнь показала, что едва ли эта сторона его деятельности является лучшей стороной его деятельности. Можно сказать так, что его методологические труды уже забыты <…> то, что <…> сейчас ставится на 1-е место, — это его работы по источниковедению» [Там же]. Андреев, по мнению Грекова, стал продолжателем именно этой источниковедческой проблематики, «переводя ее на рельсы уже современной марксистско-ленинской методологии» [СПбФА РАН, ф. 934, оп. 1, д. 480, лл. 16—20об].

В отзыве С. Н. Валка о диссертации Присёлкова содержатся размышления о роли Шахматова для современного уровня развития науки, который «наметил новые задачи в изучении летописного дела» [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 1193, лл. 17—17 об]. Присёлков, по Валку, делает следующий шаг, «требуемый марксистко-ленинской историографией», — «изучает наши летописи в теснейшей связи с общим процессом общественного развития древней Руси» [Там же]. Можно утверждать, что диспуты Присёлкова и Андреева, помимо решения прямой задачи — присуждения ученой степени, стали площадками для серьезной дискуссии о развитии источниковедения как научной дисциплины.

Важной частью диспутов была их публичность. В случае с диссертацией Андреева она выражалась в детальном выступлении о защите на официальном собрании по месту службы. Публичность диспута Присёлкова была выдержана в классической манере. Во-первых, на его защите состоялось выступление представителя публики, которым стал С. А. Жебелёв. Жебелёв не являлся специалистом ни по российской истории, ни по истории летописания. В своем выступлении известный антиковед сосредоточился на самом факте диспута и назвал его «гражданским подвигом» Присёлкова, поскольку тот решился стать доктором при соблюдении всего ритуала защиты: «Я бы сказал, что многие сверстники Михаила Дмитриевича и даже люди моложе его давно уже получили ту степень, <…> получили по разным другим признакам — не по диспуту; по совокупности трудов, и для меня как старого университетского деятеля, чрезвычайно ценно, что сегодня это проходит ritae (по ритуалу. — *Н. А., Н. Г.*), потому что могут быть случаи, что проходят диссертации и всякими незаконными способами — а тут уж с полным правом» [Там же, л. 58 об., «ritae» вписано в стенограмму карандашом]. Обращает на себя ориентация диспута на студенчество. Неоднократная фиксация в стенограмме «бурных аплодисментов» выдает наличие большой аудитории, в том числе — студентов. О студентах говорил в по-

CC BY

здравительной речи Б. Д. Греков, выражая надежду, что учащаяся молодежь будет относиться к Присёлкову так же, как он относится к своему учителю Шахматову. Голос студентов тоже прозвучал на диспуте. С букетом в руках и словами благодарности «от научного студенческого кружка», которым руководил диссертант, выступил «студент тов. Альшиц» [Там же, л. 60]. Стенограмма защиты зафиксировала своеобразную передачу научной эстафеты от дореволюционного поколения ученых-историков к их новой генерации военного и послевоенного времени.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование демонстрирует тот факт, что советская диссертационная культура, основываясь на опыте дореволюционной практики защит диссертаций, приобрела многослойную структуру. Формальная сторона советской диссертационной системы, выраженная в правилах и нормах, закрепленных в соответствующих документах, следовала курсу государства на централизацию и превращение института научной аттестации во главе с ВАК в один из инструментов управления наукой. Вместе с тем содержательное наполнение диспутов, примеры отдельных диссертационных историй позволяют говорить о сохранении идеи «высокой» науки. Как свидетельствует опыт М. Д. Присёлкова и А. И. Андреева, соискатели ученых степеней и участники диспута сосредоточивались на сугубо научной составляющей диссертаций, формальная сторона вопроса (о присуждении искомой степени) оставалась на периферии внимания. Более того, диссертационные диспуты довоенного времени оказывались местом, где ещё имелась возможность реабилитации научных авторитетов дореволюционной науки и обсуждались перспективы развития научного знания.

Современные усилия ученых в рамках проблематики советской диссертационной культуры, концентрируемые на преимущественном изучении нормативной стороны организации защит диссертаций в СССР, требуют одновременного расширения диапазона источниковой основы исследований. Стенограммы защит диссертаций, осуществляемых со второй половины 1930-х годов, содержат богатейший информационный ресурс в сравнении со скромным потенциалом дореволюционных протоколов диспутов. Выявление и исследование этого еще неоцененного документального богатства, соединенного с изучением текстов диссертаций и созданием жизнеописаний их авторов, представляется нам задачей весьма непростой для выполнения, но перспективной. Только таким образом можно уловить смену этапов в развитии изучаемого феномена «диссертационная культура» и соотношение политических посылов власти и научных инноваций со стороны сообщества ученых XX века, транслируемых в пространство науч-

CC BY

ной среды. Как показал многовековой опыт, наполненное созиданием идей и реализацией исследовательской деятельности научное пространство не может существовать вне ученых иерархий. Они выступают организующей и структурирующей основой существования научного мира и сосуществования в нем разных научных традиций. Этим дополнительным аргументом мы объясняем значимость разработок указанных аспектов, объединенных историко-научным ракурсом, задаваемым предлагаемыми подходами к изучению диссертационной культуры XX века.

Источники и принятые сокращения

1. АРАН — *Архив* Российской Академии наук Ф. 425 (Аттестационная комиссия Коммунистической академии ЦИК СССР). Оп. 1. Д. 3. 74 л ; Оп. 2. Д. 235. 11 л. ; Ф. 496 (Шмидт Отто Юльевич). Оп. 2. Д. 131. 2 л.

2. *Волгин В. П.* Об установлении единой ученой степени / В. П. Волгин // Научный работник. — 1926. — № 7—8. — С. 22—30.

3. *Декрет* СНК РСФСР от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учебных и высших учебных заведений Российской республики» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. — Москва : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. — С. 999—1000.

4. *Жебелёв С. А.* Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем / С. А. Жебелёв // Очерки истории отечественной археологии. Сост. А. А. Формозов. Публикация текста и комментарии И. В. Тункиной. — Москва : [б. и.], 2002. — Выпуск III. — С. 146—194.

5. *И. П.* Защита диссертаций тт. Н. Полонской-Василенко, Е. Бор-Раменским и А. Андреевым // Историк-марксист. — 1940. — № 12. — С. 130—140.

6. *Магистерский* диспут М. Д. Присёлкова в С-Петербургском университете // Научный исторический журнал. — 1914. — Т. 2. — Выпуск 1 (3). — С. 303—308.

7. *Постановление* СНК СССР от 13.01.1934 «Об ученых степенях и званиях» // Фронт науки и техники. — 1934. — № 2. — С. 56—57.

8. *Постановление* СНК СССР от 20 марта 1937 г. № 464 «Об ученых степенях и званиях» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. — 21 марта 1937. — № 69.

9. *Постановление* СНК от 26 апреля 1938 г. «Об ученых степенях и званиях» // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР от 15 мая 1938. — № 21.

10. СПбФА РАН — *Санкт-Петербургский* филиал архива Российской Академии наук. Ф. 934 (Андреев Александр Игнатьевич). Оп. 2. Д. 6. 81 л ; Оп. 2. Д. 480. 31 л.

11. ЦГА СПб — *Центральный* государственный архив Санкт-Петербурга. Ф.7240 (Санкт-Петербургский государственный университет). Оп. 12. Д. 1193. 60 л.

Литература

1. *Галкин К. Т.* Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР / К. Т. Галкин. — Москва : Советская наука, 1958. — 176 с.

2. *Гришина Н. В.* Диссертационные диспуты конца 1920-х гг. : становление новых дисциплинарных нормативов (на примере диспутов Н. М. Дружинина и А. И. Неусыхина / Н. В. Гришина // Харківський історіографічний збірник. — 2014. — № 13. — С. 50—59.

3. *Гришина Н. В.* «… Диспут был реальным фактом и в реальной обстановке» : контуры диссертационной системы в 1920-е гг. / Н. В. Гришина // Диссертация по исто-

рии в контексте российской научной культуры XIX — середины XX вв. : опыт и перспективы изучения : сборник статей по итогам межрегионального научного семинара (вебинара), 18 ноября 2016 г. / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной. — Челябинск : Энциклопедия, 2016. — С. 88—98.

4. *Демина Н. В.* Институционализация в сообществе ученых : защита кандидатской диссертации как обряд перехода / Н. В. Демина // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2005. — Том VIII. — № 1. — С. 97—112.

5. *Долгова Е. А*. Рождение советской науки : ученые в 1920—1930-е гг. / Е. А. Долгова. — Москва : РГГУ, 2020. — 469 с. — ISBN 978-5-7281-2874-8.

6. *Козлова Л. А.* «Без защиты диссертации…» : статусная организация общественных наук в СССР, 1933—1935 годы / Л. А. Козлова // Социологический журнал. — 2001. — № 2. — С. 145—159.

7. *Корноухова Г. Г.* Деятельность Высшей аттестационной комиссии в довоенный период сталинизма / Г. Г. Корноухова // Вестник Томского государственного университета. — История. — 2016. — № 6 (44). — С. 18—28. — DOI: 10.17223/19988613/44/3.

8. *Лурье Я. С.* Предисловие / Я. С. Лурье // М. Д. Присёлков. История Русского летописания XI—XV вв. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1996. — С. 5—29.

9. *Мамонтова М. А.* Трансформация нормативной стороны «диссертационной культуры» в СССР в 1930—1970-е гг. / М. А. Мамонтова, Е. Ю. Соганова // Мир историка : историографический сборник / отв. ред. В. П. Корзун, С. П. Бычков. — Омск : Издательство Омского государственного университета, 2014. — Выпуск 9. — С. 146—175.

10. *Парсамов В. С.* ВАК и проблемы научной аттестации в СССР в 1930-е годы. Итоги и перспективы изучения : препринт WP6/2014/04 / В. С. Парсамов, А. В. Шалаева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. — (Серия WP6 «Гуманитарные исследования»). — 40 с.

11. *Петаченко Г. В.* Профессиональные объединения научных работников в советской России (1918—1928 гг.) / Г. В. Петаченко // Вышэйшая школа : навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. — 2016. — № 4. — С. 36—39.

12. *Цеховой Н. П.* Организационно-правовое оформление системы советской аспирантуры : основные этапы и особенности / Н. П. Цеховой // Вестник Томского государственного университета. — История. — 2012. — № 362. — С. 111—115.

13. *Яцунский В. К.* Краткий очерк жизни и научной деятельности / В. К. Яцунский // Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва-Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1960. — Выпуск I : XVII век. — С. 3—15.

Material resources

Archive of the Russian Academy of Sciences F. 425 (Attestation Commission of the Communist Academy of the CEC of the USSR). Op. 1. D. 3. 74 l.; Op. 2. D. 235. 11 l.; F. 496 (Schmidt Otto Yulievich). Op. 2. d. 131. 2 l. (In Russ.).

Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of October 1, 1918 "On some changes in the composition and structure of state educational and higher educational institutions of the Russian Republic". In: *Collection of legalizations and government orders for 1917—1918.* (1942). Moscow: Administration of Affairs of the USSR Council of People's Commissars. 999—1000. (In Russ.).

I. P. (1940). Defense of dissertations by T. N. Polonskaya-Vasilenko, E. Borramensky and A. Andreev. *Historian-Marxist, 12:* 130—140. (In Russ.).

Master's Dispute M. D. Priselkova at St. Petersburg University. (1914). *Scientific Historical Journal, 2 / 1 (3):* 303—308. (In Russ.).

Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of 13.01.1934 "On academic degrees and titles". (1934). *Front of Science and Technology, 2:* 56—57. (In Russ.).

Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of March 20, 1937, № 464 "On academic degrees and titles". (1937). In: *Bulletin of the CEC of the USSR and the Central Executive Committee. March 21, 69.* (In Russ.).

Resolution of the Council of People's Commissars of April 26, 1938 "On academic degrees and titles". (1938). In: *Collection of Resolutions and orders of the Government of the USSR of May 15, 21.* (In Russ.).

St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. F. 934 (Andreev Alexander Ignatievich). Op. 2. d. 6. 81 l; Op. 2. d. 480. 31 l. (In Russ.).

The Central State Archive of St. Petersburg, St. Petersburg — Central State Archive. F. 7240 (St. Petersburg State University). Op. 12. d. 1193. 60 l. (In Russ.).

Volgin, V. P. (1926). On the establishment of a unified academic degree. *Researcher, 7—8:* 22—30. (In Russ.).

Zhebelev, S. A. (2002). Academic degrees in their past, their revival in the present and the imminent danger of their degeneration in the future. In: *Essays on the history of Russian archeology, III.* Moscow: [b. i.]. 146—194. (In Russ.).

References

Demina, N. V. (2005). Institutionalization in the community of scientists: defense of a PhD thesis as a rite of passage. *Journal of Sociology and Social Anthropology, VIII (1):* 97—112. (In Russ.).

Dolgova, E. A. (2020). *The Birth of Soviet science: scientists in the 1920s—1930s.* Moscow: RSUH. 469 p. ISBN 978-5-7281-2874-8. (In Russ.).

Galkin, K. T. (1958). *Higher education and training of scientific personnel in the USSR.* Moscow: Sovetskaya nauka. 176 p. (In Russ.).

Grishina, N. V. (2014). Dissertation disputes of the late 1920s: the formation of new disciplinary standards (on the example of the disputes of N. M. Druzhinin and A. I. Neusykhin. *Harkivsky istoriografichny zbirnik, 13:* 50—59. (In Russ.).

Grishina, N. V. (2016). "... The dispute was a real fact and in a real situation": contours of the dissertation system in the 1920s. In: *Dissertation on history in the context of Russian scientific culture of the XIX — mid-XX centuries: experience and prospects of study: collection of articles on the results of the interregional scientific seminar (webinar), November 18, 2016.* Chelyabinsk: Encyclopedia. 88—98. (In Russ.).

Kornoukhova, G. G. (2016). Activity of the Higher Attestation Commission in the pre-war period of Stalinism. *Bulletin of Tomsk State University. History, 6 (44):* 18—28. DOI: 10.17223/19988613/44/3. (In Russ.).

Kozlova, L. A. (2001). "Without defending a dissertation ...": status organization of social sciences in the USSR, 1933—1935. *Sociological Journal, 2:* 145—159. (In Russ.).

Lurie, Ya. S. (1996). Preface. In: *M. D. Priselkov. The history of the Russian chronicle of the XI—XV centuries.* St. Petersburg: [b. i.]. 5—29. (In Russ.).

Mamontova, M. A., Soganova, E. Y. (2014). Transformation of the normative side of "dissertation culture" in the USSR in the 1930s—1970s. In: *The world of the historian: a historiographical collection, 9.* Omsk: Omsk State University Publishing House. 146—175. (In Russ.).

CC BY

Parsamov, V. S., Shalaeva, A. V. (2014). *VAK and the problems of scientific certification in the USSR in the 1930s. Results and prospects of the study: preprint WP6/2014/04.* Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (WP6 series "Humanitarian Studies"). 40 p. (In Russ.).

Petachenko, G. V. (2016). Professional associations of scientists in Soviet Russia (1918—1928). *Higher school: navukova-metadychny i publitsystychny chasopis, 4:* 36—39. (In Russ.).

Tsekhovoy, N. P. (2012). Organizational and legal design of the Soviet postgraduate school system: the main stages and features. *Bulletin of Tomsk State University. History, 362:* 111—115. (In Russ.).

Yatsunsky, V. K. (1960). A brief sketch of life and scientific activity. In: *Andreev A. I. Essays on the source studies of Siberia. XVII century, 1: XVII century.* Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 3—15. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 19.12.2021,
одобрена после рецензирования 18.01.2022,
подготовлена к публикации 23.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Баканов С. А. Формы и практики межбюджетных отношений в СССР в 1950-е — первой половине 1960-х годов / С. А. Баканов, И. А. Медведев, Н. Ю. Пивоваров // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 355—375. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-355-375.

Bakanov, S. A., Medvedev, I. A., Pivovarov, N. Yu. (2022). Forms and Practices of Interbudgetary Relations in USSR in 1950s — First Half of 1960s. *Nauchnyi dialog, 11(3):* 355-375. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-355-375. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-355-375

Формы и практики межбюджетных отношений в СССР в 1950-е — первой половине 1960-х годов

Баканов Сергей Алексеевич [1]
orcid.org/0000-0002-0746-8912
доктор исторических наук
bakanov-s@mail.ru

Медведев Иван Алексеевич [2]
orcid.org/0000-0002-2430-0206
аспирант
ivan1998medvedev@gmail.com

Пивоваров Никита Юрьевич [3, 4]
orcid.org/0000-0002-5225-7524
кандидат исторических наук, доцент
старший научный сотрудник
pivovarov.hist@gmail.com

[1] Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)
[2] Южно-Уральский
государственный университет
(Челябинск, Россия)
[3] Первый Московский государственный
медицинский университет им. И. М. Сеченова
(Сеченовский университет)
(Москва, Россия)
[4] Институт всеобщей истории
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
РФФИ проект № 20-09-00175

Forms and Practices of Interbudgetary Relations in USSR in 1950s — First Half of 1960s

Sergey A. Bakanov [1]
orcid.org/0000-0002-0746-8912
Doctor of History
bakanov-s@mail.ru

Ivan A. Medvedev [2]
orcid.org/0000-0002-2430-0206
Postgraduate student
ivan1998medvedev@gmail.com

Nikita Yu. Pivovarov [3, 4]
orcid.org/0000-0002-5225-7524
PhD in History, Associate Professor
pivovarov.hist@gmail.com

[1] Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia)
[2] South Ural State University
(Chelyabinsk, Russia)
[3] I. M. Sechenov First Moscow State Medical
University of the Ministry of Healthcare
of the Russian Federation
(Sechenovskiy University)
(Moscow, Russia)
[4] Institute of World History
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Foundation for Basic Research
project number 20-09-00175

© Баканов С. А., Медведев И. А., Пивоваров Н. Ю., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются формы и практики межбюджетных отношений в СССР в 1950-х — начале 1960-х годов. Отмечается, что термин межбюджетные отношения в своем расширительном толковании может быть использован для описания процессов, происходивших в бюджетной системе СССР. Уточняется, что под межбюджетными отношениями в рассматриваемый период следует понимать отношения между уровнями единой бюджетной системы Советского Союза, а не отношения между равноправными субъектами, как это трактуется в современной научной литературе. В качестве источников были привлечены делопроизводственные материалы организаций, учреждений и ведомств, участвующих на разных уровнях в регулировании межбюджетных отношений. Показано, что межбюджетные отношения осуществлялись в нескольких вариантах: 1) формирование регулирующей части доходов нижестоящих бюджетов из отчислений от налогов и доходов, поступающих в вышестоящие бюджеты; 2) осуществление межбюджетных трансфертов в виде дотаций, субсидий и субвенций; 3) реализация механизма урегулирования бюджетных разногласий. Авторы приходят к выводу, что каждая из этих форм отношений способствовала достижению баланса между доходами отдельных уровней бюджетной системы и закрепленными за ними расходными обязательствами.

Ключевые слова:
советская бюджетная система; межбюджетные отношения в СССР; бюджетное регулирование в СССР; межбюджетные трансферты; бюджетные разногласия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The forms and practices of interbudgetary relations in the USSR in the 1950s and early 1960s are considered. It is noted that the term interbudgetary relations in its broad interpretation can be used to describe the processes that took place in the budgetary system of the USSR. But, with one amendment: interbudgetary relations in the period under review should be understood as relations between the levels of the unified budgetary system of the Soviet Union, and not relations between equal subjects, as is interpreted in modern scientific literature. Record keeping materials of organizations, institutions and departments involved at different levels in the regulation of interbudgetary relations were used as sources. It is shown that interbudgetary relations took place in several forms: 1) the formation of th regulatory part of the revenues of lower budgets from tax deductions and revenues received by higher budgets; 2) implementation of interbudgetary transfers in the form of grants, subsidies and subventions; 3) implementation of the mechanism for settling budget disagreements. The authors come to the conclusion that each of these forms contributed to the achievement of a balance between the incomes of individual levels of the budget system and the expenditure obligations assigned to them.

Key words:
Soviet budget system; interbudgetary relations in the USSR; budgetary regulation in the USSR; intergovernmental transfers; budget disagreements.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(47).084.8/.9+336.14(47)“195/196”

Формы и практики межбюджетных отношений в СССР в 1950-е — первой половине 1960-х годов

© Баканов С. А., Медведев И. А., Пивоваров Н. Ю., 2022

1. Введение = Introduction

Советская бюджетная система начала формироваться с 1921 года, когда произошло выделение губернских, уездных и других местных бюджетов из общегосударственного бюджета. В 1926—1927 годах эта система была дополнена положениями о местных и республиканских финансах. С этого момента у отдельных субъектов Союза появились особые бюджетные права. Проведенная в начале 1930-х годов налоговая реформа видоизменила взаимоотношения между бюджетами разных уровней: района, города, области или края, союзной республики и, наконец, СССР. Она создала механизм отчислений от общегосударственных налогов, которые передавались из вышестоящих уровней бюджетов в нижестоящие. При этом в 1930-е — начале 1950-х годов, то есть в сталинский период, степень централизации финансов в СССР была очень высокой: через союзный бюджет производилось более трех четвертей всех государственных расходов, соответственно, на долю субъектов Союза и местных бюджетов приходилось менее одной четверти.

После смерти И. В. Сталина новое «коллективное» руководство попыталось провести определенную децентрализацию управления народным хозяйством. Важнейшими шагами на этом пути стали ликвидация общесоюзных отраслевых министерств, создание системы совнархозов, реформирование Госплана. Частью данной экономической политики была и децентрализация финансов, проявившаяся в передаче дополнительных бюджетных прав на уровень союзных республик и местных советов. В 1956 году решением Президиума ЦК была образована комиссия во главе с Н. А. Булганиным по разработке нового бюджетного законодательства. Результатом ее работы стало принятие Закона СССР от 30 октября 1959 года «О бюджетных правах Союза ССР и союзных республик» и Закона РСФСР от 16.12.1961 «О бюджетных правах Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, автономных советских социалистических республик и местных Советов народных депутатов РСФСР» [О бюджетных правах Союза …, 1959; О бюджетных правах Российской …, 1961]. Особое внимание в законах уделялось доходам, полученным в результате исполнения бюджетов, которые оставались в распоряжении республик и направлялись на финансирование народного хозяйства и социально-куль-

CC BY

турных мероприятий. В сопроводительной записке к финальному проекту первый заместитель министра финансов В. Ф. Гарбузов — основной автор текстов новых законов — писал, что подобный акцент на доходной части должен был повысить «заинтересованность союзных республик в мобилизации внутренних ресурсов хозяйства» [РГАНИ, ф. 3, оп. 12, д. 986, л. 45].

В 1965 году новая хозяйственная реформа вернула управление хозяйством СССР к отраслевому принципу, что для сферы финансов привело к новому сдвигу в сторону централизации. Однако полученные на рубеже 1950-х — 1960-х годов нижними уровнями бюджетной системы бюджетные права пересмотрены не были. Кроме того, именно в 1950-е — первой половине 1960-х годов были созданы и законодательно оформлены основные формы взаимоотношений между уровнями советской бюджетной системы и выработаны важнейшие практики этих отношений. Все это делает данный период крайне важным для понимания механизмов функционирования советских финансов в эти и последующие десятилетия. Таким образом, цель данной статьи состоит в выявлении, описании и анализе форм и практик межбюджетных отношений в СССР в 1950-е — начале 1960-х годов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Бюджетный кодекс Российской Федерации дает такую дефиницию понятию *межбюджетные отношения*: «это взаимоотношения между публично-правовыми образованиями по вопросам регулирования бюджетных правоотношений, организации и осуществления бюджетного процесса» [БК РФ]. Между тем в современной научной литературе это понятие еще остается довольно дискуссионным из-за своей недостаточной, по мнению исследователей, детализации [Евстафьева, 2013, с. 38—43; Чуева, 2020, с. 211—214]. Большинство авторов, представляющих экономическую науку, начальным этапом становления межбюджетных отношений в России называет 1991 год, когда был принят закон «Об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в РСФСР» [Развитие бюджетной системы … 2018, с. 28—31; Болтинова, 2015, с. 7482.]. Тем самым они противопоставляют современную и советскую бюджетные системы как основанные на разных принципах структуры. Отчасти это объясняется тем, что в современных социальных науках получила распространение концепция бюджетного федерализма, требующая, чтобы все субъекты межбюджетных отношений обладали четко определенными, а желательно и равными правами в данной сфере [Бюджетный федерализм в России …, 2001]. Советская же бюджетная система базировалась на другом принципе, в основу которого был положен демократический централизм, предполагавший, что все уровни бюджетной системы не являются самостоятельными субъек-

CC BY

тами, но выступают в качестве структурных элементов единого государственного бюджета.

К сожалению, в современной исторической науке исследований взаимоотношений между бюджетами разных уровней применительно к истории СССР не проводилось. Но некоторые сюжеты были разработаны представителями экономической науки. Так, проблема приоритетов государственной бюджетной политики в период индустриальных преобразований оказалась в центре внимания И. В. Караваевой и В. А. Мальцева [Караваева и др., 2005, С. 67—75.]. Отдельные вопросы функционирования местных бюджетов в СССР раскрыл в своей диссертации по экономике И. В. Архипкин, который одним из первых указал на то, что в СССР была создана «система межбюджетных отношений, организованная по принципу вертикальной административной подчиненности» [Архипкин, 2008, с. 42]. Авторы настоящего исследования исходят из того, что применительно к советским реалиям термин *межбюджетные отношения* вполне может быть приложим, однако он должен пониматься не как отношения между бюджетами равноправных публично-правовых субъектов, а как отношения между уровнями единой бюджетной системы СССР, представленными своими публично-правовыми образованиями: союзными республиками, регионами, городами и т. д.

Основными историческими источниками для данной статьи стали делопроизводственные материалы организаций, учреждений и ведомств, участвующих на разных уровнях в регулировании межбюджетных отношений. На союзном уровне привлечены доклады Министерства финансов СССР Президиуму ЦК КПСС, отложившиеся в фонде 3 Российского государственного архива новейшей истории. На республиканском уровне рассматриваются документы бюджетных комиссий Верховного Совета РСФСР из фонда А-385 и документы Министерства финансов РСФСР из фонда А-411 Государственного архива Российской Федерации. На региональном уровне использовались материалы Челябинского областного финансового отдела, хранящиеся в фонде Р-1029 Объединенного государственного архива Челябинской области. Кроме того, для осуществления отдельных вычислений использовались данные статистического сборника «Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик», изданного в 1966 году и охватывающего весь рассматриваемый в статье период [ГБ, 1966].

Важнейшей теоретической рамкой данной работы стал институциональный подход, разработанный в трудах Д. Норта и хорошо зарекомендовавший себя в историко-экономических исследованиях. Также использовались такие частные методики данного подхода, как атрибутивный и функциональный виды анализа, позволяющие изучать отдельные элементы общественных институтов в их исторической динамике, выявлять формы и практики, ха-

CC BY

рактерные для конкретной сферы. Для расчета отдельных показателей применялись методы дескриптивной статистики и анализа динамических рядов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Закрепленные и регулирующие доходы советской бюджетной системы 1950-х — 1960-х годов

В соответствии с бюджетным законодательством отдельные виды доходов государственного бюджета СССР закреплялись за разными уровнями бюджетной системы. Так, в союзный бюджет включались следующие виды поступлений: налог с оборота, платежи из прибыли государственных предприятий и хозяйственных организаций союзного подчинения, налоги с населения, доходы от внешней торговли, отчисления от поступлений по реализации государственных внутренних выигрышных займов, другие доходы, предусмотренные законодательством СССР. В бюджеты союзных республик и местные бюджеты поступали платежи из прибыли государственных предприятий и хозяйственных организаций республиканского и местного подчинения, лесной доход, подоходный налог с колхозов, а также подоходный налог с кооперативных и других общественных организаций, уплачиваемый их республиканскими и местными органами и подчиненными им предприятиями и организациями; сельскохозяйственный налог, государственная пошлина, налог с доходов от демонстрации кинофильмов, местные налоги и другие доходы, установленные республиканским законодательством [О бюджетных правах …, 1961]. Все эти виды доходов относились к категории закрепленных (полностью или в твердо фиксированной доле на постоянной основе поступающих в соответствующий бюджет).

Помимо доходов, за разными уровнями системы закреплялись и отдельные направления расходов. Однако расходы, которые поручались республиканским и местным бюджетам, существенно превосходили их финансовые возможности. Поэтому для поддержания баланса доходов и расходов на нижестоящих уровнях бюджетной системы требовалось регулирование. Функции регулятора были возложены на Министерство финансов СССР, которое ежегодно готовило на утверждение Верховного Совета предложения по процентам отчислений от государственных налогов и доходов, передаваемых в порядке регулирования в бюджеты союзных республик и в местные бюджеты. Так формировалась категория регулирующих доходов. Ее составляли отчисления от налога с оборота, отчисления от государственных налогов с населения, отчисления от государственных займов (действовали до 1957 года) и другие доходы.

Ведущую роль в советской бюджетной системе играл налог с оборота государственных предприятий и хозяйственных организаций. Его доля

CC BY

в доходах государственного бюджета СССР в начале 1950-х годов достигала 50—55 %. Далее, в середине 1950-х — начале 1960-х годов, за счет роста других доходных статей его доля несколько снизилась, но все равно оставалась весьма значительной: от 38 до 43 % от всех доходов государственного бюджета. Для республиканских бюджетов отчисления от данного налога составляли в среднем около 24 % всех доходов, но в отдельные годы (как, например, в 1954 году) они могли достигать и 40 %. При этом отчисления от налога с оборота для отдельных республик были неодинаковы и зависели от заданий их народнохозяйственных планов.

Таблица 1

Проценты отчислений от государственного налога
с оборота в бюджеты союзных республик

Республика	**Отчисления по годам, %**			
	1956	**1957**	**1958**	**1960**
РСФСР	3,4	9,5	31,3	24,6
Украинская ССР	17,8	36,6	39,9	27,6
Белорусская ССР	21,4	46,4	54,3	44,1
Молдавская ССР	19	27,4	23,6	21,6
Грузинская ССР	16,3	31,9	55,4	63,3
Армянская ССР	25,8	42,8	70,1	58,7
Азербайджанская ССР	23	29,2	60,2	58,8
Казахская ССР	51,1	74	100	100
Узбекская ССР	13,8	24,4	34	47,7
Туркменская ССР	33,7	49,7	81,1	99,4
Киргизская ССР	35,9	43,6	77	93
Таджикская ССР	44,9	51,8	63,7	79,7
Эстонская ССР	23,2	41,3	52,2	50,7
Латвийская ССР	3,5	15,9	28,8	11,1
Литовская ССР	35,5	52,1	76,5	61,5
Карело-Финская ССР	66,9	упразднена		

Рассчитано по [РГАНИ, ф. 3, оп. 39, д. 62, л. 6; д. 63, лл. 5—6; д. 64, л. 49; д. 70, л. 46].

В таблице 1 представлено как менялся процент отчислений от данного налога в разные годы. Из нее видно, что до 1958 года наблюдается поступательный рост отчислений практически по всем республикам, кроме Молдавии, а затем динамика становится разнонаправленной, когда у части республик процент отчислений сокращается, а у части продолжает расти. Обращает на себя внимание тот факт, что до 1958 года РСФСР получала значительно

CC BY

меньше отчислений по данному налогу по сравнению с другими республиками. По мнению авторов настоящей статьи, это объясняется не какими-то дискриминационными мерами в отношении России, а тем, что на ее территории располагалось большее по сравнению с соседями количество промышленных предприятий, чьи отчисления от прибыли позволяли уменьшить потребность в регулирующих доходах. Также выбиваются из общего ряда проценты отчислений по Казахской ССР. Полное оставление налога с оборота в ее распоряжении в рассматриваемый период было вызвано запланированными инвестициями в развитие народного хозяйства этой республики.

Помимо части налога с оборота, в бюджеты республик передавались отчисления и от других доходов. Так, например, на 1956 год были установлены отчисления от общесоюзных государственных налогов и доходов в государственные бюджеты союзных республик в следующих размерах: от поступлений по подоходному налогу с населения — 25 %, по налогу на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, от лесного дохода, от сумм государственного займа — 40%, от поступлений по сельскохозяйственному налогу — 75 % [РГАНИ, ф. 3, оп. 39, д. 62, л. 5.]. От поступлений по подоходному налогу с колхозов всем республикам полагалось 40%, кроме Узбекской и Таджикской ССР, у которых было 25 %, и Туркменской ССР, где было 80 %. От доходов МТС республики получали от 10 до 25 % [Там же].

В 1959—1961 годах в советском бюджетном законодательстве были определены твердые проценты отчислений от подоходного налога с населения и от государственных выигрышных займов в пользу республик (они теперь составляли 50 % от своего общего контингента). Кроме того, республиканским Советам Министров было дано право самим определять размер собственных оборотных средств, а также разрешалось создавать резервные фонды и даже пополнять их сверх нормативов за счет превышения доходов над расходами, образовавшегося в процессе исполнения государственных бюджетов.

На уровне взаимоотношений местных бюджетов с республиканскими действовали те же принципы. В структуре региональных бюджетов удельный вес закрепленных доходов для регионов РСФСР в 1950 году находился в диапазоне от 14 % (Тюменская область) до 68,9 % (Куйбышевская область) со средним значением 26,6 % [Рассчитано по: ГАРФ, ф. 411, оп. 2, д. 1407, л. 228—229]. Для крупных городов РСФСР действовала несколько иная пропорция. Здесь в среднем закрепленные доходы давали уже 64 %, в частности, у Москвы и Свердловска этот показатель был на уровне 67 %, у Ленинграда — 56,5 %. Самым высоким он был у Горького — 93 %, а самым низким у Севастополя — 18 % [Там же]. Разница в обеспеченности закрепленными доходами регионов и крупных городов объясняется тем, что именно города концентрировали на своей территории промышленные

CC BY

предприятия, чьи отчисления от прибыли снижали потребность городских бюджетов в регулирующей части. В дальнейшем за счет упомянутых изменений в законодательстве доля закрепленных за местными бюджетами доходов несколько увеличится, но сохранятся существенные разрывы в обеспеченности отдельных территорий собственными средствами. Даже ко второй половине 1960-х годов при подросшем среднем значении в 29,7 % Москва была обеспечена закрепленными доходами на 70 %, Ленинград — на 46 %, Архангельская область — на 93 %. Для сравнения: Бурятия, Дагестан, Карелия, Иркутская, Тюменская и Сахалинская области имели всего 12—13 % закрепленных доходов, а Коми АССР и Мурманская область вообще только 5—6 % [ГАРФ, ф. 411, оп. 5, д. 63, лл. 83—84].

Здесь следует заметить, что во второй половине 1950-х годов происходит некоторое перераспределение бюджетных прав в пользу союзных республик и местных бюджетов. Значительную роль в этом процессе сыграла хозяйственная реформа 1957 года, передавшая в республиканское подчинение большую часть бывшей союзной промышленности. Так, на 1957 год бюджеты союзных республик предусматривались в размере 193,3 млрд руб. По сравнению с 1956 годом общий их объем возрастал на 11 %, а по сравнению с 1950 — в два раза. Такой рост бюджетов союзных республик само Министерство финансов СССР связывало с «проводимыми Коммунистической партией и Правительством мероприятиями по устранению чрезмерной централизации управления хозяйством и значительному расширению круга вопросов в области хозяйственного, культурного строительства и финансов, которые должны решать Советы Министров союзных республик» [РГАНИ, ф. 3, оп. 39, д. 63, л. 98]. Из общей суммы доходов бюджета поступления за счет собственных источников республик составили 80,4 млрд руб. (41 % от всех их доходов) и за счет передаваемой им части общегосударственных доходов — 90,2 млрд руб. (46%). Кроме того, в бюджеты республик было передано 22,7 млрд руб. из средств государственного социального страхования на выплату пенсий неработающим пенсионерам [Там же, л. 99]. Децентрализация бюджетной системы, начатая в середине 1950-х годов и являющаяся частью общей децентрализаторской политики постсталинского руководства, осуществлялась вплоть до нового витка хозяйственных реформ, пришедшегося на середину 1960-х годов, когда пропорции между союзным и республиканскими бюджетами были вновь изменены не в пользу последних.

3.2. Межбюджетные трансферты из союзного и республиканского бюджетов

Современное бюджетное законодательство выделяет четыре основных вида межбюджетных трансфертов: субсидии, дотации, субвенции и транс-

CC BY

ферты бюджетам из государственных внебюджетных фондов. Последний вид трансфертов не был характерен для советской бюджетной системы, так как после передачи в конце 1930-х годов бюджета социального страхования в структуру государственного бюджета в СССР не осталось внебюджетных фондов, участвующих в межбюджетных отношениях. Остальные же виды существовали и активно использовались в советской практике бюджетного регулирования.

Так, в первой половине 1960-х годов в порядке субсидии (то есть выделения средств на определенную цель) из союзного бюджета в республиканский бюджет Казахской ССР на нужды развития отдельных отраслей хозяйства, имеющих общесоюзное значение, были переданы средства в следующем объеме: 1960 год — 509 млн руб., 1961 — 931,6 млн руб., 1962 — 1030 млн руб., 1963 — 1036,3 млн руб., 1964 — 1237,4 млн руб., 1965 — 1086,1 млн руб. В отдельные годы этого периода субсидии получали также Туркменская и Армянская ССР, но в существенно меньших размерах. Всего за 1960—1965 годы суммарный объем субсидий этим трем республикам достиг 6,2 млрд руб. (в масштабе цен 1961 года) [Рассчитано по: ГБ, 1966, с. 7].

Из республиканских в местные бюджеты также осуществлялись субсидии. В масштабах СССР их размер в 1950 году составил 203 млн руб. (в ценах 1961 года), к 1955 году он вырос до 458,6 млн руб., к 1960 — превысил 2 млрд руб. А за следующие пять лет суммарный объем этих субсидий достиг 13,6 млрд руб. Если подсчитать, какую долю составляли средства субсидии в доходной части местных бюджетов, то получится, что в первой половине 1950-х годов они давали от 3 до 5 % региональных доходов, а во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов — уже 12—13 % [Там же, с. 95].

До 1960 года существовали выплаты из союзного бюджета в бюджеты союзных республик за выполнение и перевыполнению планов добычи нефти, горючих сланцев, шерсти и хлопка-сырца, которые стимулировали республики к росту производства данных продуктов. Например, в 1958 году выплаты составили 275 млн руб. в текущих ценах. Но после создания совнархозов и передачи большей части промышленности в республиканское подчинение они потеряли свой смысл.

Дотации из государственного бюджета предоставлялись на безвозмездной и безвозвратной основе и, как правило, направлялись на покрытие убытков или на нехватки собственных оборотных средств отраслям народного хозяйства и нижестоящим бюджетам. Важнейшим получателем бюджетных дотаций являлось народное хозяйство, что было вызвано особенностями распределения и использования прибыли в советской экономике. Так, например, план прибылей всей союзной промышленности на 1956 год определялся в сумме 144,5 млрд руб. (в текущих ценах), из которых 72,9 % направлялись

CC BY

в доход государственного бюджета. При этом тяжелая промышленность должна была отдать в бюджет 52,6 % своей прибыли, промышленность, производящая товары народного потребления — 82,3 %, сельское хозяйство — 35,9 %, транспорт и связь — 85,4 %, торговля и заготовки — 86,6 %. Остальная часть прибылей оставлялась в распоряжении предприятий и хозяйственных организаций на покрытие их плановых затрат, прирост нормативов собственных средств, финансирование капитальных вложений, образование фонда предприятия и др. [РГАНИ, ф. 3, оп. 39, д. 60, л. 101]. В то же время из общей суммы затрат тяжелой промышленности бюджетными ассигнованиями покрывались 62,2 %, прибылью — 14,6 %, другими собственными средствами хозяйства — 23,2 %. В отраслях, производящих товары широкого потребления, затраты покрывались за счет бюджета на 36 %, прибыли — 28,7 %, другими собственными средствами — 35,3% [Там же, с. 102].

После учреждения совнархозов предприятия союзного значения, находящиеся в их ведении, перечисляли прибыль в союзный бюджет. Но часть этих средств возвращалась в республиканские бюджеты в качестве прибыли, направляемой на расширение республиканской и местной промышленности сверх утвержденных планов капитальных работ, включая затраты на прирост нормативов собственных оборотных средств, погашение ссуд банков и другие цели. Всего около 5,2 млрд руб. (в текущих ценах) [Там же, д. 70, л. 61].

Таким образом, нормальное функционирование предприятий и тем более развитие их производственной базы зависело от способности этих предприятий приносить прибыль, особенно в отраслях, производящих товары потребления. Объем же плановой прибыли зависел от рентабельности производства, которая в свою очередь зависела от назначенной государством цены товара. Между тем значительная часть предприятий и даже целые отрасли вместо прибыли приносили убытки. Так, по итогам 1954 года часть предприятий союзной промышленности понесла убытки на 21 млрд руб. (в текущих ценах). Наиболее крупные убытки по отдельным предприятиям имели следующие сферы: Минлеспром — 3,6 млрд руб.; Минцветмет — 3,4 млрд руб.; Минуглепром — 3,2 млрд руб.; Минчермет — 2,3 млрд руб. и др. Удельный вес убыточных предприятий в общем составе промышленности по состоянию на 1 июля 1955 года составлял 32,5 %, а по отдельным министерствам доля убыточных предприятий достигала значительных показателей: Минцветмет — 55,8 %, Минрыбпром — 54,4 %, Минуглепром — 52,6 %, Министерство строительства предприятий металлургической и химической промышленности — 48 %, Министерство бумажной и деревообрабатывающей промышленности — 33,6 %, Минчермет — 28,6 % [РГАНИ, ф. 3, оп. 39, д. 60, лл. 102—103]. В последующие четыре года динамика численности убыточных предприятий в экономике СССР была следующей:

CC BY

в 1956 году — 7386 (29%); 1957 — 6240 (26 %); 1958 — 5572 (23 %); 1959 — 5158 (20,7 %) [Там же, д. 71, л. 47]. Эти убытки покрывались прибылями рентабельно работающих предприятий в форме бюджетных дотаций.

Существовали дотации и для местных бюджетов. В 1950 году на эти цели из республиканских бюджетов было направлено 78,9 млн руб. (в масштабе цен 1961 года), 1955 — 58,5 млн руб., 1960 — 173,6 млн руб. В 1962—1965 годах объем дотаций региональным бюджетам существенно вырос и находился в диапазоне от 511 млн до 598 млн руб. в год [Рассчитано по: ГБ, 1966, с. 95]. Тем не менее в отличие от субсидий дотации не играли заметной роли в региональных бюджетах, принося им в среднем от 1 до 2 % доходов.

Понятие субвенции в советском бюджетном делопроизводстве не использовалось, однако на практике имели место выплаты, обеспечивающие расходные обязательства нижестоящих бюджетов по переданным им полномочиям. В частности, к этому виду трансфертов можно отнести средства, передаваемые из бюджета социального страхования в бюджеты союзных республик на выплату пенсий. Пенсионное обеспечение производилось из республиканских бюджетов, но средства на него республики получали из особой части государственного бюджета, так называемого бюджета социального страхования, регулируемого не Министерством финансов, а ВЦСПС. Например, в проекте бюджета на 1953 год ВЦСПС должен был передать на пенсии для неработающих пенсионеров 6,6 млрд руб., а еще 14,8 млрд руб. направлялось на выплаты пенсий военнослужащим и их семьям [РГАНИ, ф. 3, оп. 39, д. 55, л. 40]. Проведенная в 1956 году пенсионная реформа резко расширила категории граждан, претендующих на пенсионное обеспечение, и увеличила как размер пенсий, так и численность пенсионеров. На выплату пенсий только неработающим пенсионерам в 1957 году было предусмотрено уже 22,6 млрд руб., в 1959 году для них было запланировано 37,6 млрд руб., а вместе с остальными категориями пенсионеров расходы на эти нужды выросли до 65,9 млрд руб., а к 1960 году — до 69,9 млрд руб. [РГАНИ, ф. 3, оп. 39, д. 69, л. 3].

Еще одной разновидностью субвенции была передача средств из союзного бюджета на решение некоторых социальных задач, являющихся прерогативой местных бюджетов. Однако Министерство финансов оговаривало, что осуществляет эти расходы разово и только в виде исключения. Речь идет о выделении на 1956 год ассигнований на капитальный ремонт жилья, находящегося в распоряжении местных советов РСФСР — 1098 млн руб., и отдельно для Москвы — 330 млн руб., Ленинграда — 274,6 млн руб. Также в виде исключения устанавливались ассигнования из бюджета на текущий ремонт жилищного фонда Москвы — 100 млн руб., Ленинграда —

CC BY

5,5 млн руб., других городов РСФСР — 19 млн руб. [Там же, д. 62, л. 12]. В дальнейшем эта практика действительно не была продолжена.

3.3. Бюджетные разногласия в СССР

Особенностью советской бюджетной системы было то, что планирование доходов в ней осуществлялось в согласии с цифрами народно-хозяйственных планов и с учетом реально достигнутых показателей, а вот план по расходам формировался исходя из заявок участников бюджетного процесса. Это регулярно приводило к возникновению разногласий по вопросу об обеспеченности расходных обязательств имеющимися доходами. Например, при подготовке проекта бюджета на 1958 год заявки республик, министерств и ведомств были почти на 160 млрд руб. больше, чем было принято в расчетах Минфина СССР [Там же, д. 64, л. 4]. В 1960 году министр финансов СССР В. Ф. Гарбузов в своем докладе Президиуму ЦК подчеркивал: «Министерства и ведомства СССР, союзные республики и ВЦСПС (по бюджету соцстраха) предусмотрели в своих расчетах на 1961 г. выделение им средств из Государственного бюджета СССР в сумме, превышающей на 15,5 млрд руб. (в новых ценах 1961 г.) возможности бюджета. Министерство же, при предварительном рассмотрении материалов, представленных министерствами и ведомствами СССР, союзными республиками и ВЦСПС, исходило из задачи обеспечить соответствие бюджетных проектировок показателям проекта народно-хозяйственного плана, а также полный учет доходов и экономное расходование государственных средств» [Там же, д. 71, л. 15].

Такая же ситуация возникала и при обсуждении республиканских бюджетов. Так, Минфин РСФСР сетовал, что некоторые крайисполкомы и облисполкомы при планировании бюджетов необоснованно занижали имеющиеся возможности поступления в бюджет доходов и завышали планируемые расходы. В проекте бюджета Марийской АССР на 1963 год доходы от местных источников необоснованно были занижены против 1962 года на 16,2 %, а расходы были определены с ростом почти на 38 %. Проект бюджета Астраханской области был составлен со снижением доходов на 18,3 %, а расходы — с ростом на 44,4 %. Подобные факты были допущены в Кировской, Ленинградской, Рязанской, Тамбовской, Читинской областях, Коми, Дагестанской АССР и Алтайском крае. Минфин РСФСР после экспертизы этих проектов увеличил доходы вышеперечисленных регионов от местных источников на 749 млн руб., а расходы сократили на 1,9 млрд руб. [ГАРФ, ф.А-385, оп. 13, д. 1112, л. 19].

Местом для урегулирования разногласий и согласования интересов законодательство определяло бюджетные комиссии обеих палат Верховного Совета СССР, экономическую комиссию Совета национальностей и бюджетные комиссии Верховных Советов союзных республик. На их заседания пригла-

CC BY

шались представители Госплана, Минфина, Госбанка, ЦСУ и других заинтересованных ведомств. Но иногда приходилось обращаться и в вышестоящие органы. Так, в декабре 1955 года на заседании Президиума ЦК состоялось обсуждение предложений Минфина и бюджетных комиссий двух палат Верховного Совета об увеличении в 1956 году доходов бюджета на 803,7 млн руб. Было решено дополнительные доходы направить по бюджетам союзных республик на капитальный ремонт и приобретение инвентаря социально-культурных учреждений 200 млн руб., на бесплатное лечение стрептомицином туберкулезных больных в амбулаторных условиях — 60 млн руб., благоустройство районных сельских центров и рабочих поселков — 103,3 млн руб. Оставшуюся сумму — 440,4 млн руб. — зачислить в резервный фонд Совета Министров СССР [РГАНИ, ф. 3, оп. 39, д. 62, л. 132].

В 1959 году бюджетные комиссии Верховного Совета СССР высказали свое пожелание увеличить доходы государственного бюджета на 1959 год еще на 1,1 млрд руб. и направить их в бюджеты союзных республик: на капитальный ремонт социально-культурных учреждений — 364 млн руб., на приобретение инвентаря и оборудования для социально-культурных учреждений — 141 млн руб., на приобретение медикаментов — 80 млн руб., на капитальный ремонт жилищ — 81 млн руб. Остальную сумму 434 млн руб. зачислить в резервный фонд Совета Министров СССР [РГАНИ, ф. 3, оп. 39, д. 65, л. 107]. Минфин согласовал эти изменения, предложив покрыть половину из этой суммы нового дохода (510 млн руб.) за счет увеличения производства водки [Там же, л. 111].

На уровне республик этот механизм работал таким же образом. Подготовительная комиссия Верховного Совета РСФСР в декабре 1962 года поручила Госплану РСФСР и Министерству финансов РСФСР изыскать в 1963 году дополнительные доходы для финансирования наиболее важных мероприятий, которые были приняты на пленарном заседании по докладам подкомиссий: на ликвидацию 3-ей смены в школах — 100 млн руб.; строительство общежитий для студентов — 3 млн руб., овощехранилищ — 20 млн руб., бытовых предприятий — 41,5 млн руб. [ГАРФ, ф.А-385, оп. 13, д. 1112, л. 20].

Проекты бюджетов республики и регионы разрабатывали сами, но последнее слово все же оставалось за Минфином. После предварительного рассмотрения проектов их бюджетов в профильных комиссиях союзного или республиканского Верховного Совета союзные республики и регионы могли подать ходатайства о разногласиях с указанием пунктов, с которыми они не согласны, и предлагали мотивировку для изменения решения.

Например, в декабре 1962 года Псковский облисполком просил комиссию рассмотреть разногласие в части уменьшения его доходов от прибылей местной промышленности. Псковичи настаивали на том, что

CC BY

Совет Министров РСФСР обязал Псковскую область упорядочить цены на отдельные виды продукции местной промышленности, которые превышали аналогичные цены в других регионах. В связи с этим предполагалось уменьшение прибыли местной промышленности на 543 тыс. руб. [Там же, л. 243]. Кроме того, они просили увеличить им расходы на коммунальный ремонт жилищного фонда на 700 тыс. руб., благоустройство райцентров и рабочих поселков — на 90 тыс. руб., приобретение оборудования и инвентаря для школ — на 450 тыс. руб., капитальный ремонт школ — на 1020 тыс. руб., различные нужды учреждений культуры — на 135 тыс. руб., учреждений здравоохранения — на 471 тыс. руб., социальное обеспечение — на 914 тыс. руб. По последнему пункту аргументация была следующей: на 1 января 1962 года количество пенсионеров в области составило 13,5 тыс. человек, что требовало на обеспечение их пенсиями выделить не менее 1466 тыс. руб., а при согласовании бюджета Минфин выделил на эти цели только 513 тыс. руб.[Там же, лл. 243—246]. Также руководство региона просило пересмотреть и прочие расходы по аппарату сельских советов: «Принимаемая ежегодно норма прочих расходов на один сельский совет — 251 рубль очень низка, так как только на содержание лошади из нее требуется 206 руб., на отопление — еще 70 руб., не говоря уже об остальных расходах. Просим принять норму прочих расходов в 350 руб. и таким образом увеличить расходы по этой статье на 23 тыс. руб.» [Там же, л. 247]. Всего псковичи просили им согласовать дополнительных расходов почти на 4 млн руб. (это очень много, учитывая, что весь бюджет Псковской области планировался около 60 млн. руб.). Минфин отказал.

Тогда же в комиссии рассматривалось и ходатайство Камчатского облисполкома, в котором региональные власти обращали внимание на то, что Министерство финансов РСФСР неправильно относится к решению целого ряда вопросов при формировании их бюджета. В частности, указывалось, что, несмотря на постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 марта 1957 года «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера», Минфин стремится всячески сократить крайне необходимые расходы, что отрицательно влияет на развитие области, особенно ее национальных районов [Там же, л. 251]. Минфин ответил, что ассигнования на социально-культурные мероприятия и без того были увеличены, а на еще больший их рост денег в бюджете республики нет. Комиссия согласилась с аргументацией Минфина [Там же, л. 241].

В целом все пожелания регионов, изложенные в ходатайствах, можно разделить на три группы. Первая — это просьбы об изменении плановых показателей по доходам. Например, комиссия удовлетворила в 1962 году ходатайства Башкирской ССР, Вологодской, Омской областей, Ленинград-

CC BY

ского горисполкома с просьбами об уменьшении плановых показателей по отчислениям прибыли от промышленности местного подчинения и доходам от коммунального хозяйства [Там же, л. 60]. Так, контингент собираемых доходов для Ленинграда был снижен на 200 тыс. руб.; для Омской области — на 20 тыс. руб. [Там же, лл. 61—62] и т. п. Здесь следует заметить, что регионы не были заинтересованы в увеличении плана по доходам от местных источников, так как это возлагало на них обязательства по сбору этих средств. Показателен пример обсуждения формирования бюджета Москвы на 1952 год. Предложение подготовительной комиссии об увеличении доходов для Москвы по сбору налога с кооперации всего на 0,1 % по сравнению с предыдущим годом вызвало жесткое сопротивление со стороны столичных чиновников. Представители Мосгорисполкома утверждали: «Огромного перевыполнения бюджета не было. Никакой ошибки по сопоставлению тоже не было. Перевыполнение бюджета всего на 2 %» [Там же, д. 231, лл. 119—120.]. Поэтому они просили оставить им план в прошлогодних пределах. Именно возражение со стороны представителей Московского горисполкома вынудило председателя Бюджетной комиссии ВС РСФСР назначить ещё одно рабочее совещание подготовительной комиссии по этому вопросу [Там же, л. 121].

Москва вообще оказывалась по сравнению с другими регионами в привилегированном положении, так как представители Мосгорисполкома почти всегда участвовали лично в заседаниях подготовительных комиссий, в то время как другие регионы ограничивались отправлением телеграмм с ходатайствами. Кроме того, порядок рассмотрения региональных бюджетов в бюджетной комиссии Верховного Совета РСФСР предполагал, что каждый ее член должен был выступить с докладом о пяти или шести региональных проектах бюджетов. Исключения делались только для Москвы и Московской области, по которым доклад включал в себя проекты только этих регионов. Однако и москвичам не всегда удавалось добиться желаемого. Так, в проект бюджета Москвы на 1963 год были внесены изменения, пролоббированные Минфином: был увеличен проект плана по отчислениям от прибыли по коммунальному хозяйству города на 1,6 млн руб., в том числе по автобусным перевозкам — на 580 тыс. руб. за счет поправки средней доходной ставки; по метро — на 220 тыс. руб. за счет увеличения количества пассажиров на 10 млн человек и увеличения средней тарифной ставки; по трамваю — на 150 тыс. руб. за счет снижения себестоимости; по прочим коммунальным предприятиям — на 650 тыс. руб. [Там же, д. 1112, л. 240].

Вторую группу составляли просьбы об увеличении расходной части бюджета регионов, в основном на социально-культурные мероприятия. Так, в 1962 году бюджетная комиссия Верховного Совета РСФСР удовлетвори-

CC BY

ла ходатайства от Челябинской [Там же, лл. 361—362], Омской [Там же, лл. 287—291] и Костромской [Там же, лл. 306—311] областей с просьбами об увеличении фонда заработной платы медицинских работников. Однако в общей массе ходатайств положительные решения по этим вопросам были относительно редки. Чаще всего предложения регионов встречали отказы с формулировками: «отсутствие конкретики в выдвинутых предложениях», «несоответствие предложений народнохозяйственному плану», «ранее подобные предложения уже были учтены» [ГАРФ, ф.А-385, оп. 13, д. 666, лл. 181—182]. Еще одной причиной отказа могло служить «не полное использование ранее выделенных средств» [Там же, д. 1105, л. 55].

Третья группа включала в себя просьбы регионов о выделении внелимитных средств. Чаще всего данные ходатайства также касались социальной сферы. Так, Архангельский горисполком в 1962 году просил дополнительное финансирование для городской библиотечной сети в объеме 100 тыс. руб. [Там же]. Встречались и просьбы о выделении внелимитных средств на ввод новых промышленных предприятий и эксплуатацию уже имеющихся заводов и фабрик. К примеру, горисполком Красноярска запрашивал в 1953 году сверхлимитно 10 миллион рублей на строительство Амуро-Ачинско-Красноярского алюминиевого комбината. Размер запрашиваемой суммы, ее несогласованность с плановыми органами и несвоевременность запроса вынудили бюджетную комиссию отклонить эту просьбу. Однако имели место и положительные решения. Примером является ассигнование в том же году Калужскому обкому 5 млн руб. на дорожное строительство [ГАРФ, ф.А-385, оп. 13, д. 666, л. 338]. В решении комиссии указано, что основанием для выделения такой большой суммы стало «плачевное состояние дорожной сети и необходимость экстренно решить данную проблему» [Там же]. Внелимитные ассигнования могли выделяться не только на конкретные мероприятия, но и с целью покрытия бюджетного дефицита. Такой случай имел место в 1950 году, когда Свердловску предоставили ссуду с упомянутой выше мотивировкой [ГАРФ, ф.А-385, оп. 13, д. 16, л. 110].

Свои замечания по проекту республиканского бюджета делали и заинтересованные ведомства. Так, например, Министерство здравоохранения просило депутатов поручить Госплану и Минфину увеличить прием студентов в медучилища, ассигнования на закупку оборудования, на капитальный ремонт зданий, а также на формирование запасов медикаментов в аптечной сети. По последнему пункту указывалось, что норматив товарных запасов в аптечной сети РСФСР был установлен существенно ниже по сравнению с другими республиками [Там же, д. 1105, лл. 394—395]. Но и тут Минфин занял жесткую позицию, стараясь не допустить непредвиденных расходов.

CC BY

На уровне регионов ситуация с запросами от нижестоящих бюджетов повторялась. Здесь уже отдельные города и районы, действуя через своих представителей в областных советах, пытались добиться перераспределения областного или даже республиканского бюджета в свою пользу. При этом депутаты непременно ссылались на наказы своих избирателей. В этом контексте показательна стенограмма выступлений на сессии Челябинского областного совета депутатов трудящихся от 30 марта 1954 года при обсуждении бюджета области. В ней депутат от Ашинского района просил поставить перед Советом Министров РСФСР вопрос о выполнении решения о выделении 500 тыс. руб. на ремонт дороги Златоуст—Аша и строительство моста в поселке Куваши; депутат от Кизильского района просил выделить 100 тыс. руб. на строительство районной библиотеки, 70 тыс. руб. на присоединение района к электросети из поселка Сибай, а также изыскать возможность профинансировать строительство моста через реку Урал; Чебаркульский депутат просил о выделении денег на строительство павильона бытового обслуживания; представитель Нязепетровска просил решить вопрос о снабжении населения города водой, включить в бюджет проектирование и строительство кинотеатра, возведение моста и плотины на реке Уфа, а также выделить машину скорой помощи и отпустить средства на строительство школы [ОГАЧО, ф. Р-1029, оп. 15, д. 113, лл. 86] и т. д. Иногда депутаты указывали и на ошибки при составлении хозяйственных и финансовых планов. Так, депутат от Магнитогорска сетовал на то, что для построенных в 1953 году новых яслей не было выделено средств, чтобы их оборудовать и содержать, причем не только на инвентарь, но и на зарплату персоналу. А депутат от Троицкого района негодовал, что, несмотря на передачу в состав Кустанайской области Казахской ССР бокситового карьера, от которого район получали около 85 тыс. руб. в год, облфинотдел увеличил району план по отчислениям от прибыли предприятий на 100 тыс. руб. [Там же, л. 87].

Региональные ведомства также могли посылать в облфинотдел свои ходатайства. Примером могут служить разногласия, поданные Челябинским областным отделом культуры в областной финансовый отдел, по вопросу о музыкальных школах города Магнитогорска. В документе говорится о том, что Минфин рассчитал для города среднегодовой контингент учащихся в 1060 человек без учета строительства новой музыкальной школы, которая уже начала работать и куда было принято 150 учащихся, кроме того, по другим школам контингент оказался превышен еще на 39 человек. В связи с этим заработная плата педагогов возрастала на 105 тыс. руб. и областное управление культуры просило добиться изменения согласованных цифр [ОГАЧО, ф.Р-1029, оп. 15, д. 103, л. 2]. К сожалению, изученные документы не позволяют получить представление о мерах, предпринятых

CC BY

областными властями для устранения высказанных депутатами и ведомствами претензий.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование выявило, что термин *межбюджетные отношения*, используемый для характеристики бюджетного процесса в Российской Федерации, в своем расширительном толковании может быть использован и для описания процессов, происходивших в бюджетной системе СССР, но с одной существенной поправкой: под межбюджетными отношениями в рассматриваемый период следует понимать отношения между уровнями единой бюджетной системы Советского Союза, а не отношения между равноправными субъектами, как это трактуется в современной юридической и экономической литературе.

Межбюджетные отношения в СССР 1950-х — 1960-х годов реализовывались как формирование регулирующей части доходов нижестоящих бюджетов из отчислений от налогов и доходов, поступающих в вышестоящие бюджеты; как осуществление межбюджетных трансфертов в виде дотаций, субсидий и субвенций и как реализация механизма урегулирования бюджетных разногласий. Каждая из этих форм способствовала достижению баланса между доходами отдельных уровней бюджетной системы и закрепленными за ними расходными обязательствами. С одной стороны, такой подход позволял выравнивать финансовые возможности территорий, но с другой — высокая степень централизации бюджетной системы снижала стимулы к развитию собственных источников доходов для нижестоящих бюджетов. В итоге местные власти оказывались в финансовой зависимости от вышестоящих уровней системы.

Наличие бюджетных разногласий, законодательно закрепленных практик их преодоления, достаточно острых дискуссий и попыток лоббирования, связанных с цифрами каждого проекта бюджета, показывает, что бюджетная сфера являлась частью специфической институциональной системы, по меткому определению Симона Кордонского, названной «административным рынком» [Кордонский, 2006]. В условиях, когда государственный бюджет выступал в качестве важнейшего, а в некоторых случаях и единственного источника материальных благ, каждый участник этого рынка стремился увеличить для себя объем финансовых ресурсов или хотя бы снизить бремя своих обязательств.

Приобретшая в 1950-х — первой половине 1960-х годов свой окончательный вид бюджетно-финансовая система «позднего социализма» продержится до самого конца существования СССР, а отдельные ее институциональные практики будут продолжать оказывать влияние и на постсоветское налоговое и бюджетное законодательство.

Источники и принятые сокращения

1. БК РФ — *Бюджетный* кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года № 145-ФЗ (ред. от 27.12.2019) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». — Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702 (дата обращения 21.11.2021).

2. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 411. Оп. 2. Д. 1407 ; Ф. А-385. Оп. 13. Д. 16, Д. 231, Д. 666, Д. 1105, Д. 1112.

3. ГБ, 1966 — *Государственный* бюджет СССР и бюджеты союзных республик. Статистический сборник / ред. Н. В. Гаретовский, сост. Г. В. Дарков. — Москва : Финансы, 1966. — 224 с.

4. *О бюджетных* правах Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, автономных советских социалистических республик и местных Советов народных депутатов РСФСР : Закон РСФСР от 16.12.1961 [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5756.htm (дата обращения 11.10.2021).

5. *О бюджетных* правах Союза ССР и союзных республик : Закон СССР от 30 октября 1959 г. [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5457.htm (дата обращения 11.10.2021).

6. ОГАЧО — *Объединённый* государственный архив Челябинской области. Ф. Р-1029. Оп. 15. Д. 103, Д. 113.

7. РГАНИ — *Российский* государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 39. Д. 55, Д. 60, Д. 62, Д. 63, Д. 64, Д. 65, Д. 69, Д. 70, Д. 71.

Литература

1. *Архипкин И. В.* Становление и развитие налогового обеспечения местного самоуправления в России XIX—XX столетий : автореферат диссертации … доктора экономических наук : 08.00.01 / И. В. Архипкин. — Москва, 2008. — 49 с.

2. *Болтинова О. В.* Становление и развитие бюджетного законодательства Российской Федерации / О. В. Болтинова // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 3 (52). — С. 74—82.

3. *Бюджетный* федерализм в России : проблемы, теория, опыт. — Москва : Институт экономической политики, 2001. — 447 с. — ISBN 5-93255-040-6.

4. *Евстафьева А. Х.* Основы бюджетного и налогового федерализма / А. Х. Евстафьева // Инновационное развитие экономики. — 2013. — № 2 (14). — С. 38—43.

5. *Караваева И. В.* Приоритеты бюджетной политики в период индустриальных преобразований 1920—1930-х годов / И. В. Караваева, В. А. Мальцев // Финансы и кредит. — 2005. — № 15 (183). — С. 67—75.

6. *Кордонский С. Г.* Рынки власти : Административные рынки СССР и России / С. Г. Кордонский. — Москва : ОГИ, 2006. — 240 с. — ISBN 5-94282-359-6.

7. *Развитие* бюджетной системы в Российской Федерации и роль департамента межбюджетных отношений // Журнал Бюджет. — 2018. — № 8 (188). — С. 28—31.

8. *Чуева А. С.* Дефиниция «Межбюджетные отношения» : новая парадигма / А. С. Чуева // Право и государство : теория и практика. — 2020. — № 2 (182). — С. 211—214.

Material resources

Budget Code of the Russian Federation dated July 31, 1998 № 145-FZ (ed. dated December 27, 2019). In: *SPS "Consultant Plus"*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702 (accessed 21.11.2021). (In Russ.).

CC BY

Garetovsky, N. V. (ed.). (1966). *The state budget of the USSR and the budgets of the Union republics. Statistical collection.* Moscow: Finance. 224 p. (In Russ.).

On budgetary rights of the Russian Soviet Federative Socialist Republic, Autonomous Soviet Socialist Republics and local Councils of People's Deputies of the RSFSR : The Law of the RSFSR of 12/16/1961. In: *Library of Normative legal Acts of the USSR.* Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5756.htm (accessed 11.10.2021). (In Russ.).

On budgetary rights of the USSR and the Union Republics: The Law of the USSR of October 30, 1959. In: *Library of normative legal acts of the USSR.* Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5457.htm (accessed 11.10.2021). (In Russ.).

Russian State Archive of Modern History. F. 3. Op. 39. D. 55, D. 60, D. 62, 63, 64, 65, 69, 70, 71. (In Russ.).

State Archive of the Russian Federation. F. 411. Op. 2. D. 1407; F. A-385. Op. 13. D. 16, D. 231, D. 666, D. 1105, D. 1112. (In Russ.).

United State Archive of the Chelyabinsk region. F. R-1029. Op. 15. D. 103, D. 113. (In Russ.).

References

Arkhipkin, I. V. (2008). *Formation and development of tax provision of local self—government in Russia of the XIX—XX centuries.* Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 49 p. (In Russ.).

Boltinova, O. V. (2015). Formation and development of budget legislation of the Russian Federation. *Actual problems of Russian law, 3 (52):* 74—82. (In Russ.).

Budgetary federalism in Russia: problems, theory, experience. (2001). Moscow: Institute of Economic Policy. 447 p. ISBN 5-93255-040-6. (In Russ.).

Chueva, A. S. (2020). Definition of "Inter-budgetary relations": a new paradigm. *Law and the State: theory and practice, 2 (182):* 211—214. (In Russ.).

Evstafyeva, A. H. (2013). Fundamentals of budget and tax federalism. *Innovative development of the economy, 2 (14):* 38—43. (In Russ.).

Karavaeva, I. V., Maltsev, V. A. (2005). Priorities of budget policy in the period of industrial transformations of the 1920s—1930s. *Finance and credit, 15 (183):* 67—75. (In Russ.).

Kordonsky, S. G. (2006). *Power markets: Administrative markets of the USSR and Russia.* Moscow: OGI. 240 p. ISBN 5-94282-359-6. (In Russ.).

The development of the budget system in the Russian Federation and the role of the Department of inter-budgetary relations. (2018). *Journal Budget, 8 (188):* 28—31. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 21.12.2021,
одобрена после рецензирования 12.03.2022,
подготовлена к публикации 23.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Иванов А. А. Правые политические движения России начала XX века : отношение к вооруженным силам / А. А. Иванов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 376—394. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-376-394.

Ivanov, A. A. (2022). Right-Wing Political Movements in Russia at Beginning of 20th Century: Relation to Armed Forces. *Nauchnyi dialog, 11(3):* 376-394. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-376-394. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY LIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-376-394

Правые политические движения России начала XX века: отношение к вооруженным силам

Иванов Андрей Александрович
orcid.org/0000-0001-6438-5200
Scopus Author ID 56995528600
ResearcherID O-2946-2016
доктор исторических наук, профессор,
кафедра новейшей истории России
Институт истории
andrey.a.ivanov@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного
проекта № 20-09-00105
«Политические партии России
начала XX века»

Right-Wing Political Movements in Russia at Beginning of 20th Century: Relation to Armed Forces

Andrey A. Ivanov
orcid.org/0000-0001-6438-5200
Scopus Author ID 56995528600
ResearcherID O-2946-2016
Doctor of History, Professor,
the Department of Contemporary
History of Russia
andrey.a.ivanov@spbu.ru

St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The reported study
was funded by RFBR,
project number 20-09-00105
"Political parties in Russia
in the beginning of the XXth century"

© Иванов А. А., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается отношение русских правых партий и союзов к проблемам боеспособности, комплектования, организации, подготовки и воспитания контингента вооруженных сил Российской империи. Уделяется внимание месту вооруженных сил в программных установках правых политических движений, выявлению и трактовке черносотенцами и националистами кризисных факторов в армии и на флоте, их оценке политизации командного состава. Особое внимание уделено отношению правых к вопросам модернизации армии и флота. В научный оборот вводятся новые источники, позволяющие составить более полное представление о взглядах правых на вооруженные силы страны. Отмечается, что правые видели в вооруженных силах не только гарант безопасности, суверенитета и могущества империи, защиту от врагов внешних и внутренних, но и важнейший институт, призванный сохранять и передавать воинские традиции, которые для черносотенцев и националистов неразрывно были связаны с верностью православию, самодержавию и русской народности. Показано, что свойственные правым монархизм, консерватизм, национализм и антисемитизм нашли отражение и в их взглядах на вооруженные силы.

Ключевые слова:
Правые партии; черносотенцы; монархисты; русские националисты; вооруженные силы; армия; флот; военно-патриотическое воспитание; Российская империя.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The attitude of Russian right-wing parties and unions to the problems of combat readiness, recruitment, organization, training and education of the contingent of the armed forces of the Russian Empire is considered. Attention is paid to the place of the armed forces in the program settings of right-wing political movements, to the identification and interpretation by the Black Hundreds and nationalists of crisis phenomena in the army and navy, their attitude to the politicization of command staff. Particular attention is paid to the attitude of the right to the issues of modernization of the army and navy. New sources are being introduced into scientific circulation, allowing a more complete picture of the views of the right on the country's armed forces. It is noted that the right saw in the armed forces not only a guarantor of the security, sovereignty and power of the empire, protection from external and internal enemies, but also the most important institution designed to preserve and transmit military traditions, which for the Black Hundreds and nationalists were inextricably linked with loyalty to Orthodoxy, autocracy and Russian people. It is shown that monarchism, conservatism, nationalism and anti-Semitism, characteristic of the right, are also reflected in their views on the armed forces.

Key words:
Right parties; Black Hundreds; monarchists; Russian nationalists; military establishment; army; fleet; military-patriotic education; Russian empire.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(47).083

Правые политические движения России начала XX века: отношение к вооруженным силам

© Иванов А. А., 2022

1. Введение = Introduction

История правых политических движений начала XX века, к которым исследователи традиционно относят партии и союзы, стоявшие на страже православия, неограниченного самодержавия и русской народности, за последние десятилетия разработана достаточно подробно. Однако в рамках данной темы все еще остаются вопросы и сюжеты, которые либо вовсе не рассматривались исследователями, либо изучены недостаточно. Одним из таких сюжетов является вопрос об отношении русских правых к состоянию вооруженных сил Российской империи, включающему не только боеспособность армии, но и такую немаловажную составляющую, как верность и надежность престолу. В обобщающих работах, посвященных черносотенцам и русским националистам начала XX века, эта проблема затрагивалась пунктирно и, как отмечал Ю. И. Кирьянов, «позиция правых по вопросам … дееспособности российской армии» исследована пока «на весьма ограниченном материале, не дающем всестороннего представления по затрагиваемому предмету» [Кирьянов, 2011, с. 49]. Несмотря на то, что с момента выхода монографии Кирьянова прошло уже более 20 лет, ситуация принципиально не изменилась. Историки, уделяя внимание преимущественно политическим, социальным и экономическим вопросам в идеологии и практике русских правых, как правило, обходят стороной вопросы, касающиеся взглядов правых на надежность и боеспособность вооруженных сил империи. Исключение в этом плане составляют разве что исследования, посвященные деятельности монархистов в Государственной думе [Ромов, 2003, с. 319—325; Иванов, 2013, с. 76, 79—83, 124—141], но и они, в силу охвата только парламентских правых, не дают достаточно полного представления о данной проблеме.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель статьи заключается в выявлении основных «болевых точек» и проблем, которые, по мнению правых, существовали в армии и флоте, а также тех «рецептов», которые предлагались ими для оздоровления вооруженных сил Российской империи. Для достижения поставленной цели автором были изучены и проанализированы материалы дореволюционной

CC BY

периодической печати, стенограммы выступлений лидеров правых в Государственной думе Российской империи III—IV созывов, материалы Государственного архива Российской Федерации [ГАРФ, ф. 117, оп. 1, д. 666] и Российского государственного военно-исторического архива [РГВИА, ф. 400, оп. 9, д. 25772]. Особое внимание в статье уделено публикациям в монархических газетах «Земщина», «Русское знамя», «Вече», «Курская быль», материалы которых, касающиеся отношения правого лагеря к Вооруженным силам страны, впервые вводятся в научный оборот. При подготовке статьи также были проанализированы программные документы правых монархических союзов, материалы их съездов и совещаний, переписка и другие документы правых [Совещание …, 1915, с. 36; Переписка …, 1999, с. 94—118; Правые …, 1998, с. 76—77].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Вооруженные силы в программных установках правых партий

Армии и флоту в программных документах правых всегда уделялось особое внимание. «Величие и исторические задачи России, а равно благоденствие ее населения и неприкосновенность ее границ, требуют содержания могущественных, подготовленных сообразно новейшим требованиям военного искусства, вооруженных сил, единых, сильных духом и беззаветно преданных России и ее самодержцу», — отмечалось в программе Русского собрания (далее — РС) [Программа …, 1907, с. 6]. В связи с этим все правые партии выступали сторонниками укрепления боеспособности армии и флота, их престижа, выделения на их нужды значительных средств, поддержания в вооруженных силах верноподданнических настроений и боевого духа. В 1905—1906 годах, когда армия вследствие поражения в русско-японской войне и своего участия в карательных операциях по подавлению революционной смуты, подвергалась нападкам левой прессы, правые горячо выступили в ее поддержку. Они бурно протестовали, когда с трибуны Государственной думы звучали выпады против армии или отдельных ее представителей [Иванов, 2020, с. 105—106]. Стремясь поднять престиж армии в обществе, правые даже предлагали отказаться от устоявшегося термина «воинская повинность» и заменить его во всех официальных документах на «воинскую службу», поскольку, как отмечал в одной из речей председатель Главного совета Союза русского народа (далее — СРН) и один из лидеров правых в III и IV Государственной думе Н. Е. Марков, «эта служба не есть повинность, а священнейшее наше право, благородная обязанность защищать Отечество» [Ч-ский, 1911, 8 декабря].

Понимая, что от настроений вооруженных сил зависит прочность самодержавия, черносотенцы выступали с многочисленными воззваниями, обра-

CC BY

щенными к армии. «Русские воины! — говорилось в одном из них. — Отцы, деды, прадеды ваши проливали кровь свою за Дунаем, стояли под стенами Царьграда, бились на бастионах Севастополя, отразили нашествие двунадесяти языков, пронесли русское знамя на стены Парижа, с бессмертным Суворовым перешли снеговые горы альпийские, покрыли славою имя русского солдата на равнинах Германии, Италии, в ущельях Кавказа, в степях Закаспийских, возвеличили Россию на полях Полтавских, отстояли целость родины и веру православную в смутное время междуцарствия! Вы, их потомки, русские воины, останетесь верными своей присяге Царю и Отечеству, на вас смотрит вся истомленная и истерзанная смутой Россия с надеждой и упованием, как на твердый оплот, как на защиту против всех козней злодеев анархистов и революционеров, посягнувших на веру Православную, целость и единство России, восставших на Царя и закон!» [Правые …, 1998, с. 76—77]. Как отмечал один из видных черносотенных политиков Г. Г. Замысловский, правые желали бы, чтобы Россия имела такие армию и флот, «которые были бы сильны не только своим количеством, не только своим вооружением, но, и это, главным образом, своим духом», и «к которой население относилось бы с любовью, которая представляла бы предмет народной гордости» [ГД—3.1.1, стб. 1526]. Рупор СРН «Русское знамя» регулярно публиковал статьи под общим заголовком «Берегите армию» [Берегите …, 1907], поясняя, что беречь армию — значит беречь государство.

3.2. Критика правыми принципов комплектования вооруженных сил

Правыми постоянно отмечались кризисные процессы, охватившие вооруженные силы империи. Их органы печати сокрушались, что в армии начали «таять терпение, твердость и прежняя связь с государством», что прежних «орлов» — «отцов-командиров» — начинают замещать «жалкие воробьи»; «мельчают характеры» и расшатывается дух воинского братства [А. Б. О., 1907, 4 июля]. Правые с горечью констатировали, что ни увеличение ассигнований на армию, ни преодоление ее технического отставания от ведущих европейских держав недостаточны, так как не решают проблемы нравственного состояния вооруженных сил. Они критиковали систему воспитания офицерства, превращающую последнее в «ремесленников» и не уделяющую должного внимания «воспитанию духа» [Томилин, 1913, 21 сентября]; выражали смущение стремлением военного начальства «привлечь в ряды армии в усиленной степени безбожную, безнародную интеллигентщину» [ГД—3.5, стб. 3076]. «Сумеет ли Императорская русская армия перевоспитать эти интеллигентные массы, которые … вольются в благородные ряды русской армии, и, наоборот, не затопят ли эти гряз-

CC BY

ные, мутные, преступные потоки, не замутят ли они чистое море русского войска, не опакостят ли, не опоганят ли они русской армии? — задавался вопросом Марков. — … Мы боимся …, чтобы эти большие количества … слюнявых миролюбцев, слабосильных нытиков, тонконогих интеллигентов, страдающих конституционным рукоблудием, разъеденных революционной саркомой, — чтобы большие количества этих интеллигентов не испортили бы нашей русской армии» [ГД—3.5, стб. 3076—3077]. Вместо призыва в армию интеллигентов, нередко становящихся затем офицерами запаса, правыми предлагалось значительно увеличить количество кадетских корпусов и военных училищ, которые бы готовили верных престолу кадровых офицеров, и задуматься над тем, чтобы, помимо призывной армии, создать ядро из постоянного войска под руководством отборных офицеров. Для повышения благонадежности офицерского корпуса и расширения возможностей по его увеличению без потери качества также предлагалось пополнять его за счет особо отличившихся унтер-офицеров и солдат [Там же, стб. 3077—3078]. Протесты правых вызывала и существовавшая практика возвращения в части военнослужащих, отбывших наказание за то или иное правонарушение или преступление. Правые указывали, что с тех пор, как «в подкладке преступности наблюдается “революционная идейность”», возвращение в войска таких кадров приводит к тому, что «опять начинает гулять в войсках красный кошмар» [А. Б. О., 1907, 4 июля].

Антисемитизм, свойственный правым, проявлял себя и в вопросах, касавшихся Русской императорской армии. С одной стороны, ими отмечалось, что евреи «пробрались в армию, в генеральный штаб» и «их влияние огромно» (М. О. Меньшиков) [Коцюбинский, 2001, с. 265], с другой — что они, наоборот, всячески уклоняются от воинской службы, а те, кто все-таки попадают туда, стремятся попасть на нестроевые должности и в музыкальные команды. При этом евреи характеризовались как элемент для армии нежелательный, сеющий «семена трусости, торгашества, революционной пропаганды» [Бе-ха, 1910, 21 января], «растлевающий» и «развращающий» русских солдат [Ч-ский, 1911, 8 декабря], склонный к предательству и шпионажу. Правые отмечали, что, не считая Россию своим отечеством, евреи чужды патриотизма и являются «прирожденными антимилитаристами» [А. Б. О., 1907, 4 июля]. «Таким образом, евреи, не являющиеся на призыв, уклоняющиеся, приносят вред, а евреи неуклоняющиеся, являющиеся, приносят вред сугубый», — приходил к парадоксальному выводу Г. Г. Замысловский и восклицал: «Евреям в армии не место!» [ГД—3.1.2, стб. 2123]. Являясь противниками призыва евреев в армию, черносотенцы регулярно выступали с предложениями заменить для них воинскую службу специальным денежным налогом. Хотя это предложение встречало поддержку да-

CC BY

леко не у всех представителей консервативного лагеря, поскольку при его реализации сложилась бы щекотливая ситуация, при которой евреи законно откупались бы от службы, нести которую за них должны были бы в первую очередь русские. Но сторонники отмены призыва для евреев старались убедить общество в том, что недобор в 40 тысяч человек (примерно столько иудеев ежегодно призывалось на воинскую службу) не потребует восполнения за счет дополнительного призыва русских новобранцев, так как «одно отсутствие евреев усилит нашу армию вдвое» [Ч-ский, 1911, 8 декабря]. А чтобы русские призывники не смотрели на откупившихся от службы евреев как на льготников, некоторыми из правых (например, Н. Е. Марковым) предлагалось вместо специального налога призывать евреев в особые рабочие артели, «которые будут осушать болота, корчевать пни и производить другие нужные для государства работы» [Там же].

Помимо иудеев, правые указывали и на представителей других этнорелигиозных групп, которые, по их мнению, были вредны для армии. «… Военную службу очень плохо выполняют некоторые наши инородцы, и, конечно, первые среди них — иудеи …, но не они одни, а также латыши, мусульмане и поляки», — отмечал Марков [ГД—3.5, стб. 3075]. Нередко правые проявляли недовольство назначением «инородцев» на командные должности в армии и флоте. Так, «Русское знамя» называло виновниками русских поражений во время войны с Японией Стесселя, Рейса, Фока и «армянина Алексеева» [А. Б. О., 1907, 4 июля], а идеолог русских националистов М. О. Меньшиков, отмечая, что «Россия, конечно, никогда не забудет героев-немцев и шведов, положивших рыцарски живот свой за славу России», тут же замечал: «немец-генерал (А. М. Стессель. — *А. И.*) сдал крепость, которую нельзя было сдавать ни на каких условиях, а швед-адмирал (Ф. К. Авелан. — *А. И.*), в качестве министра, готовившего флот для войны, подготовил его для Цусимы» [Меньшиков, 2012, с. 95]. «Будущий историк, — продолжал Меньшиков, — напрасно будет искать исключительные заслуги в списке сдавшихся и побитых генералов с балтийскими фамилиями. Если не считать генерала Гриппенберга, отказавшегося остаться в армии, и адмирала Энквиста, благополучно убежавшего из Цусимы, остальные полководцы нерусской крови не предъявили никаких данных, которые оправдали бы предпочтение их русским вождям» [Меньшиков, 2012, с. 96]. (При этом бывший военный министр генерал А. Н. Куропаткин, поддерживавший русских националистов, из-под критики нередко выводился). Рупор Всероссийского национального союза (далее — ВНС) осторожно замечал: «Само собой понятно, что финляндец адмирал Авелан, командуя морскими силами империи, или генерал Редигер армией едва ли способны провести какую-либо активную меру в явный вред госу-

CC BY

дарству, но, тем не менее, в массе войска, а затем и в населении невольно зарождается сомнение, не допускаются ли такими имеющими силу власти инородцами чисто пассивные и совершенно естественные поблажки отдельным национальностям и слоям» [Коцюбинский, 2001, с. 314]. Кроме того, как отмечал Меньшиков, «неосторожно» допущенный на командные должности «инородческий элемент» без всякой измены оказывается «безотчетно равнодушным» к славе страны, поскольку лишен «глубокого чувства народности и почвенной связи с ней» [Меньшиков, 1999, с. 61].

3.3. Правые и вопросы модернизации флота

Обращали правые внимание и на состояние флота. Их беспокоили слабая защищенность российских берегов, отставание России от ведущих европейских держав в модернизации флота и морских крепостей, нехватка минных заграждений и новых орудий, недостаточное внимание к строительству подводных лодок, неудовлетворительное, на их взгляд, обучение кадров и рутинерство Морского министерства [ГД—3.1.1, стб. 1346—1347, 1355]. Находясь под тяжелым впечатлением цусимской катастрофы, лидеры правых партий поддержали стремление властей возродить и модернизировать российский флот. Но если одна часть правых была за однозначную поддержку всех инициатив Морского министерства, нацеленных на возрождение флота и выделение ему необходимых ассигнований (И. В. Барятинский, А. А. Бобринский, А. С. Вязигин, П. В. Березовский, С. В. Воейков и др.), то другая выступила с критикой идеи строительства дредноутов, считая, что «начинать возрождение морской силы следует не с много лет строящихся, очень дорого стоящих и всегда малочисленных — по сравнению с флотами противников — броненосцев, а с флотилии миноносцев и в особенности подводных лодок и береговых канонерок (подвижных батарей)» [Марков, 2002, с. 464]. Всеобщая «дредноутизация», обуявшая правительства практически всех морских держав — «от маленькой Греции и нищей Турции до Аргентины, Бразилии и расположенного на горах Чили» [Шацилло, 1994, с. 162], захватила далеко не всех русских правых. В результате по отношению к вопросу о необходимости воссоздания крупного броненосного флота правые раскололись. Н. Е. Марков, В. М. Пуришкевич и В. В. Шульгин первоначально выступали против ассигнования средств на строительство дредноутов. Председатель Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела (далее — РНСМА) и видный депутат Государственной думы Пуришкевич требовал от Морского министерства сначала навести порядок в собственном ведомстве. Правый депутат Думы, вскоре ставший одним из лидеров ВНС, Шульгин настаивал на том, что выдача кредитов возможна лишь после составления хорошо продуманного плана по реорга-

CC BY

низации флота. Марков утверждал, что «русские — не моряки», а потому «наш флот может быть только оборонительным» [Ромов, 2003, с. 320—321]. Объясняя позицию противников ассигнования больших средств на флот, Марков указывал на то, что «разъединенность русских морей» не дает России возможности иметь единый броненосный флот, равносильный флоту вероятного противника; что броненосцы «нужны только океану»; что дредноуты, «несомненно, лучшие из броненосцев», совершенно нам не подходят, так как «не могут долго плавать без возобновления топлива», а в отличие от Британии у России нет угольных станций по всему миру; что слепое подражание европейскому судостроению без учета российской специфики обернется напрасной тратой немалых государственных средств [ГД—3.1.1, стб. 1351—1352]. Также обращалось внимание, что начинать строительство дредноутов по английским лекалам — значит заведомо ставить себя в проигрышное положение. «Если же мы будем идти в морском деле по-прежнему в хвосте у англичан, — говорил Марков, — то всегда будем биты. <…> Мы будем биты потому, что англичане, задумав строить корабль, осуществляют свой замысел в два, иногда и в три раза скорей, чем мы, русские, и поэтому, если мы будем ждать, пока англичане докажут на своем опыте пользу своего изобретения, то мы, русские, осуществим это изобретение на 5—6 лет позже, а в морском деле опоздание на 5—6 лет равносильно потере кампании, потере войны» [Там же, стб. 1353—1354]. Другой правый депутат и видный член РНСМА Г. А. Шечков в свою очередь отмечал, что дорогостоящий надводный флот может совершенно устареть и потерять свое значение при быстром развитии таких новых видов вооружения, как подводные лодки и авиация [ГД—3.3.3, стб. 1507].

Ратуя за создание «своего русского, сподручного русской удали … истинно дееспособного флота», Марков также старался доказать, что «броненосцы не соответствуют русскому духу, русскому нраву». «В деле машины, в деле техники, в деле военных ухищрений, — писал он, — англичанин-хитрец всегда опередит русского удальца. Но зато никогда не сравняться размеренному англичанину с необъятным размахом удали русской. Всякое оружие должно быть сподручно воину, должно соответствовать его воинскому нраву. Флот есть оружие народа. И как всякое оружие, флот должен соответствовать народному воинскому нраву. Русская удаль требует себе легкого, быстроходного, отчаянно смелого корабля, который как можно больше зависел бы от смелости экипажа и как можно меньше от машинной хитрости. Миноноски, подводные лодки, легкие крейсера — вот элементы русского берегового флота. Русский флот должен быть именно береговым, а не океанским, должен быть береговым потому, что русский воин всегда больше верит в землю, чем в море» [Буй-Тур, 1908, 12 марта]. Попытки же гнаться за

CC BY

ведущими европейскими морскими державами в деле строительства дредноутов — заключал правый политик — приведут к новой Цусиме [Там же].

Однако впоследствии правые, выступавшие против выделения средств на строительство дредноутов, изменили свою позицию. Произошло это потому, что, во-первых, император так и не прислушался к их доводам и поддержал строительство линейных кораблей, а во-вторых, правые убедились в том, что представители думской оппозиции в лице октябристов и их лидера А. И. Гучкова отказываются предоставлять кредиты морскому ведомству в силу политической интриги, имевшей целью поставить во главе министерства «своего» человека. «С 1909 года, — писал Марков, — правые не только поддерживали все кредиты на военное судостроение, но неизменно указывали ведомству на крайнюю недостаточность его предложений» [Марков, 2002, с. 464]. Как отмечает Р. Б. Ромов, «Марков публично признал собственные ошибки четырехлетней давности», и «в 1912 году именно правые обеспечили активную поддержку законопроекта о программе усиленного судостроения на 1912—1916 годы» [Ромов, 2003, с. 323]. Комментируя изменение позиции по этому вопросу, Пуришкевич в 1912 году заявлял с думской кафедры, что, отказывая в ассигнованиях Морскому министерству в первые годы после окончания Русско-японской войны, правые давали ему понять, что ведомство «должно подтянуться», «почиститься», перестать «предаваться обломовщине». Когда же министерство извлекло уроки, а угроза новой войны становится все явственнее, «каждый шаг, каждая минута, каждая секунда отсрочки ассигнования на флот, это есть уже государственная измена и государственное преступление» [ГД—3.5.4, стб. 3812]. В заключение своей речи Пуришкевич под продолжительные рукоплескания справа предложил в память о русских моряках, погибших при Цусиме, возвести «громадный памятник из тех дредноутов, которые в недалеком будущем должны высоко нести Андреевский флаг на тех морях, где погибли одноименные им броненосцы» [Там же, стб. 3819].

3.4. Отношение правых к политизации армии

Правые также были противниками вовлечения армии в политику, видя в нем стремление оппозиции перетянуть войска на свою сторону. В частности, Пуришкевич, озабоченный активностью в этом направлении лидера октябристов Гучкова, обращал внимание императора на то, что «внутренние враги Государя и России не страшны дотоле, доколе остается верной своему Державному Вождю Русское христолюбивое и победоносное воинство» [ГАРФ]. «Всякие попытки государственного переворота немыслимы, — отмечал он, — пока армия будет стоять вне политических страстей, в готовности исполнить долг присяги и службы своему Государю. Никто из полити-

CC BY

ческих авантюристов в России не сможет посягнуть на главнейший священный устой России — Самодержавие» [Там же]. «... Только переход армии на сторону революции даст крамоле перевес над мирным обществом», — не без оснований отмечало «Русское знамя» [Берегите …, 1907, 27 июня].

Исходя из этих установок правые толковали беспартийность армии. Отмечая, что в задачи армии входит не только защита от врагов внешних, но и внутренних, правые указывали на недопустимость для военнослужащих состоять в рядах революционных и оппозиционных партий. Армия, отмечал один из лидеров СРН А. И. Тришатный, «в силу своей беспартийности должна быть вся без исключений монархической» и «в силу своей беспартийности обязана защищать до последней капли крови своего Верховного Вождя, Неограниченного Самодержца» [Тришатный, 1907, 29 мая]. Но, отвергая партийность и «политиканство» в армии, правые также выступали и против принципа «армия вне политики», требуя проведения в ней «здоровой политики национального патриотизма» [Козлов, 1910, 5 февраля]. «“Армия должна быть вне партий”, — это совершенно верно, но не в том смысле, как понимают это господа “левые”, — замечал один из правых публицистов. — И для офицера есть партийная программа — это его присяга. Она говорит о верности Самодержцу; она требует, чтобы офицер защищал самодержавные права своего государя до последнего издыхания» [Военный …, 1908, 13 февраля].

В связи с этим правые требовали тесного сотрудничества монархических союзов с вооруженными силами: «Все мы, монархисты, любим родную армию и жаждем находиться с нею в тесной духовной связи. Это наше стремление к армии находит в ней ответ. Особенно ярко связывалось это взаимное тяготение военных и монархистов в смутные годы. Оно сказалось, между прочим, в том, что много офицеров и нижних чинов вступали в монархические партии» [Ухтубужский, 1910, 30 сентября]. Поэтому правые критически относились к приказу по военному ведомству, запрещавшему военнослужащим участие в любой политической деятельности, включая и направленную на поддержку монархического строя. Так, журнал «Разведчик» в 1906 году напоминал военнослужащим, что армия не должна «допускать в своей среде никакой пропаганды, все равно, будет ли она социалистической или черносотенной», а офицер «не должен быть членом ни правых, ни левых союзов» [Разведчик, 1906, № 816, с. 479]. В 1907 году тот же военный журнал осудил посылку командирами некоторых казачьих частей приветственных телеграмм на Съезд русских людей в Киеве, указав, что «ввиду приказов по Военному ведомству 1905 года № 804 и 1906 года № 626, проводящих безусловный принцип внепартийности армии … таковые выражения сочувствия, хотя бы и правым политическим партиям, не должны быть допускаемы» [Разведчик, 1907, № 854, с. 133].

CC BY

«Военных от нас, монархистов, всячески отстраняют, — сетовал правый публицист и один из лидеров РНСМА Н. Д. Облеухов, — но зато к ним льнут гг. гучковцы и К°» [Ухтубужский, 1910, 30 сентября]. Поэтому, полагали правые, запрет военного ведомства должен был распространяться только на оппозиционные партии, но никак не на монархические союзы, поскольку «всякий военнослужащий ... по одному только долгу присяги ... обязан защищать именно те основные положения, которые исповедуют монархисты» [Размолодин, 2020, с. 41—42]. Соглашаясь с тем, что армию необходимо уберегать от «политики», поскольку «участие армии в политической деятельности, особенно участие активное, безусловно, является одним из признаков полного разложения страны» (в подтверждение этого тезиса приводились в пример римские преторианцы, турецкие янычары и младотурки), правая «Земщина» вместе с тем утверждала: «но все дело заключается в том, что наши *монархические организации* вовсе не являются политическими партиями в *прямом значении* этого слова», поскольку поддерживают «в народе только *те устои, на которых зиждется Русское государство*», поэтому, заключали правые, «монархические организации и русская армия являются более чем *родственными* по взглядам и по духу, и их близкое единение, безусловно, в интересах самой России» [Белоха, 1911, 17 июля].

Не имея возможности легально привлекать в свои партии и союзы военных, находящихся на действительной воинской службе, монархические организации имели в своем составе немало отставных офицеров и генералов. Председателем РС и членом Главного совета СРН был генерал-лейтенант Н. Н. Пешков. В разное время товарищами председателя РС были генерал от артиллерии Т. М. Беляев и генерал-лейтенант, заслуженный профессор Николаевской академии Генерального штаба А. М. Золотарев, членом совета той же организации — генерал-лейтенант и начальник Александровской военно-юридической академии и полковник А. В. Пантелеев. Генерал-майор П. Г. Жуков являлся председателем Русского братства и Киевской русской монархической партии. Гвардии полковник Ф. В. Винберг состоял членом РНСМА, а генерал-майор К. И. Дружинин являлся членом его Главной палаты; председателем Киевского союза русских рабочих был генерал-майор А. И. Евский. Членом Главного совета ВНС был гвардейский полковник Ф. Н. Безак. Не состояли в правых партиях и союзах, но покровительствовали им генералы от инфантерии Е. В. Богданович и С. К. Гершельман, генерал от кавалерии В. А. Дедюлин, генерал-лейтенант И. Н. Толмачев, генерал-майоры А. П. Веретенников, И. А. Думбадзе, В. Ф. фон-дер Лауниц. А среди лидеров правых партий и союзов было немало тех, кто в молодые годы, получив высшее образование, прошли срочную службу вольноопределяющимися и, сдав по ее окончании экзамен,

CC BY

вышли в запас офицерами (П. Н. Балашев, В. В. Шульгин, В. А. Бобринский, Н. Е. Марков и др.). Так, например, лидер СРН Н. Е. Марков, отслужив после окончания Института гражданских инженеров нижним чином год в полевой артиллерии, успешно выдержал испытание на чин прапорщика запаса [РГВИА] и впоследствии гордился своей связью с Русской императорской армией. В одной из своих думских речей в защиту армейской субординации, Марков заявлял: «Когда мне приходилось во исполнение правил военных … отдавать честь не только офицерам, а даже ефрейтору, имеющему нашивкой больше, чем я, то я никакого чувства стеснения не испытывал, как его не испытывал ни один порядочный гражданин Российской империи. <…> Основа гражданского правопорядка та, что военное дело — есть первый долг гражданина. Всякий гражданин не гражданин, если он подрывает воинскую дисциплину» [ГД—4.1.1, стб. 2391—2392].

3.5. Правые и военно-патриотическое воспитание

Свой вклад в дело поднятия воинского духа и престижа воинской службы правые внесли активной поддержкой внедрения среди юношества военно-патриотического воспитания. Они приветствовали инициативу императора Николая II ввести в народных школах обучение унтер-офицерами юношества военному строю и гимнастике и поддержали созданное в 1909 году по инициативе деятеля правого движения в Одессе А. А. Луцкевича движение потешных. Названные так по аналогии с потешными войсками Петра Великого, потешные роты начала XX века принимали в свои ряды 10—16-летних мальчиков из всех сословий, которые носили военную форму и знаки различия, занимались начальной военной подготовкой и гимнастикой. С поддержкой этой инициативы единым фронтом выступили черносотенцы и националисты: Луцкевичу была предоставлена трибуна РС, газеты «Русское знамя», «Земщина», «Новое время» освещали и пропагандировали внедрение военно-патриотического воспитания. После утверждения в 1911 году Николаем II положения о подготовке молодежи к военной службе организация потешных рот началась во всероссийском масштабе и правые приняли в ней весьма активное участие. По инициативе местных отделов СРН и Союза русских людей (в Коврове, Старицах, Ярославле, Одессе и др.) создавались потешные роты, правые партии и союзы активно включились в эту работу, рассчитывая, по словам члена Главной палаты РНСМА отставного генерала К. И. Дружинина, что «сверстники нашей великой надежды — государя наследника цесаревича Алексея», возрастут «в воинском победно-воинственном духе» [Степанов и др., 2008, с. 175]. Вопрос о развитии потешного движения и передаче его из ведомства Министерства народного просвещения, не проявлявшего,

CC BY

по мнению правых, должного внимания к военно-патриотическому воспитанию юношества, министерству военному поднимался в 1912 году на Пятом всероссийском съезде русских людей в С.-Петербурге [Рылов, 2010, с. 157]. Правыми указывалось на необходимость заимствования западноевропейского опыта в деле подготовки юношества к армии, в связи с чем предлагалось создавать как специальные бесплатные средние военно-технические школы, так и военизированные общества, по выходе из которых на срочную службу в армию поступали бы дисциплинированные, знающие нижние чины, «детство которых прошло под благодетельным влиянием военного воспитания и военного обучения» [Бурун, 1911, 13 июля].

3.6. Правые и вооруженные силы накануне и во время Первой мировой войны

Накануне Первой мировой войны правые выражали большую обеспокоенность подготовкой армии к надвигавшимся испытаниям. Общая оценка боеспособности российской армии и флота, как справедливо отмечает Ю. И. Кирьянов, была безрадостной [Кирьянов, 2001, с. 342]. Лидер фракции правых в III Государственной думе А. С. Вязигин еще в 1908 году в частном письме с горечью констатировал, что «у нас нет … ни армии, ни флота», «границы наши подвергаются сильным опасностям», «наша западная граница должна быть признана легко уязвимой», а «громадная немецкая армия готовится не только для смотров и парадов» [Из отчета …, 1928, с. 146]. О том же он публично говорил в 1912 году, отмечая «возмутительное состояние нашей армии», которая «не имеет ни гранат, ни пуль, ни прицелов, ни повозок и обречена на безусловное поражение» [Переписка …, 1999, с. 105]. В 1913 году «Земщина» требовала от военного ведомства «усиливать численный состав армии, исходя из того расчета, что на западном фронте мы не должны быть слабее соединенных сил Германии и Австрии» [Глинка, 1913, 8 октября]. В IV Государственной думе обеспокоенность правых состоянием русской армии только усилилась. Незадолго до войны Пуришкевич заявлял с думской кафедры: «Мы знаем, в какой тяжелой атмосфере мы живем; мы знаем, как вся Европа, а в частности мы, Россия, ходим около кратера того Везувия, который может, не сегодня завтра, выбросить огненосное пламя. Поэтому, мы желаем, чтобы русская мощь, русская армия были на должной высоте, ибо при самом большом миролюбии необходимо увеличение наших материальных средств и наших средств военных до такой степени, чтобы миролюбие наше не было истолковано как наша слабость. <…> … Преступно считаться с воззрениями Западной Европы, с нашими соседями, как бы они ни косились на каждый шаг по увеличению наших военных сил, как бы они ни видели себе

CC BY

вызова. Нам необходимо поставить нашу армию на должную высоту, необходимо, чтобы военному министру не задерживали отпуск кредитов на военные надобности; необходимо увеличить нашу артиллерию и поставить ее на должную высоту; необходимо увеличить количество пулеметных команд при наших отдельных частях, ибо их у нас гораздо меньше, чем в Германии, а они составляют один из главных факторов военного успеха» [ГД—4.1.1, стб. 308—309]. В связи с этим очевидно, что никакого «шапкозакидательства», а тем более военного «угара» перед войной у русских правых не было. Правые сознавали, что «Большая программа» по перевооружению и усилению армии и флота требовала нескольких лет для ее полного воплощения, и всеми силами стремились если не предотвратить, то хотя бы оттянуть войну до того момента, когда русская армия получит явные преимущества перед армией потенциального противника.

Во время же войны все правые партии заняли патриотическую позицию, оказывали моральную поддержку воюющей армии, организовывали сборы средств, создавали лазареты и старались работать на укрепление престижа российских вооруженных сил и их вождей. Для поднятия боевого духа армии правые требовали от правительства провести законы, которые бы после ее окончания гарантировали государственные пенсии всем раненым, лишившимся трудоспособности, семьям погибших воинов и георгиевским кавалерам, а также предоставляли единовременное пособие солдатам-крестьянам, хозяйства которых пришли в полный упадок в результате войны. Поскольку предложенные меры требовали значительного финансирования, проводить их в жизнь предлагалось за счет взысканной с побежденного врага контрибуции [Совещание …, 1915, с. 36]. Отказавшись на время войны от какой-либо критики действующей армии и ее вождей, правые перекинули ее на тыловые ведомства, ответственные за снабжение войск, на военного министра, который недостаточно, по их мнению, подготовил Россию к войне; выступали против политизации армии и призывали власть оградить фронт от политических интриг и нездоровых тыловых настроений.

4. Заключение = Conclusions

Вооруженные силы являлись для русских правых не только гарантом безопасности, суверенитета и могущества империи, защитой от врагов внешних и внутренних, но и важнейшим институтом, призванным сохранять и передавать воинские традиции, которые для черносотенцев и националистов неразрывно были связаны с верностью православию, самодержавию и русской народности. Видя в армии и флоте предмет народной гордости, проявление народного духа и «лицо государства», правые были глубоко озабочены престижем вооруженных сил и их морально-нравственным обли-

CC BY

ком. Уделяя в своих программных документах и публичных выступлениях особое внимание вопросам боеспособности, комплектования, организации, подготовки армии и флота, а также воспитанию их контингента, правые также старались обратить внимание власти на те кризисные явления, которые, по их мнению, угрожали национальной безопасности страны. При этом наряду с угрозой внешней всегда обращалось внимание на угрозу внутреннюю, которая виделась правым, исходя из их идейных установок, в «размывании» состава вооруженных сил «безбожной» и демократически настроенной интеллигенцией, инородцами, неблагонадежными элементами, в утрате частью командного состава монархических настроений и воинского духа, базировавшегося на знаменитом лозунге «За Веру, Царя и Отечество». Монархизм, консерватизм, национализм, антисемитизм, свойственные правым партиям и союзам, нашли отражение и в их взглядах на вооруженные силы. Выступая против политизации армии, ее контактов с представителями политических течений как революционной, так и либерально-оппозиционной направленности, правые вместе с тем сами стремились получить возможность политического воздействия на вооруженные силы страны, настаивая при этом, что в монархическом государстве монархическая пропаганда не может считаться политикой. Однако, несмотря на то, что отношение правых к вооруженным силам всегда отличалось вниманием и поддержкой, как показали последующие события, сделать своими союзниками генералитет и офицерство они в целом так и не смогли. Либеральные и социалистические идеи, захватившие в начале XX века значительную часть образованного общества, постепенно распространились и на армию, которая к 1917 году перестала играть традиционную роль опоры трона.

Источники

1. *А. Б. О.* Горе наших войск / А. Б. О. // Русское знамя : газета. — 1907. — 4 июля.
2. *Белоха М.* Политика и армия / М. Белоха // Земщина : газета. — 1911. — 17 июля.
3. *Берегите* армию // Русское знамя : газета. — 1907. — 27, 29 июня, 6, 11, 13, 14, 24, 26—28 июля, 1, 3, 12, 19, 21 августа, 12 сентября.
4. *Бе-ха М.* Евреи на войне / М. Беха // Земщина : газета. — 1910. — 21 января.
5. *Буй-Тур.* Отказ в кредитах на постройку броненосцев / Н. Е. Марков // Курская быль : газета. — 1908. — 12 марта.
6. *Бурун.* Мысли о потешной армии / Бурун // Земщина : газета. — 1911. — 13 июля.
7. *Военный.* Армия и политика // Вече : газета. — 1908. — 13 февраля.
8. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 117. Оп. 1. Д. 666. Л. 7.
9. ГД—3.1.1 — *Государственная* дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1908. — Ч. 1. — 2140 стб.
10. ГД—3.1.2 — *Государственная* дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1908. — Ч. 2. — 2962 стб.
11. ГД—3.3.3 — *Государственная* дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия III. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1910. — Ч. 3. — 3244 стб.

12. ГД—3.5 — *Государственная* дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия V. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1911. — 3830 стб.

13. ГД—3.5.4 — *Государственная* дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия V. Ч. 4. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1912. — 4336 стб.

14. ГД—4.1.1 — *Государственная* дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия I. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1913. — Ч. 1. — 2438 стб.

15. *Глинка С.* Необходимость усиления армии / С. К. Глинка // Земщина : газета. — 1913. — 8 октября.

16. *Из отчета* о перлюстрации департамента полиции за 1908 г. // Красный архив. — 1928. — Т. 27. — С. 139—159.

17. *Козлов И.* Армия и политика / И. Козлов // Земщина : газета. — 1910. — 5 февраля.

18. *Марков Н. Е.* Войны темных сил. Статьи. 1921—1937 / Н. Е. Марков ; Сост. М. Б. Смолин. — Москва : Москва, 2002. — 528 с. — ISBN 5-89097-043-7.

19. *Меньшиков М. О.* Великорусская идея / М. О. Меньшиков ; Сост., предисл., коммент. В. Б. Трофимовой. — Москва : Институт русской цивилизации, 2012. — Т. 1. — 688 с. — ISBN 978-5-4261-0011-4.

20. *Меньшиков М. О.* Письма к русской нации / М. О. Меньшиков ; Вступ. статья и прим. М. Б. Смолина. — Москва : Москва, 1999. — 560 с. — ISBN 5-89097-016-X.

21. *Переписка* и другие документы правых (1911—1913) // Вопросы истории. — 1999. — № 10. — С. 94—118.

22. *Правые* партии. 1905—1917. Документы и материалы. В 2 тт. / 1905—1910 гг. — Москва : РОССПЭН, 1998. — Т. 1. — 720 с.

23. *Программа* Русского собрания. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1907. — 19 с.

24. *Разведчик*. — 1906. — № 816. — С. 479 ; 1907. — № 854. — С. 133.

25. РГВИА — *Российский* государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 9. Д. 25772. Л. 31—33.

26. *Совещание* монархистов 21—23 ноября 1915 года в Петрограде : постановления и краткий отчет. — Москва : Типография градоначальства, 1915. — 45 с.

27. *Томилин В.* К усилению русской армии / В. В. Томилин // Земщина : газета. — 1913. — 21 сентября.

28. *Тришатный А. И.* Беспартийная армия / А. И. Тришатный // Русское знамя : газета. — 1907. — 29 мая.

29. *Ухтубужский П.* Монархисты и воинство / Н. Д. Облеухов // Земщина : газета. — 1910. — 30 сентября.

30. *Ч-ский.* В Союзе русского народа / Ч-ский // Земщина : газета. — 1911. — 8 декабря.

Литература

1. *Иванов А. А.* Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич / А. А. Иванов. — Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2020. — 621 с. — ISBN: 978-5-93615-217-7.

2. *Иванов А. А.* Правые в русском парламенте : от кризиса к краху (1914—1917). / А. А. Иванов. — Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2013. — 520 с. — ISBN 978-5-98874-079-7.

3. *Кирьянов Ю. И.* Правые партии в России. 1911—1917 гг. / Ю. И. Кирьянов. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 464 с. — ISBN 5-8243-0244-8.

4. *Коцюбинский Д. А.* Русский национализм в начале XX столетия : Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза / Д. А. Коцюбинский. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 525 с. — ISBN 5-8243-0207-3.

5. *Размолодин М. Л.* Идеология черносотенных организаций в России в начале XX века / М. Л. Размолодин. — Екатеринбург : Издательские решения, 2020. — 352 с. — ISBN 978-5-0051-7008-8.

6. *Ромов Р. Б.* Фракция правых в III Государственной думе (1907—1912) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Р. Б. Ромов. — Москва, 2003. — 543 с.

7. *Рылов В. Ю.* Патриотические и военно-спортивные организации в общественно-политической жизни России начала XX века / В. Ю. Рылов // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. — 2010. — № 7 (78). — Выпуск 14. — С. 150—158.

8. *Степанов А. Д.* Дружинин Константин Иванович / А. Д. Степанов // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900—1917 / Сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. — Москва : Институт русской цивилизации, 2008. — С. 165.

9. *Шацилло К. Ф.* Последняя военно-морская программа царского правительства / К. Ф. Шацилло // Отечественная история. — 1994. — № 2. — С. 161—165.

Material resources

A. B. O. (1907). The grief of our troops. *Russian banner: newspaper. July 4.* (In Russ.).

Be-ha, M. (1910). Jews at war. *Zemshchyna: gazeta. January 21.* (In Russ.).

Belokha, M. (1911). Politics and the army. *Zemshchyna: gazeta. July 17.* (In Russ.).

Buoy, Tour. (1908). Refusal of loans for the construction of battleships. *Kursk byl: gazeta. March 12.* (In Russ.).

Burun. (1911). Thoughts about the funny army. *Zemshchyna: gazeta. July 13.* (In Russ.).

Ch-skyy. (1911). In the Union of the Russian People. *Zemshchyna: gazeta. December 8.* (In Russ.).

Correspondence and other documents of the right (1911—1913). (1999). *Questions of history, 10:* 94—118. (In Russ.).

From the report on the perlustration of the police Department for 1908. (1928). *Krasny archiv, 27:* 139—159. (In Russ.).

Glinka, S. (1913). The need to strengthen the army. *Zemshchyna: gazeta. October 8.* (In Russ.).

Kozlov, I. (1910). Army and politics. *Zemshchyna: gazeta. February 5.* (In Russ.).

Markov, N. E. (2002). *Wars of the dark Forces. Articles. 1921—1937.* Moscow: Moscow. 528 p. ISBN 5-89097-043-7. (In Russ.).

Menshikov, M. O. (1999). *Letters to the Russian Nation.* Moscow: Moscow. 560 p. ISBN 5-89097-016-X. (In Russ.).

Menshikov, M. O. (2012). *Great Russian idea, 1.* Moscow: Russian Civilization Institute. 688 p. ISBN 978-5-4261-0011-4. (In Russ.).

Military. Army and Politics. (1908). *Veche: newspaper. February 13.* (In Russ.).

Right parties. 1905—1917. Documents and materials. In 2 volumes. 1905—1910. (1998). Moscow: ROSSPEN. 720 p. (In Russ.).

Russian State Military Historical Archive. F. 400. Op. 9. D. 25772. L. 31—33. (In Russ.).

Scout, 816: 479; *854:* 133. (1906, 1907). (In Russ.).

State Archive of the Russian Federation. F. 117. Op. 1. D. 666. L. 7. (In Russ.).

Take care of the army. (1907). *Russian banner: newspaper. June 27, 29, 6, 11, 13, 14, 24, 26—28 July, 1, 3, 12, 19, 21 August, September 12.* (In Russ.).

The meeting of Monarchists on November 21—23, 1915 in Petrograd: resolutions and a brief report. (1915). Moscow: Printing House of the city Administration. 45 p. (In Russ.).

The program of the Russian Assembly. (1907). St. Petersburg: [b. i.]. 19 p. (In Russ.).

CC BY

The State Duma. Verbatim reports. Convocation III. Session I, 1. (1908). St. Petersburg: State Printing House. 2140 stb. (In Russ.).
The State Duma. Verbatim reports. Convocation III. Session I, 2. (1908). St. Petersburg: State Printing House. 2962 stb. (In Russ.).
The State Duma. Verbatim reports. Convocation III. Session III, 3. (1910). St. Petersburg: State Printing House. 3244 stb. (In Russ.).
The State Duma. Verbatim reports. Convocation III. Session V. (1911). St. Petersburg: State Printing House. 3830 stb. (In Russ.).
The State Duma. Verbatim reports. Convocation III. Session V, 4. (1912). St. Petersburg: State Printing House. 4336 stb. (In Russ.).
The State Duma. Verbatim reports. Convocation IV. Session I, 1. (1913). St. Petersburg: State Printing House. 2438 stb. (In Russ.).
Tomilin, V. (1913). To strengthen the Russian army. *Zemshchyna: gazeta. September 21.* (In Russ.).
Trishatny, A. I. (1907). Non-Party army. *Russian banner: newspaper. May 29.* (In Russ.).
Ukhtubuzhsky, P. (1910). Monarchists and the army. *Zemshchyna: gazeta. September 30.* (In Russ.).

References

Ivanov, A. A. (2013). *The Right in the Russian parliament: from crisis to collapse (1914—1917)*. Moscow; St. Petersburg: Alliance-Archeo. 520 p. ISBN 978-5-98874-079-7. (In Russ.).
Ivanov, A. A. (2020). *Fiery reactionary Vladimir Mitrofanovich Purishkevich.* St. Petersburg: Vladimir Dal. 621 p. ISBN: 978-5-93615-217-7. (In Russ.).
Kiryanov, Yu. I. (2001). *Right parties in Russia. 1911—1917.* Moscow: ROSSPEN. 464 p. ISBN 5-8243-0244-8. (In Russ.).
Kotsyubinsky, D. A. (2001). *Russian nationalism at the beginning of the twentieth century: The Birth and death of the ideology of the All-Russian National Union.* Moscow: ROSSPEN. 525 p. ISBN 5-8243-0207-3. (In Russ.).
Razmolodin, M. L. (2020). *Ideology of black-hundred organizations in Russia at the beginning of the twentieth century.* Ekaterinburg: Publishing solutions. 352 p. ISBN 978-5-0051-7008-8. (In Russ.).
Romanov, R. B. (2003). *The faction of the right in the III State Duma (1907—1912)*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 543 p. (In Russ.).
Rylov, V. Yu. (2010). Patriotic and military-sports organizations in the socio-political life of Russia at the beginning of the XX century. *Scientific Vedomosti. History series. Political science. Economy. Computer science, 7 (78) / 14:* 150—158. (In Russ.).
Shatsillo, K. F. (1994). The last naval program of the tsarist government. *Russian History, 2:* 161—165. (In Russ.).
Stepanov, A. D. (2008). Druzhinin Konstantin Ivanovich. *Black Hundred. Historical Encyclopedia 1900—1917.* Moscow: Institute of Russian Civilization. P. 165. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 07.12.2021,
одобрена после рецензирования 30.01.2022,
подготовлена к публикации 23.04.2022.

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Ишин А. В. Повстанческое движение «бело-зеленых» в Крыму в первой половине 1920-х годов : национальные, идеологические, структурные особенности / А. В. Ишин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 395—414. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-395-414.

Ishin, A. V. (2022). Insurrectionary Movement of "White-Greens" in Crimea in First Half of 1920s: National, Ideological, Structural Features. *Nauchnyi dialog, 11(3):* 395-41400. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-395-414. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-395-414

Повстанческое движение «бело-зеленых» в Крыму в первой половине 1920-х годов: национальные, идеологические, структурные особенности

Ишин Андрей Вячеславович
orcid.org/0000-0001-6513-4198
доктор исторических наук, доцент
кафедра истории России
a.ischin@yandex.ru

Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 21-09-43110 «Взаимоотношения
партийно-государственной власти
и полиэтничного общества в ходе
реализации национальной политики
(на материалах Северо-Кавказского
Края и Крымской АССР, 1920-е г.)

Insurrectionary Movement of "White-Greens" in Crimea in First Half of 1920s: National, Ideological, Structural Features

Andrey V. Ishin
orcid.org/0000-0001-6513-4198
Doctor of History, Associate Professor,
Department of History of Russia
a.ischin@yandex.ru

V. I. Vernadsky Crimean
Federal University
(Simferopol, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by the Russian Foundation for Basic
Research project number 21-09-43110
"Relationships between party-state
power and a multi-ethnic society
in the course of the implementation
of national policy (based on the materials
of the North Caucasus Territory
and the Crimean ASSR, 1920s)

© Ишин А. В., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности повстанческого движения «бело-зеленых» в Крыму в первой половине 1920-х годов. Указывается, что всестороннее исследование его национальных, идеологических, структурных особенностей имеет принципиальное значение для комплексного научного осмысления характеристик заключительного этапа гражданской войны в России, а также для проекции исторической ситуации на новейшую историю Крыма и юга России в целом. Проанализированы материалы пяти фондов Государственного архива Республики Крым, данные периодической печати рассматриваемого периода, опубликованные документальные и нарративные источники. Выявлены причины генезиса, основные этапы, национальные, идеологические, структурные особенности повстанческого движения, охарактеризованы причины его итогового поражения. Выводы, полученные автором в ходе работы, позволяют обозначить новый вектор в осмыслении социальных движений, непосредственно влияющих на характер этнонационального развития послереволюционного Крыма и юга России. Отмечается, что данное исследование правомерно рассматривать в свете изучения истории гражданской войны на юге России, продолжавшейся уже после ликвидации ее «внешних» фронтов. Автор предлагает системный подход к изучению повстанческого движения в Крыму.

Ключевые слова:
гражданская война; повстанческое движение; бело-зеленые; национальные особенности; Крым.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of the “white-green” rebel movement in the Crimea in the first half of the 1920s are considered. It is indicated that a comprehensive study of its national, ideological, structural features is of fundamental importance for a comprehensive scientific understanding of the characteristics of the final stage of the civil war in Russia, as well as for the projection of the historical situation on the recent history of the Crimea and the south of Russia as a whole. The materials of five collections of the State Archives of the Republic of the Crimea, the data of the periodical press of the period under review, published documentary and narrative sources are analyzed. The causes of the genesis, the main stages, national, ideological, structural features of the insurrectionary movement are revealed, the reasons for its final defeat are characterized. The conclusions obtained by the author in the course of the work make it possible to designate a new vector in the understanding of social movements that directly affect the nature of the ethno-national development of the post-revolutionary Crimea and southern Russia. It is noted that this study can be legitimately considered in the light of studying the history of the civil war in the south of Russia, which continued after the liquidation of its “external” fronts. The author offers a systematic approach to the study of the insurgent movement in the Crimea.

Key words:
civil war; insurgency; white-green; national features; the Crimea.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(470.75)“1921/1925”

Повстанческое движение «бело-зеленых» в Крыму в первой половине 1920-х годов: национальные, идеологические, структурные особенности

© Ишин А. В., 2022

1. Введение = Introduction

Изучение протестных социальных движений, охвативших ряд регионов бывшей Российской империи на заключительном этапе гражданской войны и сразу после ее завершения, актуально по нескольким причинам:

— во-первых, это важно с точки зрения научного понимания причин массового сопротивления на региональном уровне установлению большевистской модели Советской власти;

— во-вторых, обогащается научный взгляд на социально-структурную специфику гражданского противоборства в условиях финального этапа Великой Российской революции;

— в-третьих, высвечиваются новые грани в понимании взаимоотношений партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики.

Крым, который с февраля 1917 года по ноябрь 1920 года семь раз испытал смену политических режимов, стал регионом, в котором антибольшевистское повстанческое движение со своими национальными, идеологическими и структурными особенностями с разной степенью интенсивности развивалось с конца 1920-го вплоть до 1923 года, а латентные проявления (главным образом в политико-идеологической сфере) гражданского противоборства остро ощущались на протяжении всей первой половины 1920-х годов, то есть периода, именуемого в советской историографии «восстановительным». Перечисленными факторами обусловлены территориальные (Крымский полуостров) и хронологические (1921—1925 годы) рамки представленной работы.

Научная проблема начиная с 1920-х годов до настоящего времени исследовалась по преимуществу фрагментарно. Ряд аспектов, касающихся организации и деятельности ряда повстанческих групп, рассматривался ранее автором статьи [Ишин, 2002; Ишин и др., 2016; Ишин, 2018].

Научная новизна работы заключается в комплексном исследовании антибольшевистского повстанческого движения в Крыму с учетом его специфики. При этом в научный оборот вводится ряд архивных материалов из фондов Государственного архива Республики Крым (ГАРК).

CC BY

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель статьи заключается в комплексном исследовании национальных, идеологических, структурных особенностей повстанческого движения в Крыму.

Анализ историографии проблемы позволяет выделить три основных периода: первый (1920-е — середина 1950-х годов), второй (середина 1950-х — 1990-й годов) и третий (1991 год — по настоящее время), которые различаются исходя из критериев полноты, системности и объективности исследования.

Среди работ, относимых к первому периоду, значителен фундаментальный труд С. П. Мельгунова [Мельгунов, 1990]. Книга была написана в эмиграции и впервые издана в 1923 году в Берлине. В работе имеется специальный раздел — «Крым после Врангеля», где достаточно скрупулезно исследуется политика красного террора, упоминается и о деятельности групп «бело-зеленых». Кроме того, в историографии этого времени показателен научный сборник «Десять лет Советского Крыма» [Десять лет …, 1930], посвященный десятилетию советизации региона. В данном коллективном труде дается обзор экономического и политического положения Крымского полуострова в «восстановительный» период, при этом «борьба с остатками осевшей в Крыму контрреволюции» расценивается как важная составляющая «первых трех лет советского строительства в Крыму» [Там же].

Второй период историографии по данной теме связан в первую очередь с коллективными работами, среди которых [Очерки по истории Крыма, 1964; Борьба большевиков за власть Советов в Крыму, 1967; История городов и сел Украинской ССР. Крымская область, 1974] и ряд других. Большое значение в историографии рассматриваемого периода имеют и авторские работы [Семин и др., 1957; Надинский, 1958; Петров, 1970; Орлов, 1987]. Авторы указанных трудов подробно исследуют деятельность Крымского революционного комитета и Областного комитета РКП (б), рассматривают отдельные аспекты в деятельности органов Всероссийской чрезвычайно комиссии (ВЧК) и других «военно-революционных» структур, а также некоторых повстанческих формирований.

Третий период, в значительной мере характеризующийся деидеологизацией исторической науки, выявил крайне важные векторы исследовательской инициативы, обусловленной как публикацией ранее закрытых архивных источников, так и анализом сложных исторических процессов в фокусе объективного научного поиска. Так, К. А. Марков [Марков, 1995] и А. В. Тимощук [Тимощук, 1996] на обширном фактическом материале рассматривают вопросы союза власти большевиков с Н. Махно и последующего уничтожения возглавляемого им движения после победы над Вран-

CC BY

гелем. Ликвидация «махновщины» непосредственно коснулась Крымской группы С. Каретникова, определенная часть которой вошла впоследствии в состав антибольшевистских формирований.

В работе Н. Е. Дементьева и А. Г. Зарубина [Дементьев и др., 1993] содержатся важные сведения о деятельности чрезвычайных органов «по борьбе с бандитизмом», при этом вооруженное противоборство на полуострове в 1921—1922 годах оценивается как продолжение гражданской войны.

При подготовке статьи мы опирались на комплекс опубликованных и архивных источников, а также на данные периодической печати рассматриваемого периода, которые исследовались нами системно, на основе фундаментальных принципов объективности и историзма, а также на документальные и нарративные источники.

Важным документом эпохи, рассматриваемым в данном исследовании, является докладная записка члена Коллегии Народного комиссариата по делам национальностей М. Х. Султан-Галиева «О положении в Крыму» [Султан-Галиев, 1996]. Будучи командированным в Крым для изучения положения дел, М. Х. Султан-Галиев находился на полуострове с 13 февраля по 29 марта 1921 года. Результатом его работы стал развернутый доклад, в котором видный представитель Советской власти разоблачил творимый в Крыму произвол. Докладная записка содержит ценные сведения об особенностях проведения военно-коммунистической политики, о красном терроре и его последствиях, о зарождении повстанческого антибольшевистского движения.

Ценным нарративным источником являются заметки очевидца «В Крыму после Врангеля» [В Крыму …, 1996]. «Заметки» представляют собой воспоминания человека, который был свидетелем жизни в «послеврангелевском» Крыму. В них содержатся сведения о беззакониях, грабежах, красном терроре, чинимых представителями Советской власти, а также об экономическом положении населения Крыма, общественных настроениях, отдельных проявлениях деятельности повстанческих антибольшевистских отрядов.

Кроме того, мы обратились к автобиографической эпопее И. С. Шмелева «Солнце мертвых» [Шмелев, 1991], которая по существу является уникальным историческим источником, облеченным в художественную форму. Произведение посвящено трудным месяцам жизни писателя в Крыму в 1918—1922 годах. Основной временной отрезок, на котором базируется сюжетная линия, начинается с августа 1921 и заканчивается весной 1922 года. Автор описывает ужасы красного террора и голода, военно-коммунистической политики «революционных» властей Крыма, в эпопее можно почерпнуть сведения и о вооруженном антибольшевистском

CC BY

движении. При работе с этим, несомненно, очень значимым источником нужно иметь в виду, что писатель зачастую руководствовался рассказами, впечатлениями своих знакомых, в некоторых случаях слухами, поэтому его данные требуют соотнесения с архивными документами.

В настоящей работе использован комплекс архивных источников, хранящихся в фондах Государственного архива Республики Крым, систематизация и анализ которых имеют определяющее значение в исследовании заявленной темы. Документы фонда 1 (Крымский обком РКП(б)) содержат уникальные сведения о характере вооруженного антибольшевистского движения в первой половине 1920-х годов и методах борьбы с ним. Фонд содержит многочисленные оперативные материалы крымских органов Всероссийской чрезвычайной комиссии о деятельности различных антибольшевистских организаций, их национальных, идеологических, структурных особенностях. Большое значение имеют информационно-аналитические сведения об экономической и политической ситуации в крымских округах.

Фонд Р-1108 (Верховный суд Крымской АССР) содержит сводки Государственного политического управления (правопреемник ВЧК) «об экономическом и политическом состоянии Крыма», позволяющие составить целостное представление о настроениях крымского населения, о национально-религиозных векторах политической агитации антибольшевистской направленности.

В материалах фонда Р-1188 (Крымский революционный комитет) содержатся данные о характере и динамике повстанческого антибольшевистского движения «бело-зеленых» и формах борьбы с ним, служебная переписка Крымского революционного комитета с органами Всероссийской чрезвычайно комиссии, крымской милиции о специфике общественно-политической ситуации в Крыму в начале 1920-х годов.

Фонд Р-1881 (Симферопольская городская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности) в значительной мере раскрывает для исследователя не только принципы судопроизводства в крымских органах ВЧК, состав судебной коллегии центрального органа ЧК на полуострове, но также и ряд характерных проявлений протестных настроений крымского населения в 1921 году.

Документы фонда Р-3285 (Части особого назначения Крымской АССР) содержат телеграммы штаба 6-ой Отдельной Крымской коммунистической бригады особого назначения командирам батальонов о состоянии оперативной обстановки в Крыму, сообщения о военных действиях Частей особого назначения Крыма, оперативные сводки, напрямую затрагивающие вопросы динамики развития «политического бандитизма», его идеологические и структурные особенности.

CC BY

Наряду с опубликованными и архивными источниками в статье использованы материалы периодической печати, а именно официального печатного органа Крымского революционного комитета, Крымского обкома РКП (б) и Крым ЦИКа — центральной крымской газеты «Красный Крым», которые содержат информацию по экономическому, социальному и политическому развитию полуострова. Сведения, почерпнутые из газеты, способствовали выявлению причин антибольшевистских выступлений, основных векторов борьбы с большевистской моделью Советской власти, особенностей противодействия повстанчеству как социальному протестному движению.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Факторы зарождения и социальная структура повстанческого движения «бело-зеленых»

В советских документальных и нарративных источниках, а также в исторической литературе прочно утвердился взгляд на вооруженное антибольшевистское движение, развивавшееся уже после победы большевиков над Белыми силами Юга России, как на «политический бандитизм». Наряду с этим было выдвинуто, с нашей точки зрения, совершенно обоснованное положение о том, что это движение явилось составной частью гражданской войны в Советской Республике. Такого мнения придерживались полководцы, непосредственно руководившие борьбой против вооруженной контрреволюции, такие как М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевский, Р. П. Эйдеман и др. [Трифонов, 1964, с. 3]. В советской историографии данную точку зрения разделял И. Я. Трифонов [Трифонов, 1964, с. 3] и некоторые другие исследователи.

По нашему мнению, вооруженное противоборство между антибольшевистскими силами и органами Советской власти на Крымском полуострове в первой половине 1920-х годов вполне правомерно рассматривать как составную часть продолжавшейся гражданской войны. Примечательно, что аналогичного мнения, как свидетельствуют многочисленные документы, придерживалось и руководство Крымской чрезвычайной комиссии. Как явствует из используемых нами источников, значительную часть которых представляют оперативные материалы органов ВЧК и ЧОН, в 1921—1922 годах мы можем говорить об организованном антибольшевистском движении. 1923 год уже характеризуется, скорее, эпизодическими, несистемными, проявлениями вооруженной борьбы.

Появление и генезис движения «бело-зеленых» имели в своей основе ряд причин. Важнейшими среди них явились политика военного коммунизма, выразившаяся во взимании продразверстки, реквизициях, запрете частной торговли и сопровождавшаяся повсеместными многочисленными

CC BY

злоупотреблениями, а также масштабный террор, инициированный центральной властью и нанесший ощутимый удар по всем слоям населения Крымского полуострова. «Население долго жило надеждой на приход кого-либо из иностранных войск на помощь, но когда мечты все были разбиты, то стали помаленьку приспосабливаться к жизни под большевистским ярмом и смирились с духом», — читаем в рассказе одного из очевидцев тех событий [В Крыму после …, 1996, с. 62]. Член Коллегии Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР М. Х. Султан-Галиев в докладе «О положении в Крыму» отмечал: «У всех чувствуется какой-то сильный, чисто животный страх перед советскими работниками, какое-то недоверие и глубоко скрытая злоба» [Султан-Галиев, 1996, с. 96].

Приведенные выводы подтверждаются и архивными документами. Так, по данным «информационных наблюдений» органов ВЧК за 1921 год, «заметно недовольство на почве плохого питания и не производящимся обследованием одежды и обуви рабочих…» [ГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 91, л. 22], «трудящиеся массы <…> настроены враждебно» [Там же, л. 68 об.], «настроение <…> населения невозможное» [Там же, л. 74].

Подобные настроения, подкрепляемые к тому же страшным голодом, продолжали сохраняться и в 1922 году. Так, в суточной сводке Крымской ЧК от 10 января 1922 года говорится, что у населения «настроение угнетенное <…> отношение к Компартии безразличное <…> отношение к продналогу и к другим повинностям весьма враждебное» [ГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 135, л. 8—9]. В той же сводке отмечен ряд случаев проявления открытого недовольства. Так, например, в одном из сел Джанкойского округа «на общем собрании крестьян 3 января слышались выкрики: “Идемте и разобьем загконтору (заготовительную контору. — *А. И.*) и продсклады и достанем себе хлеба”» [Там же, л. 8]. В Бакальском районе Евпаторийского округа «толпа в количестве 250 человек хотела разгромить ссыппункты (ссыпные пункты. — *А. И.*) загконторы на пристани Бакала» [Там же].

С примерами недовольства населения мы сталкиваемся и в период относительной социально-экономической стабилизации — в 1923—1925 годах. Так, по данным Государственного политического управления, севастопольские рабочие выражали «недовольство на несвоевременную выдачу жалованья, низкие ставки, отсутствие кредитования» [ГАРК, ф. Р-1108, оп. 1, д. 8, л. 53], сильное недовольство наблюдалось среди рабочих Керченского государственного металлургического завода, «на почве снижения зарплаты <…> обострились взаимоотношения с администрацией» [Там же, л. 59], «отмечено <…> недовольство рабочих Феодосийской табачной фабрики» [Там же, л. 68].

Таким образом, становится вполне очевидным, что большевистская модель Советской власти в Крыму в первой половине 1920-х годов дер-

CC BY

жалась в значительной мере на штыках красноармейцев, которые жили «отдельной семьей, нисколько не заражаясь психологией окружающей массы» [Там же, л. 9]. Несомненно, что существовавший в эти годы моральный климат служил благоприятной почвой для развития всех форм контрреволюции.

Необходимо также учитывать, что в рассматриваемый период в Крыму оставалось немало тех, кто изначально не принимал большевизм, находясь к нему в активной или латентной оппозиции (бывшие помещики, представители «старорежимного» чиновничества и интеллигенции, предпринимательской корпорации и т. п.). Эта оппозиционность усиливалась фактором тяжелой экономической ситуации начала 1920-х годов, нерешенностью национально-культурных проблем.

Социальная структура повстанческих групп «бело-зеленых» включала в себя, наряду с представителями упомянутых ранее привилегированных слоев, крестьян, составлявших главную опору этого движения, жителей городов, бывших махновцев, а также откровенно уголовные элементы. Нередко эти отряды возглавлялись бывшими белогвардейцами, которые не явились на регистрацию согласно указанию (и посулам амнистии) главы Крымского ревкома Бела Куна и потому уцелели в ходе массовых бессудных расправ конца 1920 — начала 1921 годов.

3.2. Динамика и политико-идеологические особенности повстанческого движения «бело-зеленых»

Начало активной деятельности повстанцев (насчитывалось 8—10 тыс. человек) датируется началом декабря 1920 года [Петров, 1970, с. 132; Колонтаев, 1995, с. 62]. Были убиты некоторые представители Советской власти, совершались нападения и подрывы хозяйственных объектов.

Несмотря на ряд успешных операций, проведенных органами Всероссийской чрезвычайной комиссии в феврале — марте 1921 года, в ряде уездов Крыма для большевистского руководства полуострова складывалась крайне неблагоприятная ситуация [Петров, 1970, с. 129]. В мае — июне 1921 года повстанческим отрядам «бело-зеленых», сгруппировавшимся в горнолесной части полуострова и включавшим в свой состав представителей основных национальностей Крыма (русских, украинцев, крымских татар), в значительной мере удалось существенно затруднить работу местных ревкомов.

По данным Крымской областной чрезвычайной комиссии (КОЧК), некоторые группы «именуют себя полками и отрядами, в которых имеется распределение единиц на роты и сотни» [ГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 69, л. 73]. Показательным примером в этом отношении является формирование ротмистра Абадзе. Все бойцы его отряда были разбиты на шесть сотен, причем боль-

CC BY

шей из них была конная сотня под командованием П. П. Платонова. Были также сформированы штаб под руководством есаула «Сергея Дмитриевича» и «политическая группа», в состав которой вошли два представителя от мусульманства и один от белогвардейского офицерства. Причем в сводке подчеркивалось, что «эта группа выпускает воззвания исключительно национального характера к татарскому населению». Согласно донесению вырвавшегося из плена «зеленых» красноармейца, командующего взводом, группа Абадзе «занимается грабежом, берет на мельнице советскую муку, излишек которой раздает крестьянам, чем привлекает на свою сторону население <…> разведка развита до невероятности: знают численность гарнизона, когда пришел или куда ушел какой-либо отряд» [Там же, л. 66, 74].

Учитывая то обстоятельство, что в первые годы формирования большевистской диктатуры де-факто была подорвана сама основа жизни национальных общин полуострова вследствие репрессивного характера социальной политики Советской власти, «бело-зеленые» пытались активно апеллировать к национально-религиозному фактору. Приведем отрывок еще одного показательного документа: «10 июня вблизи гор. Алушты на мусульманский праздник сошлись из ближайших деревень татары для общего празднования. Туда же прибыла банда в составе около 150 человек конных при двух пулеметах. Банда имела намерение воздействовать на мусульман и совместно с ними занять гор. Алушту. Для этой цели бандиты отпустили на праздник одного быка и 25 пудов хлеба, разбрасывали воззвание национально-религиозного характера, призывая татар соединиться для защиты веры и *активно выступить* (выд. нами. — *А. И.*) против <…> власти», — сообщалось 21 июня 1921 года в оперативной сводке КОЧК [Там же, л. 67]. В указанный период, по данным органов ВЧК, почти все мусульманское население Крыма симпатизировало повстанцам [Там же, л. 74].

Вместе с тем власти умело использовали слабые стороны повстанческого движения, а именно — отсутствие у него единого руководящего центра, единой и, главное, разделяемой большинством крымского населения идеологии. Нередко в действиях «бело-зеленых» превалировали эмоции, а не стратегические выверенные шаги, для некоторых групп характерными были действия откровенно уголовного характера.

Отмена продовольственной разверстки 31 мая 1921 года и замена ее почти вдвое меньшим продовольственным налогом [Семин и др., 1957, с. 142; Очерки по истории Крыма …, 1964, с. 20], постепенный переход от принципов военного коммунизма к новой экономической политике, начало наделения землей нуждающихся крестьян (июль 1921 года) [Крымская АССР …, 1990, с. 59] способствовали политической переориентации крестьянства на сотрудничество с Советской властью. На этом фоне Полно-

CC BY

мочной Комиссией по делам Крыма при ВЦИК и СНК в июле 1921 года были инициированы успешные для властей переговоры о сдаче вооруженных формирований на началах широкой амнистии, в результате которых значительная часть повстанцев сложила оружие [Ишин, 2002, с. 16—17].

Тем не менее «затишье» продолжалось не более месяца. В соответствии с оперативными материалами Крымской чрезвычайной комиссии и Частей особого назначения Крыма, осенью 1921 года новая волна вооруженного антибольшевистского движения охватила практически весь Крымский регион, с наибольшей остротой проявившись в сентябре 1921 года в Бахчисарайском и Ялтинском, а позднее в Феодосийском округах. Так, в милицейском рапорте от 8 сентября 1921 года сообщалось: «… сегодня появился какой-то отряд из 40 человек в деревне Ангара (ныне с. Перевальное в Симферопольском районе. — *А. И.*) и производит ограбление мирного населения <...> Такой поступок отряда дает повод думать, что это могут быть зеленые …» [ГАРК, ф. Р-1188, оп. 3, д. 93, л. 330]. 10 января 1922 года в суточной сводке Крымской ЧК отмечалось: «… Отряд генерала Бабочкина перебросился из Тамани на Перевал (очевидно, отряд Бабочкина временно покидал территорию Крыма. — *А. И.*). Им ограблено 97 пудов картофеля, принадлежащего сельскохозяйственному Алуштинскому Товариществу. При ограблении бандиты выдают расписку, сколько и чего ими взято. Налеты на Перевале продолжаются …», — [ГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 135, л. 8.]. По нашему мнению, основной причиной нового всплеска «политического бандитизма» выступил голод, остро ощущавшийся уже в сентябре-октябре 1921 года и повлекший за собой недовольство крестьянства еще недавно сравнительно «либеральным» продналогом.

Несмотря на арест ранее сдавшихся лидеров повстанческих групп, «политический бандитизм» (согласно определению документов советских органов) давал о себе знать и в конце 1921, и в 1922 годах. В пользу «политической» составляющей деятельности вооруженных отрядов неоспоримо свидетельствует их идеологическая работа, зафиксированная оперативными материалами органов Всероссийской чрезвычайной комиссии и Частей особого назначения. Так, например, руководитель одного из активнейших и наиболее опасных для властей отрядов Сергей Захарченко (убит в конце 1921 года. — *А. И.*) именовал себя анархистом и награбленное часто раздавал крестьянам, поэтому у части населения пользовался серьезной поддержкой. Отряд Захарченко имел даже свое знамя, на котором было написано: «Дорогу детям пролетариата» [Орлов, 1987, с. 24].

Руководитель другой повстанческой группы — белый офицер Иван Дуб называл себя «страдальцем за истерзанную Русь», вел среди населения политическую агитацию, обещая за поддержку все необходимое

CC BY

[ГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 69, л. 115, 118]. Согласно сводке ЧК по Севастопольскому району, около деревни Чергонь действовала вооруженная группа, которую возглавлял «татарский офицер, *националист* (выделено нами. — *А. И.*), помещик» [Там же].

Важную роль в поддержке повстанческого движения сыграли многочисленные подпольные организации антибольшевистской направленности. Крайне важное (и показательное) место в истории антибольшевистского подполья в Крыму занимает, в частности, организация Михаила Дионисьева (он же белогвардейский полковник Боженко), установленная органами ВЧК в 1921 году в Симферополе и Биюк-Онларском районе (ныне пос. Октябрьское Красногвардейского района. — *А. И.*). Организацию удалось ликвидировать только в 1922 году. Согласно сообщениям газеты «Красный Крым» от 27 июня и от 22 августа 1922 года, было арестовано 83 участника подпольной группы. В их числе оказались зажиточные крестьяне, бывшие врангелевские офицеры и представители духовенства [Надинский, 1958, с. 138]. Лидер организации Дионисьев провозгласил себя Временным Правителем России и издал свою программу под названием «Наказ № 1» в форме листовки, содержащей ряд высказываний антисемитского содержания, а также элементы программ меньшевиков, эсеров, анархистов, кадетов и некоторых крайне правых дореволюционных партий [Ишин, 2002, с. 20—22]. По нашему мнению, этот документ представлял определенную опасность для пока еще неустойчивой власти большевиков, так как привлекал симпатии самых широких, по-разному настроенных слоев населения. Большого внимания заслуживает то обстоятельство, что Михаил Дионисьев адресует свою программу населению всей Советской России, а не только Крыма.

Общая картина антибольшевистского движения была бы неполной, если бы мы не затронули вопрос о таком явлении, как контрреволюционная агитация. С нашей точки зрения, основанной на изучении архивных, в первую очередь оперативных, материалов, можно выделить несколько направлений такой агитации. По характеру она могла выражаться в устной и письменной (путем распространения листовок, воззваний и т. п.) формах. По содержанию была направлена на 1) призывы к вооруженному свержению власти большевиков, 2) срыв каких-либо отдельных мероприятий Советской власти (например, продразверстки), 3) организацию вооруженных групп, 4) привлечение симпатий к определенным, оппозиционным большевикам, политическим силам (так, очень распространена была «эсеровская» агитация [ГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 69, л. 104, 107]), 5) проявление стихийного возмущения по какому-либо отдельному поводу (например, упоминавшиеся выше призывы к разгрому заготовительной конторы с целью «достать

CC BY

хлеба», призывы к забастовкам, которые в ряде случаев достигали успеха [Там же, д. 135, л. 8]), 6) устрашение населения («скоро власть должна перемениться», «скоро с большевиками расправятся» [Красный Крым, 1921, 1 декабря]), 7) просто открытое возмущение действиями властей.

Здесь важно отметить, что практически все перечисленные направления, за исключением последних двух, предполагали в той или иной степени организацию агитируемых в определенные, разной степени сплоченности группы (что зачастую удавалось). Следует также подчеркнуть, что нередко в процессе агитации использовалось сразу несколько из обозначенных направлений. Так, например, бывший служащий белой контрразведки Абляз Абдрефи агитировал советских милиционеров организовать под его руководством отряд для борьбы с красными и при этом говорил о скором приходе английских войск [Красный Крым, 1925, 4 февраля; Красный Крым, 1925, 5 апреля].

Состав агитаторов также был многообразен. Агитация велась, во-первых, членами подпольных антибольшевистских организаций, во-вторых, участниками отрядов «бело-зеленых» и, в-третьих, отдельными, не связанными с подпольем гражданами. Они вели работу среди разного по субъектному составу агитируемых контингента: мирного населения, самих представителей советской власти (к примеру, А. М. Меркулов агитировал милиционеров конного отряда против выступления в горы для борьбы с «бело-зелеными» [ГАРК, ф. Р-1881, оп. 1, д. 1, л. 9]), а иногда и среди «зеленых» с целью активизации их деятельности. Так, мусульманский проповедник убедил членов отряда ротмистра Абадзе «объявить “священную войну” большевикам и для этой цели они хотят <…> занять какой-нибудь пункт и объявить мобилизацию татар» [ГАРК, ф. 1. оп. 1, д. 69, л. 66]. В целом можно утверждать, что контрреволюционная агитация в конце 1920 — 1922 годах являлась по преимуществу вспомогательным средством, катализирующим вооруженное антибольшевистское движение, являвшееся в тот период основным вектором протестных выступлений.

Неизбежное в условиях новой экономической политики сокращение социальной базы крымской контрреволюции, несомненно, сказалось на значительном уменьшении по сравнению с предыдущим периодом собственно вооруженной борьбы. В 1923 году выступления «бело-зеленых» имели, скорее, эпизодический характер, даже несмотря на факты целенаправленной заброски со стороны Турции специальных агентов из числа бывших белогвардейцев [ГАРК, ф. Р-3285, оп. 2, д. 91, л. 69], что в решающей мере обусловлено постепенным преодолением последствий голода и в целом «издержек» политики военного коммунизма, свойственных периоду гражданской войны [Ишин, 2018].

CC BY

Вместе с тем все больший «удельный вес» неизбежно стали приобретать невоенные формы сопротивления тем или иным действиям властей, возникающие зачастую стихийно и не преследующие далеко идущих целей. Как и ранее, в 1923—1925 годах имели место забастовки рабочих по причине невыплат заработной платы [ГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 253, л. 21].

3.3. Настроения крымского населения и основные векторы проявления протестных настроений в 1923—1925 годах

Широкое распространение среди крестьян получило укрывательство посевов от обложения, принявшее массовый характер. Так, в Кишлавском сельсовете (ныне с. Курское Белогорского района. — *А. И.*) было обнаружено 300 десятин скрытых посевов, в деревне Каравоз (ныне с. Первомайское Кировского района. — *А. И.*) — до 390 десятин [ГАРК, ф. Р-1108, оп. 1, д. 8, л. 56, 70].

Значительное распространение, особенно в зажиточных селениях, получило саботирование землеустроительных работ, обусловленное тем, что мощные хозяйства могли обрабатывать значительно большую часть земли, чем им полагалось по нарезке. Так, например, в Евпаторийском районе, в деревне Абул, крестьяне заявили землемеру: «Вы можете к нам не приезжать, так как мы Вам не дадим подводу и землю нарезать не будем» [Там же, л. 60]. Органами ГПУ отмечались также случаи волнений по причине неправильной, с точки зрения крестьян, нарезки. Так, в Ак-Мечетском сельсовете Евпаторийского района крестьяне отказались брать нарезанную землю из-за того, что сочли ее каменистой и для обработки непригодной. Было выдвинуто требование, чтобы им нарезали землю, принадлежащую соседней деревне Токи [Там же, л. 61].

Волнения вспыхивали также на почве конфликтов между частными и коллективными землепользователями, которых в рассматриваемый нами период было меньшинство. Например, в сводке ГПУ Крыма сообщалось, что 27 мая 1925 года «группой граждан деревни Чолгары (Шунукский сельсовет (ныне пос. Гвардейское. — *А. И.*) Симферопольского района) в числе до 30 человек, под предводительством селисполнителя и наиболее зажиточных крестьян явочным порядком разделили принадлежавшую коммуне “III Интернационал” землю. На увещания членов коммуны и просьбу подождать приезда представителей власти захватчики не обратили внимания. Члены коммуны осыпались площадной бранью, а один из них получил удар от крестьянина из числа предводителей. Захватчики обвиняли Соввласть в том, что она “настроила всевозможные буржуазные совхозы и коммуны, которым здесь не место”, и в противоположность им выставляли крестьян-одиночек. Эта выходка со стороны крестьян указан-

CC BY

ной деревни не первая. Несколько ранее они самовольно запахали землю коммуны, не допустив к работе трактора» [Там же, л. 54].

Со всеми формами сопротивления большевистской модели Советской власти тесно было связано такое явление, как политическая агитация. В 1923—1925 годах имели место все те ее виды, которые были свойственны и предыдущему периоду (конец 1920—1922 годов), однако в связи со значительным сокращением вооруженной борьбы серьезно возросло политическое значение агитации, направленной на невоенные формы сопротивления.

Так, например, согласно данным ГПУ, на Севастопольском судо-ремонтно-строительном заводе «образовалась группа рабочих (численностью около 10 человек), которая ведет антисоветскую агитацию и призывает рабочих к активному требованию своевременной выдачи зарплаты» [Там же, л. 53]. По тем же данным, в Севастопольском районе «среди безработных имеет место агитация за организованное выступление со своими требованиями по примеру других государств, о которых пишут в газетах. Циркулируют слухи об объявлении в ближайшем будущем войны СССР Англией и Францией» [Там же, л. 60]. В деревне Ишунь Джанкойского района при постройке школы гражданин Гарбуз говорил крестьянам, что «за это они могут поплатиться головами, так как воспользовались экономией бывшего помещика Сырача, и никто не уверен в том, что он [не] может возвратиться с белыми» [Там же, л. 64]. В том же районе (Мешеньский сельсовет) бывшая крупная собственница гражданка Дубс призывала крестьян «не посылать детей в школы, где их учат ненужному <…> Она проклинает Ленина и весь руководящий орган Соввласти …» [Там же, л. 73].

Большое воздействие на население (особенно на мусульманское) имела религиозная агитация, нередко носившая национально-политический оттенок. Так, в одной из сводок ГПУ отмечалось, что в деревне Мовлюш (Керченский район) «несколько мулл говорили собравшимся: “Мы видим, что вы веруете в Бога и поэтому с гордостью можем сказать, что ни один из вас не будет коммунистом и комсомольцем, как нет и до сих пор”. (Муллы хорошо развиты и имеют огромное влияние на татарское население)». В той же сводке отмечалось, что в ряде населенных пунктов Керченского района «благодаря усиленной подписке на религиозные журналы подписка на местную газету “Красная Керчь” <…> совершенно прекратилась» [Там же, л. 56].

В другой сводке не без тревоги сообщалось, что «в Барыньском сельсовете Джанкойского района среди мулл с большим интересом обсуждаются газетные сообщения и предположения о скором падении Соввласти» [Там же, л. 73]. Мулла деревни Камышлы (Севастопольский район) распространял «слухи о том, что в Константинополе полтора месяца назад был духовный съезд мусульман, где в числе делегатов присутствовал представитель

CC BY

от Крыма <…> Представитель <…> будто бы сказал, что Соввласть побуждает насильственным путем крестьян-татар брать землю у помещиков, что запрещено мусульманским законом, и что в связи с этим крестьяне Соввластью крайне недовольны» [Там же, л. 74].

В то же время, согласно данным ГПУ Крыма, «среди русских религиозность сравнительно слабее, но все же наблюдаются местами случаи поддержки крестьянами церквей и духовенства. Например: в деревне Александровка (Шунукский сельсовет (ныне пос. Гвардейское. — *А. И.*) Симферопольского района) попу удалось добиться того, что крестьяне собрали средства для ремонта церкви <…> В эту деревню в конце мая (1925 года. — *А. И.*) приезжал архиерей и в проповеди призывал верующих “не слушать смутьянов-коммунистов, так как за это накажет Бог” и т. п. Проповедь архиерея сыграла довольно большую роль в смысле усиления религиозности граждан деревни» [Там же, л. 57].

По всем случаям антибольшевистской агитации органами ГПУ Крыма велась «детальная» или «особая разработка».

4. Заключение = Conclusions

Вооруженное антибольшевистское движение в Крыму представляло собой особый период в развитии выступлений против Советской власти на юге России, спровоцированных навязыванием новым государством военно-коммунистической модели. Антибольшевистские выступления на территории Крымского полуострова отчетливо подразделяются на два больших этапа: первый — конец 1920 — 1922 и второй — 1923 — 1925-й годы. На первом этапе антибольшевистские выступления приняли характер широкого повстанческого движения, второй этап в большей степени характеризуется эпизодическими проявлениями протестных настроений.

В развитии вооруженного антибольшевистского движения, в свою очередь, также можно выделить два временных отрезка. Первый длился приблизительно с начала декабря 1920 года до конца июля 1921 года, то есть с начала активной деятельности вооруженных групп до подписания рядом их руководителей мирных соглашений с большевиками, после которого наступило временное «затишье». Второй датируется приблизительно концом августа — началом сентября 1921 года и концом 1922 года, то есть начало его совпадает с новым всплеском движения «зеленых», а конец — с разгромом организованного антибольшевистского движения, хотя отдельные немногочисленные разрозненные отряды «бело-зеленых» проявляли свою активность и в 1923 году.

В мае-июне и осенью 1921 года для власти большевиков в Крыму существовала реальная серьезная угроза, и все же, с нашей точки зрения,

CC BY

на втором временном отрезке вооруженное антибольшевистское движение развивалось более стихийно и было менее опасно, чем на первом.

На протяжении рассматриваемого в статье периода, наряду с деятельностью повстанческих отрядов и подпольных организаций, имели место стихийные выступления, которые могли носить и вооруженный, и невооруженный характер. В деятельности вооруженных групп была ярко выражена этнонациональная компонента, что, в частности, выразилось в характерных формах агитационно-вербовочной работы среди местного населения.

Наряду с системным переходом к новой экономической политике в стабилизации ситуации важную роль сыграло образование в октябре—ноябре 1921 года Крымской АССР и постоянных органов власти, пришедших на смену ревкомам. У власти появились новые механизмы решения национально-культурных проблем, что также сыграло общую положительную роль в нормализации социально-политической жизни в регионе.

Источники и принятые сокращения

1. *В Крыму* после Врангеля (заметки очевидца) / Предисловие и подготовка текста В. В. Лаврова, комментарии А. В. Мальгина // Крымский Архив. — 1996. — № 2. — С. 59—63.

2. *Газета* «Красный Крым», 1921, 1 декабря ; 1925, 4 февраля ; 1925, 5 апреля.

3. ГАРК — *Государственный* архив Республики Крым. Ф. 1. (Крымский обком РКП (б)). Оп. 1. Д. 69. Л. 19—118. Д. 91. Л. 22, 68 об., 74. Д. 135. Л. 8—9. Д. 253. Л. 21. Ф. Р-1108 (Верховный суд Крымской АССР). Оп. 1. Д. 8. Л. 53, 54, 56, 57, 59, 60, 61, 64, 68, 70, 73, 74. Ф. Р-1188 (Крымский революционный комитет).Оп. 3. Д. 93. Л. 330. Ф. Р-1881 (Симферопольская городская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности). Оп. 1. Д. 1. Л. 9. Ф. Р-3285 (Части особого назначения Крымской АССР). Оп. 2. Д. 91. Л. 69.

4. *Султан-Галиев М. Х.* О положении в Крыму / М. Х. Султан-Галиев ; Предисловие, подготовка текста и комментрии С. А. Усова // Крымский Архив. — 1996. — № 2. — С. 83—97.

5. *Шмелев И.* Солнце мертвых. Эпопея / И. Шмелев // Пути небесные. Избранные произведения. — Москва : Советский писатель, 1991. — С. 23—152. — ISBN 5-265-01216-8.

Литература

1. *Дементьев Н. Е.* История Крыма / Н. Е. Дементьев, А. Г. Зарубин. — Симферополь : Атлас, 1993. — 16 с.

2. *Борьба* большевиков за власть Советов в Крыму / Ответственный редактор И. С. Чирва. — Симферополь : Крымиздат, 1957. — 295 с.

3. *Десять* лет Советского Крыма. Сборник, посвященный десятилетию советизации Крыма. 1920—1930 / Под редакцией товарищей Козлова, Антонюка, Кудрявцева и др. — Симферополь : Крымское государственное издательство, 1930. — 559 с.

4. *История* городов и сел Украинской ССР. Крымская область / Председатель редакционной коллегии Л. Д. Солодовник. — Киев : Институт истории АН УССР, 1974. — 624 с.

5. *Ишин А. В.* Документы «военно-революционных структур Крыма 1921—1922 г». — важный источник по изучению истории Гражданской войны в России / А. В. Ишин, В. А. Ишина // Научный вестник Крыма. — 2016. — № 4 (4). — С. 17.

6. *Ишин А. В.* Неизвестные страницы Гражданской войны в Крыму : год 1921-й / А. В. Ишин // Крымский Архив. — 2002. — № 8. — С. 11—25.

7. *Ишин А. В.* Социально-исторический феномен повстанческого движения в Крыму : 1923 год / А. В. Ишин // Проблемы постсоветского пространства. — 2018. — Т. 5. — № 2. — С. 203—209. — DOI: 10.24975/2313-8920-2018-5-2-203-209.

8. *Колонтаев К. В.* Создание и деятельность органов государственной власти в Крыму (ноябрь 1920 г. — октябрь 1921 г.) / К. В. Колонтаев // Революция и Гражданская война 1917—1920 годов : новое осмысление. Крым. Ялта. 10—18 ноября 1995 : Материалы. — Симферополь : Крымский Архив, 1995. — С. 60—62.

9. *Крымская* АССР (1921—1945). Вопросы — ответы / составитель Ю. И. Горбунов. — Симферополь : Таврия, 1990. — Выпуск 3. — 320 с.

10. *Марков К. А.* Махно и Гражданская война в Крыму / К. А. Марков // Революция и Гражданская война 1917—1920 годов : новое осмысление. Крым. Ялта. 10—18 ноября 1995 : Материалы. — Симферополь : Крымский Архив, 1995. — С. 71—73.

11. *Мельгунов С. П.* Красный террор в России : 1918—1923 / С. П. Мельгунов. — Москва : PUIC ; P.S., 1990. — 208 с. — ISBN 5-7095-0007-0.

12. *Надинский П. Н.* Борьба крымской парторганизации за восстановление народного хозяйства (1921—1925 гг.) / П. Н. Надинский // Борьба большевиков за упрочение Советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства Крыма : сборник статей / ответственный редактор И. С. Чирва. — Симферополь : Крымиздат, 1958. — С. 123—155.

13. *Орлов Г. С.* Тревожные будни : Очерки о чекистах / Г. С. Орлов. — Симферополь : Таврия, 1987. — 192 с.

14. *Очерки* по истории Крыма. Часть III. Крым в период социалистического строительства (1921—1941 гг.) / под общей редакцией И. С. Чирвы. — Симферополь : Крым, 1964. — 222 с.

15. *Петров В. Л.* Боротьба за зміцнення Радянської влади в Криму в 1920—1921 рр. / В. Л. Петров // Український історичний журнал. — 1970. — № 11. — С. 128—132.

16. *Семин А. С.* Революционный комитет Крыма и его роль в упрочении Советской власти (ноябрь 1920 г. — ноябрь 1921 г.) / А. С. Семин, А. А. Горчаков // Известия Крымского государственного педагогического института имени М. В. Фрунзе. — Симферополь, 1957. — Т. XXVIII. — С. 129—145.

17. *Тимощук А. В.* Анархо-коммунистические формирования Н. Махно (сентябрь 1917 — август 1921 гг.) / А. В. Тимощук. — Симферополь : Таврия, 1996. — 190 с.

18. *Трифонов И. Я.* Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа (1921 — 1923 гг.) / И. Я. Трифонов. — Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1964. — Часть 1. — 311 с.

Material resources

In the Crimea after Wrangel (eyewitness notes). (1996). In: *Crimean Archive, 2:* 59—63. (In Russ.).

Newspaper "Red Crimea", 1921, December 1; 1925, February 4; 1925, April 5. (In Russ.).

Shmelev, I. (1991). The Sun of the Dead. Epic. In: *The Ways of heaven. Selected works.* Moscow: Soviet Writer. 23—152. ISBN 5-265-01216-8. (In Russ.).

State Archive of the Republic of Crimea. F. 1. (Crimean Regional Committee of the RCP (b)).. *F. R-1108 (Supreme Court of the Crimean ASSR). F. R-1188 (Crimean Revolutionary Committee). F. R-1881 (Simferopol City Emergency Commission for Combating Counterrevolution and Crimes by position). F. R-3285 (Special purpose units of the Crimean ASSR).* (In Russ.).

Sultan-Galiev, M. H. (1996). On the situation in the Crimea. *Crimean Archive, 2:* 83—97. (In Russ.).

References

Chirva, I. S. (ed.). (1957). *The struggle of the Bolsheviks for the power of the Soviets in the Crimea.* Simferopol: Krymizdat. 295 p. (In Russ.).

Crimean ASSR (1921—1945). Questions and answers, 3. (1990). Simferopol: Tavria. 320 p. (In Russ.).

Dementiev, N. E., Zarubin, A. G. (1993). *The History of the Crimea.* Simferopol: Atlas. 16 p. (In Russ.).

Essays on the history of the Crimea. Part III. Crimea in the period of socialist construction (1921—1941). (1964). Simferopol: Crimea. 222 p. (In Russ.).

History of cities and villages of the Ukrainian SSR. Crimean region. (1974). Kiev: Institute of History of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR. 624 p. (In Russ.).

Ishin, A. V. (2002). Unknown pages of the Civil War in Crimea: the year 1921. *Crimean Archive, 8:* 11—25. (In Russ.).

Ishin, A. V., Ishina, V. A. (2016). Documents "military revolutionary structures of the Crimea 1921—1922" — an important source for the study of the history of the Civil War in Russia. *Scientific Bulletin of the Crimea, 4 (4):* 17. (In Russ.).

Ishin, A. V. (2018). Socio-historical phenomenon of the rebel movement in Crimea: 1923. *Problems of the post-Soviet spaces, 5 (2):* 203—209. DOI: 10.24975/2313-8920-2018-5-2-203-209. (In Russ.).

Kolontaev, K. V. (1995). Creation and activity of state authorities in the Crimea (November 1920 — October 1921). In: *Revolution and Civil War of 1917—1920: a new understanding. Crimea. Yalta. November 10—18, 1995: Materials.* Simferopol: Crimean Archive. 60—62. (In Russ.).

Markov, K. A. (1995). Makhno and the Civil War in the Crimea. *Revolution and the Civil War of 1917—1920: a new understanding. Crimea. Yalta. November 10—18, 1995: Materials.* Simferopol: Crimean Archive. 71—73. (In Russ.).

Melgunov, S. P. (1990). *Red Terror in Russia: 1918—1923.* Moscow: PUICO; P.S. 208 p. ISBN 5-7095-0007-0. (In Russ.).

Nadinsky, P. N. (1958). The struggle of the Crimean Party organization for the restoration of the national economy (1921—1925). In: *The struggle of the Bolsheviks for the consolidation of Soviet power, the restoration and development of the national economy of the Crimea: Collection of articles.* Simferopol: Krymizdat. 123—155. (In Russ.).

Orlov, G. S. (1987). *Disturbing everyday life: Essays on security officers.* Simferopol: Tavria. 192 p. (In Russ.).

Petrov, V. L. (1970). The struggle for the snake Radyanskoy vladi in the Crimea in 1920—1921 pp. *Ukrainian Historical Journal, 11:* 128—132. (In Russ.).

Semin, A. S., Gorchakov, A. A. (1957). The Revolutionary Committee of the Crimea and its role in the consolidation of Soviet power (November 1920 — November 1921). In:

CC BY

Bulletin of the Crimean State Pedagogical Institute named after M. V. Frunze, XX-VIII. Simferopol. 129—145. (In Russ.).

Ten years of the Soviet Crimea. A collection dedicated to the tenth anniversary of the Crimean Soviet. 1920—1930. (1930). Simferopol: Crimean State Publishing House. 559 p. (In Russ.).

Trifonov, I. Ya. (1964). Classes and class struggle in the USSR at the beginning of the NEP (1921—1923). In: *The struggle against the armed Kulak counter-revolution, 1*. Leningrad: Leningrad University Press. 311 p. (In Russ.).

Tymoshchuk, A. V. (1996). *Anarcho-communist formations of N. Makhno (September 1917 — August 1921)*. Simferopol: Tavria. 190 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 13.10.2021,
одобрена после рецензирования 02.02.2022,
подготовлена к публикации 23.03.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Клинов А. С. Тибет во Второй мировой войне / А. С. Клинов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 415—438. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-415-438.

Klinov, A. S. (2022). Tibet in World War II. *Nauchnyi dialog, 11(3):* 415-438. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-415-438. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-415-438

Тибет во Второй мировой войне

Клинов Анатолий Сергеевич
orcid.org/0000-0001-7250-9488
доктор исторических наук, доцент
кафедра зарубежного регионоведения
и востоковедения
newlegend2010@yandex.ru

Кубанский
государственный университет
(Краснодар, Россия)

Tibet in World War II

Anatoly S. Klinov
orcid.org/0000-0001-7250-9488
Doctor of History, Associate Professor
Department of Foreign Regional
Studies and Oriental Studies
newlegend2010@yandex.ru

Kuban State University
(Krasnodar, Russia)

© Клинов А. С., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Автор исследует причины и проявления тибетского нейтралитета во Второй мировой войне на основе справочных материалов, дипломатических документов и переписки, программных документов, мемуаров, публицистики. Приведены доказательства того, что Тибет, являвшийся автономным государством (со статусом политической автономии) под сюзеренитетом Китая (согласно Конвенции Симла 1914 года), стремился к независимости. Лхаса ставила целью международное признание суверенного статуса Тибета и его отделение от Китая. Выявлено, что принятие Тибетом строгого нейтралитета в 1941 году обусловлено занятием поста регента при юном далай-ламе антикитайски настроенным настоятелем монастыря Тактра Агван Сунгрой. Отмечается, что позиция строгого нейтралитета Тибета противоречила Симлской конвенции 1914 года, согласно которой Тибет признавал сюзеренитет Китая над собой. Показано, что отказ Тибета пропустить военные грузы США и Британской империи в Китай через Индию был серьёзной помощью Японии, поскольку в 1942 году японская армия захватила Бирму, и Тибет стал единственным путём военного снабжения Китая. Доказано, что тибетский нейтралитет весомо ограничил возможности Китая, Британской империи и США в войне против Японии.

Ключевые слова:
Вторая мировая война; Тибет; статус; нейтралитет.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The author explores the causes and manifestations of Tibetan neutrality in World War II, based on reference materials, diplomatic documents and correspondence, program documents, memoirs, journalism. Evidence is given that Tibet, which was an autonomous state (with the status of political autonomy) under the suzerainty of China (according to the Simla Convention of 1914), aspired to independence. Lhasa aimed at the international recognition of the sovereign status of Tibet and its separation from China. It was revealed that the adoption of strict neutrality by Tibet in 1941 was due to the fact that the anti-Chinese abbot of the Taktra monastery Agvan Sungra took the post of regent under the young Dalai Lama. It is noted that the position of strict neutrality of Tibet was contrary to the Simla Convention of 1914, according to which Tibet recognized China's suzerainty over itself. It is shown that Tibet's refusal to let US and British Empire military supplies to China through India was a serious help to Japan, since in 1942 the Japanese army captured Burma, and Tibet became the only military supply route for China. It has been proven that Tibetan neutrality significantly limited the possibilities of China, the British Empire and the United States in the war against Japan.

Key words:
World War II; Tibet; status; neutrality.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(515)“17/19”

Тибет во Второй мировой войне

© Клинов А. С., 2022

1. Введение = Introduction

Вторая мировая война была важным событием мировой истории. Позиция, которую заняла в ней та или иная страна, по существу, определила её поведение на международной арене по сей день. В своём Плане мира, состоящем из пяти пунктов, Далай-лама XIV убеждает мировое сообщество, что в случае достижения Тибетом независимости он будет нейтральной миролюбивой страной [Тензин Гьяцо Далай-лама XIV, 1995, с. 26—27]. Определённое представление о том, так ли это, дает анализ позиции Тибета, занятой им во Второй мировой войне. Поэтому данная тема является актуальной.

Объектом работы является тибетская проблема. Предметом исследования стала позиция Тибета во Второй мировой войне. Цель — изучение причин и проявлений тибетского нейтралитета во Второй мировой войне. Задачи статьи состоят в следующем:

— показать причины, в силу которых Тибет занял позицию нейтралитета;

— раскрыть содержание нейтрального статуса Тибета во Второй мировой войне;

— показать, какое влияние оказал тибетский нейтралитет на возможности Китая, Британской империи и Соединенных Штатов Америки бороться против Японской империи.

Хронологические рамки работы охватывают период Второй мировой войны. Не ограничиваясь этим, делаются экскурсы в период с конца XVIII века по 1939 год, когда определились политический статус Тибета и его внешняя политика. Географические рамки работы включают территорию Большого Тибета, остальных регионов Китая, а также Британской Индии и Бирмы (Мьянмы).

Среди исследований преобладают общие работы об истории Тибета и его политическом статусе. Интересны работы отечественных и зарубежных ученых, например, коллективная монография В. А. Богословского и А. А. Москалёва, посвященная общей ситуации, связанной с национально-этническими отношениями в Китае [Богословский и др., 1984]. В ней рассматривается тибетская проблема в целом. В монографии А. С. Мартынова изучаются вопрос о вхождении Тибета в состав Китая в XVIII веке и транс-

CC BY

формация его политического статуса из независимого суверенной страны в вассала цинского Китая под сюзеренитетом Срединного государства [Мартынов, 1978]. То же можно сказать о работах Д. Колмаша [Kolmaš, 1967] и Л. Петеха [Petech, 1950]. Фундаментальным трудом по тибетской проблеме является монография Х. Б. Ричардсона, в которой он дает глубокий анализ основных этапов истории Тибета [Richardson, 1962]. Специально политический статус Тибета исследовал Ли Дэцзэн [Li Tiehtseng, 1956].

Однако позиция Тибета во Второй мировой войне пока ещё не стала предметом специального исследования ни в отечественной, ни в зарубежной науке. Данная статья является скромной попыткой восполнить этот пробел.

Понятие «Тибет» может толковаться двояко: во-первых, как территория Тибетского автономного района Китайской Народной Республики, во-вторых, как все Тибетское нагорье. В последнем случае принято именовать Тибет *Большим Тибетом* или *Великим Тибетом* (допускается именовать его просто *Тибетом*). Великий Тибет состоит из трех исторических областей: Амдо, Кхам и У-Цанг. Амдо включает в себя южные части китайских провинций Цинхай и Ганьсу. Иногда сюда относят крайние северные территории провинции Сычуань. На этих землях живут почти исключительно тибетцы. Кхам объединяет западные горные районы провинции Сычуань, крайние северные территории провинции Юньнань, а также район близ города Чамдо. Здесь также живут только тибетцы, за исключением равнинных районов Сычуани. У-Цанг — это центральные и южные районы Тибета, где также живут преимущественно тибетцы.

Весь У-Цанг и округ Чамдо традиционно были под властью далай-лам (с резиденцией в Лхасе), в то время как остальные тибетские земли составляли конгломерат различных княжеств и монастырей, признававших власть далай-лам как духовных лидеров и согласовывавших с ними свои административно-политические вопросы. Территория, традиционно подчинявшаяся далай-ламам, составляет ныне Тибетский автономный район.

Симлская конвенция 1914 года установила деление Тибета на Внутренний Тибет и Внешний Тибет. Внутренний Тибет — это У-Цанг и округ Чамдо, составляющие ныне Тибетский автономный район КНР, в рассматриваемый период непосредственно подчинявшийся далай-ламам. Все остальные земли тибетцев, входящие в Амдо и в большую часть Кхама, Симлская конвенция отнесла к Внутреннему Тибету и поставила их под исключительную юрисдикцию местных китайских провинциальных властей.

Тибет вошел в состав империи Цин (так именовался Китай в эпоху правления там маньчжурской династии Цин, в период с 1644 по 1912 годы) в 1793 году добровольно. Власть Китая над Тибетом была оформлена

CC BY

сюзерен-но-вассальными отношениями между китайским императором из династии Цин и Далай-ламой VIII (Джампэл Гьяцо).

Китай, оставив за Тибетом самостоятельность в решении внутренних дел, получил право размещать в этом районе контингент цинских войск, решать вопросы обороны и внешней политики Тибетского вассального государства. Непосредственно всеми этими вопросами ведал амбань, наместник маньчжурского императора в Тибете. Он же командовал контингентом цинских войск, дислоцированных в Тибете. Амбань был вправе сместить Кашаг (так называлось правительство старого феодального Тибета) и взять исполнение его функций на себя. Наконец, амбань играл основную роль в реинкарнации далай-лам. Его мнение учитывалось при назначении высших иерархов ламаистской церкви и высших чиновников Тибета.

Поскольку для тибетских и монгольских феодалов пребывание их территорий в составе Китая регулировалось прежде всего сюзеренно-вассальными связями с маньчжурским императором, то упразднение в 1912 году монархии в Китае было, по мнению монголов и тибетцев, достаточным юридическим основанием для выхода из состава Китая их территорий. Поэтому Монголия и Тибет провозгласили независимость. В эти события вмешались Россия и Британская империя. Чтобы избежать вспышки войны между Китаем, с одной стороны, и монгольскими и тибетскими феодалами, с другой стороны, а также с целью укрепления собственных позиций в монгольских и тибетских землях указанные державы добились от Китая признания статуса автономных государств (с правами политической автономии) за Внешней Монголией (Россия) и Внешним Тибетом (Британская империя).

Британские представители оформили это заключенной 3 июля 1914 года Конвенцией в Симле между китайцами, тибетцами и британцами. Симлская конвенция провозгласила Тибет автономным государством под сюзеренитетом Китая, однако в отличие от цинского времени лишила Китай и его представителя в Тибете всех прав, кроме чисто наблюдательных полномочий. Зато Британская империя делегировала своей колонии — Британской Индии реальные права, обеспечившие британским колониальным властям в Индии ведущие позиции во внешней торговле Тибета и возможность оказывать серьёзное влияние на все сферы его жизни.

Китай в то время переживал труднейший в своей истории период милитаризма (1914—1928 годы). Власть на местах была у отдельных генерал-губернаторов, имевших свои вооруженные силы и решавших все вопросы самостоятельно, лишь формально подчинявшихся Центральному правительству Китая, лишенному по существу всякой власти. В 1928 году к власти в Китае пришел Гоминьдан, которому удалось взять под контроль Восточный, Центральный и многие районы Южного Китая. Провинции,

CC BY

непосредственно примыкающие к Внешнему Тибету (Ганьсу, Цинхай, Сычуань и Юньнань), управлялись местными генералами-милитаристами.

Ни Центральное правительство Китая и ни один китайский генерал-милитарист не признали Симлской конвенции 1914 года. Об идее независимости Тибета никто из них не хотел даже слушать. Тогда правивший в Тибете Далай-лама XIII (Тхуптэн Гьяцо) решил в начале 1930-х годов, опираясь на помощь Британской империи, овладеть всем Большим Тибетом. Эта попытка закончилась полным разгромом вооруженных сил Тибета. Только лишь открытое дипломатическое давление Великобритании на Чан Кайши спасло Тибет от установления над ним прямого военно-административного контроля гоминьдановцев.

В разгар этих драматических событий умер Далай-лама XIII (Тхуптэн Гьяцо). В 1935 году Далай-ламой XIV стал Нгаванг Ловзанг Тэгцзин Гьямцхо (урожденный Лхамо Дхондруб). Рожденный в 1935 году и тогда же в результате реинкарнации ставший Далай-ламой, он, однако, начал реально править Тибетом по достижении им совершеннолетия. До этого времени его полномочия осуществлялись по совету и рекомендациям регентов.

Не сумев установить контроль над Внешним Тибетом, Китай, вступивший с 1937 года в Войну сопротивления против Японии, а затем во Вторую мировую войну, принял меры к укреплению своей власти во Внутреннем Тибете. Здесь в дополнение к ранее созданной провинции Цинхай было решено учредить на землях Кхама провинцию Сикан, которая фактически была создана «лишь после 1949 года» [Богословский и др., 1984б, с. 243]. Её губернатору сразу же пришлось управлять враждебным тибетским населением [Ренкур, 1950, с. 54]. Великобритания не могла противодействовать указанным мероприятиям китайского руководства, ибо по решению Симлской конференции Внутренний Тибет должен был находиться под прямой юрисдикцией китайских властей.

В связи с вступлением Британской империи во Вторую мировую войну в 1939 году, а затем в Тихоокеанскую войну в 1941 году возможности англичан влиять на китайцев были ограничены еще больше, поскольку вооруженные силы Китайской Республики играли основную роль в войне против Японской империи и раздражать китайцев тибетской проблемой британцев не решались.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В основной части рассматриваются следующие основные вопросы: во-первых, об эволюции позиции Великобритании и Соединенных Штатов Америки относительно тибетской проблемы с началом Тихоокеанской войны; во-вторых, о нейтралитете Тибета во Второй мировой войне

CC BY

(вернее, об истоках и мотивах этого нейтралитета), в-третьих, о позиции императорской Японии относительно тибетской проблемы, в-четвертых, о противодействии Тибета усилиям союзников помогать вооруженным силам Китайской Республики через тибетские земли, в-пятых, о стремлении верхов Тибета добиться от британо-американских союзников признания Тибета суверенным государством, в-шестых, о позиции руководимой Гоминьданом Китайской Республики по тибетской проблеме в целом и относительно тибетского нейтралитета во Второй мировой войне, в частности, в-седьмых, о позиции Советского Союза относительно Тибета.

Источники, используемые при подготовке статьи, можно разделить на несколько видов: во-первых, это справочные материалы [Ренкур, 1950; Тибет …, 1950, Сувиров, 1905 и др.], во-вторых, материалы архивов [РГАСПИ, ф. 532, оп. 4, д. 343], в-третьих, дипломатические документы и официальная переписка [Memorandum by the Chief, 1960, p. 322; Telegram, 1960 et al.], в-четвертых, поучения, трактаты, программные документы [Тензин Гьяцо Далай-лама XIV, 1995], в-пятых, воспоминания и мемуары [Harrer, 1966; Shakabpa, 1967 et al.], в-шестых, публицистика [Вэй Чунян, 1933; Китайско-индийская …, 23.02.1942].

Для понимания причин и истоков нейтрального статуса Тибета во Второй мировой войне следует обратиться к источникам, дающим информацию о социально-экономической системе и политическом строе старого Тибета (под старым Тибетом понимается феодальный Тибет до 1959 года; после подавления Мартовского восстания 1959 года в Тибете китайские власти начали демонтаж феодализма в этом регионе и унификацию его политического строя и социально-экономической системы в соответствии с общекитайскими критериями по образцу теории Мао Цзэдуна), а затем уже рассматривать информацию, посвященную непосредственно позиции Тибета во Второй мировой войне.

Наиболее ценная информация общего характера по Тибету содержится в материалах Коминтерна [РГАСПИ, ф. 532, оп. 4, д. 343], в справочном материале Амори де Ренкура [Ренкур, 1950], в Белой книге по Тибету, изданной Правительством Тибета в изгнании [Тибет …, 1994], а также в Плане мира Далай-ламы XIV [Тензин Гьяцо Далай-лама XIV, 1995]. Пожалуй, самыми объективными являются сведения Коминтерна. Эта организация курировала социально-классовые движения в различных странах мира. Её особенно интересовали возможности марксистских преобразований в той или иной части мира. Особое внимание уделялось наличию или отсутствию социально-экономических предпосылок для коммунистической трансформации. Ведь при отсутствии таковых марксистское переустройство общества возможно было только силовыми методами в духе экспорта революции. А это озна-

CC BY

чало крах всех планов по коммунистическому преобразованию общества. Коминтерн руководствовался именно марксистской идеологией, с её точки зрения изучал феодальный строй в Тибете и пришёл к заключению о невозможности марксистских преобразований на Крыше Мира.

Вместе с тем Коммунистическим Интернационалом в 1920-е годы был сделан вывод о фиктивном характере власти Китая в этом районе и фактической самостоятельности Тибета, руководство которого ставило две основные задачи, а именно: во внутренней политике сохранить феодализм, во внешней — проводить изоляционистскую политику и добиться дипломатического признания суверенного статуса Тибета, для чего тибетские верхи готовы были сотрудничать с любым государством.

Это же (только в более мягкой форме) подтверждают Амори де Ренкур, упомянутая выше Белая книга по Тибету, а также Т. Шакабпа в своих мемуарах. Однако при характеристике тибетского феодализма Т. Шакабпа и особенно Белая книга по Тибету допускают явную идеализацию существовавшего в старом Тибете строя (чего нет в материалах Коминтерна).

Более объективен в своих мемуарах член Национал-социалистической рабочей партии Германии, обершарфюрер СС Х. Харрер, живший в Тибете в годы Второй мировой войны. Его зарисовки дают объективную картину многих сторон тибетского феодализма, а главное — убедительно показывают, что в Тибете, официально входившем тогда в состав Китая, не было никакого китайского присутствия, а Тибетское автономное государство того времени проводило полностью самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику; главным критерием Тибета во внешней политике был союз с той страной, которая поддержала бы выход Тибета из состава Китая с последующим признанием его независимости и не покушалась бы на основы феодального строя в Тибете [Harrer, 1966]. В целом оценки Х. Харрера весьма близки к оценкам Коминтерна относительно внутреннего положения и внешней политики Тибета.

В источниках, касающихся непосредственно позиции Тибета во Второй мировой войне, прямо указывается на исключительную важность для союзников использовать территорию Тибета, без чего нормальное снабжение китайской армии было в то время невозможным, а это ставило гоминьдановский Китай перед реальной угрозой полного его разгрома Японией. Дипломатическая переписка отражает бессилие Великобритании принудить Тибет помогать союзникам, что заставило Лондон обратиться за помощью к Вашингтону.

Хотя только в 1947 году Соединенные Штаты Америки приняли от Великобритании и Франции (по просьбе последних) роль гаранта мира и прав человека во всем мире, хотя во время Второй мировой войны основой

CC BY

внешней политики США оставался изоляционизм (участие США во Второй мировой войне рассматривалось как временное вынужденное отступление от изоляционизма, вызванное нападением Японии на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года), Вашингтон включился в действия, имеющие целью побудить Тибет встать на сторону стран антигитлеровской коалиции. Об этом свидетельствует интенсивная переписка между внешнеполитическими ведомствами США и Китая [Ambassador …, 1960; Director …, 1960], а также обращение президента США Ф. Д. Рузвельта к Далай-ламе XIV [President Roosevelt, 1960].

Китайская периодическая печать того времени отражает отчаяние (близкое к паническому) гоминьдановского руководства Китая в связи с отказом тибетцев разрешить строить автомобильную дорогу из Индии в Китай через Тибет [Вэй Чунян, 1933; Китайско-индийская, 23.02.1942]. Ведь ещё в 1938—1939 годах японцами были заняты все районы Китая с современным сектором промышленности. В 1937—1942 годах всё необходимое для войны с Японией Китаю поставлял Советский Союз. Он же послал в Китай военных советников. Прибыли в Китай и малочисленные советские авиационные отряды, которые, сразу же покончили с господством в китайском небе японских военно-воздушных сил. Ведь у Китая во время Второй мировой войны авиации не было (она была уничтожена в первых боях с японцами в 1937 году; советские же пилоты в Китае получали китайские имена и фамилии, что создаёт по сей день впечатление о том, что японцам противостояли китайские авиаторы, а не иностранные пилоты). СССР, опасаясь обострения отношений с Японией, в 1941 году прекратил помощь Китаю, последними покинули эту страну (в 1942 году) советские авиаторы. На место советским пришли американские советники и мощная американская воздушная армия. Им тоже требовалось снабжение через Тибет.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Эволюция позиции Великобритании и Соединенных Штатов Америки в отношении Тибета с началом Тихоокеанской войны

Позиция Великобритании (а вслед за нею и США) по проблеме Тибета претерпела некоторые изменения в связи с распространением Второй мировой войны в конце 1941 года на Тихий океан и Юго-Восточную Азию. В начальный период (ноябрь 1941 года – июнь 1942 года) Тихоокеанской войны (1941—1945 годы) союзники потерпели ряд жестоких поражений. Японскому флоту удалось овладеть Юго-Восточной Азией, а японская армия заняла Бирму и вышла на рубежи Индии, являвшейся тогда британской колонией. Её вооруженные силы в результате сильных японских ударов практически полностью утратили боеспособность и в беспорядке

CC BY

отступали в направлении Индостана. Положение тогда спасла юньнаньская группировка китайских войск, срочно сформированная из провинциальных войск Юньнани и контингентов Центрального правительства Китая. Чан Кайши постарался, чтобы этой группировкой командовали специально отобранные им офицеры, отличавшиеся компетентностью, преданностью Китаю и неподкупностью (недостатком этих воинских начальников было их зачастую критическое отношение ко многим взглядам и мероприятиям генералиссимуса Чан Кайши). Они-то и сумели сформировать боеспособные воинские части, которые не только закрыли японцам путь в Китай через Юньнань, но и, нависнув с северо-востока над всеми японскими войсками в Бирме, связали их и не дали им возможности развить наступление в Индию для соединения с германской армией в Иране (как предусматривалось совместными германо-японскими планами). Это среди прочего дало союзникам выигрыш во времени, а в дальнейшем позволило к началу 1945 года восстановить боеспособность Индийской армии.

3.2. Нейтралитет Тибета во Второй мировой войне

В 1941 году регентом стал антикитайски настроенный настоятель монастыря Тактра Агван Сунгрой. Он понимал, что основной силой в войне с Японией является китайская армия и что союзники поэтому не будут вредить Китаю (иначе им самим придется воевать с японцами на суше), в том числе при решении тибетской проблемы. Поэтому в связи с началом Второй мировой войны Тибет провозгласил нейтралитет [Тибет …, 1994, с. 10—11].

Причём Лхаса старалась придерживаться нейтралитета в его строгой форме, несмотря на то, как это отразится на её отношениях с Британской империей, а тем более с Китаем, иными странами антифашистской коалиции, а также со странами оси. Так, когда гражданин Третьего Рейха Х. Харрер (Harrer Hainrich, австриец по происхождению, член НСДАП с 1938 года (год аншлюса Австрии), обершарфюрер СС, один из наставников тогда юного Далай-ламы XIV), в начале Второй мировой войны интернированный британскими властями в Индии, сумел бежать в Тибет, то народ и власти этой китайской политической автономии радушно отнеслись к нему [Harrer, 1966, p. 227—228]. Это, однако, не означало желания Лхасы сближаться с Берлином, тем более что Тибет входил в сферу действия Японии. А в своей сфере влияния японцы не позволяли немцам действовать самостоятельно. Если же их германский союзник проявлял хотя бы малейшую самостоятельность на Тихом океане, в Восточной, Юго-Восточной, Южной или Центральной Азии, то японские власти мгновенно, жестко и вопреки японским обычаям (требовавшим соблюсти церемониал и быть

CC BY

вежливыми и мягкими в обращении с человеком) весьма бесцеремонно пресекали подобные действия [Гольдберг, 1962, с. 201].

3.3. Позиция Японии относительно Тибета

О контактах между Тибетом и Японией следует сказать особо. Япония была единственной страной, которая сразу же, ещё в 20-е годы XX века, проявила желание вывести Тибет из состава Китая и создать независимое Тибетское государство в пределах Большого Тибета. Токио готов был оказать в этом деле Лхасе любую поддержку, в том числе вооруженного характера, включая сюда посылку японских офицеров и даже контингентов японских войск.

Это объясняется политикой Японии в Китае. Япония планировала ослабить Китай, в том числе путем отделения от него отдельных территорий, особенно населенных национальными меньшинствами. Затем, после утверждения себя в Китае, правящие круги Страны восходящего солнца планировали нанести удар по Советскому Союзу. Подчинив Маньчжурию и многие районы Внутренней Монголии, Япония намеревалась подчинить себе Синьцзян и Тибет. Токио хотел создать под эгидой Японии огромную маньчжуро-монгольскую империю по образцу Маньчжоу Го во главе с Пу И как светским монархом и Панчен-ламой IX (Тубден Чокьи Ньима) как духовным лидером [Азизов, 1933, с. 17]. Это государство одновременно было бы в зависимости от Японии и служило бы разделительным поясом между Китаем и Советским Союзом.

Представитель Британской Индии в Лхасе Ч. Белл с тревогой замечал, что японцы свободно посещают Тибет, ведя там деятельность в интересах своей страны и в ущерб Англии [Bell, 1924, p. 220—221]. Токио принимал во внимание традиционное негативное отношение индийцев к британцам одновременно с усилением позиций японского капитала в Индии. Так, в 1932—1933 годы стоимость импорта в Индию из Японии почти сравнялась со стоимостью импорта из Великобритании [Вэй Чунян, 1933, с. 119–120].

Но намерения Японии в Тибете не имели позитивного результата. Во-первых, Япония (в первую очередь благодаря действиям Советского Союза) не смогла закрепиться в Синьцзяне и овладеть Внешней Монголией. Во-вторых, Панчен-лама IX (второе лицо в ламаистской иерархии) стал сближаться с Нанкином, а не с Токио. В-третьих, будучи хорошо осведомленным о колебаниях Панчен-ламы IX (Тубден Чокьи Ньима) между Китаем и Японией и не исключая возможности того, что Панчен-лама IX (Туб-ден Чокьи Ньима) полностью переориентируется на Страну восходящего солнца, Далай-лама XIII (Тхуптэн Гьяцо), а затем его преемник Далай-лама XIV (Нгаванг Ловзанг Тэгцзин Гьямцхо (урожденный Лха-

CC BY

мо Дхондруб)) опасались, что Япония трансформирует Тибет по образцу Маньчжоу-Го. В дальнейшем, когда по образцу Маньжоу-Го японские власти стали создавать подобные государства в контролируемых ими районах, правящие круги Тибета заняли ещё более осторожную позицию, отлично сознавая, что власть любой колониальной державы (Великобритании, Нидерландов, Франции, например) предоставляет своим колониальным народам (имевшим по сути рабские права) гораздо больше возможностей, чем режимы созданных Японией формально независимых государств (Маньжоу-Го в 1932 году, Филиппин и Бирмы в 1943 году).

3.4. Противодействие Тибета усилиям союзников помогать вооруженным силам Китайской Республики через тибетские земли

В условиях Второй мировой войны Тибет повёл себя независимо и, заняв строгий нейтралитет, проявил желание защищать его всеми имеющимися у него возможностями. В то же самое время он проявил склонность по-прежнему ориентироваться на Британскую империю, допуская в отношении неё косвенные шаги, которые могли бы создать у Лондона и Дели впечатление о возможности Лхасы сменить строгий нейтралитет на благожелательный в отношении союзников нейтралитет, разумеется, если союзники посодействуют Тибету в укреплении его самостоятельности и признают его суверенным независимым государством, полноправным субъектом международного публичного права.

Так, когда в 1942 году после понесенных от японской армии тяжелых поражений союзников в Бирме штаб американского генерала Джозефа Стилуэлла через джунгли пробирался в Индию, терпя лишения в пути, им помог тибетский торговый караван, который они случайно встретили [Элдридж, 1947, с. 77]. Официальная Лхаса, узнав об этом, дала весьма благосклонную оценку указанным действиям своих подданных.

Поскольку китайская армия была основной ударной силой в войне против сухопутных войск Японии, а Китай был слабой в военном и хозяйственном отношении страной, основные экономические районы которой к 1938 году оккупировали японские войска, вопрос о снабжении китайской сухопутной армии приобрел для Великобритании и США первостепенное значение. С 1942 года в Китае была размещена армия военно-воздушных войск США, которой командовал генерал Ченнолт (Шеннолт). Её тоже нужно было снабжать всем необходимым. Снабжение осуществлялось в основном по автомобильной дороге Бирма — Китай. Когда же японские войска оккупировали Бирму (британскую колонию), снабжение Китайского фронта прервалось. Поэтому необходимо было в кратчайшие сроки построить новую автомобильную дорогу из Индии в Китай.

CC BY

В этом был заинтересован прежде всего Китай, озабоченный не только возобновлением военных поставок, но и поддержанием традиционных торговых связей с Индией (осуществлялись в значительной мере через Бирму до занятия ею японцами) во время войны [Китайско-индийская …, 23.02.1942, с. 2]. Считая, что без зарубежной помощи Китай не сможет вести войну против Японии, его общественность настаивала на скорейшем строительстве автомобильной дороги из Ассама в Сычуань через Тибет [Там же]. Необходимость подобных действий понимал и сам Чан Кайши. Он направил в Тибет научно-исследовательскую экспедицию, одной из задач которой было изучение технической возможности строительства шоссе. Но тибетцы изгнали эту экспедицию со своей территории. Причём здесь были едины как тибетское правительство в Лхасе, так и полунезависимые тибетские общины и монастыри в Кхаме, формально входившие в состав Сикана.

В этой ситуации Китаю помогли Британская империя и США. Британский представитель оказал заметный прессинг на тибетцев, чтобы те пропустили военные грузы из Индии в Китай [Telegram …, 1960, p. 280]. Если с Китаем власти Тибета вели себя довольно бесцеремонно, то с союзниками они начали переговорный процесс. Однако поскольку ни Британская империя, ни тем более США (последние в то время Тибетом не занимались) не проявили никакого желания оказывать давление на Китай с целью принудить его отказаться от Тибета, то, соответственно, и Тибет, ссылаясь на свой нейтралитет, отказался использовать свою территорию для какой-либо прямой или косвенной поддержки Китая в его Войне сопротивления Японии.

Тибет под давлением союзников вынужден был согласиться на такую транспортировку, ограничив при этом указанный здесь трафик грузами невоенного назначения [Shakabpa, 1967, p. 280—281]. Это согласие вовсе не означало разрешение на строительство дороги из Индии в Китай по территории Тибета. Поэтому указанное согласие Лхасы носило явно формальный характер.

Ещё с начала XIX века по примеру своего сюзерена, Китая, Тибет стал проводить политику самоизоляции. И делал это гораздо последовательнее, чем Цинская империя. В середине XX века ничего не изменилось. Тибет на свою территорию иностранцев не допускал, делая исключение лишь для ламаистских паломников (например, монголов, бурятов, калмыков) и китайцев (последние в большинстве случаев не испытывали никакого желания посещать населенные тибетцами районы). Политика самоизоляции привела к отказу Лхасы строить современные пути сообщения. Поэтому в Тибете были караванные тропы, но не дороги (шоссе там начали строить китайские военные строители только лишь после установления прямого

CC BY

военного контроля над этим районом в 50—60-е годы XX века). Не было и мостов. Их заменяли броды и паромы, плоты и иные плавающие средства самого примитивного типа.

Для того чтобы реально снабжать войска Китайского фронта через Тибет, нужно было сначала построить современные дороги или хотя бы аэродромы. Для получения согласия Тибета на это директор УСС США генерал Донован послал в Тибет миссию при полном согласии Рузвельта [Director …, 1960, p. 319]. Эта миссия Ильи Толстого и Доллана Брука летом 1942 года достигла Тибета и передала его правительству письмо американского президента, обращенное Далай-ламе XIV (Нгаванг Ловзангу Тэгцзину Гьямцхо (урожденному Лхамо Дхондрубу)). В нём содержалась информация о войне стран антинацистской коалиции против государств оси и о целях миссии Ильи Толстого и Доллана Брука [Roosevelt, 1960, p. 320]. Но это не изменило позицию Тибета. Он подтвердил свой нейтралитет во Второй мировой войне, повторил свою прежнюю позицию относительно дороги [Memorandum by the Chief …, 1960, p. 322]. Дополнительно тибетцы поставили новые, явно неприемлемые для союзников условия [Telegram …, 1960, p. 325], оговорив себе право расторгнуть договоренность по истечении одного года [Ibid., p. 325].

По мнению китайского руководства, такая позиция Лхасы объясняется её опасениями, что предполагаемая дорога облегчит проникновение в Тибет китайским войскам [Memorandum by the Councelor …, 1960, p. 324]. Особенно пугали тибетцев намерения китайской стороны соорудить станции технического обслуживания вдоль всей линии проектируемого шоссе [Ambassador …, 1960, p. 322].

3.5. Стремление Лхасы добиться от союзников признания Тибета суверенным государством

Миссия Ильи Толстого и Доллана Брука показала самостоятельность, с которой Тибет решает свои внутренние и внешние дела. Поэтому американские дипломаты стали исходить из того, что практически Тибет независим от Китая.

Однако по доктринальным основам западного международного публичного права основное слово в решении дел (в данном случае — снабжение американской воздушной армии генерала Ченнолта) принадлежит сюзерену (то есть Китаю), а не вассалу и не автономии (то есть Тибету) [Memorandum by the Chief …, 1960, p. 323].

Что касается не реальной, а официальной стороны дела, то США смотрели на статус Тибета в полном соответствии с положениями Симлской конвенции. К этому Вашингтон побуждали два обстоятельства. Во-первых,

CC BY

США только с 1947 года по просьбе Великобритании и Франции взвалили на свои плечи роль гаранта прав человека и безопасности во всем мире (в связи с чем стали постепенно играть основную роль в тибетских делах со стороны стран Запада). Во-вторых, в рассматриваемый период тибетские дела определялись Лондоном, а не Вашингтоном, и США не хотели ссориться со своим британским союзником [Ambassador …, 1960, p. 322]. Поэтому Донован стал добиваться соответствующего разрешения английских колониальных властей в Индии, чтобы через территорию Индии добраться в Лхасу. В связи с этим делом он вообще перестал обращаться в Чунцин [Director …, 1960, p. 319]. США хорошо понимали, что автономное Тибетское государство полностью самостоятельно во внутренней политике и стремится быть таковым также и в международных делах.

Ф. Рузвельт в контактах с Лхасой избегал вопроса о статусе Тибета [Secretary of State to President Roosevelt, 1960, p. 320]. Лондон решил вообще прекратить общение с Лхасой по вопросу о снабжении дислоцированных в Китае гоминьдановских войск и военно-воздушных сил США. Но Великобритания и особенно Британская Индия не прореагировали положительно на настойчивые предложения Китая оказать на Тибет экономическое воздействие [Secretary of State to the Ambasador, 1960, p. 321]. Великобритания боялась, что результатом этого давления будет установление китайского суверенитета в Тибете, что находилось бы в противоречии с Симлской конвенцией [Ibid.]. Тогда бы Лондон и Дели полностью утратили реальные рычаги воздействия на положение в Тибете.

Однако неофициально Илья Толстой намекнул тибетским руководителям о желательности участия Тибета в мирной послевоенной конференции, дав понять тибетцам, что Вашингтон поддерживает нации, борющиеся за независимость. Кашаг стал добиваться от союзников признания независимости Тибета. Поскольку Чунцин был против подобных англо-американских действий, то с целью успокоить своего китайского союзника по поручению Лондона Дели сообщил Лхасе, что мнение Ильи Толстого и позиция Британской империи не совпадают, а Лондон официально подтвердил приверженность Симлской конвенции. США согласились с Великобританией. Американская миссия покинула Тибет.

Лхаса расценила диалог с союзниками как свою победу. Воодушевленные успехом, правящие круги Тибета в 1943 году создали Бюро иностранных дел, призванное выполнять функции внешнеполитического ведомства. Это делало бесполезным дальнейшее нахождение в Лхасе Представительства Комитета по делам Монголии и Тибета. Ведь эта структура была создана для осуществления связи между Центральным правительством Китая, с одной стороны, и Далай-ламой XIV и князьями Большого Тибета

CC BY

и Монголии (включая сюда Внешнюю Монголию, где просоветский режим демонтировал феодализм, заставив тамошних князей бежать в Китай либо же в Маньчжоу-Го к японцам), с другой стороны. Она имела целью укреплять в монгольских и тибетских землях власть Китая, а не представлять Китайскую Республику за рубежом.

3.6. Подходы гоминьдановского Китая к тибетской проблеме

Во время Второй мировой войны в правящих кругах Китая сформировались две точки зрения по тибетской проблеме. Самые сильные позиции занимали те, кто не хотел силовым методом установить сюзеренитет Китая над Тибетом. Чан Кайши принадлежал к этим людям. Не желая использовать против тибетцев войска Центрального правительства Китая, он одновременно старался побудить губернаторов Цинхая и Сикана начать боевые действия против тибетцев [Ренкур, 1950, с. 69]. Но те не торопились. Ма Буфан, губернатор Цинхая, в качестве условия войны с тибетцами просил у центрального китайского руководства помощи вооружением и снаряжением. Губернатор Сикана Лю Вэньхуэй (ранее управлявший также Сычуанью и фактически вытесненный оттуда с 1939 года усилиями Чан Кайши) предпочитал вести с тибетцами коммерческие дела и воевать не хотел Там же, с. 69—70].

Сторонники подчинения Тибета силой старались сначала установить контроль над Тибетом (поставив занятую во Второй мировой войне Великобританию перед фактом), а уже затем принудить ее согласиться на передачу Тибета под суверенитет Китая (вопреки Симлской конвенции 1914 года, предусматривавшей лишь сюзеренитет Китая над Внешним Тибетом). Затем предполагалось определить границы той автономии, которая должна быть предоставлена Тибету. Такой подход вызывал подозрительность в отношении Лхасы к Центральному правительству Китая, не способствуя разрешению вопроса о политическом статусе Тибета.

Часть китайских верхов выступала за соглашение с Тибетом. Предметом переговоров должны были стать пределы автономии Тибета, а затем можно было бы получить согласие тибетцев на суверенитет Китая над Тибетом. При этом указанные пределы автономии остались бы неизменными. Представителей этой группировки не смущало то, что автономные права, которые они планировали предоставить тибетцам, по существу, означали права субъекта политической автономии. Например, один из видных депутатов китайского парламента Т. Ф. Сан предлагал наделить Тибет статусом доминиона [Memorandum by the Counselor …, 1960, p. 324]. Он пытался объяснить свою точку зрения учением Сунь Ятсена [Ibid.]. Т. Ф. Сан указывал, что так среди прочего можно получить согласие Тибета на строительство дороги из Китая в Индию.

CC BY

Чан Кайши не согласился с Т. Ф. Ченом. В 1944 году советник Чан Кайши Чэнь Цзунлянь прибыл в Лхасу. Он произвел на тибетцев самое приятное впечатление и уговорил Лхасу послать тибетских делегатов участвовать в совещании по конституционным вопросам, которое было намечено на 1946 год [Богословский, 1984а; Москалев, 1984б, с. 211].

Депутатами китайского парламента тибетцы были и ранее. Но это были в основном тибетцы Внутреннего Тибета. Они, а также некоторые тибетцы, представлявшие общины и монастыри Внешнего Тибета, не были посланцами далай-ламы. И поэтому их участие в работе китайского парламента не означало признание официального Тибета китайского суверенитета над собой. Теперь же в Нанкин прибыли посланцы Далай-ламы XIV (Нгаванга Ловзанга Тэгцзин Гьямцхо (урожденного Лхамо Дхондруба)). И не только для простого участия в работе парламента. Сессия Национального собрания Китая 1946 года должна была принять Конституцию Китайской Республики (Национальное собрание Китая, принявшее Конституцию страны, заседало 15 ноября — 25 декабря 1946 года). Против этого протестовал британский представитель Х. Ричардсон [Shakabpa, 1967, p. 290]. Кашаг объяснил ему, что участие тибетской делегации в работе китайского парламента не означает признание Тибетом суверенитета Китая над собой [Ibid.]. Правительство Китая в связи с этим посчитало, что делегаты все-таки представляли Тибет в китайском парламенте [Ibid., p. 291].

Т. Шакабпа не согласен с этим. Он пишет, что, во-первых, тибетские представители не имели права участвовать в заседании парламента Китая [Ibid., p. 290], во-вторых, они сделали это самостоятельно, в-третьих, участвовали в работе Национальной ассамблеи Китая лишь как сторонние наблюдатели [Ibid., p. 290—291] и Конституцию Китая 1946 года не признали [Ibid., p. 291]. Это подтвердил Далай-лама XIV (Нгаванг Ловзанг Тэгцзин Гьямцхо (урожденный Лхамо Дхондруб)) [Oral, 1960, p. 289].

Впрочем, мнение Шакабпа оспаривает Ли Дэцзэн. Он пишет, что именно тибетские делегаты настояли на внесении в первоначальный проект Конституции изменений об автономии Тибета. Если ранее содержалась формулировка о районной автономии Тибета, что означало административную автономию, то по настоянию тибетцев её заменили на просто автономию [Li, 1956, p. 180—181]. Это означало политическую автономию Тибета в составе Китая и суверенитет руководимой Гоминьданом Китайской Республики над Тибетом.

Тибетская сторона в лице правительства старого Тибета и в лице тибетской антикитайской оппозиции категорически отрицает всё сказанное Ли Дэцзэном. Тибетская оппозиция указывает, что тибетской делегации Лхаса запретила участвовать в работе Национального собрания, а также

CC BY

в деятельности иных официальных органов Китая и тибетцы не могли идти наперекор своим руководителям [Тибет …, 1994, с. 14], а её целью было поздравить с победой во Второй мировой войне Британию, США и Китай [Тибет …, 1994, с. 14]. Делегация сначала вручила поздравление вице-королю Британской Индии, прибыв на территорию этой английской колонии, а потом отправилась в Китай.

Таким образом, реальное положение дел заключалось в следующем: сохраняя позицию строго нейтралитета во Второй мировой войне, Тибет допускал проявления симпатий чисто формального характера по отношению к союзникам. Одной из форм такого проявления симпатий и были посещения тибетской делегацией вице-короля Британской Индии и участие тибетцев в качестве наблюдателей (не более того) в работе Национального собрания Китайской Республики.

3.7. Отношения Советского Союза и Тибета

В заключение хотелось бы кратко остановиться на позиции Тибета в отношении СССР. Ламаистская церковь России, возглавляемая Агваном Доржиевым, поддержала большевиков, оказывая немалые услуги Москве на международной арене. Через неё косвенным путем российские большевики осуществляли связь с Тибетом. Большевики ясно понимали полное отсутствие социально-экономических условий в тибетском обществе для его социалистического преобразования [РГАСПИ, ф. 532, оп. 4, д. 343, л. 5—6]. Поэтому они ограничивали свои действия в Тибете использованием его территории с целью проникновения в Индию и организации там антиколониальной и социальной революции [Латышев, 1993, с. 7].

После прихода к власти в СССР группировки И. В. Сталина, противника экспорта революции, Советский Союз наладил сотрудничество с левыми элементами в индийском обществе, ориентировавшимися на буржуазный путь развития своей страны и на достижение Индией независимости. Эти группы занимали влиятельные позиции в индийской элите, были против держав оси и в своих внешнеполитических воззрениях проявляли явную симпатию к Москве. В результате Советский Союз отказался от всяких попыток искусственно стимулировать революцию в Индии.

Тибетские же дела СССР всецело передал китайским коммунистам. Для тибетских верхов это было крайне неприятно. Ведь в Тибете в то время царил феодальный строй в самых ярких его проявлениях в форме абсолютной теократической монархии с феодальной сословной структурой общества, дополненной элементами патриархального рабства [РГАСПИ, ф. 532, оп. 4, д. 343, л. 6].

Передача Москвой китайским коммунистам тибетских дел не обещала тибетским верхам ничего позитивного. Ведь если российские большевики

CC BY

не ставили своей целью переустройство традиционного тибетского социума в общество современного типа и не желали вмешиваться во внутренние дела Тибетского автономного государства, то китайские коммунисты занимали прямо противоположные позиции, не желая ни в коей мере считаться и церемониться с тибетскими феодалами и рабовладельцами.

4. Заключение = Conclusions

Во-первых, Тибет, являвшийся автономным государством (со статусом политической автономии) под сюзеренитетом Китая согласно Конвенции, заключенной в Симле 3 июля 1914 года, стремился к независимости. Лхаса ставила своей целью дипломатическое признание суверенного статуса Тибета и его отделение от Китая.

Достижение этой цели облегчали формальный характер китайского сюзеренитета над Внешним Тибетом, установленный Симлской конвенцией 1914 года, реальные права Британской Индии в решении тибетских дел, а также отказ Китая ратифицировать подписанный в Симле международный акт.

Во-вторых, Тибет во Второй мировой войне занял позицию строгого нейтралитета. Это противоречило Симлской конвенции 1914 года, согласно которой Тибет признавал себя автономным государством в составе Китая и сюзеренитет Китайской Республики над собой, поскольку в обязанность автономии входит активная помощь своему сюзерену в случае войны. Отсюда вытекает, что Тибетское автономное государство обязано было воевать на стороне Китая (своего сюзерена) против Японской империи. Позиция строгого нейтралитета, занятая Тибетом, объективно содействовала Японии в войне против Китая, а в более широком смысле облегчала борьбу стран оси против государств антифашистской коалиции.

В-третьих, Тибет всё же проявил желание продемонстрировать определённую склонность к трансформации своего строгого нейтралитета в нейтралитет, благожелательный для союзников (в первую очередь для Британской империи и Соединенных Штатов Америки). Это выразилось в согласии правительства Тибета позволить союзникам транспортировать грузы невоенного назначения через Тибет в Китай.

Нужно иметь в виду, что из-за боевых действий на Тихом океане США и Великобритания не могли использовать восточное побережье Китая для оказания помощи гоминьдановским войскам в их войне против Японии. Овладение же японскими войсками в марте 1942 года Бирмой (так в то время называлась Мьянма) не позволило использовать Бирманскую автомобильную дорогу для этой цели.

В этих условиях Тибет представлял собою единственно возможную территорию для эффективной связи между союзниками и Китаем в их об-

CC BY

щей борьбе против Японской империи. Тем более что китайские войска были основной силой в борьбе против японских вооруженных сил, в то время как Тихоокеанский флот США и Индийская армия (так именовались британские колониальные войска в Индии) играли в этом деле вспомогательную роль.

Очевидно, что судьба войны решалась на суше (где действовала китайская армия), а не на море (где действовал Тихоокеанский флот США) и не в воздухе (где действовали военно-воздушные силы Британской империи и особенно США; Китай в то время своей военной авиации практически не имел). Что касается Индийской армии, то она в 1942 году была уничтожена японцами и беспорядочными группами отступила в Индию. Овладеть этой британской колонией японцам помешали опять-таки китайские войска, которые из провинции Юньнань угрожали флангу и тылу японской армии, предназначенной для вторжения в Индию.

Из сказанного следует, что для Британской империи и Соединенных Штатов Америки помощь Китаю в то время была жизненно необходимой. Отказ же Тибета пропустить военные грузы в Китай через Индию был фактически серьезной помощью Лхасы Токио в его войне не только против Чунцина (там тогда размещалось командование китайских войск и ставка Чан Кайши), но также против Вашингтона и Лондона.

В-четвертых, давая союзникам согласие транспортировать грузы невоенного назначения через свою территорию в Китай, Лхаса понимала практическую невозможность его реализации. В Тибете вплоть до середины 1950-х годов не было никаких современных транспортных путей и мостов (их начали строить военнослужащие Народно-освободительной армии Китая после 1951 года). Были лишь караванные тропы. Стоить же автомобильную дорогу из Индии в Китай через свою территорию правительство Тибета категорически запретило не только китайцам, но и англичанам, и американцам. Лхаса также запретила англо-американцам строить аэродромы в Тибете. Поэтому британским и американским пилотам пришлось доставлять гоминьдановской армии всё необходимое для войны через воздушное пространство Тибета (по этому пути Китай получал основную долю продукции военного назначения) в крайне сложных природно-климатических условиях (проявляя при этом высокое мастерство и мужество) и вопреки запрету официального руководства Тибетского автономного государства.

В-пятых, нежелание союзников способствовать Тибету в достижении им независимости побудило Тибет придерживаться позиции строгого нейтралитета с возможностью выражения симпатии союзникам лишь в формальном ее проявлении и при фактическом содействии Японии в её войне против Китая, США и Британской империи.

CC BY

Тибет соглашался активно участвовать в войне против оси в целом и против Японии, в частности, но при одном условии: Великобритания и США должны были, во-первых, признать Тибет в качестве независимого суверенного государства и его выход из состава Китая, во-вторых, принудить сделать это своих союзников, прежде всего Китай. Лондон и Вашингтон на это не пошли.

Источники и принятые сокращения

1. *Азизов.* События в Синьцзяне / Азизов // На зарубежном Востоке. — 1933. — № 5. — С. 16—29.

2. *Заседание* кафедры зарубежного Востока научно-исследовательской ассоциации Сталинского Комуниверситета от 12.05.1927 // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 532. Оп. 4. Д. 343. Лл. 1—62.

3. *Латышев А.* Факел революции в Индию через Тибет : Без грифа «секретно» А. Латышев // Куранты. — 1993. — № 161 (676). — 26 августа.

4. *Ренкур А. де.* Крыша Мира Тибет — ключ к Азии / А. де Ренкур. — Москва : Издательство иностранной литературы, 1950. — 100 с.

5. *Сувиров Н. И.* Тибет : Описание страны и отношение к ней Англии и Китая / Н. И. Сувиров. — Санкт-Петербург : В. Березовский, 1905. — 137 с.

6. *Тензин* Гьяцо Далай-лама XIV. План мира // Биография, План мира Его Святейшества Далай-ламы XIV. — Москва : Путь к себе, Центр тибетской культуры и информации, 1995. — С. 22—31.

7. *Тибет* : Правда, основанная на фактах. — Москва : Галарт, 1994. — 120 с.

8. *Элдридж Ф.* Гнев в Бирме / Ф. Элдридж. — Москва : Воениздат, 1947. — 220 с.

9. *The Ambassador* in China (Gauss) to the Secretary of State. Chungking. 1942.07.13 // Tibet and the Chinese People's Republic : A Report to the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Commitee on Tibet. Appendix III. — Geneva : International Com-mission of Jurists, 1960. — P. 322.

10. *The Director* of the Office of Strategic Service (Donovan) to the Secretary of State // Tibet and the Chinese People's Republic : A Report to the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Commitee on Tibet. Appendix III. — Geneva : International Commission of Jurists, 1960. — P. 319.

11. *Harrer H.* Sieben Jahre in Tibet : Mein Leben am Hofe des Dalai Lamas. — Berlin ; Frankfurt ; Wien : Ullstein Verlag, 1966. — 335 s.

12. *Memorandum* by the Chief of the Division of Far Eastern Affairs. Hamilton. Washington. 1942.07.18 // Tibet and the Chinese People's Republic : A Report to the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Commitee on Tibet. Appendix III. — Geneva : International Commission of Jurists, 1960. — Pp. 322—323.

13. *Memorandum* by the Counselor of Embassy in China (Vincent) to the Ambassador in China (Gauss). Chungking. 1942.07.30 // Tibet and the Chinese People's Republic : A Report to the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Commitee on Tibet. Appendix III. — Geneva : International Commission of Jurists, 1960. — Pp. 323—324.

14. *Oral* answers by the Dalai Lama to questions put by the Legal Inquiry Committee at Mussoorie, India, on 1959.11.14. Document № 1 // Tibet and the Chinese People's Republic : A Report to the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Commitee on Tibet. Appendix III. — Geneva : International Commission of Jurists, 1960. — Pp. 288—293.

15. *President* Roosevelt to the Dalai Lama of Tibet. Washington. 1942.07.03 // Tibet and the Chinese People's Republic : A Report to the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Commitee on Tibet. Appendix III. — Geneva : International Commission of Jurists, 1960. — P. 320.

16. *The Secretary* of State to the Ambassador in China (Gauss). Washington. 1942.07.03 // Tibet and the Chinese People's Republic : A Report to the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Commitee on Tibet. Appendix III. — Geneva : International Commission of Jurists, 1960. — P. 321.

17. *The Secretary* of State to President Roosevelt. Washington. July, 1942 // Tibet and the Chinese People's Republic : A Report to the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Commitee on Tibet. Appendix III. — Geneva : International Commission of Jurists, 1960. — P. 320.

18. *Shakabpa T. W. D.* Tibet : A Political History / T. W. D. Shakabpa. — New Haven and London : Yale University Press, 1967. — 369 p.

19. The Telegram : the British Embassy to the Department of State. 1942.08.15 // Tibet and the Chinese People's Republic : A Report to the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Commitee on Tibet. Appendix III. — Geneva : International Com-mission of Jurists, 1960. — Pp. 325—326.

20. 魏崇阳。印度市场上之英日贸易战 // 新亚四亚。1933 年。第 8 眷。第 2 期。页117 – – 123。(*Вэй Чунян.* Торговая война между Индией и Японией на индийском рынке / Вэй Чунян // Новая Азия. — 1933. — Т. 8. — № 2. — С. 117—123).

21. 中印公路在赶造中 // 甘肃国日报。1942 年 2 月 23 日。6 版。第 2 版。(*Китайско-индийская* автомобильная дорога в процессе строительства // Ганьсуйская народная газета. — 23.02.1942. — С. 2.).

Литература

1. *Богословский В. А.* Национальный вопрос в Китае (1911—1949) / В. А. Богословский, А. А. Москалёв. — Москва : Наука, 1984. — 264 с.

2. *Гольдберг Д. И.* Внешняя политика Японии в 1941—1945 гг. / Д. И. Гольдберг. — Москва : Издательство социально-экономической литературы, 1962. — 384 с.

3. *Мартынов А. С.* Статус Тибета в XVII—XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений / А. С. Мартынов. — Москва : Наука, 1978. — 282 с.

4. *Bell Ch.* Tibet : Past and Present / Ch. Bell. — Oxford, 1924. — 327 p.

5. *Kolmaš J.* Tibet and Imperial China : A Survey of Sino-Tibetan Relations up to the end of the Manchu dynasty in 1912 / J. Kolmaš. — Canberra : Centre of Oriental Studies, Australian National University, 1967. — 81 p.

6. *Li Tiehtseng.* The Historical Status of Tibet / Li Tiehtseng. — New York : Columbia University Press, 1956. — 312 p.

7. *Mehra P.* Tibetan Polity. 1903—1937 / P. Mehra. — Wiesbaden : Harrassowitz, 1976. — 96 p.

8. *Petech L.* China and Tibet in the Early Eighteenth Century : History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet / L. Petech. — Leiden : E. J. Brill, 1950. — 286 p.

9. *Richardson H. E.* Tibet and Its History / H. E Richardson. — Oxford, 1962. — 298 p.

Material resources

Azizov. (1933). Events in Xinjiang. *In the Foreign East, 5:* 16—29. (In Russ.).

Eldridge, F. (1947). *Anger in Burma.* Moscow: Voenizdat. 220 p. (In Russ.).

CC BY

Harrer, H. (1966). *Sieben Jahre in Tibet: Mein Leben am Hofe des Dalai Lamas*. Berlin; Frankfurt; Wien: Ullstein Verlag. 335 s.

Latyshev, A. (1993). The Torch of the Revolution to India through Tibet: Without the "secret" stamp. *Chimes, 161 (676). 26 August.* (In Russ.).

Meeting of the Department of the Foreign East of the Scientific Research Association of the Stalinist University dated 12.05.1927. In: *The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 532. Op. 4. D. 343. L. 1—62.* (In Russ.).

Memorandum by the Chief of the Division of Far Eastern Affairs. Hamilton. Washington. 1942.07.18. (1960). In: *Tibet and the Chinese People's Republic: A Report to the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Commitee on Tibet. Appendix III.* Geneva: International Commission of Jurists. 322—323.

Memorandum by the Counselor of Embassy in China (Vincent) to the Ambassador in China (Gauss). Chungking. 1942.07.30. (1960). In: *Tibet and the Chinese People's Republic: A Report to the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Commitee on Tibet. Appendix III.* Geneva: International Commission of Jurists. 323—324.

Oral answers by the Dalai Lama to questions put by the Legal Inquiry Committee at Mussoorie, India, on 1959.11.14. Document № 1. (1960). In: *Tibet and the Chinese People's Republic: A Report to the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Commitee on Tibet. Appendix III.* Geneva: International Commission of Jurists. 288—293.

President Roosevelt to the Dalai Lama of Tibet. Washington. 1942.07.03. (1960). In: *Tibet and the Chinese People's Republic: A Report to the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Commitee on Tibet. Appendix III.* Geneva: International Commission of Jurists. P. 320.

Renkur, A. de. (1950). *The Roof of the World Tibet — the key to Asia.* Moscow: Publishing House of Foreign Literature. 100 p. (In Russ.).

Shakabpa, T. W. D. (1967). *Tibet: A Political History.* New Haven and London: Yale University Press. 369 p.

Suvirov, N. I. (1905). *Tibet: Description of the country and the attitude of England and China to it.* St. Petersburg: V. Berezovsky. 137 p. (In Russ.).

Tenzin Gyatso Dalai Lama XIV. Plan of the world. (1995). In: *Biography, Plan of the world of His Holiness the Dalai Lama XIV.* Moscow: Path to Self, Center of Tibetan Culture and Information. 22—31. (In Russ.).

The Ambassador in China (Gauss) to the Secretary of State. Chungking. 1942.07.13. (1960). In: *Tibet and the Chinese People's Republic: A Report to the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Commitee on Tibet. Appendix III.* Geneva: International Commission of Jurists. P. 322.

The Director of the Office of Strategic Service (Donovan) to the Secretary of State. (1960). In: *Tibet and the Chinese People's Republic: A Report to the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Commitee on Tibet. Appendix III.* Geneva: International Commission of Jurists. P. 319.

The Secretary of State to the Ambassador in China (Gauss). Washington. 1942.07.03. (1960). In: *Tibet and the Chinese People's Republic: A Report to the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Commitee on Tibet. Appendix III.* Geneva: International Commission of Jurists. P. 321.

The Secretary of State to President Roosevelt. Washington. July, 1942. (1960). In: *Tibet and the Chinese People's Republic: A Report to the International Commission of Jurists*

CC BY

by its Legal Inquiry Commitee on Tibet. Appendix III. Geneva: International Commission of Jurists. P. 320.

The Sino-Indian road construction process. (02/23/1942). *Hansika national newspaper.* P. 2. (In Chin.).

The Telegram: the British Embassy to the Department of State. 1942.08.15. (1960). In: *Tibet and the Chinese People's Republic: A Report to the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Commitee on Tibet. Appendix III.* Geneva: International Commission of Jurists. 325—326.

Tibet: Truth based on Facts. (1994). Moscow: Galart. 120 p. (In Russ.).

Wei Chun Yang. (1933). Trade war between India and Japan in the Indian market. *New Asia, 8 (2):* 117—123. (In Chin.).

References

Bell, Ch. (1924). *Tibet: Past and Present.* Oxford. 327 p.

Bogoslovsky, V. A., Moskalev, A. A. (1984). *The National question in China (1911—1949).* Moscow: Nauka. 264 p. (In Russ.).

Goldberg, D. I. (1962). *The foreign policy of Japan in 1941—1945.* Moscow: Publishing House of Socio-economic literature. 384 p. (In Russ.).

Kolmaš, J. (1967). *Tibet and Imperial China: A Survey of Sino-Tibetan Relations up to the end of the Manchu dynasty in 1912.* Canberra: Centre of Oriental Studies, Australian National University. 81 p.

Li, Tiehtseng. (1956). *The Historical Status of Tibet.* New York: Columbia University Press. 312 p.

Martynov, A. S. (1978). *The status of Tibet in the XVII—XVIII centuries in the traditional Chinese system of political representations.* Moscow: Nauka. 282 p. (In Russ.).

Mehra, P. (1976). *Tibetan Polity. 1903—1937.* Wiesbaden: Harrassowitz. 96 p.

Petech, L. (1950). *China and Tibet in the Early Eighteenth Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet.* Leiden: E. J. Brill. 286 p.

Richardson, H. E. (1962). *Tibet and Its History.* Oxford. 298 p.

Статья поступила в редакцию 28.09.2021,
одобрена после рецензирования 27.11.2021,
подготовлена к публикации 23.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Лахтионова Е. С. Деятельность общественных и политических акторов по охране объектов индустриального наследия в Свердловской области (1960—1980-е годы) / Е. С. Лахтионова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 439—455. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-439-455.

Lakhtionova, E. S. (2022). Activities of Public and Political Actors to Preserve Monuments of Industrial Heritage of Sverdlovsk Region in 1960—1980s. *Nauchnyi dialog, 11(3):* 439-455. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-439-455. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-439-455

Деятельность общественных и политических акторов по охране объектов индустриального наследия в Свердловской области (1960—1980-е годы)

Лахтионова Елизавета Сергеевна
orcid.org/0000-0002-8414-4540
кандидат исторических наук, доцент
кафедра истории России
elza1982@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Activities of Public and Political Actors to Preserve Monuments of Industrial Heritage of Sverdlovsk Region in 1960—1980s

Elizaveta S. Lakhtionova
orcid.org/0000-0002-8414-4540
PhD in History, Associate Professor
Department of Russian History
elza1982@yandex.ru

Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

© Лахтионова Е. С., 2022

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается деятельность жителей Свердловской области по выявлению, изучению и сохранению памятников индустриального прошлого. Автор ограничивает хронологию исследования 1960—1980 годами, когда в рамках охранной деятельности по отношению к историко-культурному наследию затрагивались и объекты промышленного прошлого страны. Материалом для исследования послужили как архивные документы, хранящиеся в Центре документации общественных организаций Свердловской области (Екатеринбург), так и опубликованные источники. Актуальность исследования обусловлена тем, что деятельность по сохранению индустриального наследия в Свердловской области до сих пор не развернута в достаточной мере, поэтому изучение предыдущего опыта может стать полезным для интенсификации этого вида деятельности уже сейчас. Научная новизна состоит в том, что впервые на материале Свердловской области делается попытка проанализировать все аспекты охранной деятельности по отношению к памятникам индустриального наследия. Автор выделил и рассмотрел на конкретных примерах шесть направлений этой деятельности, наиболее успешным из которых оказалось направление по выявлению памятников промышленного прошлого и постановке их на государственный учет. Указываются причины остановки впоследствии деятельности по выявлению, изучению и сохранению индустриальных памятников.

Ключевые слова:
индустриальное наследие; памятник; Свердловская область; музеефикация; ВООПИК; постановка на учет.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The activity of the inhabitants of the Sverdlovsk region in identifying, studying and preserving the monuments of the industrial past is considered. The author limits the chronology of the study to the 1960s—1980s, when objects of the industrial past of the country were also affected in the framework of security activities in relation to the historical and cultural heritage. The material for the study was both archival documents stored in the Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (Yekaterinburg) and published sources. The relevance of the study is due to the fact that the activity to preserve the industrial heritage in the Sverdlovsk region has not yet been sufficiently developed, so the study of previous experience may be useful for intensifying this type of activity now. The scientific novelty lies in the fact that for the first time on the material of the Sverdlovsk region an attempt is made to analyze all aspects of security activities in relation to industrial heritage monuments. The author distinguished and considered six directions of this activity on specific examples, the most successful of which turned out to be the direction of identifying monuments of the industrial past and putting them on state records. The reasons for the subsequent stop of activities to identify, study and preserve industrial monuments are indicated.

Key words:
industrial heritage; monument; Sverdlovsk region; museumification; All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments (ARSPHCM); registration.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 908(470.54):061.1+351.853.1(470.54)“196/198”

Деятельность общественных и политических акторов по охране объектов индустриального наследия в Свердловской области (1960—1980-е годы)

© Лахтионова Е. С., 2022

1. Введение = Introduction

Уральский регион отличается тем, что на его территории представлены предприятия, созданные в разные исторические эпохи, отражающие различные технологические уклады. Устаревшая техника сменяется обновленной, более современной. Заводы, остановленные несколько десятилетий назад, разрушаются вплоть до окончательного их исчезновения. Все это может привести к частичной или полной утрате знаний о достижениях в области науки и техники предыдущих периодов, что, несомненно, пагубно отразится на воспитании и понимании новыми поколениями значения деятельности наших предшественников, их целей и стремлений.

Свердловская область — это крупнейший регион Урала, имеющий богатую индустриальную историю. На ее территории представлено большое количество памятников промышленного прошлого нашей страны, находящихся на разных этапах сохранности [Курлаев и др., 2014]. Все они — часть великого историко-культурного наследия нашего народа.

Цель исследования — рассмотреть деятельность жителей Свердловской области, направленную на выявление, изучение и сохранение памятников промышленного прошлого региона в 1960—1980-е годы.

Поставленная в статье научная проблема напрямую связана со спецификой Свердловской области как старопромышленного региона, что определяет необходимость сохранения памятников индустриального прошлого, которые уже не используются по своему прямому назначению. Это и обусловливает актуальность данного исследования, так как при осуществлении охранной деятельности в настоящее время нужно учитывать опыт предыдущих десятилетий: что уже было сделано, какие ошибки были допущены и в какой степени они стали критическими, каких успехов добились в 1960—1980-е годы жители и власти Свердловской области.

В работе с промышленным наследием Свердловской области за указанный период были заняты различные акторы: представители местных органов власти, представители общественной добровольной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» (далее — ВООПИК) с областным отделением в г. Свердловске, деятели научных и

CC BY

образовательных учреждений, члены творческих союзов и других организаций. Кроме того, большое значение имело участие отдельных энтузиастов, которые проводили значительную работу по выявлению памятников индустриального наследия, а также популяризации работы по их сохранению.

Всю интересующую нас деятельность можно условно разделить на шесть направлений: выявление памятников, изучение их состояния и определение степени их сохранности, постановка на государственный учет, издание нормативно-правовых актов, сохранение (ремонт, реконструкция-восстановление, музеефикация), популяризация идей по сохранению индустриального наследия.

Новизна представленной научной проблемы состоит в том, что до настоящего времени деятельность советского народа относительно выявления, изучения и сохранения объектов индустриального наследия на региональных материалах комплексно не рассматривалась, в том числе и автором статьи.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для проведения данного исследования были использованы материалы из неопубликованных источников, хранящихся в Центре документации общественных организаций Свердловской области (Екатеринбург).

Во-первых, это большой пласт, связанный с нормативно-правовым регулированием охранной деятельности в отношении памятников историко-культурного и индустриального наследия. Эти документы относятся к различным территориальным точкам Свердловской области: городам Алапаевск, Каменск-Уральский, Невьянск, Нижний Тагил, Первоуральск, Полевской, Ревда, Свердловск и др., а также Богдановичскому, Нижне-Сергинскому, Салдинскому, Сысертскому районам.

Среди этих документов нужно выделить следующие подгруппы: документы (заключения, предложения, справки, докладные записки, переписка) по разработке нормативно-правовых актов; собственно нормативно-правовые акты (например, о постановке на государственный учет объекта); документы (доклады, обзоры, информации, сводки, справки) по исполнению нормативно-правовых актов.

Во-вторых, очень важную информацию предоставляет переписка между организациями, государственными органами и частными лицами, которая также касается всех видов деятельности, осуществлявшейся по отношению к памятникам индустриального прошлого Свердловской области.

В-третьих, к неопубликованным источникам, использованным в проведенном исследовании, нужно отнести документы (исторические и тематические справки, обзоры, подборки публикаций в средствах массовой

CC BY

информации, фотодокументы) по истории различных промышленных объектов, подлежащих сохранению и постановке на учет, а также отчеты об обследовании памятников промышленной архитектуры, которые проводились учеными с целью выработки рекомендаций по определению дальнейшей судьбы этих памятников.

Кроме того, для проведения данного исследования были изучены опубликованные источники. Во-первых, это статьи в периодической печати Свердловской области 1970—1980-х годов. Автором были просмотрены выпуски 10 наименований газет, которые относились к разным географическим уголкам Свердловской области. Отбор именно этих газет обусловлен также наличием сохранившихся на конкретной территории памятников индустриального прошлого. Это следующие газеты: «Звезда» (Невьянск), «Алапаевская искра» (Алапаевск), «Каменский рабочий» (Каменск-Уральский), «Верх-Исетский рабочий» (Свердловск), «Уральский рабочий» (Свердловск), «Рабочая правда» (Полевской), «За металл!» (Нижние Серги), «Кушвинский рабочий» (Кушва), «Тагильский металлург» (Н. Тагил), «Новатор» (Верхняя Салда). В качестве авторов статей выступали корреспонденты, представители общественной организации ВООПИК, городских музеев, неравнодушные жители Свердловской области, а также известный уральский писатель Б. Рябинин.

Во-вторых, это изданный в 1989 году документ «Комплексная программа выявления, паспортизации, постановки на учет, реставрации, музеефикации, пропаганды и использования памятников истории и культуры Свердловской области на период до 2000 года». Данная Программа содержит ценную информацию о том, в каком состоянии находились объекты индустриального наследия в 1980-е годы и какая работа проводилась разными акторами по отношению к ним [Лахтионова, 2020].

В-третьих, среди опубликованных источников нужно также назвать Постановление Совета министров РСФСР от 30 августа 1960 года № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР». Этот документ являлся основополагающим нормативно-правовым актом, регулировавшим охранную деятельность государства в области историко-культурного наследия до 1976 года [Систематическое собрание …, 1977, с. 147—149].

Нужно отметить, что специальных научных исследований по тематике статьи до сих пор не имеется. Однако хотелось бы выделить следующие направления в обзоре российской и иностранной литературы, которая так или иначе касается изучения индустриального наследия Урала.

Во-первых, это изучение конкретных памятников индустриального наследия уральскими учеными [Кузовкова и др., 2020; Шипицына и др., 2020б]. Данное направление имеет давние корни, лежащие в натурных об-

CC BY

следованиях свердловских архитекторов Г. С. Заикина и А. А. Старикова [Заикин, 1990; Стариков, 1977]. Во-вторых, это разработка способов сохранения конкретных памятников в виде их реконструкции, реновации или музеефикации. Здесь нужно отметить последние исследования Е. В. Алексеевой, Т. Ю. Быстровой, О. А. Шипицыной и др. [Алексеева, 2020а; Быстрова, 2020; Шипицына и др., 2020а; Zapariy at al., 2019; Zaytseva at al., 2017]. В-третьих, это формирование специальной терминологии применительно к российской действительности [Алексеева, 2020б; Zapariy at al., 2017].

В 2020 году состоялись две специализированные научные конференции, свидетельствующие о повышении интереса к индустриальному наследию на региональном уровне. Это всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Индустриальное наследие как ресурс для развития. Варианты стратегий. 300+» (3—4 декабря 2020 года, Нижний Тагил) [Индустриальное наследие как ресурс …, 2020] и всероссийская научная конференция «Индустриальное наследие России: междисциплинарные исследования, опыт сохранения, стратегии реновации» (8—9 октября 2020 года, Ханты-Мансийск) [Индустриальное наследие России…, 2020].

Несмотря на существование исследований по заявленной теме, проблема, обозначенная в статье, является недостаточно изученной в научной литературе и требует дальнейшего анализа на местном свердловском материале.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Понятие и типология памятников индустриального наследия

Сразу отметим, что в Советском Союзе не было специального термина для обозначения памятника индустриального наследия, отсутствовала и типология данных памятников. Объекты индустриального прошлого именовались по-разному: *памятники истории, памятники промышленной архитектуры, недвижимые памятники, памятники истории науки и техники, памятники трудовой славы советского народа* [Лахтионова, 2019]. В этом и состоит подчас трудность в поиске информации об интересующем нас виде памятников. Приходится рассматривать все вышеназванные категории объектов, вычленяя среди них те, которые относятся к промышленному прошлому нашей страны.

В настоящее время под *памятником индустриального наследия* понимают «часть материального культурного наследия, совокупность строений и артефактов, произведенных обществом с использованием труда и нуждающихся в сохранении для будущих поколений» [Запарий, 2007, с. 213]. С учетом данного определения памятники индустриального наследия классифицируют как производственные центры, склады и хранилища,

CC BY

энергетические объекты, транспорт, а также все, что касается социальной среды (места поселения рабочих, школы, церкви, больницы при фабриках и т. д.) [Там же, с. 215].

3.2. Выявление объектов индустриального наследия в Свердловской области

В деятельности по выявлению объектов индустриального наследия, нуждавшихся в сохранении, принимали участие неравнодушные жители городов Свердловской области, а также представители городских и районных отделений ВООПИК. Весь процесс начинался с того, что эти памятники обнаруживались, затем обследовались на предмет степени сохранности на текущий момент. Далее составлялись ходатайства и направлялись в Областное отделение ВООПИК в г. Свердловске или в Свердловский облисполком с просьбой о постановке найденных объектов на государственный учет. В качестве иллюстрации данного процесса можно обратиться к истории создания известного сейчас по всей России музейного комплекса «Северская домна» (при Северском трубном заводе). В интересующий нас хронологический период он проходил только этап зарождения.

На территории Северского трубного завода сохранилась старая доменная печь, остановленная в 1934 году. В отличие от других подобных объектов она избежала существенной реконструкции до конца 1960-х годов, когда эта типичная представительница доменных печей XIX века привлекла внимание общественности: ветеранов труда и комсомольцев завода. Они активно включились в процесс подготовки необходимых документов в адрес Полевского отделения ВООПИК, которое в свою очередь направляло ходатайства в Свердловское областное отделение [ЦДООСО, ф. 250, оп. 1, д. 11, лл. 22, 24]. Перед этим городское отделение собирало имеющийся на домну исторический, фотографический и другой материал, чтобы обосновать свое решение о необходимости включения данного объекта в число памятников, нуждающихся в охране [Там же, лл. 25, 28, 30]. В этом ему помогал и сам Северский трубный завод. В итоге решением Свердловского облисполкома № 636 от 5 августа 1971 года старая домна была взята под государственную охрану как уникальный памятник промышленной архитектуры. Одновременно в Министерство культуры РСФСР отправили ходатайство о взятии этого объекта под охрану Совета Министров РСФСР [Там же, л. 36].

Сбор исторического материала о памятниках индустриального наследия, которые необходимо взять на учет и охрану, осуществляли, как правило, городские или районные отделения ВООПИК с целью предоставления этих данных в Свердловское областное отделение. То есть нужны были реальные основания для того, чтобы подтвердить ценность конкретного объ-

CC BY

екта. Например, Каменск-Уральское городское отделение в июле 1979 года утвердило перечень объектов, по которым должен осуществляться сбор данных: деревянное здание старого железнодорожного вокзала, каменная водонапорная башня железнодорожной ветки (поселок Каменский), бывшие склады старого Каменского завода, подпорная стена старой плотины на р. Каменке, каменное здание заводского училища старого Каменского завода [ЦДООСО, ф. 250, оп. 1, д. 23, лл. 51—52]. Как мы видим, в число объектов, подлежащих государственной охране, включены самые разные виды памятников индустриального наследия, и это не столько заводы, сколько все устаревшее технико-технологическое наследие, созданное в XIX — первой половине XX веков [Запарий, 2007, с. 215—216].

Точно такую же череду действий по выявлению памятников индустриального наследия, определению степени их сохранности и постановке на государственный учет можно зафиксировать по архивным документам во многих точках Свердловской области: в городах Алапаевске [ЦДООСО, ф. 250, оп. 1, д. 9, лл. 46—47], Артемовском [Там же, д. 21, лл. 20—30], Свердловске [Там же, д. 15, лл. 3, 5], Нижне-Сергинском [Там же, д. 56, л. 25] и Сысертском [Там же, д. 33, л. 4] районах.

3.3. Изучение объектов индустриального наследия различными структурами

Нужно отметить огромный вклад высших учебных заведений Свердловска в процесс обследования и изучения памятников с целью определения их сохранности и значимости. Делалось это не только с научной точки зрения, но и с целью, уже названной выше: для ходатайства о постановке объектов на государственный учет требовалось серьезное обоснование. Все эти материалы передавались в Совет Министров РСФСР для придания памятнику статуса республиканского значения.

Как правило, инициатором запроса на проведение деятельности по изучению объектов индустриального прошлого становилось Свердловское областное отделение ВООПИК. На этот запрос отвечали Свердловский архитектурный институт и Уральский государственный университет. В результате ученые (историки, архитекторы, физики) проводили серьезные (полевые или архивные) исследования объектов с вынесением рекомендаций по характеру дальнейшей деятельности в отношении изученных сооружений.

Кафедра архитектуры промышленных сооружений Свердловского архитектурного института не раз оказывала помощь промышленным предприятиям Свердловской области по обследованию исторических зон заводов, созданию проектов по их ремонту и реконструкции. Например, в 1987 году на кафедру поступила просьба оказать помощь в исследова-

CC BY

нии старых форм одного из цехов Баранчинского электромеханического завода. Преподавателями было проведено натурное обследование старых зданий и даны рекомендации по сохранению и обновлению исторической зоны завода [Холодова, 1989].

Преподавателями Свердловского архитектурного института обследовались и другие памятники индустриального наследия с целью определения их ценности, степени сохранности. Так, кандидатом архитектуры Ю. А. Владимирским, исполняющим обязанности заведующего кафедрой «Промышленное искусство», в апреле 1984 года была изучена доменная печь № 1 Нижнесалдинского металлургического завода. Сделано это было по заданию Совета областного отделения ВООПИК. В результате этого исследования был составлен обширный отчет, в заключении которого сделан вывод о необходимости взятия на государственную охрану данного объекта как «памятника металлургам, технике, технологии и промышленной архитектуры Урала» [ЦДООСО, ф. 250, оп. 1, д. 63, л. 63].

3.4. Постановка на государственный учет объектов индустриального наследия

По итогам вышеописанных исследований и рекомендаций Свердловским отделением ВООПИК составлялись ходатайства в вышестоящие директивные органы о постановке данных памятников на государственный учет как памятников истории и архитектуры. Так, доменная печь № 1 Нижнесалдинского металлургического завода получила статус памятника архитектуры местного значения по решению Свердловского облисполкома № 454 от 04.12.1986 г. [Комплексная программа …, 1989, с. 61].

Согласно документу «Комплексная программа выявления, паспортизации, постановки на учет, реставрации, музеефикации, пропаганды и использования памятников истории и культуры Свердловской области на период до 2000 года» к 1988 году в категорию памятников истории и архитектуры Свердловской области были включены 33 объекта, которые сейчас мы именуем *памятники индустриального наследия*. Подавляющее большинство из них размещались в г. Свердловске — 9 объектов. Остальные были разбросаны по другим частям области (Каменск-Уральский, Нижний Тагил, Алапаевск, Первоуральск, Полевской, Ревда, Ирбит, Нижне-Сергинский, Невьянский, Салдинский и Сысертский районы). Все памятники имели статус либо местного значения (19 объектов), либо республиканского (14 объектов) [Там же, с. 39—125]. Стоит отметить, что это опять же не только заводские цеха или отдельные технические сооружения, а целые заводские комплексы, включающие здания заводоуправления, хозяйственные пристройки, госпитали и даже господские дома. То есть все то, что

CC BY

в прошлые века позволяло эффективно функционировать тому или иному промышленному объекту.

3.5. Нормативно-правовое обеспечение деятельности по охране объектов промышленного прошлого

Очень тесно с таким направлением, как постановка объекта на учет, соседствует направление по принятию соответствующих нормативно-правовых актов. В 1960 году вышло Постановление Совета министров РСФСР от 30 августа 1960 года № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» [Систематическое собрание …, 1977, с. 147—149]. В данном документе имеются приложения, в которых фиксируется постановка на учет некоторых памятников истории и архитектуры на территории Свердловской области. Этот нормативно-правовой акт свидетельствует о начале законотворческой деятельности в сфере сохранения индустриального наследия. Согласно этому постановлению под государственную охрану были поставлены здания и сооружения бывшего Екатеринбургского завода (Монетки), здание Демидовской лаборатории и технической библиотеки (г. Нижний Тагил), здание главного управления Демидовских заводов (г. Нижний Тагил) и др. [ЦДООСО, ф. 250, оп. 1, д. 4, лл. 7, 10—12].

На местном уровне также принимались нормативно-правовые акты. В них прописывались меры по постановке на учет памятников историко-культурного наследия, среди которых есть и интересующие нас объекты промышленного прошлого Свердловской области. Это, например, решение Свердловского облисполкома № 587 от 12 августа 1966 года «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в Свердловской области», а также решение облисполкома «О состоянии и мерах улучшения охраны и пропаганды памятников истории и культуры в области» (№ 636, от 5 августа 1971 года) [Там же, д. 15, лл. 1, 3]. В этих документах перечисляются сами памятники (промышленной архитектуры), среди которых можно обнаружить порядка 16 объектов, явно относящихся к памятникам индустриального наследия области. Вызывает интерес следующий тезис: «В ряде городов оказались незаслуженно забытыми памятники промышленной архитектуры, представляющие историческую ценность. Имеются случаи, когда организации, использующие ценные памятники промышленной архитектуры, небрежно относятся к их эксплуатации, проводят реконструкции, ведущие к полной или частичной утрате их архитектурных и планировочных достоинств» [Там же, д. 72, лл. 1—3]. Этим, видимо, и были вызваны решения директивных органов и общественных организаций о выявлении таких памятников, постановке их на государственный учет с целью дальнейшего изучения и сохранения для будущих поколений.

CC BY

Также имеется множество локальных нормативных актов в виде решений исполкомов в городах Свердловской области, которые так или иначе также способствовали постановке на учет и сохранению памятников индустриального прошлого. Эти документы еще ждут своего анализа в отдельном исследовании.

3.6. Музеефикация объектов индустриального наследия

Судя по архивным и опубликованным источникам, некоторые объекты, поставленные на государственный учет, к 1988 году продолжали эксплуатироваться по своему первоначальному назначению (например, подпорные стенки и запорные узлы различных плотин, гидротехнические сооружения, электростанции). Но большинство объектов использовалось в иных целях: как производственные и складские помещения, ремонтные мастерские, объекты культуры.

Основным способом сохранения памятников индустриального наследия в 1970—1980-е годы стала музеефикация, которая к 1988 году была осуществлена лишь по отношению к двум объектам Свердловской области: Екатеринбургскому железоделательному заводу «Монетка» (Музей истории архитектуры и промышленной техники Урала) и доменной печи Северского трубного завода (музей «Северская домна»). По мнению специалистов того времени, именно этот способ позволял в полной мере сохранить специфику промышленного объекта [Курлаев, 2015, с. 73, 75].

Еще 8 объектов, поставленных на учет к 1987 году, власти Свердловской области намеревались отремонтировать к 2000 году с целью превращения их в музей [Комплексная программа …, 1989, с. 184—193]. В качестве ответственных были назначены промышленные предприятия, которые должны были проводить ремонт памятников как за счет собственных средств, так и за счет финансирования от соответствующих министерств. Музеефикация предполагала проведение ряда работ: реставрацию объектов, разработку проекта, высвобождение объектов с территории завода, создание экспозиции.

3.7. Популяризация идеи о необходимости сохранения объектов индустриального наследия

В популяризации идеи о значимости сохранения индустриальных памятников большую роль играли заметки в местной периодической печати. Авторами выступали журналисты, члены общественной организации ВООПИК, сотрудники городских музеев, а также заинтересованные жители Свердловской области.

Можно выделить несколько тем, которым были посвящены публикации в местной печати в 1970—1980-е годы.

CC BY

Во-первых, в СМИ поднимался вопрос о необходимости создания и непрерывного функционирования заводских музеев, открытых для всех желающих. В основании музеев принимали большое участие ветераны заводов и молодежь, которая только начинала свой трудовой путь на предприятии. Данное направление деятельности преследовало две взаимосвязанные цели: возможность наглядно показать молодежи предыдущие научно-технические, инженерные решения и достижения и таким образом привить любовь к своему краю. Авторами отмечалось, что через демонстрацию механизмов и технологий прошлого можно увидеть «размах наших дел, чтобы еще активнее приобщить себя к нашему трудовому дню» [Макунин, 1970, с. 3]. То есть здесь мы видим активную привязку достижений прошлого к достижениям настоящего времени. Журналист «Рабочей правды» (Полевской) В. Макунин даже предлагал посвящение молодежи в рабочие проводить в музее Северского трубного завода [Там же].

Во-вторых, авторы статей обращают внимание читателей на необходимость сохранения различных памятников промышленной архитектуры в первую очередь через постановку их на государственный учет. Далее, если памятник уже зарегистрирован, авторы призывали общественность и государственные органы мобилизоваться для ремонта и восстановления разрушенных памятников.

В-третьих, достаточно много внимания в статьях уделялось деятельности ВООПИК. Авторами публикаций на эту тему были не только представители самого Общества, но и просто неравнодушные жители. Так, Анатолий Джапаков, молодой тогда еще журналист, в газете «Алапаевская искра» написал замечательную статью «Во славу рук и гения», посвященную вкладу ВООПИК в дело сохранения памятников индустриального прошлого края. Он призывал всех жителей края обратить внимание на проблему и помочь сохранить эти памятники, говоря, что это долг каждого. По его словам, формы данной помощи могут быть самыми разнообразными, а польза — неоценима [Джапаков, 1972, с. 4].

В-четвертых, авторы публикаций единодушны в оценке значимости памятников и в необходимости их сохранения для будущих поколений в силу оригинальности конструкций, уникальности технологий прошлого. Хотя технологии и устарели, но они, по словам авторов, не могут исчезнуть, поэтому объекты должны быть отремонтированы и музеефицированы.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в 1960—1980-е годы в Свердловской области зарождается охранная деятельность по отношению к ряду объектов, которые принадлежали промышленному прошлому региона. Акторами этой деятель-

CC BY

ности стали простые граждане, представители общественных, научных и образовательных организаций, местных органов власти.

В результате проведенного исследования было выявлено 6 направлений деятельности, наиболее успешным из которых стала работа по выявлению объектов индустриального наследия и постановке их на учет в качестве памятника местного или регионального значения (33 единицы). К сожалению, потом никакого развития этой деятельности практически не было, о чем свидетельствует тот факт, что к началу 1990-х годов музеефикацию прошли только 2 объекта. Причины остановки данного процесса состоят в следующем:

(1) Во-первых, в СССР не было сформировано понимание, что такое индустриальное наследие, что считать его памятником, каковы критерии для отбора объектов, относящихся к промышленному прошлому страны. Отсутствие понимания отражалось и на государственной политике, и в нормативно-правовой базе, и в терминологии.

(2) Во-вторых, сама специфика советской действительности заключалась направленности, в первую очередь, на фиксацию и демонстрацию современных достижений в промышленности: новые материалы, механизмы, люди-герои, достигшие особенных высот в своей работе. В связи с этим уже построенные и давно введенные в эксплуатацию промышленные объекты были мало интересны и не рассматривались как достойные сохранения в качестве образцов предыдущего этапа индустриального развития. Важнее было их обновить, оснастить современной техникой, нежели консервировать и музеефицировать. А еще проще было забросить или использовать не по назначению, например, как складское помещение.

В-третьих, желание сохранить достижения индустриальной эпохи более исходило «снизу», от народа. Об этом свидетельствуют публикации в периодической печати и научной литературе, а также существенное участие ВООПИК и других общественных объединений в интересующей нас сфере. Но этих усилий оказывалось мало, учитывая богатое промышленное прошлое страны. Нужно было, чтобы «порыв» общественных сил был поддержан на государственном уровне в полной мере, а этого, как мы видим, в 1960—1980-е годы не происходило.

Источники и принятые сокращения

1. *Джапаков А.* Во славу рук и гения народа / А. Джапаков // Алапаевская искра : [газета]. — 1972. — 10 февраля. — С. 4.

2. *Комплексная* программа выявления, паспортизации, постановки на учет, реставрации, музеефикации, пропаганды и использования памятников истории и культуры Свердловской области. — Свердловск : [б. и.], 1989. — 203 с.

3. *Макунин В.* Эта старая домна … / В. Макунин // Рабочая правда : [газета]. — 1970. — № 84. — С. 3.

CC BY

4. *Систематическое* собрание действующего законодательства РСФСР. Том 17. Раздел XXV : Законодательство о культуре ; Раздел XXVI : Законодательство о здравоохранении, физической культуре и спорту / Министерство юстиции РСФСР. — Москва : Советская Россия, 1977. — 528 с.

5. ЦДООСО — *Центр* документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 250 (Свердловское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры). Оп. 1. Д. 4, 9, 15, 11, 21, 23, 33, 56, 63, 72.

Литература

1. *Алексеева Е. В.* Индустриальное наследие городов-заводов : зарубежные подходы к изучению, сохранению, использованию / Е. В. Алексеева // Актуальные проблемы изучения исторических городов-заводов : Материалы Всероссийской научно-практической конференции (22—23 сентября 2020 г., Ижевск). — Ижевск : УдмФИЦ УрО РАН, 2020. — С. 12—19. — ISBN 978-5-6044103-5-6.

2. *Алексеева Е. В.* Мировое индустриальное наследие : к вопросу о терминологии изучения и сохранения / Е. В. Алексеева // Индустриальное наследие России : междисциплинарные исследования, опыт сохранения, стратегии реновации : Сб. тезисов Всероссийской научной конференции, посвящённой 175-летию Русского географического общества и 90-летию Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. — Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2020. — С. 48—54. — ISBN 978-5-6043278-5-2.

3. *Быстрова Т. Ю.* Методы регенерации объектов индустриальной архитектуры в малых городах / Т. Ю. Быстрова // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. — 2020. — № 1 (44). — С. 42—47. — DOI: 10.25628/UNIIP.2020.44.1.008.

4. *Заикин Г. С.* Уральский регион как историко-архитектурной комплекс / Г. С. Заикин // Вопросы исследования памятников архитектуры : межвузовский сборник. — Свердловск : Полиграфист, 1990. — С. 11—22.

5. *Запарий В. В.* Индустриальное наследие (к вопросу о понимании данной концепции в России и за рубежом) / В. В. Запарий // Экономическая история. Обозрение. — Москва : Издательство МГУ, 2007. — Выпуск 13. — С. 211—217.

6. *Индустриальное* наследие как ресурс для развития. Варианты стратегий. 300+ : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 3—4 декабря 2020 г. — Нижний Тагил : Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал», 2020. — 200 с. — ISBN 978-5-9904023-5-5.

7. *Индустриальное* наследие России : междисциплинарные исследования, опыт сохранения, стратегии реновации : сборник тезисов Всероссийской научной конференции, посвящённой 175-летию Русского географического общества и 90-летию Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. — Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2020. — 203 с. — ISBN 978-5-6043278-5-2.

8. *Кузовкова М. В.* Комплексный подход к изучению и сохранению объекта индустриального наследия XVIII—XXI вв. Индустриальное наследие и его перспектива сохранения в XXI веке. 300+. на примере сохранения комплекса Нижнетагильского металлургического завода / М. В. Кузовкова, Ю. М. Баранов // Индустриальное наследие как ресурс для развития. Варианты стратегий. 300+ : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 3—4 декабря 2020 г. — Нижний Тагил : Горнозаводской Урал, 2020. — С. 119—127. — ISBN 978-5-6043278-5-2.

9. *Курлаев А. Е.* Памятники индустриального наследия Урала. Современное состояние, пути изучения и сохранения / А. Е. Курлаев, Е. А. Курлаев // Вестник Уральского от-

деления Российской академии наук. Наука. Общество. Человек. — 2014. — № 4 (46). — С. 139—147.

10. *Курлаев А. Е.* Индустриальное наследие в системе охраны и сохранения памятников истории и культуры России : проблемы и перспективы / А. Е. Курлаев // Российский научный журнал. — 2015. — № 4. — С. 72—79.

11. *Лахтионова Е. С.* Основные направления нормативно-правовой базы в сфере охраны индустриального наследия в 1940—1980-е гг. / Е. С. Лахтионова // Кубанские исторические чтения : Материалы X Международной научно-практической конференции (Краснодар, 21 июня 2019 г.). — Краснодар : Издательство Краснодарского центра научно-технической информации, 2019. — С. 108—118. — ISBN 978-5-91221-391-5.

12. *Лахтионова Е. С.* «Комплексная программа выявления, паспортизации, постановки на учет, реставрации, музеефикации, пропаганды и использования памятников истории и культуры Свердловской области на период до 2000 года» как источник по истории сохранения индустриального наследия / Е. С. Лахтионова // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. — 2020. — № 1 (8). — С. 137—146. — DOI: 10.15350/26191490.2020.1.16.

13. *Стариков А. А.* Вопросы сохранения и использования горнозаводских историко-архитектурных комплексов в архитектурно-планировочных структурах городов Урала : автореферат диссертации ... кандидата архитектуры : 18.00.04 / А. А. Стариков. — Москва : МАРХИ, 1977. — 24 с.

14. *Холодова Л. П.* Промышленное предприятие и архитектурное наследие / Л. П. Холодова // Развитие промышленной архитектуры Урала. Межвузовский сборник. — Москва : МАРХИ : Свердловский архитектурный институт, 1989. — С. 9—13.

15. *Шипицына О. А.* Индустриальное наследие Урала : архитектурно-презентационная актуализация / О. А. Шипицына, Н. С. Солонина. — Екатеринбург : [б. и.], 2020. — 380 с. — ISBN 978-5-7408-0285-5.

16. *Шипицына О. А.* Комплексное исследование индустриального наследия Среднего Урала / О. А. Шипицына, Н. С. Солонина // Двенадцатые Татищевские чтения : всероссийская научно-практическая конференция (Екатеринбург, 19—20 ноября 2019 г.) : материалы. — Екатеринбург : Квадрат, 2020. — С. 39—45. — ISBN 978-5-91357-078-9.

17. *Zapariy V.* The activities for the conservation of the industrial heritage in Russia and in Ural region / V. Zapariy, B. Lichman, E. Zaitseva, E. Lakhtionova, I. Vasina // SGEM 6th International Multidisciplinary Scientific Conference SOCIAL SCIENCES & ARTS SGEM 2019. Conference Proceeding. — Volume 6. Science and Society, Issue 1. — Albena, 2019. — Pp. 45—52. — DOI: 10.5593/SWS.ISCAH.2019.1/S08.007.

18. *Zapariy V.* Industrial heritage as a component of the Urals' attractive image / V. Zapariy, E. Zaytseva // International Days of Statistics and Economics Conference Proceedings. — Prague, Czech Republic : Melandrium, 2017. — Pp. 1893—1902.

19. *Zaytseva A.* Russian experience of concervation and renowation of industrial regions' heritage / A. Zaytseva, O. Brel, P. Kaizer // Journal of Advanced Research in Management. — 2018. — Issue 9 (4). — Pp. 766—770. — DOI: 10.14505/jemt.v9.4(28).09.

Material resources

A comprehensive program of identification, certification, registration, restoration, museumification, promotion and use of historical and cultural monuments of the Sverdlovsk region. (1989). Sverdlovsk: [b. i.]. 203 p. (In Russ.).

Documentation Center of Public Organizations of the Sverdlovsk region. F. 250 (Sverdlovsk Regional branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments). Op. 1. D. 4, 9, 15, 11, 21, 23, 33, 56, 63, 72. (In Russ.).

Dzhapakov, A. (1972). For the glory of the hands and the genius of the people. *Alapaevskaya iskra: [newspaper]. February 10.* P. 4. (In Russ.).

Makunin, V. (1970). This old blast furnace ... *Rabochaya pravda: [newspaper], 84:* P. 3. (In Russ.).

Systematic collection of the current legislation of the RSFSR. Volume 17. Section XXV: Legislation on Culture; Section XXVI: Legislation on healthcare, physical culture and sports / Ministry of Justice of the RSFSR. (1977). Moscow: Soviet Russia. 528 p. (In Russ.).

References

Alekseeva, E. V. (2020). Industrial heritage of factory towns: foreign approaches to study, preservation, use. In: *Actual problems of studying historical factory cities: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (September 22—23, 2020, Izhevsk)*. Izhevsk: UdmFIC UrO RAS. 12—19. ISBN 978-5-6044103-5-6. (In Russ.).

Alekseeva, E. V. (2020). World industrial heritage: on the terminology of study and preservation. In: *Industrial Heritage of Russia: interdisciplinary research, conservation experience, renovation strategies: Collection of abstracts of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the 175th anniversary of the Russian Geographical Society and the 90th anniversary of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra.* Khanty-Mansiysk: Yugra Format. 48—54. ISBN 978-5-6043278-5-2. (In Russ.).

Bystrova, T. Yu. (2020). Methods of regeneration of industrial architecture objects in small towns. *Academic Bulletin of UralNIIproekt RAASN, 1 (44):* 42—47. DOI: 10.25628/UNIIP.2020.44.1.008. (In Russ.).

Industrial heritage as a resource for development. Strategy options. 300+: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, December 3-4, 2020. (2020). Nizhny Tagil: Gornozavodskoy Ural. 200 p. ISBN 978-5-9904023-5-5. (In Russ.).

Industrial Heritage of Russia: interdisciplinary research, conservation experience, renovation strategies: Collection of abstracts of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the 175th anniversary of the Russian Geographical Society and the 90th anniversary of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra. (2020). Khanty-Mansiysk: Yugra Format. 203 p. ISBN 978-5-6043278-5-2. (In Russ.).

Kholodova, L. P. (1989). *Industrial enterprise and architectural heritage. Development of industrial architecture of the Urals. Interuniversity collection.* Moscow: MARKHI: Sverdlovsk Architectural Institute. 9—13. (In Russ.).

Kurlaev, A. E. (2015). Industrial heritage in the system of protection and preservation of historical and cultural monuments of Russia: problems and prospects. *Russian Scientific Journal, 4:* 72—79. (In Russ.).

Kurlaev, A. E., Kurlaev, E. A. (2014). Monuments of the industrial heritage of the Urals. The current state, ways of study and preservation. *Bulletin of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. The science. Society. Human, 4 (46):* 139—147. (In Russ.).

Kuzovkova, M. V., Baranov, Yu. M. (2020). An integrated approach to the study and preservation of the object of industrial heritage of the XVIII—XXI centuries. Industrial heritage and its prospects for preservation in the XXI century. 300+. on the example of preserving the complex of the Nizhny Tagil Metallurgical Plant. In: *In-*

CC BY

dustrial heritage as a resource for development. Strategy options. 300+: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, December 3—4, 2020. (2020). Nizhny Tagil: Gornozavodskoy Ural. 119—127. ISBN 978-5-6043278-5-2. (In Russ.).

Lakhtionova, E. S. (2019). The main directions of the regulatory framework in the field of industrial heritage protection in the 1940s—1980s. In: *Kuban historical readings: Materials of the X International Scientific and Practical Conference (Krasnodar, June 21, 2019).* Krasnodar: Publishing House of the Krasnodar Center for Scientific and Technical Information. 108—118. ISBN 978-5-91221-391-5. (In Russ.).

Lakhtionova, E. S. (2020). "Comprehensive program of identification, certification, registration, restoration, museumification, promotion and use of historical and cultural monuments of the Sverdlovsk region for the period up to 2000" as a source on the history of the preservation of industrial heritage. *Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region, 1 (8):* 137—146. DOI: 10.15350/26191490.2020.1.16. (In Russ.).

Shipitsyna, O. A., Solonina, N. S. (2020). A comprehensive study of the industrial heritage of the Middle Urals. In: *Twelfth Tatishchev Readings: All-Russian Scientific and Practical Conference (Yekaterinburg, November 19—20, 2019): materials.* Yekaterinburg: Kvadrat Publishing House. 39—45. ISBN 978-5-91357-078-9. (In Russ.).

Shipitsyna, O. A., Solonina, N. S. (2020). *Industrial heritage of the Urals: architectural and presentation actualization.* Yekaterinburg: [b. i.]. 380 p. ISBN 978-5-7408-0285-5. (In Russ.).

Starikov, A. A. (1977). *Issues of preservation and use of mining historical and architectural complexes in the architectural and planning structures of the cities of the Urals.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow: MARKHI. 24 p. (In Russ.).

Zaikin, G. S. (1990). Ural region as a historical and architectural complex. In: *Issues of architectural monuments research: interuniversity collection.* Sverdlovsk: Polygraphist. 11—22. (In Russ.).

Zapariy, V. V. (2007). Industrial heritage (on the question of understanding this concept in Russia and abroad). *Economic history. Review, 13:* 211—217. (In Russ.).

Zapariy, V., Lichman, B., Zaitseva, E., Lakhtionova, E., Vasina, I. (2019). The activities for the conservation of the industrial heritage in Russia and in Ural region. In: *SGEM 6th International Multidisciplinary Scientific Conference SOCIAL SCIENCES & ARTS SGEM 2019. Conference Proceeding, 6. Science and Society, (1).* 45—52. DOI: 10.5593/SWS.ISCAH.2019.1/S08.007.

Zapariy, V., Zaitseva, E. (2017). Industrial heritage as a component of the Urals' attractive image. In: *International Days of Statistics and Economics Conference Proceedings.* Prague, Czech Republic: Melandrium. 1893—1902.

Zaytseva, A., Brel, O., Kaizer, P. (2018). Russian experience of concervation and renowation of industrial regions' heritage. *Journal of Advanced Research in Management, 9 (4):* 766—770. DOI: 10.14505/jemt.v9.4(28).09.

Статья поступила в редакцию 22.12.2021,
одобрена после рецензирования 21.02.2022,
подготовлена к публикации 23.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Марков Р. С. Всенародные выборы губернаторов в условиях трансформации федеративных отношений постсоветской России (начало 1990-х — середина 2000-х годов) / Р. С. Марков // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 456—476. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-456-476.

Markov, R. S. (2022). National Elections of Governors in Context of Transformation of Federal Relations in Post-Soviet Russia (Early 1990s — Mid-2000s). *Nauchnyi dialog, 11(3):* 456-476. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-456-476. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-456-476

Всенародные выборы губернаторов в условиях трансформации федеративных отношений постсоветской России (начало 1990-х — середина 2000-х годов)

Марков Роман Станиславович
orcid.org/0000-0002-7257-6901
преподаватель кафедры
государственно-правовых
дисциплин
rsm-94@yandex.ru

Липецкий государственный
педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского
(Липецк, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
РФФИ и ЭИСИ
проект № 21-011-32100

National Elections of Governors in Context of Transformation of Federal Relations in Post-Soviet Russia (Early 1990s — Mid-2000s)

Roman S. Markov
orcid.org/0000-0002-7257-6901
Lecturer, Department of State
and Legal Disciplines
rsm-94@yandex.ru

Lipetsk State Pedagogical
P. Semenov-Tyan-Shansky
University
(Lipetsk, Russia)

Acknowledgments:
The reported study
was funded by RFBR and EISR,
project number 21-011-32100

© Марков Р. С., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности становления и проведения прямых всенародных выборов высших должностных лиц (губернаторов, глав администраций, президентов) субъектов РФ, причины их временной отмены. Актуальность исследования обусловлена значительным влиянием губернаторских избирательных кампаний (впрочем, как и последующей отмены выборности) на формирование отечественной политической системы, новых демократических институтов и федеративных отношений России рубежа 1990—2000 годов. Использован большой массив нормативных и судебных документов и статистических данных. Установлено, что регионы в большей степени стремились отстоять выборность губернаторов, федеральный же центр, декларируя приверженность демократическим преобразованиям, прилагал усилия для замедления децентрализации государственной власти. Переход к повсеместным прямым выборам во второй половине 1990-х годов в условиях слабости центрального государственного аппарата способствовал усилению политических позиций региональных лидеров. Обосновывается вывод, что реформы федерального центра первой половины 2000-х годов, направленные на укрепление «вертикали власти», усиление федерального контроля, компрометация института губернаторских выборов фальсификациями и использованием агрессивных политических технологий привели к относительно быстрой отмене всенародных выборов, сдержанно встреченной элитами и населением.

Ключевые слова:
главы регионов; губернаторы; федеративные отношения; федеративное устройство; конституционная реформа; избирательная реформа; народовластие; новейшая история России; политическая история.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of the formation and conduct of direct nation-wide elections of senior officials (governors, heads of administrations, presidents) of the constituent entities of the Russian Federation, the reasons for their temporary cancellation are considered. The relevance of the study is due to the significant influence of gubernatorial election campaigns (however, as well as the subsequent abolition of electivity) on the formation of the domestic political system, new democratic institutions and federal relations in Russia at the turn of 1990—2000. In preparing the article, a large array of regulatory and judicial documents and statistical data was used, which makes it possible to comprehensively characterize the process of applying the provisions of the electoral legislation and the trends in the development of the electoral system. It was found that the regions were more willing to defend the election of governors, while the federal center, declaring its commitment to democratic reforms, made efforts to slow down the decentralization of state power. The transition to widespread direct elections in the second half of the 1990s, in the face of the weakness of the central state apparatus, contributed to the strengthening of the political positions of regional leaders. The conclusion is substantiated that the reforms of the federal center in the first half of the 2000s, aimed at strengthening the "vertical of power", strengthening federal control, compromising the institution of gubernatorial elections with falsifications and the use of aggressive political technologies led to a relatively quick cancellation of popular elections, which was met with restraint by the elites and the population.

Key words:
heads of regions; governors; federal relations; federal structure; constitutional reform; electoral reform; the rule of the people; modern history of Russia; political history.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94:324(47)“1991/2005”+342.574

Всенародные выборы губернаторов в условиях трансформации федеративных отношений постсоветской России (начало 1990-х — середина 2000-х годов)

© Марков Р. С., 2022

1. Введение = Introduction

Выборность высших должностных лиц российских регионов: губернаторов, глав республики, руководителей администраций — является сравнительно новым институтом отечественной политикой системы, возникшим относительно поздно, только на рубеже 1980—1990-х годов, в ходе коренного преобразования государственного строя. Но, несмотря на указанные обстоятельства, за полтора десятилетия своего существования институт выборов претерпел значительные трансформации от постепенной децентрализации к возобновлению административного диктата в наделении губернаторскими полномочиями.

Важно заметить, что до начала 1990-х годов региональные руководители в России никогда не избирались всенародно. С момента оформления государственного аппарата Московского царства воеводы, которые руководили территориальными единицами, уездами, назначались Разрядным приказом и утверждались царем и Боярской думой. Подобная практика сохранилась в Российской империи, согласно законодательству которой губернаторы назначались императором по представлению Министерства внутренних дел [Тимербаев, 2012, с. 1436]. Советская Россия также не создала правовые механизмы избрания глав регионов. Будучи провозглашенной федеративной республикой еще в январе 1918 года, РСФСР обладала сложным территориальным устройством, которое затруднительно назвать федерацией. Фактическое же сращивание государственных и партийных органов делало ее жестко централизованным государством в составе социалистической федерации. Появившееся на стыке эпох «окно возможностей» побудило законодателей как в центре, так и на местах к активным поискам новой системы формирования государственных органов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Историография вопроса представлена историко-правовыми и историко-политическими работами. Однако эти исследования были написа-

CC BY

ны вскоре после произошедших событий, что в заметной степени негативно повлияло на подбор источников и объективность выводов. На полный охват темы в ретроспективе претендует трактат В. В. Иванова «Глава субъекта Российской Федерации …», выдержавший на настоящий момент три переиздания [Иванов, 2020]. Но, признавая неоценимый вклад автора в развитие темы, нельзя умолчать о тенденциозности некоторых положений издания, как и о резко негативном отношении автора к прямым всенародным губернаторским выборам. Региональным избирательным кампаниям 1990—2000-х годов посвящены диссертации и статьи Н. С. Воробьева [Воробьев, 2010], И. С. Кучанова [Кучанов, 2005], Б. Е. Черотайкина [Черотайкина, 2004], Т. И. Ширко [Ширко, 2013]. Такие работы повествуют о ходе выборов и дают оценку действовавшему (и, как правило, только формировавшемуся) законодательству субъектов РФ. На настоящий день приобрели историографическую ценность труды современников происходивших событий — представителей других социальных наук (главным образом, политологии и юриспруденции): Я. Г. Ашихминой [Ашихмина, 2010], В. И. Васильева [Васильев, 1997], В. Я. Гельмана [Гельман, 1998], Л. Ю. Грудцыной [Грудцына, 2004], А. В. Иванченко, А. Е. Любарева [Иванченко и др., 2007], Н. В. Петрова, А. С. Титкова [Петров и др., 2000], Т. Я. Хабриевой [Хабриева, 2004]. Немногочисленные публикации зарубежных авторов по вопросам выборов глав субъектов РФ, в частности, Дж. П. Гуда [Goode, 2010], Р. У. Орттунга, П. Б Реддауэйя [Orttung et al., 2004], Д. Слайдера [Slider, 2009], С. Л. Солника [Solnick, 1998] также сконцентрированы на политических процессах и возрастающей политической субъектности регионов. Но с середины 2000-х годов иностранные авторы в силу объективных причин прекращают анализ субфедеральных избирательных процессов и сегодня возвращаются к их изучению без энтузиазма.

Источниковая база настоящей статьи обусловлена спецификой темы исследования и включает следующие блоки: 1) законодательные акты (федеральные законы, президентские и парламентские официальные документы), 2) судебную практику (главным образом, Конституционного Суда РФ), 3) данные электоральной статистики, 4) публикации в печатных и электронных средствах массовой информации. Первые две группы источников подлежали официальной публикации в бюллетенях органов государственной власти. Статистические же данные представлены ежегодными сборниками, выпускавшимися малыми тиражами Центральной избирательной комиссией РФ в «доцифровую» эпоху, в связи с чем сегодня указанные издания являются библиографическими редкостями и содержат сведения, фактически не введенные в научный оборот.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Дискуссия о прямых выборах глав российских регионов в ходе конституционной реформы начала 1990-х годов

Демократизация всех сторон жизни общества и государства в СССР во второй половине 1980-х годов неизбежным образом повлекла перераспределение властных полномочий между уровнями власти. События общегосударственного уровня, XIX Всесоюзная партийная конференция и первые съезды народных депутатов СССР неизбежно выступили катализатором политических процессов в союзных республиках, а после — в регионах и на местах. Поэтому в принятой 12 июня 1990 года I Съездом народных депутатов РСФСР Декларации о государственном суверенитете России красной нитью проводилась идея о децентрализации власти государства, о наделении субъектов квазифедерации реальными управленческими полномочиями. Народные депутаты подтвердили «необходимость существенного расширения прав» национально-государственных и административно-территориальных образований и заявили о необходимости подготовки новых основ законодательства о федеративных отношениях [ВСНДиВС, 1990, № 2, ст. 22].

В ходе обсуждения проектов реформы территориально-государственного устройства вопрос о порядке формирования органов государственно власти на региональном уровне закономерно возник уже к осени 1990 года. Первой с предложением радикальных преобразований выступила Конституционная комиссия, предложившая сделать выборными должности руководителей исполнительной власти на всех ее уровнях [О проекте …, 1990, с. 24]. В поддержку «выборной исполнительной административной власти» высказался в прессе председатель Московского городского Совета народных депутатов Г. Х. Попов [Попов, 1990, с. 7]. Но, как отмечает Т. И. Ширко, консенсуса в этой части реформы найти так и не удалось: к началу 1991 года различные общественно-политические силы признали необходимость прямых выборов Президента РСФСР и глав местных администраций, вопрос же о региональных руководителях оставался открытым. Помимо непосредственного избрания населением, активно обсуждался вариант назначения с последующим утверждением представительным органом [Ширко, 2013, с. 113].

Отказ центра от окончательного разрешения проблемы побудил региональные власти взять инициативу в свои руки. Спустя ровно год, 12 июня 1991, с санкции Верховного Совета РСФСР прошли первые всенародные прямые выборы руководителей городов республиканского подчинения Москвы и Ленинграда и Республики Татарстан, на которых одержали победу Г. Х. Попов, А. А. Собчак и М. Ш. Шаймиев соответственно. Примечательно, что избранные кандидаты представляли группы, в последующем сыгравшие значительную роль в политических процессах десятилетия:

CC BY

представители демократическо-реформаторских движений и сторонник большей региональной автономии вплоть до суверенизации национальных территорий. Опыт регионов-пионеров стал примером для последующих избирательных кампаний, проходивших до конца года еще в 6 республиках в составе РСФСР.

Усугубление политического кризиса в стране все же побудило руководство России к решительным действиям. После провала августовского путча ГКЧП Б. Н. Ельцин подписал Указ Президента РСФСР от 22 августа 1991 года № 75 «О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР», учреждавший институт краевых и областных администраций, главы которых в течение переходного периода должны назначаться на должность решением руководителя государства по согласованию с Советом народных депутатов соответствующего региона [ВСНДиВС, 1991, № 34, ст. 1146]. Однако действие президентского указа не распространялось на республики в составе РСФСР, чем федеральный центр признавал частичную утрату контроля над политическими процессами в национальных субъектах.

На волне демократизации 24 октября 1991 года был принят Закон РСФСР № 1803-I «О выборах главы администрации», продолжавший и развивавший положения президентского указа и учитывавший самые смелые инициативы Конституционной комиссии. Так, глава администрации области избирался гражданами РСФСР на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Выборы назначались областным Советом народных депутатов не позднее чем за 2 месяца до дня голосования, их проведение возлагалось на окружную и участковые избирательные комиссий. Право выдвижения кандидатов предоставлялось общественным объединениям и массовым движениям, коллективам предприятий, учреждений, организаций, а также право выдвижения было возможно посредством сбора подписей избирателей (не менее 1 % от общего числа) собраниями избирателей по месту жительства. Регистрация кандидатов осуществлялась окружной избирательной комиссией. Выдвинутому кандидату требовалось заручиться поддержкой относительного большинства избирателей, но в его поддержку должно быть отдано не менее 25 % голосов [ВСНДиВС, 1991, № 45, ст. 1491]. Однако претворению в жизнь реформы объективно препятствовали события конца 1991 — начала 1992 годов. Во-первых, действие закона снова не удалось распространить на все части Российской Федерации, и республикам разрешалось проводить выборы глав исполнительной власти (также именуемых президентами) по самостоятельно определяемым правилам после согласования процедуры с Верховным Советом РСФСР [Там же, № 42, ст. 1328]. Во-вторых,

CC BY

старт рыночных реформ ожидаемо ухудшал условия жизни подавляющего большинства избирателей и, как следствие, угрожал стать причиной политической реакции, в результате которой регионы могли возглавить оппоненты демократических преобразований. Компромиссом послужил годичный мораторий, отложивший обсуждение вопроса проведения выборов до декабря 1992 года [Там же, № 44, ст. 1455]. Поэтому первые прямые выборы руководителей администраций регионов были осуществлены лишь в апреле 1993 года в Красноярском крае, Амурской, Брянской, Липецкой, Орловской, Пензенской, Смоленской, Челябинской областях.

Примечательно, что мораторий сохранил свое частичное действие вплоть до завершения конституционно реформы. Как замечает В. В. Иванов, в Российской Федерации вплоть до 1995 года одновременно использовались различные модели приведения к должности главы исполнительной власти, причем дифференциация носила не правовой, а политический характер и учитывала интерес федерального центра либо национальных элит [Иванов, 2020, с. 251—271, 331—333, 415]. Среди основных способов замещения поста следует назвать избрание и назначение глав субъектов Президентом РФ, кроме того, вне сферы регулирования законодательства оставались специфические региональные практики формирования исполнительной власти: непрямые косвенные выборы в представительном органе в Алтайском крае, коллегиальные директории в Мордовии и некоторых северокавказских республиках, парламентское правление в Алтае, Хакасии и Удмуртии. Причем следует признать, что прямые выборы в первой половине десятилетия представлялись скорее исключением, нежели общим правилом. Президент РФ по своему усмотрению предоставлял краям и областям право избирать своих высших должностных лиц, при этом в других случаях он продолжал назначать руководителей самостоятельно. Так, за 1992 год в нарушение установленного моратория состоялись 1 прямые выборы, в 1993 году их число увеличилось до 10, в 1994 году, еще до оформления федерального избирательного законодательства, проведено всего 6 избирательных кампаний преимущественно в республиках. По оценкам А. В. Иванченко и А. Е. Любарева, к началу 1995 года избранные главы работали только в 22 субъектах РФ [Иванченко и др., 2007, с. 108].

К рассматриваемому периоду относятся и несколько одиозных эпизодов, которые свидетельствуют о борьбе регионов с федеральным центром за возможность самостоятельно избирать собственных руководителей. Примечателен случай, когда в Челябинской области в 1993 году одновременно действовали назначенный и избранный главы администрации В. П. Соловьев и П. И. Сумин, что спровоцировало острый политический кризис в регионе. Первый поддерживался главой государства, но Конституционный Суд РФ

CC BY

встал на сторону второго, подчеркнув значительно большую легитимность мандата избранного руководителя [ВКС, 1993, № 4—5]. После прекращения работы Конституционного Суда РФ в результате октябрьских событий 1993 года В. П. Соловьев был восстановлен в полномочиях президентским указом [САППРФ, 1993, № 43, ст. 4088]. Бывший же глава администрации Липецкой области Г. В. Купцов, не согласившись со своей отставкой, произошедшей в декабре 1992 года, подал иск к Администрации Президента РФ и лично Б. Н. Ельцину. 21 сентября 1994 года Московский городской суд установил, что своим указом глава государства нарушил нормы трудового законодательства, и признал незаконным увольнение Г. В. Купцова, взыскав в пользу истца компенсацию в размере 9,205 млн рублей. Но суд отказался восстановить бывшего главу региона в должности, поскольку к тому моменту в Липецкой области был избран новый губернатор [Зенькович, 2007, с. 242]. Впервые в отечественной судебной практике указ Президента РФ был признан незаконным вследствие иска отрешенного от должности главы областной администрации.

3.2. Переход к повсеместным прямым губернаторским выборам

По мере формирования конституционно-правовой базы наметился переход от хаотичного регулирования процесса наделения полномочиями глав регионов к более систематизированному. Новая Конституции РФ в отличие от предшественницы не содержала соответствующих норм, устанавливающих систему региональных органов государственной власти, а лишь относила этот вопрос в соответствии со статьями 72 и 77 к совместному ведению. Зияющие законодательные пробелы восполнялись президентским правом: Указ Президента РФ от 3 октября 1994 года № 1969 «О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации» подтвердил статус главы администрации (правительства) субъекта РФ как руководителя исполнительной власти в регионе. Однако Б. Н. Ельцин вовсе не спешил отказываться от своего выходящего за рамки Основного Закона права назначать руководителей регионов, что также нашло отражение в тексте документа. Региональные легислатуры утрачивали возможность согласовывать назначения, а полномочия по отбору кандидатур будущих глав администраций предавались Председателю Правительства РФ [СЗРФ, 1994, № 24, ст. 2598]. Невозможность противостоять самоуправству главы государства подтолкнуло депутатов Государственной Думы летом 1995 года поставить перед Конституционным Судом РФ вопрос о правомерности существующего порядка рекрутирования губернаторов.

Однако стремительное развитие событий предопределило исход дела. Новое федеральное законодательство, разрабатываемое во исполнение кон-

CC BY

ституционных новелл, уже прямо или косвенно ссылалось на выборность руководителей администраций регионов. В частности, Федеральный закон от 5 декабря 1994 года № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» в статьях 2 и 4 называл глав исполнительной власти субъектов РФ должностными лицами, непосредственно избираемыми населением [СЗРФ, 1994, № 33, ст. 3406]. По мнению Е. П. Волгина, политическая обстановка середины девятилетия склоняла Б. Н. Ельцина к уступкам регионам. Приближавшиеся президентские выборы требовали поддержки на местах со стороны не собственных назначенцев, а обладающих всенародной поддержкой региональных лидеров [Волгин, 2012, с. 58]. В итоге Указом Президента РФ от 17 сентября 1995 г. № 951 «О выборах в органы государственной власти субъектов РФ и в органы местного самоуправления» устанавливалось, что с 1996 года главы всех субъектов РФ будут обретать полномочия исключительно по результатам всенародных выборов, а в качестве исключения 15 областям разрешал провести голосование уже в декабря 1995 года [СЗРФ, 1995, № 39, ст. 3753]. Подтвердил это и принятый в декабре Федеральный закон от 5 декабря 1995 года № 192-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», содержавший нормы, обязывавшие регионы провести прямые выборы глав исполнительной власти до конца 1996 года [Там же, № 50, ст. 4869]. Однако заметим, что точечные, однократные назначения глав администраций продолжались вплоть до лета 1997 года.

Окончательно вопрос был прояснен после серии решений Конституционного Суда РФ. В постановлении от 18 января 1996 года № 2-П по так называемому «Алтайскому делу» признавались неконституционными любые способы приведения к должности главы исполнительной власти субъекта РФ, кроме прямого избрания гражданами. Судьями проводилась достаточно простая аналогия: если на федеральном уровне глава государства избирается всенародно, то такая же практика должна распространяться на руководителей администраций в регионах [ВКС, 1996, № 1]. Постановление от 30 апреля 1996 года № 11-П признало не противоречащим Основному Закону право Президента РФ в условиях отсутствия федерального законодательства временно определять порядок замещения должностей глав субъектов РФ. Однако судьи отказались согласиться с законностью президентской монополии на рекрутирование губернаторов и тем самым разрешили субъектам принимать собственное избирательное законодательство до окончательного формирования правовой базы деятельности региональной власти [Там же, № 3].

Несмотря на рекомендации Б. Н. Ельцина «воздержаться от принятия нормативных правовых актов», которые устанавливают «принципы орга-

CC BY

низации и систему органов государственной власти» [СЗРФ, 1995, № 41, ст. 3875], регионы вступили в трехлетний период активного законотворчества. Следует согласиться с В. И. Васильевым и А. Е. Постниковым, что значение этого события «для становления федеративных отношений в России трудно переоценить» [Васильев и др., 1997, с. 41]. Законодательство регионов в условиях правового вакуума изобиловало оригинальными нормами, некоторые из них носили одиозный характер. Так, «в ряде случаев это были обоснованные, продуманные решения», другие нормы «диктовались случайными обстоятельствами», при этом в региональных законах «нередко встречались и законотворческие ошибки, противоречия федеральному законодательству», а «регулирование … пассивного избирательного права граждан в ряде субъектов Российской Федерации выходило за рамки ограничений», предусмотренных избирательным законом [Там же, с. 41, 43]. Наиболее сложные противоречия (например, цензы языка и оседлости) неоднократно рассматривались Конституционным Судом РФ, признававшим противоречащим Основному Закону некоторые положения региональных правовых актов в 1997, 1998 и 2001 годах [ВКС, 1997, № 5; 1998, № 4; 2002, № 2].

Только 6 октября 1999 года был принят рамочный Федеральный закон № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Пусть и не лишенный отдельных «слабых сторон», настоящий нормативный акт обобщил результаты десятилетия государственного строительства и урегулировал значительный массив вопросов, связанных с федеративными отношениями, в частности, ввел в юридический оборот обобщающее понятие «высшее должностное лицо субъекта РФ» и закрепил безальтернативность прямых всенародных выборов глав регионов. При этом первая редакция Федерального закона не содержала существенных требований и ограничений к кандидату, как и не создавала предпосылок для унификации регионального законодательства.

Однако практика периода с 1996 по 2004 годы показывает сложность и нестабильность избирательных процессов в регионах. Объективно усматривается рост числа состоявшихся кампаний (табл. 1), они приобретают массовый и регулярный характер. Неоднократно исход борьбы за главный пост региона определялся только после повторного голосования. Как сообщает Я. Г. Ашихмина, избирательные кампании в зависимости от региона проходили с интервалом в 4—5 лет, могли длиться от нескольких месяцев до полугода, сроки проведения голосования не были фиксированными [Ашихмина, 2010, с. 48—50]. Прямые выборы состоялись хотя бы 1—2 раза во всех субъектах РФ, за исключением Дагестана, где в силу сложности политической ситуации они были отложены до 2006 года.

CC BY

Таблица 1

Выборы глав субъектов РФ в 1995—2005 годах*

Год	Количество состоявшихся избирательных кампаний	Субъекты РФ
1995	14	Чеченская Республика; Приморский край; Области: Белгородская; Московская, Нижегородская, Новгородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Свердловская, Тамбовская, Тверская, Томская, Ярославская.
1996	52	Республики: Марий Эл, Саха (Якутия), Татарстан, Хакасия; Края: Алтайский, Краснодарский, Краснодарский, Ставропольский, Хабаровский; Области: Амурская, Архангельская, Астраханская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Калининградская, Калужская, Камчатская, Кировская, Костромская, Курганская, Курская, Ленинградская, Магаданская, Мурманская, Пермская, Псковская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Сахалинская, Тюменская, Ульяновская, Челябинская, Читинская; ГФЗ: Москва, Санкт-Петербург; Еврейская автономная область; Автономные округа: Агинский Бурятский, Коми-Пермяцкий, Корякский, Ненецкий, Таймырский, Усть-Ордынский, Ханты-Мансийский, Чукотский, Эвенкийский, Ямало-Ненецкий.
1997	12	Республики: Адыгея, Алтай, Тыва, Чувашия; Области: Амурская, Иркутская, Кемеровская, Нижегородская, Орловская, Тульская; Автономные округа: Агинский Бурятский, Эвенкийский.
1998	8	Республики: Башкортостан, Ингушетия, Карелия, Мордовия, Северная Осетия; Красноярский край; Области: Липецкая, Пензенская, Смоленская.
1999	11	Карачаево-Черкесская Республика; Области: Белгородская, Ленинградская, Московская, Новгородская, Новосибирская, Омская, Свердловская, Тамбовская, Томская; ГФЗ Москва.
2000	36	Республики: Марий Эл; Удмуртия; Края: Алтайский, Краснодарский, Ставропольский, Хабаровский;

CC BY

Окончание табл. 1

Год	Количество состоявшихся избирательных кампаний	Субъекты РФ
		Области: Архангельская, Астраханская, Брянская, Волгоградская, Ивановская, Калининградская, Калужская, Камчатская, Кировская, Курганская, Курская, Магаданская, Мурманская, Пермская, Псковская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Сахалинская, Тверская, Челябинская, Читинская, ГФЗ Санкт-Петербург; Еврейская автономная область; Автономные округа: Агинский Бурятский, Коми-Пермяцкий, Корякский, Усть-Ордынского Бурятский, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий.
2001	15	Республики: Алтай, Коми, Татарстан, Чувашия; Приморский край; Области: Амурская, Иркутская, Кемеровская, Нижегородская, Орловская, Ростовская, Тульская, Тюменская; Автономные округа: Ненецкий, Эвенкийский.
2002	12	Республики: Адыгея, Бурятия, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карелия, Северная Осетия, Тыва; Красноярский край; Области: Липецкая, Пензенская, Смоленская.
2003	23	Республики: Башкортостан, Карачаево-Черкесия, Мордовия, Чечня; Области: Белгородская, Вологодская, Кировская, Ленинградская, Магаданская, Московская, Новгородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Сахалинская, Свердловская, Тамбовская; Тверская; Томская; Ярославская; ГФЗ: Москва; Санкт-Петербург; Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ.
2004	24	Республики: Марий Эл; Удмуртия, Хакасия, Чечня; Края: Алтайский, Хабаровский, Краснодарский; Области: Архангельская, Астраханская, Брянская, Волгоградская, Воронежская, Калужская, Камчатская, Курганская, Мурманская, Псковская, Рязанская, Самарская, Ульяновская, Читинская; Автономные округа: Корякский, Усть-Ордынский Бурятский.
2005	1	Ненецкий автономный округ.
Итого: 208 кампаний		

* Источники: [Выборы в органы государственной власти …, 2001; Выборы в Российской Федерации …, 2002—2006; Выборы глав исполнительной власти …, 1997] (расчеты автора).

CC BY

Выборы губернаторов не только ощутимо оживили местную общественную жизнь, но и привлекли в регионы специалистов по политическим и электоральным технологиям, которые оказывали услуги избирательным штабам кандидатов. Неопытность организаторов и несформированность политической системы не позволили выборам глав субъектов РФ избежать использования не совсем честных методов политической борьбы, уже хорошо известных по опыту проведения федеральных выборов. Ход кампаний нередко омрачался привлечением административного ресурса, заказными публикациями в ведущих средствах массовой информации, так называемым «черным пиаром», выдвижением кандидатов-однофамильцев, технических кандидатов, кандидатов-спойлеров, отказами в регистрации кандидатов либо лишением статуса кандидата по неясным, надуманным причинам. Иногда граждане использовали участие в выборах для привлечения внимания к собственной персоне, даже не стремясь к победе. Неизбежность крупных финансовых затрат на ведение избирательной кампании повышала интерес к губернаторским выборам у потенциальных спонсоров — крупного бизнеса и криминалитета, — позволяя им лоббировать свои интересы [Slider, 2009, p. 109—110]. Также известны случаи участия и, что любопытно, успеха в таких кампаниях публичных фигур из сфер предпринимательства и шоу-бизнеса, например, юмориста М. С. Евдокимова на выборах главы администрации Алтайского края 4 апреля 2004 года. Парадоксально, но непрерывное совершенствование избирательного законодательства на практике сталкивалось с жесточайшей дискредитацией избирательных прав [Иваненко и др., 2007, с. 143]. По замечаниям В. Я. Гельмана, губернаторские кампании эклектично сочетали в себе черты «регионального авторитаризма» (господство политико-экономических кланов, подавление местных оппозиционных движений, притеснение независимых средств массовой информации) и конкурентности, регулярной сменяемости власти [Гельман, 1998, с. 101].

С. Л. Солник отмечает, что прямые выборы положительно повлияли на демократизацию государства, конкурентность и формирование группы региональных лидеров, способных на равных вести переговоры с центром [Solnick, 1998, p. 48]. Это подтверждает и Дж. П. Гуд, указывая, что лишь небольшая часть глав администраций, назначенных Б. Н. Ельциным, смогла успешно переизбраться на должность [Goode, 2010, p. 46]. Однако усиление губернаторского корпуса и эффективное противодействие кризисным ситуациям (что, в частности, показал дефолт 1998 года) при слабости федерального центра, значительное экономическое обособление регионов неизбежно порождали предпосылки для будущей конфронтации двух уровней публичной власти. Первые призывы к федеральной интервенции и борьбе

CC BY

с «губернаторами-тяжеловесами» и «региональной фрондой» прозвучали уже в ходе кризиса 1998—1999 годов от Е. М. Примакова. После 2000 года центральная власть принялась более активно участвовать в субфедеральных электоральных процессах, но не вмешивалась в них напрямую [Воробьев, 2010, с. 212—213]. Объявленная В. В. Путиным административная реформа и политика укрепления вертикали исполнительной власти требовала не просто сбалансированных отношений федерации и ее субъектов, а выстраивания субординационных отношений «президент — губернатор».

3.3. Отмена прямых выборов глав субъектов РФ

Изменение формата федеративных отношений после избрания нового Президента РФ, которое выразилось в усилении контроля центра и уменьшении роли глав регионов в выработке решений на всероссийском уровне (учреждение федеральных округов, реформа Совета Федерации), давало повод экспертному сообществу усомниться в сохранении прежнего порядка проведения всенародных прямых выборов. В публикациях начала 2000-х годов высказывались предположения о частичном или полном пересмотре процедуры как не отвечающей проводимой федеральной политике, что, однако, неоднократно решительно отвергалось лично В. В. Путиным [Путин, 2004, с. 1]. Но столь радикальное решение все же было принято после трагических для всей страны событий: после террористического акта в Беслане в сентябре 2004 года Президент заявил о необходимости отказа от прямых выборов высших должностных лиц субъектов РФ в целях обеспечения национальной безопасности. Изначально о принятом решении глава государства сообщил в телевизионном обращении 13 сентября, после — на расширенном заседании Правительства РФ при участии губернаторов. Руководитель государства признал, что, пока главы избираются на прямых выборах, о полноценной вертикали исполнительной власти не может быть и речи [Путин, 2006, с. 315].

Однако взгляды на мотивы принятия настоящего решения в среде специалистов разнятся. Так, А. Н. Мещеряков отмечает, что причиной, подтолкнувшей федеральные власти выступить с подобной инициативой, стала необходимость борьбы с главами регионов — ставленниками крупного бизнеса и организованной преступности [Мещеряков, 2015, с. 25—26]. Однако данная версия нашла немного сторонников среди исследователей. Иначе смотрит на ситуацию С. А. Денисов, утверждающий, что под предлогом борьбы с терроризмом федеральный центр решил отстранить от власти неподконтрольных и оппозиционных руководителей субъектов РФ [Денисов, 2008, с. 16]. Как закономерный итог борьбы губернаторов с «возрождающимся федеральным правительством» встретили президентскую инициативу Р. В. Ортунг и П. Б. Реддуэй [Orttung et al., 2004, p. 285—286].

CC BY

Поправки к Федеральному закону, принятые 11 декабря 2004 года, установили новый порядок приведения к должности глав субъектов РФ. Региональная легислатура наделяла полномочиями руководителя региона одно из трех лиц, представленных Президентом РФ [СЗРФ, 2004, № 50, ст. 4950]. Кандидатов на рассматриваемую должность Руководителю Администрации Президента РФ предлагал полномочный представитель Президента РФ в соответствующем федеральном округе не менее чем за 90 дней до истечения срока полномочий главы региона. Руководитель Администрации, оценив авторитетность, деловую репутацию и опыт публичной работы претендентов, представлял их Президенту РФ, который утверждал либо отклонял кандидатуры, после чего не позднее чем за 35 дней они предоставлялись на рассмотрение депутатскому корпусу региона. Парламентариям давалось две недели для принятия решения [СЗРФ, 2004, № 52, ст. 5427]. Подобный порядок назначения обусловил и право главы государства отправлять высших должностных лиц субъектов РФ в отставку в связи с утратой доверия. Реформа окончательно встроила губернаторов в единую систему исполнительной власти и ликвидировала самостоятельность, которой регионы добивались в течение полутора десятилетий борьбы за прямые всенародные выборы.

Новую модель наделения полномочиями и научное, и политическое сообщества встретили неоднозначно. Значительная группа экспертов негативно восприняла изменения законодательства, акцентируя внимание на их явной недемократичности. В частности, Л. Ю. Грудцына назвала эти поправки «фактическим отобранием у народа» конституционного права избирать, «отступлением от демократических идей» [Грудцына, 2004, с. 26]. Аналогично, как ограничение избирательных прав граждан, «опасность окончательного размежевания власти и народа», оценила их И. И. Конкина [Конкина, 2005, с. 24—25]. Как вредоносное для федеративных отношений «право президентства определять степень своих полномочий по отношению к регионам» увидел реформу Дж. П. Гуд [Goode, 2010, p. 51].

Позицию апологетов действий федерального центра обозначила Т. Я. Хабриева. Она согласилась с необходимостью осуществляемых мер, указав на несформированность российской политической и партийной систем, неконтролируемость хода избирательных кампаний. Ею был высказан аргумент о неготовности как избирателей, так и некоторых случайно избранных кандидатов к принятию значимых решений. Поскольку общество регионов еще политически незрело и может стать жертвой политических аферистов, решение о передаче вопросов избрания губернаторов в руки специально подготовленных лиц соответствует интересам государства [Хабриева, 2004, с. 8—9]. Подкрепил высказанную позицию и Кон-

CC BY

ституционный Суд РФ, после жалоб граждан признавший новую процедуру соответствующей Основному Закону. В постановлении от 21 декабря 2005 года № 13-П констатировалось, что прямые выборы глав субъектов РФ не установлены напрямую Конституцией РФ, вследствие чего федеральный законодатель может по своему усмотрению определять способ формирования региональных органов власти. Орган конституционного контроля, всего 9 лет назад принявший по схожему делу абсолютно иное решение, показал, что его правовые позиции по некоторым вопросам могут претерпевать изменения с учетом социально-правовой ситуации в государстве и действующего законодательства [ВКС, 2006, № 1]. Иными словами, прямые выборы, соответствовавшие ранее и «букве», и «духу» Конституции, перестали отвечать вызовам нового политического курса.

Парадоксально, но наибольшими сторонниками и выгодополучателями президентской реформы стали сами главы субъектов РФ, которые, по меткому замечанию В. В. Иванова, «боялись проиграть или просто устали избираться» [Иванов, 2008, с. 182]. Вместо сотен тысяч (а иногда и миллионов) избирателей они получили одного главного избирателя в лице Президента РФ и федерального центра, завоевать благосклонность которого оказывалось значительно легче. Стоит отметить, что и первоначальная инициатива В. В. Путина, и последующее обсуждение законопроекта были встречены регионами спокойно: критика отдельных положений, но не самой концепции реформы прозвучали в Астраханской, Калининградской, Калужской, Ростовской областях и некоторых национальных республиках, но отрицательный отзыв представила только Чувашия [Дульман, 2004, с. 1]. Высшие должностные лица встретили отмену прямых выборов молчаливо либо благосклонно. Ярким примером последнему стала позиция главы администрации Липецкой области О. П. Королева, заявившего, что «любая воля президента» для него «будет общественно необходимой потребностью» [Олег Королев поддерживает …].

4. Заключение = Conclusions

Исследование показало, что прямые выборы глав субъектов РФ в первые полтора десятилетия истории постсоветской России выступали немаловажным фактором развития федеративных отношений. Новый формат федерации — «Россия регионов» — стал складываться именно в результате усиления политических позиций губернаторов. Руководители регионов смогли избавиться от ярлыков президентских назначенцев, стать подлинно народными (а иногда и национальными) лидерами.

Однако губернаторские кампании со временем стали полем борьбы местных группировок, политическим спектаклем, сопряженным с манипу-

CC BY

ляцией общественным мнением и активным использованием политических технологий, что закономерно подорвало авторитет как выборов, так и регионального истеблишмента. Получение мандата на власть непосредственно от граждан стало оправданием установления монопольного контроля над ресурсами региона, ультимативного торга с российским правительством. Федеральный же центр, который «мало знал о демократии и очень много знал о принуждении» [Goode, 2010, p. 43], так и не принял произошедшую федерализацию, поэтому после реконструкции центрального государственного аппарата в 2000-е годы именно усиление административного давления на регионы виделось лучшим инструментом восстановления единства страны. Итоги полутора десятилетия выборов губернаторов продемонстрировали, что как федеральные, так региональные руководители оказались слабо подготовлены к децентрализации власти в новых условиях.

Источники и принятые сокращения

1. ВКС — *Вестник* Конституционного Суда РФ. — Москва : СПАРК, 1993—2006.

2. ВСНДиВС — *Ведомости* Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. — Москва : Издательство Верховного Совета РСФСР, 1990—1991.

3. *Выборы* в органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1997—2000 : Электоральная статистика : в 2-х тт. — Москва : Весь мир, 2001. — Т. 1. — 168 с.

4. *Выборы* в Российской Федерации. 2001 : Электоральная статистика. — Москва : Весь мир, 2002. — 120 с.

5. *Выборы* в Российской Федерации. 2002 : Электоральная статистика. — Москва : Весь мир, 2003. — 136 с.

6. *Выборы* в Российской Федерации. 2003 : Электоральная статистика. — Москва : Весь мир, 2004. — 176 с.

7. *Выборы* в Российской Федерации. 2004 : Электоральная статистика. — Москва : Издательство «Весь мир», 2005. — 232 с.

8. *Выборы* в Российской Федерации. 2005 : Электоральная статистика. — Москва : Весь мир, 2006. — 200 с.

9. *Выборы* глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации. 1995—1997 : Электоральная статистика. — Москва : Весь мир, 1997. — 704 с.

10. *Дульман П.* Для кого закон подписан / П. Дульман // Российская газета — Федеральный выпуск : [газета]. — 2004. — 15 декабря. — С. 1.

11. *О Проекте* Конституции РСФСР, подготовленном Конституционной комиссией в соответствии с Постановлением Съезда народных депутатов РСФСР от 16 июня 1990 г. // Конституционный вестник. — 1990. — № 4. — С. 24.

12. *Олег Королев* поддерживает отмену губернаторских выборов [Электронный ресурс] // LIPETSKNEWS. — Режим доступа : http://lipetsknews.ru/articles/vlast/oleg-korolev-podderzhivaet-otmenu-gubernatorskih-vyborov (дата обращения 21.12.2021).

13. *Попов Г. Х.* Перспективы и реалии : о стратегии и тактике демократических сил на современном этапе / Г. Х. Попов // Огонек. — № 51. — С. 4—7.

14. *Путин В. В.* Выступление на расширенном заседании Правительства с участием глав субъектов Российской Федерации 13 сентября 2004 года / В. В. Путин // Вся по-

CC BY

литика : хрестоматия / сост. В. Д. Нечаев, А. В. Филиппов. — Москва : Европа, 2006. — С. 314—316. — ISBN 5973900525.

15. *Путин В. В.* Избирательное / В. В. Путин // Коммерсантъ. — 2004. —14 сентября. — С. 1.

16. САППРФ — *Собрание* актов Президента и Правительства РФ. — Москва : Издательство «Юридическая литература» Администрации Президента РФ, 1993.

17. СЗРФ — *Собрание* законодательства РФ. — Москва : Издательство «Юридическая литература» Администрации Президента РФ, 1994—2004.

Литература

1. *Ашихмина Я. Г.* Выборы губернаторов в России : конкурентность и предсказуемость (1991—2005 гг.) : монография / Я. Г. Ашихмина. — Екатеринбург : Издательство УрО РАН, 2010. — 167 с. — ISBN 9755769121296.

2. *Васильев В. И.* Законодательное регулирование выборов глав администраций субъектов Федерации / В. И. Васильев, А. Е. Постников // Журнал российского права. — 1997. — № 5. — С. 41—53.

3. *Волгин Е. В.* Становление органов государственной власти субъектов РФ в 1990-е гг. / Е. В. Волгин // Вестник Московского университета. Серия 8. История. — 2012. — № 3. — С. 48—63.

4. *Воробьев Н. И.* Становление и развитие системы выборов высших должностных лиц субъектов Российской Федерации : политико-правовые аспекты / Н. И. Воробьев // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2010. — № 8. — С. 211—219.

5. *Гельман В. Я.* Региональная власть в современной России : институты, режимы и практики / В. Я. Гельман // Полис. Политические исследования. — 1998. — № 1. — С. 87—105.

6. *Грудцына Л. Ю.* К вопросу об отмене всенародных выборов губернаторов / Л. Ю. Грудцына // Законодательство и экономика. — 2004. — № 11. — С. 24—29.

7. *Денисов С. А.* Использование норм конституционного (государственного) права против оппозиции / С. А. Денисов // Конституционное и муниципальное право. — 2008. — № 18. — С. 15—21.

8. *Зенькович Н. А.* Губернаторы новой России. Энциклопедия карьер / Н. А. Зенькович. — Москва : ОЛМА Медиа групп, 2007. — 581 с. — ISBN 9785373005999.

9. *Иванов В. В.* Глава субъекта Российской Федерации. Историческое, юридическое и политическое исследование (История губернаторов) : в 2-х томах / В. В. Иванов. — Москва : Издание книг ком, 2020. — Т. 1. — Книга 1. — 600 с.

10. *Иванов В. В.* Путинский федерализм (Централизаторские реформы в России в 2000—2008 годах) / В. В. Иванов. — Москва : Территория будущего, 2008. — 215 с. — ISBN 5911290367.

11. *Иванченко А. В.* Российские выборы от перестройки до суверенной демократии / А. В. Иванченко, А. Е. Любарев. — Москва : Аспект Пресс, 2007. — 221 с. — ISBN 5756704469.

12. *Конкина И. И.* Новый механизм приведения к власти глав субъектов Российской Федерации : проблемы и сомнения / И. И. Конкина // Конституционное и муниципальное право. — 2005. — № 3. — С. 23—26.

13. *Кучанов И. С.* Региональные выборы в России : на материалах Псковской области. 1996—2004 гг. : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. С. Кучанов. — Москва, 2005. — 182 с.

14. *Мещеряков А. Н.* Наделение высшего должностного лица субъекта Российской Федерации полномочиями : основные исторические этапы / А. Н. Мещеряков // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2015. — № 4. — С. 24—31.

15. *Петров Н. В.* Выборы глав исполнительной власти регионов / Н. В. Петров, А. С. Титков // Выборы и партии в регионах России / Под ред. Г. Люхтерхандт-Михалевой, С. И. Рыженкова. — Москва — Санкт-Петербург : Летний сад, 2000. — С. 52—84.

16. *Тимербаев Т. А.* Некоторые особенности политико-правовой модернизации российских регионов : «Губернаторский вопрос» / Т. А. Тимербаев // Вестник Башкирского университета. — 2012. — Т. 17. — № 3. — С. 1436—1439.

17. *Хабриева Т. Я.* Новые законопроекты о порядке формирования Государственной Думы и органов исполнительной власти субъектов РФ (сравнительный анализ российского и зарубежного опыта) / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. — 2004. — № 11. — С. 3—10.

18. *Черотайкин Б. Е.* История выборов главы и губернатора Красноярского края в 1993 и 1998 гг. : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / Б. Е. Черотайкин. — Красноярск, 2004. — 190 с.

19. *Ширко Т. И.* Выборы глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации в 1990—2012 гг. : эволюция законодательства и обеспечение избирательных прав граждан / Т. И. Ширко // Вестник Томского государственного университета. История. — 2013. — № 1. — С. 113—117.

20. *Goode J. P.* Russia's Gubernatorial Elections : A Postmortem / J. P. Goode // Institutions, Ideas and Leadership in Russian Politics / J. M. Newton, W. J. Tompson (eds.). — London : Palgrave Macmillan, 2010. — Pp. 43—66. — DOI: 10.1057/97802302829403.

21. *Orttung R. W.* What Do the Okrug Reforms Add Up To? Some Conclusions / R. W. Orttung, P. B. Reddaway // The Dynamics of Russian Politics : Putin's Reform of Federal-Regional Relations / P. B. Reddaway, R. W. Orttung (eds.). — Lanham : Rowman & Littlefield, cop., 2004. — Pp. 277—302. — ISBN 0742526445.

22. *Slider D.* Putin and the Election of Regional Governors / D. Slider // Federalism and Local Politics in Russia / C. Ross, A. Campbell (eds.). — New York : Routledge, 2009. — Pp. 106—119. — ISBN 9780415437028.

23. *Solnick S. L.* Gubernatorial Elections in Russia, 1996—1997 / S. L. Solnick // Post-Soviet Affairs. — 1998. — № 14. — Pp. 48—80. — DOI: 10.1080/1060586X.1998.10641446.

Material resources

Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. (1993—2006). Moscow: SPARK. (In Russ.).

Collection of acts of the President and Government of the Russian Federation. (1993). Moscow: Publishing House "Legal Literature" of the Presidential Administration of the Russian Federation. (In Russ.).

Collection of legislation of the Russian Federation. (1994—2004). Moscow: Publishing House "Legal Literature" of the Presidential Administration of the Russian Federation. (In Russ.).

Dulman, P. (2004). For whom the law was signed. *Rossiyskaya Gazeta — Federal Issue: [newspaper]. December 15:* 1. (In Russ.).

Elections in the Russian Federation. 2001: Electoral statistics. (2002). Moscow: The Whole world. 120 p. (In Russ.).

Elections in the Russian Federation. 2002: Electoral statistics. (2003). Moscow: The Whole world. 136 p. (In Russ.).

Elections in the Russian Federation. 2003: Electoral statistics. (2004). Moscow: The Whole world. 176 p. (In Russ.).

Elections in the Russian Federation. 2004: Electoral statistics. (2005). Moscow: The Whole world. 232 p. (In Russ.).

Elections in the Russian Federation. 2005: Electoral statistics. (2006). Moscow: The Whole world. 200 p. (In Russ.).

Elections of the heads of executive power of the subjects of the Russian Federation. 1995—1997: Electoral statistics. (1997). Moscow: The Whole world. 704 p. (In Russ.).

Elections to state authorities of the subjects of the Russian Federation. 1997—2000: Electoral statistics: in 2 volumes, 1. (2001). Moscow: The Whole world. 168 p. (In Russ.).

Oleg Korolev supports the cancellation of the gubernatorial elections. Lipetsk. Available at: http://lipetsknews.ru/articles/vlast/oleg-korolev-podderzhivaet-otmenu-gubernatorskih-vyborov (accessed 12.21.2021). (In Russ.).

On the Draft Constitution of the RSFSR prepared by the Constitutional Commission in accordance with the Resolution of the Congress of People's Deputies of the RSFSR of June 16, 1990. (1990). *Constitutional Bulletin, 4:* 24. (In Russ.).

Popov, G. H. Prospects and realities: on the strategy and tactics of democratic forces at the present stage. *Ogonek, 51:* 4—7. (In Russ.).

Putin, V. V. (2004). Electoral. *Kommersant. September 14:* 1. (In Russ.).

Putin, V. V. (2006). Speech at the enlarged meeting of the Government with the participation of the heads of the constituent entities of the Russian Federation on September 13, 2004. In: *All politics: a textbook.* Moscow: Europe. 314—316. ISBN 5973900525. (In Russ.).

Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR. (1990—1991). Moscow: Publishing House of the Supreme Soviet of the RSFSR. (In Russ.).

References

Ashikhmina, Ya. G. (2010). *Gubernatorial elections in Russia: competitiveness and predictability (1991—2005): Monograph.* Yekaterinburg: Publishing House of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 167 p. ISBN 9755769121296. (In Russ.).

Cherotaykin, B. E. (2004). *The history of the elections of the head and governor of the Krasnoyarsk Territory in 1993 and 1998.* PhD Diss. Krasnoyarsk. 190 p. (In Russ.).

Denisov, S. A. (2008). The use of the norms of constitutional (state) law against the opposition. *Constitutional and municipal law, 18:* 15—21. (In Russ.).

Gelman, V. Ya. (1998). Regional power in modern Russia: institutions, regimes and practices. *Polis. Political studies, 1:* 87—105. (In Russ.).

Goode, J. P. (2010). Russia's Gubernatorial Elections: A Postmortem. In: *Institutions, Ideas and Leadership in Russian Politics.* London: Palgrave Macmillan. 43—66. DOI: 10.1057/97802302829403.

Grudtsyna, L. Yu. (2004). To the question of the abolition of national elections of governors. *Legislation and Economics, 11:* 24—29. (In Russ.).

Ivanov, V. V. (2020). *Head of the subject of the Russian Federation. Historical, legal and political research (History of Governors): in 2 volumes, 1 (1).* Moscow: Publishing books com. 600 p. (In Russ.).

Ivanov, V. V. (2008). *Putin's federalism (Centralizing reforms in Russia in 2000—2008).* Moscow: Territory of the Future. 215 p. ISBN 5911290367. (In Russ.).

CC BY

Ivanchenko, A. V., Lyubarev, A. E. (2007). *Russian Elections from perestroika to sovereign democracy.* Moscow: Aspect Press. 221 p. ISBN 5756704469. (In Russ.).

Khabrieva, T. Ya. (2004). New bills on the formation of the State Duma and executive authorities of the subjects of the Russian Federation (comparative analysis of Russian and foreign experience). *Journal of Russian Law, 11:* 3—10. (In Russ.).

Konkina, I. I. (2005). A new mechanism for bringing heads of subjects of the Russian Federation to power: problems and doubts. *Constitutional and Municipal law, 3:* 23—26. (In Russ.).

Kuchanov, I. S. (2005). *Regional elections in Russia: based on the materials of the Pskov region. 1996—2004.* PhD Diss. Moscow. 182 p. (In Russ.).

Meshcheryakov, A. N. (2015). Endowment of the highest official of the subject of the Russian Federation with powers: the main historical stages. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 4:* 24—31. (In Russ.).

Orttung, R. W., Reddaway, P. B. (2004). What Do the Okrug Reforms Add Up To? Some Conclusions. In: *The Dynamics of Russian Politics: Putin's Reform of Federal-Regional Relations.* Lanham: Rowman & Littlefield, cop. 277—302. ISBN 0742526445.

Petrov, N. V., Titkov, A. S. (2000). Elections of the heads of executive power of the regions. In: *Elections and parties in the regions of Russia.* Moscow — St. Petersburg: Summer Garden. 52—84. (In Russ.).

Shirko, T. I. (2013). Elections of the heads of executive power of the subjects of the Russian Federation in 1990—2012: the evolution of legislation and ensuring the electoral rights of citizens. *Bulletin of Tomsk State University. History, 1:* 113—117. (In Russ.).

Slider, D. (2009). Putin and the Election of Regional Governors. In: *Federalism and Local Politics in Russia.* New York: Routledge. 106—119. ISBN 9780415437028.

Solnick, S. L. (1998). Gubernatorial Elections in Russia, 1996—1997. *Post-Soviet Affairs, 14:* 48—80. DOI: 10.1080/1060586X.1998.10641446.

Timerbayev, T. A. (2012). Some features of the political and legal modernization of Russian regions: "The Governor's question". *Bulletin of Bashkir University, 17 (3):* 1436—1439. (In Russ.).

Vasiliev, V. I., Postnikov, A. E. (1997). Legislative regulation of elections of heads of administrations of the subjects of the Federation. *Journal of Russian Law, 5:* 41—53. (In Russ.).

Volgin, E. V. (2012). Formation of state authorities of the subjects of the Russian Federation in the 1990s. *Bulletin of the Moscow University. Series 8. History, 3:* 48—63. (In Russ.).

Vorobyov, N. I. (2010). Formation and development of the system of elections of senior officials of the subjects of the Russian Federation: political and legal aspects. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities, 8:* 211—219. (In Russ.).

Zenkovich, N. A. (2007). *Governors of new Russia. Encyclopedia of careers.* Moscow: OLMA Media Group. 581 p. ISBN 9785373005999. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.11.2021,
одобрена после рецензирования 02.02.2022,
подготовлена к публикации 24.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Пашкин А. Г. Участие органов НКВД и прокуратуры в обеспечении строительства Куйбышевского оборонительного рубежа (ноябрь 1941 — январь 1942 годов) / А. Г. Пашкин, Р. А. Мухамедов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 477—493. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-477-493.

Pashkin, A. G., Mukhamedov, R. A. (2022). Participation of NKVD and Prosecutor's Office in Ensuring Construction of Kuibyshev Defensive Line (November 1941 — January 1942). *Nauchnyi dialog, 11(3):* 477-493. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-477-493. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO host

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-477-493

Участие органов НКВД и прокуратуры в обеспечении строительства Куйбышевского оборонительного рубежа (ноябрь 1941 — январь 1942 годов)

Пашкин Андрей Геннадьевич [1, 2]
orcid.org/0000-0003-2602-1806
кандидат исторических наук,
докторант [1], директор [2]
pashkin.ag@mail.ru

Мухамедов Рашит Алимович [1]
orcid.org/0000-0001-6181-3249
доктор исторических наук, профессор
rasit56@mail.ru

[1] Ульяновский государственный
педагогический университет
им. И. Н. Ульянова
(Ульяновск, Россия)

[2] Государственный архив новейшей
истории Ульяновской области
(Ульяновск, Россия)

Participation of NKVD and Prosecutor's Office in Ensuring Construction of Kuibyshev Defensive Line (November 1941 — January 1942)

Andrey G. Pashkin [1, 2]
orcid.org/0000-0003-2602-1806
PhD in History
Doctoral Student [1], Director [2]
pashkin.ag@mail.ru

Rashit A. Mukhamedov [1]
orcid.org/0000-0001-6181-3249
Doctor of History, Professor
rasit56@mail.ru

[1] Ulyanovsk State University
of Education
(Ulyanovsk, Russia)

[2] State Archive
of Contemporary History
of the Ulyanovsk Region
(Ulyanovsk, Russia)

© Пашкин А. Г., Мухамедов Р. А., 2022

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется деятельность органов НКВД и прокуратуры по обеспечению мобилизации на строительство Куйбышевского оборонительного рубежа и пресечению дезертирства. Актуальность исследования обусловлена тем, что опыт деятельности структур НКВД и прокуратуры, направленной на обеспечение оборонительного строительства в экстремальных реалиях военных действий, является важным источником информации для инженеров военного дела Российской Федерации. Авторы на основе введения в научный оборот архивных, ранее секретных документов из фондов изучили процесс строительства оборонительного рубежа, положение мобилизованных и проанализировали деятельность органов НКВД и прокуратуры. Выявлено, что работники органов внутренних дел и прокуратуры для пресечения дезертирства в первую очередь стремились осуществить нормализацию снабжения рабочих продуктами питания, одеждой и оборудованием, установить точные нормы выработки, исходя из половозрастных особенностей строителей. В ходе исследования было доказано, что к середине декабря 1941 года репрессивная политика была свернута, а местные органы власти осуществляли мероприятия по улучшению продуктового обеспечения работников.

Ключевые слова:
Среднее Поволжье; военно-полевое строительство; НКВД; прокуратура; дезертирство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article discusses the activities of the NKVD and the prosecutor's office to ensure the mobilization and suppression of desertions from the construction of the Kuibyshev defensive line. The relevance of the study is due to the fact that the experience of the activities of the NKVD structures and the prosecutor's office, aimed at ensuring defensive construction in the extreme realities of military operations, is an indispensable source for military engineers of the Russian Federation. Based on the introduction into scientific circulation of previously secret archival documents from the funds of RGASPI, SOGASPI and GANI UO, they paid attention to the process of building a defensive line, the situation of the mobilized and analyzed the problems of the activities of the NKVD and the prosecutor's office. It was revealed that the employees of the internal affairs bodies and the prosecutor's office, in order to prevent desertions, first of all sought to normalize the supply of workers with food, clothing and equipment, the establishment of exact production standards, based on the gender and age characteristics of the builders. In the course of the work, it was proved that by mid-December 1941 the repressive policy had been curtailed, and local authorities took measures to improve the food supply for workers.

Key words:
Middle Volga region; military field construction; NKVD; prosecutor's office; desertion.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(47).084.8

Участие органов НКВД и прокуратуры в обеспечении строительства Куйбышевского оборонительного рубежа (ноябрь 1941 — январь 1942 годов)

© Пашкин А. Г., Мухамедов Р. А., 2022

1. Введение = Introduction

Период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов явился временем значительных по масштабам и численности процессов мобилизации населения для поддержания обороноспособности страны. Сегодня их значимость приравнена к победам, одержанным на фронтах войны. Так, 2 июля 2020 года Президент РФ В. В. Путин присвоил почетное звание «Город трудовой доблести» Самаре и Ульяновску.

Одним из значимых для военного периода процессов стало возведение Куйбышевского оборонительного рубежа С ноября 1941 года по январь 1942 года в нем принимало участие более 90 тыс. человек. Строительство, осуществлявшееся в тяжелых условиях, стало трудовым подвигом жителей Среднего Поволжья, однако до настоящего времени история Куйбышевского оборонительного рубежа почти не изучена. В большинстве исследований по оборонному строительству в СССР не затрагивается факт курирования Куйбышевского строительства Наркоматом внутренних дел СССР и вообще вопрос участия правоохранительных и надзорных органов в организации процесса. В современной культуре образ «работника НКВД», прокурора представлен весьма тенденциозно и негативно, в то время как НКВД и Прокуратура играли достаточно важную роль в принятии решений партийными и советскими организациями. Данные обстоятельства позволяют при проведении исследования получить новое историческое знание, что придает заявленной проблеме актуальность и новизну.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Информация о строительстве Куйбышевского оборонительного рубежа хранится в фондах бывших партийных архивов Самарской и Ульяновской областей. Так, в фонде Куйбышевского обкома ВКП (б) [СОГАСПИ, ф. 656] имеются распорядительные документы бюро о начале строительства, распределении плановых заданий по мобилизации рабочей силы по районам области, переписка с командованием 4 саперной армии, со штабами участков военно-полевого строительства. Из фондов Государственного архива новейшей истории Ульяновской области [ГАНИ УО, ф. 8, 9, 24 и др.] в научный

CC BY

оборот были введены материалы первичных партийных организаций участков строительства, переписка как непосредственно со штабами участков, так и с работниками правоохранительных и следственных органов, осуществлявших надзор за ходом работ и качеством жизни мобилизованных. Особый интерес представляют обвинительные заключения и обзоры районных прокуратур по уголовным делам на дезертиров. В силу того, что большинство документов ГАНИ УО ранее имело гриф «секретно» и «совершенно секретно», они вводятся в научный оборот впервые.

Методологическую основу работы составили базовые общенаучные принципы и методы исторического исследования. Так, применение метода историзма позволило в хронологической ретроспективе восстановить основные события, происходившие на военно-полевом строительстве. Сравнительно-исторический, историко-системный методы дали возможность изучить деятельность органов НКВД и прокуратуры по обеспечению военно-полевого строительства во всех направлениях: нормализации снабжения, профилактики дезертирства, попыток оказать влияния на принимаемые решения партийными и советскими организациями. В результате того, что в ходе исследования в научный оборот впервые было введено большое количество исторических источников, к ним были применены методы источниковедческой критики. Так, для проверки фактов невозможности мобилизовать планируемое количество работоспособного населения были привлечены документы районных земельных отделов, которые отразили в ноябре — декабре 1941 года значительные затруднения в вопросе заготовительных работ из-за недостатка рабочей силы в каждом из районов.

Проблема возведения оборонительных рубежей на территории РСФСР детально изучена. Стоит отметить труд В. Н. Малярова, где автор подробно представил ход строительства рубежей, обозначил несоответствие плановых заданий по привлечению населения с мобилизационными возможностями областей [Маляров, 2000]. Достаточно подробно изучено строительство Казанского, Сурского, Горьковского оборонительных рубежей [Кошкина, 2013; Митин, 2015; Кабирова, 2016]. Проблема нашла отражение и в работах [Ирлицин, 1998; Верютин, 2002; Чугунова, 2003; Красноженова, 2008; Тугушева, 2009; Хубулова и др., 2013]. Кроме того, в свет вышли сборники архивных документов, освещающих строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей [Строительство оборонительного …, 2020; Подвиг тружеников …, 2021]. Строительство Куйбышевского оборонительного рубежа до настоящего времени малоизучено. Данный вопрос затронут в публикации сотрудника СОГАСПИ Е. М. Малинкина [Малинкин, 2010]. В то же время деятельность органов НКВД и прокуратуры почти не проанализирована, хотя именно эти две организации оказали су-

CC BY

щественное влияние на ход строительства. В связи с описанным объемом изучения истории строительства Куйбышевского оборонительного рубежа данная статья призвана заполнить имеющиеся пробелы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Мобилизация населения на строительство оборонительного рубежа в октябре 1941 года: ошибки расчетов

Сооружение рубежей обороны городов Куйбышева и Ульяновска имело государственное значение. В обоих городах к середине октября 1941 года разместились почти все действующие органы власти страны, посольства иностранных государств, здесь были сосредоточены крупнейшие оборонные предприятия и научно-исследовательские организации. Важно, что эти города являлись крупными водными и железнодорожными транспортными узлами. Строительство Куйбышевского оборонительного рубежа было обозначено в решении Государственного комитета обороны СССР (далее — ГКО) № 782-сс от 13 октября 1941 года как составная часть оборонительной линии, протянувшейся от Онежского озера на севере до Астрахани на юге. Работы по возведению Куйбышевского рубежа производило 4-е управление военно-полевого строительства, разместившееся в г. Куйбышеве. Окончание работ ГКО запланировал к 10 декабря 1941 года. Общее руководство оборонительным строительством было возложено на Наркома внутренних дел Л. П. Берию [РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 12, л. 113]. Рассмотрев постановление ГКО, 20 октября 1941 года бюро Куйбышевского обкома ВКП (б) приняло собственное развернутое решение. Весь рубеж был разделен на 21 участок. Начальниками участков строительства бюро Куйбышевского обкома назначало либо секретарей райкомов ВКП (б), либо председателей исполнительных комитетов районных Советов депутатов трудящихся. На время строительства они освобождались от выполнения своих основных обязанностей. Начальники участков формировали аппарат из местных кадров [СОГАСПИ, ф. 656, оп. 5, д. 151, л. 136]. Постановление предусматривало начать рекогносцировочные работы с 22 октября, а также в срок до 25 октября провести мобилизацию населения в порядке бесплатной трудовой и гужевой повинности. Контрольной датой отчетности о завершении строительства бюро обкома назначило 25 декабря [Там же, л. 138].

В начале октября 1941 года была проведена мобилизация неработающего населения, служащих предприятий и учреждений, а также учащихся учебных заведений Куйбышевской области в порядке трудовой повинности для оказания помощи сельскому хозяйству [ГАНИ УО, ф. 13, оп. 1, д. 1888, л. 157]. В результате загруженности большинство партийных организаций

CC BY

не успели проанализировать свои мобилизационные возможности. Постановление бюро Куйбышевского обкома многие райкомы проработали непосредственно в день мобилизации [Там же, л. 208]. Например, Старо-Кулаткинский райком ВКП (б) изучил постановление только 25 октября. Райком поручил исполкому райсовета в суточный срок довести плановые задания по сельсоветам, колхозам, МТС и мобилизовать требуемое количество людей, тяглового скота и техники [ГАНИ УО, ф. 37, оп. 1, д. 229, л. 188]. Аналогичные решения приняли и другие райкомы ВКП (б).

Несогласие с количеством мобилизуемых и сроками мобилизации выражали в большинстве случаев работники НКВД и прокуратуры. Они с сентября 1941 года находились в качестве уполномоченных на уборочных работах и знали о значительном недостатке рабочих рук в сельском хозяйстве. Так, на заседании бюро Мелекесского райкома ВКП (б) при обсуждении мобилизации прокурор района отметил: «Если мы мобилизуем людей, мы обескровим колхозы. Надо предложить обкому дать нам разрешение на 10 дней отложить отправку населения, завершить обмолот хлеба» [ГАНИ УО, ф. 31, оп. 1, д. 545, л. 163]. Параллельно со строительством оборонительного рубежа население и транспорт хозяйствующих организаций были задействованы в порядке повинности и на других работах [СОГАСПИ, ф. 656, оп. 19, д. 36, л. 289]. Ещё в августе 1941 года сельское хозяйство области направило фронту до 70 % машинно-тракторного парка [Там же, л. 207], поэтому ресурсами для выполнения плановых заданий по поставке на строительство техники районные власти не располагали.

В первых сводках о мобилизации населения местные органы НКВД докладывали о распространении среди граждан негативных настроений. Так, 4 ноября 1941 года Ульяновский горотдел НКВД сообщал: «Кассир артели “Красный кооператор” Ф. заявил: “Это безобразие, издеваться так над женщинами, гонять их на работу разутых, раздетых. Спасать родину надо не женщинам, а тем, кто видел жизнь”» [ГАНИ УО, ф. 13, оп. 1, д. 1897, л. 39]. Резюмируя сообщение, начальник Ульяновского горотдела НКВД капитан госбезопасности Чермных указывал, что отмечены и другие аналогичные факты и предлагал горкому исправить положение усилением агитработы.

В результате несоответствия планируемых показателей мобилизации населения и реальных возможностей территорий задания выполнены не были. Так, по Вешкаймскому району было мобилизовано 4366 человек, хотя в задании значилось 6 тысяч человек [ГАНИ УО, ф. 27, оп. 1, д. 164, л. 155 об.]. Достаточно частым явлением стало нарушение организации перемещения мобилизованных на участки ВПС. Так, Старо-Майнский районный отдел НКВД сообщал, что из-за отсутствия переправы через р. Волгу свыше 800 человек неделю провели на берегу, в связи с чем пред-

CC BY

лагалось либо обеспечить людей продовольствием, либо распустить по домам [СОГАСПИ, ф. 656, оп. 19, д. 42, л. 102 об.].

9 декабря 1941 года нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия направил Куйбышевскому обкому телеграмму. Виновным в неудовлетворительно проведенной мобилизации нарком посчитал руководство районных партийных организаций и органов исполнительной власти. В завершении телеграммы областному комитету ВКП (б) предлагалось в пятидневный срок мобилизовать ещё 50 тыс. человек, о чем необходимо было доложить в Наркомат внутренних дел [Военно-промышленный …, 2005, с. 22]. В действительности на строительстве рубежа должно было трудиться ровно 290 000 человек, но к 16 декабря 1941 года прибыло 96 180 человек [СОГАСПИ, ф. 656, оп. 19, д. 42, л. 153].

В ноябре 1941 года местные органы власти и партийные организации ещё предпринимали попытки изыскать возможности для дополнительной мобилизации. Например, в Тагайском районе решением бюро от 20 ноября 1941 года часть сельскохозяйственных работников направили на строительство, заменив их на работах по скирдованию и молотьбе учащимися старших классов общеобразовательных школ [ГАНИ УО, ф. 39, оп. 1, д. 288, л. 180]. Однако уже к декабрю эти попытки были оставлены. По Сызранскому сельскому району на 1 января 1941 года имелось 10 069 человек трудоспособного населения, а к 1 декабря 1941 года — 4 589 человек, из которых 3 341 был послан на военно-полевое строительство, 231 — на прочие виды работ. В сельском хозяйстве осталось 1017 трудоспособных работников, а недостаток необходимых для поддержания аграрного сектора 1 933 человек район покрывал за счет привлечения к работам детей с 12-летнего возраста [СОГАСПИ, ф. 656, оп. 19, д. 42, л. 140].

Все попытки руководства участков ВПС мобилизовать дополнительные людские ресурсы на строительство уже к началу 1942 года приводили к достаточно резким конфликтам с районными партийными и советскими организациями. Так, 8 января 1942 года Богдашкинское управление ВПС просило Старо-Майнский райком ВКП (б) для завершения работ до 20 января срочно мобилизовать и прислать 800 человек. В ответ Старомайнский райком ВКП (б) 13 января ответил, что присутствовавших на строительстве жителей района вполне достаточно для его завершения, но настоятельно порекомендовал начальнику участка вернуть колхозу «1-е мая» Старо-Майнского района 10 лошадей для завершения хлебосдачи [ГАНИ УО, ф. 9, оп. 1, д. 376, л. 65].

Если в сельской местности органы НКВД осуществляли лишь анализ проводимых мероприятий по мобилизации населения, то в городах в начале ноября 1941 года городские отделы по устному указанию областного

CC BY

управления внутренних дел провели подомовой обход жителей. Результаты мероприятия показали, что вручение повесток исполкомами городских и районных Советов было проведено в хаотичном порядке. Работники Мелекесского горотдела при обследовании 160 адресов лиц, подлежавших мобилизации, выявили 95 человек, которым повестки вручены не были. По г. Ульяновску с 1 по 3 ноября работники милиции установили многочисленные факты неверного оформления повесток. 309 жителям города, которые были включены в списки привлеченных к трудовой повинности, повестки также не были вручены [СОГАСПИ, ф. 656, оп. 19, д. 42, л. 118]. В дальнейшем органы НКВД рассматривали мобилизацию городского населения как угрозу выполнению плановых заданий промышленными предприятиями, на которых также ощущался кадровый голод [ГАНИ УО, ф. 13, оп. 1, д. 1897, л. 49 об.]. 3 декабря 1941 года Ульяновский горотдел НКВД сообщил о срыве выполнения задания по производству боеприпасов патронным заводом № 3 им. Володарского при условии мобилизации 1500 рабочих на ВПС [Там же, д. 1949, л. 65].

3.2. Профилактика и пресечение дезертирства со строительства Куйбышевского оборонительного рубежа

Прибывших в первый месяц строительства 96 тысяч человек было необходимо удержать от самовольного ухода. Руководителями участков ВПС, а также партийными организациями самой действенной мерой были признаны репрессии. Так, начальник Кузоватовского участка ВПС Андреев жаловался Куйбышевскому обкому ВКП (б) на большое количество прекращенных прокуратурой уголовных дел. Так, 7 ноября 1941 года районный прокурор Федосеев освободил из-под ареста К., на которого был оформлен материал по обвинению по ч. 6 ст. 59 УК РСФСР. За день до этого Андреев просил 4-е управление ВПС наложить взыскание по административной линии на дезертировавших со строительства членов сельскохозяйственной артели им. Молотова Кузоватовского района [СОГАСПИ, ф. 656, оп. 19, д. 42, л. 3]. Вплоть до конца декабря 1941 года начальники участков ВПС требовали воздействия на органы прокуратуры по ускорению расследования дел на дезертиров, по прекращению их оправдания. Даже в январе 1942 года Куйбышевский обком продолжал получать жалобы на частые отказы районных прокуроров в возбуждении уголовных дел на дезертиров [Там же, л. 176].

Органы НКВД и прокуратуры придерживались иного взгляда на необходимость уголовного преследования дезертиров из-за необходимости выносить суровые приговоры. Так, 14 ноября 1941 года районный суд 2 участка Радищевского района рассмотрел дело по обвинению 5 жителей с. Новое Зеленое, которые отстали от группы мобилизованных и прибыли на стро-

CC BY

ительство на сутки позже. Следствие установило факт того, что, прибыв в райцентр, подсудимые распивали спиртные напитки. Суд признал всех пятерых виновными и приговорил каждого к лишению свободы сроком на 5 лет с поражением в правах [ГАНИ УО, ф. 295, оп. 1, д. 102, л. 178].

Решения об уголовном преследовании дезертиров и лиц, уклонявшихся от мобилизации на строительство, не были настроены принимать и местные партийные и советские организации. Так, 9 ноября 1941 года Богдашкинский райком ВКП(б) совместно с управлением ВПС одноименного района направили в Старомайнский райком ВКП(б) списки дезертировавших колхозников. Они просили задержать членов колхоза им. Буденного Г., П., К., единоличников отца и сына Л. и этапировать их в Богдашкино для организации показательного судебного процесса, а также воздействовать на районный отдел НКВД для выделения на строительство одного из участковых милиционеров для оформления дел на дезертиров [ГАНИ УО, ф. 9, оп. 1, д. 376, л. 23]. Но по состоянию на 29 ноября 1941 года Старомайнский райком никаких решений не принял. К этому моменту на Богдашкинском участке из Старо-Майнского района осталось 11 % от планируемого количества людей. Для выяснения причин массового дезертирства Старомайнский райком ВКП (б), кроме участкового уполномоченного, командировал в Богдашкино помощника прокурора района. Последний в докладной записке сообщал: «Люди на строительстве проработали месяц, не имеют теплой одежды и обуви. Колхозники колхозов “Красный Валдай”, им. Буденного, “Волна революции”, им. Степана Разина, а также рабочие Кандалинского лесничества сбежали. Положение с рабочей силой весьма тяжелое» [Там же, л. 37].

17 ноября 1941 года, получив ряд сигналов о плачевном состоянии мобилизованных на строительстве рубежа в Шигонском районе, областное управление НКВД направило туда начальника Молотовского районного отдела. Он обнаружил массовые случаи нарушений, допущенных как местными органами власти, мобилизовавшими людей, так и руководством строительного участка. Сельсоветы заявляли мобилизованным, что они пробудут на строительстве не более 10 дней. Многие прибыли на строительство в легкой одежде, не запасли необходимого количества продуктов и не устроили на попечение несовершеннолетних и престарелых членов семей. Лично начальником участка Макаровым в результате осмотра прибывших были отпущены по домам 259 человек, среди которых были дети до 15-летнего возраста, старики старше 56 лет, беременные женщины и больные, освобожденные от работ на основании врачебных заключений. На участок строительства должно было прибыть 6 254 человека. Но к 18 ноября прибыло 2 028 человек, из которых было направлено домой по разным причинам или дезертировало более 1 200 человек. Из оставшихся

CC BY

не выходили на работу из-за отсутствия одежды, питания и топлива около 600 человек [СОГАСПИ, ф. 656, оп. 19, д. 42, л. 116].

27 ноября 1941 года, основываясь на докладных записках районных отделов НКВД, а также на сведениях специально командированных работников, начальник Управления наркомата внутренних дел майор государственной безопасности Попков составил на имя первого секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) обстоятельную записку о состоянии строительства. Он отмечал, что проблемы вызваны попустительством районных организаций и сельсоветов, в том числе отсутствием продуктовых запасов, перебоями в обеспечении горячим питанием. Также местными органами власти были допущены массовые случаи предоставления ложной информации в момент проведения мобилизации, выразившиеся в посылке на работы беременных женщин, несовершеннолетних детей и стариков. Так, 5 ноября 1941 года Фрунзенским райисполкомом г. Куйбышева в Ставрополь были направлены 1,5 тыс. человек. Ни один из них не был предупрежден о необходимости взять с собой теплое белье и постельные принадлежности. Осведомитель Куйбышевского областного управления НКВД, мобилизованный в числе других, сообщал, что по прибытии на место строительства людей разместили в неподготовленном и неотапливаемом летнем помещении бывшего пионерского лагеря, не выдавали хлеба и горячей пищи в течение пяти дней [Там же, л. 113].

Начальник Майнского районного отдела НКВД сообщал в Областное управление о фактах формального отношения районных властей к подбору и направлению людей на строительство. Так, только на 4-й участок Майнского ВПС из Тереньгульского района было направлено 17 человек, имевших на руках справки от врачей о нетрудоспособности, в числе которых были беременные женщины, а также лица, страдавшие психическими расстройствами. В результате самовольное оставление работы приняло массовый характер, и с двух участков Майнского ВПС дезертировало более 300 человек. Кроме того, районный отдел НКВД отмечал, что мобилизованные из Тереньгульского, Сенгилеевского, Ново-Девиченского, Мелекесского и Николо-Черемшанского районов по несколько дней не получали продуктов питания [Там же, л. 115].

Куйбышевское облуправление НКВД установило, что продуктовое обеспечение осуществлялось с перебоями не из-за отсутствия продуктов, а из-за бюрократизации процесса. Так, на 4-м участке ВПС 9 ноября 1941 года по наряду Облпотребсоюза были получены мука, крупы, бобовые, макаронные изделия. Но вплоть до 20 ноября продукты в продажу не поступили, так как Облпотребсоюз не сообщил на них цены. В результате ни Сосново-Солонецкий, ни Шигонский райпотребсоюзы не разрешили сельпо продавать эти

CC BY

продукты по прейскурантным ценам, опасаясь ответственности. Именно отсутствие продовольствия, невозможность его приобрести приводила к самовольному уходу мобилизованных со строительства. В Красноярском районе в первой половине ноября 1941 года из 1 500 мобилизованных самовольно вернулось в район около тысячи человек, в Куйбышевском районе за это же время из 2 500 человек строительство покинули 1 600 человек. В Сурский район из 4 500 мобилизованных только за 6 и 7 ноября 1941 года самовольно вернулось более 600 человек [Там же, л. 117].

Характеризуя морально-психологическое положение строителей, Областное управление НКВД отмечало значительную степень распространения негативных настроений. Так, прибывший на строительство из Тереньгульского района В. распространял слухи о налете и бомбардировке фашистской авиацией участка ВПС в Сызранском районе. Агитация В. оказала сильное слияние на несколько десятков девушек, которые в слезах пришли в штаб с просьбой отпустить их домой, не дожидаясь прилета вражеских самолетов. В. был арестован районным отделом НКВД. Большое количество случаев хулиганств, угроз в адрес должностных лиц регистрировалось во время проведения дополнительной мобилизации. Негативные высказывания распространялись и среди немобилизованного населения. Самовольно покинувшие ВПС распространяли среди знакомых и коллег нелестные отзывы об условиях, в которых находились строители, призывали их уклоняться от мобилизации. Данные перлюстрации писем, которыми располагало Куйбышевское облуправление НКВД, также содержали большое количество резких высказываний. Строители сообщали домой о плохих условиях, которые ставили их на грань выживания, и зачастую выражали готовность совершить дезертирство [Там же, л. 122].

К декабрю 1941 года дезертирство со строительства Куйбышевского оборонительного рубежа приобрело массовые масштабы. Уполномоченный Старо-Майнского районного отдела НКВД, направленный на участок ВПС в Богдашкинском районе, сообщал: «Колхозники уже через месяц работ просят заменить их другими. Быть всю зиму в таких условиях очень трудно. Мои письма председателям колхозов о высылке продуктов не дают никаких результатов, даже сами посланные бригадиры не возвращаются» [ГАНИ УО, ф. 8, оп. 1, д. 376, л. 43]. Ульяновский городской отдел НКВД за период с ноября 1941 года по январь 1942 года неоднократно сообщал о нарушениях, допущенных руководством строительства. При посещении дезертиров милиционеры отмечали их крайнюю истощенность. По информации Астрадамовского районного отдела НКВД от 17 декабря 1941 года, остановить самовольный уход со строительства, а также довести дневную норму выработки до 50 % от планируемой удалось только после улучшения продо-

CC BY

вольственного снабжения мобилизованных, после раздачи им теплой одежды, обуви и организации санитарного обеспечения [ГАНИ УО, ф. 13, оп. 1, д. 1888, л. 203]. 29 ноября 1941 года начальник Утеевского районного отдела милиции сообщил, что в Утевку самовольно возвратилось около тысячи человек, мобилизованных на строительство рубежа. В с. Кротовку к началу декабря возвратилось около 1 500 человек. Люди сообщили, что к побегу их вынудило отсутствие питания. В начале декабря заместитель начальника Куйбышевского областного Управления НКВД майор Бызов сообщил, что по всем районам области регистрируются ежедневные случаи самовольного возращения мелких групп дезертиров численностью до 50 человек [Там же, д. 1891, л. 159]. Для выявления дезертиров, оформления на них уголовных дел, а также для пресечения самовольных побегов у органов НКВД людских ресурсов не имелось. К этому моменту строительство Куйбышевского рубежа самовольно покинуло почти 50 % мобилизованных. Районные прокуроры также повсеместно отказывались возбуждать и расследовать уголовные дела на дезертиров [ГАНИ УО, ф. 24, оп. 1, д. 102, л. 97]. Учитывая массовость самовольного ухода, а это более 40 тысяч человек, органы прокуратуры были не в состоянии осуществить даже документальное оформление столь крупного количества уголовных дел [ГАНИ УО, ф. 9, оп. 1, д. 376, л. 61]. К этому времени в наркомате внутренних дел также пришли к мнению, что репрессивные меры неэффективны. Поиск дезертиров усложнялся и тем обстоятельством, что они не возвращались в свои колхозы, а оседали в близлежащих селах и городах [СОГАСПИ, ф. 656, оп. 19, д. 42, л. 175].

Необходимо отметить, что информация о причинах дезертирства, представляемая органами НКВД и прокуратуры обкому ВКП (б), радикально отличалась по содержанию от информации уполномоченных парткомитетов. Так, парторг Богдашкинского Управления ВПС писал в областной комитет: «Многие рабочие уходят не из-за того, что не обеспечены. Я начал беседовать с ними, и колхозница К. заявила: “Я молодая, меня колхоз обеспечил. Мне говорили, вся молодежь здесь, но я решила уйти … потому что нас проводили работать, а отдельные остались на месте”» [Там же, л. 127].

Районные парторганизации продолжали требовать не улучшения бытовых условий строителей, а расширения репрессивной политики. Так, 28 ноября 1941 года на заседании бюро Старо-Кулаткинского райкома ВКП(б) начальник районного отдела НКВД сообщил, что за два месяца строительства участок ВПС самовольно покинуло более 5 тыс. человек. Бюро райкома поручило прокурору района Трунину привлечь к уголовной ответственности всех дезертиров [ГАНИ УО, ф. 37, оп. 1, д. 229, л. 108]. Зачастую на заседаниях бюро проблема пресечения нарушений трудового распорядка на строительстве превращалась в конфликт между представителями парторганиза-

CC BY

ций, начальниками участков ВПС и представителями прокуратуры. Так, при расследовании 10 дел на рабочих Тагайского участка ВПС, не вышедших на работу 21 ноября, следователем прокуратуры было установлено, что они не только находились в состоянии болезни, но в течение двух дней не получали горячего питания, не имели тёплой одежды и обуви. Уголовное дело было прекращено. В ответ начальник Тагайского участка Котяев сообщил бюро райкома: «Теплую одежду и обувь должен был обеспечить колхоз, а он этого не сделал. Питание организовать не можем, но на всей трассе имеется кипяток, а это почти горячая еда. Считаю решение районного прокурора неверным» [ГАНИ УО, ф. 39, оп. 1, д. 288, л. 192 об.].

К середине декабря 1941 года произошел отказ от репрессивной политики. Проблему продовольственного снабжения лиц, занятых на ВПС, удалось частично решить. Все усилия партийных, комсомольских и советских организаций были направлены на сбор помощи строителям. Добровольно возвратившихся дезертиров уголовному преследованию не подвергали. Нарушителей вызывали на беседы в прокуратуру, в органы исполнительной власти, где разъясняли тяжесть совершенного ими деяния и суровость приговора. Как правило, большинство из них уже после первого разговора возвращались на строительство. Так, по Сызранскому району с ВПС в течение первых 10 дней декабря дезертировало 300 человек. После проведенных с ними бесед 290 вернулись на строительство, остальные были привлечены к уголовной ответственности и осуждены к лишению свободы на срок от 1 года до 5 лет [СОГАСПИ, ф. 656, оп. 19, д. 42, л. 138].

3.3. Завершение строительства

21 декабря 1941 года ГКО принял постановление № 1068-сс, которым к 20 января 1941 года предполагалось завершение строительства оборонительных обводов городов Куйбышева и Ульяновска [ГАНИ УО, ф. 39, оп. 1, д. 288, л. 192 об.]. Предпосылкой к принятию постановления стала докладная записка наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии, зампредседателя СНК СССР А. М. Микояна, начальника инженерных войск РККА генерал-майора Котлярова и начальника управления укрепрайонов РККА генерал-майора Ширяева [ГАНИ УО, ф. 30, оп. 1, д. 491, л. 10]. В ней упоминались массовые прошения областных организаций о высвобождении колхозников и транспорта, занятого на ВПС, для завершения сельхозработ по обмолоту хлебов и вывозки урожая из колхозов. В записке предлагалось освободить мобилизованных в 5 этапов, охватывающих январь 1942 года [РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 17, л. 178].

К декабрю 1941 года правоохранительные и следственные органы были переориентированы с преследования дезертиров на профилактику причин

CC BY

побегов [Там же, оп. 2, д. 30, л. 185]. 28 декабря 1941 года первый секретарь Куйбышевского обкома ВКП (б) Канунников предложил остановить строительство и распустить по домам людей, а также возвратить учреждениям и организациям скот и технику [ГАНИ УО, ф. 9, оп. 1, д. 376, л. 61].

Краткие итоги строительства представил в своей записке прокурор Майнского района: «… выполнение выработки в среднем составило: в ноябре 0,68 куб. м., в декабре — 0,55 куб. м. Низкую производительность труда можно было объяснить отсутствием отбойно-ударного инструмента и неудовлетворительным качеством питания» [ГАНИ УО, ф. 30, оп. 1, д. 491, л. 15].

4. Заключение = Conclusions

Несмотря на существенные просчеты, допущенные при планировании строительства, все его объекты были завершены. В условиях, когда в аграрном секторе почти полностью были исчерпаны ресурсы рабочей силы, усилия местных партийных и советских организаций прежде всего были приложены к организации заготовительной кампании, хронологически совпавшей с возведением ВПС. Поэтому большинство проблемных вопросов военного строительства районные партийные организации предпочитали решать путем административного и уголовного воздействия на мобилизованных.

В таких условиях успешное возведение Куйбышевского оборонительного рубежа продемонстрировало существенный вклад, внесенный работниками правоохранительных и следственных органов. Осуществляя аналитическую работу, сотрудники НКВД и прокуратуры уже в первый месяц строительства стали добиваться улучшения продовольственного и материального снабжения мобилизованных, усматривая в этом единственную возможность остановить рост дезертирств. Нередко такая позиция приводила к открытым конфликтам с командованием участков ВПС и местными партийными организациями.

К декабрю 1941 года, когда ВПС самовольно покинули до 50 % мобилизованных, сотрудникам НКВД и прокуратуры удалось прекратить необоснованное уголовное преследование лиц, дезертировавших со строительства. С этого момента основное внимание правоохранительных и следственных органов уделялось воздействию на районные советские и партийные организации с целью улучшить питание и снабжение мобилизованных, чтобы дезертиры добровольно вернулись на строительство. В сочетании с применением широкой агитационно-пропагандистской работы эти меры позволили завершить строительство и не допустить применения уголовного преследования к лицам, совершавшим проступки в обстоятельствах на грани выживания.

Источники и принятые сокращения

1. *Военно-промышленный* комплекс Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) : сборник документов и материалов. — Самара : Самарский дом печати, 2005. — 304 с. — ISBN 5-7350-0388-7.

2. ГАНИ УО — *Государственный* архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). Ф. 8 (Ульяновский областной комитет КПСС). Оп. 1. Д. 376. Л. 43 ; Ф. 9 (Старо-Майнский райком КПСС). Оп. 1. Д. 376. Лл. 23—65 ; Ф. 13 (Ульяновский городской комитет КПСС). Оп. 1. Д. 1888. Лл. 157—206 ; Д. 1891. Л. 159. Д. 1897. Лл. 39—49 об. Д. 1949. Л. 65 ; Ф. 24 (Астрадамовский РК КПСС). Оп. 1. Д. 102. Л. 97 ; Ф. 27 (Вешкаймский РК КПСС). Оп. 1. Д. 164. Л. 155 об. ; Ф. 30 (Майнский РК КПСС). Оп. 1. Д. 491. Лл. 10—15 ; Ф. 31 (Мелекесский райком КПСС). Оп. 1. Д. 545. Л. 163 ; Ф. 37 (Старокулаткинский райком КПСС). Оп. 1. Д. 229. Лл. 108—209 ; Ф. 39 (Тагайский райком КПСС). Оп. 1. Д. 288. Лл. 180—192 об. ; Ф. 295 (Радищевский РК КПСС). Оп. 1. Д. 102. Лл. 177—178.

3. *Подвиг* тружеников Чувашии : строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей. — Чебоксары : ЧГУ, 2021. — 155 с.

4. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. 644 (Государственный комитет обороны СССР). Оп. 1. Д. 12. Л. 113. Д. 17. Л. 178 ; Оп. 2. Д. 30. Лл. 184—185.

5. СОГАСПИ — *Самарский* областной архив социально-политической истории Ф. 656 (Куйбышевский областной комитет). Оп. 5. Д. 151. Лл. 136—138 ; Оп. 19. Д. 36. Лл. 207—289. Д. 42. Лл. 3 об. — 207.

6. *Строительство* оборонительного рубежа на территории Марийской АССР (1941—1942 гг.) : сборник документов. — Йошкар-Ола : [б. и.], 2020. — 184 с.

Литература

1. *Верютин Д. В.* Деятельность органов НКВД на территории Центрального Черноземья накануне и в годы Великой Отечественной войны : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Д. В. Верютин. — Курск, 2002. — 147 с.

2. *Ирлицин В. И.* Деятельность органов НКВД в годы Великой Отечественной войны, июнь 1941 — ноябрь 1942 гг. : на материалах Калининской области : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. И. Ирлицин. — Тверь, 1998. — 220 с.

3. *Кабирова А. Ш.* Комиссия принимает строительные работы рубежа «Казанский обвод» с оценкой «хорошо» / А. Ш. Кабирова // Гасырлар авазы. — Эхо веков. — 2016. — № 1—2. — С. 99—111.

4. *Кошкина О. А.* Оборонительный рубеж на территории Марийской АССР в 1941 году / О. А Кошкина. — Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2013. — 226 с.

5. *Красноженова Е. Е.* Военная деятельность местных органов власти в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. : на материалах Нижнего Поволжья : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. Е. Красноженова. — Астрахань, 2008. — 212 с.

6. *Малинкин Е. М.* Куйбышевский оборонительный рубеж : история строительства / Е. М. Малинкин // Гасырлар авазы. — Эхо веков. — 2010. — № 3—4. — С. 70—78.

7. *Маляров В. Н.* Строительный фронт Великой Отечественной войны : создание стратегических рубежей и плацдармов для обеспечения оборонительных операций вооруженных сил в годы войны 1941—1945 гг. / В. Н. Маляров. — Санкт-Петербург : УВИТУ, 2000. — 137 с.

8. *Митин С. В.* Сурский резерв : мобилизация населения Мордовии на строительство Сурского укрепрайона в 1941 г. / С. В. Митин // Центр и периферия. — 2015. — № 2. — С. 4—9.

9. *Тугушева В. А.* Деятельность городских комитетов обороны Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. А. Тугушева. — Майкоп, 2009. — 220 с.

10. *Хубулова С. А.* Строительство оборонительных сооружений на территории Северной Осетии в годы Великой отечественной войны / С. А. Хабулова, Л. Ч. Хаблиева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2013. — № 3 (78). — С. 76—80.

11. *Чугунова Н. В.* Тульский городской комитет обороны, 1941—1943 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. В. Чугунова. — Тула, 2003. — 208 с.

Material resources

Construction of a defensive line on the territory of the Mari ASSR (1941—1942): collection of documents. (2020). Yoshkar-Ola: [b. i.]. 184 p. (In Russ.).

Russian State Archive of Socio-Political History. F. 644 (State Defense Committee of the USSR). Op. 1. D. 12. L. 113. D. 17. L. 178; Op. 2. D. 30. Ll. 184—185. (In Russ.).

Samara regional Archive of socio-political history F. 656 (Kuibyshev Regional Committee). Op. 5. D. 151. Ll. 136—138; Op. 19. D. 36. Ll. 207—289. D. 42. Ll. 3 vol. — 207. (In Russ.).

The feat of the workers of Chuvashia: the construction of the Sursky and Kazan defensive lines. (2021). Cheboksary: ChSU. 155 p. (In Russ.).

The military-industrial complex of the Kuibyshev region during the Great Patriotic War (1941—1945): a collection of documents and materials. (2005). Samara: Samara House of Printing. 304 p. ISBN 5-7350-0388-7. (In Russ.).

The State Archive of the modern history of the Ulyanovsk region (GANI UO). F. 8; F. 9 (Staro-Mainsky district committee of the CPSU); F. 24 (Astradamovsky RK CPSU); F. 27 (Veshkaymsky RK CPSU); F. 30 (Mainsky RK CPSU); F. 31 (Melekessky district committee of the CPSU); F. 37 (Starokulatkinsky district committee of the CPSU); F. 39 (Tagaysky district Committee of the CPSU); F. 295 (Radishchevsky RK CPSU). (In Russ.).

References

Chugunova, N. V. (2003). *Tula City Defense Committee, 1941—1943.* PhD Diss. Tula. 208 p. (In Russ.).

Irlitsin, V. I. (1998). *Activity of NKVD bodies during the Great Patriotic War, June 1941 — November 1942: on the materials of the Kalinin region.* PhD Diss. Tver. 220 p. (In Russ.).

Kabirova, A. Sh. (2016). The Commission accepts construction works of the boundary "Kazan bypass" with an assessment of "good". *Gasyrlar avazy. Echo of Centuries, 1—2:* 99—111. (In Russ.).

Khubulova, S. A., Khablieva, L. Ch. (2013). Construction of defensive structures on the territory of North Ossetia during the Great Patriotic War. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 3 (78):* 76—80. (In Russ.).

Koshkina, O. A. (2013). *Defensive line on the territory of the Mari ASSR in 1941.* Yoshkar-Ola: Marniiyali. 226 p. (In Russ.).

CC BY

Krasnozhenova, E. E. (2008). *Military activity of local authorities in the Great Patriotic War of 1941—1945: on the materials of the Lower Volga region.* PhD Diss. Astrakhan. 212 p. (In Russ.).

Malinkin, E. M. (2010). Kuibyshev defensive line: the history of construction. *Gasyrlar avazy. Echo of Centuries, 3—4:* 70—78. (In Russ.).

Malyarov, V. N. (2000). *The Construction front of the Great Patriotic War: the creation of strategic frontiers and bridgeheads to ensure the defensive operations of the armed forces during the war of 1941—1945.* St. Petersburg: UVITU. 137 p. (In Russ.).

Mitin, S. V. (2015). Sursky reserve: mobilization of the population of Mordovia for the construction of the Sursky fortified area in 1941. *Center and peripher, 2:* 4—9. (In Russ.).

Tugusheva, V. A. (2009). *Activity of the city defense committees of the North Caucasus during the Great Patriotic War.* PhD Diss. Maykop. 220 p. (In Russ.).

Veryutin, D. V. (2002). *Activity of NKVD bodies on the territory of the Central Chernozem region on the eve and during the Great Patriotic War.* PhD Diss. Kursk. 147 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 22.08.2021,
одобрена после рецензирования 21.10.2021,
подготовлена к публикации 24.04.2022.

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Шаманаев А. В. Сохранение культурного наследия Крыма в условиях Первой мировой войны : деятельность Таврической ученой архивной комиссии / А. В. Шаманаев // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 494—513. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-494-513.

Shamanaev, A. V. (2022). Preservation of Cultural Heritage of Crimea in Conditions of First World War: Activities of Taurida Scientific Archival Commission. *Nauchnyi dialog, 11(3):* 494-513. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-494-513. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-494-513

Сохранение культурного наследия Крыма в условиях Первой мировой войны: деятельность Таврической ученой архивной комиссии

Шаманаев Андрей Васильевич
orcid.org/0000-0001-8955-8884
кандидат исторических наук, доцент
кафедра археологии и этнологии
shamanaev@mail.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 20-09-00106
«Сохранение культурного наследия
России в условиях
военных конфликтов
первой половины XX в.»

Preservation of Cultural Heritage of Crimea in Conditions of First World War: Activities of Taurida Scientific Archival Commission

Andrey V. Shamanaev
orcid.org/0000-0001-8955-8884
PhD in History, Associate Professor
Department of Archeology and Ethnology
shamanaev@mail.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study was carried out with
The financial support of the Russian
Foundation for Basic Research
within the framework
of the scientific project № 20-09-00106
“Preservation of the cultural heritage
of Russia in the context
of military conflicts
in the first half of the 20th century”

© Шаманаев А. В., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается деятельность Таврической ученой архивной комиссии по сохранению культурного наследия Крыма в годы Первой мировой войны. Исследование выполнено с использованием принципов процессуального подхода и основано на делопроизводственных материалах комиссии, ранее не привлекавшихся исследователями. Актуальность работы обусловлена необходимостью анализа исторического опыта организации охраны культурного наследия в условиях военных конфликтов. Автором установлено, что в условиях Первой мировой войны Таврическая ученая архивная комиссия осуществляла разноплановые работы в сфере охраны культурного наследия. Показано, что комиссия успешно пополняла собственное архивное собрание и музейную коллекцию, проводила мониторинг состояния архитектурных и археологических памятников, выявляла и сохраняла случайные археологические находки. Отмечается, что комиссия проводила работу по сбережению исторической памяти о событиях Первой мировой войны, участвовала в международной кампании против вандализма германской армии. Автор делает вывод, что в годы войны комиссия сохранила высокую активность в сфере охраны культурного наследия, однако трудности военного времени не позволили в полной мере реализовать многие значимые проекты по сохранению объектов культурного наследия Крыма.

Ключевые слова:
История России; Первая мировая война; культурное наследие; охрана памятников.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The activities of the Taurida Scientific Archival Commission for the preservation of the cultural heritage of the Crimea during the First World War was discussed in the article. The study was carried out using the principles of the procedural approach and is based on the office materials of the commission, which were not previously involved by the researchers. The relevance of the work is due to the need to analyze the historical experience of organizing the protection of cultural heritage in the context of military conflicts. The author found that in the conditions of the First World War, Taurida Scientific Archival Commission carried out diverse work in the field of protecting cultural heritage. It is shown that the commission successfully replenished its own archival collection and museum collection, commission monitored the state of architectural and archaeological monuments, identified and preserved random archaeological finds. It is noted that the commission carried out work to preserve the historical memory of the events of the First World War, participated in an international campaign against the vandalism of the German army. The author concludes that during the war years, commission remained highly active in the field of cultural heritage protection, but the difficulties of wartime did not allow the full implementation of many significant projects to preserve the cultural heritage of the Crimea

Key words:
History of Russia; World War I; cultural heritage; monument protection.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 908(477.75):061.1+351.853(477.75)“1914/1918”

Сохранение культурного наследия Крыма в условиях Первой мировой войны: деятельность Таврической ученой архивной комиссии

© Шаманаев А. В., 2022

1. Введение = Introduction

В настоящее время, проблема сохранения культурного наследия воспринимается обществом как одна из значимых задач мировой цивилизации. Как показал опыт предшествующих поколений, глобальные и локальные военные столкновения приводят к массовой утрате памятников истории и культуры. Еще на рубеже XIX—XX веков развитие военной техники и создание разрушительных средств поражения привели к пониманию необходимости обеспечения безопасности объектов культурного наследия в военное время. Важным шагом в этом направлении стало принятие «Положения о законах и обычаях сухопутной войны» в итоге работы Второй гаагской конференции 1907 года (статьи 27 и 56) [Богуславский, 2006, с. 67—70]. Однако Первая Мировая война наглядно показала уязвимость памятников истории и культуры, низкую эффективность международных соглашений. К сожалению, эти проблемы сохраняют актуальность. Современные локальные военные конфликты также приводят к игнорированию правовых норм, уничтожению, повреждению и незаконному перемещению объектов культурного наследия [Manhart, 2001; Wenzel, 2001; Stone, 2012]. Важным представляется обращение к истории практик охраны культурных ценностей в военное время.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Нужно отметить, что в отечественной историографии темы, связанные с охраной культурного наследия в период Первой мировой войны, мало интересовали исследователей до рубежа XX—XXI веков. Существенно больше внимания специалисты уделяли изучению вопросов сохранения памятников и культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны. Мемуары, многочисленные статьи, монографии дают целостное представление об утратах и спасении наиболее значимых в культурном плане объектов [Бакуменко, 1990; Максакова, 1990; Кантор, 2017]. Авторы немногочисленных работ, посвященных проблемам сохранения культурного наследия в период Первой мировой войны, преимущественно рассматривают деятельность конкретных учреждений и организаций, ориентируются на анализ отдельных направлений или региональных ситуаций [Бело-

CC BY

зерова и др., 2014; Мельникова, 2014; Еремеева, 2015]. Так, на страницах фундаментальной монографии об истории Императорской Археологической Комиссии (далее — ИАК) ее усилия по охране памятников в 1914—1918 годах рассматриваются на общем фоне работ по сохранению культурного наследия с 1859 года [Медведева и др., 2009].

При изучении охранной деятельности в сфере культурного наследия в России периода Первой мировой войны представляется перспективной опора на теоретические положения процессуального подхода, обеспечивающего анализ функционирования социальных агентов (научных обществ, органов власти и др.), активно приспосабливающихся к изменяющимся условиям окружающей действительности. Особенно результативной в этом случае можно признать методологию «реляционного структуризма» Э. Гидденса, предполагающую характеристику и интерпретацию действий социальных групп в разноуровневых социокультурных пространствах (макро-, средне-, микро-) [Репина и др., 2004, с. 249—251].

Интерес к деятельности Таврической ученой архивной комиссии (далее — ТУАК) по сохранению культурного наследия в годы Первой мировой войны обусловлен тем, что эта организация существовала с 1887 года и сохраняла высокую степень активности в 1914—1918 годах [Непомнящий, 2003, с. 126—127; Филимонов, 2004, с. 3—23]. К настоящему времени сложилась обширная историография, посвященная различным аспектам истории ТУАК. Библиографический указатель Л. Ф. Писарьковой включает обзор истории и характеристику основных направлений деятельности губернских ученых архивных комиссий, в том числе ТУАК [Писарькова, 2015, с. 7—36, 535—599]. Краткий очерк истории ТУАК дан С. Б. Филимоновым во вводной части указателя к протоколам комиссии [Филимонов, 2004, с. 3—46]. Глубокий научный анализ трудов ТУАК представлен в публикациях А. А. Непомнящего. Особенностью его подхода является раскрытие истории комиссии через методологию «новой биографической истории», подробное изучение вклада наиболее активных членов ТУАК в изучение и сохранение древностей Крыма [Непомнящий, 2003, с. 126—137; Непомнящий, 2006, с. 111—144]. А. А. Непомнящим детально проанализирован многогранный вклад А. И. Маркевича (одного из основателей, позже — председателя) в деятельность ТУАК [Непомнящий, 2005; Непомнящий, 2021, с. 288—314].

Необходимо отметить, что вопрос об участии ТУАК в сохранении культурного наследия Крыма в годы Первой мировой войны специально не рассматривался. Так, в монографии А. А. Непомнящего этот период охарактеризован в контексте дореволюционной истории комиссии, подробно им изучены последние военные годы (1917—1918), совпавшие с революционными потрясениями страны [Непомнящий, 2005, с. 30—74, 92—130].

CC BY

Целостное представление о деятельности ТУАК по сохранению культурного наследия Крыма в годы Первой мировой войны позволяют получить делопроизводственные источники: отчеты и особенно протоколы заседаний комиссии за 1914—1917 годы, опубликованные в «Известиях» этого научного общества. Ежегодные отчеты характеризуют основные направления работы комиссии. Сведения о мерах по сохранению культурного наследия содержатся в разделах, посвященных архивоведческим разработкам, музею ТУАК, охране недвижимых объектов (памятников старины) [ОТУАК-1914, 1915; ОТУАК-1915, 1916; ОТУАК-1916, 1918; ОТУАК-1917, 1918]. Как правило, информация в отчетах дублирует данные из протоколов заседаний, иногда дополняя их деталями. Для целей настоящего исследования были использованы протоколы заседаний за 1914—1917 годы («Известия ТУАК» № 51—53, 55—56). Они позволяют проследить механизмы решения вопросов охраны древностей Крыма, дискуссии, особенности взаимодействия ТУАК с другими учреждениями и организациями, установить вклад конкретных лиц в сохранение объектов культурного наследия [Филимонов, 2004, с. 47—84].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Отмена археологических съездов в связи со вступлением России в войну

Вступление России в Первую мировую войну неизбежно оказало влияние на деятельность научно-исторических обществ империи. На первом заседании ТУАК военного времени (3 сентября 1914 года) было объявлено об отмене XVI Всероссийского археологического съезда (далее — АС) [Заседание 3 сентября 1914 г., 1914, с. 333]. Это мероприятие должно было состояться в Пскове с 22 июля по 6 августа 1914 года. На стадии подготовки XVI АС в состав его предварительного комитета ТУАК делегировала Н. И. Веселовского, И. А. Линниченко, А. И. Маркевича [Правила …, 1916, с. 18]. В связи с началом военных действий Московское археологическое общество было вынуждено отложить съезд на неопределенное время [Уварова, 2005, с. 190—191].

Также члены комиссии были уведомлены, что министр внутренних дел (Н. А. Маклаков) не разрешил ТУАК организовать областной археологический съезд в 1915 году. Комиссия планировала провести эту конференцию в одном из крымских городов, вела подготовительную работу в 1913—1914 годах [Непомнящий, 2005, с. 68—73; Шаманаев, 2015а]. Нужно отметить, что члены ТУАК активно участвовали в работе Всероссийских археологических съездов с 1890 года, неоднократно выступали с инициативой проведения очередного АС в Крыму. В «Известиях» ТУАК регулярно публиковались краткие отчеты и развернутые рецензии, посвященные научным программам съездов [Непомнящий, 2002; Шаманаев, 2015б].

CC BY

3.2. Архивное направление деятельности ТУАК

Основная цель деятельности губернских ученых архивных комиссий формально заключалась в создании местных исторических архивов, прежде всего, в результате экспертизы документов (утративших практическое значение) из губернских и уездных учреждений.

В годы Первой мировой войны выявление и сохранение документальных материалов оставались приоритетными направлениями деятельности ТУАК. Так, в 1914 году член комиссии И. Ф. Александров приступил к экспертизе и систематизации материалов архива Таврического магометанского духовного правления. Этот комплекс включал более 2000 дел, наиболее ранние документы датировались концом XVIII века [Заседание 3 сентября 1914 года, 1914, с. 335; ОТУАК-1914, 1915, с. 264]. Исследователь одновременно осуществлял научную работу с документами и в 1914—1918 годы опубликовал в «Известиях» ТУАК несколько статей, посвященных анализу системы организации управления мусульманскими общинами Крыма в Российской империи [Бойцова, 2015, с. 34—36]. В 1915 году член комиссии П. В. Никольский составил описание более 1000 сенатских дел, хранившихся в архиве ТУАК. Материалы собрания характеризовали различные аспекты жизни Таврической губернии конца XVIII — первой половины XIX веков [ОТУАК-1915, 1916, с. 246].

Документы в архив ТУАК поступали не только из учреждений региона, но и от частных лиц. Так, в 1916 году комиссия получила собрание бумаг М. Д. Поливанова (историк и теоретик военного искусства), связанных с историей присоединения Южной Бессарабии к Российской империи в 1878 году в результате заключения Берлинского трактата [Заседание 3 сентября 1916 г., 1919, с. 272].

В 1917 году на фоне революционных событий ТУАК предприняла попытку обеспечить сохранение частных архивов помещиков Таврической губернии, объявив о готовности принять такие коллекции в свое собрание. Однако отклики на это предложение не поступили [ОТУАК-1917, 1918, с. 378].

Примером практической работы ТУАК по выявлению и сохранению документальных памятников может служить история с архивными материалами феодосийского городского управления. В начале 1916 года ТУАК получила информацию об уничтожении местной администрацией бумаг упраздненного Феодосийского градоначальства (1802—1829). Комиссия направила запрос в Феодосийскую городскую управу и заручилась разрешением таврического губернатора на осмотр сохранившихся материалов и их изъятие для архива ТУАК. Председатель комиссии А. И. Маркевич лично выехал в Феодосию для установления судьбы документов. Он выяснил,

CC BY

что наиболее ценная часть архива погибла при пожаре здания городской управы еще в 1905 году. Оставшиеся листы, не имевшие исторического значения, были через несколько лет уничтожены [Заседание 28 марта 1916 г., 1916, с. 237—238]. Однако А. И. Маркевичу удалось обнаружить сохранившийся архив Феодосийской городской ратуши, содержавший ценные исторические документы [Там же, с. 240]. В начале сентября 1916 года решение о передаче дел бывшей Феодосийской городской ратуши ТУАК было оформлено распоряжением таврического губернатора [Заседание 3 сентября 1916 г., 1919, с. 268].

Большое значение для развития системы сохранения документации региональных архивов имело анкетирование, организованное ТУАК в 1914—1916 годах. Идея систематизации информации о региональных архивах была выдвинута на съезде представителей губернских ученых архивных комиссий в мае 1914 года [Степанский, 1998, с. 53—54]. В сентябре 1914 года ТУАК приняла решение разделить работу на два этапа: 1) анкетирование местных учреждений; 2) инспекционные осмотры архивов членами комиссии. Бланк опросного листа был разработан А. И. Маркевичем [Заседание 3 сентября 1914 года, 1914, с. 335—336]. Комиссия разослала 1500 экземпляров анкеты по всем учреждениям губернии весной 1915 года [Заседание 24 апреля 1915 года, 1915, с. 252]. Большая часть опросных листов была получена ТУАК к концу 1916 года [ОТУАК-1916, 1918, с. 370].

Важно отметить, что в деле обеспечения сохранения документальных памятников для ТУАК всегда было характерно стремление к взаимодействию с профильными учреждениями и научными организациями. Так, на фоне революционных событий весны 1917 года ТУАК вошла в состав Союза российских архивных деятелей, созданного по инициативе петроградских ученых и общественных деятелей 18 марта 1917 года [Заседание 14 мая 1917 г., 1919, с. 313—314; Хорхордина, 1998]. По запросу союза комиссия составила информационную записку о состоянии и перспективах своей деятельности, необходимую для подготовки реформы архивного дела в России [Заседание 12 июля 1917 г., 1919, с. 319].

3.3. Охрана памятников истории и культуры

С первых лет своего существования ТУАК подключилась к деятельности государственных учреждений и научно-археологических обществ по сохранению объектов недвижимого культурного наследия. В 1914—1917 годах ТУАК продолжила осуществлять различные виды работ по охране памятников истории и культуры.

Осенью 1914 года комиссия обратила внимание на состояние средневековой мечети в д. Колечь-Мечеть Феодосийского уезда (совр. Новопо-

CC BY

кровка Кировского р-на). Храмовый комплекс (предположительно XIV—XVIII века) включал мечеть, медресе и дюрбе [Гаврилов, 2008, с. 359]. На заседании ТУАК 3 сентября 1914 года была заслушана информационная записка Л. П. Колли (заведующий Феодосийским музеем) о необходимости срочных ремонтно-реставрационных работ в мечети Колечь. Комиссия приняла решение направить ходатайство о проведении нужных мероприятий в адрес таврического губернатора и Особой комиссии о вакуфах [Заседание 3 сентября 1914 г., 1914, с. 334]. ТУАК получила поддержку Императорской Археологической Комиссии (ИАК), которая направила запрос таврическому губернатору Н. А. Княжевичу о разработке проекта реставрации мечети [Заседание 24 апреля 1915 г., 1915, с. 250].

В апреле 1915 года Таврическое губернское правление поручило губернскому архитектору И. В. Ларионову выполнить осмотр и разработать проект реставрации здания мечети Колечь. Консультации ему оказали Л. П. Колли и феодосийский любитель древностей Л. Н. Папарупа [Там же, с. 250—251; Заседание 9 декабря 1915 г., 1916, с. 220].

В мае 1915 года обследование памятника показал наличие значительных повреждений здания. И. В. Ларионовым был составлен проект ремонтных работ, отправленный для согласования в ИАК. Специалисты ИАК внесли в него существенные коррективы, учитывающие актуальные представления о принципах научной реставрации памятников архитектуры. Согласно итоговой смете, стоимость работ должна была составить 2 561 руб. 63 коп. Предполагалось, что средства будут выделены Особой вакуфной комиссией [Заседание 9 декабря 1915 г., 1916, с. 220—221]. Вопрос о финансировании ремонтно-реставрационных работ так и не был решен. В середине XX века мечеть была полностью разрушена в результате современной застройки территории [Гаврилов, 2008, с. 359].

Традиционным направлением интересов Таврической ученой архивной комиссии были древности Бахчисарая и его окрестностей. В апреле 1915 года председатель ТУАК А. И. Маркевич осмотрел мечети Ешиль-Джами (Зеленая) и Тахталы-Джами (Бахчисарай). Оба памятника были построены в XVIII веке [Османов, 2016а; Османов, 2016б].

Внимание А. И. Маркевича к Тахталы-Джами было обусловлено информацией о ремонте мечети, произведенном в 1914 году прихожанами без необходимых разрешений. В результате инспекции памятника А. И. Маркевич установил, что здание подверглось существенной реконструкции. Об этом А. И. Маркевич доложил на заседании ТУАК (24 апреля 1915 года), но комиссия не сочла нужным каким-либо образом отреагировать на данный случай. Возможно, причинами этому были общее удовлетворительное состояние объекта и заключение А. И. Маркевича о том, что памятник не

CC BY

представляет существенного историко-архитектурного интереса [Заседание 24 апреля 1915 г., 1915, с. 253].

Значительно больше внимания А. И. Маркевич уделил Ешиль-Джами. По его мнению, постройка представляла «значительный художественный и исторический интерес» [Там же, с. 253]. Кроме того, храм длительное время не функционировал и был заброшен. А. И. Маркевич зафиксировал множественные повреждения здания. Подробный доклад А. И. Маркевича о состоянии памятника был представлен на заседании 24 апреля 1915 года. ТУАК, пользуясь присутствием губернатора Н. А. Княжевича (непременного попечителя), получила его согласие поддержать обращение в Особую вакуфную комиссию о необходимости проведения реставрации Ешиль-Джами [Там же, с. 253—254].

В июле 1915 года Таврическое губернское правление сообщило ТУАК, что вакуфная комиссия отказалась финансировать работы по реставрации и организации надзора за состоянием памятника. В качестве альтернативы местная администрация предложила ТУАК взять на себя расходы и осуществление мероприятий по сохранению Ешиль-Джами. На заседании 27 августа 1915 года ТУАК приняла решение переадресовать ответственность Бахчисарайской городской управе [Заседание 27 августа 1915 г., 1916, с. 206]. К началу 1917 года городская управа действительно взяла Ешель-Джами под свой патронаж, началась подготовка к реставрации [Заседание 23 февраля 1917 г., 1919, с. 303]. Революционные события 1917 года не позволили осуществить работы по сохранению Ешиль-Джами. Реставрация памятника была выполнена только в начале 1920-х годов. В годы Великой Отечественной войны мечеть была уничтожена [Османов, 2016б, с. 106].

Весной 1916 года А. И. Маркевич в ходе экспедиционного обследования памятников Бахчисарая и окрестностей изучил состояние еще одного интересного объекта крымского средневековья — Сюреньской крепости [Заседание 12 мая 1916 г., 1916, с. 242—243]. Комплекс расположен в долине р. Бельбек (совр. Бахисарайский р-н), строительство оборонительных сооружений относят к VI—XII векам [Могаричев, 2014, с. 208—209]. В результате осмотра сооружения А. И. Маркевич установил наличие существенных повреждений построек. Особые опасения вызвала сохранность средневековых фресок, пострадавших от неблагоприятных погодных условий. Докладывая результаты своей поездки на заседании ТУАК (12 мая 1916 года), А. И. Маркевич был вынужден констатировать, что обстоятельства военного времени не позволяют поставить вопрос о выделении крупной денежной суммы на проведение реставрационных работ, крайне необходимых для спасения памятника [Заседание 12 мая 1916 г., 1916, с. 242—243].

CC BY

Во время поездки в Бахчисарай весной 1916 года А. И. Маркевич (совместно с М. И Скубетовым) изучил и организовал фотографирование ряда эпиграфических памятников около д. Ички (совр. Советский), Лаки и Керменчик по поручению ИАК [Там же, с. 242].

В годы Первой мировой войны ТУАК проявляла заботу о сохранении архитектурных памятников Феодосии. В мае 1916 года Л. П. Колли сообщил ТУАК об угрозе сноса построек предположительно конца XVIII века, известных как «дворец Екатерины II» и «Сары-хан». ТУАК приняла решение направить ходатайство на имя таврического губернатора с просьбой о сохранении этих зданий [Там же, с. 238].

В начале 1917 года член комиссии В. Д. Гейман сообщил в ТУАК о плачевном состоянии средневекового «армянского фонтана» в Феодосии и планах городской администрации осуществить демонтаж и реконструкцию сооружения. А. И. Маркевич немедленно направил в Феодосийскую городскую управу рекомендации по проведению ремонтно-реставрационных работ и поручил члену ТУАК И. В. Ларионову осуществлять архитектурный надзор [Заседание 13 марта 1917 г., 1919, с. 308]. Вероятно, реставрация фонтана не была проведена [Заседание 13 апреля 1917 г., 1919, с. 311].

Таврическая ученая архивная комиссия уделяла существенное внимание памятникам археологии Крыма. Так, в июле 1915 года А. И. Маркевич наблюдал за земляными работами при прокладке ветки железной дороги Сарабуз (совр. Гвардейское) — Евпатория. Его интерес вызвали два кургана, уничтоженные в ходе дорожного строительства, оказавшиеся безынвентарными [Заседание 27 августа 1915 г., 1916, с. 207].

В марте 1916 года в ТУАК обратился преподаватель Евпаторийской гимназии В. Ф. Штифтар с просьбой разрешить раскопки кургана в северной части Евпатории (в районе железнодорожного вокзала). Комиссия, признав целесообразность исследования памятника, разъяснила любителю древностей, что открытый лист на право проведения археологических работ на общественных землях следует получить в ИАК [Заседание 28 марта 1916 г., 1916, с. 232]. В мае 1916 года В. Ф. Штифтар доложил ТУАК о результатах своих исследований [Заседание 12 мая 1916 г., 1916, с. 240].

На заседании ТУАК 13 апреля 1917 года было зачитано сообщение Л. А. Моисеева о раскопках в Евпатории, которые были проведены на месте предполагаемого строительства нового санатория, фактически имели охранный характер [Заседание 13 апреля 1917 г., 1919, с. 310—311].

Еще одно направление деятельности ТУАК по сохранению памятников археологии было связано со случайными археологическими находками. Так, весной 1916 года ТУАК приобрела клад из 24 золотых и серебряных монет XVI—XVII веков, найденных с. Базарчик Симферопольского уез-

CC BY

да (совр. Почтовое Бахчисарайского р-на) [Заседание 28 марта 1916 года, 1916, с. 233]. В сентябре 1916 года ялтинская полиция передала ТУАК комплекс средневековых(?) вещей, найденных летом 1916 года под скалой Гелин-Кая около д. Кизилташ (совр. Краснокаменка Ялтинского городского округа) [Заседание 3 сентября 1916 года, 1919, с. 268; Заседание 13 октября 1916 года, 1919, с. 278].

Нужно отметить, что ТУАК продолжала в годы Первой мировой войны взаимодействовать с различными учреждениями в сфере сохранения археологического наследия. Например, в октябре 1916 года комиссия получила уведомление от хранителя Херсонского городского музея древностей и изящных искусств В. И. Гошкевича о грабительских раскопках скифского кургана у г. Новогеоргиевск Херсонской губернии (сейчас не существует). В. И. Гошкевич просил комиссию задержать ценные артефакты, если их предложат приобрести для музея ТУАК [Заседание 13 октября 1916 г., 1919, с. 278].

3.4. Сохранение исторических свидетельств Первой мировой войны

Несмотря на тыловое положение Симферополя, Таврическая ученая архивная комиссия стремилась выявлять и сохранять исторические свидетельства Первой мировой войны. На заседании ТУАК 24 апреля 1915 года было рассмотрено обращение Таврической ученой архивной комиссии о направлениях деятельности научных обществ по сбережению исторической памяти о военном периоде. Члены ТУАК приняли решение организовать работу по составлению списков уроженцев Таврической губернии, участвовавших в военных действиях, а также собирать артефакты военного времени [Заседание 24 апреля 1915 года, 1915, с. 252]. Стоит отметить, что внимание к материальным свидетельствам этих лет комиссия стала проявлять уже с осени 1914 года. Так, в музейную коллекцию ТУАК был включен осколок снаряда, выпущенного крейсером «Гебен» по Севастополю утром 16 октября 1914 года [Заседание 5 ноября 1914 г., 1915, с. 239; Козлов, 2009, с. 108—115]. В октябре 1916 года собрание комиссии пополнилось уникальным документом: фотокопией (негатив) уведомления командира турецкого крейсера «Гамидие» Васифа Мухиттина городским властям Феодосии о предстоящей бомбардировке 16 октября 1914 года [Заседание 13 октября 1916 г., 1919, с. 278; Козлов, 2009, с. 139—142].

3.5. Участие в международной кампании противодействия вандализму германской армии

Важно отметить, что ТУАК не оставалась в стороне от международного движения в защиту культурного наследия в условиях военных действий. На торжественном заседании ТУАК 22 сентября 1914 года клирик симфе-

CC BY

ропольского Александро-Невского собора А. П. Сердобольский произнес эмоциональную речь, посвященную фактам разрушения объектов культурного наследия в первые месяцы войны. Он высказал возмущение и осудил случаи вандализма, проявленные германскими военными: осквернение и разграбление храма в Ченстохове (Российская империя, Царство Польское), уничтожение библиотеки Лёвенского (Лувенского) католического университета (Бельгия), разрушение Реймского собора (Франция). Выступление священнослужителя вызвало большое сочувствие участников заседания [Торжественное заседание …, 1914, с. 345—346].

В мае 1915 года ТУАК получила письмо своего зарубежного члена (с 1906 года) — французского археолога Ж. де Бая, содержавшее просьбу выразить протест против актов вандализма германской армии, комиссия ответила, что публичное осуждение этим случаям уже было высказано [Заседание 27 августа 1915 г., 1916, с. 208—209].

3.6. Музей ТУАК

В годы Первой мировой войны ТУАК продолжала пополнять собрание собственного музея. Однако масштабы поступлений существенно сократились по сравнению с довоенным временем. Так, в 1912—1913 годах в коллекцию комиссии поступили 340 предметов и 523 монеты [ОТУАК-1912, 1913, с. 314; ОТУАК-1913, 1914, с. 351]. В 1914 году новые поступления составили 80 предметов и 26 монет [ОТУАК-1914, 1915, с. 266]. В 1915—1917 годах поступления существенно сократились и составили за весь период 94 предмета и 28 монет [ОТУАК-1915, 1916, с. 266; ОТУАК-1916, 1918, с. 373; ОТУАК-1917, 1918, с. 382]. При этом основные источники пополнения фондов музея существенно не изменились в сравнении с довоенным временем. Большую часть артефактов ТУАК получала как безвозмездные дарения от членов комиссии, любителей древностей и от Императорской Археологической Комиссии. Так, ценным вкладом стал дар почетного члена ТУАК, известного археолога, А. Л. Бертье-Делагарда, который в 1917 году передал комиссии 9 географических карт 1595—1786 годов, на которых фигурировал Крымский полуостров [Заседание 24 января 1917 г., 1919, с. 300—301; ОТУАК-1917, 1918, с. 382].

Ограниченные финансовые возможности не позволяли ТУАК тратить значительные средства на приобретение артефактов. Тем не менее в 1916 году комиссия совершила одну из самых дорогих покупок за всю свою историю, заплатив 120 руб. за монеты из клада, найденного в с. Базарчик [Заседание 28 марта 1916 г., 1916, с. 233].

Серьезной проблемой ТУАК был вопрос о помещении для размещения архива и музея. Комиссия располагала всего двумя комнатами и кладов-

CC BY

кой, предоставленными Симферопольским городским управлением [ОТУАК-1912, 1913, с. 314]. В предвоенные годы существовал проект строительства специального здания для губернского земского музея и выделения в нем пространства для ТУАК [Заседание 3 сентября 1914 г., 1914, с. 336]. В условиях военного времени реализация этих планов была отложена. Ситуация усугубилась в 1915 году, когда часть здания, где располагались музей и архив ТУАК, была отведена под казарму. Двор также был отдан для нужд военных, что привело к повреждениям крупногабаритных артефактов, хранившихся на этой площадке. Кроме того, в 1915—1917 годах из-за дефицита и высокой стоимости угля комиссия не имела возможности обеспечить регулярное отопление своих комнат [ОТУАК-1915, 1916, с. 249; ОТУАК-1916, 1918, с. 374]. В 1917 году эта проблема обострилась из-за плохого состояния печей и протекающей крыши, в результате чего возникли трудности в проведении фондовой работы, музей практически перестал обслуживать посетителей [ОТУАК-1917, 1918, с. 382].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, Таврическая ученая архивная комиссия в годы Первой мировой войны осуществляла активную и разноплановую деятельность по сохранению культурного наследия Крыма. Одним из приоритетных направлений деятельности ТУАК оставалось выявление и сохранение документальных материалов региональных органов власти. Попытка обеспечить сохранение частных архивов имений Таврической губернии в 1917 году не получила поддержки со стороны владельцев.

Большое внимание ТУАК уделяла организации охраны недвижимого культурного наследия (архитектурных и археологических памятников). В сфере деятельности комиссии оказались мусульманский храмовый комплекс XIV—XVIII веков в д. Колечь-Мечеть (подготовка к ремонтно-реставрационным работам при содействии Императорской Археологической Комиссии); мечети XVIII века Ешиль-Джами и Тахталы-Джами в Бахчисарае (мониторинг состояния, подготовка к реставрации при содействии Таврического губернатора); Сюреньская крепость VI—XII веков в окрестностях Бахчисарая (мониторинг состояния); архитектурные памятники Феодосии — «дворец Екатерины II» и «Сары-хан» конца XVIII века (попытка сохранения при взаимодействии с губернской и городской администрациями), средневековый «армянский фонтан» (мониторинг состояния и научные консультации при проведении ремонтно-реставрационных работ). К сожалению, проекты реставраций не были реализованы в полной мере из-за отсутствия денежных средств.

Таврическая ученая архивная комиссия уделяла существенное внимание памятникам археологии Крыма, контролируя строительные работы

CC BY

при прокладке новой железнодорожной ветки на Евпаторию. ТУАК занималась выявлением и сохранением случайных археологических находок. Ценным поступлением в коллекцию комиссии стал монетный клад XVI—XVII веков, найденный в окрестностях Симферополя.

В годы Первой мировой войны ТУАК продолжала пополнять собрание собственного музея. При этом масштабы поступлений сократились по сравнению с довоенным временем. Большую часть артефактов ТУАК получала как безвозмездные дарения от членов комиссии, любителей древностей и от Императорской Археологической Комиссии.

Финансовые трудности военного периода не позволили решить вопрос о новом помещении для архива и музея комиссии. В 1915—1917 годах комиссия была вынуждена закрыть музей для посетителей и существенно сократить объем фондовой работы.

Новыми направлениями деятельности ТУАК стали выявление и сохранение исторических свидетельств Первой мировой войны (составление списка участников боевых действий, коллекционирование свидетельств военных лет). Комиссия подключилась к международному движению защиты культурного наследия в условиях военных действий.

Деятельность ТУАК в сфере охраны культурного наследия осуществлялась силами членов комиссии при активном взаимодействии с государственными и местными органами власти, научными организациями. Активность ТУАК позволили сохранить многие значимые объекты и создать фундамент для дальнейших работ по их сбережению.

Источники и принятые сокращения

1. *Заседание* 3 сентября 1914 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1914. — № 51. — С. 333—341.

2. *Заседание* 24 апреля 1915 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1915. — № 52. — С. 249—262.

3. *Заседание* 27 августа 1915 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1916. — № 53. — С. 205—214.

4. *Заседание* 5 ноября 1914 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1915. — № 52. — С. 234—239.

5. *Заседание* 9 декабря 1915 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1916. — № 53. — С. 218—223.

6. *Заседание* 28 марта 1916 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1916. — № 53. — С. 232—235.

7. *Заседание* 12 мая 1916 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1916. — № 53. — С. 235—244.

8. *Заседание* 3 сентября 1916 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1919. — № 56. — С. 267—276.

9. *Заседание* 13 октября 1916 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1919. — № 56. — С. 276—281.

10. *Заседание* 24 января 1917 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1919. — № 56. — С. 289—302.

11. *Заседание* 23 февраля 1917 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1919. — № 56. — С. 302—306.

12. *Заседание* 13 марта 1917 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1919. — № 56. — С. 306—309.

13. *Заседание* 13 апреля 1917 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1919. — № 56. — С. 309—312.

14. *Заседание* 14 мая 1917 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1919. — № 56. — С. 312—317.

15. *Заседание* 12 июля 1917 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1919. — № 56. — С. 318—324.

16. ОТУАК-1912 — *Отчет* о деятельности Таврической ученой архивной комиссии за 1912 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1913. — № 50. — С. 309—315.

17. ОТУАК-1913 — *Отчет* о деятельности Таврической ученой архивной комиссии за 1913 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1914. — № 51. — С. 349—355.

18. ОТУАК-1914 — *Отчет* о деятельности Таврической ученой архивной комиссии за 1914 год // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1915. — № 52. — С. 263—270.

19. ОТУАК-1915 — *Отчет* о деятельности Таврической ученой архивной комиссии за 1915 год // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1916. — № 53. — С. 245—248.

20. ОТУАК-1916 — *Отчет* о деятельности Таврической ученой архивной комиссии за 1916 год // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1918. — № 55. — С. 368—376.

21. ОТУАК-1917 — *Отчет* о деятельности Таврической ученой архивной комиссии за 1917 год // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1918. — № 55. — С. 377—384.

22. *Правила* Шестнадцатого археологического съезда в Пскове в 1914 г. и протоколы заседаний предварительного комитета 2—6 января 1912 г. — Москва : Типография И. В. Воронова, 1912. — 31 с.

23. *Торжественное* заседание 22 сентября 1914 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1914. — № 51. — С. 341—346.

24. *Уварова П. С.* Былое. Давно прошедшие счастливые дни / П. С. Уварова. — Москва : Издательство им. Сабашниковых, 2005. — 296 с. — ISBN 5-8242-0090-4.

Литература

1. *Бакуменко М. Н.* Сокровища в огне войны / М. Н. Бакуменко. — Минск : Беларусь, 1990. — 232 с. — ISBN 5-338-00451-8.

2. *Белозерова И. В.* Научная деятельность В. А. Городцова в годы Первой мировой войны / И. В. Белозерова, С. В. Кузьминых // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани : сборник научных трудов. — Казань : Отечество, 2014. — Т. 5. — С. 110—114.

3. *Богуславский М. М.* Судьба культурных ценностей / М. М. Богуславский. — Москва : Юрист, 2006. — 206 с. — ISBN 5-7975-0876-1.

4. *Бойцова Е. Е.* Исламоведческие исследования в Крыму на страницах ИТУАК / Е. Е. Бойцова // Миссия конфессий. — 2015. — № 2 (6). — С. 28—37.

5. *Гаврилов А. В.* Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма (материалы к археологической карте) / А. В. Гаврилов // Сугдейский сборник. — 2008. — Выпуск 3. — С. 331—384.

6. *Еремеева А. Н.* Охрана культурного наследия на территориях, подконтрольных русской армии, как составляющая национальной и конфессиональной политики (1914—1917) / А. Н. Еремеева // Религиозная и национально-культурная политика государственной власти в Российской империи : сборник научных трудов. — Москва, Краснодар : Принт сервис групп, 2015. — С. 181—205.

7. *Кантор Ю. З.* Невидимый фронт. Музеи России в 1941—1945 гг. / Ю. З. Кантор. — Москва : Политическая энциклопедия, 2017. — 334 с. — ISBN 978-5-8243-2205-7.

8. *Козлов Д. Ю.* «Странная война» в Черном море (август-октябрь 1914 года) / Д. Ю. Козлов. — Москва : Квадрига, 2009. — 223 с. — ISBN 978-5-904162-07-8.

9. *Максакова Л. В.* Спасение культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны / Л. В. Максакова. — Москва : Наука, 1990. — 131 с. — ISBN 5-02-008520-0.

10. *Медведева М. В.* Императорская Археологическая Комиссия : реставрация и охрана памятников культуры / М. В. Медведева, А. Е. Мусин // Императорская Археологическая Комиссия (1859—1917) : К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / ред. Е. Н. Носов. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2009. — С. 938—1064. — ISBN 978-5-86007-606-8.

11. *Мельникова О. М.* Археологические исследования музея Сарапульского земства в годы Первой мировой войны : замыслы и результаты (по материалам архивов Удмуртской республики) / О. М. Мельникова // Вестник Удмуртского университета. — 2014. — Выпуск 3. — С. 53—59.

12. *Могаричев Ю. М.* Средневековый Крым (VI — середина XIII в.) : история, религия, культура / Ю. М. Могаричев. — Симферополь : Бизнес-Информ, 2014. — 240 с. — ISBN 978-966-648-371-6.

13. *Непомнящий А. А.* Крымоведческие исследования на Всероссийских археологических съездах (вторая половина XIX — начало XX в.) / А. А. Непомнящий // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — 2002. — Выпуск 9. — С. 579—590.

14. *Непомнящий А. А.* Історичне кримознавство (кінець XVIII — початок XX століття) / А. А. Непомнящий : Біобібліографічне дослідження. — Сімферополь : Бізнес-Інформ, 2003. — 456 с. — ISBN 966-648-034-4.

15. *Непомнящий А. А.* Арсений Маркевич : страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий. — Симферополь : Бизнес-Информ, 2005. — 432 с. — ISBN 966-648-104-9.

16. *Непомнящий А. А.* Подвижники крымоведения / А. А. Непомнящий. — Симферополь : СГТ, 2006. — 324 с. — ISBN 966-291313-0.

17. *Непомнящий А. А.* Восточный факультет : неизвестные страницы истории крымоведения / А. А. Непомнящий. — Саратов : Амирит, 2021. — 416 с.

18. *Османов Э. Э.* Мечеть Тахталы-Джами / Э. Э. Османов // Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. — Симферополь : ФОРМА, 2016а. — Т. 1. — С. 47—49.

19. *Османов Э. Э.* Мечеть Ешиль-Джами / Э. Э. Османов // Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. — Симферополь : ФОРМА, 2016б. — Т. 1. — С. 102—106.

20. *Писарькова Л. Ф.* Губернские ученые архивные комиссии. 1884—1923 гг. / Л. Ф. Писарькова. — Москва : Новый хронограф, 2015. — 944 с. — ISBN 978-5-94881-274-8.

21. *Репина Л. П.* История исторического знания / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. — Москва : Дрофа, 2004. — 288 с.

22. *Степанский А. Д.* Из истории архивной общественности : Первый съезд представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им учреждений (Санкт-Петербург, 6—8 мая 1914 г.) / А. Д. Степанский // Вестник архивиста. — 1998. — № 3. — С. 51—56.

23. *Филимонов С. Б.* Хранители исторической памяти Крыма : О наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887—1931 гг.) / С. Б. Филимонов. — Симферополь : ЧерноморПРЕСС, 2004. — 316 с. — ISBN 966-572-604-8.

24. *Хорхордина Т. И.* «Союз рыцарей архивного дела» / Т. И. Хорхордина // Вестник архивиста. — 1998. — № 3. — С. 56—62.

25. *Шаманаев А. В.* Проекты археологического съезда в Крыму и вопросы изучения и сохранения памятников археологии региона / А. В. Шаманаев // VII Международный Византийский семинар ΧΕΣΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ : «Империя и полис». Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический» 1—5 июня 2015 г. : материалы научной конференции. — Севастополь : [б.и.], 2015а. — С. 76—77.

26. *Шаманаев А. В.* «Известия Таврической ученой архивной комиссии» как источник по истории Всероссийских археологических съездов / А. В. Шаманаев // Документ. Архив. История. Современность. — 2015б. — Выпуск 15. — С. 208—216.

27. *Manhart C.* The Afghan cultural heritage crisis : UNESCO's response to the destruction of statues in Afghanistan / C. Manhart // American journal of archeology. — 2001. — Vol. 105 (3). — Pp. 387—388.

28. *Stone P.* Human rights and cultural property protection in times of conflict / P. Stone // International Journal of Heritage Studies. — 2012. — № 18 (3). — Pp. 271—284.

29. *Wenzel M.* Bosnia and Herzegovina : danger, through social readjustment to cultural property which had survived war / M. Wenzel // Museum management and curatorship. — 2001. — Vol. 19 (3). — Pp. 316—331.

Material resources

Meeting on September 3, 1914. (1914). *News of the Tauride Scientific Archival Commission, 51:* 333—341. (In Russ.).

Meeting on November 5, 1914. (1915). *News of the Tauride Scientific Archival Commission, 52:* 234—239. (In Russ.).

Meeting on April 24, 1915. (1915). *News of the Tauride Scientific Archival Commission, 52:* 249—262. (In Russ.).

Meeting on August 27, 1915. (1916). *News of the Tauride Scientific Archival Commission, 53:* 205—214. (In Russ.).

Meeting on December 9, 1915. (1916). *News of the Tauride Scientific Archival Commission, 53:* 218—223. (In Russ.).

Meeting on March 28, 1916. (1916). *News of the Tauride Scientific Archival Commission, 53:* 232—235. (In Russ.).

Meeting on May 12, 1916. (1916). *News of the Tauride Scientific Archival Commission, 53:* 235—244. (In Russ.).

Meeting on September 3, 1916. (1919). *News of the Tauride Scientific Archival Commission, 56:* 267—276. (In Russ.).
Meeting on October 13, 1916. (1919). *News of the Tauride Scientific Archival Commission, 56:* 276—281. (In Russ.).
Meeting on January 24, 1917. (1919). *News of the Tauride Scientific Archival Commission, 56:* 289—302. (In Russ.).
Meeting on February 23, 1917. (1919). *News of the Tauride Scientific Archival Commission, 56:* 302—306. (In Russ.).
Meeting on March 13, 1917. (1919). *News of the Tauride Scientific Archival Commission, 56:* 306—309. (In Russ.).
Meeting on April 13, 1917. (1919). *News of the Tauride Scientific Archival Commission, 56:* 309—312. (In Russ.).
Meeting on May 14, 1917. (1919). *News of the Tauride Scientific Archival Commission, 56:* 312—317. (In Russ.).
Meeting on July 12, 1917. (1919). *News of the Tauride Scientific Archival Commission, 56:* 318—324. (In Russ.).
Report on the activities of the Tauride Scientific Archival Commission for 1912. (1913). *News of the Tauride Scientific Archival Commission, 50:* 309—315. (In Russ.).
Report on the activities of the Tauride Scientific Archival Commission for 1913. (1914). *News of the Tauride Scientific Archival Commission, 51:* 349—355. (In Russ.).
Report on the activities of the Tauride Scientific Archival Commission for 1914. (1915). *News of the Tauride Scientific Archival Commission, 52:* 263—270. (In Russ.).
Report on the activities of the Tauride Scientific Archival Commission for 1915. (1916). *News of the Tauride Scientific Archival Commission, 53:* 245—248. (In Russ.).
Report on the activities of the Tauride Scientific Archival Commission for 1916. (1918). *News of the Tauride Scientific Archival Commission, 55*: 368—376. (In Russ.).
Report on the activities of the Tauride Scientific Archival Commission for 1917. (1918). *News of the Tauride Scientific Archival Commission, 55:* 377—384. (In Russ.).
Rules of the Sixteenth Archaeological Congress in Pskov in 1914 and minutes of the meetings of the Preliminary Committee on January 2—6, 1912. (1912). Moscow: I. V. Voronov Printing House. 31 p. (In Russ.).
Solemn meeting on September 22, 1914. (1914). *News of the Tauride Scientific Archival Commission, 51:* 341—346. (In Russ.).
Uvarova, P. S. (2005). *Former. Happy days long gone.* Moscow: Publishing House. Sabashnikov. 296 p. ISBN 5-8242-0090-4. (In Russ.).

References

Bakumenko, M. N. (1990). *Treasures in the fire of war.* Minsk: Belarus. 232 p. ISBN 5-338-00451-8. (In Russ.).
Belozerova, I. V., Kuzminykh, S. V. (2014). Scientific activity of V. A. Gorodtsov during the First World War. In: *Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan: collection of scientific papers, 5.* Kazan: Fatherland. 110—114. (In Russ.).
Boguslavsky, M. M. (2006). *The fate of cultural values.* Moscow: Lawyer. 206 p. ISBN 5-7975-0876-1. (In Russ.).
Boitsova, E. E. (2015). Islamic studies in the Crimea on the pages of ITUAK. *The mission of the confessions, 2 (6):* 28—37. (In Russ.).

Eremeeva, A. N. (2015). Protection of cultural heritage in the territories controlled by the Russian army as a component of national and confessional policy (1914—1917). In: *Religious and national-cultural policy of state power in the Russian Empire: a collection of scientific papers.* Moscow, Krasnodar: Print Service Group. 181—205. (In Russ.).

Filimonov, S. B. (2004). *Keepers of the historical memory of the Crimea: On the legacy of the Tauride Scientific Archival Commission and the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography (1887—1931).* Simferopol: Chernomorpress. 316 p. ISBN 966-572-604-8. (In Russ.).

Gavrilov, A. V. (2008). Medieval monuments of the Southeastern Crimea (materials for the archaeological map). *Sugdeysky collection, 3:* 331—384. (In Russ.).

Kantor, Y. Z. (2017). *Invisible Front. Museums of Russia in 1941—1945.* Moscow: Political Encyclopedia. 334 p. ISBN 978-5-8243-2205-7. (In Russ.).

Khorkhordina, T. I. "Union of Knights of archival affairs". *Archivist's Bulletin, 3:* 56—62. (In Russ.).

Kozlov, D. Yu. (2009). *"Strange war" in the Black Sea (August-October 1914).* Moscow: Quadriga. 223 p. ISBN 978-5-904162-07-8. (In Russ.).

Maksakova, L. V. (1990). *Saving cultural values during the Great Patriotic War.* Moscow: Nauka. 131 p. ISBN 5-02-008520-0. (In Russ.).

Manhart, C. (2001). The Afghan cultural heritage crisis: UNESCO's response to the destruction of statues in Afghanistan. *American journal of archeology, 105 (3):* 387—388.

Medvedeva, M. V., Musin, A. E. (2009). Imperial Archaeological Commission: restoration and protection of cultural monuments. Imperial Archaeological Commission (1859—1917): To the 150th anniversary of its foundation. In: *At the origins of Russian archeology and protection of cultural heritage.* Saint Petersburg: Dmitry Bulanin. 938—1064. ISBN 978-5-86007-606-8. (In Russ.).

Melnikova, O. M. (2014). Archaeological research of the Sarapulsky Zemstvo Museum during the First World War: plans and results (based on the materials of the archives of the Udmurt Republic). *Bulletin of the Udmurt University, 3:* 53—59. (In Russ.).

Mogarichev, Yu. M. (2014). *Medieval Crimea (VI — middle of the XIII century.): history, religion, culture.* Simferopol: Business Inform. 240 p. ISBN 978-966-648-371-6. (In Russ.).

Nepomnyashchy, A. A. (2002). Crimean studies at All—Russian archaeological congresses (the second half of the XIX — beginning of the XX century). *Materials on archeology, history and ethnography of Tavria, 9:* 579—590. (In Russ.).

Nepomnyashchy, A. A. (2003). *Historical criminalistics (kinets XVIII-cob XX table).* Simferopol: Biznes-Inform. 456 p. ISBN 966-648-034-4. (In Ukr.).

Nepomnyashchy, A. A. (2005). *Arseniy Markevich: wanderers of the history of Crimean local lore.* Simferopol: Business Inform. 432 p. ISBN 966-648-104-9. (In Russ.).

Nepomnyashchy, A. A. (2006). *Ascetics of Crimean Studies.* Simferopol: SGT. 324 p. ISBN 966-291313-0. (In Russ.).

Nepomnyashchy, A. A. (2021). *Oriental Faculty: unknown pages of the history of Crimean studies.* Saratov: Amirit. 416 p. (In Russ.).

Osmanov, E. E. (2016a). Takhtaly-Jami Mosque. In: *Set of monuments of history, architecture and culture of the Crimean Tatars, 1.* Simferopol: FORMA. 47—49. (In Russ.).

Osmanov, E. E. (2016b). *Mosque of Yeshil-Jami. Set of monuments of history, architecture and culture of the Crimean Tatars, 1.* Simferopol: FORM. 102—106. (In Russ.).

CC BY

Pisarkova, L. F. (2015). *Provincial scientists archival commissions. 1884—1923.* Moscow: Novy Chronograph. 944 p. ISBN 978-5-94881-274-8. (In Russ.).

Repina, L. P., Zvereva, V. V., Paramonov, M. Y. (2004). *History of historical knowledge.* Moscow: Bustard. 288 p. (In Russ.).

Shamanaev, A. V. (2015a). Projects of the Archaeological Congress in the Crimea and issues of studying and preserving archaeological monuments of the region. In: *VII International Byzantine Seminar ΧΕΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: "Empire and Polis". Sevastopol, National Reserve "Tauric Chersonese" June 1—5, 2015: materials of the scientific conference.* Sevastopol: [b. i.]. 76—77. (In Russ.).

Shamanaev, A. V. (2015b). "News of the Tauride Scientific Archival Commission" as a source on the history of All-Russian archaeological Congresses. *Document. Archive. History. Modernity, 15:* 208—216. (In Russ.).

Stepansky, A. D. (1998). From the history of the archival community: The first congress of representatives of provincial scientists of archival commissions and their corresponding institutions (St. Petersburg, May 6—8, 1914). *Bulletin of the Archivist, 3:* 51—56. (In Russ.).

Stone, P. (2012). Human rights and cultural property protection in times of conflict. *International Journal of Heritage Studies, 18 (3):* 271—284.

Wenzel, M. (2001). Bosnia and Herzegovina: danger, through social readjustment to cultural property which had survived war. *Museum management and curatorship, 19 (3):* 316—331.

Статья поступила в редакцию 20.12.2021,
одобрена после рецензирования 21.02.2022,
подготовлена к публикации 25.03.2022.

CC BY

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Издается с 2012 года
Язык публикации — русский
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
Индексируется в WoS (Emerging Sources Citation Index)
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
Идентификационный номер журнала в ERIH – 485900.
Включен в Global Serials Directory Ulrichs Web
Размещается на платформах EBSCO, НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
Сайт: http://www.nauka-dialog.ru/

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК	**Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК**
10.01.00 Литературоведение	10.01.01 Русская литература
	10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)
	10.01.08 Теория литературы. Текстология
	10.01.09 Фольклористика
	10.01.10 Журналистика
10.02.00 Языкознание	10.02.01 Русский язык
	10.02.03 Славянские языки
	10.02.04 Германские языки
	10.02.19 Теория языка
	10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание
07.00.00 Исторические науки и археология	07.00.02 Отечественная история
	07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)
	07.00.07 Этнография, этнология и антропология
	07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования
	07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;

2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;

3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;

4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Язык публикации — русский.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 3—10 месяцев со дня поступления статьи.

CC BY

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).
Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.
Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.
Количество авторов не более трех.
Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.
Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегль — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество
orcid.org/0000-0000-0000-0000
ученая степень, ученое звание
кафедра
mmm@mail.ru

Организация
(Город, Страна)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке Фонда,
проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

CC BY

3.2. Тематическое название раздела
Текст
3.3. Тематическое название раздела
Текст

4. Заключение = Conclusions
Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения
(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).
ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:
1. АА — *Архив* авторов.
ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:
1. *Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.
ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:
2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // Правда : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.
ОПИСАНИЕ АРХИВА:
3. ГАСО — *Государственный* архив Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.
ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:
4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // Колымская правда : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.
ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:
5. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 16.01.2022).
ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:
6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013.
ОПИСАНИЕ АРХИВА:
7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.
Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.
Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.
ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:
8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.
ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:
9. BNC — *British* National Corpus [Electronic resource]. — Access mode : http://www.natcorp.ox.ac.uk/ (accessed 16.01.2022).

Литература
(Научные исследования:
не менее 15 позиций в алфавитном порядке;
если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;
автор может сослаться не более чем на две своих работы;

следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;
рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
https://www.sciencedirect.com/
https://erih.dimensions.ai/discover/publication
https://doaj.org/
https://mjl.clarivate.com/home
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация … кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts /G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.
АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.
СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или

диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора …, 1994], [Методика расчета …, 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала http://www.nauka-dialog.ru/. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

CONTENTS

Linguistics

Akkuratova, I. B., Doynikova, M. I. Formation of Neologisms with English Component 'Lockdown' in Modern German 9

An Lihong. Complex and Simple Sentences: Issues Translation Correspondence in Russian and Chinese 28

Voskresenskaya, N. A., Gulik, O. O., Malysheva, T. S. Semantic Typology Pandemic Vocabulary: Covid Neologisms in English, French and German 44

Latu, M. N., Levit, A. A., Gavrilova, M. B. Static Polycode Text Modeling Using Network Analysis (Demotivator Dedicated to Problems of Self-Isolation) 62

Li Xiaoge. First Morpheme in Compound Words in Modern Chinese (Words from Coronavirus Era) 78

Mironova, A. A., Chunosova, I. A. Lexical Originality of Regional Orthodox Parish Chronicles 96

Mokienko, V. M. Paremiology Peter's Era as Historical Source 114

Ruchina, L. I. Experience Experimental Research Socially Significant Concepts in Modern Russian Language Consciousness (Concept DEMOCRACY) 135

Titarenko, E. Ya., Balatskaya, Yu. Yu. Aspectuality and Variability of Verbal Phraseological Units in Russian Language and Speech 152

Media communications and journalism

Abu Elela, M. A. M. Pragmatic Potential of Designations of Ancient Egyptian Realities in Modern Russian Media 172

Vinogradov, S. N., Shavlyuk, V. B. Text-Speech Modeling of Addressee of Advertising Training Courses 194

Gladko, M. A. Metaphor as Tool for Implementation of Recreational Function in Information Television Discourse 211

Dubovitskaya M. A. American Graphic Novel: Multimodality and Identity 228

Radiontseva, E. S. Emotional and Aesthetic Values as Basis for Popularity of TV Programs: Contrastive-Comparative Experience 247

Literary studies. Folklore

Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. Lermontov's Sketch "Russia Has no Past..." in Context of "Eastern Question": to Problem of Poet's Artistic Historiosophy 265

Meshchansky, A. Yu., Savelova, L. A. Great Patriotic War in Modern Dramatic Discourse .. 284

Podoksenov, A. M., Telkova, V. A. Prishvin and Bukharin: Drama of Soviet Leader as Seen by Writer 301

Seibel, N. E., Shastina, E. M. Dichotomy of "Friend" and "Foe" in Structure of Eastern Notes of F. Salten, F. Werfel, E. Canetti 319

History

Alevras, N. N., Grishina, N. V. Doctoral Dissertation in Soviet Dissertation System: Experience of Defenses in 1930s — Early 1940s 337

Bakanov, S. A., Medvedev, I. A., Pivovarov, N. Yu. Forms and Practices of Interbudgetary Relations in USSR in 1950s — First Half of 1960s. 355

Ivanov, A. A. Right-Wing Political Movements in Russia at Beginning of 20th Century: Relation to Armed Forces 376

Ishin, A. V. Insurrectionary Movement of "White-Greens" in Crimea in First Half of 1920s: National, Ideological, Structural Features 395

Klinov, A. S. Tibet in World War II 415

Lakhtionova, E. S. Activities of Public and Political Actors to Preserve Monuments of Industrial Heritage of Sverdlovsk Region in 1960—1980s 439

Markov, R. S. National Elections of Governors in Context of Transformation of Federal Relations in Post-Soviet Russia (Early 1990s — Mid-2000s). 456

Pashkin, A. G., Mukhamedov, R. A. Participation of NKVD and Prosecutor's Office in Ensuring Construction of Kuibyshev Defensive Line (November 1941 — January 1942 477

Shamanaev, A. V. Preservation of Cultural Heritage of Crimea in Conditions of First World War: Activities of Taurida Scientific Archival Commission 494

TO AUTHORS 514

ПОДПИСКА
на журнал «Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Компьютерная верстка и дизайн:
Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 25.04.2022. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 30,44. Тираж 500 экз. Заказ 25/04-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2022

Свободная цена